

ПАНТЕОНЪ.

II

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

I. ЛЮБОВЬ ВЪ ГОРОДСКОЙ КАРЕТЪ. Петербургская легенда. <i>В. Р. Зотова.</i>	1—42
II. ДОВОМВОЙ. Народный очеркъ. <i>Н. Грекова.</i> БАХУСЪ. Списокъ съ картины Рубенса. <i>В. Бенедиктова.</i> ВСТРЪЧА. <i>Н. Кролл.</i> МОЯ ПОРА МЕЧТЫ СЪ ГОДАМИ МИНОВАЛАСЬ. <i>Фрейрейса.</i> ГРАФУ Ѡ. П. ТОЛСТОМУ. <i>А. Мел.</i> СОНЪ. <i>Н. Хвощинской.</i> РУСАЛКА. Баллада. <i>В. Зотова.</i>	43—56
III. ЖИТЕЙСКІЯ ТРЕВОЛНЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО КОМЕДІАНТА. <i>Соч. Ал. Дюма.</i>	57—88
IV. СУДЬБЫ ГРЕЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ПОСЛЪ ПАДЕНІЯ ВІЗАНТІИ. <i>Соч. Вильменя.</i>	1—52
V. КОНДИТОРЫ. (Столичный типъ.) <i>В. В. Толбина.</i>	1—26
VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ СРЕДНЕ-ВЪКОВАГО ТЕАТРА. Состояніе театра во II, III и IV вѣкахъ. <i>М. Е. Кублицкаго.</i>	27—34
VII. ТРОЙКА. Зимняя картина. <i>Грицки Григоренко.</i>	35—44
VIII. СИЛИСТРІЯ, БОМАРЗУНДЪ И СЕВАСТОПОЛЬ. Современное искусство атаки и обороны укрѣпленныхъ мѣстъ	45—72
IX. МОЛДАВІЯ И ВАЛАХІЯ. Въ современности. (<i>Изъ записокъ Офицера.</i>) IV. Еще сандрофія. — Встрѣча знакомыхъ. — Женщины и ихъ характеръ. — Любовь въ Бузео и почему. — Валахская серенада. — Мужья не боятся измѣнъ. — Казино; — его назначеніе. — Общеупотребительныя игры. — Танцы — жокъ. — Жизнь домашняя и публичная. V. Взглядъ на политическія событія 1853 года, совершившіяся во время пребыванія русскихъ войскъ въ Дунайскихъ Княжествахъ. — Характеръ событій. — Важность наступившей эпохи. — Волонтеры. — Еще событія. — Поѣздка въ горный монастырь Чоланъ. (<i>Статья вторая</i>). <i>П. Жадовскаго.</i>	73—94

Х. С О В Р Е М Е Н Н О Е.

I. ЛИТЕРАТУРА: Гете и Теккерей. — Лунддоръ, былъ <i>Ф. Гофмана.</i> II. ИСКУССТВА: Бетговенъ и исторія одной изъ его сонатъ. — Россини и дуэтъ двухъ слѣпцовъ. III. НАУКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: Странныя сужденія одного врача о послѣдствіяхъ прививанія оспы. — Потребители гашиша. — Замѣчанія о температурѣ тропическихъ странъ. IV. ПУТЕШЕСТВІЯ И ОЧЕРКИ ПРАВОВЪ: Приключенія музыканта-миссіонера у антиподовъ. V. АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ: Сила воображенія. — Публичная продажа человѣческой головы. — Женщина-Матрость. — Литературные вечера въ Англіи. — Рукопись Леонарда да Винчи. — Проектъ небывалаго закона. — Женщины-лекари. — Величайшая бібліотека для чтенія. VI. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ: Актриса большой сцены (<i>съ англійскаго</i>). — Ваканція (очеркъ парижскихъ бюрократическихъ нравовъ)	1—70
---	------

XI. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Русская литература въ 1855 году. Последніе семь лѣтъ русской литературы. — Значеніе прошлаго года въ исторіи литературы. — Новое изданіе сочиненій Пушкина. — Критическія статьи въ журналахъ по поводу этого изданія. — Второй томъ *Мертвыхъ Душъ* и второе изданіе сочиненій Гоголя. — Критики и поклонники Гоголя. — *Авторская*

Исповѣдь и письма Гоголя. — Изданія Смирдина. — Русская поэзія въ послѣднее время. *Стихотворенія Полонскаго*. — Новый поэтъ и пародіи. — Некрасовъ, Тургеневъ, Щербина, Фетъ, Огаревъ и Аксаковъ. Стихи гг. Хомякова, Мей, Тютчева, Бенедиктова, Григорьева, Мина. — Отдѣльные сочиненія въ стихахъ. — Дѣятельность русскихъ журналовъ. — Отечественныя Записки. — Повѣсти гг. Писемскаго, Григоровича, Потѣхина, Данковскаго, Крестовскаго, Тургенева, Авдѣева и Ольги. Н. — *Вокругъ да около*, г-жи Марченко. — Серьезныя статьи Отечественныхъ Записокъ. — Современникъ и его годичная дѣятельность. — Библиотека для чтенія и географія. — Москвитянинъ и альманачная литература. — Столѣтній юбилей русской журналистики. — Специальные журналы. — Отдѣльно вышедшія бѣлетрическія сочиненія. — Столѣтіе Московскаго университета. — Ученыя сочиненія, вышедшія въ прошломъ году. — Русская Библиографія. — Эстетическая теорія г. Чернышевскаго, изложенная въ его сочиненіи: *Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности*. . . . . 1—28

Общественная жизнь. Патриотическій праздникъ въ честь защитниковъ Севастополя. — Встрѣча Черноморцевъ въ Москвѣ. — Краснорѣчивый привѣтъ г. Кокорева. — Распоряженіе начальства и купеческаго общества. — Народная встрѣча. — Тостъ Московскихъ дамъ. Обѣдъ, данный Московскимъ генералъ-губернаторомъ. — Рѣчь профессора Шевырева. — Благородные спектакли въ пользу нижнихъ чиновъ Черноморскаго флота. — Обѣдъ, данный Московскимъ дворянствомъ и Московскимъ купеческимъ Собраніями. — Рѣчи профессора Шевырева и г. Кокорева. — Петербургская масляница и нововведеніе въ балаганныхъ увеселеніяхъ. — Русскія пирожные заведенія и г. Космополитскій, человекъ необходимый въ Петербургѣ. — Троицкія состязанія на Невѣ и неразрительныя пари ро и сонга. — Театральныя новости. — Дебюты г-жи Надежды Богдановой въ Жизели и успѣхъ молодой артистки. — Краткая ея біографія. — Первое торжество ея въ Севастополѣ. — Дебюты въ Парижѣ и фельетоны Жюля Жанена и другихъ. — Пребываніе г-жи Богдановой въ Вѣнѣ и Берлинѣ и отзывы о ней тамошнихъ театралныхъ критиковъ. — Новая Комедія графа Сологуба «Чиновникъ». — Новая картина г. Академика Моллера. — Литографированныя изданія гг. Петерсена и художника Лаврова. — Публичныя лекціи профессора Куторги и Сюзора . . . . . 29—50

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ № 2.

ОБРАЗЕЦЪ ТАРТЮФА. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. *Карла Гуцкова*, переводъ В. С. Пенькова . . . . . 1—70

ПРИЛОЖЕНІЯ: ОТСУТСТВУЮТ

1. **НОВАЯ ЦЕРКОВЬ СВ. ЕЛИСАВЕТЫ**, въ Висбаденѣ, надъ могилою Е. И. В. Елисаветы Михаиловны.
2. **ПОРТРЕТЪ И. К. Айвазовскаго**.
3. **ВОЕННЫЙ МАРШЪ**, посвященный Его Императорскому Величеству, — *Федора Лешетицкаго*.
4. **РУССКАЯ ПѢСНЯ**. Слова И. Генслера. Музыка А. Е. Варламова (последнее его сочиненіе, найденное, по смерти, въ его бумагахъ).

II-9
12-98.

ОП

ПАНТЕОНЪ.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

8027. 7080

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. Кони.

ТОМЪ XXV.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

1856.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская театральная
Библиотека
И. В. ЛУНАЧЕНКО
ТЕАТРЪ ДРАМЫ

ПЕЧАТЪ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 12 Апрѣля 1856 года.

Ценсоръ И. Гончаровъ.

ТОМЪ XXI.

КНИЖКА ПЕРВАЯ

1856.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.

САНКТИПЕТЕРБУРГЪ

ЛЮБОВЬ ВЪ ГОРОДСКОЙ КАРЕТѢ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛЕГЕНДА.

I.

Было довольно свѣжо, когда Семень Петровичъ сѣлъ въ городскую карету, тронувшуюся легкой рысцою отъ Знаменскаго моста. Застегнувъ на всѣ пуговицы довольно потертое пальто изъ синей взъерошенной матеріи, засунувъ руки въ карманы и поднявъ даже воротникъ у пальто, Семень Петровичъ вздернулъ плечи и откинулъ голову назадъ для того, чтобы воротникъ прикрывалъ хоть половину ушей. Нельзя сказать, чтобы поза эта была красива, но въ первыхъ числахъ апрѣля, въ девятомъ часу утра, въ то время, какъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ гналъ чуть не сплошной ледъ по только-что разошедшейся Невѣ, понятно было думать больше о теплотѣ, чѣмъ о граціозности, особенно сидя въ городской каретѣ. Знакомыхъ у Семена Петровича въ каретѣ не оказалось, а извѣстно, что съ незнакомыми русскій человѣкъ не любитъ жениться.

Молодой человѣкъ, — вы конечно убѣждены въ томъ,

что Семень Петровичъ былъ молодъ, потому-что какой разскащикъ въ началѣ своего повѣствованія выведетъ на сцену старика, — молодой человекъ даже не обратилъ вниманія на своихъ сосѣдей, садясь въ карету. Занятый приведеніемъ въ порядокъ своего костюма и выборомъ по возможности самой комфортабельной позы, онъ долго еще усаживался и ворочался на своемъ мѣстѣ, пока мѣсть не извлекъ всевозможныхъ удобствъ изъ своего положенія. Но устроившись, повидимому, окончательно, онъ вдругъ почувствовалъ, что если уши спрятать въ воротникъ, а руки въ карманы, то можно доставить въ тоже время большую степень тепла и лбу, надвинувъ на брови фуражку. По этому Семень Петровичъ взялся за козырекъ, но вдругъ остановился и, вмѣсто того, чтобы нахлобучить фуражку на глаза, довольно кокетливо накренилъ ее на правую сторону, причемъ не забылъ подправить и лѣвый високъ. Въ тоже время и поза его сдѣлалась уже не такъ удобною, но болѣе граціозною; даже на лицѣ показалось выраженіе, какъ будто говорившее: «это я только такъ, шутя, медвѣдемъ усѣлся, а въ самомъ-то дѣлѣ мнѣ морозъ ни почемъ!»

Противъ такого молодечества сильно протестовали лобъ и носъ Семена Петровича, замѣтно покраснѣвшіе. Протестъ ихъ не имѣлъ однакоже времени выразиться ощутительнѣе, потому-что черезъ нѣсколько секундъ молодой человекъ нахмурился больше прежняго, принялъ еще болѣе медвѣжеватое положеніе, надвинулъ фуражку на глаза ниже, чѣмъ предполагалъ сначала и, откинувшись къ спинкѣ кареты, протянулъ ноги самымъ нецеремоннымъ образомъ, пробермотавъ для самого себя.

— Чему это смѣяться вздумала?... Дура какая-нибудь!

Слова эти, пропѣяныя сквозь зубы, тономъ оскорбленнаго самолюбія, могли относиться только къ одной особѣ женскаго пола, сидѣвшей наискось отъ Семена Петровича. Это была худенькая маленькая дѣвушка, впрочемъ не первой молодости, въ скромномъ сѣромъ драдедамовомъ бурнусѣ, въ простой шляпкѣ изъ сѣрой соломы съ черной кисейной вуалеткою. Но подъ этой старенькой шляпкой было такое свѣжее, полное личико, изъ-подъ этой, мѣстами заштопанной, вуалетки блестѣли такіе живые глазки, что

восклицаніе молодого человѣка показалось бы всякому ужь черезъ-чуръ неучтивымъ. Правда, глаза эти щурились довольно лукаво, лице это было оживлено самой веселой улыбкой, которую дѣвушка напрасно старалась скрыть, то отворачиваясь въ сторону, то закрывая платкомъ маленькій ротъ и довольно толстыя губки, — но этотъ невольный, добродушный смѣхъ возбужденный, безъ всякаго сомнѣнія, комическимъ выраженіемъ лица и неуклюжей позой сосѣда, думавшаго только о теплѣ, ни въ какомъ случаѣ не должны были возбуждать его негодованія, выразившагося фразою дурнаго тона.

Семень Петровичъ продолжалъ однакоже дуться и не поднималъ глазъ на свою визави. Потомъ онъ подумалъ, что казаться обиженнымъ значило бы придавать слишкомъ много значенія поступку необразованной дѣвушки, — онъ уже заключилъ, что она должна быть непременно глупа и необразована, — и потому рѣшился доказать, что не обращаетъ вниманія на неприличный смѣхъ какой-то горничной — онъ ужь нашелъ, что сосѣдка должна быть непременно горничная. Вслѣдствіе этихъ размышленій, онъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе на другихъ сосѣдей и даже, если можно, быть съ ними особенно любезнымъ.

Съ этой цѣлью онъ окинулъ взглядомъ всѣхъ пассажировъ. Ихъ было всего четверо, кромѣ его и дѣвушки; въ самомъ углу, у козелъ, дремали другъ противъ друга двое подмастерьевъ; подлѣ сидѣлъ худощавый купчикъ, съ рѣдкой бородкою, въ синей сибиркѣ, вытягивавшій впередъ шею безъ всякой побудительной причины; наконецъ прямо противъ Семена Петровича сидѣло существо, которое трудно было назвать особой женскаго пола и даже просто особой, до того оно было некрасиво, непріятно неопрятно, одутловато, обрюзгло, «обло, озорно» и только что не «лаяй.» Впрочемъ, такъ какъ антропология признаетъ средняго состоянія между мущиной и женощиной, то, не смотря на довольно длинныя, хотя и рѣдкіе бѣловато-щетинистые волосы на губѣхъ и подбородкѣ этого субъекта, по всѣмъ остальнымъ признакамъ, и въ особенности по платью, его слѣдовало принять за женщину. Очевидно, что къ такому существу было не только стра-

шно, но и неприлично обратиться; разговаривать съ подмастерьями было далеко и неудобно. Оставался одинъ купчикъ, и къ нему-то обратился молодой человѣкъ съ самой салонной улыбкой и самой остроумной фразой, блестящей новизною и находчивостью:

— Какъ сегодня продуваетъ!

Если бы эти слова услышалъ иностранецъ, не понимающій по-русски, онъ подумалъ бы, что Семень Петровичъ сказалъ сосѣду самую ужасную новость, такъ испугался купчикъ, подскочившій на своемъ мѣстѣ съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ будто нечаянно сѣлъ на ежа. Молодой человѣкъ и самъ не совсѣмъ спокойно рѣшившійся на большой подвигъ—заговорить съ незнакомымъ, считъ нужнымъ однакоже продолжать бесѣду.

— Вѣтеръ кажется прямо съ сѣвера? продолжалъ онъ, обращаясь съ сосѣду.

Въ отвѣтъ на это сосѣдъ отодвинулся сколько могъ отъ Семена Петровича, схватился за карманы и посмотрѣлъ на него такъ, что тотъ не могъ не улыбнуться, но, подождавъ съ минуту, продолжалъ.

— Видно, ладожскій ледъ идетъ!

Третья фраза привела въ рѣшительное смущеніе, не только купчика, но и всѣхъ пассажировъ: подмастерья, съ просонья поднявъ голову, смотрѣли на виновника неожиданной тревоги такъ, какъ будто говорили: скажи еще слово и мы тотчасъ же въ окно выпрыгнемъ, даже не открывая его. Quasi—женщина въ засаленномъ платкѣ на головѣ, подобрала подъ себя свой оборванный салопишко и подогнула ноги, держась какъ можно дальше отъ безпокойнаго сосѣда, какъ отъ зачумленнаго. Купчикъ, на котораго лично было сдѣлано такое вѣроломное нападеніе, вытиралъ клѣтчатымъ платкомъ, добытымъ изъ картуза, крупныя капли холоднаго пота. Одна дѣвушка продолжала по прежнему спокойно улыбаться.

Молодому человѣку стало даже досадно, что на всѣ его любезности сосѣдъ отвѣчаетъ такимъ неучтивымъ молчаніемъ. Поэтому, онъ сказалъ, возвышая голосъ, нѣсколько рѣзкимъ тономъ, смотря прямо въ глаза сосѣду:

— Вы не знаете: идетъ ледъ по Невѣ? Есть перевозъ?

Купчикъ заметался во всѣ стороны съ такимъ запуган-

нымъ видомъ, что даже раземѣшилъ сосѣда, но все-таки не могъ выговорить ни слова.

— Я васъ спрашиваю, сказалъ сильно и настойчиво Семень Петровичъ, ткнувъ слегка пальцомъ въ сибирку сосѣда.

— Ча... чаво-сь? пробормоталъ наконецъ купчикъ.

Сосѣдъ повторилъ вопросъ о перевозѣ такимъ тономъ, какъ будто спрашивалъ признанія въ какомъ-нибудь преступленіи.

— Эвто, то есть какъ-сь?... Вы, примѣрно, насчотъ лѣду, то есть, сумлеаетесь... Оно, конечно ледъ, тово-сь... Примѣрно, какъ слѣдуетъ быть... А тамъ, какъ вамъ самимъ будетъ сподручѣе-сь...

Больше ничего не могъ выговорить окончательно растерявшійся купчикъ. Напрасно сосѣдъ старался навести его хоть на одну толковую фразу: онъ съ трудомъ произносилъ безсвязныя выраженія и видя, что молодой человѣкъ не отстаеетъ отъ него съ распросами, рѣшился на отчаянное средство, закричалъ изо всей силы кондуктору: остановись, почтенный! и опрометью бросился вонъ изъ кареты, едва удерживая равновѣсіе при толчкахъ нересорнаго экипажа, и бормоча:

— Извините-сь, мнѣ тутъ, ко Владимірской нуждица есть.

Выходя изъ кареты, онъ потерялся совершенно, потому-что нечаянно уперся въ колѣнки старухи, чтобы, не упасть, и та проводила его такимъ энергическимъ напутствіемъ, что купчикъ мимо подножки, отчаяннымъ скачкомъ махнулъ на мостовую, рискуя сломать себѣ шею...

Тутъ Семень Петровичъ не могъ удержаться и разсмѣялся довольно громко, но тотчасъ же замолчалъ, замѣтивъ, что его смѣху вторить звонкій, довольно пискливый хохотъ дѣвушки.

Семень Петровичъ все еще считалъ себя обиженнымъ и хотѣлъ сдѣлать серьезную мину. Это, однакоже, не удалось ему. Веселость дѣвушки, не хотѣвшей или не умѣвшей болѣе удерживаться, была заразительна, и онъ, почти противъ воли, улыбнулся, смотря на нее.

Она немножко сконфузилась, запахнула еще плотнѣе свой бурнусъ, но не переставала улыбаться.

— Смѣшной человѣкъ! сказалъ Семень Петровичъ.

— Очень смѣшной, отвѣчала дѣвушка.

— Со всѣхъ ногъ бросился изъ кареты, точно я собирался съѣсть его, продолжалъ соеѣдка.

Соеѣдка отвѣчала улыбкой, еще веселѣе. Это еще болѣе расположило его вести разговоръ, который начался какъ-то нечаянно, самъ собою.

— Право можно было подумать, что я допрашиваю, много ли у него денегъ или сколько онъ наплутовалъ въ эту недѣлю.

— Что-же вамъ за охота была приставать къ нему? спросила соеѣдка.

— Просто такъ, вздумалось хоть съ кѣмъ-нибудь поговорить. Странно, право, сидѣть другъ подлѣ друга и всю дорогу не сказать ни слова... Это у насъ только такой народъ пугливый, что съ постороннимъ слово промолвить боится. А вотъ за границей, такъ въ дилижансахъ все другъ съ другомъ всегда разговариваютъ. Такой ужъ обычай. А у насъ всего пугаются, все неприлично, когда этимъ-то образованность и доказывается.

При этой выходкѣ, дѣвушка нашла нужнымъ замѣтить, съ легкимъ смущеніемъ, необходимымъ въ подобныхъ случаяхъ:

— Все же нейдетъ какъ-то съ незнакомымъ разговаривать.

— Да отчего-же нейдетъ? помилуйте! говорилъ Семень Петровичъ, одушевляясь все больше и больше. Вѣдь мы не медвѣди какіе, чтобы намъ другъ друга бояться. Объ этомъ и въ журналахъ пишутъ; говорятъ, что у насъ общезительности нѣтъ нисколько; точно мы думаемъ, нельзя ли чего взять съ незнакомогаго человѣка за слово, которое мы соблаговолимъ ему отпустить. Разговоръ вѣдь ни къ чему не обязываетъ. Поговорилъ да и разошелся. Все же это пріятнѣе, чѣмъ въ молчанку играть. Вѣдь не съѣсть же насъ незнакомый человѣкъ...

— Конечно не съѣсть, но можетъ сказать что-нибудь нехорошее, отвѣчала дѣвушка, опуская внизъ глазки, но улыбаясь по прежнему.

— Порядочный человѣкъ не позволитъ себѣ ничего неприличнаго, замѣтилъ съ достоинствомъ Семень Петровичъ.

— Есть люди всякіе-съ, сказала простодушно сосѣдка.

— Ну, такому можно ничего не отвѣчать, возразилъ сосѣдъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Не отстанеть! Начнетъ такъ привязываться, что и не рада будешь... Хорошо еще, если только услуги да знакомство предлагать будетъ, а то, Богъ знаетъ, что сказать можетъ. И выходить, что лучше вовсе съ незнакомыми людьми не разговаривать. Худые-то чаще попадаютъ.

Такой пессимизмъ сконфузилъ нѣсколько Семена Петровича и онъ началъ уже повторяться, толкуя, что все-таки общежительность и образованность вещи необходимыя, и что онъ самъ всегда заводитъ бесѣду въ общественныхъ мѣстахъ. Дѣвушка остановила его веселымъ смѣхомъ и словами:

— Помилуйте! вы мужчина: это другое дѣло; вамъ чего бояться? Васъ не предложить проводить.

Молодой человѣкъ еще больше сконфузился и замолчалъ, недовольный послѣдними словами и веселостью сосѣдки; онъ казался ему весьма дурнаго тона. Ея постоянный смѣхъ и развязность также были очень подозрительны. Но черезъ минуту, еще разъ тщательно оглядѣвъ съ ногъ до головы дѣвушку, онъ самъ упрекнулъ себя въ недовѣрчивости и подозрительности. Свѣжее личико ея дышало такимъ простодушіемъ, глаза блестѣли такимъ спокойствіемъ, во всей фигурѣ, въ каждомъ движеніи было столько благородства и чистоты, что Семену Петровичу стало стыдно самого себя. Все, что онъ могъ заключить объ ней невыгоднаго, состояло только въ томъ, что ни ея слова, ни жесты не показывали въ ней особу хорошаго круга и достаточнаго образованія, чего и нельзя было ожидать, судя по ея болѣе нежели скромному наряду. Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія молодой человѣкъ сталъ даже восхищаться ея веселостью и непринужденностью въ обращеніи: то и другое доказывало доброе сердце и чистую совѣсть.

По этому, призвавъ на помощь всю свою любезность, онъ возобновилъ разговоръ съ сосѣдкой объ удобствахъ городскихъ каретъ, о пріятности за гривенникъ объѣхать чуть не полгорода, объ удовольствіи во время дождя сидѣть въ закрытомъ экипажѣ и о другихъ предметахъ въ

этомъ родѣ. Сосѣдка отвѣчала бойко, весело, развязно. Отъ общихъ мѣстъ бесѣда перешла къ частностямъ. Семень Петровичъ сказалъ, кстати, что онъ часто ѣздитъ въ городской каретѣ, потому-что, живя за знаменскимъ мостомъ, долженъ каждое утро быть въ девять часовъ въ первой линіи Васильевского острова, почти на самомъ концѣ ея, и что даже въ хорошую погоду ему необходимо ѣздить, чтобы успѣть во-время въ должность. Дѣвушка отвѣчала, улыбаясь, что имъ придется стало-быть часто встрѣчаться, потому, что и она тоже почти всякій день обязана изъ Гончарной улицы ѣздить на средній проспектъ Петербургской стороны тоже «въ свою должность.» Молодому человѣку очень хотѣлось узнать, какого рода эта должность, но спросить прямо онъ не смѣлъ, а косвенные допросы не увѣчались желаемымъ результатомъ.

Бесѣда съ сосѣдкой такъ заняла Семена Петровича, что онъ остолбенился отъ удивленія, когда дѣвушка, въ минуту самаго жаркаго разсказа объ особенностяхъ жизни на Васильевскомъ острову, прервала его словами:

— Вы, кажется, говорили, что ваша должность въ концѣ первой линіи, а мы ужъ въѣхали на Тучковъ мостъ.

Семень Петровичъ заглянулъ въ окно, дернулъ шнурокъ, чтобы остановить карету, началъ удивляться, что такъ скоро ѣхали и очень любезно распрощался съ дѣвушкой, составивъ довольно нескладную фразу объ удовольствіи и надеждѣ снова встрѣтиться съ такой обязательной сосѣдкой. Дѣвушка очень мило улыбнулась и сказала: прощайте! голосомъ, отозвавшимся въ самой глубинѣ сердца молодого человѣка.

Оставшись одинъ на Тучковомъ мосту, Семень Петровичъ долго смотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся кареты, не смотря на то, что смотрѣть было ровно не на что, и что сверхъ того вѣтеръ на Невѣ прохватывалъ насквозь. Всю дорогу, до мѣста своей должности, молодой человѣкъ думалъ о веселой сосѣдкѣ, и забылъ объ ней только войдя въ комнату, гдѣ онъ проводилъ каждое утро, за бумагами, гдѣ развлекались посторонними предметами не было ни какой возможности, — такъ важно холодно и торжественно смотрѣла эта комната, исключительно посвященная занятіямъ серьезнымъ, солиднымъ, глубокомысленнымъ.

Съ сердцемъ, бившимся сильнѣе обыкновеннаго, Семень Петровичъ влезалъ, въ четвертомъ часу, въ карету невискаго проспекта, отправляющуюся обратно за Знаменскій мостъ. Ожиданіе его было однакоже обмануто. Въ каретѣ не было ничего похожаго не только на хорошенькую дѣвушку, но даже вообще на прекрасный полъ въ самомъ снисходительномъ значеніи этого слова. Скучна показалась Семену Петровичу дорога, скучна его скромная квартира, гдѣ онъ жилъ столько лѣтъ, не замѣчая ея пустоты и бѣдности. Старый дядя его по отцу, отставной капитанъ Качаевъ, съ которымъ молодой человекъ жилъ съ-тѣхъ-поръ-какъ помнилъ себя, показался еще ворчливѣе и угрюмѣе кашель его дѣлался еще удушливѣе и шлепанье зеленыхъ спальныхъ туфель еще невыносимѣе. Едва ли не первый разъ въ жизни Семень Петровичъ задумался о своемъ одиночествѣ и незавидномъ положеніи. Онъ прослѣдилъ мысленно всѣ несложные случаи своей жизни, небогатой событіями; и пришелъ къ тому заключенію, что если его прошедшее было не весело, то и настоящее не очень утѣшительно. О будущемъ нечего было и задумывать.

Молодой Качаевъ вовсе не зналъ матери и смутно помнилъ своего отца, оставшись сиротою по пятому году. Мальчика взялъ къ себѣ единственный родственникъ, братъ его отца, армейскій капитанъ, вышедшій въ отставку послѣ польской компаніи, не выслужившій полного пансіона, но получившій его во вниманіе къ болѣзненному состоянію. Капитанъ Качаевъ не былъ раненъ, но на приступѣ Варшавы получилъ сильный ударъ въ грудь камнемъ, пущеннымъ какою-то фанатическою Полькою. Этотъ ударъ, отъ котораго онъ съ-тѣхъ-поръ постоянно страдалъ болью въ груди и кашлялъ глухо и удушливо, заставилъ его выйти въ отставку. Съ-тѣхъ-поръ прошло больше пятнадцати лѣтъ, а капитанъ, осужденный докторами умереть года черезъ два послѣ удара, все-таки остался живъ, кашля по прежнему и по прежнему жалуясь на боль въ груди. Къ этимъ припадкамъ, сдѣлавшимся нормальными въ его положеніи, присоединилась въпослѣдствіи слабость ногъ, происходившая отъ сильныхъ ревматизмовъ. Не смотря на это, капитанъ подвигался къ шестому десятку, кашляя чуть не каждую минуту, потирая грудь, съ тру-

домъ волоча ноги, но повидимому нисколько не собираясь отдохнуть въ тихой пристани отъ всѣхъ этихъ житейскихъ тревоженій. Если онъ и жаловался на свою болѣзнь, то скорѣе по привычкѣ и за неимѣніемъ другаго, болѣе интереснаго предмета разговора. Страстный охотникъ до игры въ шашки, онъ за ними забывалъ и болѣзнь и жалобы. Кушалъ онъ очень исправно, пилъ соразмѣрно и на племянника покрикивалъ такъ, что можно было подумать, будто онъ все еще командуетъ ротой.

Въ послѣднее время покрикиванья старика стали впрочемъ гораздо рѣже, и замѣнились за то почти постоянною ворчливостію. Онъ ворчалъ, однакоже, не отъ дурнаго сердца, не отъ неуживчиваго характера а больше отъ привычки, отъ нечего-дѣлать, отъ мысли, что долженъ же дядя ворчать на племянника, который ему всѣмъ обязанъ. Дѣйствительно, неизвѣстно, что бы сдѣлалось съ Семеномъ Петровичемъ, если бы его не взялъ къ себѣ дядя, по смерти брата, бѣднаго чиновника, котораго даже похоронить было не на что. Несмотря на то, что капитану едва доставало его полнаго пансіона сводить концы съ концами, онъ не задумывался ни минуту взять къ себѣ мальчика, самъ выучилъ его русской грамотѣ, письму и первыми четырьмя правилами ариметики, однимъ словомъ всему, что зналъ самъ. Не имѣя возможности держать лакея, капитанъ самъ ходилъ за мальчикомъ, одѣвалъ, мылъ его, чинилъ ему рубашенки и передѣлывалъ панталончики изъ своего стараго скарба. Неприхотливый обѣдъ его помогала ему всегда готовить хозяйка, у которой онъ занималъ уголокъ, съ дровами и водою. Потомъ, хлопоча нѣсколько лѣтъ самымъ настоятельнымъ образомъ, онъ успѣлъ помѣстить племянника въ одинъ изъ корпусовъ, на казенное содержаніе. Мальчикъ учился не дурно, но къ военной службѣ не имѣлъ ни какой способности и былъ выпущенъ, по слабости здоровья, съ правомъ на четырнадцатый классъ. Дядя пришелъ въ совершенное отчаяніе отъ этого обстоятельства, и разразился громомъ самыхъ энергическихъ ругательствъ на племянника, какъ будто тотъ былъ сколько-нибудь виноватъ въ этомъ. Брань не помѣшала однакожь старику, на другой день выпуска изъ корпуса племянника, хлопотать о помѣщеніи его на службу и къ

«штафирскимъ дѣламъ», какъ выражался капитанъ. Онъ и тутъ достигъ своей цѣли, и вскорѣ же нашелъ мѣсто Качаеву въ четыреста рублей ассигнаціями жалованья. Это увеличеніе доходовъ дало возможность старику улучшить нѣсколько ихъ бытъ, долгое время ограничивавшійся только самымъ необходимымъ. Капитанъ нашелъ отдѣльную квартиру, состоящую изъ одной комнаты, раздѣленной пополамъ несплошной перегородкой, и темной кухни, гдѣ поселилась также нанятая кухарка, исправлявшая и всѣ другія обязанности по дому, за шесть рублей ассигнаціями, съ хозяйскимъ кофеемъ. Достигнувъ такого комфорта, капитанъ хотя и не говорилъ себѣ какъ *Виргилій*: *Plus nobis haec otia fecit*, но тѣмъ не менѣе какъ будто помолодѣлъ, смотря вокругъ себя съ гордымъ и самодовольнымъ видомъ. Перемѣна въ образѣ жизни имѣла впрочемъ то невыгодное послѣдствіе, что давала больше свободнаго времени дядѣ жаловаться на свою болѣзнь и ворчать на племянника.

Племянникъ, впрочемъ, до того уже привыкъ къ вѣчному брюжжанью стараго капитана, что не обращалъ на это вниманія и не только удивился, но даже испугался бы, еслибъ дядя провелъ день безъ брани и ворчанья. Молодой человекъ понималъ, что всѣмъ обязанъ старику и долженъ переносить всѣ его странности, всѣ неровности характера тяжелаго, хоть и не злаго. Онъ привыкъ къ дядѣ, сжился съ нимъ и былъ даже довольно счастливъ въ своей незавидной, но по крайней мѣрѣ безбѣдной жизни, до тѣхъ-поръ, пока встрѣча въ городской каретѣ съ хорошенькой дѣвушкой не заставила его скучать и понять, что жизнь эта была неполна и безцвѣтна.

II.

Влеза на другой день въ городскую карету, Качаевъ покраснѣлъ отъ удовольствія, увидя свою вчерашнюю знакомку и поздоровался съ ней, какъ старый пріятель. Она встрѣтила его непринужденно и пріятливо, весело заговорила съ нимъ, весело и прямо смотрѣла ему въ глаза. По одушевленію, съ какимъ они разговаривали, можно было подумать, что бесѣда идетъ о чрезвычайно важномъ

предметъ, тогда какъ они мѣнялись самыми обыкновенными, самыми незначительными фразами. Изъ бесѣды этой Качаевъ успѣлъ однакоже узнать кое-что о своей сосѣдкѣ. Она родилась въ Петербургѣ, никуда изъ него не выѣзжала и жила съ матерью, своими трудами. Бѣдила же она всякій день на Петербургскую, въ модный магазинъ одной дальней родственницы, у которой завѣдывала всѣмъ магазиномъ, была главной закройщицей, дѣлала шляпки, шила платья и вообще все, что относится къ женскому наряду. Въ магазинѣ она бывала всякій день, часто даже въ праздники, если было много работы и надо было торопиться приготовленіемъ платья для какой-нибудь щеголихи Петербургской стороны. Въ обыкновенное время, дѣвушка оставляла свой магазинъ — лѣтомъ въ восемь часовъ, а зимою въ пять вечера. Изъ откровенной бесѣды сосѣдки Качаевъ узналъ даже, что владѣтельница магазина, мадамъ Сомъ, довольно скупа, строга, подозрительна, подслѣповата и худо кормитъ свой магазинъ, состоящій, кромѣ самой дѣвушки, изъ двухъ швей: длинной чухонки Христи, то-есть Христины и четырнадцатилѣтней дѣвочки, Кати.

На третій день поѣздки въ городской каретѣ Качаевъ узналъ, что его сосѣдку зовутъ Марья Васильевна Быкова, что ея мать занималась прежде стиркой бѣлья, содержала прачешную, а теперь почти ничего не можетъ дѣлать отъ старости, что дѣвушка не знала, кто былъ ея отецъ, и была съ матерью записана въ мѣщанкахъ. Нельзя сказать, чтобы эти подробности были пріятны Качаеву, но онѣ нисколько не повредили дѣвушкѣ во мнѣніи ея сосѣда. Онъ думалъ прежде, что, по-крайней-мѣрѣ, ея званіе нѣсколько выше, но еслибы она была даже крѣпостная, это не помѣшало бы молодому человѣку полюбить ее искренно на вторую недѣлю ихъ знакомства.

Любовь эта, не смотря на слишкомъ скорое развитіе, была довольно естественна. Семену Петровичу было двадцать шесть лѣтъ. Въ его мирной жизни онъ мало имѣлъ случаевъ сходитья съ женщинами. Старый капитанъ, вѣроятно негодуя на Польку, бывшую причиной его кашля и отставки, не сводилъ знакомства даже со своими соотечественницами и отзывался очень неблагоклонно обо всемъ прекрасномъ полѣ вообще, называя всѣхъ его представи-

тельницъ неучтивымъ, но собирательнымъ именемъ: *бабье!* Къ капитану ходили иногда въ гости только двѣ старухи, которыхъ онъ называлъ кумушками и принималъ единственно во вниманіе къ памяти прошлаго и нѣкоторыхъ сердечныхъ услугъ, оказанныхъ кумушками капитану въ то время, когда у него еще не было кашля и боли въ груди. Молодой Качаевъ ходилъ, правда, изрѣдка въ гости къ троицѣ изъ своихъ товарищей, но въ семействѣ ихъ не было другихъ женщинъ кромѣ весьма почтенныхъ маменокъ и тетусекъ. Была, правда, у одного изъ этихъ товарищей еще не совсѣмъ старая сестра, но она такъ сильно косилась и говорила такимъ хриплымъ басомъ, что Качаевъ невольно держался отъ нее въ почтительномъ разстояніи. Были также у этихъ товарищей разныя знакомыя, очень добрыя и не взыскательныя, но Семенъ Петровичъ, скромный и съ эстетическими наклонностями, не любилъ такихъ дамъ. Первая любовь его, бывшая скорѣе первымъ проявленіемъ неизбѣжнаго развитія молодости, обратилась къ довольно смазливой кухаркѣ одного изъ сосѣдей по-дому. Качаевъ самъ со стыдомъ вспоминалъ объ этой наивной привязанности, особенно когда предметъ ея, прогнанный женою сосѣда за какія-то домашнія злоупотребленія, исчезъ въ одно прекрасное утро и въ одно время съ новымъ жилетомъ и парюю новыхъ сапоговъ Качаева.

Въ однообразной жизни Семена Петровича, ничѣмъ не развлекаемой, всякое новое впечатлѣніе должно было произвести сильное потрясеніе, тѣмъ болѣе если это было впечатленіе сердца. Занятый утромъ, Качаевъ былъ совершенно свободенъ цѣлый вечеръ и имѣлъ много времени думать о томъ, что такъ пріятно нарушало однообразіе его жизни. Извѣстно, что ничто такъ не развиваетъ чувства, какъ упорное обдумываніе этого чувства. Мысль вовсе не въ такомъ антагонизмѣ съ сердцемъ, какъ думаютъ обыкновенно. Напротивъ, впечатлѣніе сердца, въ которомъ не участвуетъ голова — непрочно и не продолжительно. Качаевъ не имѣлъ возможности искать развлеченій; онъ почти никого не видѣлъ, и проводилъ вечера, читая старые журналы, случайно добываемые отъ товарищей и знакомыхъ, или играя съ дядей въ шашки. Поэтому, немудрено, что онъ почти каждую свободную минуту думалъ о Марьѣ Ва-

сильвнѣ и въ послѣднее время, взявъ книгу, не понималъ ровно ничего, что въ ней написано, а за шашками игралъ такъ разсѣянно, что дядя поминутно дѣлалъ ему, какъ самъ выражался, — *парламенты*, деликатное и неизвѣстно гдѣ подслушанное выраженіе для замѣны другаго, болѣе прозаическаго и менѣе эстетическаго.

Втеченіе апрѣля мѣсяца, Качаевъ узналъ свою сосѣдку по каретѣ такъ коротко, какъ только можно было узнать ее — въ каретѣ. Общественное положеніе ея было уже ему извѣстно и прежде. Дѣвушка съ чрезвычайной откровенностью рассказывала всѣ подробности своей жизни, мыслей и чувствъ — и подробности эти не много прибавили къ тому, что сосѣдъ уже зналъ объ ней. Она была довольно расчетлива, весела, хоть и не очень молода, и нескрытна; но веселый характеръ не мѣшалъ ей хорошо знать, чему она можетъ подвергнуться въ жизни, если не будетъ держать себя строго и осторожно съ людьми, готовыми воспользоваться каждой слабостью, каждой ошибкой бѣднаго и хорошенькаго созданія. Поэтому, открывая, повидимому, всю душу сосѣду, въ участіи котораго не могла сомнѣваться, она въ тоже время дѣлалась недоступною и серьезною, когда разговоръ касался сколько-нибудь нѣжныхъ и сердечныхъ вопросовъ. Такъ она отказала на-отрѣзъ Качаеву въ позволеніи посѣтить ее въ Гончарной улицѣ и познакомиться съ ея матушкой. Это огорчило и удивило молодого человѣка, и онъ спросилъ ее печальнымъ голосомъ, сидя подлѣ нее въ каретѣ, въ послѣднюю апрѣльскую субботу.

— Можно мнѣ по-крайней-мѣрѣ узнать, отчего вы не позволяете навѣстить васъ?

— Очень по многимъ причинамъ, отвѣчала она, противъ обыкновенія серьезнымъ тономъ. Я въ будни выхожу изъ дому въ девятомъ часу и возвращаюсь тоже чуть не въ девятомъ; мнѣ надо и отдохнуть и по хозяйству заняться, стало-быть тутъ не до того, чтобы гостей принимать. Въ праздники мнѣ тоже зачастую приходится полдня поработать, и едва остается время что-нибудь для своего дома сдѣлать или просто погулять на свѣжемъ воздухѣ; просидѣвъ недѣлю за шитьемъ — это необходимо. Съ маменькой моей знакомиться вамъ не зачѣмъ; она очень стара, дурно слышитъ, и изъ старыхъ-то знакомыхъ мало кого узнаетъ, —

гдѣ ей заводить новыхъ! А тутъ, если вы еще часто ходите будете — сосѣди невѣсть—что заговорять.

— Не ужто вы обращаете вниманіе на злые языки? спросилъ съ неудовольствіемъ Качаевъ.

— А зачѣмъ же я буду, безъ всякой пользы, давать поводъ говорить про меня дурное? замѣтила наивно Марья Васильевна.

— Безъ пользы? повторилъ въ волненіи Качаевъ. Конечно, знакомство мое пользы не принесетъ вамъ никакой, но я не думалъ, чтобы вы знакомились только изъ расчета.

— Я можетъ быть не такъ что-нибудь сказала, отвѣчала спокойно дѣвушка. Мнѣ очень пріятно, что вы со мной знакомы и разговариваете; я много даже узнаю отъ васъ, но согласитесь сами, что изъ-за этого мнѣ еще не слѣдуетъ рисковать своимъ добрымъ именемъ.

— Неужели всякая дѣвушка, которая принимаетъ гостей при своей матери — теряетъ доброе имя?

— Не всякая, и не всегда, но я скорѣе другихъ могу подвергнуться этому, потому-что со времени болѣзни маменьки у насъ небыло въ домъ посторонняго мужчины, кромѣ ея старыхъ знакомыхъ, и потому-что всякій пойметъ, зачѣмъ молодой человекъ ходитъ къ бѣдной дѣвушкѣ, которая только что кое-какъ перебивается своими трудами.

— Но этотъ человекъ можетъ ходить съ добрыми намѣреніями, и если ближе узнаетъ дѣвушку, если она больше понравится ему, если они сойдутся...

Семень Петровичъ, начавшій эту фразу съ большимъ жаромъ, остановился, затрудняясь, какъ ее окончить. Марья Васильевна подождавъ съ минуту отвѣчала, взглянувъ лукаво на сосѣда:

— Можно и доброе намѣреніе имѣть, дако ли не отъ насъ зависитъ исполнить его—такъ и доброе можетъ столько же зла надѣлать, какъ и дурное. Я ужъ не говорю, что если долго узнавать дѣвушку да раздумывать, — правится она или нѣтъ, такъ вмѣсто того, чтобъ сойтись — можно легко и разойтись, — а дурная слава все-таки пойдетъ про нее.

— Нельзя же, однако, зажмуривъ глаза, пускаться на такое дѣло, о которомъ надо подумать, да и подумать.

— Конечно нельзя, да думать надо прежде, чѣмъ начи-

наешь его, а не начинать отъ нечего дѣлать, не зная что изъ него выйдетъ, когда и себѣ и другому можетъ быть тяжело оттого, что дѣло начато, а добраго конца отъ него не будетъ.

Качаевъ опустилъ голову въ уныніи. Онъ понималъ, что сужденія молодой дѣвушки совершенно здравы, хотя слишкомъ положительны. Онъ могъ только удивляться такой зрѣлой разсудительности, но не сочувствовать ей. Видя, что онъ молчитъ, Марья Васильевна сочла нужнымъ утѣшить его и сдѣлала это не совсѣмъ ловко:

— Вотъ вы и осовѣли! сказала она съ веселымъ смѣхомъ. А все отъ того, что я вамъ правду говорила. Если бы я васъ не знала, то могла бы подумать, что вы не съ хорошей цѣлью хотѣли навѣстить меня, — иначе васъ не огорчилъ бы такъ мой отказъ. Зачѣмъ же вы хотите, чтобы я раскаявалась, что заговорила съ вами въ первый разъ и была такъ откровенна? Вы помните, отчего я находила не нужнымъ знакомиться съ мужчинами на гуляньяхъ или въ публичныхъ мѣстахъ, потому-что послѣ первыхъ словъ они просятъ позволенія навѣстить или проводить васъ. Развѣ и вы такой же человѣкъ, какъ эдакіе господа?

Качаевъ принялся съ жаромъ защищаться, доказывать, что всѣ его поступки и желанія происходили изъ одного участія. Приближеніе къ Тучкову мосту прервало бесѣду, начинавшую дѣлаться тягостною для молодаго человѣка. Въ первый разъ еще, со времени ихъ знакомства, онъ вышелъ изъ кареты, недовольный своею поѣздкою и сосѣдкою, и весь вечеръ этого дня былъ такъ печаленъ и задумчивъ, что дядя сказалъ ему съ сердитымъ видомъ:

— Что ты сычомъ сидишь, Семень? Порохъ, что-ли выдумываешь? Точно не солоно хлѣбалъ. Только на другихъ скуку наводишь. вмѣсто того, чтобы сидѣть уткнувши носъ въ землю, пошелъ бы да лобъ перекрестилъ—завтра воскресенье.

Качаевъ молча пошелъ къ Знаменью, къ вечернѣ.

На другой день было дѣйствительно воскресенье и молодой человѣкъ думалъ провести его иначе, но субботній разговоръ въ каретѣ съ Марьей Васильевной уничтожилъ всѣ его надежды. вмѣсто визита къ сосѣдкѣ, онъ пошелъ бродить по Невскому, увидѣлъ городскую карету и маши-

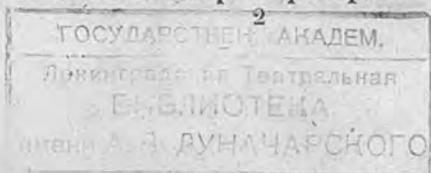
нально сѣлъ въ нее, позабывъ совершенно о томъ, что въ праздникъ ему ѣхать въ ней незачѣмъ. Только увидѣвъ, что подлѣ него нѣтъ дѣвушки, онъ опомнился и хотѣлъ уже выдти на дорогъ, но, подумавъ немного, рѣшился ѣхать за Тучковъ мостъ.

Когда карета остановилась, онъ пошелъ на Средній проспектъ отыскивать магазинъ, гдѣ работала Марья Васильевна. Его не трудно было найти, потому-что онъ былъ едва ли не единственный въ этихъ мѣстахъ, хотя и не очень замѣтный. Надъ однимъ изъ оконъ нижняго этажа маленькаго деревяннаго дома была прибита темная, полинялая вывѣска, почти смытая дождями, скрипѣвшая отъ вѣтра; на ней едва можно было разсмотрѣть зеленое платье, стоящее посрединѣ съ растопыренными рукавами, торчавшими огромными буфами, какія носили въ тридцатыхъ годахъ. На одной сторонѣ платья было написано французскими буквами: *MODES ET ROBES*, на другой русскими: *МОДЪ И РОБЪ*, вверху вывѣски: *M-me Sontt*, внизу: *M-мъ Сомъ*. На окнахъ стоялъ картонный болванъ съ чепчикомъ и лежало нѣсколько соломенныхъ шляпокъ. Входъ въ магазинъ былъ со двора. Качаевъ напрасно заглядывалъ въ окна: въ нихъ не было видно ни души. Въ этотъ день въ магазинѣ очевидно не работали.

Съ той же грустью въ сердцѣ поѣхалъ Качаевъ обратно отъ Тучкова моста къ Знаменью и, занятый все тою же мыслью, пошелъ бродить по Гончарной улицѣ. Здѣсь однако же поиски его не привели ни къ какому результату. Онъ не зналъ дома, гдѣ живетъ сосѣдка, и ничего похожего на нее не встрѣчалъ въ нижнихъ этажахъ скромныхъ деревянныхъ домиковъ, куда заглядывалъ довольно настойчиво и рѣшительно. Семенъ Петровичъ скоро пересталъ заглядывать въ окна и побрелъ домой, потупивъ голову, скучный и задумчивый.

Дома однакоже, ему не сдѣлалось веселѣе. Онъ былъ такъ разсѣянъ, что сѣвши послѣ обѣда съ дядей играть по обыкновенію въ шашки, началъ съ того, что чужою шашкой взялъ свою собственную, потомъ прозѣвалъ нѣсколько разъ взять шашку противника, за что ему каждый разъ дѣлали фукъ, наконецъ, съ первыхъ же ходовъ, далъ себя запереть въ парламентъ и очень быстро проигралъ

Отд. I.

7080

игру. Такая легкая побѣда нисколько, впрочемъ, не порадовала его дядю. Онъ съ неудовольствіемъ отодвинулъ шапечницу и началъ ворчать и кашлять энергичнѣе обыкновеннаго.

— Да что ты сегодня хоронить что-ли кого собираешься? закричалъ капитанъ, вынимая изо рта почти никогда не разстававшуюся съ нимъ коротенькую трубку, и кашля дымомъ въ лицо племянника. Побилъ что-ли тебя кто, или изъ должности выгоняютъ за неспособность къ штатской службѣ, какъ исключили изъ военной? Что у тебя за тоска-кручина такая?

— Ничего! отвѣчалъ задумчиво молодой человѣкъ, вертя въ рукахъ пашку и опуская голову. Просто такъ, скучно стало.

— Ничего! Скучно! повторялъ дядя, возвышая тонъ и передразнивая племянника. Скажите, пожалуйста! Ужъ не мигрень ли у тебя? Какая маркиза выискалась! Ваперы, того гляди, приключатся. Не прикажете ли вамъ принести амбре понюхать, чтобы нервы успокоились?.. Въ обморокъ не собираетесь ли упасть, — пожалуйста, заранѣ скажите, чтобы я ведро воды приготовилъ окатить васъ... Да не лучше ли ужъ это заранѣ сдѣлать, — авось дурь-то отъ холодной воды пройдетъ.

— Я не понимаю, за что вы сердитесь, дядюшка? отвѣчалъ съ оттѣнкомъ нетерпѣнія молодой Качаевъ. Что за бѣда, если я сегодня не расположенъ веселиться. Притомъ же это не отъ меня и зависитъ. Мнѣ кажется, я никому не мѣшаю, если молчу и не смѣюсь безъ причины.

— Не мѣшаю!.. Что за бѣда? закричалъ старикъ, начинавшій всегда бесѣду съ повторенія словъ племянника. Каковъ молодець! Откуда краснорѣчіе взялось, когда дядя нагрубить захотѣлось. Доброе слово сказать — не расположенъ, скука одолѣла, а шпильку подпустить — откуда языкъ взялся; о скукѣ нѣтъ и помину!... Истинно нашего вѣку молодець! Такъ и слѣдуетъ съ дядей обращаться. Просвѣщеніе требуетъ показать, что дядю въ грошъ не ставятъ. Это тебѣ за то, старый дуракъ, что ты насъ вспоилъ и вскормилъ, выростилъ, да въ люди вывелъ, кусокъ хлѣба далъ. Жаль, что ста тысячъ нѣтъ у тебя, старика, въ наслѣдство доброму племянничку. Можно было бы немножко и придру-

шить тебя, отвести поживѣе да подь руку на дорогу къ прадѣдамъ. Теперь, коли и не торопятъ тебя на тотъ свѣтъ убраться — такъ отъ того только, что ничего изъ тебя не вытянешь по смерти.

— Иванъ Панкратычъ! Помилуйте! Чтò вы говорите! сказалъ чуть не со слезами Качаевъ, вставъ съ своего мѣста, видя, что раздраженіе старика достигаетъ высшей степени.

— Что я говорю? продолжалъ кричать капитанъ, судорожно кашляя. Я говорю, что всѣ вы гроша не стоите, выскочки нынѣшняго поколѣнія. Чувства въ васъ нѣтъ никакого, уваженія къ роднымъ, благодарности нѣтъ. Если вамъ надо только со стула встать, чтобы стца роднаго спасти — вы и тутъ руки ему не протянете, себя не потревожите. Знаю я васъ, пустозвоны...

Старикъ замолчалъ, потому-что кашель начиналъ рѣшительно душить его. Со стономъ и оханьемъ, держась за грудь и отплевываясь, поднялся онъ со своего мѣста и потащился къ себѣ за перегородку, шлепая туфлями и оттолкнувъ племянника, подошедшаго помочь ему. Видя, что всѣ его предложенія, чѣмъ-нибудь услужить дядѣ отвергаются съ бранью, Качаевъ постоялъ нѣсколько минутъ посреди комнаты, пока дядя, крехтя и охая, укладывался на своемъ диванѣ, потомъ схватилъ фуражку и съ стѣсненнымъ сердцемъ, полнымъ грусти и ожесточенія, бросился на улицу.

III.

Долго бродилъ Качаевъ, безъ цѣли, не замѣчая, куда идетъ, занятый не веселыми мыслями. Онъ думалъ о своемъ тяжеломъ положеніи, о своей безотрадной жизни, о томъ, что характеръ дяди, отъ старости или отъ болѣзни, становился день-ото-дня невыносимѣе. Сцены, подобныя той, которую онъ только-что вынесъ, въ послѣднее время повторялись довольно часто. Онъ не винилъ дядю въ раздражительности, но не могъ обвинять и себя въ томъ, что теряетъ наконецъ терпѣніе. Прежде, онъ былъ, правда, терпѣливѣе, хладнокровнѣе; прежде онъ или не понималъ такъ ясно несправедливости дяди, или она не трогала его такъ сильно... И хотъ бы какая-нибудь свѣтлая сторона

была въ его жизни, хоть бы какое-нибудь утѣшеніе послѣ такихъ сценъ!... Если бы ему было комунибудь рассказать свое положеніе, подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ, отдохнуть на чьей-нибудь груди отъ этой житейской невзгоды... Но нѣтъ, никого!... ровно никого: ни друга, ни подруги. Последняя надежда на счастье исчезла наканунѣ, во время разговора съ дѣвушкой, не позволившей ему даже познакомиться съ нею. Она отвергла его, не дала ему даже объясниться, высказать свои намѣренія. Да и какія были эти намѣренія? Жениться? Познакомить ее съ болѣею нуждой, съ тяжелыми работами бѣднаго хозяйства, съ нянчаньемъ оборванныхъ ребятишекъ, съ ворчаньемъ и бранью больного старика.... Да и согласился ли бы этотъ старикъ принять къ себѣ въ домъ третье лице, когда имъ двоимъ едва доставало ихъ бѣднаго содержанія, чтобы не умереть съ голоду...

И бѣдный Семень Петровичъ, совершенно убитый и растерявшійся, прислонился къ фонарному столбу, чтобы привести въ порядокъ свои разстроенныя мысли. Обведя вокругъ глазами, онъ увидѣлъ, что стоитъ въ Гончарной улицѣ, куда зашелъ совершенно машинально. Улица была оживлена болѣе обыкновеннаго, воскресенья ради. Мимо Качаева поминутно мелькали прохожіе, не обращавшіе на него вниманія, занятые своими дѣлами или разговорами. Только одна салонница постояла подлѣ него нѣсколько минутъ, кланяясь и бормоча что-то о матери семерыхъ неѣвшихъ дѣтей; только какой-то господинъ съ темномалиновой физиономіей сказалъ, проходя мимо Качаева, прислонившагося къ столбу: экъ назюзился! Качаевъ не слыхалъ ни этихъ словъ, ни упрековъ въ жестокосердіи отъ матери, неѣвшихъ дѣтей, отправившейся нетвердыми шагами къ знакомой двери, за которою можно утолить, если не голодь, то жажду.

Мало-по-малу, однакоже, онъ сталъ обращать вниманіе на то, что происходило на улицѣ. Вечеръ былъ довольно теплый и свѣтлый. Въ воздухѣ вѣяло весною.

Не вдаль отъ Качаева, дворникъ, сидя на лавочкѣ у воротъ, игралъ на гармоникѣ «возли рѣчки, возлѣ мосту,» почти подлѣ него, подъ воротами, кучеръ въ поддѣвкѣ обнявъ за шею плотную горничную, выбѣжавшую надворъ въ

одномъ платьѣ и простоволосой, нашептывала ей что-то, отъ чего она хохотала на всю улицу. Напротивъ, черезъ дорогу, въ освѣщенные и уже выставленные окна маленькаго деревяннаго дома, сквозилъ яркій свѣтъ, неслись пискливые и грубые голоса, пѣвшіе хоромъ, но, какъ говорится, кто въ лѣсъ, кто по дрова: «Ванька-Таньку полюбилъ» подъ хриплые звуки самаго растроенаго изъ фортепіанъ. Посрединѣ улицы шелъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, мужикъ въ армякъ, накинутаго на одно плечо, и шапкъ гречневикомъ, съ сайкой за пазухой, отъ которой онъ, повременамъ, отламывалъ куски и клалъ въ ротъ. Не доходя до Качаева, мужикъ остановился по самой срединѣ улицы, замѣтивъ голубей, клевавшихъ что-то въ рыхлой грязи. Раздвинувъ ноги и утвердившись въ довольно прочной позиціи, мужикъ сталъ бросать куски сайки, приговаривая: э! божья птица! не хорошо, навозъ клевать; вотъ тебѣ сайка, — кушай на здоровье. Матвѣй сытъ-будь же и ты сыта. Божью птицу слѣдуетъ кормить, потому, она тоже чувство имѣетъ. Кушай, любезная!»

И мужикъ, бросая передъ собой сайку, каждый разъ спотыкался и сильно наклоняясь впередъ, терялъ центр тяжести и съ трудомъ возстановлялъ потомъ равновѣсіе. Картина была весьма обыкновенная, петербургская, воскресная. Не смотря на это, Качаевъ наблюдалъ за нею съ большимъ вниманіемъ и вѣроятно еще долго предавался бы этому созерцанію, еслибы его не вывелъ изъ апатическаго состоянія совершенно неожиданный случай.

Къ воротамъ дома, близъ котораго онъ стоялъ, прислонившись къ фонарному столбу, подлѣхала, со стороны Невскаго проспекта, линейка. На линейкѣ сидѣлъ полный господинъ въ тепломъ пальто, въ шляпѣ на бекрень; подлѣ него сидѣла худенькая дѣвушка въ сѣрой соломенной шляпкѣ и драдедамовомъ бурнусѣ такого же цвѣта. Кавалеръ ловко соскочилъ съ дрожекъ, подаль руку дамѣ и потомъ оба они, смѣясь и разговаривая, исчезли подъ воротами огромнаго каменнаго дома. Событіе это было, повидимому, самое обыкновенное, но Семень Петровичъ почувствовалъ, что сердце его сжимается отъ ужаса, колѣни дрожать и подгибаются. Въ спутницѣ плотнаго господина онъ узналъ Марью Васильевну.

Долго стоялъ онъ подь фонаремъ, приводя въ порядокъ растроенныя мысли, стараясь припомнить все, что видѣлъ, увѣрить себя, что онъ ошибся. Но сомнѣваться было невозможно: онъ чувствовалъ по боли сердца, что видѣлъ точно ту, безъ которой жизнь казалась ему тяжелой и невозможной. Спутника ея онъ видѣлъ въ первый разъ и не замѣтилъ въ немъ ничего особеннаго, кромѣ достаточной полноты, красныхъ щекъ и густыхъ бакенбардъ. Кто былъ онъ и въ какихъ отношеніяхъ находился къ хорошенькой швеѣ,—этого молодой человекъ не могъ конечно разрѣшить. Но онъ чувствовалъ въ тоже время, что неизвѣстность убьетъ его и рѣшился вывѣдать все, что можно, чего бы ему это ни стоило.

Обдумавъ весь планъ дѣйствія, онъ принялъ рѣшительный видъ и подойдя твердыми шагами къ линейкѣ, остановившейся у воротъ, громко окликнулъ кучера:

— Эй, любезный! Чья эта лошадь? Иванъ Петровича Семенова?

Кучеръ, успѣвшій уже задремать, ветрепенулся и повернувшись къ Качаеву, подозрительно осмотрѣлъ его съ ногъ до головы. Вѣроятно, осмотръ этотъ былъ не въ пользу Семена Петровича, только кучеръ не счелъ нужнымъ отвѣчать человеку, неимѣвшему повидимому не никакого права требовать отвѣта,—и отвернувшись отъ него съ какимъ-то невыразимымъ мычаньемъ, принялъ опять свою прежнюю комфортабельную позу.

Качаевъ покраснѣлъ отъ досады и вскричалъ рѣзкимъ голосомъ:

— Я тебя спрашиваю, болванъ: чья это лошадь?

Кучеръ, не находившій нужнымъ отозваться на эпитетъ *любезнаго*, при словѣ: болванъ вытянулся и отвѣчалъ глухо, но почтительно:

— Это не Семенова лошадь, а полковника Тарабаньева.

Качаевъ отошелъ отъ линейки, боясь дальнѣйшими запросами возбудить подозрѣніе и пошелъ подь ворота дома, въ которыхъ исчезли пріѣзжіе, ворча довольно громко:

— Полковникъ! Какой онъ, чортъ, полковникъ, коли въ пальто;—даже и не въ отставкѣ, потому что усовъ нѣтъ. Эти дурачье, для большей важности, всякаго коллежскаго ассесора полковникомъ называютъ.

И Качаевъ принялся отыскивать дворника, чтобы продолжать разысканія. Къ его счастью, подъ самыми воротами нашелъ онъ засаленную дверь, на которой была прибита черная дощечка, съ надписью: «дворницкая.» Семень Петровичъ, спустившись нѣсколькими ступеньками внизъ, отворилъ дверь, и его тотчасъ же обдалъ теплый паръ, запахъ щей и сырой кожи. Качаевъ ничего не могъ разглядѣть сквозь этотъ паръ, по услышалъ слабый плачь ребенка и голосъ укачивавшей его бабы. Онъ остановился въ нерѣшимости: проникать ли ему въ эту берлогу.

— Кто тамъ? закричала баба, продолжая напѣвать тоскливо — монотоннымъ голосомъ: о-о-о! штъ, штъ!

— Дворникъ гдѣ? спросилъ Качаевъ.

— Нѣтути, ушодцы! отвѣчала баба.

— Куда ушелъ?

— А кто его вѣдаетъ. На дворѣ должно быть. гдѣ нибудь.

— Познаешь ли, гдѣ мнѣ отыскать его, настаивалъ Качаевъ.

— На-ко-сь! отвѣчала баба обиженнымъ тономъ. Что мнѣ ребенка бросить, чтоли для тебя? поищи, самъ, коли пужно.

Совершенно согласившись съ справедливостью этого замѣчанія, Качаевъ отправился на поиски дворника. Судьба ему и тутъ благопріятствовала. Мужикъ, игравшій у воротъ на гармоникѣ, оказался дворникомъ. Качаевъ спросилъ его, гдѣ живетъ Тарабаньевъ. Полковникомъ онъ не хотѣлъ ни зачто назвать его.

Дворникъ подумалъ и отвѣчалъ протяжно.

— Тарабаньевъ!.. Кто-бъ это такой былъ? Тарабаньевъ!... Нѣтъ, такого, кажись, у насъ нѣту... А вотъ тутъ, по черной лѣстницѣ въ самомъ верху живетъ Куросѣвскій. Этотъ точно тутъ живетъ.

Качаевъ рѣшительно не понималъ, къ чему дворникъ упомянулъ о Куросѣвскомъ и продолжать спрашивать о Тарабаньевѣ, описалъ его наружность, рѣшился даже упомянуть о его званіи, — все было напрасно. Дворникъ не признавалъ такого жильца. Качаевъ намекнулъ, что не худо бы справиться съ книгою. Дворникъ отвѣчалъ рѣшительно, что ужъ коли неживетъ онъ въ домѣ, такъ и въ книгѣ стало быть не записанъ.

Семень Петровичъ и самъ почти убѣдился, что Тарабаньева нѣтъ въ этомъ домѣ, и скрѣпя сердце, сдѣлалъ другой вопросъ.

— Ну, а Быкова, старуха съ дочерью, здѣсь живутъ?

— Быкова? это глухая-то? Марьей Васильевной дочку зовутъ.. Какъ не знать! Во флигелѣ, въ двадцать седьмомъ номерѣ стоятъ. Марья Васильевна — выходитъ, дѣвица важная.

И дворникъ очень пріятно улыбнулся, оскаливъ удивительные зубы. Это сильно не понравилось Качаеву, но онъ продолжалъ дипломатическомъ образомъ допрашивать мужика.

— Ну, вотъ видишь; какъ же ты говорилъ, что Тарабаньевъ здѣсь не живетъ. Онъ родня Быковой и часто у нихъ бываетъ.

— Нѣтъ, Быковы живутъ, а Тарабаньевъ не живетъ, отвѣчалъ дворникъ, качая головой.

— Да вѣдь бываетъ же у Быковой кто-нибудь?

— Почитай-что никого. Старухи какія-то шлятся, и то рѣдко. А полковниковъ никакихъ у нихъ не бываетъ. Не такая Марья Васильевна, чтобъ принимать къ себѣ гостей.

Качаевъ готовъ былъ броситься на шею къ дворнику за это извѣстіе, но вспомнилъ о томъ, что видѣлъ десять минутъ тому назадъ и сказалъ печально:

— Да развѣ ты не видалъ, что Марья Васильевна сейчасъ на линейкѣ сюда съ этимъ Тарабаньевымъ пріѣхала.

— Ишь ты! отвѣчалъ дворникъ, раздумывая. Оно вѣдь и въ правду, кажись, такъ. Точно, я видѣлъ какъ она пріѣхала... Только мнѣ и не въ домѣкъ было... Никогда съ ней не случилось такихъ оказій... Должно быть это и точно сродственникъ, коли вмѣстѣ пріѣхали. Вотъ поди ты, а я ничего и не подумалъ.

За то Качаеву было о чемъ думать. Оставивъ дворника, онъ началъ ходить машинально по Гончарной улицѣ, не сводя глазъ съ воротъ дома, у которыхъ съ нимъ случилось столько происшествій. Тысяча разнородныхъ мыслей и ощущеній наполняли его сердце и голову. Онъ составлялъ тысячу плановъ, отъ которыхъ отказывался почти тотчасъ же по составленіи ихъ. То онъ хотѣлъ войти въ квартиру

Быковой, осыпать упреками Марью Васильевну, побить Тарабаньева. Но какое право имѣлъ онъ упрекать ее, и, напротивъ, не правѣ ли была она сама выгнать его изъ своей квартиры? Чтожъ касается до проэкта—обратиться къ личности полковника, Качаевъ приходилъ въ совершенное уныніе, вспомнивъ широкія плечи и здоровую фізіономію Тарабаньева, и сравнивъ ихъ со своей жалкой, щедушной фигурой. Съ минуту думалъ онъ напасть на него предательски, сзади, въ то время, какъ онъ будетъ выходить изъ подъ воротъ, но даже, при неожиданномъ нападеніи, вся вѣроятность презосходства была на сторонѣ врага, на помощь къ которому поспѣшилъ бы непременно его кучеръ, обстоятельство окончательно убившее бѣднаго Семена Петровича.

Вслѣдствіе всѣхъ таковыхъ превратностей судьбы, не удивительно, что Качаевъ сдѣлалъ только одно: дождался выхода Тарабаньева, вернувагося часа чрезъ два, посмотрѣлъ издали, какъ онъ сѣлъ на свои дрожки и, глубоко вздохнувъ, отправился домой.

IV.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ Семень Петровичъ слѣдующаго утра и отправленія городской кареты. Онъ рассчитывалъ на рѣшительное объясненіе съ дѣвушкой и приготавливалъ даже громовыя рѣчи à la Мирабо, которыя должны были испепелить преступницу. Испепеленія, однакоже, не произошло, по самой простой причинѣ. Быковой не было въ каретѣ, отправившейся утромъ отъ Знаменья къ Тучкову мосту. Молодой человекъ пришелъ въ отчаяніе при мысли, что дѣвушка могла опоздать и поѣхать въ свой магазинъ десятью минутами позже, въ слѣдующей каретѣ. Тогда онъ рѣшился на смѣлый подвигъ. Въместо того, чтобы остановиться въ первой линіи, онъ отправился на средній проспектъ, въ магазину мадамъ Сомъ. Гуляя взадъ и впередъ по проспекту, то по одной, то по другой сторонѣ, не отдаляясь отъ магазина и не выпуская его изъ виду, онъ проходилъ такимъ образомъ часа три. Марьи Васильевны не было. Въ окна магазина онъ увидѣлъ двухъ швей: длинную непозволительно—рыжую, худую Христію и вертлявую, курносую,

косую дѣвчонку Катю, сидѣвшихъ за шитьемъ и очевидно замѣчавшихъ частую прогулку молодаго человѣка мимо ихъ оконъ. Качаевъ, замедляя у завѣтныхъ оконъ свой шагъ, смотрѣлъ безсознательно на кривлянье и хохотъ Кати, вертѣвшейся на стуль, какъ пивоя на своемъ тренажннкѣ, между тѣмъ какъ чухонка закатывала подъ лобъ глаза и сняла съ своей костлявой шеи креновой платочекъ. Онъ не замѣчалъ даже, что будочникъ, стоявшій на углу средняго проспекта, началъ посматривать на него весьма подозрительно, но убѣдясь, что хорошенькой швеи нѣтъ въ магазинѣ, и почувствовавъ въ тоже время сильную усталость, Семень Петровичъ, опустивъ голову, побрелъ опять къ городской каретѣ.

Мысль о Марѣ Васильевнѣ не давала ему однакоже покоя. Онъ почти ничего не ѣлъ за обѣдомъ, рѣшительно, ничего не отвѣчалъ на ворчанье и ругательства дяди и въ семь часовъ, побуждаемый непреодолимою силою, вышелъ изъ дому и опять сѣлъ въ карету, отправляющуюся къ Тучкову мосту. Онъ надѣялся, что дѣвушка въ теченіи дня пріѣдетъ въ магазинъ и будетъ возвращаться изъ него, по обыкновенію, въ восемь часовъ вечера. Надежды его не исполнились и на этотъ разъ. Онъ засталъ еще швей зароботой, но Быковой между ними не было. Не смотря на это, онъ нѣсколько времени стоялъ въ раздумьи и дождался, когда обѣ швеи вышли изъ магазина. Увидя Качаева у воротъ, онѣ размѣялись, постояли нѣсколько времени, какъ будто ожидая, что онъ подойдетъ къ нимъ, потомъ пошли вмѣстѣ, начали о чемъ-то сильно спорить, и вдругъ разошлись: одна отправилась по дорогѣ въ Колтовскую, другая повернула на лѣво: обѣ оглядывались, какъ бы желая знать, за которою онъ пойдетъ. Качаевъ, даже не взглянувъ на нихъ, пошелъ прямо.

Неизвѣстно, что сдѣлалось бы съ Качаевымъ, но сдѣлалось бы что-нибудь нехорошее, если бы, на другой день, сядя въ карету, онъ не нашелъ уже въ ней молодую дѣвушку. Радостное восклицаніе вырвалось изъ его груди, хоть радоваться было нечему. Объясненіе предстояло не веселое: дѣвушка сама была серьезна и недовольна.

Всѣ рѣчи, полныя упрековъ и жалобъ, заготовленные наканунѣ Качаевымъ, были конечно позабыты. Онъ даже

не могъ притвориться сердитымъ и почти въ восторгѣ вскричалъ, садясь подлѣ дѣвушки:

— Ахъ, это вы!

— Я-съ, лаконически отвѣчала Марья Васильевна.

Семень Петровичъ замолчалъ, не зная, какъ продолжать разговоръ. Онъ начиналъ думать, не больше ли виноватъ онъ, чѣмъ она во всемъ, что случилось, не вправѣ ли скорѣе она сердиться на него? Видя, что она упорно молчитъ, Качаевъ сконфузился до того, что готовъ былъ просить у нее прошенія. Но и на это не достало у него духу. Помолчавъ минутъ десять, онъ рѣшился сдѣлать ей вопросъ:

— Вы вчера не были въ магазинѣ?

— Была, отвѣчала спокойно дѣвушка.

— Но я не видалъ васъ тамъ ни утромъ, ни послѣ обѣда? сказалъ удивленный Качаевъ.

— А! такъ стало быть вы и вчера подсматривали за мною, какъ въ воскресенье? вскричала дѣвушка съ особеннымъ одушевленіемъ.

Семень Петровичъ опустил голову и отвѣчалъ едва слышно:

— Вчера меня беспокоило то, что я васъ не встрѣтилъ въ каретѣ.

— А третьяго дни что васъ беспокоило? Для чего это вамъ вздумалось дворника нашего допрашивать, да кучера Апполона Ѳомича?

— Его зовутъ Апполономъ Ѳомичемъ, прошепталъ несчастный Качаевъ.

— Точно такъ-съ, говорила дѣвушка, горячася все болѣе и болѣе. И я вамъ совѣтую не показываться ему на глаза. Онъ человѣкъ горячій и не любитъ, чтобы за нимъ и одсматривали.

— Вы стало-быть хорошо узнали его характеръ, сказалъ Качаевъ, также одушевляясь по-немногу, и вѣрно видѣлись съ нимъ вчера, какъ въ воскресенье, если онъ успѣлъ вамъ пересказать, что я спрашивалъ его кучера.

— Ну, и видѣлась. Чтожъ изъ этого? какое вамъ до этого дѣло?

— Мнѣ? спросилъ удивленный молодой человѣкъ

— Ну, да, вамъ. Что вы мнѣ отецъ, братъ, родня какая, что-ли?

— Я люблю васъ, Марья Васильевна, сказалъ Качаевъ съ такимъ грустнымъ выраженіемъ, что дѣвушка невольно понизила тонъ и отвѣчала гораздо мягче:

— Знаю я давно вашу любовь. Вы мнѣ объ ней очень ясно намекали, только я сама васъ останавливала; видѣла, что никакого проку изъ этой любви не выдетъ.

— Вы... это видѣли? повторилъ Семень Петровичъ еще печальнѣе.

— Еще бы нѣтъ! Сами же вы о себѣ всю подноготную мнѣ рассказали: и сколько жалованья получаете и какъ вашъ дядя браниться любитъ. Я и сама отъ васъ также не скрывала, что и у меня ничего нѣтъ, что я живу работой, и тяжела мнѣ приходится подчасъ эта работа. Порознь мы еще живемъ кое-какъ, а вмѣстѣ жить намъ никакъ нельзя; жениться вамъ на мнѣ не приходится. Моя глухая мать и вашъ ворчунъ дядя вмѣстѣ не уживутся, а вѣдь не бросить же намъ ихъ. А коли потомъ, глядишь, семья наша еще прибудетъ—чѣмъ же мы кормить ее будемъ? Все это я говорю вамъ теперь прямо потому, что намековъ моихъ вы не хотѣли понять; смѣшно, что мнѣ приходится учить васъ, да показывать вамъ настоящее дѣло. Вы сами точно ребенокъ какой, ничего разсудить не хотите. Знаю, что тяжело вамъ это слушать, оттого-то я и не хотѣла больше съ вами о такихъ вещахъ разговаривать. Вольно вамъ было подымать эту исторію, ходить къ намъ подъ ворота, подсматривать кто ко мнѣ ѣздитъ; сидѣли бы дома—лучше было бы. Стали бы рѣже меня и въ каретѣ видѣть и понемножку бы отвыкли; настоящими глазами на вещи бы взглянули. А теперь на васъ даже посмотреть жалостно. На что вы изъ себя похожи? Жаль мнѣ васъ, только тутъ я ни чѣмъ помочь не могу. Я этому не причина.

Семень Петровичъ слушалъ, потупя голову, этотъ монологъ. При послѣднихъ словахъ онъ въ отчаяніи покачалъ головою.

— Нѣтъ, вы не причина, повторилъ онъ. Я и не обвиняю васъ. Виноватъ во всемъ я одинъ, да и не я даже, а моя горькая доля... Такъ ужъ видно мнѣ на роду на-

писано!... Только, вы не думайте, чтобы я за вами подсматривалъ. Третьяго дни я случайно видѣлъ, какъ вы съ тѣмъ господиномъ на дрожкахъ къ вашему дому прѣехали. Не спросить объ емъ и объ васъ я не могъ. Вчера что-то насильно толкало меня узнать: въ магазинъ ли вы; въ этомъ я еще не вижу большой вины. А что вамъ Тарабаньевъ грозитъ на меня, такъ я его не боюсь, и самъ радъ буду съ нимъ встрѣтиться. Увидимъ еще, кто кого! я въ Воскресенье чуть было самъ на него не кинулся.

— Вы съ ума сошли! вскричала рѣзко дѣвушка. Съ чего это вы взяли исторіи заводить? Я не говорю ужъ, что онъ васъ однимъ пальцемъ раздавить, да вы развѣ не знаете, какой онъ важный человѣкъ? Онъ и связываться то съ вами не захочетъ, а просто велитъ васъ взять въ часть. Последнее мѣсто черезъ него потеряете, тогда ужъ и вдосталь нечего ѣсть будетъ.

— Тѣмъ лучше! одинъ конецъ: что съ голоду умирать, что съ горя, сказалъ съ мрачнымъ отчаяніемъ молодой человѣкъ.

— Полноте комедию-то разыгрывать, отвѣчала насмѣшливо Марья Васильевна. Кто это съ горя умираетъ? Потужите, да и утѣшитесь. Что въ самомъ дѣлѣ: свѣтъ не клиномъ сошелся. Дастъ Богъ, будете больше жалованья получать, или кто-нибудь вамъ побогаче понравится, воть тогда на другой и женитесь.

— А на васъ стало быть мнѣ ужъ нѣтъ ни какой надежды жениться? спросилъ съ горькой улыбкой Качаевъ.

— Никакой! отвѣчала твердо дѣвушка.

— Ну, а Тарабаньевъ женится на васъ?

Марья Васильевна вспыхнула и отвѣчала рѣзко:

— Я вамъ не обязана отвѣчать на дерзкіе вопросы. Вы мнѣ не опекунъ. Аполлонъ Ѳомичъ человѣкъ деликатный. Онъ безъ всякихъ видовъ оказываетъ мнѣ покровительство.

— И... вы давно познакомились съ нимъ? спросилъ Качаевъ, пересиливая внутреннее волненіе.

— Съ недѣлю какую-нибудь. Я его также раза три въ каретѣ встрѣтила, когда домой изъ магазина ѣхала. Онъ на Петербургской бѣднымъ помогалъ и самъ вызвался помочь намъ, узнавъ о нашемъ положеніи. Маменькѣ даже доктора присылалъ, самъ такъ обо всемъ заботился.

Говорить: это его обязанность; человѣчеству служить надобно. Онъ нашелъ, что я въ магазинѣ слишкомъ мало получаю, здоровье за шитьемъ теряю и доставилъ мнѣ работу на домъ, не трудную: тонкое бѣлье шить: по три цѣлковыхъ за рубашку платить. И такъ во все входитъ, обо всемъ распросилъ, даже по хозяйству узналъ, что и какъ дѣлается; обѣщалъ разнаго платья и посуды всякой прислать: маменькѣ хотѣлъ мѣсячный пенсіонъ выхлопотать за ея убожество. Вотъ теперь ѣду къ мадамъ Сомъ, сказать, чтобы другую швею прискала: въ магазинъ я больше ходить не буду.

Дѣвушка видно увлеклась разговоромъ объ улучшеніи своей участи. Видно было, что эта перемена произвела на нее сильное вліяніе. Качаевъ становился съ каждой минутой все мрачнѣе и печальнѣе.

— И вы больше не будете ѣздить въ городской каретѣ? вскричалъ онъ въ отчаяніи, при послѣднихъ словахъ дѣвушки.

— Отчегоже... если случится, отвѣчала она съ разстановкой, какъ будто жалѣя о немъ. Только часто мнѣ теперь не зачѣмъ ѣздить на петербургскую.

— И, стало-быть, мы ужъ больше не увидимся? спросилъ онъ глухимъ, прерывающимся голосомъ.

— Говорять: гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ встрѣтится, отвѣчала она съ натянутой любезностью и принужденной улыбкой.

— Неужто я въ самомъ дѣлѣ вижу васъ въ послѣдній разъ? вскричалъ онъ голосомъ, полнымъ невыразимаго отчаянія. Неужто все это такъ и должно кончиться? Вы нисколько не любите меня, Марья Васильевна? Неужто въ васъ нѣтъ никакой жалости?

Въ глазахъ бѣдняка заблестали крупныя слезы. Она сказала быстро и шопотомъ;

— Полноте! Вы забыли, что мы здѣсь не одни. Что объ насъ подумаютъ? Мнѣ васъ очень жаль, но что же дѣлать!

— Что дѣлать? Подумать хорошенько о вашемъ положеніи, о моей любви; не убивать того, кто отъ васъ съ ума сойдетъ. У меня ничего нѣтъ, конечно, но если вы за меня выйдете, развѣ я не буду работать какъ ломовая лошадь, чтобы вы ни въ чемъ не нуждались, развѣ я не

закабало души своей, чтобы вы только были довольны и веселы? Дядя мой не злой человекъ: онъ не захочетъ несчастія своего племянника,—я умолю его согласиться на нашу свадьбу, взять къ себѣ вашу матушку. Мы будемъ сыты: намъ веселѣе будетъ жить всѣмъ вмѣстѣ. Вы дѣвушка умная: неужто вы не видите, что этотъ Тарабаньевъ хочетъ погубить васъ, что вся эта благотворительность только одна ловушка, въ которую вы сами идете ужъ даже черезъ чуръ доверчиво. Кто повѣритъ, чтобы онъ все это для одного человеколюбія дѣлалъ? Если бы за одно шитье рубашекъ платили по три цѣлковыхъ, такъ бѣдному человеку пришлось бы безъ нихъ ходить. Въдѣ такихъ бѣдныхъ дѣвушекъ, какъ вы, въ Петербургѣ тысячи. Если бы всѣмъ такъ помогали, какъ вамъ, такъ самимъ благотворителямъ пришлось бы скоро пойти по міру. Для меня ясно, какъ день, что дѣло это нечистое. Ради Бога, обдумайте все хорошенько, не торопитесь, а главное—повѣрьте, что моя любовь не похожа на какую-нибудь пустую прихоть, что я отдамъ всю мою душу, лишь бы только вы были счастливы. Подумайте, что отказъ вашъ убьетъ меня, что безъ васъ моя горькая жизнь сдѣлается мнѣ невыносима. Въдѣ вы первая моя радость въ этой жизни, въдѣ я только и жилъ это время одною надеждою; въдѣ не легко человеку отказаться отъ своей единственной отрады. Никто не любилъ меня въ жизни, да я и не жду любви—я прошу только, чтобы вы позволили мнѣ любить васъ, дѣлать для васъ все, что я могу, жить для одной васъ. Можетъ—быть потомъ, видя, что у меня точно нѣтъ другой мысли въ жизни, кромѣ вашего счастья, вы хоть немножко полюбите меня изъ благодарности, или изъ жалости. Я буду доволенъ и этимъ. Если вы не увѣрены, что будете счастливы со мною, что намъ доставитъ чѣмъ жить—я готовъ ждать сколько хотите, только обѣщайте мнѣ, что вы хоть когда-нибудь, современемъ, выйдете за меня. Я вамъ повѣрю—и буду ждать съ радостью, съ терпѣніемъ. Только прогоните теперь этого Тарабаньева. Пусть онъ оказываетъ человеколюбіе старухамъ, а не молодымъ дѣвушкамъ. Право, я помѣшаюсь, Марья Васильевна, если вы не сжалитесь надо мною.

Она слушала въ волненіи эту простую исповѣдь бѣднаго,

больнаго сердца. Истинное чувство трогаетъ даже, когда не раздѣляешь его. Но Марья Васильевна была дѣвушка расчетливая, практическая, какихъ не мало въ практическомъ Петербургѣ. Она уже давно все сообразила, и потому, давъ Качаеву время высказать свои просьбы и жалобы, отвѣчала твердо и спокойно:

— Я бы не прочь ждать, Семень Петровичъ, еслибы видѣла, что можно будетъ чего нибудь дожидаться. Но въ томъ то и дѣло, что тутъ хоть сто-лѣтъ прожди, все таки ничего не выйдетъ. Вася я узнала хорошо: вы добрый, прекрасный человекъ, но не изъ такихъ, которые бы скоро успѣла нажить копейку, или взять хоть уступчивостью; вася всякій можетъ обмануть, да обидѣть, а вы не только не пожалуетесь на это, да и не замѣтите этого. Очень вы мягки—оттого и бѣда вся. Вася и жена-то будетъ въ рукахъ держать, стало вамъ и жену такую надобно, которая бы изъ копейки рубль выжимала. А я даже хозяйка плохая. Къ тому же мнѣ двадцать пять лѣтъ и ждать въ мои года тяжело. Можетъ у Тарабаньева, и точно что-нибудь не хорошее на умѣ, да я буду держаться съ нимъ на сторожѣ. Обмануть меня нелегко. А воспользоваться пособіемъ грѣха нѣтъ никакого. Просидѣвши лѣтъ десять за шитьемъ, не разгибая спины, право захочется и отдохнуть немножко, попробовать хоть нѣсколько деньковъ, какъ это другіе всю жизнь свою ничего не дѣлаютъ. Вотъ теперь весна; подъ Петербургомъ вездѣ музыка, гулянья, а я могу пересчитать, сколько разъ въ эти десять лѣтъ была въ Екатерингофѣ, да на Крестовскомъ; Павловска и въ глаза не видала; не знаю, какая тамъ машина чугунная ѣздитъ. Фейрверки у Излера видѣла только съ Черной рѣчки. Такъ сами подумайте: чтоже мнѣ отъ своего счастья отказываться? Всегда успѣю за свою иголку вернуться, коли замѣчу, что онъ на дурное дѣло сводить.

— На эту дорогу стоить только ступить, назадъ не вернетесь, отвѣчалъ грустно Качаевъ. Привыкнете гулять да отдыхать, такъ не захотите опять за тяжелую работу приниматься; хоть бы это доброй славы стоило—не откажетесь отъ веселой жизни. Надѣвъ бархатный бурнусъ, не станете шить его для другихъ.

— Да вѣдь и не вы будете шить его на меня, такъ чтоже вамъ до этого? спросила, обидѣвшись, дѣвушка.

Качаевъ, казалось, не слышалъ ея словъ и сказалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Не могу повѣрить, чтобы вы твердо и окончательно рѣшились на такое дѣло. Вы подумайте о моихъ словахъ, о моемъ предложеніи. Въ недѣлю вы наконецъ узнаете, чего ищетъ этотъ Тарабаньевъ. Я всякій день буду ѣздить утромъ въ этой каретѣ, къ Тучкову мосту, и если найду васъ въ ней до будущаго вторника, это будетъ значить, что вы добрая и честная дѣвушка, что вы не захотите убить меня.

Она молча пожала плечами и откинулась въ уголъ кареты. Онъ велѣлъ кондуктору остановиться и молча, не протѣясь съ дѣвушкой, вышелъ въ первой линіи.

Недѣля прошла своимъ порядкомъ: для иныхъ скоро, для Качаева она тянулась какъ вѣчность. Во все это время онъ видѣлъ одинъ разъ Марью Васильевну; она проѣхала по невяскому, въ пролеткахъ, съ Тарабаньевымъ. На ней не было бархатнаго бурнуса, но за то была надѣта великолѣпная гроденаплевая шляпка съ дорогими кружевами. Семень Петровичъ все выдержалъ и дождался до слѣдующаго вторника.

День этотъ пришелся въ какой-то праздникъ. Не смотря на это, Качаевъ все таки поѣхалъ въ каретѣ къ Тучкову мосту, и вернулся обратно къ Знаменью, не выходя изъ нее. Онъ былъ только еще печальнѣе на возвратномъ пути. Послѣ обѣда онъ отправился въ Гончарную и узналъ, что Марья Васильевна не было дома. Ему захотѣлось почему-то еще разъ взглянуть на магазинъ мадамъ Сомъ. Побродивъ около него, онъ отправился съ средняго проспекта на Петровскій, походилъ молча по скромнымъ дорожкамъ парка, и въ десятомъ часу вернулся къ Тучкову мосту. Къ Знаменью отправлялась послѣдняя карета. Качаевъ сѣлъ въ нее съ тѣмъ же растроенымъ видомъ. Пошелъ проливной дождь. Сидя у окна, Семень Петровичъ видѣлъ, какъ карету обогнала лиейка, на которой сидѣли кавалеръ и дама въ гроденаплевой шляпкѣ, покрытой фуляромъ. Потомъ лиейка вдругъ остановилась, и, спросивъ у кондуктора: естьли мѣсто, кавалеръ съ дамой влезли въ карету.

— Все же будетъ хоть шляпка цѣла! сказала дама, садясь напротивъ Качаева.

— Стоить ли толковать объ этомъ, замѣтилъ небрежно кавалеръ, помѣщаясь подлѣ дамы. Прикажите купить хоть десять.

— Но она такая хорошенькая, говорила дама, отряхая капли дождя.

— Не лучше же васъ, отвѣчалъ любезно кавалеръ, нагибаясь къ своей дамѣ.

Та размѣялась, но улыбка вдругъ исчезла съ ея лица. Качаевъ, блѣдный, какъ смерть, смотрѣлъ на нее мутными, неподвижными глазами.

Съ минуту продолжалось тяжелое молчаніе.

— Кто это? спросилъ кавалеръ, видя, какъ пристально смотритъ Качаевъ на его даму.

— Не знаю! отвѣчала она шопотомъ.

Качаевъ услышалъ однакоже этотъ отвѣтъ, сдѣлавъ усиліе улыбнуться, но не могъ, потомъ приподнялся, шатаясь, на мѣстѣ, и дернулъ за шнурокъ.

Карета остановилась.

— Прощайте! сказалъ онъ, глядя на дѣвушку, такъ-что ей сдѣлалось страшно.

Шатаясь, вышелъ онъ на средину улицы, подъ проливнымъ дождемъ, и пошелъ рядомъ съ каретой, тронувшейся сначала тихо. Потомъ, когда лошади побѣжали привычной рысью, онъ отсталъ... Потомъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, догналъ бѣгомъ карету и вдругъ бросился подъ колеса...

V.

Происшествіе, описанное нами, случилось въ первый годъ учрежденія городскихъ каретъ. И у нихъ, какъ у всѣхъ прочихъ учреждений, есть своя легенда, которую мы передали читателямъ съ дипломатическою точностью. Только легенда эта не кончилась трагическимъ событіемъ. Развязка ея произошла гораздо позже. Съ-тѣхъ—поръ прошло ровно десять лѣтъ.

Въ прошломъ апрѣлѣ, часу въ восьмомъ вечера, невская карета двинулась скромной рысью черезъ Тучковъ мостъ. Она была почти пустая. Въ ней сидѣла какая-то баба, съ

вертливой дѣвочкой, поминутно, безъ всякой нужды, повторявшей: маинька! а маинька? на что баба отвѣчала всякій разъ: нишкин, гунаяя! Кромѣ бабы сидѣлъ еще худощавый господинъ въ касторовомъ пальто, въ шляпѣ, съ палкой, набалдашникъ которой изображалъ голову бульдога, высунившаго языкъ. Господинъ изрѣдка нюхалъ табакъ изъ хорошей табакерки съ изображеніемъ спящей женщины и утирался хорошимъ пестрымъ фуляромъ.

При вѣздѣ въ первую линію, карета остановилась и на подножку не совсѣмъ легко поднялась плотная дама, въ тепломъ сатентюрковомъ салопѣ и темной шляпкѣ съ черной вуалью. Она сѣла въ почтительномъ разстояніи отъ господина съ палкою и стала отъ искивать гривенникъ въ портмоне филигранной работы. Гривенника не оказалось, и кондукторъ отвѣчалъ сурово дамѣ, протягивавшей ему цѣлковый.

— Нѣтъ у меня на столько сдачи. Вѣдь вотъ и въ газетахъ писали, чтобы мелочь съ собой брали.

— Какъ же мнѣ быть? спросила дама довольно развязно.

— А вотъ, можетъ еще подойдутъ пассажиры, такъ съ нихъ получу.

— А если не подойдутъ?

— Можетъ въ конторѣ найдется, какъ на мѣсто пріедемъ.

— Да мнѣ надо на Лиговку съ Невскаго повернуть. Зачѣмъ же я въ контору пойду?

— Ну, ужъ какъ знаете! отвѣчалъ угрюмо кондукторъ, вообще не отличавшійся любезностью.

Господинъ съ палкой слышалъ этотъ разговоръ, тотчасъ же досталъ солидный портмоне и вынувъ изъ него гривенникъ, протянулъ его къ кондуктору, сказавъ:

— Возьми, любезный, да научись, пожалуйста, въжливѣе говорить съ дамами.

Потомъ, обратясь къ сосѣдкѣ, онъ продолжалъ самымъ сладкимъ тономъ.

— Вы не извольте беспокоиться, сударыня. Коли у него не найдется сдачи подъ конецъ дороги, я могу размѣнять вамъ сколько угодно.

— Ахъ, какъ вы... начала полная дама и вдругъ остановилась, съ удивленіемъ и какимъ-то страхомъ глядя на своего спутника. Тотъ въ свою очередь началъ вглядываться въ сосѣдку и оба вскрикнули почти въ одно время:

— Семенъ Петровичъ!

— Марья Васильевна!

Потомъ послѣдовали восклицанія, удивленія, сомнѣнія, даже восхищенія. Семенъ Петровичъ въ волненіи взялъ руку спутницы и легко пожалъ ее. Она отвѣчала ему слабымъ пожатіемъ. Черезъ минуту они уже разговаривали, какъ старые знакомые. Да развѣ и не были они знакомы, такъ какъ не многимъ приходится быть знакомыми?...

— Десять лѣтъ! шутка сказать, говорилъ Семенъ Петровичъ взволнованнымъ голосомъ: сколько воды то съ-тѣхъ-поръ утекло. Сколько происшествій случилось!

— Да! отвѣчала со вздохомъ Марья Васильевна. Война какая началась! Что то Севастополь?

— Сколько революцій въ Европѣ было, замѣтилъ съ важностью Качаевъ. Да, слава-Богу, все успокоилось. Порядокъ свое взялъ.

Марья Васильевна подняла съ благодарностью глаза къ небу. Наступило минутное молчаніе. Его прервалъ Качаевъ нетерпѣливымъ тономъ.

— Да что мы съ вами для того черезъ десять лѣтъ свидѣлись, чтобы о политикѣ разговаривать?

Спутница улыбнулась очень мило, откинула совершенно свой вуаль и, подвинувшись сколько можно ближе къ сосѣду, сказала вкрадчивымъ голосомъ:

— Вѣдь не о томъ же говорить намъ, о чемъ десять лѣтъ тому назадъ.

Качаевъ немного смутился и отвѣчалъ уклончиво.

— Да! было время улечься и измѣниться многому... Мы таки постарѣли съ вами немножко. Я уже къ сорока подвигаюсь.

— Да, и мнѣ скоро тридцать, отвѣчала во вздохомъ сосѣдка.

Сосѣдъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Ему помнилось, что Марья Васильевна прежде вела другой счетъ своимъ годамъ, не считала два года за одинъ. Но онъ не сообщил ей этого замѣчанія и сказалъ, задумчиво покачивая головою:

— И какъ это намъ не случалось встрѣчаться въ это время въ Петербургѣ. А я бывалъ и въ театрахъ и на разныхъ гуляньяхъ, особенно въ последнее время. И въ

невской каретѣ тоже часто ѣздила... Вамъ, вѣрно, въ этой каретѣ не было никакой нужды ѣздить?

— Никакой, отвѣчала весело сосѣдка. Я жила больше семи лѣтъ въ Москвѣ.

— Вотъ-что!... У васъ тамъ родственники были?

— Нѣтъ!... Такъ, дальніе очень!... Надо же гдѣ-нибудь жить; Петербургъ мнѣ надоелъ,—я и перѣехала въ Москву.

Семень Петровичъ задумался при этомъ песовсѣмъ ясномъ отвѣтѣ. Марья Васильевна, по добротѣ души, захотѣла разсвѣять его задумчивость и сказала самымъ добродушнымъ, дружескимъ тономъ.

— Обо мнѣ что говорить. Наша женская жизнь извѣстна. Особеннаго интереса въ ней нѣтъ никакого. Работа, да наряды, да съ подругами подъ часъ немножко о разныхъ знакомыхъ потолкуешь. А вотъ расскажите-ка мнѣ, что вы въ эти десять лѣтъ дѣлали. Это гораздо любопытнѣе. Мы разстались съ вами въ такую ужасную минуту!... Я видѣла васъ въ такомъ положеніи....

И Марья Васильевна очень эффектно закрыла глаза платкомъ, обшитымъ кружевами. Семень Петровичъ отвѣчалъ съ разстановкой, также очень граціозно понюхавъ табаку:

— Да, минута была не веселая, да и положеніе—нельзя сказать, чтобы привлекательное. Это случилось кажется на этомъ самомъ мѣстѣ, — прибавилъ онъ, равнодушно заглядывая въ окно кареты, ѣхавшей по первой линіи. Вѣдь придетъ же въ голову человѣку охотой броситься подъ карету!...

— Неужели вы сдѣлали это съ намѣреніемъ? вскричала съ несовсѣмъ откровеннымъ ужасомъ сосѣдка.

— А вы думали нечаянно? Развѣ я не говорилъ передъ тѣмъ, что не переживу вашего отказа выдти за меня замужъ.

— Я ни какъ не думала, чтобы это было серьезно. Рѣшиться на такую... На такой поступокъ!...

— Нѣтъ ужъ, говорите прямо: не на такой, а на такую—глупость. Въ молодые года только и можно поступать подобнымъ образомъ. Впрочемъ и то сказать, не всякій молодой человѣкъ влюбляется до такой степени, какъ я любилъ васъ.

Сосѣдка сочла нужнымъ покраснѣть и опустить глаза внизъ.

— Вы сознаетесь однакоже теперь, сказала она тихимъ голосомъ, что выдти тогда за васъ была бы — я повторяю ваши слова — глупость не меньше той, какую вы сдѣлали.

— Очень можетъ быть... Только въ то время можно было бы, какъ мнѣ кажется, предостеречь меня отъ этой глупости не такимъ рѣшительнымъ способомъ, какъ вы это сдѣлали.... Впрочемъ, я васъ не обвиняю. Съ своей точки зрѣнія вы были правы, поступивъ такимъ образомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, смѣшно было думать, что сумасшедшій не шута бросится подъ колеса оттого, что вы благоразумно предпочли его человѣку болѣе солидному и достаточному.... Какъ бишь звали его?... Дребеденьевъ... Барабановъ...

— Мы однакоже всѣ думали, что васъ разбила лошадь, — прервала собесѣдника. Когда карета остановилась и я выглянула въ окно, около васъ хлопотало нѣсколько человѣкъ. Но увидѣвъ кровь на вашемъ лицѣ, я не могла вынести этого и не выглядывала больше, покаместъ васъ не понесли куда-то и карета не поѣхала дальше.

— Меня снесли недалеко: тутъ же, въ больницу, въ первой линіи и тотчасъ же оказали всякое пособіе. Упалъ я довольно счастливо. Если вы помните, въ это время шелъ сильный дождь.

— Какъ же, я еще отъ него и въ карету сѣла.

— Ну, такъ не мудрено, что подбѣжавши къ каретѣ, я поскользнулся на мокрыхъ камняхъ и вмѣсто того, чтобы броситься подъ переднія колеса головою, упалъ въ ноги лошадей. . А извѣстно, какія лошади въ городскихъ каретахъ: никогда не горячатся. Конечно, они вѣроятно удивились, когда я повалился имъ въ ноги, но не дернули, не понесли, какъ сдѣлали бы другія, менѣе положительныя животныя, а напротивъ остановились и только немного задергали ногами. Поэтому, вмѣсто того, чтобы раскроить мнѣ черепъ, они переломили только мнѣ ногу, помяли немного правый бокъ и чуть-чуть разбила голову. Въ больницѣ мнѣ все это мигомъ починили, и если бы не нога, заставившая меня пролежать семь мѣсяцевъ, я бы черезъ нѣсколько недѣль выписался изъ больницы.

— И никакихъ послѣдствій не осталось отъ этого несчастнаго случая? спросила съ участіемъ Марья Васильевна.

— Рѣшительно никакихъ. Нога, правдѣ, съ годикъ эдакъ

ныла по временамъ немного — привыкла видно въ лубкахъ лежать — такъ потомъ ходить не хотѣлось, но черезъ годъ я опять сталъ молодецъ-молодцомъ.

— Что-же вы дѣлали съ тѣхъ поръ?

— Да обыкновенно что: служилъ.

— И теперь служите?

— И теперь служу. Кстати, на этотъ счетъ, позвольте припомнить вамъ, что вы ошиблись немножко въ вашихъ предсказаніяхъ. Вы тогда утверждали, что я никогда ничего не достигну по службѣ, что характеръ у меня не искалтельный. А между-тѣмъ я въ десять лѣтъ таки подвинулся впередъ.

— Что-же вы теперь, начальникъ отдѣленія? спросила еще съ бѣльшимъ участіемъ сосѣдка.

— Ну нѣтъ, это ужъ вы далеко хватили. Я не самолюбивъ и знаю, что въ начальники отдѣленія не гожусь. Но въ десять лѣтъ я изъ младшихъ помощниковъ столоначальника вышелъ въ контролеры — и это не бездѣлица. По счетной части, знаете, особенныхъ способностей не требуется; оно и кстати, потому-что у меня и нѣтъ ихъ. Но нужна акуратность, за это я и жалованье больше получаю. Три тысячи на полу не поднимешь.

— Серебромъ? спросила съ живостью Марья Васильевна.

— Ну, ужъ вы и серебромъ! Столько развѣ директоръ какой нибудь получаетъ, да и то съ разными добавочными, да квартирными. Мнѣ и ассигнаціями довольно. Особенно какъ еще столькоже, глядишь, перепадеть отъ разныхъ другихъ дѣлъ.

— Одиному человеку, конечно, этого и очень довольно... Вы... не женаты?...

Последнія слова сосѣдка произнесла въ волненіи и нерѣшительно. Сосѣдъ отвѣчалъ очень хладнокровно:

— Нѣтъ еще.

— Вы сказали нѣтъ еще. Стало быть собираетесь?

— Да, надо будетъ. Такіе года подходятъ, что хозяйка въ домѣ нужна. По гостямъ ходить не хочется. Все больше дома сидишь. Подъчасъ захочется, чтобы тебя понѣжили, поласкали. Можно и ребятишками пообзавестись. Кое-что и про нихъ въ запасѣ есть.

— Но вѣдь у васъ дядя, кажется, былъ?

— Давно ужъ на Волковомъ! Добрый старикъ былъ, не смотря на то, что все ругался. Какъ онъ ходилъ за мной, когда я себѣ ногу сломалъ!.. Плакалъ какъ ребенокъ. Съ-

тѣхъ-поръ даже ворчать меньше началъ. Я было ужъ со-всѣмъ привыкать къ нему сталъ, да онъ не долго пожилъ. И году не прошло послѣ моего выздоровленія. Я, признаться, думалъ иногда, какъ съ постели встану, что придется и мнѣ походить за дядей, какъ онъ за мной ходилъ. Старикъ же былъ хворой, могъ и не одинъ годъ проваляться въ постели. Только что-же вышло. Разъ мы съ нимъ послѣ обѣда за шашки сѣли. Я въ болѣзнь-то въ эту игру навострился и случалось у него выигрывать. Дядю это еще пуще сердило. А тутъ я какъ нарочно — возьми, да и изловчись ему парламентъ сдѣлать. Первый разъ въ жизни — и послѣдній. Дядя изъ себя вышелъ, началъ доказывать, что я не такъ сыгралъ, неправильно его въ парламентъ заперъ. Я только смѣялся, да поддразнивалъ его; вдругъ онъ остановился и какъ-то странно выпучилъ на меня глаза. Я его за рукавъ халата дернулъ — онъ и покатился со стула, — тутъ же и духъ вонъ. Доктора потомъ говорили, что это у него аневризъмъ лопнулъ.

— И я тоже потеряла матушку, сказала печально соеѣдка. Покойница была немножка скупа и я никакъ не ожидала, что послѣ нея осталась довольно значительная сумма.

— Право? Такъ стало вы теперь богаты? спросилъ съ участіемъ Качаевъ.

— То-есть на мой вѣкъ достанетъ; могу даже кое-что и мужу въ приданое принести.

— А! Такъ и вы не замужемъ?

— Нѣтъ!

— И не были?

— И — не была, сказала Марья Васильевна неровнымъ голосомъ.

— Ну, а примѣрно эдакъ тыщенокъ десятокъ наберется?... ассигнаціями то-есть?

— Будетъ и больше, отвѣчала улыбаясь соеѣдка. Только, знаете, пользы они не много приносятъ. Банковскіе проценты извѣстно какіе, ну а женщинѣ куда же въ обороты пускаться. Муштина бы могъ изъ нихъ побольше извлечь. Я, знаете, думала все маленькій домикъ хоть гдѣ-нибудь на Пескахъ купить. Оно нынче очень выгодно и сама безъ хлопотъ живешь, и доходъ хорошій приноситъ. Только гдѣ женщинѣ одной съ жильцами возиться, съ повинностями, да съ полиціей... Оттого-то и я, признаться вамъ, не прочь бы замужъ выдти, кабы хорошій человекъ нашелся.

— Отчегожь и не найдись! особенно для такой прекра-

снѣ женщины, какъ вы, сказалъ съ чувствомъ Семень Петровичъ.

— Вы ко мнѣ еще, можетъ, по старой памяти очень снисходительны, скромно отвѣчала сосѣдка. Другіе найдутъ, что я не молода.

— Помилуйте, да что толку-то въ молодости? вскричалъ съ жаромъ Качаевъ. На что она, эта молодость? Чтобы подъ колеса бросаться! Да мы только на себя посмотримъ: что мы, развѣ глупѣе что ли стали, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ? Извините-сь! Мы теперь и съ порядочными людьми о чемъ угодно можемъ разговоръ поддержать. Многое видѣли, слышали, кое-что перечитали, узнали, вокругъ ученыхъ людей потерлись, сѣумѣли и перенять отъ нихъ кое-что. Такъ ли мы себя держимъ, такъ ли говоримъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ? Вы, конечно, и тогда были очень разсудительны, но сами сознайтесь, что развязности въ васъ этой не было, манеръ хорошихъ, тону разговорнаго. Васъ теперь отъ первокласной чиновницы не отличишь.

— Нѣтъ, ужъ вы очень пристрастными глазами на меня смотрите, сказала Марья Васильевна, лукаво поглядывая на своего спутника. Я все такая же осталась, какъ и прежде, хоть и была въ хорошемъ обществѣ. Вотъ вы такъ очень перемѣнились и, безъ комплиментовъ сказать, совершенно къ вашему авантажу. Всякая женщина за счастье почтетъ отвѣчать на ваше вниманіе.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ съ восторгомъ Качаевъ. Стало быть вы....

— Конечно, и мнѣ не трудно будетъ найти себѣ мужа, перебила сосѣдка. Но я не хочу выдти за кого-нибудь; да и не за всякаго хорошаго человѣка пойду. Есть люди и прекрасные во всѣхъ отношеніяхъ, да иной какъ-то странно на вещи смотреть. Вотъ хоть бы и я напримѣръ. Въ Москвѣ мнѣ, лѣтъ семь тому назадъ, подкинули ребенка. Еще его купецъ Семиведеровъ крестилъ; три тысячи серебромъ въ ломбардъ положилъ, съ тѣмъ, чтобы я проценты до его совершеннолѣтія получала. Вѣдь не бросить же мнѣ пріемыша; мальчикъ онъ такой смирный, учтивый, въ пансіонъ ужъ ходитъ. Ну, а другому жениху это можетъ не понравиться; онъ не такъ понять можетъ.

— Чегожъ тутъ не понимать? отвѣчалъ спокойно Качаевъ. Есть у ребенка— капиталъ, стало быть и говорить объ этомъ нечего. Вѣдь женятся же на вдовахъ и берутъ за ними дюжины ребятъ, даже безъ всякаго капитала. Дѣло

обыкновенное. А что вы мнѣ такъ благородно ваше доброе дѣло рассказали — за это я не знаю какъ и благодарить васъ. Неужто вы еще не забыли, какъ я любилъ васъ въ старые годы.

— Можно ли забыть такую любовь! сказала въ волненіи сосѣдка. Но, къ несчастію, она конечно, прошла.

— Кто сказалъ вамъ это? Прошла глупость, бредъ, горячка, но истинное чувство, хранившееся подъ пепломъ, какъ говорятъ сочинители, вспыхнуло при первой встрѣчѣ съ вами, и если только вы свободны, если вы хоть сколько нибудь расположены ко мнѣ....

— Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться? прервала едва слышно Марья Васильевна. Но... право, мнѣ кажется, здѣсь не мѣсто... говорить о такихъ вещахъ въ городской каретѣ.

— Отчего же? Я увидѣлъ и полюбилъ васъ въ каретѣ; въ ней признался первый разъ въ любви къ вамъ; въ ней же признаюсь и во второй разъ, и черезъ десять лѣтъ повторю вамъ тоже, что говорилъ тогда: выдѣте за меня замужъ, Марья Васильевна!

— Ахъ, Семень Петровичъ! но какъ же это такъ скоро... Это очень странно... Надо подумать.

И высокая грудь Марьи Васильевны подымалась еще выше, и яркіе глаза ея горѣли еще ярче.

— Думать тутъ не о чемъ, продолжалъ твердо Качаевъ. Мы не такъ уже молоды, чтобы терять время въ предисловіяхъ. Знаемъ мы другъ друга уже десять лѣтъ. Что скоро случилось все это—въ этомъ виновата судьба, которая свела и сблизила насъ такъ неожиданно. Что оно странно немножко—согласенъ, да мало ли страннаго дѣлается на свѣтѣ и никто не обращаетъ на это вниманія. Если вы теперь же не дадите мнѣ рѣшительнаго отвѣта — я подумаю, что вамъ захотѣлось только пококетничать со мною и никогда не сяду въ эту карету, чтобы не встрѣчаться съ вами.

Вмѣсто отвѣта Марья Васильевна, опустивъ голову, протянула Семену Петровичу руку, которую тотъ, какъ счастливый любовникъ, поспѣшилъ покрыть пламеннымъ поцѣлуемъ. Такъ по-крайней-мѣрѣ бываетъ въ повѣстяхъ.

А городская карета все ѣхала, да ѣхала къ Знаменью....

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДОВОМОВОЙ.

НАРОДНЫЙ ОЧЕРКЪ.

— Слышишь, кто-то стучится въ окошко?
 Говорить свать Пахомъ. «Видно кошка»;
 Отвѣчаетъ Маланья съ печи.
 — Дура! — кошка... вотъ знай пустомелю!
 Кошка въ полночь другую недѣлю
 Все стучится!... «Ну, ну, не ворчи!

«Не бѣду я сказала, Степаночь!
 Вѣдь ворота и сѣни мы на ночь
 Запираемъ замкомъ—кто взойдетъ?
 Да и Сѣрка всегда у забора
 На цѣпи,—не подпустить онъ вора,
 Всѣ ладыжки ему оборветъ».

— Экъ-ты баба! молоть-то здорова!
 Хочетъ псомъ затравить домоваго!
 У меня такъ душа вся дрожить;

Чуть отъ страха не скочить рубашка...
 Да гдѣ наша воструха—Парашка?
 А? — «Да гдѣ-же: въ чуланѣ чай спить».

— Быть бѣдѣ! врагъ проказить недаромъ.
 Помнишь ты, передъ самымъ пожаромъ,
 Какъ онъ мялъ Дорошеву куму?
 Перевестъ не давалъ онъ ей духу,
 Задушилъ было вовсе старуху...
 Чтожъ: сгорѣла — надѣла суму.—

И крестится на печкѣ хозяйка,
 И крестясь, думу думаетъ: дай-ка
 Я священника въ домъ приведу.
 Отслужу съ водосвятьемъ молебенъ.
 Миръ святой нашей хатѣ потребенъ,
 Онъ намъ выживетъ эту бѣду.

И молебенъ они отслужили,
 И какъ нужно водой окропили
 Всѣ углы, и въ избѣ, и въ клѣти;
 Но лишь только полночь наступаетъ,
 Снова стукъ домовой подымаетъ,
 Стукъ такой, что изъ дома иди!

А ужъ домъ-то у свата Пахома —
 Нѣтъ въ селѣ ему ровнаго дома!
 Какъ игрушка: весь тесомъ покрытъ,
 Изразцовая печка съ трубою,
 Въ сундукѣ же — съ набитою кисою
 Много всякихъ припасовъ лежитъ.

И слыветъ мужикомъ онъ богатымъ:
 Лошальми ли, скотомъ ли рогатымъ —
 Всѣмъ обилень. Всегда пироги
 На столѣ у Пахома къ обѣду,
 И Пахома отыщешь по слѣду:
 Не въ лаптяхъ онъ—на нсмъ сапоги.

А ужъ дочка... нѣтъ краше Парашки!
Миткалевья носить рубашки,
Сарафанъ весь обшитъ галуномъ,
Лента алая вьется въ повязкѣ,
А ужъ глазки... рассказывать сказки!
А лицо — просто кровь съ молокомъ!

Свахи такъ и шныряютъ къ Маланьѣ,
Но напрасны ихъ трудъ и старанье,
У Парашки все пѣсня одна:
О замужствѣ и слышать не хочетъ,
Только скажутъ о комъ — захохочетъ,
Или вдругъ поблѣднѣетъ она.

Мать съ отцомъ удивляются оба,
А у дѣвки давно ужъ зазноба —
Наступила такая пора:
Приглянулся Парашкѣ Архипка —
Молодецъ онъ, да голъ вишь, какъ липка
Ни кола у него, ни двора.

А ужъ пѣсню ли спѣтъ, трепака ли
Съ балалайкой отдернуть, едва ли
По деревнѣ найдется другой.
На бекрень вѣчно шляпа надѣта,
А на ней лента яркаго цвѣта
И красавецъ Архипка собой.

Но ему бъ на отрѣзъ отказали,
Сваху въ шею бы съ бранью прогнали,
Знатъ двора не велѣли бы ей.
А сердечко у дѣвушки ноетъ;
Но Парашка печаль свою кроетъ
Отъ родныхъ и отъ добрыхъ людей.

Знай Пахомъ — нѣтъ отца его строже:
Онъ съ досады бы вымѣзъ изъ кожи,
Прокляла бы родимая мать.

А чужимъ что до нашего горя?
 Вѣдь равно, какъ не вычерпать моря,
 Людямъ слезъ у людей не унять.

Такъ проходитъ полгода: страдаютъ
 Дѣвка съ парнемъ и сами не знаютъ,
 Какъ и чѣмъ бы ихъ горю помочь.
 Тутъ случилась бѣда у Пахома:
 Завелся домовою и изъ дома
 Чуть не гонить ихъ каждую ночь:

То какъ шорохъ въ сѣняхъ раздается,
 То въ чуланѣ горшокъ разобьется,
 То крючекъ загремитъ на дверяхъ.
 Беззаботна, какъ вольная пташка
 Не боится одна лишь Парашка
 И спокойно всю ночь спитъ въ сѣняхъ.

По утру, встрѣтивъ красное солнце
 И умывшись, — берется за донце
 И садится за пряжу она,
 Или вижетъ себѣ ожерелье,
 Да поетъ, (пѣсня признакъ веселья),
 Но душа у Парашки грустна.

Дни летятъ, а Пахомъ и Маланья
 Все ведутъ межъ собой совѣщанье,
 Что имъ дѣлать съ такою бѣдой?
 Ворожей кличутъ разнаго сорта,
 Чтобы выжить изъ дома ихъ чорта
 И всю ночь изъ избы ни ногой.

Вотъ изъ города вѣсти несутся,
 Что война, и что наши дерутся
 За Дунаемъ — за быстрой рѣкой,
 Что виной всему турка былъ съ дуру,
 Что съ крещеныхъ сдираетъ онъ шкуру
 И что будетъ наборъ, и большой.

И рекрутскій наборъ объявляютъ.
Въ волостную управу собираютъ
Всѣхъ на сходку. За кѣмъ же чередъ?
«За Ермишкой—глухимъ, за Антишкой,
«Да за Ванькою съ голымъ Архипкой» —
Отвѣчаетъ шумливый народъ.

Мигомъ вѣсть разнеслась по деревнѣ:
Акулина бѣжитъ къ Дорошевицъ,
Дорошевица къ Анфимѣ спѣшитъ.
У Анфимьи попался сынишка,
Дорошевицъ племянникъ Ермишка,
Стоитъ и плачетъ: вся деревня вопитъ.

Вотъ и рекрутовъ въ городъ сдали.
Лбы забрили имъ всемъ и угнали
Ихъ въ походъ, далеко, далеко.
Никому не былъ жалокъ Архипка,
Лишь въ одной сердце ёкнуло шибко,
Но печаль скрылась въ немъ глубоко.

Съ той поры совершилося чудо
У Пахома съ Маланьей: откуда
Вдругъ взялись тишина и покой?
Нѣтъ ни шороха больше, ни стука,
Ни разбитой посуды, ни звука
Отъ замка полуночной порой.

Чтожъ Парашка? ни слезинки, не охнетъ;
Но порою какъ будто оглохнетъ:
Не дождешься отвѣта отъ ней;
Будто слова сказать не умѣетъ —
Не больна ль? — но она не худѣетъ —
Нѣтъ, становится даже полнѣй.

Все уносить летучее время;
Но тоска—ядовитое семя:
Западетъ—такъ ничто не возметъ.

И хоть въ гробъ до поры не уложитъ,
 Но всю душу сомнеть и изложить,
 И весь умъ въ головѣ повернетъ.

. . . . .
 Годъ прошелъ. У Степаныча въ домѣ
 Домоваго уже нѣтъ. На соломѣ
 Передъ люлькой Парашка сидитъ.
 Ужъ въ косѣ не видать ленты алой;
 По щекѣ ея блѣдной и впалой,
 Какъ жемчужина слезка бѣжитъ.

И глядитъ она дико и странно;
 Но порою румянецъ нежданно
 Заиграетъ, глаза заблестятъ,
 Губы блѣдныя скорчатъ улыбку...
 Отъ чегожъ?—говорятъ про Архипку,
 Проклинаютъ его и бранятъ.

Н. ГРЕКОВЪ.

БАХУСЪ.

(СПИСОКЪ СЪ КАРТИНЫ РУБЕНСА).

Ухъ! Какъ мощенъ онъ! Такого
 Не сповшь, не свалишь съ ногъ.
 Толстъ, а вида неземнаго
 Не утратилъ, пьянъ — а строгъ!
 Посмотрите, какъ онъ вержетъ
 Взоромъ пламя изъ очей,

А въ десницѣ чашу держитъ,
Самъ не смотритъ... Кто тамъ? Лей!
Льютъ ему — и наклонилась
Чаша на бокъ, и струя
Черезъ край перекадилась
И бѣжитъ. Внизу дитя —
Мальчикъ: стой! Не гибни влага
Драгоценная! Плутяга
Мигомъ голову свою
Черезъ плечи опрокинулъ,
Алый ротикъ свой разинулъ
И поставилъ подъ струю,
И хватаетъ, какъ въ просонкахъ—
Что-то лучше молока,
Искры бѣгаютъ въ глазенкахъ
И багровѣетъ щека.
Тутъ другой мальчишка; еле
На ногахъ; посоловѣли
У него глаза; нѣтъ силъ;
Ужъ и руки опустилъ;
Самъ себя не понимая,
Смотритъ мутно. Негодяя
Драть-бы, драть-бы за ушко!
Вишь, безъ мѣры натянулся!
Вотъ къ сторонкѣ отвернулся,
Грудь назадъ, впередъ брюшко,
И... безстыдникъ!.. Передъ вами
Тутъ же съ пьяными глазами
Ужъ шатающийся тигръ.
Здѣсь Вакханка взоръ свой жадный
Нѣжитъ кистью виноградной —
Жрица оргій, буйныхъ игръ
И восторговъ! Тамъ Сиlena
Вижу: у рта клубомъ пѣна;
Словно чанъ раскрылъ онъ ротъ,
И цѣля въ свой зѣвъ просторный
Изъ амфоры трехведѣрной
Гроздій сокъ, безъ смыслу пьетъ,
Глупо пьетъ, заранѣ бредитъ:
На ослѣ едва ль доѣдетъ

Онъ домой. Лишь исполнивъ
 Пьеть, непьянствуя; одинъ
 Бахусъ Рубенсовъ — избытокъ
 Черезъ край нарочно льётъ
 И божественный напитокъ
 Онъ божественно и пьеть.

В. БЕНЕДИКТОВЪ.

ВСТРѢЧА.

Они бывали часто вмѣстѣ, — но ихъ взоры
 Встрѣчались спокойно. Никогда
 Не размыкались для страсти ихъ уста, —
 И были холодны прѣстыя разговоры:
 Имъ было все равно, сойтись, растаться ль вновь;
 Имъ розный путь лежалъ, — и ихъ не волновали
 Ни радость общая, ни общія печали.
 Жизнь обманула ихъ, — и врядъ любовь
 Они съ тѣхъ поръ въ душѣ подбѣрѣвали.
 Къ тому же строгій долгъ надъ ними тяготѣлъ,
 Какъ зоркій стражъ стерегъ ежеминутно совѣсть.
 Но свѣтъ для клеветы и ихъ не пожалѣлъ,
 Провозглася объ нихъ двусмысленную повѣсть.
 И были въ первый мигъ они поражены
 Злословьемъ празднаго досуга;
 При встрѣчѣ были ихъ глаза устремлены
 Такъ вопросительно и долго другъ на друга.
 Но любопытство ихъ ужъ начало смущать;
 Уже умысленны ихъ сдѣлались встрѣчи;
 И захотѣлось имъ другъ друга разгадать;
 И искренность сама просилася въ ихъ рѣчи.

Злословью ихъ предавъ, свѣтъ странно намекнулъ
 На то имъ, отъ чего они далеки были.
 Но жертвой сдѣлавъ ихъ, себя лишь обманулъ:
 Они же горячо другъ друга полюбили.

Н. КРОЛЬ.

Nur der Irrthum ist das Leben
 Und das Wissen ist der Tod...

Моя пора мечты съ годами миновалась!
 Чтò счастьемъ называлъ — зову я суетой;
 Не тѣсенъ кругъ друзей: не много ихъ осталось,—
 И тѣ ужъ не поютъ за чашей круговой!..

Боюсь, боюсь дожить до старости брызгливой,
 Быть въ тягость для людей и лишнимъ на землѣ;
 Вотъ почему смотрю впередъ такъ боязливо,
 Встрѣчаю полдень мой съ раздумьемъ на челѣ!
 Въ веселой ли толпѣ, среди ль разгула, шума,
 Средь мирнаго ль труда, въ объятяхъ ли красы, —
 Отъ счастья далека встревоженная дума,
 Жаль въ настоящемъ ей минувшіе часы!..
 А между-тѣмъ года уходятъ чередою;
 Разсудокъ видимо надъ сердцемъ власть беретъ...
 Какъ знать! быть можетъ я и помирюсь съ судьбою,
 Быть можетъ и вся жизнь въ привычку перейдетъ! —

ФРЕЙРЕЙСЪ.

ГРАФУ Ф. П. ТОЛСТОМУ.

Видѣлъ однажды я музу, она, надъ художникомъ юнымъ
 Нѣжно склонившись, вѣчала счастливца и лавромъ и миртомъ,
 Въ жаркомъ лобзаньи устами къ устами молодымъ припалала,

Перси ллейныя крѣпко къ высокой груди прижимала,
 Видѣлъ я ласки Пермесской богини другому,
 Видѣлъ и прочь отъ счастливой четы отошелъ я ревниво.

Видѣлъ въ другой разъ я музу: въ объятъ маститаго старца
 Пала она въ цѣломудренно-страстномъ порывѣ,
 Въ вѣщія очи любимца смотрѣлась она ненаглядно,
 Пряди сѣдинъ серебристыхъ кропила безмольно слезами,
 Руки, изъ праха создавшія диво искусства, лобзала.
 Видѣлъ я ласки Пермесской богини другому,
 Видѣлъ и палъ передъ ней на колѣна въ восторгѣ.

Л. МЕЙ.

СОНЪ.

Твой темень уголокъ. Огонь въ печи забытой,
 Дымясь, едва горить,
 Весенній вѣтръ, свистя въ оконницѣ разбитой,
 Бумаги шевелить;
 А ты сидишь одинъ надъ книгою досадной
 Въ раздумья о себѣ,
 О прошломъ, будущемъ — и мысли нѣтъ отрадной
 Въ горячей головѣ.

Еще прошелъ одинъ день юности безцвѣтной,
 Въ трудѣ... А для чего?
 Нести познаній грузъ дорогой незамѣтной
 И позабыть его,
 Бесплодно тратить жизнь въ порывахъ и усильяхъ,
 Чтобъ заработать — грошъ,
 Смотрѣть какъ высоко глупецъ летать на крыльяхъ,
 Куда не доползешь,
 И друга не привести въ свой уголъ тѣсный, скучный,
 Не смѣть и полюбить,

И вѣчно заглушать вопль совѣсти докучный
 Затѣмъ, что надо жить.
 Съ судьбою и людьми, съ расчетомъ и желаньемъ
 Пройти всю жизнь въ борьбѣ,
 И ненавидѣть зло — и съ горестнымъ сознаньемъ
 Найти его въ себѣ,
 И знать, что свѣтлая любовь, добра одежда,
 Даръ неземной руки,
 О тернѣ и плевелы дороги безнадежной
 Изорвана въ клочки;
 Что душу черствую ужъ болѣе не тронетъ
 Ни гробъ, ни колыбель,
 Что о себѣ одной она скорбитъ и стонетъ,
 А цѣль ея... гдѣ цѣль?

И диспутъ завтрашній ты вспомнилъ... Но тревожно
 Свой разумъ возмута,
 Надъ диссертацией и скучной и ничтожной,
 Усталое дитя
 Невольно ты заснулъ... Огонь твой погасаетъ
 И долгій, крѣпкій сонъ
 На сжатыхъ уста улыбку навѣваетъ;
 Ничѣмъ не возмущенъ,
 Рисуетъ прошлое: порогъ роднаго крова
 Подъ тѣнію деревъ,
 Веселый, шумный классъ, учителя смѣшнаго...
 Вотъ слышится напѣвъ
 Знакомый, въ часъ, какъ ты идешь съ тетрадью мимо
 Завѣтнаго окна
 И на тебя, подъ звукъ простой—неуловимый,
 Бросаетъ взглядъ она.
 Вы мелькомъ гдѣ-то съ ней встрѣчались... Исчезаетъ
 Забота и слеза...
 Что нужны! пусть вдали ненастье угрожаетъ —
 Намъ не страшна гроза
 И диссертация, которую безопасно
 Ты головою смялъ,
 Сіяетъ въ будущемъ вдругъ славой безконечной,
 Восторгами похвалъ...

Толпа у ногъ твоихъ... а завтра, къ дополненью
 Всѣхъ обманувшихъ благъ, —
 Еще прибавится вся горечь сожалѣнья
 О юношескихъ снахъ!

И. ХВОЩИНСКАЯ.

РУСАЛКА.

БАЛЛАДА.

Надъ рѣкой широкой съ нимъ она сидѣла,
 Холодно, спокойно на него глядѣла
 Сияими очами, влажными очами.
 Мѣсяцъ серебрилъ ихъ тихими лучами.
 И въ чертахъ русалки неподвижно-страстныхъ,
 Блѣдныхъ и зловѣщихъ, мертвенно-прекрасныхъ,
 Было много тайной силы увлеченья:
 Отъ любви русалки не было спасенья;
 Да и не хотѣлъ онъ отъ нея спастись,
 Ей душой и тѣломъ онъ готовъ отдаться.
 Яркими очами онъ въ нее впивался
 И къ груди холодной жарко прижимался,
 Отъ восторга, счастья весь изнемогая,
 А она сидѣла блѣдная, чагая,
 Гибкая какъ верба, стройная какъ колосъ,
 По плечамъ зеленый распутавши водосъ,
 Страстнымъ, дикимъ ласкамъ мѣрно отвѣчая,
 Тихо говорила, головой качая,
 И былъ странецъ, рѣзокъ, половецъ обаянья
 Голосъ замогильный страннаго созданья:

«Красавецъ мой, любимецъ мой!
Когда надъ этою рѣкой
Со мной ты повстрѣчался,
Моей любовью странною,
Негаданной, неожиданною
Доволенъ ты остался.
Тебѣ сама сказала я:
Возьми меня! любовь моя
Тебѣ дастъ много счастья,
Ты не найдешь, повѣрь, нигдѣ,
Ни на землѣ, ни на водѣ
Такого сладострастія.

Людей ужъ знаю я давно:
Вотъ нѣсколько вѣковъ,
И было мнѣ всегда смѣшно
Смотрѣть на ихъ любовь
И слушать рѣчи страстныя,
Несмѣлыя, неясныя,
Тревогою напрасною
Волнующія кровь.

Здѣсь люди любятъ и молчатъ,
Страдаютъ въ тишинѣ —
И о любви своей твердятъ
Пустынѣ и лунѣ.
И страшно имъ признаться;
Всю жизнь они боятся,
Какъ будто вѣкъ они живутъ,
И чувства даромъ въ нихъ умрутъ,
Безъ пользы созрѣвая,
Безплодно отцвѣтая.

Нѣтъ, милый, на любовь людей
Смотрѣть мнѣ грустно, жалко.
Какъ выше ихъ въ рѣкѣ своей
Холодная русалка.
У васъ лишь пѣсни хороши —

Любви минутной звуки,
 Въ нихъ много жизни и души
 И много смертной муки.
 Онъ такъ сладко — тягостны,
 Онъ такъ горько — радостны,
 Что въ часъ, когда въ тиши ночной
 Онъ несутся надъ рѣкой, —
 Все манитъ на берегъ крутой
 Таинственная сила,
 И эти пѣсни, милый,
 Простыя, полныя тоски,
 Что пѣлъ ты ночью у рѣки,
 Я слушать вѣкъ готова,
 Не проронивъ ни слова,
 И еслибъ плакать я могла,
 Когдабъ рыдать умѣла,
 Отъ сладкихъ слезъ бы умерла
 И эти пѣсни пѣла».

И въ чертахъ русалки, неподвижно страстныхъ,
 Много отразилось думъ и чувствъ прекрасныхъ,
 И онъ слушалъ долго пламенные рѣчи,
 Жаркой головою къ ней припавъ на плечи,
 Вдрагивая, плача, хохоча, тоскуя,
 Грудь ея и шею бѣшено цѣлуя,
 Къ трепетному сердцу страстно прижимая.
 А она сидѣла блѣдная, нагая,
 Гибкая какъ верба, стройная какъ колосья,
 По плечамъ зеленый распустивши волосъ,
 Наклонивъ къ счастливцу станъ упруго-гибкій,
 На него смотрѣла съ странною улыбкой
 Синими очами, влажными очами,
 Мѣсяцъ серебрилъ ихъ тихими лучами...

В. ЗОТОВЪ.

ЖЛТЕЙСКІЯ ТРЕВОЛНЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО КОМЕДІАНТА.

Соч. Ал. Дюма.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Однажды, въ октябрѣ 1832 года, слуга мой вошелъ ко мнѣ какъ-то довольно рано, и спросилъ:

— Прикажете принимать?

— Смотря по обстоятельствамъ, отвѣчалъ я.

— Я и самъ такъ думалъ.

— А кто пришелъ?

— Очень красивый молодой человѣкъ.

— Это уже говоритъ нѣкоторымъ образомъ въ пользу пришедшаго; я люблю красивыя лица; но этого еще недостаточно.

— Я и самъ такъ думалъ.

Фраза: *я и самъ такъ думалъ* была любимѣйшей поговоркой моего слуги, котораго тогда я только-что къ себѣ взялъ; онъ назывался Луи.

— Если ты такъ и думалъ, Луи, сказалъ я ему, то почемужь не спросилъ его имени?

— Я спросилъ.

— Какъ же онъ называется?

— Онъ назвалъ себя Густавомъ, да вѣдь это не фамилія.

— Надобно было спросить хорошенько.

— Да я и спрашивалъ, безъ церемоніи.

— Чтожъ онъ отвѣчалъ?

— Онъ отвѣчалъ: «Скажите г. Дюма, что я изъ Руана и имѣю къ нему письмо отъ г-жи Дорваль.»

— Письмо отъ Дорваль! Но, глупецъ ты этакой, вѣдь это нужно было сказать прежде всего!

Я самъ пошелъ къ дверямъ, чтобы принять раннего по-сѣтителя.

— Извините, сдѣлайте одолженіе, сказалъ я, отворивъ двери, у меня новый человекъ и еще не знаетъ моихъ старыхъ друзей; съ нынѣшняго дня вы будете въ ихъ числѣ, потому-что явились отъ доброй моей Дорваль.

Я протянулъ руку молодому человекѣ, котораго въ потемкахъ едва могъ разглядѣть.

— Признаюсь, отвѣчалъ онъ мнѣ, приѣмъ вашъ, не смотря на все радушіе его, меня не удивляетъ; мадамъ Дорваль предупредила меня, что я буду встрѣченъ вами именно такимъ образомъ.

— Она все еще въ Руанѣ?

— Какъ же.

— Дѣлаетъ хорошіе сборы?

— Она имѣетъ большой успѣхъ.

— Но я совсѣмъ не о томъ васъ спрашиваю.

— Нынче очень трудныя времена для театра.

— Такъ вы — другъ ея?.. У васъ есть ко мнѣ письмо?

— Вотъ оно. Молодой человекъ подалъ письмо, которое держалъ, не между большимъ и указательнымъ пальцами, какъ это водится у факторовъ и купеческихъ прикащиковъ, а между указательнымъ и среднимъ пальцами.

Когда мнѣ случается видѣть человекъ въ первый разъ, то я замѣчаю въ немъ все и мнѣ бросается въ глаза каждая бездѣлица.

Рука, подавшая мнѣ письмо, была бѣла, мягка и красива; большой палецъ былъ значительно удлиненъ—вѣрный признакъ художественныхъ наклонностей человекъ.

Эта рука выставилась изъ подъ плаща, который ниспадалъ складками въ видѣ мантии древнихъ статуй.

Молодой человекъ не снялъ своего плаща въ передней, потому-что вообще былъ какъ-то стѣсненъ; въ немъ за-

мѣтна была стыдливость и недоувѣріе къ самому себѣ. По видимому, не смотря на рекомендательное письмо г-жи Дорваль, онъ не разсчитывалъ оставаться у меня долгое время.

Онъ замѣтилъ, что я разсматривалъ его, и движеніемъ плеча расправилъ складки своего плаща.

Вообще этотъ молодой человекъ внѣшностью своей очень походилъ на ваятеля.

Покуда человекъ мой ходилъ доложить о немъ, онъ, въ ожиданіи, свернулъ изъ бумаги папирску, и держалъ ее между пальцами такъ, какъ обыкновенно художники держатъ карандашъ.

Я распечаталъ письмо въ полномъ убѣжденіи, что изъ него положительно узнаю; кто такой былъ этотъ молодой человекъ, и принялся читать.

Читая, я черезъ бумагу взглядывалъ на него.

Вотъ что писала мнѣ Дорваль:

«Любезнѣйшій Дюма,

«Рекомендую тебѣ г. Густава, который игралъ со мною «въ Руанѣ...»

Судя по наружности, онъ былъ не комическій артистъ а трагикъ, потому что изящная драпировка плаща его, по видимому, скопирована была съ какой-нибудь древней статуи.

Но при всемъ томъ въ этомъ юношѣ отзывалось болѣе средними вѣками, нежели древностью; онъ по наружности болѣе походилъ на представителя временъ Льва X, нежели на представителя Периклова вѣка.

Я продолжалъ читать письмо.

«Онъ, какъ ты увидишь самъ, прекрасный типъ молодого человека на первыя роли; но онъ слишкомъ неопытенъ и съ весьма слабой волей. Онъ ищетъ мѣста при театрѣ Сен-Мартенскихъ воротъ...»

Онъ дѣйствительно смотрѣлъ настоящимъ кавалеромъ, въ томъ смыслѣ этого слова, какъ оно понималось при Лудовикѣ XIII. Онъ носилъ длинныя волосы, имѣлъ прелестные глаза, прямой, изящно сложенный носъ, былъ черноволосъ и нѣсколько блѣденъ лицомъ.

Единственный недостатокъ этого прекраснаго лица заключался въ нѣсколько-выдавшейся впередъ нижней че-

люсти; но этотъ недостатокъ былъ совершенно скрытъ густою черною бородой, съ красноватымъ оттѣнкомъ, какъ это часто встрѣчается на Тициановыхъ портретахъ.

Онъ былъ высокъ ростомъ, держалъ голову прямо и, по видимому, былъ очень ловокъ въ движеніяхъ.

Смотря на него и замѣтивъ въ рукахъ его остроконечную шляпу съ широкими полями, я удивлялся, что изъ-подъ изящныхъ складокъ его плаща не выставляется шпажного эфеса.

«За все, что ты для него сдѣлаешь, онъ заплатитъ тебѣ тѣмъ, что сыграетъ роли твои такъ, какъ ихъ не сыграетъ никто...»

— Чортъ возьми! проворчалъ я — съ этой головой и манерами, человекъ этотъ уйдетъ далеко, если у него есть хоть малѣйшая искра дарованія!

«Во всякомъ случаѣ, поговори съ нимъ самъ, заставь его рассказать всю свою жизнь, и ты увидишь, что онъ художникъ въ настоящемъ значеніи этого слова.

Добрая подруга твоя Марія Дорваль.

Р. S. Если въ настоящее время не найдется ему мѣста въ театрѣ Сен-Мартенскихъ воротъ, то постарайся быть ему полезнымъ, доставивъ какую-нибудь работу по живописной или ваятельской части».

— Скажите пожалуйста, г. Густавъ, да вы—художникъ всеобщій?

— Я точно занимался всѣмъ понемножку, отвѣчалъ онъ съ особеннымъ движеніемъ плечъ, свойственнымъ лицамъ, которыя привыкли смотрѣть на жизнь съ особенной философской точки зрѣнія, — всѣмъ; даже учился плясать на канатѣ.

— Такъ вы были канатнымъ плясуномъ?

— Почему же вѣтъ? Кинь былъ тѣмъ-же.

— А вы видѣли Кина?

— Къ несчастію — вѣтъ; но съ Божіей помощью я надѣюсь когда нибудь его видѣть: Ламаншъ — уже Атлантического океана, и Лондонъ отсюда поближе Гваделупы.

— А вы были на Антильскихъ островахъ?

— Я только-что оттуда воротился.

— Я начинаю думать, что Дорваль была права, совѣтуя мнѣ попросить васъ рассказать исторію вашей жизни.

— О, это вовсе не такъ занимательно, увѣрю васъ! Первый встрѣчный цыганъ расскажетъ вамъ не меньше моего.

— Вы ошибаетесь и мнѣ право было бы пріятно слышать приключенія скитальца отъ него самого.

— Рассказъ мой будетъ довольно длинень.

— Можетъ быть, вы спѣшите къ одиннадцати часамъ на репетицію? спросилъ я его со смѣхомъ.

— Къ несчастію — нѣтъ.

— Такъ, стало быть, мы оба имѣемъ время. Мы позавтракаемъ вмѣстѣ и вы расскажете мнѣ потомъ свои приключенія. Я, конечно, не могу предложить вамъ такого отличнаго кофе, какой вы купали въ Мартиникѣ, но за то поподчую васъ чаемъ, какого вы здѣсь не найдете нигдѣ; я только получилъ его отъ одной прехорошенькой дамы изъ Петербурга. Если вы когда-нибудь поѣдете въ Россію, такъ я васъ ей отрекомендую, какъ мнѣ рекомендовала васъ Дорваль. И такъ рѣшено: мы завтракаемъ вмѣстѣ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Я позвонилъ. Луи вошелъ.

— Луи, — два прибора; г. Густавъ будетъ завтракать со мною.

— Я и самъ такъ думалъ: вѣрно г. Густавъ будетъ завтракать съ бариномъ!

— Ну, и прекрасно! Значитъ ты, на этомъ основаніи, накрылъ столъ и уже подаль что-нибудь?

— Никакъ-нѣтъ; я бы себѣ никогда этого не позволилъ.

— Напрасно... Ну, поскорѣй, подавай же завтракъ! У меня нынче репетиція!

— Не прикажете ли мнѣ, сказалъ молодой человекъ, — въ ожиданіи завтрака, разгрузить кое-что изъ своей ноши?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Все ли вамъ рассказывать?

— О! все, все...

— Даже про глупости свои?

— Ихъ-то я и хочу знать! То, что, по понятіямъ людей, называется глупостью, я считаю совсѣмъ другимъ...

— Я и самъ почти того же мнѣнія.

Приключенія, о которыхъ вы сейчасъ читаете, рассказаны мнѣ были двадцать лѣтъ тому назадъ, а потому не удивляйтесь, что я веду повѣствованіе отъ своего лица, и введъ вмѣсто я, говорю — онъ.

Съ-тѣхъ-поръ г. Густавъ успѣлъ уже сдѣлаться перво-класснымъ парижскимъ артистомъ, и мелочныя подробности жизни его, надѣмся, не будутъ лишены интереса для читателя.

I.

Г. Густавъ. — Его театральное и настоящее имя. — Рожденіе, мать, отецъ, юность его; отцовскій домъ.

Густавъ, или собственно Этьенъ Маренъ, родился въ Каенѣ, въ Кармской улицѣ, въ 1808 году, или около этого времени, потому-что въ 1833, когда я съ нимъ познакомился, ему было двадцать-четыре или двадцать-пять лѣтъ.

Порывшись хорошенько въ памяти, онъ сказалъ, что началъ себя помнить на рукахъ какой-то доброй женщины, съ братомъ Адольфомъ, который былъ двумя годами моложе его. Женщина эта и оба ребенка стояли передъ чьей-то кроватью. На кровати лежала умирающая женщина; губы ея были блѣдны, зубы стиснуты и глаза дико блуждали кругомъ. Она старалась спрятать отъ окружавшихъ ее людей, которыхъ не узнавала, кисть винограда, говоря трепетнымъ, отрывистымъ голосомъ:

— Это моимъ малюткамъ! это моимъ малюткамъ!

На скамьѣ, у камина сидѣлъ человекъ въ полувоенной одеждѣ, подперши голову руками.

Умирающая женщина была мать малютокъ Этьеня и Адольфа; человекъ въ военномъ платьѣ — ихъ отецъ.

Мы будемъ называть ребенка Этьеномъ до той поры, когда онъ принялъ другое имя.

Въ головѣ дитяти не сохранилось другаго воспоминанія о матери и уже черезъ двадцать лѣтъ возникла въ памяти его, какъ сквозь сумракъ ночи, печальная картина ея предсмертныхъ мукъ.

Но воспоминаніе это было такъ ясно, что онъ, какъ самъ говорилъ, могъ нарисовать всю эту сцену и передать ея черты съ поразительной вѣрностью.

Кромѣ этого онъ не могъ припомнить рѣшительно ничего, ни соборованія матери елеемъ, ни смерти ея, ни погребенія,—потому ли, что его на это время куда-нибудь увели, или, просто, слабая память его не сохранила этихъ событій, подобно тому, какъ вода, зачерпнутая рукой въ источникѣ, по каплѣ просачивается между пальцевъ.

Отецъ, котораго никогда не называли по имени, а просто *отцомъ*, въ эпоху нашего повѣствованія, когда онъ является на сцену, былъ лѣтъ сорока или сорока пяти. Онъ служилъ волонтеромъ въ 92 полку, и во времена первыхъ побѣдъ нашихъ, служилъ подъ французскими знаменами. Онъ вышелъ въ отставку въ 1806 и женился; имѣлъ двоихъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ скоро послѣдовалъ за своей матерью въ могилу, а другой—герой нашего повѣствованія.

Человѣкъ этотъ былъ высокъ ростомъ, съ громкимъ голосомъ и смѣлымъ, проницательнымъ взглядомъ. Онъ былъ совершенно сѣдъ, но черныя, какъ смоль, брови и борода свидѣтельствовали, что онъ былъ еще въ полномъ развитіи силъ. Дѣти никогда не видали, чтобы онъ хотя разъ за-смѣялся.

Оставивъ военную службу, онъ опредѣлился въ таможенные сторожа съ шестью стами франковъ жалованья. Въ то время таможенные сторожа были почти тѣ же солдаты: они носили зеленый мундиръ, треугольную шляпу, саблю, карабинъ и пару пистолетовъ за поясомъ. Они должны были каждую минуту быть на сторожѣ, особенно на нормандскихъ берегахъ, и обмѣниваться выстрѣлами съ корсарами и англійскими контрабандистами, готовыми воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ. высадиться на французскій берегъ.

Суровая служба, очень часто заставлявшая его проводить внѣ дома цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы, пополняла все его время. Онъ строго исполнялъ свою обязанность, и хотя никто ни разу не видалъ его смѣющимся, но

онъ почти постоянно напѣвалъ сквозь зубы воинственный маршъ.

Послѣ 1815 года, когда былъ подписанъ миръ съ Англїей, служба старика сдѣлалась полегче, и онъ все свое свободное время посвящалъ дѣтямъ и ходилъ за ними съ такимъ усердіемъ, какое трудно встрѣтить даже въ нянюшкахъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ домовъ.

Дѣти постоянно носили однообразную одежду, въ родѣ военной формы: матросскія куртки, съ двумя рядами маленькихъ гусарскихъ пуговокъ, темнаго цвѣта брюки, деревянные чоботы—зимою, лѣтомъ же бѣлые панталоны и башмаки.

Но чоботы ихъ были устроены съ нѣкоторымъ щегольствомъ, которое чрезвычайно нравилось дѣтямъ, потому-что отличало ихъ отъ товарищей; напередѣ чобота пришиты были куски кожи, въ родѣ языковъ, выкроенные изъ старыхъ голенищъ и всегда старательно вычищенные англійской ваксой. Надобно при этомъ объяснить, что старый гренадеръ самъ составлялъ ваксу изъ веществъ, извѣстныхъ ему одному, которыя сообщали кожѣ прочность и необычайную мягкость.

Каждый годъ, на Святой недѣлѣ, дѣти оставляли деревянные и надѣвали новые кожаные башмаки.

Но, Боже мой! съ какимъ усердіемъ *отецъ* ухаживалъ за ихъ курточками съ мѣдными пуговицами, за этими башмаками, покупавшимися къ пасхѣ. Къ празднику всѣхъ святыхъ они хотъ крѣпко изнашивались, но за то также сіяли, какъ новыя.

Каждый день онъ вставалъ до разсвѣта; выносилъ дѣтское платье, чистилъ его съ величайшимъ терпѣніемъ, тщательно оттиралъ пуговицы суконкой.

Все это сіяло и горѣло подъ лучами восходящаго солнца. Затѣмъ онъ будилъ дѣтей. Лѣтомъ и зимою ихъ окучивали холодной водой и одѣвали.

Но приступимъ теперь къ описанію самого жилища, которое, право, стоитъ особеннаго вниманія.

Описаніе это, какъ мы надѣемся, представитъ картину въ родѣ Жерара Доу, или Міериса и, право, стоитъ чести, чтобы Калло снялъ съ нея гравюру.

Внутренность дома заключалась въ большой комнатѣ и кабинетѣ. Комната отапливалась огромнымъ каминемъ.

Каминь этотъ былъ украшенъ картонными часами съ луковицей посрединѣ; по обѣимъ сторонамъ часовъ, устремивъ на нихъ глаза, поставлены были деревянные львы съ завитыми въ локоны гривами и съ хвостами, дальше возвышались два мѣдные подсвѣчника, горѣвшіе какъ жарь, и въ нихъ свѣчи, которыя, сколько дѣти могли припомнить, были зажжены только разъ. Послѣ мы объяснимъ, по какому именно случаю это происходило. Остальные украшения каминя составляли небольшая бутылка и китайская вазочка.

Всѣ комнатные приборы были желѣзные и блестящи, какъ стволы отцовскаго карабина и пистолетовъ.

Огромная дубовая кровать, открывавшаяся въ перспективѣ украшалась занавѣсками изъ зеленой саржи. Стѣна была вымазана извѣсткой съ пескомъ. Иногда дѣти замѣчали на стѣнѣ отломокъ раковинки, остатокъ несуществующаго уже міра, когда-то обитавшаго въ этомъ самомъ пескѣ, и, взявъ ножъ, старались съ величайшими усиліями выковырять его.

Въ другомъ углу, параллельно большой постели, стояла другая коротенькая и узкая кроватка обоихъ дѣтей, которые всегда спали вмѣстѣ.

Посреди комнаты стоялъ огромный, массивный столъ чернаго дерева, обстановленный окрашенными сѣрой краской стульями, переплетенными соломой. Всѣхъ стульевъ была дюжина и они были разставлены въ такомъ порядкѣ: три вокругъ стола, семь вдоль стѣны, одинъ передъ конторкой, за которой отецъ писалъ свои рапорты, одинъ у каминя, противъ деревянной скамьи, предназначенной особамъ женскаго пола и обыкновенно называемой скамеечкой.

Если по случаю визита, завтрака, обѣда или закуски, стулья перемѣняли обычное свое мѣсто, такъ послѣ того спѣшили какъ можно скорѣе разставить ихъ въ прежнемъ порядкѣ, такъ-что казалось, будто они возвращались на свои мѣста какимъ-то волшебствомъ.

Четыре рамки чернаго дерева, съ четырьмя гравюрами,

изображавшими четыре времени года, составляли художественное украшеніе четырехъ стѣнъ комнаты.

Военное украшеніе заключалось въ трофеи изъ отцовскаго карабина, пары пистолетовъ и сабли.

Большой дубовый шкафъ дополнялъ убранство комнаты.

По смерти матери — случившейся около 1811 года — отецъ, отправляясь на береговую службу, запиралъ домъ, и дѣти помѣщались у двухъ дѣвицъ, содержавшихъ школу въ Каенѣ, мамзель Мёлонъ и мамзель Пупинета.

Но отлучки старика прекратились вмѣстѣ съ окончаніемъ времени Имперіи. По случаю мира, берега перестали охраняться, или, по-крайней-мѣрѣ, стража содержалась обыкновенными караулами, и такимъ образомъ служебныя обязанности *отца* никогда не продолжались болѣе трехъ сутокъ. Въ то время, когда онъ былъ на службѣ, дѣти проводили всѣ дни у содержательницъ школы; но по вечерамъ ихъ приводили домой, и они спали на большой постели, что было для нихъ истиннымъ праздникомъ.

Часто *отецъ* возвращался ночью; но, благодаря крѣпкому сну, который такъ укрѣпляетъ дѣтскія силы, и отчасти предосторожностямъ, которыя старій солдатъ, какъ нѣжная мать, принималъ, чтобы не разбудить своихъ сыновей, они узнавали о возвращеніи отца только поутру, когда замѣчали на полу забрызганную грязью одежду таможеннаго сторожа, на столѣ его саблю, карабинъ, пистолеты, на ихъ дѣтской постели самого сторожа, ноги котораго, покоившіяся на приставленномъ стулѣ, протягивались на полтора фута длиннѣе тюфяка, отчего старикъ казался еще больше ростомъ.

Тогда дѣти, вставъ полуодѣтые съ постели, въ свою очередь, безъ шума подходили къ маленькой постели, съ удивленіемъ посматривая на гигантскаго батюшку, подобно тѣмъ крестьянамъ, которые, у Виргилія, дивятся исполинскимъ костямъ, вырытымъ сохой изъ-подъ земли, покрытой тучною зеленью и бывшей нѣкогда полемъ битвы.

Но дѣти незамѣтно подросли и отъ старыхъ дѣвъ поступили къ отставному унтер-офицеру, который, женившись на дочери профессора, основалъ школу, гдѣ тестъ его

преподавалъ латинскій и французскій языки, въ то время, какъ зять давалъ уроки географіи и математики.

По вечерамъ, когда отецъ былъ свободенъ отъ службы, дѣти ложились спать, зимою, въ восемь часовъ, а лѣтомъ— въ десять, и спали такимъ образомъ до свѣта, при пер- выхъ лучахъ котораго поднимался весь домъ.

Въ тѣ же дни, когда старикъ былъ въ караулѣ, дѣти подь-вечеръ ходили къ нему въ гости, въ караульню, стоявшую на берегу рѣки.

Часовъ въ десять, иногда въ одиннадцать, —нерѣдко даже и въ полночь, таможенные товарищи отца, позабавившись болтовней дѣтей, отпускали ихъ домой, спать. Ключъ ввѣряли имъ не иначе, какъ со строгимъ подтвержденіемъ, что они не будутъ ни разводить огня, ни зажигать свѣчки.

Дѣти уходили съ видимою неохотою: они просились остаться въ караульнѣ и ночевать тамъ, по просьба ихъ ни разу не была исполнена.

Отецъ, проводивъ ихъ до дверей, каждый разъ говорилъ: «ступайте!» Дѣти уходили, не смѣя повторить своей просьбы, и отецъ запиралъ за ними дверь.

Сначала они шли тихо, перешептываясь между собою, въ темныя, туманныя ночи, ища глазами фигуры, рисовавшейся на горизонтѣ.

Фигура эта была — высокая башня, и порою два окна, находившіяся на самомъ верху ея, озаренные красноватымъ огнемъ, блестяи — какъ два глаза какого-нибудь великана — людоеда.

Какихъ чрезвычайныхъ усилій надъ собою стоило бѣднымъ дѣтямъ пройти мимо этой башни.

Когда они находились не больше, какъ въ пятидесяти шагахъ отъ гранитнаго исполина, который во тьмѣ возвышался съ величіемъ неподвижныхъ вещей, они брались за руки, не произносили ни слова, ни звука, кромѣ прерывистаго дыханія, и пускались бѣжать до-тѣхъ-поръ, покуда не достигали своего дома. Тамъ только они останавливались; тотъ, у кого былъ ключъ, вставлялъ его дрожащей рукой въ замокъ; ключъ поворачивался, дверь отворялась и дѣти быстро входили; храбрѣйшій изъ нихъ, то есть старшій, затворялъ за собою дверь.

Потомъ они поспѣшно раздѣвались, также скоро ложи-

лись, разговаривали между собою шопотомъ; но скоро говоръ ихъ умолкъ, раздавался двойной вздохъ, сладкій, чистый, какъ вздохъ двухъ засыпающихъ голубковъ.

— Но отчего же эта башня внушала такой страхъ дѣтямъ? Что же въ ней было такого особенно—ужаснаго? И почему оба ребенка, не будучи робкими отъ природы, такъ сильно дрожали и принимались бѣжать, когда нужно было проходить мимо этой башни? Мы сейчасъ объяснимъ это.

Башня эта называлась башней амфитеатра; въ ней собирались медицинскіе студенты для разсѣченія труповъ людей, умиравшихъ въ каенскихъ больницахъ. Носились слухи, будто эти усердные ревнители науки учились не только *in anima vili*, но поручали за деньги вырывать изъ могилъ свѣжіе трупы людей, умершихъ въ домахъ...

Два огненные глаза башни свѣтились отъ огня, при которомъ анатомировались трупы.

А эти черные вороны, которые съ утра до ночи, какъ зловѣщая туча, съ карканьемъ кружатся надъ кровлей башни, зачѣмъ они слетаются къ ней, чего просятъ своими наводящими тоску криками? Они чуютъ присутствіе труповъ. Вотъ что пугало дѣтей, когда они проходили мимо башни, вотъ что заставляло ихъ блѣднѣть; вотъ что заставляло струиться потоки холодного пота по оледенѣлымъ ихъ лбамъ, особенно же въ то время, когда имъ случалось встрѣтить на дорогѣ какого-нибудь запоздалаго пѣшехода съ ношей, потому что они каждого встрѣчнаго считали непременно похитителемъ мертвецовъ, а ношу его — трупомъ.

Притомъ же въ тѣхъ мѣстахъ была сложена пѣсня, ужасная, какъ само дѣло, о которомъ въ ней упоминалось. Пѣсня эта каждый разъ приходила обоимъ малюткамъ въ голову, при видѣ ужасной башни.

У насъ, въ амфитеатрѣ,

Пріютъ для живодеровъ,

Тѣмъ лучше!

Тамъ женщину обдираютъ

И потрошатъ мужчину,

Тѣмъ лучше!

Между-тѣмъ старшему изъ дѣтей исполнилось двѣнадцать лѣтъ, а младшему десять. Однажды меньшей братъ,

вечеромъ, сталъ жаловаться на сильную головную боль и легъ въ постель ранѣе обыкновеннаго.

Болѣзни этой не придавали особеннаго значенія, и потому ее оставили безъ вниманія.

На другое утро Адольфъ захотѣлъ встать; ему не мѣшали, но онъ пробылъ на ногахъ не болѣе часу.

Шатаясь, едва-едва добрелъ онъ до постели. Черезъ пять минутъ его проняла дрожь и онъ началъ стучать зубами: у него открылась лихорадка. Всю слѣдующую ночь онъ, не умолкая, пѣлъ пѣсню живодеровъ. Онъ былъ въ сильномъ бреду. Послали за докторомъ. У ребенка оказалось воспленіе въ мозгу.

Докторъ призвалъ на помощь все свое искусство, но уже было поздно. На пятый день онъ объявилъ отцу, что не оставалось ни малѣйшей надежды спасти ребенка.

При этихъ словахъ отецъ понурилъ голову, которой никогда не преклонялъ, даже при свистѣ ядеръ; отеръ слезу, единственную, которую успѣлъ замѣтить маленькій Этьень, и обернувшись къ женщинѣ, той самой, которая во время предсмертной агоніи матери, также умиравшей въ бреду, подвела къ ней двоихъ дѣтей, сказалъ:

— Позовите священника! Женщина вышла.

Четверть часа спустя, въ Кармской улицѣ раздался тихій звонокъ священника, шедшаго для соборованія; дверь большой комнаты отворилась, открывъ въ широкой глубинѣ дѣтскую кроватку, озаренную двумя свѣчами, стоявшими въ большихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, на стульяхъ, одна у изголовья, другая въ ногахъ умирающаго малютки. Было уже девять часовъ вечера; лихорадка покинула ребенка; онъ, повидимому, успокоился.

Вошелъ священникъ, въ сопровожденіи двухъ мальчиковъ, несшихъ свѣчи, и церковнаго сторожа съ крестомъ.

За ними вошло нѣсколько благочестивыхъ женщинъ, всегда готовыхъ молиться у изголовья умирающаго человека.

Священный обрядъ кончился; ноги и чело умирающаго были помазаны св. елеемъ и затѣмъ священникъ съ мальчиками вышелъ; слѣдомъ за нимъ вышли двѣнадцать или пятнадцать прихожанъ, явившихся молиться за тихій переходъ души младенца изъ здѣшняго міра въ другой.

Отецъ и старшій сынъ остались одни у одра умирающаго. Отецъ погасилъ обѣ свѣчи, поцѣловалъ малютку въ голову, поставилъ подсвѣчники на прежнее ихъ мѣсто, на каминь, и сѣлъ на скамеечкѣ, противъ огня, слабо освѣщавшаго комнату. Этьень сѣлъ возлѣ отца.

Отецъ, упершись локтями въ колѣна, поддерживалъ руками голову; лицо его оставалось въ тѣни, какъ у Агамемнона Тимофескаго.

Ребенокъ сидѣлъ, положивъ руки на колѣни.

Отраженіе каминнаго огня освѣщало обѣ, неподвижныя какъ статуи, фигуры и трепетно перебѣгало по противоположной стѣнѣ.

Но свѣтъ былъ слишкомъ слабъ, и уголь, гдѣ стояла кровать умирающаго, оставался въ темнотѣ.

Все было тихо въ этой комнатѣ, гдѣ царствовала двойная скорбь. Холодное, торжественное молчаніе это длилось нѣсколько минутъ. Все говорило, что смерть приближалась быстрыми шагами. Вдругъ, среди смертной тишины, съ кровати раздался вѣжливый и сладкій голосъ. То былъ голосъ ребенка.

— Отецъ, сказалъ онъ съ ужасомъ, котораго невозможно передать — неужели живодеры, которые живутъ въ амѣн-театрѣ и рѣжутъ прекрасныхъ господъ и барынь, рѣжутъ также и такихъ мальчиковъ, какъ я?

Этьень затрепеталъ и принялся плакать.

Отецъ всталъ и поднесъ руки къ горлу, какъ бы стараясь оторвать какіе-то невидимые, душившіе его клещи, и бросился къ постели ребенка.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое, говорилъ онъ — успокойся! Я не выдамъ тебя!

— Спасибо, отецъ, отвѣчалъ сладкій голосъ ребенка.

То были послѣднія слова, которыя Этьень слышалъ отъ своего брата. Черезъ часъ, умирающій началъ хрипѣть.

— Ступай къ теткѣ, сказалъ Этьеню отецъ, не желавшій, чтобъ онъ былъ свидѣтелемъ послѣднихъ мукъ и смерти брата. Ребенокъ повиновался, не произнеся ни слова.

По счастью, идя къ теткѣ, не нужно было проходить мимо башни. Послѣ словъ брата Этьень скорѣе согласился

бы провести ночь на порогѣ своего дома, нежели пройти мимо каменнаго великана съ огненными глазами.

Онъ мигомъ прибѣжалъ къ теткѣ и рассказалъ ей обо всемъ происшедшемъ. Отецъ остался при ребенкѣ.

И кромѣ него — еще Богъ присутствовалъ при агоніи.

На завтра, около полудня, дверь теткина дома отворилась. На порогѣ показался отецъ. Онъ былъ блѣденъ и безмолвенъ.

Тихо и медленно заперъ онъ дверь, молча вошелъ и сѣлъ въ углу. Никто не рѣшался дѣлать ему вопросовъ.

Наконецъ, минутою спустя, малютка Этьень повернулся къ нему лицомъ.

— Отецъ, спросилъ онъ, — что братъ?

— Ему лучше, отвѣчалъ старый солдатъ такимъ голосомъ, котораго невозможно передать. Ребенокъ — умеръ.

Похороны происходили на слѣдующій день, на маленькомъ кладбищѣ, далеко за городомъ.

Народу собралось очень мало, отецъ, братъ, тетка, трое или четверо сострадательныхъ людей, готовыхъ сочувствовать горю каждаго, да нѣсколько таможенныхъ товарищей отца. Въ главѣ процессіи шелъ тотъ же священникъ съ мальчиками, который за двое сутокъ тому приходилъ соборовать ребенка елеемъ.

Священникъ прочиталъ напутственную молитву, окропилъ гробъ святой водою и отправился съ своимъ причтомъ назадъ.

Присутствовавшіе окружили могилу и каждый, оросивъ гробъ святой водою, передавалъ кропило ближайшему сосѣду. Вопреки обыкновенію, отецъ остался послѣднимъ.

Маленькій Этьень хотѣлъ остаться вмѣстѣ съ нимъ; но отецъ тихо сказалъ что-то одному изъ таможенныхъ, который и увелъ его.

На кладбищѣ оставался только трупъ, опущенный на дно могилы, да по обѣимъ концамъ ея стояли отецъ и могильщикъ. Могильщикъ приготовился засыпать гробъ землею.

Но отецъ оттолкнулъ его и, взявъ заступъ, сказалъ:

— Это ужъ мое дѣло.

И черезъ нѣсколько минутъ засыпалъ могилу вровень съ краями и плотно утопталъ ее ногами.

Затѣмъ онъ ушелъ молча, потупивъ голову и скрестивъ руки на груди.

Впродолженіе цѣлаго мѣсяца все таможенные сторожа Каенской бригады, поочередно караулили на кладбищѣ, изъ предосторожности, чтобы похитители труповъ не украли тѣла ребенка для продажи его живодерамъ.

II.

Воспитаніе маленькаго Этьеня. — Рисовальный классъ. — Школа ваянія. — Первая награда. — Отповское поощреніе. — Конюхи. — Канатные плясуны.

Не смотря на то, что отецъ не произнесъ ни одной жалобы, не пролилъ ни одной слезы и въ образѣ жизни его не произошло никакой перемѣны, скорбь его была такъ сильна и глубока, что малюжка Этьень вообразилъ, что отецъ его хочетъ лишить себя жизни и, не говоря ему ни слова, какъ тѣнь привязался къ его слѣдамъ, не оставляя его ни на минуту.

Онъ не зналъ, что отецъ, имѣющій ребенка, которому долженъ посвятить свою жизнь, не можетъ убить себя.

Опасенія Этьеня совершенно разсѣялись не прежде, какъ по прошествіи двухъ мѣсяцевъ.

Вообще же отецъ ни разу не вспоминалъ объ умершемъ сынѣ, такъ-что каждый посторонній человекъ непременно подумалъ бы, что у него никогда и не было другихъ дѣтей, кромѣ этого сына, еслибъ, по временамъ, глаза его, съ выраженіемъ глубочайшей скорби, не останавливались на кровати, на которой Адольфъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Но мало-по-малу все въ домѣ пришло въ прежній порядокъ и Этьень подумалъ, что отецъ его забылъ о потерѣ, основываясь на томъ, что самъ онъ начиналъ уже забывать о ней.

На слѣдующій годъ могила Адольфа заросла травой. И чье око, кромѣ отповскаго и материнскаго, можетъ знать, что такое лежитъ подъ травой могильнаго холмика.

И такъ, Этьень остался одинъ; но въ одиночествѣ про-

будилась въ немъ страсть къ чтенію. Длинные, зимніе вечера 1821 и 1822 г. онъ проводилъ дома, перечитывая то романы въ голубыхъ оберткахъ, переносящіе насъ къ счастливымъ временамъ дѣтства, или рассказы о путешествіяхъ, которыя могли бы сдѣлаться очень интересными, еслибъ не было приложено столько труда, чтобы сдѣлать ихъ утомительными. Рассказы эти, о странствованіяхъ по всѣмъ четыремъ частямъ свѣта, внушили ему сначала желаніе сдѣлаться морякомъ; но такъ-какъ природа первымъ условіемъ этого ремесла поставила способность или привычку быть на морѣ, то было рѣшено, чтобы Этьень участвовалъ въ первой, имѣющей представиться, поѣздкѣ отца въ море.

Но съ той самой минуты, какъ лодка вышла изъ рѣки, будущій морякъ испыталъ сильную морскую болѣзнь. Отецъ, которому страсть сына къ мореходству была по сердцу, не обратилъ особеннаго вниманія на неудачный исходъ первой морской поѣздки. Онъ еще разъ попробовалъ; но второй опытъ кончился еще плачевнѣе, нежели первый; потому-что болѣзнь сдѣлалась до того сильна, что у ребенка пошла кровь гортанью.

На этотъ разъ рѣшено было избрать сыну другое поприще. Но другое поприще найти было не легко.

Отцовскіе рассказы, какъ ни кратки и сухи были они, и Лагарповы повѣствованія о путешествіяхъ, при всей своей незанимательности, развили въ разумѣ ребенка настоящее призваніе къ страннической жизни.

Онъ предложилъ отцу опредѣлить его въ солдаты.

Старикъ понурилъ голову. Ему было совершенно понятно, что можно сдѣлать его солдатомъ въ военное время, потому-что главнѣйшую привлекательность боевой жизни составляетъ опасность быть убитымъ; но въ мирное время, по его мнѣнію, рѣшительно не стоило быть солдатомъ.

Было занятіе или ремесло, которое обольщало ребенка больше, нежели мореходство и солдатство; это — ремесло странствующаго комедіянта.

Увы! надобно признаться, что любимѣйшей мечтой Этьеня, въ четырнадцать лѣтъ, было желаніе разодѣться въ красное платье и, ставъ при входѣ въ балаганъ, усердно стучать въ турецкій барабанъ, или плясать по канату.

Занятіе аквилибриста-наѣздника также казалось ему очень привлекательнымъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, какое наслажденіе скакать, стоя на лошади и посылая руками поцѣлуи дамамъ, или проскакивать въ обручъ, обтянутый бумагой, бросаясь на сѣдло колѣнами.

Но больше всего этого, ребенокъ желалъ сдѣлаться актеромъ на *настоящемъ* театрѣ, только, надобно прибавить, что желаніе это казалось ему чѣмъ-то невозможнымъ, недостижимымъ, однимъ словомъ, блаженствомъ, о которомъ можно только мечтать.

Но при всемъ томъ онъ не рѣшался объявить отцу о своихъ склонностяхъ къ цыганской жизни.

Какъ бы то ни было, но нашъ мечтатель долженъ былъ начать другую карьеру, къ которой впрочемъ онъ не питалъ никакого отвращенія, а напротивъ, даже полюбилъ ее, разумѣется послѣ состоянія канатнаго плясуна-наѣздника, или комедіянта.

Онъ началъ посѣщать городскую школу рисованія.

Вотъ по какому случаю отцу его пришла мысль отдать его въ эту школу.

Въ годъ, слѣдовавшій за кончиной Адольфа, они на лѣтнее время перешли въ избушку на морскомъ берегу. У поручика таможенной стражи была огромная табакерка, на крышкѣ которой наклеена была литографированная картинка, изображавшая Ватерлооскаго гренадера.

Современники мои непременно должны помнить, что съ 1820 по 1825 годъ во всѣхъ магазинахъ картинъ выставлена была литографія, представлявшая гренадера, который, прижавъ знамя къ груди и протянувъ впередъ саблю, защищалъ товарища, раненаго въ голову.

Литографія эта называлась Ватерлооскимъ Гренадеромъ. Поручикъ былъ очень доволенъ, что на табакеркѣ его была воспроизведена эта картина.

Малевкій Этьень съ величайшимъ усердіемъ принялся за карандашъ и перо и, хотя не безъ труда, успѣлъ однакожъ нарисовать что-то въ родѣ копіи съ Ватерлооскаго Гренадера.

— Этого молодца надобно отдать въ городскую рисовальную школу, сказалъ поручикъ: — у него прекрасныя способности.

И воротившись домой, въ Кармекую улицу, отецъ окончательно рѣшился послѣдовать этому совѣту.

Но вопреки предсказанію поручика и весьма замѣчательному усердію, ученикъ не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ въ рисованіи.

Онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ надъ копированіемъ носовъ, ушей и глазъ, увеличенныхъ по-крайней-мѣрѣ въ десять разъ; но носы подъ его карандашомъ выходили какіе-то горбатые, уши самыя безобразныя, а глаза непременно косые.

Рисовальный классъ происходилъ всегда по вечерамъ, когда ученики были свободны отъ другихъ занятій; ихъ рассаживали за двумя столами, освѣщенными парой лампъ съ двумя рожками, повѣшенными у нихъ надъ головой. — Кромѣ того, передъ каждымъ еще стояла свѣча, закрытая абажуромъ.

Черезъ полчаса, впродолженіе которыхъ ученики очень усердно пачкали бумагу карандашомъ и вычищали ее хлѣбнымъ мякишемъ, являлся профессоръ, г. Елун.

Онъ ходилъ съ видомъ собственнаго достоинства, съ подсвѣчникомъ въ рукѣ и очками на носу, останавливался передъ пюпитромъ каждаго ученика и размышлялъ вслухъ.

Передъ Этьенемъ, у котораго руки постоянно были грязныѣ, чѣмъ у прочихъ учениковъ, а бумага засаленная, онъ произносилъ только три восклицанія, всегда однѣ и тѣже, но возвышая голосъ съ видомъ горести и отчаянія:

— О, сударь! О, сударь!! О, сударь!!! И проходилъ далѣе.

Эти три восклицанія, весьма-натурально, меньше всего способны были ободрить мальчика.

Не смотря на то, онъ пробылъ въ рисовальномъ классѣ до конца года. Чтобы день не пропадалъ даромъ и онъ выучился бы какому-нибудь ремеслу, отецъ посылалъ его по утрамъ учиться къ рѣзчику на деревѣ.

Этотъ рѣзчикъ особенно занимался дѣланіемъ для столаровъ огромныхъ шкаповъ съ голубками, какіе обыкновенно нормандскіе мѣщане и богатые мужики даютъ въ приданое своимъ дѣтямъ, какъ символъ вѣжности и союза.

Къ рѣзбѣ у мальчика оказалось гораздо болѣе способностей. И какъ въ городской школѣ было два художе-

ственные класса: рисовальный и ваятельный, то, вслѣдствіе этого, съ новаго года Этьень пересталъ посѣщать рисовальный классъ, а занялся единственно ваяніемъ.

Новый наставникъ его, ваятель, былъ италіянецъ, лѣтъ сорока или сорока-пяти, очень красивой наружности и весь проникнутый сознаниемъ художническаго достоинства: онъ ходилъ, гордо поднимая голову, потрясая по временамъ своими великолѣпными кудрями. Во всей его фигурѣ заключалось что-то великое и поэтическое.

Онъ въ одно и тоже время былъ ваятель, рисовальщикъ, зодчій и музыкантъ. Звали его Оделли.

Онъ пріѣхалъ въ Каену для исполненія ваятельныхъ работъ въ часовнѣ Богоматери, при церкви Св. Петра. По окончаніи этихъ работъ, Городской Совѣтъ предложилъ ему остаться и занять мѣсто профессора ваянія и зодчества при городской школѣ.

Съ-тѣхъ-поръ онъ принялъ въ свое завѣдываніе классъ ваянія, подобно тому, какъ Елуи управлялъ рисовальнымъ классомъ.

1-го октября 1823 года маленькій Этьень явился въ первый разъ въ классъ г. Оделли.

— Откуда вы? спросилъ его профессоръ.

— Изъ дому, отвѣчалъ онъ. — Италіянецъ улыбнулся.

— Я не о томъ спрашиваю; я хочу знать, гдѣ вы учились прежде?

— Я восемь мѣсяцевъ занимался у г. Елуи рисованіемъ.

— Пойдемте же со мной.

Италіянецъ привелъ ребенка въ кабинетъ, гдѣ хранились рисовальные оригиналы, и подаль ему гравюру, изображавшую отломокъ античной капители.

— Какъ думаете: можете ли вы это срисовать? спросилъ онъ.

— Могу, рѣшительно отвѣтилъ мальчикъ.

— Такъ приходите завтра и садитесь вотъ на этомъ мѣстѣ.

И профессоръ указалъ мальчику стулъ и столъ.

Онъ хотѣлъ, повидимому, чтобы новый ученикъ его исполнилъ урокъ въ уединеніи, чтобъ никто не могъ помочь ему ни карандашомъ, ни совѣтомъ, и чтобы такимъ обра-

зомъ ему можно было вѣрнѣ оцѣнить степень его годности къ рисовкѣ.

На другой день Этьень явился нѣсколько раньше назначеннаго времени. Помѣстившись противъ рисунка и сообразивъ всю трудность вѣрно скопировать его, онъ почувствовалъ, что на лбу его выступили капли холоднаго пота. По счастью онъ былъ одинъ.

Не сумѣвъ скопировать рисунка, онъ скалькировалъ его. Только-что успѣлъ онъ кончить эту работу и принялся оттушевывать части, какъ услышалъ, что за нимъ дверь отперлась и затворилась снова. Онъ не смѣлъ поворотить головы. Кто-то подошелъ къ нему. Онъ по прежнему сидѣлъ наклонившись. Чья-то рука опустилась къ нему на плечо. Онъ ждалъ: что будетъ дальше.

— Хорошо, другъ мой, произнесъ голосъ Оделли, — хорошо! Постойте, я дамъ вамъ другую вещь!

Мальчикъ началъ дышать нѣсколько свободнѣе.

Съ этого времени Оделли сталъ особенно заниматься Этьенемъ, и не смотря на то, что тотъ часто пропускалъ уроки и всю ярмарку свѣтлой недѣли прозѣвалъ на эквилибристивъ и каватныхъ плясуновъ, ему все-таки назначено было дать первый призъ.

Въ большихъ провинціальныхъ городахъ, раздача наградъ ученикамъ, отличившимся въ рисованіи и ваяніи, производится обыкновенно съ величайшей торжественностью. При этомъ присутствуетъ и меръ и муниципальный совѣтъ, приглашаются музыканты и барабанщики.

Отецъ также явился на это торжество. Позвали маленькаго Этьеня.

Онъ подошелъ и заплакалъ, потому-что торжественность эта перепугала его. Меръ громко произнесъ его имя и поцѣловалъ его; раздались шумныя рукоплесканія; оркестръ заигралъ: «Гдѣ лучше можетъ быть;» барабаны залились дробью.

Мальчикъ воротился домой съ лавровой вѣтвью въ одной рукѣ и серебряной медалью въ другой, шагая рядомъ съ отцомъ, который на половинѣ дороги остановился и громко воскликнулъ:

— А господина-то Оделли я и не поблагодарилъ!

— Да, правда.

— Ступай же домой и дождайся меня!

Мальчикъ продолжалъ путь свой къ Кармской улицѣ, а отецъ возвратился въ Ратушу.

Надобно признаться, что отцу пришла въ голову пре-скверная мысль.

Оделли былъ очень доволенъ его благодарностью, но объявилъ по совѣсти, что Этьень получилъ первый призъ не потому, чтобы дѣйствительно заслуживалъ его, а потому, что никого не нашлось лучше, въ заключеніе онъ прибавилъ:

— Но еслибъ этотъ мальчикъ захотѣлъ только заниматьея...

— Какъ, спросилъ отецъ, — да развѣ онъ не занимается?

— Конечно, онъ занимается, потому-что ему не позволять быть празднымъ; но онъ могъ бы быть гораздо усерднѣе.

— Такъ что же онъ такое дѣлаетъ?

— Чтò? Спросите въ циркѣ у эквилибристовъ, или у канатныхъ плясунѡвъ на площади, для кото рыхъ онъ дѣ-лаетъ рисунки костюмовъ.

— Скажите пожалуйста!.. Ахъ, онъ шутъ! я ужъ давно слышалъ объ этомъ... Но, я съ нимъ раздѣлаюсь!

— Но только пожалуйста, ужъ для нынѣшняго дня..

— Э! что мнѣ за дѣло!.. По счастью, я знаю, гдѣ его найти. Не безпокойтесь, пожалуйста!

И отецъ быстрыми шагами пошелъ къ Кармской улицѣ.

Мальчикъ въ это время хлопоталъ о томъ, какъ бы изящнѣе обвить своей лавровой вѣткой отцовскіи карабинъ и пистолетъ.

Отецъ вошелъ, онъ засталъ сына за работой, взобравшагося на подмости, составленные изъ стула и стола, поставленныхъ одинъ на другой.

Онъ взялъ линейку и, спрятавъ ее за спину, подошелъ къ столу.

Но мальчикъ видѣлъ все и безпокойными взорами слѣ-дилъ за его движеніями.

— Посмотри-ка, отецъ, куда я помѣстилъ свою лавровую вѣтку.

— Хорошо. Слѣзай же долой!

— На что?

— А вотъ узнаешь, какъ слѣзешь.

— Но... отецъ...

— Слѣзай, говорятъ тебѣ!

— Но, отецъ...

— Слѣзешь ли ты?

— Сейчасъ, сейчасъ...

Отецъ схватилъ его за воротъ и принялся колотить по спицѣ и другимъ частямъ линейкой.

— А! негодный!

— Но, отецъ, вспомни, что я получилъ первый призъ... Ай, ай!

— А! льнивонецъ!

— Я получилъ первый призъ! Ай! Ай!

— Я научу тебя возиться съ наѣздниками!

— Но вѣдь я получилъ первый призъ! Ай! Ай! Ай!

— Я тебѣ покажу, какъ рисовать костюмы для скомо-
роховъ.

Въ это время, на улицѣ, для дополненія тріо, раздался грохотъ барабана и послышался густой голосъ, кричав-
шій басомъ:

— «Честь и слава г. Этьеню, получившему первый призъ въ ваиніи въ городской каенской школѣ!»

Молодой лавроносецъ не могъ забыть во всю свою жизнь ни этой музыки, ни наказанія, происходившаго подъ ея звуки. При всемъ томъ онъ на Оделли нисколько не сердился.

Что же касается до отца, такъ надобно при этомъ замѣ-
тить, что каждый разъ, послѣ наказанія, подобнаго тому, какое претерпѣлъ молодой лавреатъ, онъ имѣлъ привычку повторять: «Это для твоей пользы, для твоей пользы, для твоей пользы!..» Мальчикъ твердо запомнилъ эти слова и такъ глубоко вѣрилъ въ справедливость словъ отца своего, что каждый разъ, когда сосѣдскія бабы спрашивали его: «Ну, что Этьень, отецъ опять поколотилъ тебя?» — онъ всегда отвѣчалъ:

— Это для моей же пользы.

Наказаніе имѣло очень хорошія послѣдствія: мальчикъ съ жаромъ принялся за работу, но вотъ опять наступила Свѣтлая недѣля, а съ ней началась и ярмарка и продолжалась двѣ недѣли официальнымъ образомъ, да двѣ недѣли не въ зачетъ.

По несчастію, отцу, по одному чрезвычайному обстоятельству, пришлось отправиться на службу.

Какой прекрасный случай дебютировать въ труппѣ эквилибристовъ, или канатныхъ плясуновъ!

Молодой человѣкъ рѣшился начать опытъ представленія на лошадяхъ . . .

Въ то время Этьеню было уже шестнатцать лѣтъ: онъ выросъ съ отца, и потому нашли, что онъ очень-великъ для ѣзды на лошади въ стоячемъ положеніи. Его назначили въ вольтижеры.

Но, во время репетиціи, онъ хотѣлъ перескочить черезъ лошадь, задѣлъ ногою за сѣдло и растянулся на земль.

Этого паденія было совершенно достаточно, чтобы навсегда излечить молодаго наѣздника отъ страсти къ коннымъ представленіямъ, точно также, какъ одной поѣздки по морю довольно было для того, чтобы уничтожить въ немъ страсть къ мореходству.

Онъ перешелъ въ другой, сосѣдній балаганъ.

Балаганъ этотъ принадлежалъ великому Гренгалю изъ Руана, то есть, одной изъ величайшихъ провинціальныхъ знаменитостей того времени.

Черезъ три дня онъ уже участвовалъ въ пантомимѣ, представляя главнаго шафера, и украшалъ цвѣточными гирляндами домъ новобрачной.

Все это, весьма-естественно, рѣшительно отвлекло его отъ занятій въ школѣ ваияя.

— Что за чортъ! Гдѣ вы это шляетесь? спросилъ его Оделли.

— Я-съ, отвѣчалъ комедіантскій ученикъ, — я занимаюсь разноской работы моего хозяина.

— А! . . .

Какъ-то Оделли въ десятый разъ сдѣлалъ ему этотъ вопросъ и въ десятый разъ получилъ тотъ же самый отвѣтъ.

— Ну, хорошо, сказалъ профессоръ, повидимому, начинавшій уже сомнѣваться въ справедливости словъ ученика и не безъ досады замѣчавшій, что молодой человѣкъ, съ весьма порядочными способностями, всячески старается отдѣлаться отъ занятій. — Ну, хорошо, въ первый разъ, какъ васъ пошлютъ разносить работу,

извольте принести ее сюда и показать мнѣ, чтобъ я зналъ, чѣмъ вы безъ меня занимаетесь.

Отказаться было невозможно: притомъ же ярмарка кончилась и наѣзники съ акробатами разѣхались въ разные стороны.

Между-тѣмъ время текло да текло, и мальчикъ-Этьень превратился уже въ молодого человѣка. Въ первый разъ, когда ему поручено было отнести куда-то рѣзбу для шкапа, представлявшую пару голубей, цѣловавшихся внутри миртоваго вѣнка, онъ явился съ этимъ произведеніемъ къ Оделли.

Оделли, внимательно посмотрѣвъ на голубей, сказалъ: какая ужасная гадость!

— Вы находите, что это гадко? спросилъ ученикъ.

— Вамъ не слѣдовало и одного дня оставаться у подобнаго ремесленника.

— Что же прикажете дѣлать?

— Не ходить больше къ этому хозяину.

— Но отецъ требуетъ, чтобъ я непременно ходилъ.

— Такъ нужно сдѣлать такъ, чтобъ хозяинъ самъ васъ выгналъ.

— Но если хозяинъ меня выгонитъ, такъ отецъ приколотитъ.

— Пусть поколотитъ: это не бѣда!

Героическій отвѣтъ этотъ очень понравился молодому человѣку, онъ напомнилъ ему знаменитую фразу афинскаго полководца: «*Рази, но выслушай!*» Но только тутъ удары должны были посыпаться на самого Эемистокла, что придавало отвѣту оттѣнокъ какого-то особеннаго величія.

Молодой человѣкъ недолго раздумывалъ надъ этимъ: пусть поколотитъ.

Разъ онъ явился къ своему хозяину съ твердымъ рѣшеніемъ представить изъ себя героя.

Но полагаемъ, что будетъ совершенно не лишнимъ рассказать при этомъ обстоятельство, случившееся наканунѣ и внушившее ему такое мужество и презрѣніе къ отцовскимъ наказаніямъ.

III.

Посвященіе Этьеня.

Таскаясь и нмыгая по городскимъ улицамъ — бездѣлье это онъ очень любилъ — Этьень очутился на театральной площади и принялся разгуливать вокругъ театра, зѣвая на него, да разсматривая выставленныя афишки. Остановившись противъ узкаго переулка, проходившаго съ одной стороны театра, онъ повернулъ въ него.

Онъ сдѣлалъ это, какъ читатели могутъ себѣ представить, съ единственной цѣлю хотъ потереться о стѣны театра, гдѣ давались комедіи.

Налѣво Этьень замѣтилъ входъ, мрачный, какъ входъ пещеры Али-баба.

Тамъ было все: скользкій помостъ, покрытыя сыростью стѣны, по которымъ разплывались крупныя капли воды.

Сторожа, охраняющаго обыкновенно театральный входъ, на этотъ разъ тамъ не было.

Казалось, что черная пасть этой пещеры проглотила его. Молодой человекъ рѣшился спуститься по тремъ ступенькамъ, потомъ подняться наверхъ, съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе погружаясь въ непроницаемую темноту.

Поднявшись на самый верхъ лѣстницы, онъ тихонько сталъ отворять дверь.

За дверью было также темно и онъ продолжалъ ощупью, на цыпочкахъ, подвигаться впередъ, стараясь не произвести ни малѣйшаго шума, какъ вдругъ почувствовалъ, что чья-то широкая могучая рука опустилась ему на плечо.

Ему сейчасъ пришло въ голову, что онъ попался въ лапы какому-нибудь великану.

Онъ съ ужасомъ обернулся и радостно воскликнулъ:

— Это вы, Г. Обень-старшій?.. Этотъ Обень-старшій былъ сынъ скульптора, имѣвшаго магазинъ на театральной площади.

— Я, отвѣчалъ Обень, — что жъ дальше?

— Дальше? Я очень радъ васъ видѣть.

— Почему это?

— Потому—что вы меня не прогоните.

— Откуда не прогоню?

— Да изъ театра.

— А ты боялся, что тебя выгонять?

— Ну, да.

— А развѣ тебѣ хочется посмотрѣть театр?

— Ужасно хочется . . . Я ужъ давно имѣю это желаніе.

— Ужъ не хочешь ли ты сдѣлаться комедіянтомъ?

— Ахъ, Г. Обень, до смерти хочется.

— Кто жъ тебѣ мѣшаетъ?

— Отецъ. Ахъ, еслибъ вы знали, какъ онъ приколотилъ меня, когда узналъ, что я участвовалъ въ пантомимѣ Грен-гале, изъ Руана!

— И не смотря на побои, ты все-таки сознаешь въ себѣ страсть къ театру?

— Она усилилась во мнѣ пуще прежняго, такъ-что я думаю, что когда-нибудь сойду съума, если не сдѣлаюсь комедіянтомъ.

— Въ такомъ случаѣ, судьба твоя рѣшена, ты посвященъ въ комедіянты и будешь комедіянтомъ!..

Вотъ что происходило наканунѣ. Это сивиллино предсказаніе вдохнуло въ грудь ученика Оделли силу и твердое намѣреніе заставить рѣзчика прогнать его.

На другое утро послѣ того достославнаго дня, около девяти часовъ, его послали къ столяру отнести другую пару вырѣзанныхъ изъ дерева голубковъ.

Чтобы дойти до столяра и воротиться назадъ, совершенно-достаточно было четверти часа.

Но Этьень геройски рѣшился не возвращаться раньше, какъ черезъ три часа съ половиной.

Онъ вошелъ къ своему хозяину въ три четверти перваго.

— Гдѣ ты это таскался, любезный, спросилъ его хозяинъ.

— Гдѣ я былъ?

— Ну, да, да, отвѣчай!

— Я былъ тамъ, гдѣ мнѣ хотѣлось быть.

— Что? гдѣ тебѣ хотѣлось?

— Ну, да.

— Э, любезный, вотъ какъ ты рассуждаешь!

— Не надобно было ни о чемъ меня спрашивать, такъ я и не отвѣчалъ бы ничего.

Еслибъ противъ хозяина въ эту минуту висѣло зеркало, такъ онъ навѣрное посмотрѣлъ бы въ него, чтобъ удостовериться: не спитъ ли онъ.

— Ты, кажется, хочешь, чтобъ я тебя вытолкалъ въ шею?

— Не зачѣмъ меня выталкивать въ шею, я и самъ пойду.

— Постой, постой, негодный!..

— Впервые, я совсѣмъ не негодный; меня зовутъ Этьень Маренъ.

— Что, что, разбойникъ ты этакой!

И хозяинъ, взявъ двухъ недодѣланныхъ голубковъ, готовился швырнуть ими въ голову Этьеня.

Молодой человѣкъ перепрыгнулъ черезъ станокъ и въ одно мгновеніе былъ за дверьми.

— Постой, я расскажу твои штуки отцу!.. Постой!..

И рѣзчикъ надѣлъ свою шапку, скинулъ передникъ, напялилъ сюртукъ и быстрыми шагами пошелъ къ Кармской улицѣ.

При всемъ запасѣ своего стоицизма, ученикъ Оделли былъ слишкомъ простодушенъ, вообразивъ себѣ, что ему можно было выбирать изъ двухъ золъ меньшее.

Была даже такая минута, когда онъ воображалъ, что есть средство совершенно избѣжать наказанія.

Ночью отцу слѣловало отправиться въ обходъ. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ онъ выходилъ изъ дому часовъ въ семь вечера и ключъ отъ дверей подсовывалъ подъ дверь, чтобы Этьень зналъ, гдѣ найти его, по возвращеніи своемъ отъ Оделли.

Главное дѣло состояло въ томъ, чтобы не являться домой раньше осьми часовъ; отца тогда навѣрное не будетъ дома, и у него въ выигрышъ будетъ цѣлая ночь.

До восьми часовъ Этьень прогуливался по городу.

Въ ту минуту, когда онъ подошелъ къ своимъ дверямъ, они быстро открылись и на порогѣ показался отецъ, съ

карабиномъ на плечѣ, пистолетами за поясомъ и саблей на боку; онъ, по привычкѣ, мурлыкалъ маршъ.

Молодой человѣкъ окаменѣлъ отъ ужаса и плотно прижался къ стѣнѣ.

Пройдя два шага, отецъ замѣтилъ его и воротился, обнаживъ свою саблю:

— А! разбойникъ! ты здѣсь! закричалъ онъ.

Этьень бросился въ стѣни, но отецъ отправился за нимъ.

Онъ поймалъ его на первой ступенкѣ и принялся колотить саблей плашмя.

Колотя такимъ образомъ, онъ втащилъ его въ третій этажъ. Напрасно бѣдный страдалецъ плакалъ и молилъ его о состраданіи. Отецъ былъ неумолимъ и наказаніе было жестоко и продолжительно.

На другой день, часовъ въ восемь, Этьень, блѣдный и избитый, явился къ Оделли, который съ перваго взгляда разгадалъ все.

— А! сказалъ онъ—кажется дѣло кончено?

— Кончено, печально отвѣчалъ ему ученикъ.

Тѣмъ разговоръ и кончился.

Послѣ этого приключенія, молодой человѣкъ еще годъ пробылъ у Оделли, изучая скульптуру и, по прежнему, прогуливая уроки и посвящая время, назначенное для ученья, театрамъ, циркамъ и канатнымъ плясунамъ.

Но за это онъ столько принялъ отъ отца своего побоевъ, что рѣшился во что бы то ни стало отправиться служить сценическому искусству въ столицу.

Когда человѣку бываетъ назначено извѣстное положеніе въ будущемъ, то, въ извѣстное время, судьба, принявъ образъ человѣка, беретъ избранника своего за руку и ведетъ его къ предназначенной цѣли.

Точно также и для нашего героя судьба приняла человѣческой образъ и предстала предъ нимъ подъ именемъ г. Лера.

Пьеръ - Эме - Лера былъ совѣтникомъ префектуры. Онъ принадлежалъ къ небольшому числу людей, драгоценныхъ для провинціальныхъ городковъ второй руки, потому—что они обыкновенно становятся въ главѣ просвѣщенія и ревностно содѣйствуютъ всякимъ улучшеніямъ.

Считаемъ нужнымъ представить здѣсь изображеніе это-

го Пьера-Эме-Леру, котораго городъ Каенъ имѣлъ несчастье лишиться два года назадъ, или около того.

Онъ былъ средняго роста, черноволосъ, худощавъ, рябоватъ; всегда тщательно выбрить, отчего подбородокъ его всегда казался какъ бы голубоватаго цвѣта; одѣвался онъ такъ, какъ обыкновенно одѣваются отставшіе отъ вѣка провинціалы, но это нисколько не нарушало гармоніи его почтенной и привлекательной внѣшности; онъ обыкновенно одѣтъ былъ въ синій фракъ, бѣлый жилетъ, лѣтомъ въ нанковыя пантолоны, а зимой въ суконныя; онъ рѣдко надѣвалъ сапоги, ходилъ въ башмакахъ, всегда носилъ синіе чулки, какаго бы цвѣта ни были его брюки.

Онъ со всѣми дотога былъ ласковъ и учтивъ, что въ этомъ отношеніи, какъ нельзя болѣе, походилъ на придворнаго. Но подъ покровомъ наружной мягкости скрывалась въ немъ непреклонная энергія.

Однажды, въ качествѣ совѣтника префектуры, явился онъ въ рекрутское присутствіе, въ голубомъ фракѣ, нанковыхъ брюкахъ, голубыхъ чулкахъ, гладко выбритый и затянутый въ бѣлый галстухъ, для присутствованія при выниманіи жребіевъ. Первый № былъ вынутъ какимъ-то бѣднымъ норманцемъ. Мать его, сидѣвшая въ углу Ратуши, громко заплакала и зарыдала.

Вопли раздражительно подѣйствовали на слуховой органъ военнаго пріемщика.

— Выгоните вонъ эту плаксу, сказалъ онъ громко.

Такое безчеловѣчіе возмутило душу Г. Лера и онъ сказалъ своимъ нѣжнымъ, ласкающимъ голосомъ:

— Уважьте горестъ бѣдной матери! — Шопотъ одобренія, раздавшійся послѣ словъ Г. Лера, неприятно подѣйствовалъ на военнаго пріемщика.

Онъ, закинувъ голову, чтобъ удобнѣе говорить съ адъютантомъ, сидѣвшимъ позади него, сказалъ, какъ можно громче, чтобъ слышали всѣ окружающіе, а особенно Г. Лера:

— Скажите, пожалуйста; не знаете ли вы имени этого господина съ синимъ подбородкомъ, въ синемъ фракѣ, съ синимъ штыемъ и въ синихъ чулкахъ?

Адъютантъ почелъ обязанностью наиприятнѣйшимъ образомъ засмѣяться *шуткѣ* своего начальника.

Лера глазомъ не моргнувъ на эту грубую и глупую выходку. Всѣ присутствующіе обратились въ его сторону, имъ казалось, что онъ одинъ ничего не слышалъ.

Но когда присутствіе было кончено, Лера подошелъ къ военному приѣмщику.

— Милостивый государь, сказалъ онъ ему самымъ привѣтливымъ, ласковымъ тономъ:—миѣ слышалось, что вы желали знать мое имя; помнится даже, что вы спрашивали объ этомъ вашего адъютанта, но онъ не могъ удовлетворить вашего любопытства; позвольте же миѣ самому объяснить вамъ, что меня зовутъ: Пьеръ-Эме-Лера.

— Очень пріятно слышать, отвѣчалъ военный приѣмщикъ.

— Что же касается до описанія наружности моей и костюма, я долженъ признаться, что вы сдѣлали его чрезвычайно вѣрно; забыли только упомянуть объ одной вещи...

— О какой же это?

— О шпагѣ, которую я постоянно ношу, а чтобъ вы о ней не забывали, такъ я бы очень желалъ дать вамъ почувствовать ея остріе, сейчасъ ли, или въ другое время...

Какъ ни тихо были сказаны эти слова, однакожъ ихъ слышали почти всѣ. Дѣло было слишкомъ скандальное и городскія власти рѣшились помѣшать этой дуэли, и послѣ продолжительныхъ споровъ и увѣщаній, противниковъ кое-какъ помирили, заставивъ приѣмщика извиниться.

Черезъ десять лѣтъ послѣ этого случая, Г. Лера, будучи уже пятидесяти лѣтъ, вздумалъ совершить путешествіе по Франціи. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ членовъ Нормандскаго Общества Антикваріевъ и предпринялъ поѣздку для археологическихъ изслѣдованій. Онъ отправился въ путь, въ одно прекрасное утро, пѣшкомъ, и проходилъ такимъ образомъ отъ шести до десяти миль въ день. Онъ странствовалъ почти цѣлый годъ, съ палкой въ рукахъ, украшенной золотымъ наболдашникомъ.

Но, по счастью для ученика Г. Оделли, въ 1826 году онъ уже былъ дома.

Онъ часто посѣщалъ рисовальную школу, дружески бесѣдовалъ съ учениками, особенно съ тѣми, которые подавали порядочныя надежды, и потому довольно часто раз-

говаривалъ съ Этьенемъ и очень внимательно разпрашивалъ о его планахъ и надеждахъ.

Молодой человѣкъ признался ему, что всѣ желанія и надежды его сосредоточивались на одной мысли: отправиться въ Парижъ.

Леру было совершенно—понятно, что главною изъ препятствующихъ причинъ исполненія этой мысли былъ недостатокъ въ необходимыхъ для этого средствахъ.

И потому однажды сказалъ ему:

— Мнѣ хотѣлось бы передъ отъѣздомъ вашимъ купить нѣкоторыя изъ вашихъ рисунковъ.

На другой день онъ былъ въ Кармской улицѣ; онъ нарочно выбралъ такое время, когда отецъ былъ дома. Онъ долго говорилъ съ нимъ о наклонностяхъ молодаго человѣка, о необходимости для него отправиться для усовершенствованія своего въ Парижъ, и вضاключеніе купилъ у Этьеня головы Сенеки и Цицерона, заплативъ по двадцати франковъ за каждую; сверхъ того онъ выбралъ еще изъ его картоновъ исполинскія руку и ногу, положивъ за ту и за другую по десяти франковъ.

Такимъ образомъ въ карманѣ молодаго человѣка вдругъ очутилось шестьдесятъ франковъ.

II.

СУДЬБЫ ГРЕЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ПОСЛѢ ПАДЕНІЯ ВІЗАНТІИ.

Соч. Вильмена.

Въ 1453 году нѣсколько итальянцевъ, принадлежавшихъ къ высшему аристократическому кругу, посѣтили Сицилію. Имъ хотѣлось посмотрѣть вблизи на знаменитую Этну, дымящіяся вершины которой, въ-теченіе многихъ вѣковъ, привлекають любопытныхъ путешественниковъ. То были молодые люди изъ Венеціи и Флоренціи, учившіеся схоластикѣ у первыхъ ученыхъ тогдашняго времени; они знали по-латыни и иногда писали стихи на своемъ родномъ языкѣ. Сицилія казалась этимъ образованнымъ людямъ страной варварскою. Въ ней не существовало я подобія великолѣпныхъ городовъ Италіи и не было помину о торговлѣ, которою процвѣтали въ то время Венеція и Генуя. Несчастливая страна въ прекрасномъ климатѣ, надѣленная всѣми дарами природы, оставалась дикою и необработанною. Прогуливаясь по тѣнистымъ чинаровымъ аллеямъ, спускавшимся отъ Тавроминдума къ подошвѣ Этны, путешественники любовались оттуда прекрасными видами. Съ одной

стороны, открывались передъ ними возвышающіеся амфитеатромъ роскошныя виноградники, съ другой необозримое море, стлавшееся горами волнъ, которыхъ ропотъ сливался съ ревомъ волкана. Но великія картины природы не могли заставить ихъ позабыть то, чему они удивлялись въ своемъ отечествѣ. Сравнивая богатую Итадію съ бѣдностію жителей этого края, они понимали, что могутъ доставить человѣку искусство и трудъ, и съ гордостію провозносили стихи Петрарки въ честь Италіи. Отдыхая иногда на обломкѣ греческаго храма, или въ римскомъ циркѣ, они увеселяли часы досуга, припоминая легкомысленныя созданія знаменитыхъ писателей Италіи: Боккачіо и Поджіа. Таковъ былъ вкусъ и направленіе умовъ того времени. Ревность къ религіи и воинственный энтузіазмъ среднихъ вѣковъ начинали тогда ослабѣвать въ Европѣ, а въ Италіи упали совершенно. Римскій Дворъ, флорентинская демократія, политика, торговля и чувственныя наслажденія Венеціи;—все это вмѣстѣ уничтожило рыцарскіе нравы. Молодые путешественники слышали о намѣреніи Турецкаго Султана, Магомета II, осадить Константинополь съ многочисленною арміею, но это не пробудило въ сердцахъ ихъ большаго участія къ народу, придерживающемуся, по ихъ мнѣнію, раскола, отъ котораго греки, хотя и хотѣли отречься на флорентинскомъ Соборѣ, но не исполнили обѣщанія. Времена крестовыхъ походовъ миновались и Византія не была уже Іерусалимомъ; извѣстіе о паденіи знаменитаго города обратило на себя серьезное вниманіе нѣсколькихъ византскихъ и венеціанскихъ купцовъ, торговавшихъ на моряхъ Леванта; они тотчасъ воспользовались представившимся случаемъ и начали продавать порохъ и оружіе обѣимъ воюющимъ сторонамъ, туркамъ и грекамъ; но Сицилія, не имѣя въ то время ни съ кѣмъ торговыхъ сношеній, не получала ни какихъ свѣдѣній о политическихъ событіяхъ того времени и на этомъ островѣ рѣшительно никто не зналъ объ участи Константинополя. Слѣпая ревность римской религіи слѣдала то, что самое имя Византіи было ненавистно народу, который считалъ грековъ за схизматиковъ и нечестивцевъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ, молодые путешественники, любясь съ восточной стороны Катаны послѣдними лучами заходящаго солнца, обливаваго красноватымъ свѣтомъ дымящіяся вершины Этны, примѣтили на морѣ небольшое судно, приближавшееся на веслахъ къ берегу. Латинскій парусъ, осѣненный крестомъ, показывалъ,

что судно было христіанское. Приблизившись къ берегу, судно остановилось; на лицахъ турецкихъ невольниковъ, прикованныхъ къ гребнымъ скамьямъ, была видна злобная радость, не смотря на ихъ униженное состояніе. На палубу вышли пассажиры; между ними были слабые старцы. На благородныхъ лицахъ стражниковъ напечатаны были слѣды изнуренія и скорби. Они привѣтствовали берегъ печальными восклицаніями и, сойдя на землю, благодарили Бога за ихъ избавленіе. За ними вышли изъ судна дѣти, раненые и женщины въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, съ закрытыми чадрой лицами. Чувство стыдливости заглушало въ нихъ самое отчаяніе. Эти женщины, стоя неподвижно на берегу, казались по красотѣ своего стана, античными статуями. Одинъ изъ этой печальной группы, по величественной наружности котораго можно было думать, что онъ повелѣвалъ прочими, произнесъ громкимъ голосомъ: «мы бѣжали изъ Константинополя; братья наши умерщвлены, или въ плѣну, нашъ Императоръ убитъ; Церковь Святой Софіи осквернена Магометомъ и теперь мы пришли искать убѣжища въ этой христіанской Европѣ, которая отказала намъ въ помощи. Внезапное появленіе этихъ страдальцевъ и слова ихъ, дышавшія глубокою скорбію, живо тронули итальянскихъ путешественниковъ. Вскорѣ на морскомъ берегу собралась толпа окрестныхъ жителей. Состраданіе и любопытство, казалось побѣдили въ Сициліянахъ суевѣрное отвращеніе къ грекамъ. Они окружили изгнанниковъ и проводили ихъ въ монастырь, выстроенный на берегу моря. Эта обитель обыкновенно служила убѣжищемъ для чужестранцевъ. Еще недавно отшельники этого монастыря не рѣшились бы принять сюда сыновъ восточной церкви и даже сами византійскіе греки почли бы себя оскверненными, пріютившись подъ кровомъ римской церкви, но несчастіе заставило позабыть на нѣкоторое время взаимную ненависть. Одинъ изъ этихъ путешественниковъ, молодой Медикъ, былъ въ особенности огорченъ вѣстію о паденіи Византіи. «Что мы сдѣлали! вскричалъ онъ: какимъ образомъ Константинополь, который мы считали такимъ могущественнымъ, палъ во власть турковъ? Не въ вашихъ ли рукахъ были несмѣтные сокровища, которымъ завидовала Европа?—У насъ не осталось уже болѣе любви къ отечеству, отвѣчалъ тотъ, который казался начальникомъ прочихъ: граждане сберегли свои богатства и потопили отечество.—Но въ предмѣстіяхъ вашего города жили

Генуезцы, возразилъ Медицисъ; вели съ вами торговлю, были вашими союзниками?— Они намъ пзмѣнили, отвѣчалъ несчастный грекъ и для чего же имъ быть намъ вѣрными, они также будутъ торговать и съ турками. Одно только безкорыстное мужество, религиозное воодушевленіе Европы, могло спасти насъ». Тогда чужеземецъ, съ трудомъ удерживая слезы, въ короткихъ словахъ разсказалъ, какъ Магометъ привелъ изъ Азіи безчисленное множество кораблей и воиновъ и утомилъ свой народъ осадой этого города, на который онъ смотрѣлъ, какъ на самый важный пунктъ, ускользавшій отъ его завоеваній. «Что могли мы сдѣлать одни противъ такой воли и могущества, говорилъ грекъ. Одушевленные мужествомъ своего императора, мы, въ—продолженіе 70 дней, выдерживали осаду варваровъ. Море, не смотря на то, что наполнено было кораблями непріятелей, еще благопріятствовало намъ и мы ждали помощи съ запада. Несокрушимая желѣзная цѣпь заперала византійскій портъ, отворившійся только для нѣкоторыхъ дружественныхъ судовъ. Но повелѣвая тысячами рабовъ, Магометъ въ одну ночь приказалъ передвинуть по землѣ цѣлый флотъ, наполненный вооруженными воинами и спустить въ этотъ недоступный портъ. Каково было наше пробужденіе! На разсвѣтѣ дня мы увидѣли непріятеля вторгнувшимся въ убѣжище, которое считали безопаснымъ; мы были разлучены со всѣмъ остальнымъ міромъ. Императоръ, всегда питавшій въ душѣ высокое мужество, желая поддержать славу древнихъ цезарей, собралъ вельможъ, народъ и нѣкоторыхъ иностранцевъ, оставшихся ему вѣрными и объявилъ имъ о послѣдней битвѣ, о послѣднемъ днѣ. Онъ испросилъ прощенія у своихъ подданныхъ и приобщился Святыхъ Таинъ у подножія алтаря. Въ эту погребальную ночь, мнѣ казалось, что для имперіи, надъ которою тяготѣли двѣнадцать вѣковъ и которая возродилась въ другой разъ въ Христіанствѣ, настала послѣдній часъ. Наступившій день не обманулъ нашего отчаянія; мы видѣли императора, во время ужаснаго приступа варваровъ, сражавшимся до послѣдняго часа, мы слышали его послѣдній крикъ. «Развѣ уже нѣтъ здѣсь ни одного вѣрнаго Христіанина, чтобъ отрубить мнѣ голову?» Произнеся эти слова, Ласкарисъ изнемогъ отъ такого ужаснаго воспоминавія, силы его оставили, кровь потекла изъ недавней раны, едва прикрываемой одеждой. Приведенный въ чувство стараніями окружавшихъ его гостепримныхъ чужеземцевъ, онъ

продолжалъ: а я, я не долженъ ли быть тоже умереть? Потомукъ императоровъ, во мнѣ развѣ не течеть та драгоцѣнная кровь, которую послѣдній Константинъ освятилъ своимъ мученичествомъ? Несчастные бѣглецы, не виновны ли мы? Сициліяне, скажите мнѣ, вы презираете насъ? Мы еще живы?» Тогда-какъ почтительный ропотъ удивленія, казалось, опровергъ храбраго Ласкариса въ его упрекахъ самому себѣ, онъ продолжалъ: «Религія побудила насъ употребить все усилія, чтобы спасти нѣсколько слабыхъ жертвъ, которымъ угрожалъ наглый развратъ побѣдителей-варваровъ. Въ этотъ ужасный день, когда чрезъ развалины нашихъ стѣнъ, сквозь разбитые полки наши, несмѣтная толпа турковъ ринулась въ Константинополь, трепещущія греческія семейства и невинныя дѣвы, посвятившія себя служенію Богу, собрались въ храмъ Святой Софіи молиться о спасеніи своего отечества. У насъ вѣрили древнему преданію, что въ тотъ самый часъ, когда варвары приближаются къ церковнымъ вратамъ, явится Ангелъ Господень и истребитъ когорты нечестивцевъ. Но увы, я зналъ, что Господь попускаетъ паденіе царствъ и если онъ восхочетъ спасти ихъ какимъ-нибудь чудомъ, то посылаетъ для того человѣка великаго. Героизмъ и добродѣтель послѣдняго Константина не могли спасти Византію отъ разрушенія. Я вывелъ изъ священнаго, но небезопаснаго убѣжища, нѣсколько знаменитыхъ женщинъ изъ дома Комниновъ и, собравши храбрыхъ друзей, съ оружіемъ въ рукахъ, прошелъ мимо кроваваго зрѣлища, гдѣ развратъ и нечестіе наполняли уже обширныя предмѣстія Константинополя. Боже Всемогушій! Сколько преступленія открыло передъ нашими глазами это варварское нашествіе дикаго народа, свободно удовлетворяющаго свою ярость и звѣрскія страсти въ святилищѣ наукъ и искусствъ. Гнусный врагъ! Дай Богъ, чтобы никогда города Европы, предавшіе насъ въ твои руки, не слѣбались твоей добычей и не испытали ужасовъ подобной войны, въ которой право убійства оканчивается только тогда, когда начинается рабство».

* Греки, безъ сомнѣнія, преувеличиваютъ въ собственныхъ глазахъ красоту и величіе Константинополя; но, въ эпоху паденія его, онъ дѣйствительно былъ наполненъ самыми драгоцѣнными памятниками древнихъ искусствъ. Въ немъ заключалось тогда болѣе книгъ и знанія, чѣмъ во всей остальной Европѣ. Папа Пій II, мудрость и познанія ко-

Скрывшись въ Галатѣ, между ненадежными союзниками, мы успѣли однакожь, среди шума и тревогъ позорища войны, спастись на корабль и принести Италиі наше христіанское имя, наши бѣдствія и безсмертныя сокровища,—это труды великихъ геніевъ нашего отечества, домашніе пенаты древней Греціи, которыхъ я спасъ изъ-подъ развалинъ Константинополя, какъ спасъ Эней, убѣгая изъ Трои, священный огонь Весты.»

Разказъ Ласкариса и картина великой катастрофы возбуждали въ слушателяхъ въ сильнѣйшей степени почтительное къ нему вниманіе. Когда онъ и спутники его были отведены для успокоенія въ предложенное имъ убѣжище, вѣсть о прибытіи знаменитыхъ чужестранцевъ и ихъ несчастіи разнеслась по всему острову. Но не всѣ одинаково были тронуты ею; нѣдгіе говорили, что это было справедливымъ наказаніемъ за ихъ ересь. Женщины, казалось, были болѣе тронуты и пораженны ужасомъ, молились объ обращеніи греховъ и объ изгнаніи ихъ враговъ. Греческія женщины, бывшія на кораблѣ

того прославляетъ Гиббонъ, представляетъ намъ въ этомъ отношеніи свидѣтельство, въ которомъ нельзя сомнѣваться. «Константинополь, говоритъ онъ, остался до сихъ поръ убѣжищемъ наукъ и храмомъ философіи. Онъ сохранилъ до нашего времени славу просвѣщенія, которою гордились Аѣны во времена римскаго владычества.» Народы по ту сторону горъ не менѣе итальянцевъ удивлялись этому ученому городу. *Коминъ*, который былъ отголоскомъ сужденій своего времени, разсуждая о возрожденіи наукъ, говоритъ: «это возрожденіе не имѣло бы ни какого успѣха, еслибы Константинополь не былъ взятъ Магомтомъ II и мы не могли бы сказать въ другой разъ.»

«Graecia capta ferum victorem cepit, et artes

Intulit agresti Latio.

«Это происходило дѣйствительно тогда, когда Ласкарисъ Карзолоросъ, Чакондаль, Вессаріонъ, Аргиропулосъ, Марулій и др., однимъ словомъ всѣ ученые люди Греціи искали спасенія отъ варваровъ подъ покровительствомъ европейскихъ государей и приносили къ нимъ съ собою творенія древнихъ авторовъ, безъ которыхъ образованіе не подвинулось бы дагѣе.»

Здѣсь должно предполагать какую-нибудь запутанность въ именахъ и самомъ времени. Но этотъ отзывъ замѣчательнъ тѣмъ, что служитъ вѣрнымъ выраженіемъ современнаго взгляда на паденіе Византіи и эмиграцію грековъ.

съ Ласкарисомъ, тотчасъ были отведены въ женскій монастырь Св. Бенедикта близъ Катапы. Ихъ приняли съ любовію. Нѣкоторые изъ числа ихъ объявили, что онѣ монахини; но когда онѣ сняли свои покрывала и пряди ихъ черныхъ волосъ разсыпались по плечамъ, одушевляя прекрасныя и правильныя черты лица, то этотъ обычай восточныхъ монастырей показался отшельницамъ Св. Бенедикта соблазнительнымъ и неприличнымъ. Такимъ образомъ, незначительныя измѣненія въ одеждѣ, различіе обычаевъ, были причиною долгой ненависти между христіанскими народами, которые должны были просвѣщать взаимно и вспомоствовать другъ другу. Монахини Св. Бенедикта написали прежде къ папалермскому архіерею, испрашивая разрѣшенія пріютить бѣдныхъ изгнанницъ. И молодья гречанки въ этомъ мрачномъ жилищѣ подчинялись строгимъ уставамъ удивленія и покаянія, которыя были имъ предписаны. Между-тѣмъ италіянскіе путешественники, образованные и жаждущіе знанія, желали нетерпѣливо снова видѣть и слышать Ласкариса. Въ новѣйшей Италіи частію уже посѣяны были семена греческаго искусства, но то, что извѣстно по преданію о монахѣ Варлаамѣ, не имѣетъ никакого сравненія съ подвигомъ благороднаго грека, спасающаго отъ истребленія драгоценныя созданія геніевъ древности. До тѣхъ поръ всѣ почти греки, пріѣзжавшіе въ Италію, были или грамматики, не слишкомъ свѣдущіе, или богословы, занятые больше преніями, чѣмъ истинною любовію къ наукамъ. Слѣды ихъ присутствія скоро исчезли; раздѣленіе же церквей, послѣдовавшее на флорентинскомъ соборѣ, совершенно остановило распространеніе просвѣщенія. Когда Константинополь еще существовалъ, казалось, что всегда будетъ время воспользоваться этой сокровищницей знанія, которую судьба долготѣ хранила неуспынно; но увы, свѣтильникъ угасъ и все погнбло безъ возврата. Эти мысли занимали молодого Мелициса, достойнаго имени своего знаменитаго отца, столько же ревностнаго къ распространенію искусствъ. Рано утромъ, Ласкарисъ вышелъ на морекую берегъ съ грустной надеждою встрѣтить какое-нибудь судно съ несчастными его согражданами и засталъ тамъ Мелициса съ его друзьями. Одинъ изъ нихъ, молодой живописецъ, впоследствии прославившій своимъ талантомъ флорентійскую школу, рисовалъ въ это время картину видѣннаго имъ наканунѣ, на этомъ самомъ мѣстѣ событія. На ней были изо-

бражены изгнанники, сходящие на берегъ, а на кормѣ корабля, стоявшаго у берега, стояла Минерва, устремивъ взоръ свой на Италию. Другой путешественникъ, Бембо, воспитанный въ кругу венеціанской аристократіи, болѣе интересовавшійся исторіею народа, чѣмъ искусствами, размышлялъ о причинахъ медленнаго склоненія византійской имперіи къ разрушенію и быстрого и внезапнаго ея паденія. Онъ думалъ, что не стоитъ такъ высоко цѣнить науки и искусства, которыя не могутъ спасти государства отъ разрушенія, и не могъ воздержаться, чтобъ не высказать своихъ мыслей знаменитому изгнаннику. Искусства есть лучшая слава народа, отвѣчалъ Ласкарисъ, они не могутъ торжествовать, когда ослаблены и извращены законы, и падаютъ вмѣстѣ съ ними. Нѣсколько уже вѣковъ мы умирали медленной смертью. Подъ игомъ порочныхъ правителей духъ народа упалъ. Европейскимъ народамъ предстоитъ теперь очередь замѣстить насъ и начать новую эпоху. Признаюсь, мысль эта давно уже сливалась во мнѣ съ печальнымъ предчувствіемъ о судьбѣ Константинополя. Еще въ молодости, видя релігіозныя ссоры наши, слабость нашей Имперіи, роскошь нашихъ вельможей, я обратился къ изученію памятниковъ другаго вѣка, которыхъ нашъ языкъ оставался хранилищемъ; но самъ по себѣ уже былъ ниже того вѣка. Я собралъ всѣ образцовыя произведенія и написалъ съ нихъ много копій, въ даръ человѣчеству*, въ той мысли, что если мы должны погибнуть, то духъ предковъ нашихъ вновь возродится въ Европѣ. Я походилъ на мореплавателя, который, предвидя бурю,

* Драгоценная коллекція, собранная Ласкарисомъ, существуетъ и теперь и служитъ яснѣйшимъ доказательствомъ предусмотрительной заботливости этого ревнителя наукъ. Перенесенная въ Сицилію и Италию, она ознакомила Европу съ знаменитыми писателями древней Греціи и въ настоящее время хранится въ эскуріальной библіотекѣ. На многихъ произведеніяхъ, переписанныхъ его рукой, есть эпитафы, которые содержатъ какія-нибудь любопытныя подробности или выражаютъ одушевленное его чувство. На прекрасной копіи о политикѣ Аристотеля, написаны слѣдующія слова: «Хвала Господу, подателю всѣхъ благъ! Эта книга есть трудъ и собственность Константина Ласкариса Византійскаго, а послѣ него, того, кто сумѣетъ ее оцѣнить...»

На рукописяхъ Геродота, Фукидида, Эврипида, Софокла, Платона и проч. есть различныя надписи, относящіяся къ пребыванію Ласкариса въ Сициліи и Италиі. Въ этой коллекціи найдены письма его къ другимъ изгнанникамъ Византіи и еще неизданные видѣ историческіе

спѣшить спасти карту своихъ путешествій и открытій.—Языкъ и творенія Грековъ, возразилъ Медицисъ, такъ мало распространены между нами, конечно дороже людямъ образованнымъ. Нашъ великій поэтъ Петрарка, получивъ съ Востока копію Гомера, сожалѣлъ, что онъ обладаетъ сокровищемъ, которое въ его рукахъ не можетъ принести никакой пользы. Другъ его, Бокаччіо, выучившись греческому языку, перевелъ пѣсни Гомера. Пусть міръ внемлетъ этимъ дивнымъ пѣснямъ, воскликнулъ Ласкарисъ, пусть созданія фантазій и философіи Грековъ, наши ораторы и поэты одушевятъ, очаруютъ Италію, а черезъ нее и остальную Европу, которую вы сами называете невѣжественною. Подъ небомъ Греціи долго жилъ народъ, наслаждавшійся прекраснымъ климатомъ и благородной свободой. Любовь къ отечеству одушевляла его и слава побуждала духъ къ великимъ подвигамъ, вдохновляющимъ изящныя искусства. Гомеръ воспѣлъ прекрасное въ поэзій, Платонъ перевесъ его въ мораль и разумъ сталъ выше энтузіазма. Вотъ при какихъ счастливыхъ обстоятельствахъ на горизонтѣ Греціи явилось и вновь возродилось блестящее созыздіе поэтовъ, философовъ, ораторовъ, которыхъ мы, несчастные изгнанники Константинополя, приносимъ въ даръ Италію. Никогда побѣжденные, въ своемъ бѣгствѣ, не уносили болѣе драгоценныхъ сокровищъ; никогда гостепріимство не было вознаграждено болѣе блестящими дарами; мы отдаемъ болѣе, чѣмъ имѣемъ сами. У насъ, падшаго народа, образцы великаго и прекраснаго сохранялись вѣрно, но были для насъ безплодны, имъ никто не подражалъ; они обогащали наши архивы, но не вдохновляли насъ болѣе. Духъ, лишившись энергіи, остался недвижимымъ въ тѣсномъ кругу, какъ и вся держава заключалась только въ одной Византіи. Но пусть эти образцы, перенесенные къ вамъ и къ невѣжественнымъ народамъ Запада, воодушевятъ новые народы и обогатятъ новые языки, тогда настанетъ для Европы вѣкъ славы и просвѣщенія. Вы итальянцы, наслаждающіеся въ вашихъ городахъ свободой нравовъ,

отрывки. Сокращенная всеобщая Исторія, доведенная Ласкарисомъ до времени паденія Константинополя, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, оканчивается разсказомъ Ласкариса о смерти императора и этими трогательными словами: «Съ нимъ погибла Имперія, свобода, просвѣщеніе, наука и все прекрасное.»

подъ сѣнію правительства, дѣлающаго миромъ, первые почувствуете благотворное вліяніе прекрасныхъ твореній великихъ гениевъ Греціи. Науки и искусства, переходя изъ одной страны въ другую, похожи на сигнальные огни, упоминаемые въ твореніяхъ нашего Эхила, которые, неся вѣсть о побѣдѣ Агамемнона, поочередно одинъ за другимъ зажигались на берегахъ и блескъ ихъ перелеталъ отъ вершинъ Иды до сосѣднихъ горъ Микены. Пусть этотъ огонь, зажженный греками, сіявшій на берегахъ Іоніи, Сициліи, Египта и древней Авзоніи, заблещетъ вѣнъ среди христіанскаго Рима. Межъ-тѣмъ, какъ варвары распространятся на Востокъ, въ Европѣ разольется просвѣщеніе и она будетъ побѣдительницей. Медицисъ, Бембо, живописецъ Алберти, Кальмерино, который впоследствии ввелъ во Франціи греческія искусства, съ жадностію слушали Ласкариса и его рѣчь возбудила въ ихъ сердцахъ энтузіазмъ, одушевлявшій знаменитаго изгнанника. Ласкарисъ нѣсколько времени говорилъ о духѣ Платона; онъ живо объяснялъ имъ вѣкоторыя изъ его великихъ идей, которыя приближались къ высокому христіанскому ученію. Иногда онъ прерывалъ свою рѣчь, обвиняя себя въ пристрастіи къ этому предмету. «Имперія греческая не существуетъ болѣе, говорилъ онъ; а я, гражданинъ ея, рассказываю вамъ о дивныхъ гевіяхъ падшей страны, не имѣющихъ теперь и гробаицъ. Я похожъ на тѣхъ аѳинявъ, которые были въ цѣнну на этомъ же самомъ островѣ и пѣли стихи Софокла и Эврипида; но они потеряли только свободу, отечество ихъ существовало и сожалѣло объ ихъ участи, а я свободенъ и одинъ въ мірѣ. Не обвиняйте меня, если я стараюсь возсоздать образъ Греціи, вспоминая объ ея духовной жизни; у меня нѣтъ другаго отечества.» Разговоръ ихъ былъ прерванъ извѣстіемъ, что недалеко отъ Мессины вышли на берегъ еще нѣсколько человекъ несчастныхъ грековъ, которые отыскиваютъ своихъ соотечественниковъ. — Эти новые изгнанники прибыли изъ Пелопонеза и Аттики, куда оружіе Магомета еще не достигло. Замѣчательнѣйшій изъ нихъ былъ Гемистъ Плето. Нѣкогда призванный изъ Аѳинъ ко двору императоровъ, онъ участвовалъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Италіей, но любовь его къ прекрасному прошедшему Греціи вновь призвала его въ знаменитый городъ. Восторженная душа его упивалась тамъ философіей Платона; ему казалось, что самая Византія, находящаяся на границѣ Оракіи, была не что иное,

какъ полудикая колонія, слишкомъ удаленная отъ столицы генія и знанія. Окруженный памятниками, сохранившимися еще въ Афинахъ, проникнутый воспоминаніями о древней Греціи, этотъ философъ, странный и краснорѣчивый, навлекъ на себя религиозныя гоненія, которыя терзали несчастную Грецію до послѣдняго дня ея существованія. Пораженный анаемой, онъ изгнанъ былъ изъ своей страны, изъ которой многіе бѣжали, подобно ему. Его обвиняли въ вѣрованіи въ языческихъ боговъ Греціи и въ возобновеніи мечтаній и обѣтовъ Юліана отступника. Говорятъ, что Олимпъ Гомера былъ для этого обожателя древности таинственнымъ символомъ, который онъ лепилъ въ своемъ воображеніи и въ котораго онъ почти вѣровалъ, сливая въ себѣ энтузіазмъ съ размышленіемъ, восторгъ съ аллегоріей. Гемистъ, не смотря на то, что нѣкогда состоялъ при византійскомъ дворѣ, носилъ мантию древнихъ философовъ; его высокій ростъ, широкій и открытый лобъ, ливная бѣлая борода, его взгляды, полные мистическаго огня, лице, на которомъ отпечатлѣвались попеременно дума и вдохновеніе, придавали ему сходство съ созданнымъ воображеніемъ идеаломъ Платона и Платона. Въ сущности, Гемистъ, лишенный простоты счастливаго времени Греціи, былъ только подражателемъ Платона и Порфира, но наружность его внушала почтеніе, смѣшанное съ удивленіемъ. Онъ имѣлъ въ Византіи и Афинахъ множество учениковъ и изъ его школы вышелъ извѣстный Виссаріонъ, который, предвидя паденіе своего отечества, задолго еще измѣнилъ своей вѣрѣ и принялъ латинство. Ставши итальянцемъ, онъ не сохранялъ въ себѣ ничего прежняго, кромѣ греческой учености и хитрости византійскаго придворнаго. Греческіе изгнанники возымѣли надежду на его покровительство. Папа Евгений IV возвелъ его въ кардинальское достоинство; Гемистъ, увѣренный въ привязанности къ нему прежняго ученика своего, общалъ имъ помощь и опору. Наружность этого обожателя древности поразила Медициса и молодыхъ его товарищей; а высокое краснорѣчіе еще болѣе ихъ плѣнило. Въ немъ не было этой беспокойной грусти, этой печали гражданина, сливающейся съ каждой мыслію Ласкариса и охлаждавшей въ немъ даже энтузіазмъ его къ наукамъ. Гемистъ, казалось жилъ въ мірѣ идеальномъ, куда не достигаютъ земныя печали. Воображеніе его преобразовывало будущее сообразно его видамъ и рисовывало своимъ собственнымъ цвѣтомъ. Онъ поблагодарилъ

молодыхъ итальянцевъ за ихъ усердіе и вниманіе, оказанное его соотечественникамъ. Въ разговорѣ его видна была какая-то гордость и увѣренность въ будущемъ. «Молодой человекъ, говорилъ онъ Медицису, вы прекрасно дѣлаете, что уважаете Грецію; вы достойны своего отца, котораго я видѣлъ во Флоренціи, во время преній на соборѣ. Онъ желалъ имѣть понятіе о нѣкоторыхъ идеяхъ нашихъ мудрецовъ. Но ему не доставало времени для усвоенія высокихъ истинъ; онъ не могъ понять формы, которой ждетъ вселенная и которую еще можетъ произвести Греція.»—Мы чувствуемъ уже, отвѣчалъ Медицисъ, какъ важны искусства и науки для славы и просвѣщенія нашего отечества. Италия готова принять васъ, распространяйте въ ней языкъ и творенія великихъ гевіевъ, которыхъ вы будете достойными истолкователями. Ласкарисъ доказалъ намъ, что и наши итальянскіе города могутъ усвоить себѣ аѳинское образованіе, обогатившись созданіями древности. Греція возродится вновь межъ насъ, а науки и краснорѣчіе перенесутся современемъ къ народамъ по ту сторону горъ. «Улыбка стараго философа доказывала, что эти слова не соотвѣтствовали его предположеніямъ и надеждамъ.»—Мы поговоримъ еще объ этомъ, сказалъ онъ. Я ожидаю здѣсь писемъ отъ Виссаріона и хочу знать, что предложитъ онъ своимъ согражданамъ и Греціи, отъ которой онъ отрекся уже во второй разъ.—«Гемистъ отказался принять убѣжище въ монастырѣ Св. Бенедикта, гдѣ такъ великодушно были приняты его соотечественники. Но онъ общалъ часто видѣться съ ними и вмѣстѣ осматривать замѣчательнѣйшія мѣста и древніе памятники, окружавшіе Катану. На слѣдующій вечеръ, когда морской вѣтерокъ освѣжалъ палящій воздухъ Сициліи, изгнанники отдыхали послѣ долгой прогулки ихъ на одну изъ вершинъ Этны. Имъ сопутствовали Медицисъ съ товарищами и одинъ молодой монахъ монастыря Св. Бенедикта, въ которомъ пробудилась сильная любознательность. Около Ласкариса и Гемиста собрались многіе знаменитые греки: Германимъ Спартанскій, Гирдулъ, воспитанный въ философіи Аристотеля, Григорій Трапезондскій, извѣстный своимъ краснорѣчіемъ и характеромъ, склоннымъ къ безпрестаннымъ ссорамъ. Андроникъ, бывшій учителемъ Лаврентія Медициса, Димитрій Аѳинскій, остроумный переводчикъ Гомера, Феодоръ Газа и Михаилъ Апостоль, ученикъ Гемиста, обожавшій своего учителя. Недавнія извѣстія съ Востока были предметомъ ихъ разгово-

ровъ; они узнали о совершенномъ утвержденіи турецкаго владычества въ Византіи. Магометъ передѣлалъ изъ церкви Св. Софійи мечеть, а изъ дворца гаремъ. Безчисленное множество семействъ, призванныхъ изъ разныхъ частей его Имперіи, замѣстили въ Стамбулѣ населеніе, истребленное войною и разбѣянное въ плѣну. Побѣжденнымъ позволено было отправлять свое Богослуженіе и Магометъ предложилъ имъ выбрать Патріарха, которому онъ самъ вручилъ епископскій посохъ. Наконецъ Султанъ завладѣлъ всей остальной имперіей и угрожалъ Трѣбизонду и Мореѣ, которые сдѣлались его данниками. Эти подробности удвоили печаль Ласкариса. — «Наше отечество погибло совершенно. Магометъ останавливаетъ сѣчу для того только, чтобы побѣжденный народъ состоялъ въ рабствѣ. Въ Византіи христіанство будетъ рабствовать предъ Алкораномъ; христіанскій епископъ избранъ осквернителемъ нашихъ храмовъ. Теперь я уже потерялъ всякую надежду.» — Друзья Ласкариса раздѣляли его скорбь; но Гемистъ, казалось, не чувствовалъ ее; онъ былъ занятъ другою мыслию, его одушевляла надежда, которую онъ скрывалъ. «Что вы говорите о паденіи, о рабствѣ, сказалъ онъ, вспомните слова, произнесенные Иерофантомъ, при входѣ его въ святилище при блескѣ священнаго пламени: бодрствуй и будь непороченъ. Греція умираетъ, потому-что забыла преданія своихъ отцевъ, она оживетъ тогда, какъ возвратится къ источникамъ, изъ которыхъ почерпали наши предки.» — Гемистъ, имѣвшій почтенный видъ, съ длинною бѣлою бородою, сидѣвшій посреди дикой картины природы, произнося съ энтузіазмомъ окружающимъ его грекамъ эти слова, полныя таинственнаго смысла, напоминалъ дельфійскаго или элевзинскаго первосвященника, или Эмепедокла, томившагося желаніемъ постичь великія тайны природы и готоваго броситься въ бездны Этны. Нообыкновенная страсть, овладѣвшая Гемистомъ не только къ наукамъ и искусствамъ, но и ко всемъ вѣрованіямъ древности, была тогда не рѣдкостью въ Италіи. Страсть къ художествамъ римскимъ, пробудившаяся при видѣ памятниковъ и развалинъ, покрывавшихъ древній Латіумъ, оживляла воспоминанія о политевизмѣ. Въ это же самое время, жилъ Помпоніусъ Летусъ, происходившій отъ одной знаменитой неаполитанской фамиліи и получившій названіе древняго римлянина. вмѣстѣ съ своими учениками, такими же фанатиками языческаго Рима, онъ воздвигалъ алтари Ромулу и

украдкой подражалъ священнымъ обрядамъ и церемоніямъ, воспѣтымъ Овидіемъ. Молодой Бембо, незадолго до того времени видѣвшій Помпонія Летуса въ Венеціи, куда тотъ удалился вмѣстѣ съ другими учениками, заподозрѣнный, вслѣдствіе любви къ языческой древности, въ заговорѣ противъ перво-священническаго престола, сталъ внимательнѣе къ словамъ и энтузіазму Гемиста и слушалъ его съ легкой улыбкой, между-тѣмъ какъ молодой монахъ Св. Бенедикта, объятый ужасомъ, оставался безмолвнымъ свидѣтелемъ этой необыкновенной сцены. Гемистъ, погруженный въ свои мечтанія и поэтическіе образы, тѣснившіеся въ душѣ его, продолжалъ съ жаромъ: «не вѣрна ли, о греки, великая мысль нашего учителя Платона, которая предполагала міръ населеннымъ геними-покровителями, подчиненнымъ и управляемымъ вышнимъ божествомъ. Ласкарисъ! ты хочешь распространить наши науки въ Италиі, но найдете ли вы на этой землѣ, сдѣлавшейся невѣжественною, того Бога, который внушалъ грекамъ вдохновеніе и краснорѣчіе. Какое употребленіе вы сдѣлаете изъ нашихъ великихъ произведеній древности у народа, незнакомаго съ нашими древними таинствами, для котораго эти творенія будутъ казаться мертвой и безплодной наукой. Когда Платонъ посѣщалъ египетскихъ мудрецовъ, уловливали ли его формы буквъ и символовъ, изображенныхъ на фронтисписахъ храмовъ? Нѣтъ, онъ хотѣлъ проникнуть въ таинственный смыслъ ихъ. Что значать наши науки безъ нашихъ обрядовъ и вѣрованій, т. е. безъ жизни нашихъ отцевъ. Вспомните слова одного римлянина, писавшаго къ своему другу: «вы ѣдете въ Аѳинны, такъ чтите боговъ.» О, Ласкарисъ, быть-можетъ, ты не постигаешь этого могущественнаго соединенія воспоминаній и генія искусствъ и преданій древности; ты вполнѣ иностранецъ, потому-что ты всегда участвовалъ въ пустыхъ византійскихъ ссорахъ, на границѣ Фракіи, далеко отъ нашихъ священныхъ береговъ. Еслибъ ты жилъ въ Аѳинахъ, а при разсвѣтѣ дня увидѣлъ Партеновъ, еслибъ воображеніе твое открыло здѣсь каждый слѣдъ божественнаго Платона и еслибъ ты вѣрилъ въ безсмертіе и святость этихъ развалинъ, какъ бы ты былъ далекъ, отъ мысли что гений предковъ можетъ служить только для усовершенствованія искусствъ и языка. Развѣ ты не знаешь, что эти безсмертныя красоты, которыми ты восхищаешься въ ихъ сочиненіяхъ и которыя хочешь сдѣлать понятными западнымъ народамъ, суть

только копія того божественнаго образа, который читается въ небесахъ. Воспаримъ на крыльяхъ духа къ этой небесной красотѣ и она предстанетъ намъ болѣе живою и истинною въ преданіяхъ нашихъ отцевъ.—«Молодой Михаилъ Апостолъ воодушевлялся, внимая Гемисту, но энтузіазмъ его былъ тихъ и нѣкоторое сомнѣніе примѣшивалось къ его восторженности. Онъ понималъ, что это были только оболстительныя обѣщанія, осуществленныя пылкимъ воображеніемъ стараго Платоника. Онъ не былъ убѣжденъ, но только разтроганъ. Въ особенности онъ раздѣлялъ презрѣніе византійскихъ грековъ къ латинской цивилизаціи. — «Что касается до меня, говорилъ онъ, то я хотя и надѣюсь на возстановленіе Греціи, павшей подъ ударами азійскихъ варваровъ, но и на западѣ не стану жить. Я удаюсь лучше на какой-нибудь островъ Іонійскаго моря, на Кипръ или Критъ *. Что будемъ мы дѣлать у этихъ народовъ, чуждыхъ нашего образованія. Когда разсѣется мракъ невѣжества, покрывающій Европу, среди войнъ, раздирающихъ ее? На развалинахъ Рима, также невѣжественнаго въ сравненіи съ Греціей, возникли вновь 20 племенъ; въ наименѣе грубомъ изъ нихъ нарѣчіи слышны латинскіе звуки.»—Вниманіе чужеземцевъ было вдругъ развлечено путешественникомъ, который, сходя съ горы, напѣвалъ нѣсколько стиховъ Данта, бывшихъ въ-теченіе цѣлаго вѣка предметомъ удивленія и сдѣлавшихся народными по всей Итали. Онъ повторялъ это превосходное вступленіе поэта **: «Нѣжній цвѣтъ восточнаго сапфира, разлитый въ свѣтлыхъ, влажныхъ небесахъ, вновь возвратилъ моимъ очамъ радость, когда я освободился изъ атмосферы, дышащей смертью, помрачающей печалью душу и взоры.» При звукѣ этихъ прекрасныхъ стиховъ, которые ка-

* Этотъ грекъ одинъ изъ ученѣйшихъ и остроумнѣйшихъ, бывшихъ въ Итали, жилъ нѣсколько времени на островѣ Критѣ, который подъ владычествомъ Венеціи сохранялъ свою цивилизацію и былъ разоренъ въ 17 вѣкѣ турками. Онъ былъ поэтъ и Платоникъ.

** *Dolce color d'oriental Zaffiro*

Che s'accoglieva nel sereno aspetto

Dell' aer puro, infino al primo giro,

Agli acchi miei recomencio dijetto;

Tosto chio usce fuor dell' aura morta,

Che m'avea contreistati gli acchi e'l petto.*

зались счастливымъ предсказаніемъ и блистательнымъ представленіемъ возрожденія наукъ на западѣ, греки и молодые итальянцы оставались нѣкоторое время безмолвными отъ удивленія. «Ужели этотъ языкъ, сказалъ Медицисъ, издающій такіе чудные звуки, неспособенъ воспріять новыхъ вдохновеній отъ греческаго знанія. Вы видите, среди варварскаго вѣка, высокій геній огласилъ Италію своими божественными пѣснями. Чего не въ состояніи мы достигнуть, если только великіе образцы геніевъ Греціи озарятъ насъ своимъ свѣтомъ.» Ласкарисъ, который также хорошо зналъ Данте, какъ и Гомера и котораго умъ ясно обнималъ все, обладая даромъ сравненія, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы объяснить Гемисту его заблужденіе. «Слышишь ли ты отвѣтъ вѣковъ на твою систему; новая эра давно уже началась для человѣческаго разума. Онъ имѣетъ свою религію, поэзію, народныя вѣрованія, онъ можетъ заимствовать новыя свѣдѣнія и пользоваться образцами, но не можетъ углубляться въ прошедшее, несуществующее болѣе и переноситься въ другую эпоху. Въ нашихъ древнихъ играхъ бѣгуны не останавливались въ то мгновеніе, когда уловляли священный пламенный свѣтъ, но устремлялись въ бѣгъ съ новымъ жаромъ и пламя разгоралось еще сильнѣе отъ движенія. Та же ревность должна одушевлять народы въ стремленіи къ знанію и на поприщѣ общественной жизни. Древній міръ конченъ, но онъ долго еще будетъ жить въ воображеніи людей, съ своими памятниками и оставленными имъ воспоминаніями. Мы будемъ истолкователями древней учености, слѣдаемъ общезвѣстными ея чудеса и если въ толпѣ найдется счастливый геній, до котораго дойдутъ слова наши, онъ вдохновится ими и почувствуетъ себя возвысившимся надъ своими современниками и надъ самимъ собой. «Мы уже начали этотъ великій трудъ, возразилъ Медицисъ, по всей Италіи отрываютъ развалины, ищутъ слѣдовъ, римскаго духа. Козьма Медицисъ, мой отецъ, другъ ученыхъ, съ огромными издержками собираетъ самыя рѣдкія манускрипты. Его корабли, которые ведутъ торговлю въ Персію, Египтъ и Индію, привозятъ къ нему иногла книги, которыя онъ цѣнитъ болѣе всѣхъ сокровищъ. Съ какою радостью онъ приметъ васъ! Мы теперь въ Италіи блуждаемъ, какъ покинутые дѣти среди разрушенныхъ дворцовъ своихъ предковъ. Покажите намъ употребленіе сокровищъ, которыя мы открываемъ каждый день и принесите съ

собой тѣ, которыми вы владѣете.—Ласкарисъ отвѣчалъ ему:» вамъ не нужно возвращаться къ древнимъ обычаямъ и преданіямъ Римлянъ. Вы живете въ Италіи, но вы народъ совершенно новый; ваши духовные и ученые говорятъ на древнемъ языкѣ Римлянъ, но все уже измѣнилось, исключая языка, который имъ служить и звучитъ, какъ бессмысленное эхо прошедшаго. Зачѣмъ вамъ рабски идти по слѣдамъ латинъ и подражать народу, который самъ былъ подражателемъ? Идите прямо къ источнику, откуда черпали великіе люди Рима. Древній Римъ въ одно и тоже время и близокъ и далекъ отъ васъ; духъ его подавить васъ, духъ Греціи долженъ вдохновить васъ. Въ искусствахъ, какъ и въ жизни, есть вѣчныя истины и преходящія формы. Одна истина проникаетъ до глубины сердца человѣческаго, все прочее не что иное, какъ одѣяніе, измѣняющееся по времени и обычаямъ. И потому питать пристрастіе къ этимъ измѣнчивымъ, имѣющимъ только второстепенную важность, формамъ и принимать ихъ за самую сущность есть заблужденіе энтузіазма.» «Я увѣренъ, говорилъ Бембо, что вы не намѣрены передавать намъ всѣ баснословныя сказанія древней Греціи; но къ чему же намъ знаніе духа предковъ вашихъ, которыхъ законы, обычаи, обряды религіозные, такъ отличны отъ нашихъ. Будемъ ли мы торжествовать такъ, какъ греки, ваши религіозныя празднества, гдѣ поэзія блистала, рачтая дивныя сокровища генія, которыми ваши предки пользовались. Въ Италіи и даже по ту сторону Альпъ представляютъ въ присутствіи народа мистеріи, заимствованныя изъ святой религіи, но ученые люди съ состраданіемъ смотрятъ на эти грубыя увеселенія. Можемъ ли мы сравниться когда-либо съ языческой Греціей, въ этомъ блескѣ жизни, слѣды котораго мы и теперь еще встрѣчаемъ?—«Бембо указалъ на остатки огромнаго древняго театра, близъ Тавроминіума, которые и понынѣ возбуждаютъ удивленіе. Зрителямъ предстали ряды полуразрушенныхъ колоннъ и великолѣпный, обширный амфитеатръ, съ котораго открывается видъ въ глубину сцены на морской берегъ и вершины Этны.—«Я не знаю, сказалъ Ласкарисъ, можете ли вы возсоздать чудеса аеянскаго театра. Надо самимъ одержать побѣду надъ варварами, чтобы поставить на сцену ихъ пораженіе, какъ сдѣлалъ это Эсхилъ. Но великія творенія мысли не имѣютъ нужды увлекать къ подражанію, чтобы быть полез-

ными человѣческому роду. Самый урокъ уже для него важенъ. Развѣ не будутъ они благотворно дѣйствовать на смягченіе нравовъ, на возвышеніе духа, разливая въ сердцахъ восторгъ, который предшествуетъ созданіямъ генія. Я не надѣюсь, чтобы Греція освободилась когда-нибудь отъ власти варваровъ одной силой своихъ воспоминаній, но если современемъ и возстанетъ она, то этимъ обязана будетъ цивилизаціи и наукамъ, которыя она хранила такъ долго. Въ мірѣ существуетъ только двѣ власти: силы и мысли. При всей неровности въ борьбѣ этихъ двухъ началъ, мысль всегда торжествуетъ, потому-что она управляетъ силой и уничтожаетъ невѣжество. Да сохраняются созданія великихъ умовъ Греціи, только это отнынѣ будетъ опорой ея и отдаленной надеждой на освобожденіе».

Разговаривая такимъ образомъ, Ласкарисъ и друзья его воротились въ городъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы посѣлится отъѣздомъ въ Италію. Тамъ ожидали ихъ письма изъ Рима, которыя доставили имъ весьма слабыя утѣшенія. Въ Римѣ уже предвидѣли участь Византіи и ждали извѣстія о покореніи всей Греціи. Виссаріонъ писалъ къ своимъ прежнимъ соотечественникамъ, выражая истинную печаль свою, но съ нѣкоторою горечью, какъ будто онъ помнилъ еще ссоры на флорентинскомъ соборѣ. Онъ оплакивалъ неизбѣжное разрушеніе Константинополя, торжество варваровъ и оскорбленіе всего христіанства и увѣдомлялъ, что Папа Николай V вооружилъ корабли на помощь греческой имперіи, но притомъ далъ замѣтить, что твердость грековъ въ Православіи оскорбляетъ сердца ревностныхъ латинъ къ вѣрѣ. «Вы этого сами хотѣли, писалъ онъ, вы искушали Бога и согласились лучше умереть отъ руки варваровъ, чѣмъ отречься отъ своихъ заблужденій, на груди вашихъ братьевъ. Папа сказалъ объ васъ притчу изъ Евангелія: «когда смоковница не дастъ плода своего въ три лѣта, то ее срубаютъ и бросаютъ въ огонь». Теперь настало третіе лѣто.—«Однакожь въ письмѣ своемъ, адресованномъ на имя Ласкариса, Виссаріонъ обѣщалъ всѣмъ грекамъ великодушную помощь Папы, ревностнаго покровителя искусствъ и торопилъ Ласкариса отъѣздомъ въ Римъ; въ концѣ письма онъ сообщалъ ему, что, не смотря на личныя обязанности и важныя дипломатическія порученія, на него возложенныя, онъ не оставляетъ наукъ и философіи грековъ и занимается ими между государственныхъ дѣлъ и при дворахъ монарховъ. Другое письмо Виссаріона было получено его преж-

нимъ наставникомъ, ученымъ Гемистомъ. Въ немъ не было ни упрековъ, ни разсужденій о заблужденіяхъ, въ которыхъ обвиняли ревностнаго поклонника Платона. — «Если васъ изгнали изъ Греціи, писалъ Виссаріонъ, пріѣзжайте въ Римъ, вы найдете здѣсь убѣжище въ библіотекѣ Ватикана. Письмо оканчивалось разсужденіями о нѣкоторыхъ вопросахъ философіи Платона, которою занимался ученый кардиналъ и толковалъ объ этомъ со своимъ старымъ учителемъ. Къ письмамъ приложена была булла римскаго двора * въ пользу короля кипрскаго. Виссаріонъ послалъ ее, какъ доказательство заботливости папы о восточныхъ христіанахъ, вѣрныхъ римской церкви. Ласкарисъ, смотря на эту единственную помощь, какую западъ могъ дать Греціи, замѣтилъ новую форму и правильность буквъ, которыя, казалось, писаны были не рукою. — «Что это, спросилъ онъ, за необыкновенное писаніе? У насъ, въ Византіи, оно неизвѣстно и мы не видали подобнаго въ письмахъ, получаемыхъ иногда отъ Римской церкви. — «Это новое изобрѣтеніе, довольно любопытное, отвѣчалъ посланный кардинала, оно явилось у варваровъ по ту сторону Альповъ, въ одномъ изъ германскихъ городовъ. Они придумали буквы деревянные, или свинцовыя, которыя отпечатываются на бумагѣ сколько разъ угодно. Этихъ людей обвиняли въ званіи магіи и связи съ діаволомъ, но совсѣмъ напрасно, потому-что нашъ святѣйшій Папа вызвалъ нѣсколько такихъ мастеровъ изъ Майнца, чтобы писать такимъ образомъ краткія грамматы и многочисленныя посланія отъ апостольской камеры. Даже начали такимъ образомъ копировать и большія произведенія» Ласкарисъ съ жадностью слушалъ разсказъ объ этихъ подробностяхъ и, устремивъ взоръ свой на святую буллу, казался удивленнымъ и обрадованнымъ.» Вотъ, воскликнулъ онъ: благодатное усиліе человѣческаго ума, источникъ новыхъ истинъ и безсмертный хранитель истинъ, уже открытыхъ. Всѣ эти сокровища мысли, спасенныя мною отъ пламени и варваровъ, отнынѣ будутъ сохранены даже отъ разрушенія времени. Безчисленное множество копій ихъ проникнуть во всѣ страны вселенной. Духъ Греціи и слава ея распространятся повсюду. Удрученный бременемъ бѣдствій, я вижу ясно зарю великой эпохи, восходящей для человѣческаго рода.» Ученый Гемистъ, котораго умъ совершенно погруженъ былъ въ

* *Litterae indulgentiarum Nicolai V. Pont. Max. pro rege Cypri datae.*

преданія и образы древней Греціи; казалось, мало обращалъ вниманія на этотъ разговоръ. Хотя онъ былъ энтузіастъ, но имъ владела страсть только къ тому, что уже не существовало, его надежды были только одни воспоминанія. Но прочіе молодые греки чувствовали всю великость этихъ предсказаній. Медицисъ особенно казался восхищеннымъ; онъ держалъ въ рукѣ письмо отца своего и, подавая его Ласкарису, сказалъ: «посмотрите! Флоренція ждетъ васъ, она хочетъ оспорить у Рима славу воспользоваться остатками крушенія великаго корабля. Вотъ нѣкоторыя отрывки изъ письма Козьмы Медициса: «милый сынъ! Наши корабли совершили вынѣшній годъ свое плаваніе благополучно. Послѣдніе изъ нихъ, прибывшіе изъ Бассоры и Александрій, привезли мнѣ много дорогихъ тканей, духовъ, алмазовъ и много манускриптовъ арабскихъ и греческихъ, которые я положилъ въ свой музей, но они сообщили печальныя извѣстія о паденіи Константинополя. Магометъ осадилъ его со всѣхъ сторонъ и, вѣроятно, вы теперь уже знаете о разрушеніи этого несчастнаго города. Здѣсь ничего не предпринимаютъ на помощь ему; Господь и христіанскіе государи оставили его. Папа, хотя и любитъ науки, но не могъ простить грекамъ ихъ упорства въ расколѣ. Говорятъ, однакожъ, о новомъ крестовомъ походѣ, но они не согласятся отнять Византію, такъ же, какъ не соглашались еѣ защищать. Такъ сдѣлаемъ же по-крайней-мѣрѣ, все, что въ нашей власти, для несчастныхъ грековъ, которые спасутся отъ гибели. Я посылаю корабли, чтобы собрать ихъ на всѣхъ моряхъ Греціи, особенно ты, мой сынъ, во время своего путешествія, если встрѣтишь кого-нибудь изъ знаменитыхъ грековъ Фессалоники или Византіи, въ которыхъ сохранился духъ древности, то позаботься объ нихъ. Такіе люди рѣдки и заслуживаютъ уваженія, мой сынъ, возьми ихъ съ собою въ наше отечество, въ нашъ домъ; твое присутствіе тогда будетъ дороже для меня. Сынъ мой, будемъ служить наукамъ, украсимъ Флоренцію всѣми богатствами знанія; тогда мы будемъ достойны называться первыми между нашими согражданами. Мы только купцы, говорятъ Албанцы, но мы будемъ покровительствовать наукамъ и гению болѣе, чѣмъ короли.—Затѣмъ въ краткихъ словахъ онъ извѣщалъ объ открытіи, сдѣланномъ въ Германіи. Козьма Медицисъ постигъ тотчасъ всю его важность. Я поручилъ воспользоваться этимъ изобрѣтеніемъ, перенеся его изъ Германіи къ вамъ. Не дадимъ ни въ чемъ пре-

вмущества римскому двору. Кто знает пути Провидѣнія! Быть можетъ это искусство есть вознагражденіе, за тиранство варваровъ на востокѣ. «Ласкарисъ не могъ воздержаться отъ слезъ, читая трогательное выраженіе этихъ благородныхъ чувствъ. Итакъ въ нашемъ несчастіи, сказалъ онъ, мы не будемъ, по крайней-мѣрѣ, докучливыми изгнанниками для тѣхъ, кто насъ приметъ. Если мы не можемъ служить своему отечеству, то можемъ оказать услугу человѣческому роду. Распространимъ въ Италіи эти прекрасныя знанія, эти сокровища мысли, хранимыя нами и ожидаемыя ею съ такимъ благороднымъ нетерпѣніемъ. Воспользуемся этими открытіями.» Быть можетъ, потомокъ византійскихъ цезарей самъ посредствомъ этого нововизобрѣтеннаго способа будетъ содѣйствовать къ увѣковѣченію и распространенію всѣхъ твореній древняго генія. Мы послѣдуемъ за вами, любезный Медицисъ, съ полною довѣренностію, которой обыкновенно лишены всѣ несчастные изгнанники.»—Ласкарисъ тѣмъ болѣе спѣшилъ съ своими соотечественниками отъѣздомъ изъ Сициліи, что между жителями этой страны вновь проявились и усилились недовѣрчивость и религіозное отвращеніе къ грекамъ. Странныя мечтанія Гемиста передавались изъ устъ въ уста съ безчаслев-

* Многіе писатели замѣтили одновременность изобрѣтенія печатанія съ переселеніемъ греческихъ наукъ на западъ. Печатаніе изобрѣтено было именно въ ту эпоху, когда оно было всего нужнѣе и безъ сомнѣнія потому именно, что въ этомъ была необходимость. Въ самомъ дѣлѣ эти мнимыя случайности, которыя произвели столько удивительныхъ вещей были въ дѣйствительности вызваны потребностію времени и дѣятельностію ума, направленнаго къ одной какой нибудь опредѣленной цѣли. Всѣ случаи, приведенные нами здѣсь, относительно этого достопамятнаго событія, буквально вѣрны. Булла папы Николая V въ пользу короля Кипрскаго есть древнѣйшій памятникъ книгопечатанія и совпадаетъ съ годомъ взятія Константинополя. Также вѣрно, что одинъ Грекъ, родственникъ императорской фамиліи, Іоаннъ Ласкарисъ работалъ во Флорентинской типографіи въ концѣ XI столѣтія. Еще ребенкомъ онъ былъ увезенъ въ Европу, гдѣ впоследствии сдѣлался извѣстнымъ своимъ умомъ и познаніями. Лавренцій Медицисъ нѣсколько разъ посылалъ его на востокъ, для собранія древнихъ манускриптовъ. При Лудовикѣ XII и Францискѣ I онъ былъ посланникомъ французскаго двора въ Венеціи; Левъ X позовалъ его совѣтами. Іоаннъ Ласкарисъ былъ поэтъ и воспѣлъ изобрѣтеніе книгопечатанія въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Онъ называетъ книгопечатаніе даромъ небесъ, исшедшимъ изъ жилища вѣчности, съ помощію котораго духъ человѣческій приобрѣлъ безсмертіе и становится менѣе тягостнымъ славный путь поэта.

ными и еще болѣе странными толкованіями. Греческіе матросы были проникнуты ненавистью противъ римской церкви и не скрывали своего отвращенія къ обрядамъ латинъ, а при встрѣчѣ называли ихъ обиднымъ именемъ азимиты. Греки не молились при совершеніи литургіи римлянами. Народная молва обвиняла ихъ въ нечестіи. Народъ называлъ ихъ раскольниками и невѣрными. Приѣздъ мученика восточнаго христіанства Марка Θεодора, епископа эфесскаго, увеличилъ народное неудовольствіе. Ревностный защитникъ Православія онъ былъ самымъ непреклоннымъ противникомъ предполагаемаго соединенія церквей на флорентинскомъ соборѣ. Надъ его именемъ гремѣло проклятiе всѣхъ богослововъ римской церкви. Присутствіе Марка возбуждало ужасъ въ монастырѣ, гдѣ принять былъ Ласкарисъ. Избавившись отъ оскорбленій турокъ и не смотря на свое презрѣніе къ жизни, спасенный тысячу разъ судьбою, епископъ эфесскій присталъ къ Сициліи, ограбленный, обезображенный мечемъ и огнемъ, но неустрашимый и покорный волѣ Божіей, какъ Апостолъ первыхъ временъ христіанства. Эта строгая чистота нравовъ греческой церкви, столь отличная отъ легкомысленнаго поведенія, общаго тогда между священниками Италіи, еще болѣе возвышена была въ Маркѣ Θεодорѣ несчастіемъ и претерпѣнными имъ страданіями. Никогда патриархъ Константинополя, равняющійся папѣ римскому, во время празднованія Пасхи на востокѣ, среди великолѣпія софійскаго собора, не представлялся столь великимъ предъ толпою, простертою въ предверіяхъ храма, какъ въ это время изгнанный и мучимый за вѣру, епископъ эфесскій предъ очами несчастныхъ грековъ. Онъ былъ полонъ негодованія и надежды, не смотря на сильную ревность свою противъ латинской церкви и вѣрилъ возможности силой ихъ оружія отыскать за Константинополь и за кровь столькихъ мучениковъ. Онъ видѣлъ торжество Магомета и трупъ несчастнаго Константина, вынесенный изъ груди мертвыхъ тѣлъ, на показъ всѣмъ, какъ трофеей побѣды. Но онъ не хотѣлъ вѣрить, что Господь попуститъ надолго эту святотатственную побѣду. Ему казалось, что сострадательная Европа подвигнется съ своего основанія и раздавитъ этихъ нечестивыхъ. Онъ строго осуждалъ ихъ робость и маловѣріе своихъ братій. «Мы должны прежде всего, говорилъ онъ, совершить Святыя Тайны, отслужить обѣдню за живыхъ и мертвыхъ, за спасеніе однихъ и мужество другихъ.» Изгнанники

для исполненія этой обязанности не были допущены ни въ одну церковь или часовню, они медлили нѣсколько времени, избирая убѣжище для совершенія священной службы. Одинъ изъ нихъ предложилъ сойтись у самыхъ воротъ города, въ подземельныхъ развалинахъ, остаткахъ древняго города, засыпаннаго изверженіемъ Этны. « Нѣтъ, сказалъ епископъ, каковы бы не были заблужденія и несправедливость людей, крестъ не долженъ скрываться теперь въ пещерахъ и гробницахъ, какъ въ первые дни Христіанства; подъ открытымъ небомъ, близъ того берега, гдѣ пристали вы, должно благодарить Бога, который привелъ васъ сюда. Наша вѣра не есть преступленіе и Христіане не довершатъ надъ нами мученій, начатыхъ турками. Завтра, на разсвѣтѣ, пусть всѣ братья наши соберутся на этомъ, ольтомъ лѣсомъ, холмѣ, отъ котораго идетъ хребетъ Этны. Тамъ я совершу Святыя Тайны, прежде нежели мы отправимся въ Италію и будемъ просить Господа, да подастъ намъ силу сохранить нашу вѣру между Христіанами Запада, также, какъ и между варварами Азіи.» Съ чувствомъ и живой вѣрой слушали греки слова своего добродѣтельнаго епископа. Ласкарисъ, уважалъ благочестіе эфесскаго епископа и удивлялся этой непоколебимой вѣрѣ на развалинахъ имперіи. Всѣ изгнанники отправились ночью на мѣсто, указанное епископомъ. При свѣтѣ смоляныхъ факеловъ, которые добываются въ лѣсахъ Этны, они въ молчаніи прошли долину и заря освѣтила ихъ уже на вершинѣ холма, подъ тѣмъ гигантскимъ каштановымъ деревомъ, которое называлось каштаномъ ста рыцарей*, потому что оно было такъ велико, что могло покрыть своими вѣтвями сто сражающихся. Оно существуетъ еще и теперь. По повѣрью страны, это дерево посвящено было святой Агатѣ, покровительствовавшей городу; покровъ ея хранится въ главной церкви

* Я былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ этотъ славный каштанъ, извѣстный по своей удивительной величинѣ. Онъ называется Castagno di cento cavalli, потому что, какъ увѣряютъ, сто лошадей можетъ помѣститься въ тѣни его вѣтвей. Это дерево растетъ уединенно, на отлогой покато-сти. Оно когда то было посвящено Святой Агатѣ и проч. Жители Катаны увѣрены, что покровительство Святой Агаты спасаетъ ихъ отъ изверженія Этны; между-тѣмъ всѣ древнѣйшія зданія въ Катанѣ погибли; въ царствованіе же Вильгельма Добраго 20 тысячъ жителей съ ихъ Епископомъ залиты были лавою, прежде чѣмъ успѣли вынести покровъ Св. Агаты.

Катавы. Жители этого города увѣряли, что этотъ самый покровъ, распростертый въ воздухѣ, останавливалъ изверженіе Этны и бѣшеные потоки лавы. Теодоръ, не зная этого преданія, приготовился къ исполненію священнаго обряда, подлѣ этимъ величественнымъ деревомъ. Принесши золотую чашу, пожертвованную нѣкогда Константиномъ великимъ въ церковь Св. Софіи и сохраненную одною монахиней изъ дома послѣдняго Императора, которая успѣла спасти её во время общаго бѣгства грековъ. Чашу поставили на обломкѣ скалы, искусно извѣченномъ, какъ казалось, для другаго употребленія. Просфора была приготовлена по обряду греческой церкви, руками невинной дѣвы. Она вырѣзала на ней первыя буквы словъ:» *Ἰησοῦς Χριστός* *μὴ* Иисусъ Христосъ побѣдитель. «Въ длинной бѣлой одеждѣ, покровенный митрой епископъ, сдѣлавъ три поклона на востокъ, началъ совершать священную службу съ тою же религіозною ревностью и величіемъ, какъ будто онъ былъ въ Эфесѣ или Византіи. Греки стояли кругомъ его и пѣли: Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ. Во время литургіи Теодоръ произнесъ къ Грекамъ проповѣдь: «Великій Боже! Христіанская Греція еще не уничтожена, потому что въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, подлѣ этой дикой сѣни, мы еще молимся Тебѣ. Магометъ осквернилъ твой храмъ, сокрушилъ образа твоихъ угодниковъ, но наша чистая и духовная вѣра не привязывается къ симъ тлѣннымъ формамъ. Господи! помози сохранить нашимъ братьямъ Святую вѣру среди испытаній рабства и искушеній бѣдствія. Сохрани нашу Святую вѣру отъ гоненій и покровительства Магомета. Братіе! въ случаѣ изгнанія вашего, въ какую бы страну ни забросила васъ судьба, соблюдайте вѣру вашихъ предковъ. Пусть Греція покорена, пусть греки въ рабствѣ или разсѣяны по лицу земли, вы будете составлять народъ до-тѣхъ-поръ, покуда сохраните ваше Богослуженіе. Единство вѣры, единство церкви и единство надежды, вотъ наше отечество. Съ ними вы снова обряцете, или лучше, сохраните навсегда славную Грецію. Молитва ко Господу возвратитъ Вамъ могилы отцевъ вашихъ. Не мы ли старшіе въ Европѣ по религіи и искусствамъ? Не мы ли передали Евангеліе римской имперіи? Аѳины и Коринѣ слышали слово Святаго Павла. Эфесъ одинъ изъ тѣхъ семи городовъ, которые называлъ Апостоль вѣрными. Въ Византіи сохранился пер-

восвещеннической престолъ, на которомъ сидѣлъ великій Златоустъ. Увы! Какой потокъ свѣта проливалъ греческая церковь въ первые годы славнаго явленія христіанской вѣры. Теперь она померкла, покрылась трауромъ, отвергнута латинами и оскорблена варварами. Да живетъ она, да пребудетъ цѣлою подъ игомъ рабства и да не угаснетъ священное пламя надежды; подъ бременемъ проклятій въ ней заключается спасеніе и возрожденіе Греціи. Братія! Насъ обвиняють въ томъ, что мы отказываемся отъ соединенія съ Латинами. Насъ укоряють въ непоколебимомъ упорствѣ нашемъ. Я раздѣляю это священное упорство вмѣстѣ съ благочестивыми епископами, призванными святыми мучениками. Отрекись ли отъ него теперь! Побѣжденный и изгнанный народъ долженъ быть твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ и сохранять истину, какъ послѣднее, единственное сокровище. Судьбы Божіи неисповѣдимы! Этотъ сѣверный народъ, ученикъ нашей церкви, властители котораго нѣкогда соединены были узми родства съ нашими монархами, быть-можетъ, будетъ орудіемъ, которое небо хравить для нашего освобожденія. Примѣръ его пробудитъ соревнованіе и въ латинахъ. Имъ будетъ стыдно, что они оставили насъ на жертву страданіямъ и почтутъ нашу вѣрность преданіямъ отцевъ. Но какъ бы то ни было и соединеніе церковей чрезъ это великое благодѣяніе совершится только въ освобожденной Византіи, среди торжествующей и восстановленной Греціи. До той поры сохранимъ нашу вѣру не порочною и неособливою, будемъ молиться непрестанно за нашихъ братьевъ, которые несутъ иго рабства въ Греціи и на Востоку; будемъ терпѣть и надѣяться. Братія, жизнь народовъ долга, а Христіанство вѣчно.» Окончивъ слово Благочестивый епископъ, проговорилъ твердымъ голосомъ символъ византійской церкви: остановившись на томъ членѣ символа, который раздѣляетъ два вѣроисповѣданія, потомъ слѣлавъ три земные поклоны, онъ приступилъ къ окончанію священной литургіи, какъ вдругъ ужасные крики и шумныя угрозы прервали богослуженіе. Ихъ окружила разъяренная толпа. На смуглыхъ лицахъ сбѣжавшихся сюда людей выражалось бѣшенство и въ тоже время какой то суевѣрный страхъ. Это были пастухи и земледѣльцы изъ ближней деревушки, которые будучи удивлены одеждой грековъ и незнакомымъ имъ языкомъ, вообразили, что дерево Св: Агаты оскорблено уже какимъ нибудь святотатствомъ и что Этна готова поглотить окресныя деревни, лишеныя защиты Св: Агаты.

Эти свирѣпые и невѣжественные люди, страшные самымъ испугомъ своимъ, устремились на священнодѣйствителя, но Ласкарисъ первый заступилъ Св: епископа, чтобъ отразить ихъ нападеніе. Онъ оттолкнулъ саблей самага смѣлаго изъ нападающихъ, это былъ горный разбойникъ, суевѣрный защитникъ Св: Агаты, который уже подвнялъ руку, чтобы нанести смертельный ударъ греческому епископу. Неустрашимость Ласкариса и его товарищей, столпившихся вокругъ него, остановила на мигу слѣбую ярость сицилійскихъ крестьянъ; но вскорѣ число ихъ увеличилось, жители деревушки Джіары, лежащей у подошвы горы со стороны моря, ударили въ колокола; съ разныхъ сторонъ зажгли сигналы и яростные крики увеличивались. Видя опасность, Ласкарисъ помѣстилъ епископа въ серединѣ сомкнувшагося тѣсно строя грековъ и самъ пошелъ впередъ, прочищая дорогу сквозь толпу и такимъ образомъ достигъ Катаны. Но вовемя ихъ шествія къ городу толпы увеличивались. Жители Катаны узнавши, что священное дерево осквернено еретиками, хотя не раздѣляли слѣпой ярости окрестныхъ жителей, но пришли въ негодованіе и ужасъ. Находясь въ постоянной опасности, вѣчно тренеща Этны, дышащей пламенемъ, вѣчно ожидая гибели, при малѣйшемъ колебаніи земли, жители этихъ мѣстъ естественно сдѣлались слишкомъ суевѣрными и воображеніе ихъ всегда представляло опасность преувеличенную. На встрѣчу шумной толпѣ, слѣдовавшей за греками съ угрозами, шла изъ города другая толпа обоого пола, пораженная ужасомъ. Всюду грозныя и испуганныя лица; крикъ негодованія, страшные рассказы, которые передавались рассказчиками съ невыразимой подвижностью во всѣхъ чертахъ лица, располагали чернь къ самому ужасному возмущенію. Между тѣмъ испанскій капитанъ, начальствовавшій въ городѣ отъ имени Альфонса аррагонскаго, владѣтеля обѣихъ Сицилій, послалъ нѣсколько всадниковъ на мѣсто возмущенія. Медицисъ и друзья его, тронутые состраданіемъ, спѣшили быть посредниками въ пользу грековъ. Хотя ярость и волненіе, ослабленные временемъ, начали уже утихать, но еще тысячи голосовъ требовали крови грековъ, въ наказаніе за ихъ нечестіе. Ласкарисъ, презиравшій угрозы толпы и удерживая ихъ насиліе, отправился во дворецъ къ испанскому начальнику; толпа послѣдовала за нимъ съ громкими обвиненіями. Этотъ начальникъ—былъ старый солдатъ, воспитанный въ революціяхъ Аррагона и Неаполя, вѣрное

орудіе въ побѣдахъ Альфонса, презиралъ Сициліанъ, какъ народъ побѣжденный. Совершенно равнодушный къ воспоминаніямъ и преданіямъ грековъ, онъ зналъ однакожь, что король Альфонсъ любилъ этихъ иноземцевъ и интересовался ихъ искусствами. Онъ самъ однажды, во время разграбленія одного итальянскаго города, нашелъ греческій манускриптъ *, который представилъ королю Альфонсу, за что получилъ въ награду прекрасную шпагу. Этотъ начальникъ принималъ грековъ безъ всякаго гнѣва и не упомянулъ даже о нѣкоторыхъ въ этой схваткѣ Ласкарисомъ раненыхъ. — «Но для чего же, говорилъ онъ, вы, приближались къ этому дереву, покровительствующему городу и подвергли всѣхъ насъ опасности быть затопленными лавой, какъ этотъ древній, сосѣдній съ Катаной, городъ. Страхъ привелъ весь этотъ народъ въ бѣшенство и еслибы я не былъ испанцемъ, то также былъ бы испуганъ. Я не могу васъ здѣсь оставить на свободѣ. Эта чернь снова взбунтуется, какъ это сдѣлали они въ Палермо, но, къ счастью, нашъ великій король Альфонсъ пріѣхалъ теперь въ Сиракузы. Я хочу васъ отослать къ нему на его высшій судъ». Греки провели ночь въ цитадели Катаны, между-тѣмъ какъ страхъ и ярость народа истощались уже въ разсказахъ. На другой день все уже было готово для отправленія ихъ въ Сиракузы. Испанскій начальникъ увѣдомилъ ихъ, что онъ вмѣстѣ съ этимъ же сдѣлаетъ распоряженіе о сопровожденіи греческихъ монахинь, принятыхъ въ монастырь св. Бе недикта, которымъ епископъ палермскій назначилъ пребываніе въ Римѣ, гдѣ онѣ будутъ обращены въ католическую вѣру. Епископъ эфесскій тотчасъ выпросилъ позволеніе повидаться съ ними передъ ихъ отъѣздомъ. Посреди разрушенія своего отечества, не имѣя извѣстія объ участи своихъ братій, онъ всего болѣе страшился, чтобы слабыя и беззащитныя дѣвы не измѣнили своему вѣроисповѣданію. Просьба его была уважена и епископъ былъ допущенъ въ монастырь, въ которомъ находились византійскія монахини. Это зданіе арабской постройки нѣкогда служило мечетью для завоевателей Сициліи, но впоследствии употреблено было на служеніе христіанству. Молодыя гречанки сидѣли въ обширной залѣ, среди которой билъ ключъ чистой воды, согласно обычаю востока, перенесенному въ

* Антоній Палермскій въ книгѣ своей de Pestis Alphonso разсказываетъ много подробно стей о страсти Альфонса къ наукамъ.

Сицилію. Чтобы не раздражать сестеръ св. Бенедикта, онѣ накидывали на свои длинныя волосы бѣлыя покрывала и наблюдали строгій постъ, но отказывались присутствовать на общественныхъ молитвахъ, а пѣли на своемъ языкѣ священныя гимны. Порою одна изъ нихъ, въ кругу подругъ, почувствовавъ внезапно вдохновеніе, въ стихахъ оплакивала потерю своихъ ближнихъ, павшихъ во время осады Византіи. Привлекаемыя звуками пѣнія, монахини этого монастыря приходили слушать и не могли не подивиться ихъ красотѣ, ихъ кротости, гармоніи ихъ голосовъ и продолжительности ихъ моленій, сожалья, что не могли понимать ихъ языка. Воспитанныя въ строгомъ уединеніи, благородныя византійскія дѣвушки, еще до посвященія своего монастырской жизни не видали никогда Иностранцевъ и говорили только на греческомъ языкѣ, * сохранившимъ всю древнюю чистоту свою, будучи вовсе незнакомы съ общепринятымъ въ греческомъ обществѣ нарѣчіемъ, которое было уже искаженіемъ древняго греческаго языка. Въ тиши глубокаго уединенія въ монастыряхъ, онѣ могли читать только священныя книги, но вѣрная память ихъ удерживала поэтическія пѣсни, слышанныя еще въ дѣтствѣ отъ матерей и въ каждомъ восточномъ монастырѣ было нѣсколько монахинь, отличавшихся поэтическимъ талантомъ. Когда епископъ ефесскій явился въ убѣжище молодыхъ Гречанокъ, одна изъ нихъ Аврелія оплакивала мученичество епископовъ, убитыхъ варварами. Изъ устъ робкой дѣвы изливались пламенные выраженія, въ которыхъ она оплакивала паденіе имперіи. При видѣ іерарха она остановилась съ трепетомъ и радостью и всѣ сестры пали на колѣни, какъ будто самъ Господь, услышавъ молитву ихъ, послалъ имъ вѣстника вѣры; «О мой отецъ, воскликнула молодая Аврелія, Господь сохранилъ тебя, чтобы быть примѣромъ живаго мученика. Но скажи намъ восторжествуетъ ли Его святое имя въ Греціи? Увидимъ ли мы свою Византію? Или намъ суждено умереть въ землѣ чуждой и оскверненной?—Возстаньте дѣти мои, сказалъ Святой старецъ и запомните слова мои. Дни испытанія едва начались только; вы скоро поѣдете

* Филелоръ, Итальяскій ученый, жившій въ Константинополѣ, слѣдлъ слѣдующее замѣчаніе:

«Viri aulici veterem sermonis dignitatem atque elegantiam retinebant, imprimisque ipsae nobiles mulieres, quibus, quum esset omnino cum viris peregrinis commercium, merus ille ac purus Graecorum sermo servabatur intactus.»

въ Римъ, новый Вавилонъ. Таково несчастіе наше, что у васъ нѣтъ другаго убѣжища, какъ только тамъ, гдѣ и самая вѣра ваша будетъ въ опасности. Вы будете въ Римѣ, общайте мнѣ, что вы никогда не оставите священныхъ обрядовъ вашихъ отцевъ и никогда не послѣдуете клятвенпреступному флорентянскому соединенію. «Никогда отецъ нашъ, вскрывали онѣ всѣ вмѣстѣ. Да покровительствуетъ намъ Пресвятая Богородица и да подкрѣпятъ и защитятъ насъ твои святые слова! Мы неострижемъ своихъ черныхъ волосъ и не снимемъ покрывалъ нашихъ, какъ это дѣлаютъ нечестивыя дѣвы Италіи.» Тогда епископъ, открывъ золотую чашу, принесенную имъ, сказалъ; «Аврелія! тебѣ вручаю я этотъ священный залогъ, въ Византіи нѣтъ уже болѣе церкви. Пусть даръ Великаго Константина покровительствуетъ дочери Императоровъ. Это имя уважается на западѣ, оно послужитъ вамъ покровительствомъ у Папы. Намъ предстоятъ новыя испытанія и это сокровище греческой вѣры, вѣрнѣе будетъ въ вашихъ рукахъ, чѣмъ въ нашихъ.» При этихъ словахъ Теодоръ благословилъ молодыхъ дѣвъ и удалился. Все уже было приготовлено къ ихъ отъѣзду; по приказанію епископа палермскаго, Римскій священникъ и двѣ монахини должны были со провождать ихъ. Настоятельница катанскаго монастыря, строго наказывала сестрамъ испросить разрѣшенія въ томъ, что онѣ принимали къ себѣ въ монастырь раскольниковъ, но не смотря на то, она не безъ сожалѣнія смотрѣла на отъѣздъ молодыхъ дѣвушекъ, такихъ скромныхъ и которыя пѣли такіе пріятныя пѣсни, на незнакомомъ имъ языкѣ. Онѣ взошли на то же греческое судно, на которомъ прибыли въ Сицилію, Матросы подняли паруса и запѣли гимнъ панагіи молодыя дѣвушки, повторявшія между собою высокія наставленія Теодора. Между-тѣмъ Ласкарисъ и другіе греки отправились въ Сиракузы съ конвоемъ Испанскихъ всадниковъ. Медицисъ и друзья его итальянцы, не хотѣли растаться съ ними и рѣшились облегчить своимъ присутствіемъ ихъ горькую долю. Трогательное зрѣлище представляли эти греки, потомки завоевателей и просвѣтителей Сициліи, проходившіе плѣнниками по этой прекрасной странѣ и всюду встрѣчавшіе памятники греческаго искусства тамъ, гдѣ имя грека было ненавистно и невзвѣстенъ языкъ. Въ IX-мъ вѣкѣ императоры византійскіе владѣли еще Сициліей, отнятой у нихъ впоследствии Сарацинами. Повсюду встрѣчались зданія, развалины, надписи, напоминавшія различныя времена могуще-

ства грековъ, но настоящее поколѣніе, возстановленное побѣдою, не сохранило ни какого воспоминанія о прошедшемъ. Такъ справедливо, что людская память есть самый непрочный изъ монументовъ. Несчастное положеніе Сициліи, недостатокъ проходимыхъ дорогъ въ этой странѣ, столько разъ опустошаемой жестокостью природы и войны, заставляли грековъ, съ сопровождавшимъ ихъ конвоемъ, дѣлать на пути къ Сиракузамъ большіе обходы. Они спускались къ морю, чтобъ миновать высокіе холмы и пустынные долины, гдѣ оливковыя деревья и другія прекрасныя растенія юга покрывали необработанную почву. Они приближались иногда къ городамъ и по временамъ нѣсколько уклонялись въ сторону, чтобы посѣтить нѣкоторыя развалины. Для этихъ изгнанниковъ, сердца которыхъ такъ полны были печалью о потерѣ ихъ отечества, оставалось какое-то скорбное утѣшеніе въ томъ, что и здѣсь встрѣчались имъ слѣды бѣдствій, столь же великихъ, предшествовавшихъ ихъ собственному бѣдствію. Картины Сициліи на каждомъ шагу напоминали имъ объ этомъ, мѣста обитаемыя казались пустынными, города развалинами. Послѣ четырехдневнаго странствованія по неизмѣримой дикой равнинѣ на югъ отъ Катаны, они прибыли въ Сиракузы. Не смотря на то, что этотъ портъ, по своему превосходному положенію, уступаетъ только византійскому, не смотря на величіе столькихъ развалинъ, они сомнѣвались нѣкоторое время, что этотъ городъ могъ быть виною паденія Аѳинъ. Но Альфонса не застали они въ Сиракузахъ. Новое возмущеніе въ Палермо призвало его туда. Сиракузы были тогда городомъ незначительнымъ, въ которомъ легко могли сохранять порядокъ нѣсколько испанскихъ солдатъ. Небольшое число жителей занимало пять большихъ кварталовъ древняго города. Это населеніе часто смѣнялось новымъ и побѣжденные постоянно были презираемы побѣдителями. Среди развалинъ греческихъ, римскихъ и арабскихъ памятниковъ, оно все смѣшивало въ своемъ безчувственномъ невѣжествѣ. Народъ молился въ часовнѣ Меркурія и набожно показывалъ источникъ Юноны. Греки улыбались надъ ихъ заблужденіемъ, но Гемистъ видѣлъ въ этомъ непобѣдимое могущество прелестныхъ символовъ, нѣсколько разъ увлекавшихъ вселенную. Молодой Михаилъ Апостоль, одушевляемый самыми пріятными воспоминаніями греческой поэзіи, искалъ фонтана Аретузы, но невѣжество уничтожило эту чудную игрушку природы

и отъ фонтана осталась на этомъ мѣстѣ мутная, солоноватая вода съ развалинами памятниковъ, которыми гениі Греціи украшали берега этого священнаго источника. Ласкарисъ и молодые друзья его взошли на Эпиполь, чтобы окинуть однимъ взглядомъ этотъ городъ. И когда греки увидали обширное пространство, бывшее средоточіемъ торговли, ставшее почти безлюднымъ, порты безъ кораблей, тамъ-и-сямъ разбросанныя развалины; когда увидали этотъ Proscenium, котораго побѣдители—Испанцы * не успѣли еще разрушить окончательно, то невольно воскликнули: «Аѳины огомщены!» — и глаза ихъ наполнились слезами при воспоминаніи о своемъ отечествѣ. Молодые Итальянцы съ большимъ спокойствіемъ смотрѣли на это печальное зрѣлище, они родились въ жизни общественной и исполнены были надеждъ. «Какое удобное мѣстоположеніе для торговли; здѣсь только бы быть имперіи, говорилъ молодой Бембо. Здѣсь море еще болѣе можетъ благопріятствовать выгодамъ края, чѣмъ въ самой Венеціи. Судьбы странъ измѣнчивы, какъ и судьбы самыхъ народовъ! Теперь средоточіемъ торговли востока стала Венеція, которая едва была замѣтна на Адриатическихъ волнахъ въ то время, какъ владычествовали Сиракузы. «Да,—сказалъ Ласкарисъ, ни что такъ не разрушаетъ, какъ завоеваніе; оно измѣняетъ даже самую страну и измѣняетъ природу; Венеція испытаетъ это со временемъ. Испанскій губернаторъ, управлявшій Сиракузами, приказалъ грекамъ продолжать слѣдованіе до самаго Палермо. Ихъ грубые и равнодушные проводники ничего не понимали въ этихъ памятникахъ и торопили ихъ скорѣе въ дорогу, покуда вечерняя прохлада освѣжала знойный день Сициліи. Прошедши чрезъ Агранить, они медленно поднимались на высокій холмъ, называющійся еще и нынѣ греческой лѣстницей и удалились отъ Сиракузъ, гдѣ все кромѣ людей, напоминало имъ Грецію. Дальнѣйшій путь ихъ, пролегая чрезъ деревни новой Сициліи, не представлялъ имъ предметовъ, способныхъ возбудить въ нихъ сильныя воспоминанія и только нерѣдко встрѣчавшіяся развалины мавританскихъ замковъ и нѣкоторыя зданія, представляющія смѣсь архитектуры арабской съ норманской, столь обыкновенныя въ Сициліи, занимали ихъ вниманіе. При видѣ этихъ развалинъ,

* «Не осталось и слѣдовъ Proscenium, камни его употреблены были на укрѣпленіе города ижеверами Карла V». (Voyage de Swinburne dans les Deux-Siciles. t. III.)

начальникъ испанскаго конвоя вышелъ изъ своей апати и указывая на остатки маленькихъ, зубчатыхъ арабскихъ башенекъ, началъ рассказывать о подвигахъ своихъ соотечественниковъ противъ мавровъ Гренады и Хереса. Одинаковая ненависть къ мусульманамъ еще болѣе сближала Грековъ съ Испанцами.—Проходя нѣсколько дней, то по оставшимся древнимъ дорогамъ, устроеннымъ римлянами, то по пустыннымъ степямъ, которыми такъ богата Сицилія, наши путешественники ничего не встрѣчали примѣчательнаго, кромѣ нѣсколькихъ развалинъ, обитаемыхъ иногда бѣдными семействами. Наконецъ, передъ глазами ихъ заблестѣли вдали высокія колонны и широкія стѣны, что доказывало близость большаго города; всѣ удвоили шаги, чтобы къ вечеру успѣть дойти до этого мѣста. Лучи заходящаго солнца слабо освѣщали зданія, которыя, казалось, оканчивались вмѣстѣ съ горизонтомъ. Вокругъ него виднѣлись огромныя груды камня и мрамора, которыя казались перенесенными силой свыше—человѣческой.—«Во всякомъ случаѣ мы найдемъ тамъ убѣжище, говорилъ сициліанскій проводникъ, сбившійся съ настоящей дороги. Черезъ нѣсколько часовъ они дошли до этого города, казавшагося близкимъ отъ прозрачности воздуха Сициліи. Но онъ былъ пустъ и издали видѣвшіяся зданія были не что иное, какъ большія хорошо сохранившіяся развалины; удивленіе и какой-то страхъ овладѣли путешественниками при видѣ такого великаго разрушенія, тогда-какъ они надѣялись найти здѣсь обитаемый городъ. Взоры ихъ устремились на храмъ необыкновенной высоты; колонны его еще стояли и сохраняли слѣды древней дорической архитектуры. Въ небольшомъ пространствѣ отъ него возвышались два другіе храма, соединенные рядами колоннъ изъ греческаго мрамора, полуразрушенныя стѣны ихъ, поросшія дикими розами.—«А что? сказалъ Ласкарисъ, не здѣсь-ли былъ Селинонтъ, одна изъ древнѣйшихъ колоній Греціи,

* Развалины Селинонта часто были описываемы и еще недавно онѣ были нарисованы съ удивительнымъ искусствомъ и чистотой рисунка. Этотъ обманъ зрѣнія, представляющей его издали обитаемымъ городомъ, упоминается въ описаніяхъ многихъ путешественниковъ. «Издали, говоритъ Свинбурнъ, эти развалины кажутся большимъ городомъ съ колокольнями; люди мои радовались, что приближаются къ такому хорошему ночлегу, но они были жестоко обмануты, встрѣтивъ только мертвое молчаніе». Г. Фербенъ, въ своихъ прекрасныхъ воспоминаніяхъ о Сициліи, рассказываетъ, что онъ нашелъ въ этомъ пустынномъ мѣстѣ жившее въ развалинахъ бѣдное семейство.

о которой говорятъ наши историки, что она разрушена была еще до завоеванія римлянами. Вотъ печальный образецъ судьбы государствъ! Жизнь разваливъ продолжительнѣе жизни самого государства и мы видимъ теперь столько величія, столько обломковъ того, что не существуетъ уже двѣ тысячи лѣтъ!» Углубясь въ размышленія, Ласкарисъ проходилъ по безчисленнымъ изворотамъ между развалинъ, покрывающихъ всю плоскость горы и удивлялся безмолвію этого пустынного мѣста; невнятные звуки человѣческаго голоса привлекли его и епископа эфесскаго къ грубой хижинѣ, примыкавшей одной стороною къ пронаос великаго храма, скрытаго за нѣсколькими развалинами. Они подошли ближе и каково было ихъ удивленіе, когда они услышали звуки греческаго языка, выходящія изъ этой бездны молчанія и уединенія. Голосъ твердый и чистый повторялъ прекрасныя слова Хризостома въ вечерней молитвѣ. Оба поспѣшно вошли во внутренность этого убѣжища и увидали человѣка величественной наружности, стоявшаго на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя, передъ которымъ горѣлъ факелъ. После минутнаго сомнѣнія, они узнали въ молившемся Онисифора Ираклева, извѣстнаго грека, который присоединился къ западной церкви на флорентинскомъ соборѣ. Съ-той-поры Онисифоръ, видя, что соединеніе церквей съ ужасомъ отвергнуто Византіей и самъ подвергнувшись подозрѣніямъ и упрекамъ, удалился изъ Греціи и ни кто не зналъ его убѣжища. Взглянувъ на Ласкариса, онъ воскликнулъ: «Вы здѣсь! я догадываюсь, что Византія разрушена, я напрасно принесъ великую жертву, которую Господь не хотѣлъ принять, или скорѣе, онъ наказалъ насъ. О, Византія! свѣтъ міра, рай Востока! Какъ могла ты пасть подъ ударами дѣтей Агари?» Узнавъ епископа эфесскаго, онъ замолкъ послѣ этихъ словъ, покраснѣлъ и залился слезами. При видѣ Онисифора, епископъ эфесскій отошелъ назадъ, какъ будто раздоры, подготовившіе паденіе Византіи, должны были пережить его. Итакъ эти два человѣка, достойные уваженія по своимъ лѣтамъ, добродѣтели и гевію одинъ, неся слѣды мученичества, другой, согбенный подъ бременемъ строгаго раскаянія, раздѣлены были непреодолимой преградой и боялись даже встрѣтиться глазами. Ласкарисъ прервалъ это молчаніе, въ которомъ таился упрекъ, подтверждая печальное предчувствіе Онисифора о несчастіяхъ Греціи и уговаривалъ

его оставить это уединеніе и присоединиться къ своимъ изгнаннымъ соотечественникамъ. «Но примутъ ли они меня теперь, живо возразилъ Онисифоръ, я самъ изгнанникъ изъ своего отечества. Вдали отъ Греціи, отвергнувшей меня, вдали отъ Италіи, гдѣ наградили меня почестями за измѣну вѣры, я жилъ въ этой пустынѣ, среди этихъ развалинъ, свидѣтельствовавшихъ о паденіи Византіи. Здѣсь, предъ образомъ Спасителя, я оплакивалъ пагубное раздѣленіе христіанскихъ народовъ, ихъ взаимную холодность и ненависть, сдѣлавшія ихъ бесполезными другъ другу. Часто, въ печали своей, я рассказывался въ роковомъ отреченіи своемъ во Флоренціи и сказать ли? я снова въ этой пустынѣ исполнялъ всѣ обряды нашего священнаго Богослуженія, но гдѣ теперь храмъ св: Софіи, чтобъ вновь торжественно принять вѣру отцевъ нашихъ?»

Епископъ эфесскій, дотолѣ молчаливый и раздраженный, вдругъ протянулъ руку Онисифору и сказалъ: «приди и будешь оправданъ, раздѣляя наши несчастія». Другіе греки, приблизившись въ эту минуту къ убѣжищу Онисифора, были чрезвычайно обрадованы неожиданной встрѣчей. Всѣ окружили его съ изъявленіемъ дружбы, рассказывали ему о послѣднихъ бѣдствіяхъ Византіи, передавали свои надежды, желанія, предпріятія и вспоминали о минувшихъ несогласіяхъ. Печальная игра судьбы! Въ этой пустынѣ собрались остатки или представители всѣхъ вѣрованій и мнѣній, раздѣлявшихъ умирающую Грецію. Платоникъ, простирающій свое обожаніе древности до идолопоклонства, страстный любитель наукъ, исповѣдникъ православія, кающійся и мученикъ, сидя на мраморныхъ обломкахъ Селивонта, — эти люди вели разговоръ, оживленный мечтами и обманчивыми надеждами, переживающими всевозможныя несчастія. Подлѣ нихъ стоялъ Медицисъ и съ чувствомъ смотрѣлъ на это зрѣлище, на эту радость, подъ бременемъ столькихъ бѣдствій; принималъ нерѣдко участіе въ ихъ бесѣдахъ, убѣждая ихъ, чтобы они не слишкомъ надѣялись на войско и великодушіе государей европейскихъ. Гераклійскій первосвященникъ, долго участвовавшій въ спорахъ во Флоренціи, свободно и увлекательно говорилъ по итальянски. Воспитанный въ знаменитомъ мотастырѣ, на левантскихъ горахъ, онъ исчерпалъ эти сокровища древіей учености, неизвѣстныя въ Европѣ и заимствовалъ нѣсколько восточнаго духа; рѣчь его была благородна и пріятна. Въ немъ не было

той пламенности, какъ въ Θεодорѣ, но онъ способенъ былъ убѣдить и растрогать. Итальянцы слушали его и удивлялись тому, что въ этомъ народѣ превосходство ума проявляется въ такихъ различныхъ формахъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой оживленной сцены испанскій начальникъ неподвижно курилъ трубку. По его серьезному и беззаботному виду, по безчувственной холодности его взгляда, можно было принять его за турка. Разсвѣтъ дня освѣтилъ эту маленькую группу, расположившуюся на древнихъ развалинахъ. Наши путешественники оставили ихъ не безъ сожалѣнія и душевнаго волненія. Онисифоръ въ послѣдній разъ преклонилъ колѣна въ своемъ смиренномъ убѣжищѣ, гдѣ столько лѣтъ провелъ онъ въ покаяніи. Гемистъ и Ласкарисъ долго любовались великолѣпными фронтонами храма, освѣщенными первыми лучами солнца, межъ-тѣмъ какъ испанскіе солдаты лѣниво отвязывали лошадей отъ колонъ, на которыя не обращали никакого вниманія. Оставалось незначительное разстояніе до Палермо, гдѣ участь грековъ должна быть рѣшена. Медицисъ, сопровождавшій ихъ, сомнѣвался въ возможности помочь грекамъ съ своей стороны, потому—что Альфонсъ былъ тогда въ войнѣ съ Флоренціей, но онъ надѣялся на благородство этого государя, прозваннаго великодушнымъ, который только разъ въ жизни поступилъ жестоко, свергнувъ съ престола несчастную Анну неаполитанскую. Онъ обнадеживалъ въ этомъ отношеніи грековъ, но чаще всего бесѣдовалъ съ ними о наукахъ. Приближаясь къ Палермо, итальянцы и греки не могли удержаться отъ улыбки, сравнивая бѣлые памятники новѣйшаго искусства съ развалинами Селинонта. Вошедши въ городъ южными воротами, конвой ихъ остановился у огромнаго замка причудливой архитектуры, въ построеніи котораго въ разное время участвовали Готы, Норманны и Арабы. Въѣздъ ко двору, вмѣсто всякаго украшенія, обставленъ былъ желѣзными пушками, угрожавшими городу; то было царское жилище Альфонса. Испанская стража бодрствовала у дверей. Съ какимъ-то отвращеніемъ греки вступили въ эту крѣпость испанскаго завоевателя, гдѣ ихъ уже ожидали. Приказано было прямо представить ихъ на аудиенцію короля. Греки введены были въ обширную залу, представлявшую взору посетителя самую странную смѣсь. На сводахъ развѣшены были разорванныя знамена, оружіе, штандарты, отнятыя у мавровъ Туниса, Генуэзцевъ и Венеціанъ. Срес-

ди этих трофеевъ, блистѣлъ на щитѣ странный девизъ короля: «То была открытая книга». *

На огромномъ столѣ положено было нѣсколько древнихъ медалей цезарей. Въ ящикѣ изъ слоновой кости лежали астрономическіе инструменты грубой и тяжелой работы и тутъ-же различныя манускрипты, нѣкоторые были сложены между досками изъ золота или благоухающаго дерева, запираемыми крѣпкими стальными застежками. На обширныхъ стѣнахъ залы нарисованы картины битвъ и всѣхъ славныхъ событій, совершившихся въ жизни Альфонса. На одной было изображено торжество коронаванія, когда онъ, въ присутствіи всего Арагонскаго двора, разрываетъ списокъ лицъ, бывшихъ противъ него въ заговорѣ. На другой картинѣ Альфонсъ изображенъ останавливающимъ въ г. Марсели ярость солдатъ, когда городъ былъ имъ взятъ приступомъ и отказывается отъ богатыхъ подарковъ, предложенныхъ ему жителями. Еще была картина, гдѣ Альфонсъ представленъ побѣжденнымъ, но еще болѣе великимъ, чѣмъ въ минуту побѣды; онъ находится въ плѣну на генуэзскомъ кораблѣ, который везетъ его на островъ Искію. Альфонсъ, съ опасностью собственной жизни, отказывается остановить храбрый гарнизонъ, который сражался за его имя. Наконецъ онъ является побѣдителемъ въ Неаполѣ, окруженный пышностью древнихъ римскихъ триумфаторовъ. Зала, въ которой возсѣдалъ Альфонсъ, была кромѣ того украшена нѣсколькими статуями, приобретенными королемъ во время различныхъ войнъ; красота ихъ, посреди замка такой грубой архитектуры, давала понятіе о совершенствѣ греческаго искусства. При взглядѣ на нихъ греки почувствовали удовольствіе. Въ глубинѣ залы сидѣлъ король, окруженный нѣсколькими знатными людьми, составлявшими славу Италіи; подлѣ него былъ Поджъ, глубокой ученый, извѣстный въ Европѣ по своимъ забавнымъ сказкамъ; Антоній палермскій, ученѣйшій изъ сицилианцевъ, Эней Сильвіусъ, которому любовь его къ искусствамъ и краснорѣчіе доставили первосвященническій престолъ и много другихъ знаменитостей того вѣка, нынѣ уже забытыхъ. Альфонсъ держалъ въ рукахъ описаніе жизни Александра и разсуждалъ объ этомъ сочиненіи съ учеными любимцами своими, составлявшими его дворъ. Лице его было

* Этотъ девизъ, о которомъ говоритъ Антоній палермскій, выбитъ на многихъ медаляхъ царствованія Альфонса.

какъ-то особенно остроумно и воинственно; годы убѣлили уже его волосы, но его величественная и гордая осанка, быстрые и огненные глаза, бросавшіе выразительные взгляды, придавали ему всю живость молодости. На немъ былъ короткій плащъ и военная испанская одежда. Любимый девизъ его былъ вырѣзанъ на эфесѣ его шпаги. На груди рисовался шарфъ, подарокъ Лукреціи Аланіи, послѣдняго предмета его любви. «Взгляните вокругъ себя,—сказалъ Альфонсъ грекамъ, которые были приведены къ нему, какъ виновные,—вы теперь не въ непріятельской странѣ». Такъ-какъ онъ судилъ всегда своихъ подданныхъ съ большимъ вниманіемъ и осторожностью, то, прочитавши бумаги губернатора Катаны, онъ захотѣлъ знать отъ Ласкариса всѣ подробности этого происшествія, по поводу котораго греки присланы были къ нему. Выслушавъ рассказъ, онъ сильно заинтересованъ былъ этими иностранцами и сожалѣлъ о потерѣ Константинополя. «Несчастные христіане! зачѣмъ терзаютъ насъ безпрестанныя войны, тогда-какъ варвары съ каждымъ днемъ проникаютъ далѣе въ Европу.» При этомъ Альфонсъ спросилъ Ласкариса, какіе памятники искусства и какія книги спасены; казалось, онъ этимъ озабоченъ былъ почти также, какъ и паденіемъ Константинополя». Для чего не могъ я вооружиться за такое святое дѣло, но я былъ въ войнѣ съ Флоренціей, которая наконецъ мнѣ предлагаетъ добрый миръ и теперь мнѣ остается только отметить Генуѣ и Венеціи. Старость приближается, но я надѣюсь вполнѣ, что, не смотря на нее, у меня достанетъ еще силы поразить варваровъ на Босфорѣ, такъ-какъ я побѣдилъ ихъ въ Тунисѣ. Я буду побуждать къ тому христіанскихъ государей, я призову Франковъ изъ-за горъ. Вы, греки, заплатите мнѣ за гостепрѣимство распространеніемъ вашихъ знаній въ моихъ владѣніяхъ. Въ Неаполѣ у насъ есть школы, гдѣ я часто слушаю тамошнихъ наставниковъ. Оставайтесь у насъ, греки, Римъ не принимаетъ въ васъ участія, но я принимаю васъ и отомщу за васъ.» Король велѣлъ тотчасъ привести подарокъ, присланный ему отъ флорентинскаго правительства, который обезоружилъ его мщеніе, то былъ драгоценный манускриптъ Тита Ливія *. Счастлирое то было время, когда для заключенія мира уступали книгу, а не владѣніе! Сами греки удивлены были, какъ глубоко цѣнить на Западѣ

* Tirabeschi. t. VI.

творенія ума и утѣшали себя надеждой на лучшую будущность. Желаніе ихъ проникнуть въ Италію усилилось еще болѣе. Напрасно Альфонсъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы удержать ихъ при своемъ дворѣ, они предпочитали гостепріимство и независимость Флоренціи. Онъ взялъ съ нихъ впрочемъ обѣщаніе, что нѣкоторые изъ нихъ останутся въ Неаполѣ для распространенія греческаго знанія. Въ портѣ палермскомъ они сѣли на испанскую галеру и скоро прибыли въ Италію, гдѣ извѣстіе о ихъ бѣдствіи распространилось уже всюду и смягчило религиозную ненависть. Приставая къ неаполитанскому берегу, они застали народъ въ смятеніи и ужасѣ. Имя Магомета повторялось въ этой толпѣ вмѣстѣ съ молитвами къ Господу и Святымъ объ отвращеніи этого бича гнѣва Его отъ Италіи. Длиныя процессіи выходили изъ церквей, пронося святыни храмовъ надъ жителями, которые падали на колѣна при приближеніи процессіи. Вездѣ разсказывали о разныхъ чудесахъ, бывшихъ предвѣстниками паденія Византіи. Говорили, что слышно было въ воздухѣ сраженіе двухъ армій, кровавый дождь шелъ съ неба, священныя мощи покинули заключавшія ихъ святилища. При видѣ изгнанниковъ, панической страхъ толпы еще болѣе увеличивался, имъ казалось, что флотъ Магомета и его ужасныя янычары внесли смерть и опустошеніе въ счастливую Италію. Женщины бѣжали, держа на рукахъ дѣтей своихъ, мужчины подходили къ благословенію священниковъ, какъ-будто должно было сражаться и умирать. Посреди этого всеобщаго ужаса греки встрѣтили гостепріимство и великодушіе, самый страхъ побуждалъ къ состраданію. Мирная жизнь этого народа, мягкость ихъ климата и слабость народнаго духа, были причиною, что ожидаемое нападеніе азійскихъ варваровъ, оскверняющихъ храмы, разрушающихъ города и увлекающихъ жителей въ неволю, лишало его всякаго мужества, всякой надежды на спасеніе. Видя этотъ всеобщій ужасъ, Ласкарисъ сказалъ: «гдѣ мы найдемъ убѣжище искусствамъ и просвѣщенію отъ притѣсненія варваровъ? Гдѣ укроются эти благородныя сокровища човѣческаго разума, которыми мы владѣемъ еще?»—«Вы не должны судить объ Италіи по Неаполю, городу поработенному, отвѣчалъ Бембо. Эти бѣдные люди трепещутъ, какъ-будто они не были уже побѣждены. Мое независимое отечество можетъ еще бороться съ турками. Флоты его будутъ служить оградой для Европы.» Бембо говорилъ такъ, потому-что былъ молодъ и

стремился къ славѣ, онъ не засѣдалъ еще въ сенатѣ Венеціи; но черезъ нѣсколько дней, возвратившись въ свое отечество, онъ узналъ, что съ турками заключенъ былъ союзъ для сохраненія нѣкоторыхъ завоеванныхъ городовъ въ Морѣѣ. Говорили впрочемъ, что папа призывалъ всѣхъ европейскихъ государей вооружиться и возвратить Византію; что флотъ, состоящій изъ десяти галеръ, долженъ былъ выступить, но греки съ грустной улыбкой слушали о такихъ слабыхъ приготовленіяхъ, сравнивая ихъ съ безчисленнымъ войскомъ Магомета. Чѣмъ дальше они углублялись въ Италію, тѣмъ сильнѣе чувствовали, что ихъ имперія пала навсегда. Они вездѣ встрѣчали пріютъ, но нигдѣ не подавали имъ надежды на помощь ихъ отечеству и отмщеніе. Въ Италіи, раздѣленной на нѣсколько соперничающихъ государствъ, явилось неизвѣстное дотолѣ стремленіе къ учености и изящной общественной жизни. Повсюду отыскивались въ развалинахъ остатки древности и вмѣстѣ съ тѣмъ возрождалась любовь къ искусствамъ. Города и дома еще грубой и некрасивой архитектуры украшались статуями, отрытыми въ щебнѣ, или найденными въ руслахъ рѣкъ. Появленіе грековъ возбудило всеобщее любопытство; вокругъ нихъ толпились слушатели, впрочемъ всѣ интересовались болѣе ихъ познаніями, чѣмъ несчастіями. Это бесполезное вниманіе приводило въ нетерпѣніе епископа эфесскаго и онъ торопился отправиться въ Римъ, утѣшая себя надеждою на крестовый походъ. «Намъ надобно разлучиться, говорилъ онъ Ласкарису: вы заставѣте говорить за Грецію искусства и геніи нашихъ предковъ. Господь попуститъ это средство, чтобы привлечь къ Егю вѣрѣ земныхъ царей». Ласкарисъ послѣдовалъ за молодымъ Медицисомъ во Флоренцію. Чѣмъ болѣе онъ приближался къ берегамъ Арно, тѣмъ скорбь его о потерѣ отечества дѣлалась сильнѣе; то былъ край его изгнанія. Но великодушный Козьма Медицисъ пріютилъ у себя уже много бѣжавшихъ греческихъ семействъ и торговые корабли его каждый день привозили по нѣскольку этихъ несчастныхъ жертвъ. Всѣ заботы его, казалось, были вознаграждены присутствіемъ Ласкариса, принесшаго съ собою искусства и памятники Греціи. Отсюда началась эта благородная миссія греческаго просвѣщенія по всей Италіи. Во Флоренціи славилась тогда платоническая академія, распространившая болѣе энтузіазмъ, чѣмъ истинныя знанія. Козьма Медицисъ помѣстилъ её у себя во дворцѣ. Сюда-то удалились тѣ

люди, которыхъ мы видѣли блуждающими съ Ласкарисомъ; съ этихъ поръ они начали объяснять творенія геніевъ Греціи, разливая повсюду живой свѣтъ. Сжатая и грубая схоластика, бывшая доголъ въ употребленіи въ академіи, ими была оставлена и они обратились къ истинному знанію. Высокая идея прекраснаго вновь ожила въ живописи и литературѣ;—сами итальянцы называли Флоренцію городомъ Гомера. Волненія, колебавшія республику, затихли и кроткій властитель Флоренціи, Медицисъ, занимался только науками и искусствами. Онъ уже приближался къ старости. Живость молодости, одушевлявшая его нѣкогда, теперь смѣнилась величественнымъ спокойствіемъ. Онъ нѣрѣдко любилъ проводить время въ пріятныхъ разговорахъ въ его прекрасномъ уединеніи въ Фесали и Кореджи. Ловкій диктаторъ Флоренціи являлся тамъ остроумнымъ философомъ, ревнивымъ ко всякому ученому пріобрѣтенію. Оба сына подражали ему. Лаврентій Медицисъ, еще будучи ребенкомъ, общался слѣдовать примѣру своего семейства. Козьма окружилъ его нѣсколькими молодыми итальянцами, обнаруживавшими такую же страсть къ искусствамъ. Козьма Медицисъ отдыхалъ, разсуждая съ ними о высокихъ вопросахъ науки. «Приди, славнѣйшій изъ учениковъ Греціи, писалъ онъ однажды Марсію и пріобщи къ сокровищамъ страны твореніе Платона. Нѣтъ изысканія, которое бы занимало меня болѣе, приди и не забудь лиры Орфея.» Это почитаніе искусствъ греческаго духа до того усилилось, что въ замкѣ Медициса совершенно торжественное празднество Платона, забытое въ Аѳинахъ въ теченіе двѣнадцати вѣковъ. Изображеніе философа находилось въ садахъ Кореджи, украшенныхъ превосходнымъ мраморомъ Греціи и напоминавшихъ своимъ видомъ роци академіи. Небо Тосканы съ такимъ же блескомъ освѣщало этотъ праздникъ, какъ и въ самой Греціи и здѣсь какъ-будто снова собрались ученики Платона. По прочтеніи лучшаго отрывка изъ его превосходнаго творенія о безсмертіи и красотѣ души, были прочтены въ честь его гимны и затѣмъ принесено благодареніе Провидѣнію, что оно даровало землѣ такого добродѣтельнаго челоука и такого божественнаго генія. Итальянцы были восхищены; греческіе изгнанники чувствовали нѣкоторую гордость, видя, что, по прошествіи столькихъ вѣковъ, такъ чтутъ воспоминанія, дорогія ихъ отечеству. Гемистъ воображалъ себя въ Аѳинахъ, освобожденныхъ отъ варваровъ. Но Ласкарисъ, надѣявшійся помощію наукъ принести услугу своему отечеству,

возстановивъ вновь его изъ праха, чувствовалъ себя несчастливѣмъ посреди праздниковъ и мира Флоренціи. Нерѣдко, окруженный молодежью, стекавшеюся со всей Италіи слушать его ученіе, онъ объяснялъ великія творенія древней Греціи и потомъ говорилъ о притѣсненіяхъ своего отечества; сердца всѣхъ вспыхивали гнѣвомъ противъ варваровъ и сострадали грекамъ, но это благородное пламя скоро потухало въ пылкихъ и непостоянныхъ итальянцахъ. Политика Козьмы устраняла всякое вмѣшательство въ постороннія войны. Онъ думалъ, что все благосостояніе Флоренціи зависитъ единственно отъ распространенія торговли и искусствъ. «Будьте счастливы у насъ, говорилъ онъ Ласкарису, — а когда услыхалъ онъ о намѣреніи папы быть предводителемъ священнаго похода, то сказалъ: вотъ старикъ берется за дѣло челоуѣка молодого». — Между-тѣмъ епископъ эфесскій и Никифоръ прибыли въ Римъ, гдѣ совершались молебствія объ освобожденіи христіанъ. Тамъ они узнали, что завоеваніе Византіи возбудило гнѣвъ франковъ. Многіе пилигримы, приходившіе въ Римъ за индульгенціями на крестовый походъ, рассказывали о блистательномъ торжествѣ, бывшемъ въ замкѣ могущественнаго герцога бургонскаго, гдѣ мужество рыцарей было воспламенено необыкновеннымъ зрѣлищемъ. Посреди веселія празднества, вдругъ является въ залу слонъ, ведомый сарациномъ огромнаго роста, на слонѣ сидѣла женщина, одѣтая въ трауръ, она казалась плѣнницей. И между-тѣмъ, какъ взоры всѣхъ обратились на эту женщину, какъ-бы представлявшую церковь въ плѣну у невѣрныхъ, она заѣла печальнымъ голосомъ жалобную пѣснь, призывая на помощь доблестныхъ рыцарей Франціи и Бургоніи. Молодыя дѣвушки, одѣтыя въ бѣлыя одѣянія, представляли въ лицахъ вѣру, надежду; любовь и пр. христіанскія добродѣтели. Проходя въ процессіи, онѣ пѣли одна за другою стихи, чтобы тронуть сердца вѣрныхъ. Всѣ рыцари и во главѣ ихъ самъ герцогъ, пораженные этимъ зрѣлищемъ, дали обѣтъ взять крестъ; они клялись предъ золотымъ руномъ именемъ пресвятой Богородицы и надъ фазаномъ, какъ символомъ западнаго рыцарства. Эти понятія и обычаи были новы для грековъ византійскихъ и эфесскихъ. Мужество франковъ давно славилось на Востокѣ и теперь оно оживило надежду изгнанниковъ. Феодоръ въ жару своей вѣры видѣлъ уже побѣдный крестъ, воздвигнутый на вратахъ Константинополя и церковь святой Софіи, снова освя-

щенною Богослуженіемъ. Эта надежда пробудила въ немъ отвращеніе къ отступникамъ греческаго вѣроисповѣданія. Онъ поспѣшилъ увидаться съ кардиналомъ Виссаріономъ и отправился въ его замокъ, у подошвы квиринальской горы, близъ церкви Святыхъ Апостоловъ. Проходя черезъ перистиль, епископъ эфесскій удивленъ былъ богатствомъ римскаго двора. Подъ огромнымъ портикомъ собраны были драгоценный мраморъ древней Греціи, мѣдныя вазы и статуи, безсмертныя памятники падшаго язычества. Всѣ сокровища, недавно открытыя, вся эта роскошь воскресающей древности, украшали въ небольшомъ безпорядкѣ жилище ученаго кардинала и священники римской церкви осторожно проходили мимо этихъ чудесныхъ обломковъ, чтобы не задѣть своимъ платьемъ какого-нибудь полуразбитаго божества. Не всѣ хвалили эту любознательную ревность Виссаріона, многіе иронически замѣчали, что по этимъ безбожнымъ занятіямъ можно узнать новообращеннаго, грека по происхожденію, послѣдователя старыхъ заблужденій. Удалившись въ свой замокъ, кардиналъ занялъ былъ въ эту минуту однимъ философскимъ вопросомъ, который, какъ казалось ему, былъ дурно истолкованъ Аристотелемъ. Узнавъ о прибытіи Θεодора, онъ оставилъ все для свиданія съ своимъ соотечественникомъ. Несмотря на препятствія, положенныя судьбою сближенію этихъ двухъ мужей, въ первыя минуты свиданія, они съ восторгомъ внимали другъ другу, вслушиваясь въ звуки роднаго языка. Виссаріонъ былъ уже не молодой, путешествія, ученныя занятія и огорченія состарили его. Въ немъ выражалось смѣсь италянца и грека, живости, хитрости и энтузіазма прикрываемыхъ гордостью кардинала. Манеры его были просты, онъ былъ одѣтъ по иноческому уставу св. Василія и, сохраняя еще обычаи Востока, носилъ длинную бороду, надъ которой смѣялся Людовикъ XI на торжественной аудіенціи, данной Виссаріону, какъ посланнику римскаго двора. Θεодоръ освѣдомился тотчасъ у него объ участи молодыхъ гречанокъ, призванныхъ въ Италію и о неприкосновенности ихъ вѣры. Виссаріонъ спрашивалъ епископа эфесскаго о памятникахъ языческой Греціи и сожалѣлъ, что онъ успѣлъ собрать только незначительное количество». — Какое пустое любопытство! сказалъ Θεодоръ. Знайте, что Святое Евангеліе поправно нечестіемъ. Наши братья въ Греціи и на Востокѣ должны быть отступниками или рабами. Въ Греціи не останется болѣе христіанъ.

Епископы римскіе! Вы собираете аѳинскія преданія и языческія книги, но попускаете гибнуть истинной вѣрѣ». — Истинная вѣра въ Римѣ, въ священнои коллегіи, «возразилъ Виссаріонъ». — «Нѣтъ! истинная вѣра только между мучениками; она начертана на каждомъ камнѣ нашихъ разрушенныхъ церквей и въ сердцахъ нашихъ священниковъ, павшихъ за нее». — Епископъ эфесскій замолчалъ и съ гнѣвомъ вышелъ отъ виссаріона. Но не смотря на это, грекъ-католикъ расточалъ свои попеченія и богатства на помощь своимъ изгнаннымъ соотечественникамъ. Удаленныя въ священное убѣжище, монахи византійскія сохранили свои строгія правила. Большое число семействъ изъ Пелопонеза и съ острововъ приняты были въ остійскомъ портѣ. Множество семействъ было выкуплено изъ рабства. Папа римскій равно оказывалъ состраданіе къ несчастнымъ и любовь къ просвѣщенію. Онъ завидовалъ Медицису, основавшему платоническую академию и поощрялъ изученіе древности въ Римѣ. Сверхъ прочихъ духовныхъ обязанностей, Виссаріонъ былъ настоятелемъ монастыря *Scurta ferrata*, построеннаго на виллѣ Цицерона въ Тускулумѣ. Тамъ часто собиралъ онъ нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ и, казалось, духъ древней Греціи блуждалъ по этимъ развалинамъ, прославленнымъ геніемъ Рима. Сколько разъ въ этихъ бесѣдахъ надежда видѣть Грецію освобожденною отъ варваровъ, оживляла ихъ! Сколько разъ они давали себѣ обѣщаніе вооружить западныхъ государей на это святое дѣло. Ласкарисъ оставилъ Флоренцію и Медицисовъ для свиданія съ Виссаріономъ, въ надеждѣ пробудить въ немъ ревность къ отечеству и любовь къ искусствамъ. Часто на обломкахъ Тускулума онъ представлялъ ему угрожающее невѣжество всей Европѣ и Магомета, преслѣдующаго въ Италіи возрождающуюся Грецію. Кардиналъ тронуть былъ этой картиной. Такія слова сильнѣе подѣйствовали на него, чѣмъ просьбы Θεодора. Бесѣдуя съ этими умными людьми, полными энтузіазма, сынами его родной страны, онъ забывалъ тогда религіозныя ссоры и недовѣрчивость римскаго двора и одушевлялся, какъ и они, воспоминаніями о великихъ геніяхъ Греціи и плакалъ при мысли, что отечество Гомера и Платона стало добычей варваровъ. Съ наслажденіемъ онъ внималъ одушевленнымъ рѣчамъ своего учителя Гемиста, развивавшаго свои мечтанія о свободѣ Аѳинъ, которыя, по его мнѣнію, должны были сдѣлаться храмомъ философіи и искусствъ. Эта мысль

восхищала Виссаріона и онъ снова становился грекомъ, потому что онъ былъ приверженецъ платонической философіи и обѣщаль употребить все рвеніе, всѣ усилія, все свое значеніе въ священной коллегіи, чтобъ ускорить священный походъ и тѣмъ охотнѣе, если греки согласятся на соединеніе, предложенное во Флоренціи. Но все это не соотвѣтствовало ревностнымъ желаніямъ Θεодора. Онъ безпокоился, что пребываніе въ Римѣ можетъ имѣть вредное вліяніе на его братій въ отношеніи вѣрности восточной церкви. Онъ былъ еще непоколебимѣе въ изгнаніи, чѣмъ въ Византіи, и раскаявался, что искалъ помощи латинцевъ, столь медленной и опасной. Напрасно Овисифоръ, старался утѣшить его, но онъ былъ слабъ перелъ епископомъ эфесскимъ и уважалъ его непоколебимую твердость, страшая мысли явиться снова отступникомъ отъ вѣры своихъ несчастныхъ братьевъ въ состязаніи съ Θεодоромъ. Итакъ, въ долгомъ ожиданіи епископъ эфесскій терялъ надежду на спасеніе Греціи. Первосвященники римскіе смѣнялись. Виссаріонъ самъ надѣялся занять первосвященнической престолъ, но древняя вражда латинцевъ противъ грековъ, недовѣріе къ новообращенному, не смотря на его ревность, были единственной причиною удаленія его отъ этой почести, на которую онъ имѣлъ полное право по уму и учености. Лишившись надежды на такую важную опору, греки напрасно истощали всѣ усилія. Самая ревность ихъ вредила успѣху дѣла. Гордая церковь латинская ужасалась твердости восточныхъ епископовъ, которые, будучи изгнанниками, безъ отечества, безъ алтарей, были также непоколебимы въ своей вѣрѣ и отреченіемъ отъ нея не хотѣли купить даже спасенія Греціи. Наконецъ Европа, казалось, была тронута ихъ жалобами или, скорѣе, своей собственной опасностью. Эней Сильвій, страстный любитель искусствъ и ревностный къ славіи имени Христова, избранъ былъ первосвященникомъ. Въ то время Магометь простеръ свою имперію до самаго Дуная и занялъ войсками сѣверъ и югъ Европы. Угрозы Венеціи, осада Бѣлграда и покореніе всѣхъ сосѣднихъ съ Греціею странъ утѣшили весь западъ. Папа римскій употребилъ послѣднее усиліе для соглашенія враждующихъ европейскихъ государей и для возбужденія народа къ общему крестовому походу и изгнанію варваровъ изъ Европы. Въ этой надеждѣ онъ созвалъ соборъ въ Мантуѣ. Туда явились посланники изъ Польши, Франціи, отъ короля неаполитанскаго, герцоговъ бретанскаго и бургонскаго

и республикъ итальянскихъ. Герцогъ миланскій, Францискъ Сфорца, явился самъ. Посланцы съ острововъ Лесбоса, Эпира и Монебазіи въ Морѣѣ, представили собору, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находилась ихъ страна. Папа и Виссаріонъ говорили съ дивнымъ краснорѣчіемъ. Война была рѣшена. Виссаріонъ отправился ходатайствовать о помощи у германскихъ государей. Папа назначилъ пунктомъ сбора крестоносцевъ городъ Анкону. Но короли не смотря на свое обѣщаніе, заняты были своими ссорами и самолюбіемъ. Альфонсъ, Арагонскій умеръ еще до заключенія мира съ Венеціей. Герцогъ бургонскій состарѣлся, проэктируя о крестовомъ походѣ на празднествахъ своего двора, но въ тоже время опасался властолюбія Людовика XI. Германія была бѣдна и раздѣлена несогласіями. Англію волновали кровопролитныя войны между двумя царственными фамиліями. Итальянскіе государи выжидали одинъ другаго. Взиманіе десятой доли доходовъ, объявленное римскимъ правительствомъ, начинало тяготить народъ. Германскій императоръ оставилъ Венгрію. На призывъ папы римскаго собирались люди безъ значенія и власти. Не смотря на то, сердца изгнанниковъ трепетали отъ радости; имъ казалось, что настала уже минута снова увидать свое отечество и сражаться за его освобожденіе. Но смерть Папы римскаго разрушила всѣ ихъ надежды. Слабый старикъ, истощенный заботами о такомъ великомъ предпріятіи, скончался въ Анконѣ, представляя Европѣ отмстить за такое священное дѣло. Религіозное рвеніе, возбужденное великимъ человекомъ, угасло вмѣстѣ съ нимъ. Нравы болѣе мирныя и торговая дѣятельность охладил стремленіе къ этимъ отдаленнымъ войнамъ. Одни венеціане хотѣли сражаться, потому-что имъ необходимо было защищаться. Они заключили миръ, ибо не надѣялись извлечь изъ войны никакихъ выгодъ. Итакъ, оставленные на произволъ своекорыстной политики, греки продолжали просвѣщать Европу, которая ихъ покинула. Эти апостолы просвѣщенія въ нѣсколько лѣтъ распространили свой языкъ и свою философію по всѣмъ городамъ Италіи. Образцовыя творенія греческой древности, собранныя со всѣхъ странъ, возбудили энтузіазмъ дотошъ неизвѣстный. Исключительная страсть къ древнему духу, овладѣвшая въ то время умами, казалось, затмила національную оригинальность, но она съ большею силой росла подъ этой роскошной сѣнью. Эта эпоха создала великихъ людей XVI вѣка.

Греческіе изгнанники, трудившіеся, надъ просвѣщеніемъ Европы, оставили мало по себѣ славы; ихъ могущество состояло въ словѣ и исчезло такъ же быстро, какъ звукъ ихъ слова. Они распространили вокругъ себя любовь и вкусъ къ просвѣщенію. Они заставили дѣйствовать человѣческой разумъ и спасли самую лучшую половину древнихъ памятниковъ, но сами они не создали для себя памятниковъ. Память объ нихъ исчезла въ славу людей, которымъ они служили примѣромъ и великость заслугъ ихъ предъ міромъ утратила свои слѣды. По смерти Папы римскаго епископъ ираклійскій, не ожидая ничего болѣе отъ Европы, возвратился на Востокъ, для поддержанія вѣры своихъ братій противъ испытаній и рабства. «Только тамъ, говорилъ онъ, я могу искупить мою прежнюю ошибку, о которой мнѣ напоминаетъ Римъ.» Рассказывали, что онъ жилъ нѣкоторое время въ Константинополь и Мореѣ. Его влекло туда чувство состраданія и любви къ ближнему. Онъ узнавалъ о плѣнныхъ христіанахъ, подвергаясь ежедневно чумѣ и турецкому мечу. Кроткій и неустрашимый, онъ успѣлъ смягчить религіозную ненависть двухъ вѣроисповѣданій христіанскихъ на востокѣ, враждовавшихъ даже подъ гнѣтомъ мусульманскаго ига. Онъ подавалъ помощь и тѣмъ и другимъ и проповѣдовалъ Евангеліе. Онъ погибъ въ святомъ трудѣ своемъ. Турки, позволивъ покореннымъ грекамъ выкупать ежегодной податью свою жизнь и право богослуженія, брали однакожъ нѣсколько греческихъ мальчиковъ и приводили ихъ въ мусульманскую вѣру и съ величайшей жестокостью наказывали каждаго христіанскаго священника, который старался внушать дѣтямъ отвращеніе къ отступничеству отъ вѣры. Обвиненный въ томъ, что хотѣлъ обратить изъ исламизма къ вѣрѣ предковъ нѣкоторыхъ изъ этихъ заложниковъ, воспитанныхъ среди азамоглановъ Византіи, Онисифоръ претерпѣлъ ужасныя мученія. Тѣло его, разбитое ударами кузнечнаго молота, брошено было въ море, изъ опасенія, чтобы греки не почтили праха его, но имя его, какъ мученика, осталось священо для Греціи. Еще не зная о славной кончинѣ Онисифора, епископъ эфесскій оставилъ Италію, увлекаемый другою надеждою. На вершинахъ Эпира жили полудикіе пастухи, которые слыли бунтовщиками у византійскихъ государей; племя ихъ никогда не смѣшивалось съ чужеземными варварами; ихъ нравы, ихъ мужество живо сохранили въ себѣ отпечатокъ національнаго духа. Эти греки, которыхъ

и римляне не могли покорить своей власти, смирялись только перед знаменем креста, и это еще болѣе внушало имъ ненависть къ турецкому игу. У нихъ-то искалъ Θεодоръ убѣжища, гдѣ онъ могъ страдать за вѣру и отечество. Высаженный съ итальянскаго судна на берегъ Эпира, онъ прошелъ сквозь опустошенную страну и добрался до горъ, не имѣя съ собой другихъ сокровищъ, кромѣ евангелія и креста. Этотъ воинственный народъ, живя среди опасностей, среди лишеній, въ суровомъ климатѣ, съ радостью встрѣтилъ святаго отца, который имъ казался посланникомъ неба. Ихъ деревни сожжены были въ набѣгахъ жестокимъ непріателемъ и они укрывались въ скалистыхъ пещерахъ и въсколькихъ хижинахъ, грубо сколоченныхъ въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ, лишенныхъ защиты отъ ярости бурь. Ночь проводили на открытомъ воздухѣ, среди разложенныхъ огней, а днемъ безпрестанно должны были сражаться съ янычарами и если попадались въ руки непріателя, то погибали въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Эта суровая жизнь сохранила въ нихъ чувство патриотизма и мужества. Θεодоръ благословилъ небо, пославшее ему возможность раздѣлять такія жестокія испытанія, обѣщавшія ему вѣнецъ мученика. Рассказываютъ, что онъ долго жилъ среди этого воинственнаго племени, которое до-сихъ-поръ еще сохранилось въ горахъ Греціи. Оттуда онъ выходилъ для посѣщенія святыхъ монастырей, покрывавшихъ высоты древней Аркадіи. Онъ оживлялъ вѣру монаховъ, упавшихъ духомъ отъ притѣсненій турковъ, являясь въ ихъ средѣ какъ представитель древней церкви. Торжественны были минуты, когда въ день Свѣтлаго Воскресенія Θεодоръ, священнодѣйствуя посреди дикихъ горъ, окруженный толпою суровыхъ племенъ, громко провозглашалъ великія слова: Христосъ воскрес. Пастухи и земледѣльцы, собравшіеся слушать святое богослуженіе, мнили слышать пророческій голосъ, возвѣщавшій освобожденіе и вооруженіе Греціи. Они твердили эти священные слова и повторяли ихъ утромъ и вечеромъ при свиданіи и разставаньи. Общая радость распространялась отъ святилищъ монастыря Мега-Спилеонъ и вершинъ Аграфа до селеній въ долинахъ, поработанныхъ варварами. Одна религія поддерживала этотъ несчастный народъ и оживляла его надежду. Сколько разъ Θεодоръ въ самыхъ сокровенныхъ убѣжищахъ Эпира и Θεссаліи отправлялъ священные обряды посреди этихъ полудикихъ суровыхъ горцевъ.

Сколько раз онъ оживлялъ въ нихъ твердость во время пораженія и въ побѣдѣ убѣждалъ ихъ быть челоѣколюбивыми. Голосъ Евангелія научилъ этихъ дикихъ грековъ добродѣтели, достойной ихъ мужества. Среди ежедневныхъ взаимныхъ набѣговъ мщеніе ихъ было ужасно, но и тутъ они являлись великодушными и сострадательными къ слабымъ и почтительными къ плѣннымъ женщинамъ. Святой отецъ благословитъ насъ, говорили они. Онъ былъ лицетворенной совѣстью для этихъ грубыхъ и дикихъ людей. Религіей возвратилъ онъ имъ отечество, и когда словами, полными вѣры, онъ представлялъ имъ оскверненіе церкви св. Софїи, золотой крестъ и священный престолъ, разбитые невѣрными, они всѣ клялись умереть христіанами и свободными. Часто на горахъ Эпира и Фессалїи и на вершинахъ Пинда раздавались пѣсни о разрушенїи Византіи. Греки, рабы и сохранившїе свободу, повторяли это поэтическое пророчество, въ которомъ дышала полная надежда христіанской Греціи: «Пресвятая Богородица, царица и владычица, вѣруемъ, придетъ время, придутъ годы, когда городъ и храмы снова будутъ принадлежать тебѣ.» Итакъ епископъ эфесскїй возбуждалъ въ этомъ малозвѣстномъ, но способномъ къ преданности, народѣ, который во время существованїя самой имперїи едва зналъ ее, любовь къ своему отечеству и надежду на освобожденіе. Онъ утѣшалъ себя мыслию, что со временемъ изъ этого дикаго уединенїя явятся мстители креста и освободители храма и предпочиталъ ихъ грубую простоту и чистосердечную вѣру изнѣженности и новому просвѣщенїю запада. Онъ дожилъ до глубокой старости, исполняя свое апостольское призванїе и храня надежду на будущее. Июгда, чрезъ посредничество иностраннаго купца или странствующаго монаха Аѳонской горы, онъ передавалъ извѣстіе о Греціи своимъ соотечественникамъ, разсѣяннымъ въ Римѣ, Флоренціи и Мантуѣ и говорилъ имъ объ этихъ дикихъ грекахъ, вѣкогда презираемыхъ имперїею, между которыми теперь нашелъ онъ отечество. «Старайтесь тронуть ваши просвѣщенные народы, а я воодушевляю своихъ варваровъ. Распространите просвѣщенїе въ Европѣ, а я сохраню религію въ Греціи.»—Онъ умеръ, состарѣвшись въ тягостныхъ трудахъ. Горные пастухи вырубали ему гробницу въ томъ утесѣ, на которомъ онъ жилъ, и раздѣлили одежду его между собою, какъ священные остатки. Евангелїе его тоже было раздѣлено по листкамъ между семей-

ствами этого блуждающаго народа. Они ходили молиться на его гробницѣ, къ которой не допускали приближаться турковъ. Долго послѣ того отцы показывали дѣтямъ камень, на которомъ сидѣлъ святой отецъ; высохшій источникъ, у котораго онъ совершалъ святыя тайны; дерево, на которомъ онъ вѣшалъ образъ Пресвятой Богородицы; вершину утеса, съ котораго одушевлялъ онъ мужество грековъ, и узкое ущелье, гдѣ онъ сохранилъ жизнь плѣннымъ туркамъ; воспоминаше объ этомъ челоувѣкѣ сохранилъ весь народъ. Между-тѣмъ, какъ Греція сама медленно обновлялась, проходя степень варварства, искусства ея просвѣщали западъ. Книгопечатаніе, покровительствуемое Римскимъ дворомъ, сдѣлало извѣстными Европѣ гениальныя созданія Аѳинъ, невѣжество разсѣяное при свѣтѣ этихъ великихъ образцовъ. Такимъ образомъ свершился переворотъ, предсказанный Ласкарисомъ. Что касается до него, то онъ, довольный тѣмъ, что былъ участникомъ въ этомъ великомъ трудѣ, не переставалъ устремлять свой взоръ на Грецію. Это чувство было еще живѣе въ старомъ обожателѣ Платона, Гемистѣ, изгнанномъ изъ своего поработеннаго отечества. Онъ не могъ долго прожить въ Римѣ и Флоренціи и скорѣе рѣшился кончить жизнь свою подъ владычествомъ турковъ, среди аѳинскихъ развалинъ. Его влекла туда какая-то чарующая сила; онъ хотѣлъ умереть въ этихъ священныя для него мѣстахъ, подобно языческимъ жрецамъ древности, которые, во время паденія язычества, когда разрушены были ихъ храмы, идолы низвержены, священный огонь погашенъ, не могли оторваться отъ того мѣста, гдѣ поклонялись божествамъ, несуществовавшимъ уже болѣе. Не раздѣляя этой слѣпой привязанности къ Греческой странѣ, униженной рабствомъ, Ласкарисъ тоже хотѣлъ быть ближе къ своему несчастному отечеству. Видя свои труды по распространенію наукъ увѣнчанными успѣхомъ, видя, что неоцѣненные сокровища, знанія, сохраненныя имъ, стали неотъемлемою собственностію челоувѣческаго рода, Ласкарисъ, не смотря на расположеніе къ нему республикъ и италіанскихъ государей, возвратился въ Сицилію. * Онъ избралъ эту страну своимъ убѣжищемъ, по-

* Нѣсколько писемъ Константина Ласкариса, писанныхъ изъ Сициліи, сохранились и помѣщены были въ каталогѣ Ириарте. Въ нихъ видна любовь его къ искусствамъ и отечеству, которую мы старались описать. Часто замѣтенъ въ нихъ упадокъ духа послѣ долгихъ несчастій. Ласка-

тому-что тамъ скорѣе могъ получать извѣстія о Греціи и могъ принимать несчастныхъ соотечественниковъ своихъ, избѣгнувшихъ преслѣдованія варваровъ. Сицилія была по прежнему чужда просвѣщенія; искусства, сообщающія удобства жизни, были тамъ въ совершенномъ пренебреженіи; употребленіе бумаги очень рѣдко. Ему обязана Сицилія учрежденіемъ школы, впоследствии сдѣлавшейся знаменитою; туда стекались ученики изъ всѣхъ городовъ Италіи и другихъ странъ Европы, даже съ британскихъ острововъ. Благородный грекъ, втеченіе тридцати лѣтъ, со времени паденія Константинополя, жилъ здѣсь печальными воспоминаніями и благородными надеждами, которыя имѣлъ наслажденіе видѣть почти свершившимися. Въ этотъ долгій промежутокъ онъ былъ свидѣтелемъ стремленія Европы

рись сильно обвиняетъ Итальянскіе дворы въ неблагодарности къ нѣкоторымъ ученымъ его соотечественникамъ. Онъ отказывается возвратиться снова въ Римъ, который называетъ новымъ Вавилономъ и жалуется на невѣжество Сициліи, въ которой впрочемъ остается жить. Вотъ отрывокъ изъ письма, писаннаго къ Іоанну Цадра, ученому итальянцу. «Скупость государей была причиной удаленія въ Калабрію Феодора, такъ глубоко изучившаго философію; она заставила бѣжать Андронника, сына Кааиста, на британскіе острова, гдѣ умеръ онъ безъ друзей, Димитрія-возвратиться въ свое отечество и жить въ рабствѣ у варваровъ. Я не говорю о моемъ учителѣ Аргиропулѣ, который терпитъ нужду въ Римѣ и продаетъ постепенно свои книги. Римъ не существуетъ болѣе, теперь нѣтъ уже этихъ великихъ гражданъ, любившихъ латинскую и греческую литературу. Нѣтъ уже Неаполя, афинской колоніи и училища греческаго краснорѣчія, гдѣ римляне черпали образованіе. Все измѣнилось. Эти думы не покидаютъ меня никогда. Взоры мои постоянно устремлены на море, на Харибду и Сциллу и на страшный проливъ. Тяжко мнѣ жить въ этой странѣ; скорблю, что не могу уѣхать отсюда, и самъ не знаю, что мнѣ дѣлать и куда удалиться.» Въ собраніи Пріарте хранится также отрывокъ письма Ласкариса. Это въ родѣ предисловія къ его публичнымъ чтеніямъ. Онъ описывалъ тутъ возродившееся въ новѣйшей Италіи стремленіе къ изученію древней литературы, по прибытіи туда многихъ ученыхъ грековъ, удалившихся изъ своего отечества. Въ томъ числѣ онъ упоминаетъ объ Аргиропулѣ, Феодорѣ Гагѣ, Андронникѣ и Димитріѣ. «Они, говоритъ онъ, и многіе другіе разсѣялись по всѣмъ городамъ Италіи; языкъ греческій въ то время процвѣталъ, изучаемый не только самими греками но и итальянцами, которые считали за стыдъ не знать нашей литературы, такъ-что нашъ языкъ вошелъ въ большее употребленіе въ Италіи. Чѣмъ въ самой Греціи, опустошенной столькими бѣдствіями, и если бы не взаимная ненависть нѣкоторыхъ ученыхъ и не недостатокъ великодушія въ иныхъ государяхъ, то духъ гевіевъ Греціи проявлялъ бы всюду, какъ во времена Римской Имперіи.» Ласкарисъ вспоминаетъ о своихъ усиліяхъ къ распространенію вкуса къ Греческой литературѣ и философіи, и увлеченный восторгомъ, который служилъ единственнымъ подкрѣпленіемъ его посреди тягостныхъ, часто не благодарныхъ, трудовъ, говоритъ: что можетъ быть такъ велико, какъ просвѣщеніе? Чѣмъ можетъ человѣкъ возвыситься надъ другимъ, какъ не науками. Богачъ находитъ въ нихъ украшеніе своего благополучія, бѣднякъ—утѣшеніе въ несчастіи и мужество къ презрѣнію всѣхъ трудностей жизни.

къ освобожденію Греціи. Папы римскіе часто требовали этого, короли давали обѣтъ исполнить это великое предпріятіе, но ничего не было сдѣлано. Смерть Магомета избавила Италію отъ ужаса, но Греція осталась въ оковахъ Баязета. Между-тѣмъ человѣческій разумъ просвѣщался, искусства сдѣлали быстрые успѣхи, промышленность увеличилась и сдѣлалась почти народною. Ласкарисъ получилъ изъ Рима и Венеціи свои творенія, воспроизведенныя новымъ искусствомъ, которыхъ теперь не могло уже сокрушать время. Однажды, Ласкарисъ объясняя своимъ ученикамъ изложенныя въ сочиненіяхъ Платона древнія баснословныя преданія Египта объ островѣ Атлантидѣ, вдругъ узнаеть, что одинъ генуэзскій штурманъ открылъ новую часть свѣта и нашель другое полушаріе, извѣстное въ древнихъ вѣкахъ, угаданное Платономъ. Прекрасная эпоха новой исторіи! Счастливый вѣкъ человѣческаго разума, когда поколѣніе, еще молодое и съ чистымъ сердцемъ, безпрестанно находитъ новыя наслажденія въ наукѣ и новое поприще для ума въ совершаемыхъ открытіяхъ. Старость Ласкариса не ослабила въ немъ юношеской живости и онъ пролилъ слезы восторга, узнавъ объ этомъ новомъ торжествѣ ума человѣческаго. Въ послѣднее время своей жизни онъ часто разсуждалъ съ молодыми иностранцами объ этомъ великомъ переворотѣ и обо всемъ, что свершилось въ Европѣ великаго и славнаго втеченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. Одушевляемый всегда страстью внушать любовь и уваженіе къ искусствамъ и художествамъ, занимавшимъ его еще въ молодости, Ласкарисъ передъ смертію своей повелъ однажды молодыхъ иностранцевъ на тотъ берегъ, къ которому присталъ онъ въ первый разъ, когда бѣжалъ изъ Константинополя. Въ числѣ учениковъ его были наслѣдники тѣхъ благородныхъ италіянцевъ, которые оказали ему тогда помощь. Наиболѣе замѣчательнъ былъ между ними молодой Бембо, сынъ Венеціанскаго сенатора, того самаго, передъ которымъ, на этомъ же берегу, Ласкарисъ столько разъ защищалъ науки и искусства, униженныя разрушеніемъ Греціи. Ученый старецъ съ истиннымъ наслаженіемъ вспоминалъ о своихъ бесѣдахъ при

* Бембо вспоминаетъ въ своихъ письмахъ и разговорахъ на эти 6 годахъ, проведенныхъ имъ въ Сициліи съ Константиномъ Ласкарисомъ. Онъ называетъ его добродѣтельнѣйшимъ и просвѣщеннѣйшимъ изъ людей. «Nihil illo sene humanius, nihil sanctius.» Онъ говоритъ объ его краснорѣчьи, изящномъ вкусѣ въ искусствахъ и высокой философіи. Вотъ какое сильное вліяніе имѣли эти Греки, изгнанные изъ своего отечества на знаменитыхъ людей Италіи.

первомъ посѣщеніи имъ Сициліи, какъ-бы увѣренный, что, до-вѣряя ихъ памяти и уму своихъ воспитанниковъ, онъ пере-дастъ ихъ потомству.—Я скоро долженъ покинуть міръ, говорилъ онъ, и ничего ему не оставлю послѣ себя, кромѣ васъ, но я внушалъ вамъ любовь къ искусствамъ и тѣ благородныя чув-ства, которыя служатъ имъ основой. По смерти моей, вы воз-вратитесь въ отечество свое и устремитесь вслѣдъ за умствен-нымъ движеніемъ, которое, начинаясь теперь съ Италіи, должно увлечь всю Европу. Сколько превосходныхъ твореній разцвѣ-теть теперь предъ вами, какую высокую славу раздѣлите вы съ вѣкомъ. Умъ человѣческій, вдохновенный высокимъ гениемъ древности, теперь увлекается благороднымъ стремленіемъ. Нашъ великій учитель Платонъ сказалъ, что души, пришедшія въ міръ, открывали вновь въ своей памяти все, что знали въ дру-гомъ мірѣ, и что для нихъ познавать, значило вспоминать. Такъ духъ древности становится ежечаснымъ вдохновеніемъ, мыслию временъ новѣйшихъ. Въ упоеніи славой этой счастливой эпохи вспомните о несчастной и поработченной Греціи, вспомните тотъ день, въ который нашъ изгнанническій корабль принесъ къ вамъ памятники древнихъ Эллиновъ. Но вспомнить ли Европа, чѣмъ она обязана нашему отечеству; ужели придется ожидать помощи и освобожденія уже отъ этого новаго міра, только-что возникшаго изъ воли, который, озарившись свѣтомъ древняго просвѣщенія, приметъ участіе въ страждущей Греціи. Ужели просвѣщеніе должно свершить такой медленный путь, чтобы вновь озарить страну, бывшую колыбелью наукъ. Нѣтъ!—про-должалъ Ласкарисъ съ какимъ-то пророческимъ увлеченіемъ,— Европа не уступитъ этой славы. Со временемъ любовь къ ис-кусствамъ пробудитъ чувство мщенія въ наслѣдникахъ гевія нашихъ предковъ!» Не долго прожилъ почтенный старецъ послѣ этого разговора. Смерть его оплакана была въ Сициліи, кото-рой онъ явилъ образецъ смиреннаго знанія и добродѣтельной жизни. Ученики его разсѣялись по Европѣ, унося въ своей памяти слова и высокія преданія Греціи, которая жила въ немъ. Долго сохранялась въ Мессинѣ, въ кармелитской церкви, гроб-ница изъ бѣлаго мрамора, сооруженная первыми гражданами города въ честь Ласкариса, но этотъ памятникъ, впоследствии оставленный въ небреженіи, разрушился. Равнодушіе разруши-тельнѣе самаго времени, и спаситель искусствъ и наукъ Гре-ціи, Ласкарисъ, которому Европа столькимъ обязана, не оста-вилъ никакого слѣда послѣ себя, кромѣ нѣсколькихъ преданій, переданныхъ его учениками, которыя здѣсь по возможности, собраны.

III.

КОНДИТОРЫ.

(СТОЛИЧНЫЙ ТИПЪ).

В. В. ТОЛБИНА.

Между безчисленными и разнообразными вывѣсками, украшающими стѣны петербургскихъ домовъ, вамъ, вѣроятно, случалось встрѣчать не рѣдко также вывѣски въ родѣ слѣдующихъ: «кухмистеръ такой-то приготавливаетъ столы» или «офиціантъ для свадебъ и похоронъ» или просто замѣчать два нарисованные обѣденные судка, въ срединѣ которыхъ красуется, идущій пирамидально въ четыре уступа, пышный тортъ, оканчивающійся какою-нибудь мудрено-придуманною завитушкой, или какимъ-нибудь цвѣткомъ, безъ всякаго дальнѣйшаго письменнаго поясненія, чѣмъ именно занимается хозяинъ сказанной вывѣски. Но имѣющіе нужду знаютъ уже, какой смыслъ заключаютъ въ себѣ подобныя іероглифы. Въ тортѣ въ четыре уступа сокрыто именно особенное значеніе, единою своею чертою отличающее рекомендуемыхъ здѣсь кондиторовъ отъ тѣхъ простыхъ питателей не имѣющаго у

себя кухарокъ петербургскаго человѣчества, которыхъ гастрономическое искусство рѣдко когда простирается выше прелести картофеля подъ разными соусами. Желая рекомендовать читателю этотъ классъ людей, довольно замѣчательный и необходимый для большихъ городовъ, особенно Москвы, просимъ не полагать, чтобы по одному уже слову «кондиторъ» можно было составить себѣ полное понятіе, какое именно лице представляется благосклонному вниманію публики. Очень ошибется читатель, если станетъ думать, что вслѣдъ за этимъ послѣдуетъ обыкновенная жизнь тѣхъ художниковъ, произведеніями которыхъ въ различныхъ сухихъ и жидкихъ видахъ такъ изящно уставлены окна великолѣпныхъ магазиновъ невскаго проспекта. Нѣтъ, это Фодоть да не тотъ, и въ этомъ двойномъ значеніи такого ничтожнаго слова виноватъ русскій языкъ или, лучше сказать, русскій находчивый умъ, умѣющій иногда очень-приличнымъ иностраннымъ словомъ прикрывать такія нѣкоторыя личности и качества, которыя на родномъ нашемъ нарѣчій звучать совершенно не такъ громко и лестно. Вѣдь награждаетъ же иногда русскій человѣкъ почетнымъ званіемъ «артиста» того, кто ловко умѣетъ вынимать изъ чужихъ кармановъ платки; вѣдь преобразилъ же онъ благородное, безкорыстное значеніе слова «à la cher ami» въ «нашерамигу» и придалъ ему этимъ оборотомъ самое неблагоприятное понятіе о способѣ принимаемыхъ услугъ или пожертвованій, — но не томъ рѣчь — что имя? звукъ пустой! сказалъ Пушкинъ; человѣка, какъ бы его не называли, обрисовываютъ вполнѣ только его дѣянія, его занятія, его заслуги — это давно уже извѣстно, и потому я и принимаю смѣлость обратиться къ описанію дѣйствія и заслугъ петербургскихъ кондиторовъ или официантовъ, которые могли бы скорѣе именовать себя декораторами и распорядителями свадебныхъ пировъ и тризнь извѣстнаго слоя общества, усвоившаго будто какое-то убѣжденіе, что безъ участія ихъ всякое угощеніе теряетъ половину своего достоинства и важности, даже нѣкоторымъ образомъ уменьшаетъ и общественное значеніе лицъ, почему-либо пренебрегшихъ обязательными услугами. Слова: «ужинъ былъ кондиторскій» «прислуживали официанты» два генерала даже были, одинъ настоящій, а другой

статскій совѣтникъ — составляютъ для многихъ значеніе *plus ultra* изящнаго и великосвѣтскаго пиршества, не смотря на то, что угощавшіеся на немъ Лукуллы очень часто могутъ прибавить, что хитро-изготавливаемыя кондиторскія яства были не совсѣмъ безукоризненной свѣжести, а кондиторскія вина, не смотря на свои громкія названія, отзывались отчасти какъ будто уксусомъ. Необходимыя люди эти разсѣяны по всему Петербургу, какъ и подобаетъ, потому-что на всякой его оконечности случаются тѣ же рожденія, свадьбы, именины и смерть; но болѣе всего, неизвѣстно почему, кондиторы и официанты избрали преимущественнымъ мѣстопребываніемъ длинное протяженіе Гороховой. Такъ-какъ кругъ дѣйствій и искусства кондиторовъ этого рода ограничивается только чужими домами, то собственныя ихъ жилища почти всѣ вообще довольно малы и грязны; но такая наружная незавидная обстановка не пугаетъ прибѣгающихъ къ ихъ опытности и знанію дѣла. Развѣ только одинъ новичекъ испугается, входя къ этимъ распорядителямъ пиршества, тяжелаго воздуха, пропитаннаго щами и кашей, помышляя о вкусныхъ ароматическихъ блюдахъ, которыми онъ надѣялся удивить гостей своихъ и обязать ихъ должною благодарностью за изящный и великолѣпный пріемъ. Если бы я былъ живописцемъ и пожелалъ нарисовать внутренность образцовой кондиторской квартиры, основываясь на общемъ сходствѣ, я изобразилъ бы маленькую пріемную комнату, пожалуй залу, если угодно, съ закоптѣлыми отъ дыма и времени кисейными драпри, съ неизбѣжнымъ зеркаломъ въ простѣнкѣ оконъ, невзрачною мебелью и старымъ стекляннымъ шкапомъ, на который бы въ особенности попросилъ обратить вниманіе моего зрителя, потому-что внутренность этого шкафа болѣе или мѣнѣе означаетъ средства хозяина удовлетворить лучше или хуже гостепрійнымъ прихотямъ заказчиковъ. Въ такомъ шкапу, какъ въ Ноевомъ Ковчегѣ, заключаются всѣ принадлежности кондиторскаго ремесла, или иѣтъ, лучше и вѣрнѣе сказать, торговли. Въ этомъ новомъ своего рода ковчегѣ красуются по единственной парѣ всѣ тѣ предметы, безъ которыхъ и пиръ бываетъ не въ пирѣ, и роскошь не въ роскошь. Близъ разливательной суповой ложки торчатъ вѣ-

сколько столовыхъ, чайныхъ ложекъ и ситочекъ, стоятъ разные подносы, разнокалиберные подсвѣчники и жирандоли, круглыя картонныя пирамиды съ уступами, коленкоровыя розы и померанцовыя цвѣты, служащія для ихъ украшенія, видимо давно знакомые съ мухами, а среди всего этого, въ ту пору года, когда въ особенности празднуется много свадебъ, преимущественно предъ масляницей и великимъ постомъ, рѣдко у какого кондитора и официанта не красуется ананасъ въ глиняномъ горшкѣ. Листья этого плода уже поблекли, золотистая наружность его сморщилась; корень, поддерживающій граеное яблоко, усохъ и склонился на сторону; но при всемъ томъ, не смотрите съ пренебреженіемъ на это бѣдное растеніе, не принимайте его не благосклонно по его изношенному на службѣ платью. Увѣрю васъ, что если бы, повидимому, уже ни на что негодящійся фруктъ могъ какимъ-нибудь волшебствомъ получить даръ слова, или вести свои записки, онъ могъ бы порасказать вамъ очень, очень многое, и ваше сердце, либо пріятно трепетало, либо болѣзненно сжималось, смотря по тому, какой колоритъ принималъ бы рассказъ растенія; граціозную, тихую ли картину начерталъ бы онъ передъ вами, или сталъ бы описывать ѣдкія слезы, невидимыя даже при яркомъ блескѣ пиршественныхъ огней, и тяжкіе стоны, неслышимые въ груди подъ говоромъ громкой бальной музыки. Вы, вѣроятно, спросите меня читатель: какъ такъ? почему это? На что я буду только покорно отвѣчать вамъ: не знаю. На все и въ своемъ мѣстѣ будутъ слѣдовать пункты, а до того позвольте мнѣ прежде дочертить предъ вами начатый мною рисунокъ въ фламандскомъ вкусѣ. Для полноты аксессуаровъ можно, пожалуй, прибавить рѣшетчатый прилавокъ въ передней съ кудахтающими въ немъ нѣсколькими десятками куръ, да женское любопытное ухо и глазъ, приложенные къ чуть-чуть отворенной двери, ведущей въ семейныя комнаты кондиторовъ, которыхъ ни наружность, ни удобства я описывать не берусь.

Въ кондитерской, официантской торговлѣ, какъ и во всякой другой, существуютъ свои заслуженныя репутаціи и своя болѣе или менѣе значительная извѣстность, особливо въ Москвѣ, гдѣ иные кондиторы удостоиваются чести и до-

вѣрѣя *отпѣть* и *хоронить* не только отцовъ и матерей; но даже, въ свою очередь, готовыхъ быть отцами и матерями чадъ ихъ. Такіе кондиторы не нуждаются въ вывѣскахъ; вмѣсто нихъ говоритъ рекомендація, привычка видѣть предъ собой одно и то же лице, также нежеланіе старосвѣтскаго купечества входить въ сношеніе съ новыми людьми и въ-самомъ-дѣлѣ испытанное искусство и ловкость кондитеровъ. Упомянувъ о Москвѣ, я преимущественно обращаюсь къ типу московскихъ официантовъ, потому-что въ этомъ пословищномъ по своему хлѣбосольству и радушію городѣ, сфера ихъ обязанностей гораздо обширнѣе, потому-что размѣры свадебныхъ купеческихъ угощеній не приняли въ Москвѣ еще границъ той нѣмецкой бережливости и ненужныхъ издержекъ, при которыхъ совершаются петербургскіе свадьбы, особливо не въ купеческомъ кругу. При первой встрѣтившейся надобности, нуждающійся обращается къ кондитору и большею частію ѣдетъ къ нему самъ, нужды нѣтъ, что можетъ-быть тотъ живетъ гдѣ-нибудь на Разгуляѣ, до котораго отъ какой-нибудь Якиманки, Пятницкой или Серпуховскихъ и Калужскихъ воротъ, предстоитъ заказчику дистанція огромнаго размѣра. Привычный глазъ опытнаго кондитора, не смотря на то, что иногда на нуждающихся въ немъ надѣта обыкновенная лисья шуба, тотчасъ послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ вопросовъ и размѣненныхъ словъ, смекаетъ, какого полета залетѣла къ нему птица и, сообразуясь съ этимъ, располагаетъ цѣну, высказывая всю многосторонность своего знанія и искусства. Для почетнѣйшихъ посѣтителей онъ даже готовъ стѣснить свою свободу и съ продолжительными извиненіями тотчасъ же преобразить свою домашнюю наружность, а именно, вмѣсто грязнаго изношеннаго халата облечься въ сюртукъ, тоже впрочемъ далеко не первой свѣжести, не слишкомъ лестно рекомендуя свой хозяина относительно той опрятности и чистоты, которыя должны составлять главныя условія его обязанности.

— Чѣмъ могу служить? начинается онъ, видя предъ собою челоуѣка ему неизвѣстнаго.

— Да вотъ, видите ли, маленькое дѣльце случилось.

— Подавай Богъ! На счетъ свадьбы или похоронъ, ко-

нечно? Или, можетъ-быть, что-нибудь не такъ важное: крестины или поминки?

— Нѣтъ, покуда еще рѣчь пойдетъ объ веселенькомъ — свадебка!

— И того лучше! Подавай Богъ! Можно. Не первую свадьбу на своемъ вѣку расхлебывать. Макара Ивановича, можетъ-быть, изволите знать, или Колотягина, или Сицкова, всѣхъ ихъ я женилъ. А вотъ Петра Ивановича хоронилъ, поминки супруги его тоже на моихъ рукахъ были, какъ прикажете, такъ и будетъ исполнено. Можно совершенно анъ-гранъ, можно, что называется комъ-иль-фо, если, то есть немного поприжаться угодно; а не то, пожалуй, немного и попроще, такъ сказать, подъ-анъ-гранъ, тоже очень прилично, за все беремъ.

Послѣ этого прїѣзжему остается слѣдовательно только объявить свою волю, какого угощенія онъ желаетъ, совершенно анъ-гранъ, комъ-иль-фо, или подъ-анъ-гранъ. Большая часть обращающихся къ извѣстнымъ уже своимъ искусствомъ кондиторамъ, разумѣется, бываютъ люди достаточные, любящіе блестнуть для такого рѣдкаго случая во всю широту русской гуливой природы и потому вопросъ рѣшается на угощеніи самомъ завидномъ.

— А на сколько персонъ? спрашиваетъ тогда кондитеръ и, получивъ отвѣтъ, не затрудняется ни какимъ числомъ гостей, какъ бы оно ни было велико.

— Можно! отвѣчаетъ онъ, хоть на тысячу, такъ у меня слава-Богу достанетъ рукъ. А серебро ваше будетъ? Достаточно серебра изволите имѣть?

— Имѣть-то какъ не имѣть, отвѣчаетъ иной бережливый и предусмотрительный заказчикъ праздника, да вѣдь на этихъ балахъ не ровень иногда часъ бываетъ: мало ли сколько и съ сколькихъ сторонъ неизвѣстныхъ особъ, какъ водится, на свадьбу набьдетъ, такъ не за всякаго ручаться можно. Разумѣется лучше пусть и серебро ваше.

— Найдется и серебро. А вина? Винамъ чьимъ прикажете быть.

— И съ винами, тоже бы не хотѣлось самимъ возиться.

— Разумѣется, достанетъ ли на это времени при такихъ хлопотахъ. На винахъ тоже мы совѣстью не по-

кривимъ. Какую-нибудь марсалу вмѣсто три-мандеры гостямъ не подадимъ. Отъ шампанскаго хоть каждую пробку послѣ показать готовы. Какого-нибудь болдыревскаго или ан-Далиль, капельки не подмѣшаемъ. Наши пролапцы извѣстны... И велѣдъ за этимъ кондитеръ начинаетъ пересчитывать имена всѣхъ лучшихъ иностранныхъ погребовъ въ городѣ. Русскіе фамилии какихъ-нибудь Масленниковыхъ, Тимофеевыхъ, Землиныхъ и тому подобныя, не удостоиваются излетать изъ его устъ, хотя при встрѣчѣ его съ хозяевами русскихъ винныхъ погребовъ трудно бываетъ иногда усомниться въ томъ, чтобы обоюдное ихъ знакомство было только шапочное.

Окончивъ перечень винъ, сортовъ, разумѣтся, самыхъ высокихъ, которыя предполагается употребить въ дѣло, кондитеръ продолжаетъ:

— Цвѣтовъ и деревьевъ, можетъ-быть, въ комнаты также прикажете, али не надо?

— Все, что только требуется, всего надо, что лишнюю копейку жалѣть, отвѣчаетъ роскошный заказчикъ.

— Можно, можно, стало-быть желаете, чтобы все было на чистоту.

— Ну да, однимъ словомъ, пей душа, не хочу!

— Понимаю, понимаю, то есть, съ градомъ, что называется, говоря по-русски, какъ сами изволите можетъ знать. А столъ, какъ прикажете, на два фасона или сплошной?

— Какъ на два фасона? дѣлаетъ вопросъ замоскворѣцкій заказчикъ, не понимающій произнесенной фразы.

— То есть постный и скоромный вмѣстѣ, какой кто пожелаетъ или всѣхъ прикажете угощать, чѣмъ Богъ послалъ.

— Какъ лучше, такъ и поступай! Ваше дѣло, такъ вамъ въ немъ и смыслить.

— Понимаю-сь! Ордевы, антре, антреме, легюмы, все стало-быть, какъ слѣдуетъ.

Не спрашивая даже уже и поясненія, заказчикъ изъясняетъ на все свое полное согласіе и желаетъ знать только цѣну.

— Позвольте сообразить немного на бумажкѣ, отвѣчаетъ кондитеръ и принимается дѣлать свои вычисленія, прерыв-

вая ихъ по временамъ только нѣкоторыми добавочными вопросами, въ родѣ слѣдующихъ:

— Извините, осмѣлюсь васъ затрудить, ананасовъ сколько на десертный столъ, прикажете два или одинъ? такъ ужъ заведено. Что безъ ананасовъ за свадьба! Одни только господа да нѣмцы модничаютъ и этого фрукта не ставятъ. Два будетъ поблагороднѣе и поделикатиѣе; одинъ, какъ водится, предъ женихомъ, а другой предъ невѣстою. Два свѣтъиль на небѣ, двѣ тверди — земная и небесная, два словія — благородное дворянство и почтенное купечество, слѣдуетъ по всѣмъ правамъ благословить два. А задравные тосты, полные или съ пропусками прикажете наливать? А сигарное и трубочное курево потребуется? А недопитыя бутылки въ нашу пользу или въ ваше хозяйство пойдутъ? Мебель кой-какая, напримѣръ стулья, тоже вѣрно съ нашей стороны понадобится? — Изъ прохладительныхъ только чай, или также щиколладъ и кофій прикажете на кости накинуть? А для кучеровъ ни какого съ нашей стороны угощенія не понадобится! и пиво и водка на вашей ответственности будутъ или и этими крохами также намъ прикажете озаботиться; музыкантовъ, разумѣется, также милостію не прикажете обдѣлать...

Наконецъ и эти вопросы покончены, исчисленіе приходитъ къ концу, щетныя косточки, сопровождаемая легкимъ подергиваніемъ губъ, быстро переходятъ съ проволоки на проволоку, подведенъ уже итогъ и вдругъ кондиторъ пріостанавливается и будто укоряемый въ чемъ-нибудь совѣстію, восклицаетъ.

— Простите великодушно, чуть-чуть было про самое-то, то есть настоящее-то и позабылъ—гостей также, вѣроятно, прикажете пригласить. А ужъ какіе два гостя есть, просто хоть какой балъ украсятъ... И при этомъ кондиторъ съ наслажденіемъ цѣлуетъ свои грязные три перста.

Но тутъ пусть позволено будетъ слѣлать маленькое отступленіе и пояснить немного поподробнѣе этотъ, вѣроятно, для многихъ странный и непонятный послѣдній вопросъ.

Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай, говоритъ

пословица. Какъ ни далеко Москва не деревня, а въ ней еще въ очень недавнее время существовали въ нѣкоторомъ слѣдъ купеческаго честолюбиваго общества кое-какіе свадебные обычаи, которые теперь, вѣроятно, являются очень рѣдко, если не совсѣмъ вывелись. Не жалѣя ни чего, чтобы блеснуть угощеніемъ, довольно многіе, желая пощеголять также и гостями, чѣмъ-нибудь могущими привлечь на себя особенное общее вниманіе въ однообразной фалангѣ черныхъ фраговъ и сюртуковъ, не имѣя чести и удовольствія сами быть знакомыми съ такими почетными лицами, налагають на кондитеровъ трудную обязанность приглашать ихъ на свадебные вечера. Памятуя поговорку, что нужда и крайность не разборчивы на небезчестныя законныя средства къ добытію лишняго рубля и основываясь на правахъ давности и счастливыхъ примѣрахъ, кондитеры заискивали расположенія людей, которымъ почему-либо не посчастливилось на скользкомъ поприщѣ почестей. Послѣдніе, говоря словами Чичикова, какъ барка среди житейскихъ волвъ, начавъ свое плаваніе блистательно, поперпѣли наконецъ крушеніе, сваливая все зло на клевету враговъ. Эти-то люди, по своему снисходительному характеру нисколько между-тѣмъ не прочь отъ соблазна лестнаго приѣма, громкаго звука, музыкальнаго шума при появленіи въ двери передней, первыхъ мѣсть въ гостиной наряду съ самыми близкими и уважаемыми родственниками, сытнаго стола, хорошаго вина и прочаго, и прочаго. Вотъ о какихъ гостяхъ напоминали во время оно Московскіе кондиторы и рѣдко когда получали отзывъ, чтобы для вечера, даваемого совершенно *анъ гранъ* и даже даваемого *комъ иль фо*, что въ кондитерской табели о достоинствѣ пира означало второстепенный разрядъ, не оказывалось непременно нужды въ заслуженныхъ и украшенныхъ почитателяхъ.

— А что цѣна? спрашиваетъ напоследокъ заказчикъ свадебнаго вечера, когда всѣ необходимыя обстановки пира разъяснены и введены въ счетъ.

Кондиторъ заламываетъ по русскому обыкновенію — лучше прежде перемолвить, чѣмъ не домолвить, разумѣется чуть ли не баснословную цѣну.

— Сто рублей съ персоны! меньше нельзя взять ни копейки, безъ убытка себѣ, произносить онъ рѣшительно.

— За что это! восклицаетъ заказчикъ, ошеломленный такую огромную требовательностію. Вѣдь не золотомъ же ты будешь кормить! Птичьего молока что ли въ бутылки нальешь?

— Извольте расчитать, такъ увидите, что и безъ золота и птичьего молока меньше обойтись не можетъ.

И вслѣдъ за тѣмъ начинаются представленія логическихъ доводовъ съ одной стороны и таковыя же, менѣе логическія возраженія, съ другой.

— Извольте только сообразить, какой столъ требуется изготовить; вѣдь вы желаете столъ почти-что княжескій, представляетъ въ свою очередь кондитеръ. Надъ нимъ вѣдь надо будетъ голову поломать, полгорода за матеріалами объездить; обстановка какая вѣдь будетъ! Прошу только прислушаться. *Филе, убранный цвѣтами*—фил— это, то есть, такого сорту блюдо—съ, два ваза—фарфоровые, два жирандоля, два горшка съ цвѣтами, два антре близъ горшковъ цвѣточныхъ, два чаши хрустальныя, побочъ антре, антре по бокамъ стола и угламъ, два ваза померанцовъ сбочъ роти, четыре салада къ замкнутію блюдъ, четыре малые жирандоля внутри стола. А блюда? я вамъ вѣдь какого-нибудь обыкновеннаго *галимафре* вмѣсто маіонеза не посмѣю поставить. Ужъ проще *принцессы съ мозгомъ* блюда не будетъ, положитесь на совѣсть. При этомъ странномъ названіи неизвѣстнаго кушанья заказчикъ открываетъ отъ удивленія ротъ и выпяливаетъ глаза.

— Это родъ запеканнаго кушанья въ формахъ, называемыхъ *принцесса*, по которымъ и прозваніе свое имѣетъ, поясняетъ кондиторъ, замѣтивъ неестественное выраженіе своего посѣтителя. Можно ее сдѣлать также изъ *Дофинаго* сладкаго мяса съ эссенціей.

И вслѣдъ за этимъ изъ губъ кондитора начинается литься непрерывнымъ потокомъ перечень другихъ блюдъ, почти столько же удивительныхъ по заглавію, какъ и *принцесса* съ мозгомъ. Тутъ слышатся *карды съ жюсомъ*, *рамекины*, *малый кроканъ*, *тимболъ съ голубями*, *голуби въ халатахъ*, *утка глобусомъ*, *яица въ сюртукахъ*, *бенъеты любовнымъ озеромъ*, *протофиль изъ раковъ*, *волынки по султански*,

шали по Мартынову, бархатный кремъ, курица черепахою по Монтморенсову, гато въ соусъ, называемомъ по утру проснувшись и разныя другія яства, по номенклатурѣ старинныхъ поваренныхъ квигъ. Петербургскіе кондиторы, воспитанные подъ вліяніемъ французскихъ метръ д'отелей, не прибѣгаютъ, для приданія своимъ заслугамъ большей важности къ такимъ кудрявымъ названіямъ, но за то въ ихъ *carte de menu* красуются *барфаламодъ*, *флутуръ петуша*, *пизжомердомель Крембурле*, сирѣчь *boeuf à la mode*, *fluture aux patés chauds*, *pigeon à la maitre d'hotel*, *crème-brulée* и прочія, также оригинально передѣланныя русскимъ языкомъ на свой ладъ, произведенія новѣйшей французской кухни.

Озадаченный всѣми подобными, въ первый разъ поражающими его слухъ названіями блюдъ, заказчикъ начинаетъ немного колебаться и предлагаетъ, ужъ такъ и быть, раздѣлить грѣхъ пополамъ.

— Ну, ужъ такъ и быть, очертя голову пятьдесятъ, произноситъ онъ, схватывая насильно руку кондитора и приударяя по его ладоши, въ знакъ ничѣмъ неоспариваемаго согласія.

— Нельзя, возражаетъ упрямо кондиторъ, и радъ бы да нельзя; исторія все такія, извольте видѣть, цѣнныя выходятъ, что шагъ назадъ попятиться грѣхъ будетъ.

— Полно про Бову-то королевича, голова, толковать, вѣдь не жаръ же птицу заправду подъ бланманжеемъ подашь, продолжаетъ усовѣщевать посетитель.

— А что вы, напримѣръ, про рябцовъ въ это время скажете? По сорока копѣекъ за пару извольте заплатить, а иѣтъ, такъ снимайте картузь да раскланивайтесь. Да, такъ-съ. Вотъ вамъ и не жаръ птица, а посмотрите, какъ кусается.

— Нѣтъ, и за сорокъ копеекъ, такъ еще придется довольно кланяться, голубчикъ, только возьми, раздается вдругъ, въ подтвержденіе словъ кондитора, невидимый голосъ.

Заказчикъ оборачивается и видитъ, что вмѣсто прежде замѣченнаго уха, изъ полурастворенной въ другія комнаты двери высунулась уже цѣлая растрепанная женская голова. Это проговорила кондитерша, слѣдившая за ходомъ

подряда и радѣющая объ интересахъ своей дражайшей половины.

— Вотъ изволите видѣть, что кажется такое—баба, а и та смѣкаетъ. А про пѣтушки гребешки что скажете, а про лимоны позабыли, не бось теперь не пойдешь, да изъподъ снѣгу ихъ не выщипишь. Надо все совершить такъ, чтобъ лицомъ въ грязь предъ самимъ собой не ударить. На салатахъ, повѣрьте, душой не покривлю, обыкновеннаго латука не подамъ, а выбирайте хоть кудрявый монтрей, хоть версальскій праль, хоть принцевъ, хоть римскій качанный, хоть великій Моголь, хоть портулакъ. Куръ тоже вамъ какихъ-нибудь чахоточныхъ не представлю, а отъ своего завода подамъ. На одномъ мякишѣ всѣ до одной съ малолѣтства воспитаны; что ни курица, то просто король, хоть сами полюбопытствуйте. Стеша! поди-ка притащи сюда хоть хохлушку, знаешь ту?—ну хоть рябинькую-то хохлушку, понимаешь?

— Не одѣта, не ловко, раздается вторично голосъ спрятавшейся вновь за дверь растрепанной головы.

— Велика важность, не осудимъ. Вѣдь не на контрадансѣ же тебя приглашаютъ; парчу что ли тебѣ еще изъ-за курицы на себя надѣвать. Тремай!

И въ-самомъ-дѣлѣ, не смотря иногда на отказъ заказчика, кондиторъ, радѣющій о своей репутации, продолжаетъ твердить, что любить показать свой товаръ лицомъ и рябенъкая хохлушка приносится.

— Вотъ извольте полюбоваться, какова статья! произносить самодовольно кондиторъ, повертывая курицу и поддувая на ней перья. Полюбуйтесь, нѣжность—то какая, жиръ—то какой, удивленія достойны, будто кто всю шкуру янтаремъ подложилъ; не погнушайтесь хоть сами ощупать.

Курица обыкновенно оказывается въ-самомъ-дѣлѣ достойною вниманія въ отношеніи искусства откармливанія животныхъ; но если бы пришлось ее осматривать какому-нибудь такому же кондитору; то по многимъ синевамъ, покрывающимъ ея кожу, онъ сильно сталъ бы подозрѣвать, что бѣдная рябенъкая хохлушка не впервые разъ подвергалась такому инспекторскому осмотру.

А какъ ужъ я бы вамъ такихъ подобныхъ мамочекъ

приготовилъ, продолжаетъ соблазнять кондиторъ. По Шамбардову бы, ей Богу, приготовилъ, гарнировалъ бы маленькими цыплятами, гласированными рябчиками, труфлями, крупными раками. Или бы представилъ вамъ по Маршалеву, или по Бургиньотову.

— Пять рублей ребятамъ на калачи, такъ и быть, ужъ надбавлю, произносить заказчикъ.

— Пять рублей не деньги, возражаетъ кондиторъ, слѣдя за написаннымъ имъ счетомъ и за статьями, входящими въ угощеніе. Вотъ напримѣръ фрукты—не разъ же прикажете ими обносить; требуется два или три. А ананасы? не на одно вѣдь поглядѣнье, какъ другимъ, вамъ поставлю; глядишь, вотъ ужъ гости десять рублей и скушали. А задравные тосты? Полные вѣдь приказывали. Не за однихъ молодыхъ и ихъ тятенекъ и маменекъ, чай, подносить; а глядишь, тутъ и дяденьки и тетеньки наберутся, а если дѣлать, какъ слѣдуетъ, такъ не только за шаферовъ, но и за ихъ родню нужно будетъ подать. Море вина выдетъ.

— Ужъ такъ вотъ у тебя и море! Купаться, что ли въ самомъ-дѣлѣ будутъ? возражаетъ посѣтитель.

— Купаться не купаться, а слѣдовать будетъ подавать каждому, покуда въ горло войдетъ, если угодно, чтобы все было по чести. Какіе будутъ гости. Вотъ посмотрѣли бы у Ивана Еремѣича. На лѣстницу послѣ бала чуть выползли и тутъ кричатъ, подавай. А серебро, какъ вы полагаете, стоитъ чего-нибудь или нѣтъ? Вѣдь это не какой-нибудь ней-металъ, а восемьдесятъ-четвертая проба.

— Такъ чтожъ, что восемьдесятъ-четвертая, возражаетъ заказчикъ, вѣдь ее не съѣдятъ.

— Если бъ только съѣли, такъ такъ ужъ бы, кажется, и быть. На зоровье, а то хуже. Сама разсуждали, что мало ли какихъ и со сколькихъ сторонъ гостей понаидеть. Иного ни хозяйинъ, ни хозяйка, да можетъ быть, даже и изъ родни-то никто не знаетъ. Такъ самъ можетъ-быть откуда-нибудь съ вѣтру придетъ на огонекъ. Натанцуется, напьется, насытится, да тутъ же въ знакъ спасибо и памяти и наблюдать, глядишь, что-нибудь ошибкой въ карманъ и опуститъ. Не посмѣешь cadaго обыскивать. Сюда обернешься, благородное дворянство, туда посмотришь, почетное кунечество—

на лбу ни у кого не написано, точно ли онъ тотъ самый. Такой же фракъ, такой же хохоль,—узнавай, поди. Взовешь только блугой, да съ тѣмъ и возьми. Слышали вѣрно, что у Петра Михѣича на банкетѣ случилось. Чуть-чуть было одинъ благодѣтель у самой невесты брилліантовую брошку не подгиликалъ. А еще молодчина-то какой. Видѣ такой почтенный, что и подозрѣвать было нельзя. Усищи, какъ у Моржа; пятерня такая, что кажется арбузъ въ нее захватить, такъ не увидишь. Въ наемной каретѣ прѣхалъ, а какъ потомъ шмыгнулъ отъ срама, такъ и карету забылъ и пришлось за нее еще хозяину расплачиваться. Молодымъ спать пора, а извозчикъ лезетъ съ пьяну и кричитъ, либо деньги подайте, либо барина, да потомъ чуть не карауль. Спрашивать потомъ, спрашивать; кто пригласилъ, кто привезъ? Чортъ на хвостъ!... А фарфоръ, а хрусталь, а мебель, тоже вѣдь не чугунные, согласитесь. Не равенъ часъ; какого характера компанія. Вотъ у купца Зюзикова, можетъ изволите знать, такъ не только хрусталя, двухъ дюжинъ стульевъ не досчитались.

— Драка, что ли была?

— Нѣтъ, избави Богъ! А такъ! Весело слишкомъ было. Друзья и родственники подъ конецъ, когда дамы уѣхали, въ холостой компаніи ужъ черезъ-чуръ сильно разчувствовались. И давай ломать, что подъ руку попало. Что, говорить и за свадьба безъ веселья, что бы чернецами себя вести, Богъ дастъ, говорить, дождемся еще похоронъ... Такъ то-съ! Ну, о прочемъ, напримѣръ о кучерахъ, беспокоить не буду. А на счетъ музыкантовъ, тоже смѣю доложить, что не копейкой пахнеть. Пиво, можетъ-быть, скажете, не велика вещь.—Нѣмцы почти все, Нѣмцы пропорцію свою знаютъ. Вотъ то-то же, что не въ этому учены. Инаго, вѣрьте Богу, нельзя безъ намордника допустить. Цѣлую дюжину, безсовѣстный готовъ выцѣдить. — А что вы, напримѣръ, про два визита, которые приказали вамъ представить, думаете? Сотнею будетъ мнѣ пахнуть, да за то ужъ, правда, изъ всей компаніи одни такъ кометами по комнатамъ и засвѣтять. Меньше пятидесяти рублей каждый изъ нихъ за снисхожденіе не возьметъ, да еще карету имъ и туда и обратно поди нанимай. На простомъ извозчикѣ не пойдутъ, достоинство не позволяеть. Да еще

при всемъ этомъ надо уметь каждаго на разныя условія уломать, а не то, чего добраго, глядишь и зубы наколотятъ, и жаловаться ни куда не пойдешь. А ужъ люди какіе золотые, я вамъ доложу. И польскій съ невѣстой пройдутъ, и съ старушками побалагурятъ, и тятенекъ комерціей займутъ, обходиться будутъ со всеѣми вѣжливо, гордости ни передъ кѣмъ ни какой не покажутъ и до самаго общаго разъѣзда останутся. Такіе люди за какую-нибудь двадцати-пяти рублевку носомъ не моргнутъ. Да притомъ я знаю, вамъ необходимо, что бы они были при всеѣхъ своихъ достоинствахъ, такъ что имъ за охота изъ-за ничтожнаго подарка достоинства свои терять. Пожалуй, можетъ-быть, другой кто и подешевлѣ возьмется почетный визитъ пригласить, да глядишь потомъ съ нимъ и заплачешься. Случился же вѣдь такой пассажъ у Тютикова. Финогеновъ ему довольно важнаго гостя завербовалъ, только-что тотъ изъ Вятки сюда пріѣхалъ; лѣтъ пять онъ тамъ по какимъ-то дѣламъ скучать долженъ былъ, говоритъ—и благодарность, какъ водится, самую щедрую впередъ представилъ, и условлено обо всеѣмъ на честномъ словѣ было, а гость ничего и не выполнилъ. У хозяина чуть ли не со втораго слова началъ денегъ въ займы просить, тотъ, разумѣется, послѣ этого отъ него лисой улепетывать, а онъ за это знать и осерчалъ; началъ на всеѣхъ чуть не плевать: тотъ мужикъ, отъ того тешкой пахнетъ, та кукла китайская, да послѣ перваго бокала тягу и далъ. Пришлось дѣло невѣстину маменьку къ столу вести—глядь-поглядь, сокола и слѣдъ простылъ.—Вотъ если похерить что-нибудь угодно — другое дѣло. Заздравные тосты посократить, ананасы не подръзывать, чтобъ для другихъ добрыхъ людей годились, фрукты не цѣльные, а четвертками подавать, винъ на буфетъ не ставить, а подчивать гостей рюмочками, когда будетъ честь приложена, да еще кое-что изъ мелочей, пожалуй, можно будетъ съ сотенной уголь сбавить...

Но заказчикъ остается непреклоненъ; онъ накидываетъ на кости еще пять рублей, клянется, что больше не дастъ ни копейки и берется за шапку.

— Да вы пожалуйте хоть дѣтей-то моихъ, упрашиваетъ

кондиторъ; за чтожъ дѣтей-то моихъ стану я для васъ грабить. Убей Богъ чистое разореніе.

— Вотъ-те Святая Троица, шестьдесятъ рублей ассигнаціонныхъ, и молочокъ.

— Чтобъ съ мѣста не сойти, полущки меньше взять не лъзя: право потомъ сами жалѣть будете, или пойдете къ другимъ.

— Какъ истинный христіанинъ, сказано изъ шестидесяти не выйду и слово свято.

— Ну, хоть бабъ на кофей чтонибудь соблаговолите прибавить.

— Ни на одно зернышко.

— Ой ли ужъ такъ жестоки!

— Ужъ такого мать родила. Ну такъ какъ же?

— Изволили слышать — побожился.

— Счастливо оставаться.

— Жаль хорошаго человѣка отпускать, а нечего дѣлать.

— Смотри въдъ уйду, знаешь—клятва великое дѣло.

— И плачешь да отпускаешь, самъ всегда религію исполняю. Все, что только могу для васъ сдѣлать: угодно восемьдесятъ? право изъ одной вѣжливости.

— Эхъ, хорошій ты человѣкъ, вижу я, нечего дѣлать, пусть еще тебѣ два съ полтиной въ карманъ идутъ.

— Да принатужтесь еще немного, явите Божескую милость.

— Нѣтъ ты маленько, удила-то поослабь, а то больно съ норовомъ.

— Боюсь, жена съчь будетъ, дѣти взвоютъ.

— Ну, прости вамъ Богъ! такъ ужъ и быть!

— Идетъ?

— Чтò съ вами дѣлать! Авось впередъ не забудете.

И торгъ заключенъ. Но кондиторъ себѣ-на-умѣ. Ему хочется поддержать свою репутацію и остаться при всемъ томъ въ барышахъ. Взятся онъ за многое и многое точно стало бы ему очень дорого, если исполнить все добросовѣстно; а для этого у него не достаетъ ни того, ни другаго, ни третьяго.. Кондиторы были бы иной разъ въ большомъ затрудненіи, если бы у нихъ, какъ у гробовщиковъ, не существовало между собой какой-то корпораціи, въ силу которой они обязаны не перебивать понижені-

емъ цѣны заказа, полученнаго уже кѣмъ-нибудь изъ нихъ и также какого-то товарищества, по которому они снабжаютъ другъ друга всѣмъ нужнымъ и недостающимъ. Изъ разныхъ концевъ города собираются они каждый день въ какомъ-нибудь одномъ привычномъ трактирѣ и тамъ, за нестоимымъ кипяткомъ, сообщаютъ взаимно извѣстия и опредѣляютъ цѣны, ниже которыхъ уступать не слѣдуетъ, для избѣжанія общаго подрыва. Въ это-то сборное мѣсто спѣшитъ обыкновенно нуждающійся въ чемъ-нибудь кондитеръ.

— Съ чѣмъ Богъ посылаетъ? раздался общій вопросъ.

— Работишка наклюнулась.

— Выгодная.

— Живетъ себѣ. Покипятился только немного.

— А все-таки навару останется кое-какого?

— Можно-таки будетъ кое-какую ушицу сварить; только безъ друзей не обойдется. Четыре дюжины ножей потребуетъ. Есть ли у кого свободные?

— На какой день?

— Да въ среду.

— Трудненько! У Макарова поминки на рукахъ. Памфиловъ именинный обѣдъ готовить. У Рамезова развѣ, да врядъ ли у него больше дюжины наберется.

— Да мнѣ къ вечеру.

— Другое дѣло. Вычистить только успѣютъ ли.

— Въ этомъ большой нужды нѣтъ. Что можно вычистить, то вычистимъ, а то такъ оботремъ. На заднемъ концѣ съѣдятъ и такими. Да кстати, не возьметъ ли кто ротъ на аферу?

— На сколько?

— На сто персонъ.

— А что нужно?

— Все рябчиковъ бы слѣдовало, да можно будетъ, пожалуй, немного куропатокъ подпустить. Извѣстно, какіе знатоки, половина не догадается, что въ горло пошло.

— Свѣжину всю?

— Ну кое-какихъ, пожалуй залежалыхъ приложить можно. Послѣ разсортируемъ, да похуже и сбудемъ на половину гостей, что похуже найдутся. Столы-то, видишь, накрыты разные будутъ, такъ были бы хозяева, да ближ-

няя родня довольны, а остальные вѣдь жаловаться же не стануть. Да не хочеть ли кто также вина на себя взять?

И вина берутся также иногда на аферу; въ сборномъ трактирѣ, будто на какихъ настоящихъ торгахъ, происходятъ часто сдѣлки и передачи и опредѣляется отступная цѣна. Тутъ также кондиторы, не пускающіеся въ большіе заказы и приготовляющіе столы для небогатыхъ свадьбъ, покупаютъ съ уступкою остатки различныхъ винъ и другихъ необходимыхъ предметовъ угощенія, въ полной увѣренности, что тотъ кругъ общества, который они будутъ всѣмъ этимъ подчивать, не будетъ очень взыскателенъ и что смѣшанныя вина, съ ярлычками лучшихъ иностранныхъ погребовъ и громкими названіями, переклеенными съ пустыхъ бутылокъ, вмѣстѣ съ смѣшанными вареньями, будутъ уничтожены съ такимъ же аппетитомъ и удовольствіемъ, какъ самыя дорогія и лучшія. Случается иногда, правда, на подобныхъ кондитерскихъ вечерахъ маленькіе промахи и нечаянности, но они не могутъ уже никакъ уничтожить общей гармоніи порядка и веселія. Случается, что по ошибкѣ какого-нибудь торопливаго поваренка, наклеившаго въ разсѣянности на одно вино совершенно другою ярлыкъ, вдругъ полетѣтъ какому-нибудь неприхотливому гостю изъ мадерной бутылки прокислый херестъ, или двѣ, въ одно и тоже время съ одной десертной тарелки вкушающія варенье, дамы воскликнуть съ полною похвалою, одна: ахъ, какое вкусное малиновое варенье, а другая: ахъ, какія сладкія вишни, и обѣ готовы спорить, что каждая права, не ошиблась и обѣ точно будутъ правы и не ошиблись, потому-что по той же причинѣ разсѣянности и поспѣшности, какъ и вино, варенье малиновое и вишневое тоже бываютъ перемѣшаны—но гдѣ же не бываетъ грѣха и ошибокъ, такъ почему жъ не смотрѣть на нихъ снисходительно гостямъ. На этихъ-то неприхотливыхъ свадьбахъ, гдѣ подъ конецъ упрядняются и гости, и сами официанты; гдѣ красуются на столѣ передъ невѣстою въ полной неприкосновенности тѣ анацасы, поставляемые по уговору кондиторами только для придація большаго блеску, которымъ суждено бываетъ, послѣ многихъ подобныхъ вечеровъ, простоявъ въ кондитерскихъ шкапахъ, попасть, наконецъ, только ужъ ни сколько не для прида-

ніа аромата, а тоже для виду и лучшей обстановки, въ кондиторскій праздничный пуншъ.

Съ гостями, которыхъ принимаютъ на себя обязанность приглашать кондиторы, поступаютъ они съ большею предусмотрительностію и самою почтительною вѣжливостію. Посреди всѣхъ своихъ хозяйственныхъ хлопотъ, они улучаютъ часъ самый ранній и послѣ робкаго звонка, осторожною поступью входятъ въ переднюю.

— Нельзя ли доложить, барину, что молъ такой-то кондиторъ по дѣлу пришелъ, — говоритъ кондиторъ лакею, иногда совершенно ему уже незнакомому, потому что — неизвѣстно достоверно по какой причинѣ — но только лакеи у многихъ почетныхъ кондиторскихъ знакомыхъ мѣняются довольно частенько.

— Дома нѣтъ, отвѣчаетъ обыкновенно лакей, поглядывая испытующимъ видомъ на ранняго пришельца.

— Въ восемь-то часовъ дома нѣтъ, вотъ нашелъ сказывать. Почиваетъ, что ли, такъ подожду.

— Говорятъ дома нѣтъ, послѣ когда-нибудь придете.

— Да чудакъ, дѣло — то важное.

— Что жъ дѣлать! выѣхавши.

— Да ты можеть что думаешь!

— Чтò мнѣ думать; извѣстно, чтò я думаю. Знаете, чай, когда пенсію получаемъ, ну тогда и приходите.

— Да чудакъ, вѣдь я не за долгомъ.

— На кривомъ не объѣдешь!

— Ей-Богу, правда, сходи доложи, чайкомъ напою. Для барскаго же интереса, нивѣсть откуда прибрелъ. Вотъ самъ увидишь.

Наконецъ кондиторъ впущенъ и съ низкими поклонами подступаетъ къ нужному ему лицу.

— А! встрѣчаетъ оно его. Чтò скажешь?

— Да къ вашей милости маленькая просьба есть; окажите благодѣяніе, люди такіе добрые, прекрасные.

— Въ посаженные отпы, что ли?

— Нѣтъ-съ полегче, одолженіе только вечерокъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ.

— Къ кому?

— Къ купцу къ одному.

— Съ капиталомъ!

— Есть, должно полагать, маленькій, отвѣчаетъ уклончиво кондиторъ, опасаясь, по своей подозрительности, откровеннымъ признаніемъ возбудить ужъ какъ-нибудь черезчуръ сильно корыстолюбіе въ нужномъ ему человѣкѣ.

— Что жъ, пожалуй, не прочь.

— Много обяжете. Во всемъ только полнымъ туалетъ просили.

— Можно, если люди точно хорошіе.

— Въ пятьдесятъ рублей подарокъ прислали, подтверждаетъ кондиторъ, по безотчетному чувству уваженія не смѣя прямо сказать, что у него уже готовы чистыя деньги.

— Гм! что-то не здоровится, произноситъ потягиваясь уважаемое лицо, не желая въ свою очередь явно показать, что ему лестнѣе бы было получить подарокъ по значительнѣе.

— Ужъ какъ-нибудь попринудьте себя, сдѣлайте милость, карету ужъ такую спокойную за вами пришлютъ.

— Пожалуй, а подарокъ съ тобой, вѣдь соловья баснями не кормятъ, знаешь?

— Со мной-съ!

— Давай.

— Извините, только половина покуда.

— Охъ, что-то спина сильно побаливаетъ!

— Сдѣлайте вашу милость, вѣдь вы меня знаете; не въ первый разъ дѣла дѣлали, не обману.

— Знаю, знаю, но все-таки бы лучше все теперь.

— Какъ только въ двери взойдете, остальное получите. Не получите, можете вернуться. Я одинъ въ накладѣ останусь.

— Присылай карету!

— Много одолжили. Невѣсту Анисья Ѳедоровна зовуть-съ, батюшку ея Ѳедоръ Петровичъ, маменьки нѣтъ-съ. Вотъ и записочка-съ, чтобъ не забыли. И съ этимъ кондиторъ вручаетъ приглашаемому длинный списокъ, въ которомъ подробно означены имена всѣхъ тѣхъ, съ которыми гостю слѣдуетъ обходиться такъ коротко и безцеремонно, какъ будто былъ знакомъ съ ними нивѣсть съ какихъ поръ.

- Итакъ, стало-быть, начинается почетное лице...
- Съ невѣстой польскій удостоите пройти, да со старушками поближе, которыя хозяину съ родни доводятся, а потомъ, извѣстно, съ однимъ слово, съ другимъ.
- Знаю, знаю, — не въ первый разъ.
- Здоровье ваше пятымъ будутъ пить, тотчасъ послѣ ближнихъ родственниковъ... Такъ ужъ, сдѣлайте милость, не занемогите только.
- Нѣтъ, отчего же занемочь. Прощай да помни, — въ дверяхъ, въ самыхъ дверяхъ, а не то танцуйте безъ меня.
- И кондиторъ уходитъ, очень довольный своимъ успѣшнымъ посѣщеніемъ.
- На незатѣйливья и не на широкую руку празднуемая свадьба, но между-тѣмъ къ немѣнѣ честолюбивымъ хозяевамъ, мелкіе кондиторы также иногда приглашаютъ почетныхъ гостей, но уже безъ всякой иной благодарности, кромѣ приличнаго угощенія.
- Для этого у нихъ всегда есть про запасъ нѣкоторыя добрыя знакомыя, къ которымъ они, въ случаѣ надобности, заходятъ будто бы нарочно изъ желанія доставить случай пріятно провести время.
- Десять верстъ почти кругу сдѣлалъ, только бы повидаваться съ вами, замѣчаетъ кондиторъ. Баломъ однимъ, знаете, я распоряжаюсь, такъ думаю: какъ можно, чтобы такой благородный, пріятный человекъ не скрасилъ моихъ хлопотъ своимъ присутствіемъ. Прошу покорно ужъ не откажите или потанцовать, или въ карточки поиграть.
- Спасибо, спасибо, въ карты, пожалуй, отчего же не поиграть, а ужъ за танцы спасибо; такъ всю поясницу отъ сидячей жизни разломило, что и ходишь-то точно какъ будто тебѣ или палокъ надавали, или ты аршинъ проглотилъ.
- Ужъ хоть польскій одинъ съ невѣстою не откажитесь пройти, отъ этого немного лишняго здоровья убавится.
- Польскій, пожалуй, куда ни шло; каждодневное путешествіе, вѣдь тотъ же почти польскій!
- Только, пожалуйста, отличіе ваше не позабудьте. Сдѣлайте честь и удовольствіе хозяину; куда добрый и благодарный человекъ, я вамъ доложу.
- Пожалуй!
- Такъ, стало-быть, можно надѣяться?

- Всего довольно будетъ, а?
- Повѣрьте, что такъ уkontентую, если пожелаете, что ножекъ не будете въ состояніи поволочь.
- Илетъ!
- Слѣдовательно можно остаться въ полной надеждѣ.
- Сказано, слѣдано!
- Нѣтъ ужъ для совершеннаго спокойствія скажите пароль-донерь.
- Ужъ кончено, говорить.
- Такъ пароль донерь?
- Пароль-донерь!
- Очень благодарень! про отличіе только, пожалуйста, не позабудьте.

Но хлопоты кондитора не оканчиваются еще приготовленіемъ пиршества и приглашеніемъ приличнаго общества. Ему необходимы кромѣ всего этого помощники въ его распоряженіяхъ, собственно такъ называемые официанты. Кондиторскіе слуги эти большею частію извѣстны и приглашаются изъ барскихъ домовъ, снабженныхъ многочисленною прислугой. Всѣ они являются въ собственномъ своемъ платьѣ, бѣломъ галстукѣ, бѣломъ жилетѣ и даже въ бумажныхъ вязаныхъ бѣлыхъ перчаткахъ. Кондиторъ называетъ всѣхъ ихъ полнымъ именемъ и прозвищемъ; обходится весьма дружелюбно и вѣжливо, вполне надѣясь на ихъ ловкость, акуратность и честность и если случается ему замѣтить когда у кого-нибудь изъ нихъ оттопыренный фрачный карманъ, никогда рука его не любопытствуетъ провести вдоль по фалдѣ, чтобы узнать, отчего именно можетъ происходить такая неподобающая возвышенность: отъ худо ли сложеннаго собственнаго платка официанта, или отъ какого-нибудь посторонняго, только-что въ тотъ лишь вечеръ, благопріобрѣтеннаго предмета. Съ другими официантами, нанимаемыми кондиторами на большіе вечера и большею частію людьми незнакомыми, обхожденіе ихъ становится совершенно другимъ. Даже къ официантамъ, снабженнымъ рекомендаціею, кондиторы бывають какъ-то недовѣрчивы и обременяють ихъ многими вопросными пунктами, которые къ счастью нанимающихся не очень затрогивають ихъ амбицію и почитаються за весьма обыкновенные.

— Паспортъ есть? спрашиваетъ кондиторъ предлагающаго ему свои услуги.

— Есть.

— Давай его сюда!

— Да точно ли онъ тамъ прописанъ, гдѣ показано, можетъ-быть на этой квартирѣ тебя поминай какъ звали и ты числишься за городомъ, спрашиваетъ недовѣрчиво кондиторъ, осматривая внимательно паспортъ со всѣхъ сторонъ.

Нанимающійся принимается божиться всѣми святыми.

— Ладно, ладно, прерываетъ кондиторъ, какъ ты не божись, а я все-таки съ тобою малаго до квартиры пошлю, чтобы онъ твою божбу своими глазами да языкомъ повѣрилъ. Не деревяшки, а серебро, вѣдь, на твоихъ рукахъ будетъ, такъ знаешь, все лучше хорошенько по чести сдѣлать, чтобы потомъ другъ на друга не плакаться. А что, какое полагаешь вознагражденіе.

— Впрочемъ ужъ вамъ цѣна извѣстна.

— Ни сколько; у насъ цѣна разная, смотря по способностямъ.

— Да ужъ рубль серебромъ не совѣстно будетъ, если положите.

— Да ты откуда, изъ Китая что ли явился, что такія золотыя горы запрашиваешь, возражаетъ кондиторъ.

— Вездѣ такая плата, сами знаете; вотъ ужъ на что у Излера—и удовольствій разныхъ, за что другіе сами деньги платятъ, насмотришься, а тоже рубль серебромъ казенная цѣна.

— Ну, чтожъ, съ Богомъ и дождайся лѣта, а намъ такіе магнаты, какъ ты, не съ руки. Вѣдь не подъ дождемъ, да не на холодъ будешь торчать, а находишься между приятнымъ обществомъ. Полтинникъ ужъ такъ и быть хочешь, да и по рукамъ.

Наконецъ, послѣ многихъ переторжекъ, цѣна улаживается.

— А что... ты холостой или женатый, спрашиваетъ кондиторъ у нанимающагося.

— Женатый!

— Вотъ видишь и выходитъ дѣло не совѣтъ ловко. И ребятишки, чай, водятся.

— Есть кое-какіе.

— Еще того хуже!

— Да чтожь тутъ худаго? Жена моя вашу милость ни чѣмъ не можетъ обидѣть.

— Обидѣть-то, разумѣется, ни чѣмъ, не обидить, да только холостые все какъ-то поваднѣе; не такъ у нихъ глаза на чужое разбѣгаются, а за женатыми такъ во все глаза и смотри; такъ и наровить, иной либо яблочекъ, либо грушу, либо конфетку какую къ своей домашней экономіи присоединить.

Обыкновенно за этимъ предположеніемъ слѣдуютъ новыя клятвенныя увѣренія въ испытанной честности.

— Ужь ладно, ладно, прерываетъ кондиторъ, мы сами братъ не промахи, умѣемъ за свое постоять. А платье приличное есть?

— Найдется!

— То-то найдется ли? У меня, братъ, съ форточками на локтяхъ, да пролушинами подъ мышками, прошу не являться. А галстукъ приличный бѣлый есть?

— Не Богъ знаетъ какой дорогой туалетъ, какъ не найдется.

— Все вы говорите одно, а посмотришь, иной вашъ братъ чуть не грязнымъ полотенцемъ готовъ себѣ шею окутать. Уговоръ лучше денегъ: въ какой-нибудь тряпкѣ не приму; стыда на себя принимать не хочу. А что, — употребляешь?

— Кто Богу не грѣшенъ! Есть немножко!

— Ну, такъ чуръ нынѣшній вечеръ посочельничать... Давай сюда паспортъ... Да смотри, приходитъ пораньше.

Въ болѣе роскошныхъ пирахъ, у иныхъ официантовъ, которымъ поручаются на руки вещи довольно цѣныя, кромѣ паспорта, остающагося до расчета въ рукахъ кондитора вмѣсто залога въ вѣрности и честности, берется иногда даже денежное обеспеченіе. И вотъ все официанты на лицо и кондиторъ начинаетъ назначать каждому различный родъ службы и обязанностей.

— Ты будешь при чаѣ, говорить онъ одному: вотъ тебѣ дюжина серебряныхъ ложечекъ; принимай ихъ счетомъ, по запискѣ. Умѣешь писать?

— Не умѣю!

— Такъ пусть другой за тебя кто-нибудь напишетъ. Мою записку береги у себя, а твоя пусть у меня останется, чтобы, знаешь, потомъ разныхъ споровъ, да недомолвокъ не было.

— Ты при винахъ будь, приказываетъ онъ другому. Смо-

три подносъ только не положи, черезъ край не бухай, а такъ, понимаешь, чтобы благородная *препорція* была; лучше не долить, чѣмъ перелить; было бы только что пить, а полной чашей никого не удивишь, понимаешь?

И вотъ всѣ роли розданы и кондиторъ ястребинымъ взглядомъ слѣдитъ за всѣми дѣйствіями и движеніями своихъ наемныхъ служителей. Ни одиавъ шагъ ихъ не ускользаетъ отъ неусыпнаго его зрѣнія.

— Зачѣмъ это ты тамъ, въ темненькой, за уголкомъ-то приостанавливался, дѣлаетъ онъ вопросъ свадебному наемному галимеду.

— Да подносъ поправлялъ, чуть было изъ рукъ не выскользнулъ.

— Чтожъ ты при этомъ, языкомъ, что ли его подлизывалъ, что губы у тебя что-то мокрехоньки?

— Что мнѣ его подлизывать!

— А ну-ка дыхни? Ну, дыхни же, говорятъ... Духъ-то отъ чего же у тебя такой мадерный: отъ одного нюханья, что ли? Хочешь, въ толчки, что ли, ишь какой мадерникъ нашелся. Такъ вотъ только для такого рыла и мадера куплена!

— Что это, такой-то часто въ сѣни выходитъ, дѣлаетъ онъ другое замѣчаніе. Ванька, поди-ка, посмотри поакуратиѣе, такъ чтобы не замѣтно было; не прячетъ ли, голубчикъ, фруктовъ за голенище.

Наконецъ вечеръ кончается; вещи, врученныя по запискамъ, собраны и тщательно пересмотрѣны и дѣло приходитъ къ расчету. Кондиторъ вынимаетъ изъ кармана паспорты и начинаетъ выкликать каждаго поочередно, по имени. Наемный официантъ подходитъ и кондиторъ тщательно начинаетъ оглаживать рукою все его туловище, преимущественно сосредотивая все свое вниманіе на фрачныхъ карманахъ. При малѣйшемъ сомнѣніи изъ губъ его вылетаетъ сухое приказаніе:

— А ну-ка, нельзя ли внутренность-то на свѣтъ. Это что у тебя такое?

Оказывается какой-нибудь огарокъ или яблоко.

— Откуда этотъ огарокъ у тебя явился? слѣдуетъ вопросъ.

— Изъ дому взялъ, чтобы какъ-нибудь въ темнотѣ не споткнуться.

— Вотъ, какой деликатный! А отъ чего въ этой жирандоли свѣчи нѣтъ? Получай два двугривенныхъ и съ Богомъ.

Слѣдуютъ возраженіе и ропотъ за вычетъ десяти копѣекъ серебромъ. Неумолимый кондиторъ грозно прикрикиваетъ:

— Вонъ! долженъ еще благодарить Бога, что въ кварталѣ нынѣшній вечеръ не дослужишь, и потомъ обращается къ похитителю яблока.

— Давно ли у тебя яблоки-то въ карманѣ растутъ? Для тебя, что ли яблоки-то куплены? Грабитель этакой, жидъ некрещеный.

Слѣдуетъ увѣреніе, что яблоко ни сколько невзято предосудительнымъ образомъ, а подарено гостемъ.

— Ишь какого добряка нашелъ, скажите, пожалуй-ста. Влюбилсь, что ли въ тебя? Ахъ, ты рожа этакая... А ну-ка, выворачивай другой карманъ. А эти конфетки тоже небось въ знакъ памяти тебѣ подарили? Слѣдовало бы тебя проводить какъ слѣдуетъ, даже и спасибо не сказавши, да ужъ Богъ съ тобой — получай, да смотри впередъ и не смѣй показываться.

Наконецъ кончены всѣ расчеты и настаетъ послѣднее распоряженіе. Всѣ недопитыя вина переливаются въ полныя бутылки и всѣ остатки кушанья складываются въ одно блюдо, чтобы потомъ сортировать и служить пищею тѣмъ особамъ, которыя имѣютъ удовольствіе получать отъ кондитора, если онъ при этомъ и кухмистеръ, свой ежедневный неприхотливый обѣдъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ СРЕДНЕ-ВѢКОВАГО ТЕАТРА.

СОСТОЯНІЕ ТЕАТРА ВО II, III И IV ВѢКАХЪ.

М. Е. КУБЛИЦКАГО.

Всѣ почти писатели, занимающіеся исторіею театра, оканчиваютъ ее вѣкомъ Августа, въ томъ убѣжденіи, что, послѣ перваго вѣка христіанства, нѣтъ ни комедій, ни трагедій. Конечно, многимъ изъ этихъ писателей извѣстны дошедшіе до насъ отрывки драматическихъ произведеній позднѣйшихъ эпохъ; но они, вѣроятно, принимая ихъ за разговоры, написанные для суеты, не упоминаютъ о нихъ, въ увѣренности, что, съ паденіемъ римской республики, искусство Росція погибло. Болѣе подробныя изслѣдованія новѣйшихъ ученыхъ, занимающихся исторіею народныхъ зрѣлищъ, особенно труды Маъненя, показали всю ошибочность подобнаго мнѣнія. Правда, что ударъ, нанесенный комедіи и трагедіи балетомъ, былъ жестокъ * и не могъ остаться безъ послѣдствій. Хотя издержки на постановку комедій и трагедій были велики; но при

* См. «Опытъ Исторіи театра у древнихъ народовъ» ст. 247 и далѣе.

плохомъ финансовомъ состояніи имперіи и грабежѣ проконсуловъ, отъ правительствъ не могли быть отпускаемы значительныя суммы на поддержаніе полюбныхъ удовольствій. Впрочемъ само правительство не считало нужнымъ поддерживать комедію и трагедію, когда вкучь къ матеріальнымъ зрѣлищамъ, цирку и бою гладіаторовъ, отнималъ зрителей у театра и могъ состязаться съ тихою музою Софокла и Менандра; однако изъ этихъ фактовъ не слѣдуетъ еще выводить слишкомъ общихъ заключеній. Не льзя сказать, чтобы комедія и трагедія пали вдругъ, безъ борьбы, не находя ни защитниковъ, ни приверженцевъ, ни любителей. Въ Римѣ, рядомъ съ балетомъ, не могли публично существовать на сценѣ ни сочиненія Плавта, ни комедіи Теренція; но за Римомъ были еще провинціи; кромѣ публичныхъ мѣстъ, были дома знатныхъ гражданъ и любителей драматическаго искусства; туда укрылись комедіи и трагедіи, лишеныя хора, блеска и значенія. Какъ бы то ни было, можно еще найти слѣды комедіи въ III и IV вѣкахъ. Объ этихъ-то забытыхъ произведеніяхъ и отрывкахъ мы намѣрены поговорить, показавъ вообще и состояніе театра въ разсматриваемую нами эпоху.

Театральныя зрѣлища, какъ часть религіозныхъ празднествъ язычества, были тѣсно съ нимъ связаны. Язычество падало, стало-быть, трудно искать въ это время чего-нибудь замѣчательнаго по части драматическихъ произведеній, выразившихъ собою старыя, отжившія вѣрованія, старыя нравы... Новое ученіе начинало проливать благотворный свѣтъ на все — искусства, образъ мыслей, на самую жизнь. Языческіе кляпца разрушались, на мѣсто ихъ воздвигались храмы истинному Богу; языческая поэзія кончилась, а новое ученіе въ устахъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ поражало народъ, призывая его къ новой жизни. Но язычество пало не вдругъ; не вдругъ уступило мѣсто христіанству. Три вѣка прошли въ постоянной борьбѣ; три вѣка язычество старалось удержаться; но все напрасно: христіанство болѣе и болѣе находило послѣдователей и наконецъ, съ Константина Великаго, приобрѣло и политическую силу. Но прежде, чѣмъ императоры открыто стали разрушать язычество, явно нападать на всѣ языческія учрежденія, жертвоприношенія, празднества, на театръ, — краснорѣчивый голосъ отцевъ Церкви уже отклонилъ христіанъ не только-что отъ ложныхъ вѣрованій, но и отъ языческихъ

привычекъ, отъ языческаго образа жизни, въ которомъ зрѣлища и театръ играли важную роль. Многіе изъ обращенныхъ въ христіанство легко отказывались отъ идоловъ, но не легко измѣняли свой образъ жизни. Утромъ слушали проповѣдниковъ, вечера же проводили на зрѣлищахъ, что очень вредило не только имъ самимъ, но и оскорбляло Вѣру. Вотъ почему отцы Церкви рѣшились нападать на этотъ образъ жизни, отвлекать христіанъ отъ театра и цирка, гдѣ представлялись соблазнительныя картины, безпрестанно напоминавшія объ идолахъ. Изъ отцовъ Церкви Тертуліанъ первый оставилъ намъ полное описаніе зрѣлищъ. Въ своемъ сочиненіи *de Spectaculis*, онъ подробно разсматриваетъ этотъ предметъ и порицаетъ языческой театръ, смотря на него съ христіанской точки зрѣнія. Онъ говоритъ, что страсть къ зрѣлищамъ у многихъ была развита до такой степени, что не видѣть зрѣлищъ для нихъ значило тоже, что не жить. Климентъ Александрійскій упрекаетъ трагедію въ томъ, что она слишкомъ развиваетъ страсти, а комедію въ томъ, что она представляетъ соблазнительныя картины, становясь школою разврата. Сиринъ и Лактанцій во многихъ своихъ сочиненіяхъ говорятъ противъ языческаго театра, признавая его вреднымъ нравственности. Но замѣчательнѣе всего сочиненіе Златоуста, который, живя въ большихъ городахъ, лучше и ближе видѣлъ пагубную страсть къ постыднымъ зрѣлищамъ. Бл. Августинъ также пишетъ противъ театра и зрѣлищъ, признавая ихъ вредными.

Съ Константина Великаго правительственная власть перешла въ руки христіанъ. Христіанскіе императоры, хотя дѣйствовали въ духъ новой Церкви, однако не вдругъ искореняли все языческое, да и невозможно было, во-первыхъ, потому-что язычество было еще сильно; во-вторыхъ, потому-что подобнаго рода міровые перевороты, гдѣ дѣло идетъ о цѣломъ человѣчествѣ, совершаются не вдругъ, а постепенно и медленно. Такъ Константинъ Великій поражалъ язычество въ томъ, что было всего оскорбительнѣе для новой Вѣры — въ жертвоприношеніяхъ; но снисходилъ къ обычаямъ, допускалъ существованіе зрѣлищъ и домашнія языческія празднества. Въ продолженіе IV вѣка, христіанскіе императоры уничтожили многіе изъ языческихъ храмовъ; но не нападали прямо на игры и театры; они даже нѣкоторымъ образомъ поддерживали ихъ; такъ Константинъ Великій украсилъ и улучшилъ ипподромъ.

При послѣдователяхъ Константина совершилась даже нѣкоторая реакція въ пользу игръ и зрѣлищъ, столь любезныхъ римскому народу *. Театру много вредилъ Юліанъ. Этотъ противникъ христіанства раздѣлялъ мнѣнія отцовъ Церкви о зрѣлищахъ и всѣми силами возставалъ противъ гладіаторовъ и театра. Но первая полная побѣда, одержанная христіанами надъ зрѣлищами, относится къ царствованію Граціана и Валентиніана. Съ этого только времени начинаются открытыя и систематическія нападки на языческой театръ. Граціанъ запретилъ представленія въ большіе праздники; Валентиніанъ, въ молодости страстно любившій игры, подъ старость считалъ лишнимъ представленія и народныя зрѣлища, даже въ день рожденія императора. При Θεодосіи мы видимъ нѣкоторое ослабленіе по этому предмету. Народъ снова бросился на зрѣлища; но въ праздничные дни представленія и при Θεодосіи были запрещены; также воспрещалось знатнымъ сановникамъ, желавшимъ снискать народность, давать игры на свой счетъ. Какъ бы то ни было, а это послабленіе и любовь народа къ зрѣлищамъ подали языческой партіи нѣкоторую надежду. Последняя, впрочемъ, не осуществилась, хотя императрица Теодорика и испросила у императора нѣкоторыя льготы въ пользу актеровъ и актрисъ; но званіе все-таки осталось безчестнымъ, потому-что театръ сдѣлался неприличнымъ мѣстомъ, а актеры набирались большею частію изъ рабовъ, которыхъ антрепренёры покупали за дешевую цѣну и учили постыдному, въ то время, ремеслу, которымъ они принуждены были заниматься всю жизнь. Самая большая реформа относилась до боя гладіаторовъ. Константинъ первый старался уничтожить этотъ варварскій обычай: онъ запретилъ обрекать преступниковъ, какова бы ни была вина ихъ, на ремесло гладіаторовъ. Но это постановленіе какъ-то медленно исполнялось, и только при Гоноріи, въ 404 году, бой гладіаторовъ совершенно прекратился. Позже мы уже вовсе не находимъ настоящихъ гладіаторскихъ боевъ, а только venatio-

* Въ Кодексѣ Θεодосіи мы находимъ слѣдующій указъ: «Хотя все, напоминающее языческую вѣру, должно быть уничтожено; однако мы хотимъ, чтобы языческія храмы, выстроенные за городскими стѣнами, не были не только разрушены, но и не приходили бы въ упадокъ; потому-что многіе изъ этихъ храмовъ суть источники, отъ которыхъ театральныя представленія и игры ведутъ свое начало. Не должно разрушать тѣ мѣста, отъ которыхъ происходитъ торжественность развлеченій, которыми во всѣ времена наслаждался римскій народъ.»

nes — битву людей съ звѣрями. Въ то же почти время Аркадій въ Константинополѣ уничтожилъ нечестивый праздникъ Маюма, * но прочія зрѣлища были снова пощажены, чтобы отъ запрещенія народъ не впалъ въ уныніе. Ясно, что не только эти игры цирка *ludi circenses* но и *ludi scenici* существовали до IV вѣка. Постараемся показать, что такое былъ театръ, куда, какъ въ послѣднее убѣжище, скрылись языческія идеи.

Можно смѣло утверждать, что драма въ эту эпоху не существовала и не могла существовать: ее замѣнили балетъ, комедія и маленькія піесы, называвшіяся мимами. Слава мимическихъ представленій продолжалась нѣсколько вѣковъ; балетомъ восхищались не только римляне, но и провинціи распадавшагося государства. Въ IV вѣкѣ балетъ существовалъ также, какъ и въ лучшую свою пору, во II и III вѣкахъ, когда Апулей такъ подробно и съ такимъ восторгомъ описывалъ балетъ: «любовныя похиженія Венеры и Марса», имѣвшій огромный успѣхъ. Тѣ же похвалы балету, которыя такъ щедро расточали писатели II и III вѣка, мы находимъ и въ IV вѣкѣ. Такъ поэтъ третьяго столѣтія, говоря о балетѣ, выражается слѣдующими словами: «Скульпторъ подражаетъ красотѣ формъ, стараясь уловить ихъ и передать мрамору. Каждая поза пантомимнаго актера — живая статуя, которая чрезъ минуту смѣняется другою не менѣе прекрасною.» Другой поэтъ говоритъ, что жесты мимическихъ актеровъ имѣютъ языкъ, а пальцы обладаютъ голосомъ. Авторъ утверждаетъ, что балетмейстеръ танцуетъ и ногами, и корпусомъ, и лицомъ, (*saltat pede, corpore, vultu*). Такая страсть къ новымъ зрѣлищамъ, естественно, вредила комедіи. Балетъ, сверхъ моды, имѣлъ и то еще преимущество предъ драматическими произведеніями, что его менѣе преслѣдовали. Что же оставалось для маленькихъ піесъ? частныя дома знатныхъ и богатыхъ гражданъ.

Древніе богачи разсматриваемой нами эпохи въ двухъ случаяхъ призывали гистріоновъ, или во время празднества и обѣдовъ, или во время похоронъ. Въ это время еще существовали особеннаго рода труппы плохихъ актеровъ низкаго разряда (*mimae dietae pedanae*), которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобы шутками, пѣснями, а иногда и танцами забавлять собрав-

* *Clementiae nostrae placuit, ut Majumae provincialibus laetitia reddatur, ita tamen, ut serventur honestas et verecundia castis moribus perseveret.*

шихся къ столу собесѣдниковъ. Къ этимъ актерамъ должно отнести также пѣвцовъ и музыкантовъ восточныхъ, пришедшихъ изъ Аравіи и Персіи. Древній греческій и римскій обычай нанимать плакальщицъ во время похоронъ сохранился и въ IV вѣкѣ. Эти актрисы представляли скорбь родныхъ, голова и разрывая грудь и лице руками. Отъ этого рода произведеній намъ ничего не осталось, и, судя по всей вѣроятности, потеря незначительна. Что же касается такъ называемой высокой комедіи, то до насъ дошли два сочиненія въ этомъ родѣ: большая и прекрасная комедія «*Querolus* и *Ludus septem sapientium*», написанная Авзоніемъ.

Игру «Семи Мудрецовъ», можно скорѣе назвать діалогомъ, чѣмъ комедіей. Въ этой піесѣ каждый изъ семи мудрецовъ является на сцену, говоритъ какую-нибудь мысль, или правило, по-гречески, и развиваетъ его по-латинѣ. Сочиненіе исполнено претензій и сухаго педантизма, но не менѣе того было назначено для представленія, что можно видѣть изъ перваго стиха: *palliat in orchestra prodeunt*. Игра «Семи Мудрецовъ», представляетъ еще и полемическій характеръ; это голоса за падающее искусство. Такъ авторъ говоритъ въ прологѣ: «Зачѣмъ красяешься ты, о римлянинъ, носящій тогу, за извѣстныхъ людей, выступающихъ на сцену?.. Это считается постыднымъ у насъ: но не считалось постыднымъ у Аѳинянъ». Потомъ слѣдуетъ исторія римской сцены, совершенно неумѣстная въ прологѣ. Кажется, самъ авторъ чувствовалъ это, потому-что въ концѣ пролога говоритъ слѣдующее: «Но зачѣмъ все это? Я пришелъ сюда не для того, чтобы вамъ доказывать, что такое театръ и что такое форумъ». По окончаніи пролога, является Солонъ и говоритъ очень долго; потомъ является Хилонъ спартацкій, говоритъ очень мало и отрывисто; онъ смѣется надъ длинными разглагольствованіями своего предшественника. «Глаза мои (говоритъ онъ), равно какъ и спина, устали — такъ долго я сидѣлъ и смотрѣлъ, въ ожиданіи конца монолога». Хилонъ представляетъ комическое лице въ піесѣ — это *gracioso* средневѣковыхъ піесъ. Игра «Семи Мудрецовъ» походитъ на средневѣковыя драматическія попытки и самымъ названіемъ (она названа авторомъ не піесою, а игрою), подобно тому, какъ, впоследствии, мы увидимъ игру Робена и Марионъ, первое драматическое сочиненіе, написанное на языкѣ народномъ.

«Мизантропъ» * (Querolus), полная сохранившаяся комедія, представляетъ гораздо больше интереса. Эта комедія неизвѣстнаго поэта подала поводъ къ многимъ догадкамъ и спорамъ. Трудно опредѣлить положительно время, когда она была написана; достовѣрно только, что она принадлежитъ III и IV вѣку. Въ комедіи упоминается о возмущеніи Багодовъ (Bellum bagaudicum); но возмущеніе это было два раза: одно въ началѣ III, другое въ началѣ IV столѣтія. Амперъ въ своемъ сочиненіи: *Histoire Littéraire de la France avant le douzième siècle*, признаетъ ее за произведеніе IV вѣка. Прежде комедію Querolus приписывали Плавту, не смотря на то, что въ ней языкъ и характеры совершенно чужды времени Плавта. Жанъ де Салисбюри и Виталь де-Блуа, которые еще не знали *Aulularia* Плавта, приняли «Мизантропа» за эту комедію, хотя въ «Мизантропѣ» приводятся слова Цицерона и находится цѣлый стихъ Марціала.

Піеса Querolus посвящена Рутилію. Амперъ и Шомль думаютъ, что Рутилій, къ которому относится посвященіе, былъ римскимъ префектомъ при Феодосіи II. Мавьенъ же полагаетъ, что піеса посвящена другому, неизвѣстному Рутилію. Во введеніи авторъ прямо говоритъ, что онъ написалъ свою піесу для театра и для обѣдовъ. Вотъ содержаніе ея. Скупой Эвкліонъ, отецъ героя комедіи, спряталъ золото въ глубинѣ урны; покрывъ его благовопіями, онъ на урнѣ сдѣлалъ надпись, для того, чтобы сынъ его думалъ, что въ урнѣ сокрытъ прахъ его родителя. Потомъ закрылъ урну и никому объ этомъ не говорилъ. Умирая въ чужой сторонѣ, Эвкліонъ, передъ смертію, завѣщалъ паразиту открыть сыну наслѣдство, съ тѣмъ, чтобы онъ получилъ часть его и растолковалъ ему мѣсто, гдѣ было зарыто сокровище. Мандрогеръ, возвратясь на родину, является къ Кверолу, въ видѣ колдуна: съ намѣреніемъ обмануть его и скрыть наслѣдство; но тонкій плутъ самъ вдался въ обманъ: найдя урну, онъ принялъ ее за погребальную и думая, что Эвкліонъ подшутилъ надъ нимъ, выбрасываетъ ее за окно. Тогда изъ разбившейся урны посыпалось золото. Увидѣвъ золото, Мандрогеръ сталъ требовать свою долю изъ наслѣдства; но уличенный въ кражѣ онъ долженъ отъ всего отказаться. Въ прологѣ, которымъ начинается комедія, авторъ признается, что

* Querolus, главное лице въ піесѣ, отъ котораго она получила свое названіе, означаетъ человѣка недовольнаго, жалующагося.

онъ шелъ по стопамъ Плавта и ему подражалъ. Онъ проситъ зрителей, чтобы никто изъ нихъ не принималъ на свой счетъ того, что говорится въ пьесѣ и не старался видѣть себя въ томъ или въ другомъ лицѣ, потому-что вся пьеса — вымыселъ (pos mentium omnia). Авторъ проситъ также публику рѣшить, какъ приличнѣе назвать пьесу: *Aulularia*, или *Querolus*.

По содержанию пьесы, можно судить, что комедія задумана и ведена съ большимъ искусствомъ; въ ней не одно сценическое достоинство: она имѣетъ и литературное значеніе. Комедія «Мизантропъ» — драгоценный памятникъ не только въ драматической литературѣ, но и въ литературѣ вообще. Въ IV вѣкѣ искусства и литература упадали, какъ падало само государство. Въ это время въ Римѣ литература почти не существовала. Литературная дѣятельность перешла въ провинціи — въ Галлію, гдѣ Авзонъ, Рутилій, Сидоній и другіе поддерживали еще языческую литературу. Комедія интересна, какъ вѣрная и полная картина современныхъ ей нравовъ; она интересна, какъ живое изображеніе распада, не только государственнаго устройства, но и частнаго быта. Монологъ раба, которымъ начинается третій актъ пьесы, безцѣненъ, потому-что онъ въ яркихъ чертахъ изображаетъ нравственную порчу и предчувствіе другой жизни, другаго образа мыслей, другихъ отношеній. Страсть къ неизвѣстному, къ таинственному, страсть къ магіи и астрологіи, такъ сильно распространившаяся въ то время, что императоры должны были издавать противъ магіи особые законы, осмѣяна очень ловко; осмѣяны не одна страсть къ магіи, но и цѣлое язычество, со всеми его принадлежностями и атрибутами.

Querolus — послѣдній письменный памятникъ драматической литературы древнихъ. Въ V вѣкѣ театръ и зрѣлища падаютъ окончательно въ Римѣ, Марсели и въ Кельнѣ; они долѣе держатся въ Равеннѣ, но не избѣгаютъ общей участи, постигшей древнія искусства и древній міръ.

ТРОЙКА.

ЗИМНЯЯ КАРТИНА.

ГРИЦКИ ГРИГОРЕНКО.

«Эй вы, соколики, соколики!» И тройка понеслась вихремъ. Ямщикъ, стоя впереди, только помахивалъ руками, прикрывая протяжнымъ звучнымъ голосомъ: «эй вы, соколики! Эй!..» И тройка летѣла по ровной дорогѣ, — салы, дома и поверстные столбы далеко оставались взади и, освѣщенные блѣднымъ свѣтомъ луны, казались фантастическою панорамой.

Антонъ Антоновичъ Добряковъ былъ очень хорошии человекомъ. Служилъ онъ когда-то, не знаю въ какомъ Департаментѣ и, достигнувъ порядочнаго званія, вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника. Получилъ онъ отъ отца еще въ молодости хорошее наслѣдство и пустился въ невинныя спекуляціи по винному откупу. Счастье помогло ему скоро удвоить достояніе.

Довольный судьбою, онъ остановился въ-время, что случается довольно рѣдко съ спекуляторами, а потому могъ очень основательно считать себя человекомъ богатымъ. Еще за два года до отставки Антонъ Антоновичъ женился. Жена его, Пелагея Ивановна, была очень хороша собою: ея высокій ростъ, чудные, томные глаза, густые, черные волосы, маленькая ножка и чрезвычайной бѣлизны рука — были безукоризненны; этого достаточно, чтобы весь Петербургъ прославилъ ее красавицею.

Антону Антоновичу, конечно, была очень по сердцу такого рода лестная извѣстность его супруги, но все-таки нерѣдко эта хваленая красота заставляла его задумываться. Сидя одинъ въ своемъ кабинетѣ и разсуждая съ самимъ собою, онъ часто говорилъ: «Хорошо-то, хорошо—имѣть красавицу жену, но все какъ-то страшно!» Потомъ, все продолжая курить сигару и нѣжась въ своемъ креслѣ, онъ невольно всматривался въ близъ-стоящее зеркало и, какъ бы въ забытій, долго съ само-довольствіемъ гладилъ себя по щекѣ. Результатомъ этой манипуляціи обыкновенно было то, что Антонъ Антоновичъ, сбрасывая пепелъ съ сигары, приговаривалъ: «ну, не такъ же страшно, чтобы и жить было нельзя!»

Антонъ Антоновичъ любилъ очень говорить съ самимъ собою; причину этого легко можно объяснить. Всегда пріятно раздѣлить съ другомъ своимъ чувства, мысли, убѣжденія,—а кто же самъ себѣ не другъ!

Антонъ Антоновичъ былъ довольно красивый мужчина, только женщинамъ онъ не нравился: имъ онъ казался немного толстымъ и какъ-то тяжеловатымъ.

Пелагея Ивановна, какъ мы уже сказали, славилась своею красотою и, надо отдать ей справедливость, умѣла пользоваться ею. Она любила своего мужа, что однако не препятствовало ей желать правиться и прочимъ смертнымъ. Что жъ, если хотите, желаніе свискать любовь всѣхъ, — истинно христіанская добродѣтель.

Антону Антоновичу одному это не совсѣмъ нравилось; конечно, онъ ничего явно не показывалъ, но все же не рѣдко, сидя одинъ въ кабинетѣ и разсуждая съ самимъ собою, какъ мы уже сказали, очень остроумно замѣчалъ: «хорошо-то, хорошо — имѣть красавицу жену, но все какъ-то страшно!»

Мѣсяца два тому познакомился съ нимъ молодой чело-вѣкъ, Евгеній Петровичъ Брятславскій. Его какъ-то представи-ли Пелагеѣ Ивановнѣ, которая вслѣдъ за тѣмъ отрекомен-довала его мужу. Добряковъ сперва поморщился, потомъ подумалъ: «Надо же ей чѣмъ-нибудь забавляться, а этотъ молоко-сось, мнѣ кажется, невѣднѣе прочихъ; — Богъ съ нимъ!» и Антонъ Антоновичъ махнулъ рукою.

Брятславскій сталъ ѣздить къ Пелагеѣ Ивановнѣ, сперва днемъ съ визитомъ, потомъ уже просиживалъ цѣлые вечера, пріѣзжалъ даже обѣдать. Антонъ Антоновичъ мало обращалъ

вниманія на молодого любезника; онъ слишкомъ хорошо зналъ характеръ своей милой супруги.

Съ перваго раза выраженіе прелестныхъ глазъ Пелагеи Ивановны, обыкновенно, такъ много сладкаго нашептывало, что новый знакомый тотчасъ же пускался въ комплименты, становился чрезвычайно любезенъ, предупреждалъ малѣйшее ея желаніе, но скоро всѣ эти любезности утомляли красавицу, она обращала всѣ свои батареи на новаго прїѣзжаго и бывшій обожатель «подавалъ въ отставку», какъ выражался Антонъ Антоновичъ.

Добряковъ очень любилъ бесѣдовать объ этомъ съ своею супругою и порой напомнить ей объ Александрѣ Ивановичѣ и Андрѣ Николаевичѣ, которые всѣ уже были причислены къ *отставнымъ*. Пелагея Ивановна сама смѣялась отъ души надъ ихъ неудачами и радовалась снисходительному нраву своего мужа. Антонъ Антоновичъ жаждалъ одного только въ своемъ супружествѣ: «спокойствія», и вотъ почему онъ позволялъ женѣ своей эти невинныя удовольствія. Но если какой-нибудь молодецъ слишкомъ долго продолжалъ забавлять Пелагею Ивановну и это начинало тревожить Антона Антоновича, то онъ имѣлъ свою особенную громоотводную систему, которая ему до-сихъ-поръ вполнѣ удавалась. Онъ умѣлъ поставить спокойнаго вздыхателя въ такое положеніе, что сама Пелагея Ивановна помирала надъ нимъ со смѣху. Добряковъ былъ убѣжденъ, что ничто такъ не разочаровываетъ, какъ смѣшное положеніе героя. Молодой человекъ, который внушалъ одну жалость и смѣхъ, разумѣется, терялъ свое вліяніе, бывалъ сразу обезоруженъ, пораженъ и принужденъ *подать въ отставку*. Тогда Антонъ Антоновичъ, потирая руки, отпраивался въ кабинетъ, гдѣ и записывалъ его имя въ памятную книжечку, подъялъ къ Александру Ивановичу и Андрею Николаевичу.

Брятславскій съ перваго своего визита показался Добрякову вовсе не опаснымъ. Едва выпущенный изъ какого-то учебнаго заведенія, безбородый юноша этотъ, съ довольно забавною претензією на великосвѣтскость и утонченныя манеры, не могъ конечно имѣть слишкомъ важнаго вліянія на Пелагею Ивановну. Въ первые его посѣщенія Антонъ Антоновичъ былъ съ нимъ очень любезенъ и проводилъ его даже разъ до передней.

Но Брятславскій сталъ ѣздить чаще, его уже начали звать

просто Eugène—и это имя, казалось, даже нравилось Пелагеѣ Ивановнѣ. Eugène былъ любезенъ, любезиѣе прочихъ, привозилъ иногда конфекты и въ знакъ особеннаго расположенія хозяйки, имѣлъ позволеніе выкуривать двѣ папироски въ вечеръ. Все это мало-по-малу стало беспокоить Антона Антоновича.

«Надобно скорѣе покончить съ этимъ франтомъ!» подумалъ онъ; «его бѣлое, вытянутое и ничего не выражающее лицо мнѣ ужасно надоѣло!»

Оставалось только отыскать случай и Антонъ Антоновичъ, заранѣе увѣренный въ успѣхъ своихъ замысловъ, ждалъ его терпѣливо.

Разъ какъ-то вечеромъ Евгеній Петровичъ былъ у Добряковыхъ и за чаемъ что-то очень наивно, но съ большимъ жаромъ, доказывалъ Пелагеѣ Ивановнѣ. Антонъ Антоновичъ сидѣлъ въ кабинетѣ за книгою и, по обыкновенію, курилъ сигару; онъ издали видѣлъ свою жену и Брятславскаго и съ какимъ-то нетерпѣніемъ ждалъ его отъѣзда, но Евгеній Петровичъ, казалось, и не думалъ объ этомъ. Это чрезвычайно сердило Антона Антоновича;—вдругъ блеснула ему мысль гениальная: «Постой-же, голубчикъ!» сказалъ онъ въ полголоса, «вотъ я тебѣ сегодня же подготовлю отставку!» Онъ всталъ и подошелъ къ окну; термометръ стоялъ на пятнадцати градусахъ ниже нуля.—«Съ него будетъ!» подумалъ Антонъ Антоновичъ и вышелъ изъ кабинета.

— Какъ ты думаешь, душенька, сказалъ онъ женѣ, не устроить ли намъ чего-нибудь въ этотъ вечеръ?

— А что на примѣръ? скажи! съ пріятною улыбкою отвѣчала супруга. Разказы Брятславскаго успѣли уже немного утомить Пелагею Ивановну и она была очень рада, что мужъ придумалъ новое развлеченіе.

— Ты всегда любила поѣздки на тройкахъ: — не съѣздить ли намъ куда-нибудь, прокатиться?

— Поѣдемъ, поѣдемъ! съ радостью сказала жена. Вотъ и мосье Eugène поѣдетъ съ нами; очень будетъ весело!

— Но я не въ шубѣ сегодня! съ робостью сказалъ молодой человѣкъ.

«Ничего, ничего! il ne fait pas froid!» отвѣчала Пелагея Ивановна.

— Еслибъ у васъ, по-крайней-мѣрѣ, была фуражка,—а то въ шляпѣ какъ-то неловко.

— Пустяки! полусмѣясь, сказалъ Антонъ Антоновичъ, вы увидите, какъ эта прогулка будетъ всеѣмъ пріятна, а шляпа вздоръ, я самъ сколько разъ катался въ шляпѣ!

— Такъ пошли же скорѣе за тройкою! нетерпѣливо сказала Пелагея Ивановна.

— Сейчасъ, будетъ на лицо, вѣдь биржа у насъ подъ бокомъ!» и Антонъ Антоновичъ, самодовольно потирая руки, пошелъ въ столовую и приказалъ привести тройку. Онъ не могъ при этомъ случаѣ не сказать: «кончено! онъ въ чистой!»

Черезъ нѣсколько минутъ тройка была у подъѣзда и нетерпѣливыя лошади, отряхая гривы, привели въ движеніе колокольчикъ, который возвѣщалъ Добряковымъ, что все готово и дѣло стоитъ только за ними.

Пелагея Ивановна накинула пушистую шубу изъ темнубурой лисицы, надѣла на голову кокетливый и въ тоже время чрезвычайно-теплый капоръ изъ бѣлаго атласу, съ лебяжьимъ пухомъ, обула свои чудныя, маленькія ножки въ мѣховыя ботинки; натянула пуховыя перчатки и взяла соболью муфту.

Антонъ Антоновичъ надѣлъ въ рукава чернаго медвѣдя, украсилъ свою голову фуражкой съ кокардою, которую онъ предпочиталъ въ особенности вечеромъ, потому-что она, какъ онъ полагалъ, внушаетъ болѣе уваженія, — и въ высокихъ, мѣховыхъ сапогахъ, да въ теплыхъ перчаткахъ, подалъ руку своей супругѣ, чтобъ усадить ее въ сани.

Въ тоже время Евгенийъ Петровичъ натянулъ на фракъ свое коротенькое пальто, къ счастію съ бобровымъ воротникомъ и въ тонкихъ бальныхъ сапогахъ и палевыхъ перчаткахъ поспѣшилъ за ними.

Ямщикъ откинулъ полость. Пелагея Ивановна усѣлась въ сани; Антонъ Антоновичъ подозвалъ Брятславскаго, который усаживалъ Палагею Ивановну.

— Посмотрите, какая чудная тройка намъ досталась!—вѣдь мы вотъ какъ поѣдемъ! Говоря это, онъ какъ-то особенно присвистнулъ, такъ-что трудно передать въ буквахъ этотъ звукъ. Всѣ три лошади на подборъ! славныя лошадки, добрыя лошади! и онъ погладилъ одну изъ пристяжныхъ по мордѣ.

Евгенийъ Петровичъ изъ приличія осматривалъ достоинства хваленной тройки, расхаживая по снѣгу въ однихъ тоненькихъ

сапожкахъ. Новая страсть Антона Антоновича была ему вовсе не понутру, но дѣлать было нечего: надо же снисходить къ прихотямъ мужа, когда питаешь слабость къ его женѣ. Наконецъ панегирикъ лошалямъ былъ конченъ и онъ поспѣшилъ къ санямъ, гдѣ Пелагея Ивановна ему назначила мѣсто противъ себя.

Антонъ Антоновичъ сѣлъ рядомъ съ женою. Застегнули по-лость. Сани тронулись.

— Куда прикажете? спросилъ ямщикъ.

— Да поѣзжай хоть по Петергофской дорогѣ! —

— Въ Стрѣльну — что ли-съ?

— Не ужели мы поѣдемъ въ Стрѣльну? — спросилъ съ робостью Евгений Петровичъ, у котораго ноги начинали уже выть отъ холода.

— Ха, ха, ха! А что же? не доѣдемъ, такъ воротимся домой! сказалъ смѣясь Антонъ Антоновичъ, и Пелагея Ивановна сама не могла не улыбнуться испугу молодого человѣка.

Городомъ нельзя иначе ѣхать, какъ шагомъ, вотъ почему до заставы не ощущалось особеннаго удовольствія. Всякій смотрѣлъ по сторонамъ, — на заоздалаго пѣшехода, на тусклые фонари, на возвращающагося, одинокаго извозчика, который, лежа въ саняхъ, напѣвалъ себѣ подъ-носъ какую-то заунывную мелодію... Морозъ былъ жгучій. — Антонъ Антоновичъ весь потонулъ въ своей медвѣжьей шубѣ, довольно-ловко опрокинувшись назадъ. Пелагея Ивановна тоже закуталась, какъ могла и ждала только заставы, чтобы насладиться скорой ѣздой. Одинъ Евгений Петровичъ былъ недоволенъ. Морозъ пробиралъ его со всѣхъ сторонъ: сперва защипало руки, онъ спряталъ ихъ въ карманы, потомъ поджалъ подъ себя ноги, но все бодрлся, хотя видимо сжимался и старался какъ-нибудь укрыться отъ вѣтра. Пелагея Ивановна, глядя на него, не могла удержаться отъ улыбки. Да и въ правду смѣшна была эта фигурка въ круглой шляпѣ, покраснѣвшая отъ мороза, подобравшая шею въ воротникъ и сгорбившаяся, съ руками, засунутыми въ карманы въ видѣ ферта и съ видимо-выпятившимися подъ полостью колѣнками.

Къ довершенію всего ямщикъ какъ-то неловко задѣлъ локтемъ за голову молодого любезника и франтовская шляпа слетѣла въ снѣгъ. Брятславскій, бывший уже не въ духѣ, не вытерпѣлъ и не на шутку разсердился на ямщика, который, смѣ-

ясь, остановилъ сани, вылезъ и досталъ шляпу, покрытую снѣгомъ.

— Извольте, баринъ! ничего-съ сказалъ онъ; да вы подвиньтесь маленько вотъ сюда, а то, пожалуй, и въ друго-разъ смахнешь неварокомъ.

— Дуракъ! сказалъ Брятславскій и опять уткнулъ подбородокъ въ своего бобра.

Пелагея Ивановна помирала со смѣху. Бѣшенство Брятславскаго развеселило ее еще болѣе, чѣмъ самое происшествіе.

Но подѣхали къ заставѣ. Показался рядъ дачъ, садовъ и деревенекъ живописной Петергофской дороги.

Ямщикъ гикнулъ, взвизнулъ: «Эй вы, соколики, касатики мои!» и тройка полетѣла вихремъ.

Тройка! какъ много въ этомъ словѣ заключено пріятнаго для каждаго русскаго сердца. Сколько въ немъ разгула, удали и молодечества!

Летишь, сломя голову, едва прикасаясь къ бѣлому, ровному снѣгу, не оставляя на немъ даже слѣда! Все мелкаетъ вокругъ чудной фантазмагоріей! Едва замѣтишь лѣсокъ, и вотъ ужъ поляна, обширная, бѣлая, потомъ два, три дерева, какой-нибудь оврагъ, опять поле безпредѣльное, которое сливается съ горизонтомъ, — а въ отдаленіи тускло мелькаетъ огонекъ въ окнѣ забытой, одинокой избы. Кони чувтъ жилье, вы несетесь еще скорѣе; — морозъ и быстрая ѣзда захватываютъ дыханіе, вы завертываетесь, какъ только можно, въ шубу, а ямщикъ, шапка на бекрень, сидя на облучкѣ, начинаетъ свою заунывную, протяжную пѣсню, прерываемую то молодецкимъ посвистомъ, то бойкой приговоркой и даетъ волю лошадямъ, которыя скачутъ весело, ободренные голосомъ хозяина. И кони и возничій понимаютъ другъ друга. Нашъ мужикъ любитъ свою тройку такъ же страстно, какъ дѣтей своихъ: онъ съ нею говоритъ, рассказываетъ ей про свою удачу и невзгоду. Угрюмъ онъ, печаленъ, — и лошади сгрустнулись, понурили головы и какъ бы не хотя ступаютъ шагомъ; получилъ онъ отъ барина на водку, радъ, доволенъ, и только махнулъ рукою, «эй вы золотые, соколики, касатики мои!» и вспрынувъ, потряхивая гривами и звѣня бубенчиками, онъ понеслись быстро, дивно, птичьимъ летомъ: любо-дорого смотрѣть!

Пытались многіе въ другихъ странахъ завести сани, придавали имъ всякія изящныя формы, устраивали что-то въ родѣ

лебеда, съ бѣлыми, распущенными крыльями и позолоченными клювами; но нѣтъ! все не то! гдѣ имъ понять, оцѣнить нашу родную тройку!

Тутъ не въ позолотѣ дѣло, не въ заморскомъ изяществѣ: — двѣ, три доски, кое-какъ прилаженные топоромъ, обрубленные, да гвоздемъ сколоченныя и довольно! а главное—пространство, удалъ, наша русская отвага!

Гдѣ имъ понять все это! просто перекрестился, надѣлъ рукавицы,—катай-валяй куда глаза глядятъ! Зимой вездѣ дорога! Лети себѣ и горя мало!

— Къ одной, къ одной! — крикнулъ вдругъ ямщикъ, не было поздно. Встрѣчная тройка, управляемая пьянымъ извозникомъ, въѣхала со всего бѣга въ сани Антона Антоновича, и какъ ни старался ямщикъ, лошади кинулись въ сторону, и сани, встрѣтя канаву, быстро въ нее покатались.

Антонъ Антоновичъ, закутанный въ шубу, очутился вмигъ въ снѣгу. Пелагея Ивановна упала на него и потому тоже не ушиблась. Одинъ Евгений Петровичъ былъ не такъ счастливъ: онъ заранѣе уже предусмотрительно отстегнулъ полость съ своей стороны, чтобы выскочить какъ можно граціознѣе при первой могущей случиться необходимости, но ударъ былъ до того неожиданъ, что онъ не успѣлъ выполнить по программѣ своего сальто-мортале и, не находя никакой опоры, былъ выкинутъ какою-то сверхъестественною силою прямо головою въ сугробъ. Онъ весь былъ покрытъ снѣгомъ; круглая шляпа, примятая отъ удара, сплюснулась въ блинъ; волосы его, длинные и затѣйливо завитые, совершенно взъерошились и повисли пъявками около висковъ. Онъ былъ похожъ на наудренного маркиза, только-что возвратившагося съ оргіи.

Ямщикъ съ ловкостью, имъ однимъ свойственною, выкоробкался первый изъ-подъ саней и побѣждалъ помогать Антону Антоновичу и его супругѣ. Скоро Пелагея Ивановна и Антонъ Антоновичъ были на ногахъ и, смѣясь, отряхивали снѣгъ съ шубъ; они висколько не ушиблись и это происшествіе ихъ только развеселило.

Стали поднимать сани. Скоро все пришло въ надлежащій порядокъ и всѣ готовились сѣсть на прежнія мѣста. Тутъ подошелъ Евгений Петровичъ въ своемъ коротенькомъ пальто, дрожа отъ холода. Онъ на силу отрылъ свою шляпу, которая навсегда потеряла новомодную форму.

— Не ужели мы еще дальше поѣдемъ? просилъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Супруги разсмѣялись. И въ правду Брятславскій былъ смѣшенъ. Нѣтъ, лучше повернемъ въ городъ! отвѣчалъ Добряковъ; будетъ съ насъ! притомъ Евгений Петровичъ, кажется, порядкомъ прозябъ; ну, да чашка горячаго чаю поправить все дѣло!

Евгений Петровичъ сѣлъ поспѣшно въ сани; ямщикъ, повернувъ осторожно лошадей, махнулъ рукою и наша компанія быстро помчалась домой.

Всѣ сидѣли молча, одинъ Брятславскій изрѣдка побранивалъ встрѣчную тройку. Всѣ пьяные! говорилъ онъ, вѣрно изъ Краснаго Кабака! этакіе скоты! паткнулись да еще и смѣются.

Опять показалась застава, потому темные улицы Коломны, наконец опять проѣхали Невскій проспектъ, который уже успѣлъ опустѣть, — и тройка остановилась у подъѣзда Антона Антоновича. Всѣ вышли изъ садей. Дали на водку ямщику, который весело поблагодарилъ.

— Войдите, мы напоимъ васъ чаемъ сказала Пелагея Ивановна дрожащему Братславскому.

— Благодарю! я вовсе не озябъ, отвѣчалъ онъ дрожащимъ голосомъ; мнѣ холодъ ни почемъ, но мнѣ надо спѣшить домой: есть очень экстренныя бумаги...

— Очень жаль! и супруги Добряковы взопли на лѣстницу.

Пелагея Ивановна все еще смѣялась надъ прозябшимъ Братславскимъ, который такъ стоически хотѣлъ разыграть героя, хоть не понадеявъ зубомъ на зубъ. Хохотъ ея не унимался во весь вечеръ: едва вспомнить о своемъ застывшемъ обожателѣ и снова заляется смѣхомъ.

Антонъ Антоновичъ былъ доволенъ и напоминалъ женѣ безпрерывно о несчастной поѣздкѣ. Передъ ужиномъ, только потирая руки, онъ проворно вошелъ въ кабинетъ, досталъ изъ бюро свою памятную книжку *отставныхъ*, обмокнулъ перо въ чернила и четко написалъ подъ самымъ Андреемъ Николаевичемъ: Eugène Братславскій..... такого-то мѣсяца и числа.

СИЛИСТРІЯ, БОМАРЗУНДЪ И СЕВАСТОПОЛЬ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУСТВО АТАКИ И ОБОРОНЫ УКРѢПЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.

(съ англійскаго).

Во всякое другое время, напрасно было бы обращать вниманіе публики на науку, которой званіе принадлежало исключительно офицерамъ, спеціально ей посвятившимъ себя; что же касается до прочихъ сословій, то у нихъ не было ни времени, ни охоты заниматься фортификаціею. Но въ настоящее время, въ виду событій нынѣшней войны, равнодушіе это начинаетъ исчезать.—Въ исторіи не было, кажется, примѣра, чтобы страшныя подробности отчаянной борьбы публиковались ежедневно для свѣдѣнія лицъ, не принимающихъ въ ней личнаго участія; нынѣ же всѣ требуютъ свѣдѣній объ истинныхъ причинахъ каждаго дѣла.

Осады крѣпостей въ настоящей войнѣ нисколько не похожи на тѣ, о которыхъ упоминаетъ исторія, какъ потому, что прежнія осады были ведены не правильно, такъ и по той причинѣ, что новое начало, введенное въ науку фортификаціи, измѣнило древнія ея правила. На основаніи этого, мы полагаемъ,

что изслѣдованіе: въ какой мѣрѣ характерическія частности осады Силистріи, Бомарзунда и Севастополя зависѣли отъ случая, ошибокъ или усовершенствованія науки фортификаціи, не будетъ лишено занимательности.

Журналъ осады составляетъ всегда одну изъ самыхъ любопытныхъ частей описанія военнаго похода. Не многіе могутъ завести нужными картами и планами, чтобы понять различныя движенія войска, которыя предшествуютъ правильному сраженію; не многіе одарены терпѣніемъ, необходимымъ для изученія всѣхъ подробностей боя. Военные, участвовавшіе въ дѣлѣ, видѣли изъ него только часть и уже послѣ узнаютъ, съ бѣльшею или мѣньшею точностію, что дѣйствительно происходило. Во время сраженія умъ слишкомъ взволнованъ, чтобы наблюдать за ходомъ дѣла, пользоваться случайностями и исправлять ошибки. Все вниманіе, обращенное сначала на самое дѣйствіе, сосредоточивается потомъ исключительно на результатѣ.

При осадахъ все происходитъ иначе. Войска, парки, продовольствіе прибываютъ на мѣста, заранѣе опредѣленныя и впоследствии занимаютъ тѣ позиціи, которыя покажутся удобными. Начертаніе первой параллели есть плодъ внимательныхъ изученій; апроши дѣлаются съ разсчитанною медленностію. Впродолженіе этого времени, артиллерія исполняетъ возложенную на нее обязанность. Постепенность дѣйствій въ высшей степени методическая и можетъ быть разсчитана на каждый день. Въ осадѣ все имѣетъ характеръ драмы, разыгрываемой въ огромныхъ размѣрахъ, которой не достаетъ только интереса, возбуждаемаго неизвѣстностью развязки: здѣсь развязку можно предвидѣть. Работы осаждающихъ подвигаются впередъ медленно, но вѣрно, и съ самаго начала извѣстно, что послѣ опредѣленнаго числа дней, нужныхъ для операцій, существо которыхъ никогда не измѣняется, гарнизонъ, защищающій крѣпость, непременно долженъ сдаться. Для него нѣтъ надежды на благопріятный случай, нѣтъ возможности побѣдить, а потому нѣтъ воодушевленія при исполненіи обязанностей. Когда онъ исполнилъ ее, то можетъ ожидать единственнаго утѣшенія отъ двусмысленныхъ похвалъ, съ которыми побѣдителямъ угодно будетъ отозваться о стойкости обороны.

Если спроситъ инженеръ, какъ можно знать заранѣе исходъ каждой осады, то онъ отвѣтитъ, что: «съ открытіемъ пороха,

успѣхъ обороны сдѣлался невозможнымъ и каждая осажденная крѣпость должна пасть по истеченіи извѣстнаго числа дней». На возраженіе, что осажденный можетъ также, какъ и осаждающій, пользоваться изобрѣтеніемъ артиллеріи, наука объясняетъ, что осаждающіе, дѣйствуя на большей окружности, могутъ всегда сосредоточить противъ одной части укрѣпленій силу атаки, превосходящую сопротивленіе, которое можетъ оказать осажденный въ тѣсномъ кругу своего дѣйствія. Притомъ же средства осажденного мѣста, какъ въ людяхъ, такъ и въ снарядахъ, ограничены; осаждающіе же могутъ возобновлять и усиливать эти средства.

Противъ послѣдняго замѣчанія можно впрочемъ возразить, что нѣтъ никакой невозможности накопить въ мирное время въ крѣпости, вмѣстѣ съ соответственнымъ количествомъ снарядовъ, втрое и вчетверо болѣе пушекъ, нежели будетъ когда либо употреблено для осады этой крѣпости. Съ другой стороны, едва ли найдется въ новѣйшихъ войнахъ одинъ примѣръ тому, что осажденная крѣпость была вынуждена сдать по причинѣ истребленія гарнизона непріятельскимъ огнемъ, или совершеннаго истощенія аммуниціи. Дѣйствіе обыкновенной осады вообще не очень смертоносно. Въ Антверпенѣ, на примѣръ, въ 1833 году, хотя гарнизонъ не имѣлъ достаточнаго прикрытія отъ бомбардированія, однакоже изъ числа 5000 было убитыхъ всего девяносто и раненыхъ не болѣе трехсотъ-пятидесяти человекъ. Съ девятью-десятью здороваго войска комендантъ крѣпости могъ бы защищаться; но научныя условія атаки были соблюдены, брешь сдѣлана, ровъ пройденъ и пришлось бы пяти тысячамъ людей, при небольшой выгодѣ позиціи, сопротивляться силѣ, вдесятеро болѣе. Однимъ словомъ, по истеченіи трехъ недѣль осады, нужныхъ для взятія крѣпости этого класса, сдача ея была неизбѣжна.

Вездѣ исходъ осады долженъ быть таковъ, пока наука будетъ придерживаться нынѣшнихъ своихъ правилъ; но эти правила всегда ли останутся неизмѣнными? Всегда ли возможно направить на одну точку осажденной крѣпости неодолимую силу атаки? Нѣтъ ли средства, еще неизвѣстнаго, доставить оборонѣ то превосходство, которое она имѣла въ минувшихъ вѣкахъ? Двойной опытъ при Силистріи и Севастополѣ, кажется, разрѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ утвердительномъ; но прежде изслѣдованія, чему надобно приписать развязку этихъ двухъ

осадъ: усовершенствованію ли науки, или же несчастію и ошибкамъ осаждавшихъ, — изложимъ вкратцѣ нынѣшнюю систему фортификаціи.

До открытія пороха, наука фортификаціи была очень проста. Если мѣсто, которое нужно было укрѣпить, находилось на равнинѣ, то высокая и крѣпкая стѣна, съ широкимъ и глубокимъ ровомъ впереди, удовлетворяла всѣмъ требованіямъ. Сила крѣпости была въ прямомъ отношеніи съ прочностію стѣны и съ трудностію перейти чрезъ ровъ; она возрастала до крайнихъ предѣловъ, когда стѣна находилась на вершинѣ какого-либо обрыва и вѣе разстоянія, на которомъ могутъ дѣйствовать разрушительныя машины. Башни служили къ укрѣпленію стѣны и къ фланговой оборонѣ куртинъ;—но эта послѣдняя выгода имѣла второстепенную важность. Въ то время, когда метательные снаряды бросаемы были единственно человѣческими руками, выгода, происходящая отъ высоты стѣны и возвышенности позиціи, была столь велика, что оборона имѣла огромное превосходство предъ атакою.

Употребленіе артиллеріи измѣнило всѣ эти условія. Оно предоставило въ распоряженіе осаждающихъ машину, дѣйствіе которой разрушаетъ самыя крѣпкія стѣны: никакая постройка, сдѣланная человѣческими руками, не устоитъ долго противъ ея ударовъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, нашли, что стѣна, хотя не столь высокая, но которая можетъ быть продольно обстрѣливаема артиллеріею, дѣлается чрезъ это болѣе неприступною, чѣмъ прежнія высокія стѣны. Потомъ узнали, что стѣна, устроенная не надъ поверхностію земли, а въ глубинѣ рва и имѣющая достаточную ширину, чтобы на ней можно было поставить пушки, съ одной стороны защищена отъ огня осаждающихъ, съ другой же позволяетъ осажденнымъ дѣйствовать съ усилкомъ противъ непріятельскихъ батарей. Впродолженіе періода, впрочемъ незначительнаго, оборона пользовалась прежнимъ превосходствомъ предъ атакою.

Искусство атаки получило вскорѣ новое усовершенствованіе, которое сдѣлалось окончателно гибельнымъ для обороны. Оно состояло въ приѣмѣ, который называютъ сапою и который позволяетъ осаждающему приближаться подъ прикрытіемъ къ укрѣпленіямъ осажденнаго мѣста. Такъ-какъ сапа и въ настоящее время доставляетъ атакѣ неоспоримое превосходство предъ

обороною, то нужно изложить ея начала, чтобы читатели наши могли понимать все дальнѣйшія подробности этой статьи.

Съ самаго начала изобрѣтенія сапы и до нынѣшней войны, было въ употребленіи прорывать предъ фронтомъ атакующей крѣпости длинную траншею въ четыре фута глубины. Вырываемая земля отбрасывалась въ сторону, обращенную къ фронту крѣпости и образовала прикрытіе, подъ которымъ осаждающій могъ производить движенія, не бывъ замѣченъ съ укрѣпленій. Съ этой линіи онъ подвигался шагъ-за-шагомъ впередъ, углубленіями, проведенными вправо и влево зигзагами, такимъ образомъ, что осажденный не могъ ни замѣтить его, ни направить противъ него огонь своихъ орудій и ружей. Дойдя такимъ-образомъ до рва укрѣпленія, осаждающій устраивалъ брешь-батарею, изъ которой, обыкновенно, громилъ фасъ какого-либо бастиона, который, по причинѣ своего треугольнаго вида, не могъ отвѣчать ему прямымъ огнемъ; пробоины въ стѣнахъ бастиона служили приступу почти вѣрнымъ ручательствомъ въ успѣхѣ.

Таково было тогда отчаянное положеніе осажденнаго, частію потому, что укрѣпленія, однажды разрушенныя, не могли быть исправлены и увлекали въ своемъ паденіи парадетъ и пушки, стоявшія на валахъ, частію по той причинѣ, что очертаніе укрѣпленій позволяло осаждающему избирать позицію, съ которой онъ могъ направлять противъ крѣпости огонь, гораздо сильнѣйшій, частію, наконецъ, потому, что осаждающая армія всегда была многочисленнѣе гарнизона, снабжена сильною артиллерією и имѣла все выгоды на своей сторонѣ, если дѣло ограничивалось простымъ сраженіемъ у рва крѣпости.

Первое средство, пособить недостаткамъ новой фортификаціи, состояло въ постройкѣ предъ рвомъ укрѣпленія, называемаго полумѣсяцемъ или рavelиномъ и назначеннаго для обстрѣливанія траншеи осаждающаго, прежде, чѣмъ онъ могъ укрѣпиться предъ бастиономъ. Необходимо было, правда, взять это передовое укрѣпленіе прежде, чѣмъ бастионъ; но какъ дѣйствія осады противъ того и другаго производились совокупно; то сдача крѣпости была отсрочена ненадолго. Фортификація усовершенствовалась потомъ бастионы, давая имъ фланги, съ которыхъ можно обстрѣливать крѣпостной ровъ предъ фасадами куртинъ укрѣпленій.

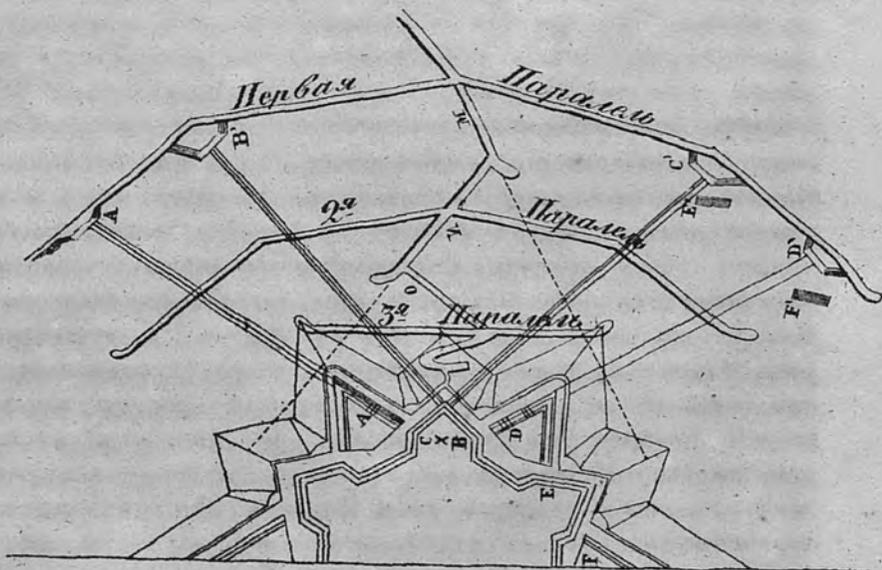
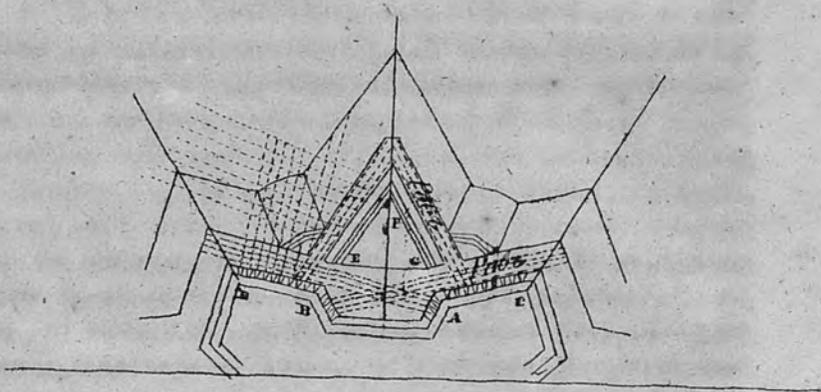
Втеченіе двухъ столѣтій высшіе умы въ Европѣ трудились

безъ отдыха надъ усовершенствованіемъ этой системы. Во всѣхъ государствахъ были заведены школы, съ исключительною цѣлью преподавать и разбирать начала фортификаціи; многіе милліоны израсходованы для примѣненія къ дѣлу научныхъ правилъ, отъ которыхъ неоднократно зависѣла судьба народовъ. Послѣ столькихъ успій, легко понять, до какой степени совершенства должна была дойти эта система; безъ сомнѣнія, ни одно дѣло, совершонное руками или созданное умомъ человѣка, не имѣетъ такой полноты въ своихъ подробностяхъ, какъ фортификація. Этимъ объясняется простительный восторгъ, которому предаются спеціальные люди, расхваливая столько же многочисленные, какъ и остроумные приемы этой науки.

Не смотря на то, всѣ усовершенствованія произвели только тотъ результатъ, что армія, какъ бы она ни была многочисленна, храбра и хорошо устроена, можетъ быть разбита и даже истреблена, если бы она покусилась взять сразу приступомъ правильно укрѣпленное мѣсто. Эта теорема ясно видна изъ слѣдующаго рисунка:

(Рисунокъ 1).

Пушки, поставленные на флангѣ А бастіона АС, обстрѣливаютъ совершенно ровъ, защищающій фасъ ВД сѣсѣдяго бастіона и взаимно пушки на флангѣ В сего послѣдняго дѣлаютъ невозможнымъ доступъ къ фасу АС перваго бастіона. Слѣдовательно, прежде приступа къ одному изъ помянутыхъ фасовъ, нужно заставить замолчать артиллерию, которая ихъ флакируетъ. Кромѣ того, артиллерія съ фасовъ АС и ВД обстрѣливаетъ рвы полумѣсяца и все пространство впереди укрѣпленій, такъ, что пока она не умолкнетъ, осаждающій корпусъ войскъ не можетъ подойти къ укрѣпленіямъ. Дѣйствіе этой артиллеріи усиливается еще огнемъ фасовъ ЕР и ЕН полумѣсяца, и система обороны становится такъ полною, что на протяженіи, на которомъ дѣйствуютъ крѣпостныя пушки, нѣтъ ни одной точки, къ которой осаждающій могъ бы дойти. Но какъ инженеры не могутъ отрицать, что мѣста, атакуемые посредствомъ сапы, не опасаются приступа, доколѣ укрѣпленія ихъ неповреждены: то изъ сего слѣдуетъ, что всѣ усилія имѣли цѣлью предвидѣть опасность, которая никогда не осуществ-

вляется на дѣлѣ, а не успѣли обеспечить крѣпости отъ истинной опасности.

Другой рисунокъ легко объяснить непреодолимое превосходство атаки:

(Рисунокъ 2).

Какъ только осаждающій заложилъ свою первую параллель предъ фасомъ бастиона X, чрезъ который онъ положилъ проникнуть въ крѣпость, онъ устраиваетъ четыре батареи A'B^c C'D' на продолженіяхъ фасовъ A и D двухъ полумѣсяцевъ, прикрывающихъ бастионъ и фасовъ C и D самаго бастиона. Каждая изъ этихъ батарей состоитъ обыкновенно изъ трехъ или четырехъ пушекъ; если въ помощь имъ прибавить двѣ или три мортиры, то онѣ всегда могутъ въ двадцать-четыре и, наиболѣе, въ сорокъ-восемь часовъ значительно уменьшить и даже совершенно прекратить огонь атакуемаго фронта. Если осаждающій бьется огня съ фасовъ смежнаго бастиона E и F; то онъ можетъ или дѣйствовать противъ него съ другихъ батарей, устроенныхъ на продолженіи этихъ фасовъ, или же довольствоваться прикрытіемъ первоначальныхъ батарей земляными насыпями въ точкахъ E и F. Въ то время, какъ артиллеристы осаждающаго устраиваютъ и вводятъ въ дѣйствіе батареи, — инженеры, подъ прикрытіемъ пушекъ, дѣлаютъ траншеи и апроши, почти въ направленіи MNO. Еще до окончанія саперныхъ работъ осаждающаго, огонь атакуемаго фронта обыкновенно совсѣмъ прекращается.

Этотъ неизмѣнный результатъ происходитъ отъ невозможности для атакуемаго мѣста употребить въ дѣйствіе достаточное количество орудій. Фронтъ новѣйшаго укрѣпленія помѣщаетъ до двухсотъ орудій, сила коихъ можетъ быть удвоена батареями смежныхъ фронтовъ, что вмѣстѣ даетъ 400 пушекъ. Но эта артиллерія поставлена такимъ образомъ, что по словамъ сэра Джона Джонса, автора *исторіи осадъ во время Испанской войны*, три пушки, дѣйствующія рикошетомъ съ точекъ, прилично избранныхъ, на продолженіяхъ фасовъ укрѣпленія, подобаютъ легко, въ особенности, если батареи не снабжены траверсами, втрое и вчетверо болѣе орудій, чѣмъ на нихъ помѣщается. Если батареи осажденнаго защищены траверсами, то огонь двухъ или трехъ мортиръ, вмѣстѣ съ огнемъ осадныхъ пушекъ, про-

изведеть тоже дѣйствіе.» Однимъ словомъ, въ то время, когда осаждающій дошелъ до крѣпостнаго рва, положеніе двухъ противныхъ сторонъ таково: съ одной стороны, многочисленныя войска съ сильною, неповрежденною артиллеріею; съ другой же стороны гарнизонъ, значительно слабѣе съ меньшимъ числомъ людей, безъ единой пушки, годной къ употребленію и принужденный сражаться только съ ружьями за разрушенными паркетами, полъ огнемъ осаждающихъ. Исходъ такого сраженія не можетъ быть сомнителенъ ни на одну минуту.

Это превосходство малаго числа пушекъ, поставленныхъ на полѣ, которыя въ состояніи подбить гораздо большее число орудій въ батареяхъ укрѣпленій, заслуживаетъ подробнаго объясненія, потому-что оно составляло до нынѣ ключъ всей тайны осадъ.

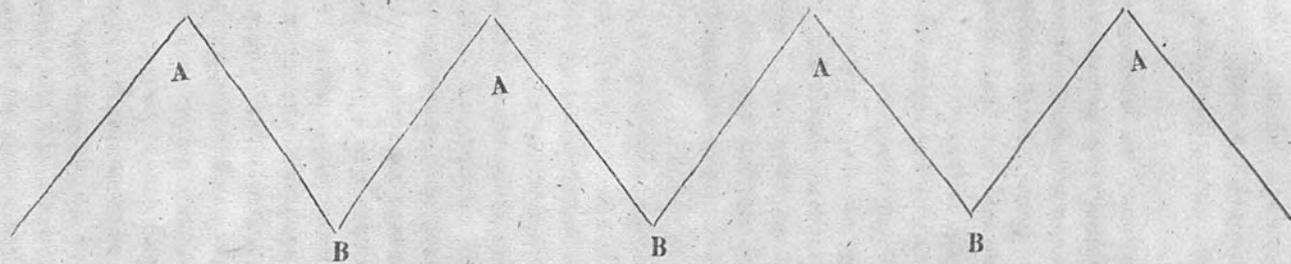
Положимъ, что генералъ, командующій десяти тысячнымъ корпусомъ, выстроитъ свое войско предъ сраженіемъ, такъ какъ изображено на рисункѣ.

(Рисунокъ 3).

Онъ можетъ утверждать, что если линія его будетъ атакована внутри угловъ АА; то непріятель будетъ истребленъ перекрестными огнями. Тоже самое случится при атакѣ угловъ ВВ; потому-что и тогда перекрестный огонь ломанной линіи былъ бы вдвое сильнѣе огня прямой линіи. Но непріятельскому генералу не нужно слишкомъ много смѣливости, чтобы понять, что на извѣстномъ разстояніи эти наклонные огни господствуютъ только надъ одною частію мѣстности, тогда-какъ его прямая линія, стрѣлая впередъ, не теряетъ ни малѣйшей части своего огня, и что, если у него есть нѣсколько орудій и онъ поставитъ ихъ на продолженіяхъ фасовъ АВ, то можетъ истреблять цѣлые ряды. Это предположеніе можетъ показаться дѣтскимъ; но оно обозначаетъ довольно точно переходъ дѣйствій при осадахъ. Съ безконечными трудами и ужасными издержками нагромозжаютъ на укрѣпленіяхъ пушки, такимъ образомъ, чтобы можно было обстрѣливать перекрестнымъ огнемъ апроши, но непріятель, прежде чѣмъ покажется на лицѣ, всегда успѣетъ подбить эту артиллерію и тогда уже смѣло идетъ на приступъ.

Кто судитъ безпристрастно, тотъ ясно видитъ, что тѣ же

Рисунок 3.

средства, которыя даютъ силу атакѣ, могутъ быть въ равной мѣрѣ полезны оборонѣ и что инженеръ, при постройкѣ крѣпости, долженъ поставить себя на мѣсто тѣхъ, которые будутъ атаковать ее. Принимая, что три пушки, поставленныя въ крѣпости, производятъ то же дѣйствіе, что двѣнадцать пушекъ на укрѣпленіи и что превосходство внѣшняго огня составляетъ общую причину успѣха осадъ, задача состоитъ въ томъ, чтобы найти въ какой-либо точкѣ укрѣпленія мѣсто, на которомъ три пушки могутъ бороться съ равнымъ вѣроятіемъ на успѣхъ, противъ такого же числа пушекъ, дѣйствующихъ извнѣ. Строитель форта знаетъ впередъ, гдѣ осаждающіе возведутъ свою батарею и даже можетъ предугадывать ея силу и размѣры, а потому дѣло его устроить или у подошвы гласиса, или на стѣнахъ, другую, совершенно такую же, батарею, которая заставитъ непріятеля удвоить свое вооруженіе подъ опасеніемъ неудачи.

Но это еще не все: по словамъ сэра Джонъ Джонса, чтобы заставить крѣпостную артиллерию умолкнуть, у осаждающаго должно быть, по крайней мѣрѣ, столько же и такого же калибра пушекъ, какъ у осаждающаго и если только средства осаждающаго позволяютъ, то онъ долженъ помѣстить въ траншеяхъ артиллерию, вдвое сильнѣйшую нежели та, которую хочетъ сразить прямымъ огнемъ.

Или другими словами: если крѣпостныя пушки поставлены такимъ образомъ, что могутъ дѣйствовать лицомъ къ лицу съ осадною артиллеріею; то сила ихъ по-крайнѣй-мѣрѣ равна, а на практикѣ дѣйствительно выше той, съ какою дѣйствуютъ орудія, поставленныя на полѣ. Такимъ образомъ осаждающій, вмѣсто того, чтобы 50 пушками подбить 400 крѣпостныхъ орудій, долженъ бы имѣть для той цѣли не менѣе четырехсотъ, а даже отъ 600 до 800 пушекъ.

Какъ ни просто кажется это разрѣшеніе задачи, но до осады Севастополя ово не было употреблено на практикѣ, и хотя данныя были извѣстны и приняты слишкомъ за сто лѣтъ предъ тѣмъ, но таково вліяніе духа системы и спеціальнаго ученія, что ни одинъ инженеръ не попробовалъ подвергнуть ихъ опыту.

Въ концѣ минувшаго столѣтія одинъ кавалерійскій офицеръ, маркизъ Монталамберъ, понявъ затрудненіе обороны и со всѣмъ блескомъ генія предложилъ средство устранить это зло. Онъ совѣтовалъ устроить предъ точкою атаки огромныя казематныя

батареи въ два или три этажа и надѣялся получить оттого такое превосходство огня, что можно было бы раздробить имъ первую параллель осаждающаго.

Въ теоріи система его была превосходна; но она упустила изъ виду одинъ изъ первыхъ уроковъ фортификаціи, именно, что послѣ изобрѣтенія артиллеріи вѣтъ построекъ, способныхъ выдержать продолжительное дѣйствіе пушки. Противники Монталамбера замѣтили, что не было надобности ставить осадныя орудія въ амбразурахъ, которыя позволяютъ осажденному рассмотреть непріятельскую артиллерію, а что достаточно замаскировать ихъ земляными насыпями, поверхъ которыхъ можно стрѣлять изъ пушекъ подъ-весьма слабымъ угломъ, такъ-что ядра не потеряютъ силы, нужной для разрушенія стѣнъ, осажденный же не будетъ даже въ состояніи рассмотреть съ точностію, гдѣ эти орудія поставлены.

Это возраженіе найдево было столь сильнымъ, что система Монталамбера не принята нигдѣ, не исключая отечества автора. Одни вѣмцы, въ убѣжденіи, что система бастионовъ неудовлетворительна, старались примѣнять систему Монталамбера къ фортификаціи и дошли до системы, которая, можетъ-быть, лучше Вобановой; но все еще далека отъ совершенства.

Не мѣсто здѣсь подробно разбирать различныя системы фортификаціи, которыя возникли впоследствии. Мы ограничимся извлеченіемъ изъ памятнаго листка, изданнаго въ 1850 году комиссіею, въ которой участвовали главнѣйшіе инженерные офицеры англійской арміи. Этотъ листокъ опредѣляетъ въ слѣдующей таблицѣ сравнительное достоинство различныхъ системъ фортификаціи, примѣненныхъ къ фронту въ 400 метровъ длины.

Предполагаемая издержки.	Названіе системы.	Сравнительное достоинство.	Срокъ сопротивленія.
2.500,000 Франковъ	система, принятая за совершенную	1 000	36 дней
1.250,000 —	система Кегорна	142	21 —
2.000,000 —	таже, усовершенствованная Мерксомъ	625	31 —
1.000,000 —	1-я Вобанова система	72	19 —
2.000,000 —	2-я и 3-я Вобановы системы	125	29 —
1.500,000 —	система Кармонтеня	166	30 —
5.000,000 —	— Буссемара и Шагу	500	34 —

7.500.000	—	—	Монталамбера	105	30	—
2.500.000	—	—	Карнота	316	18	—
1.500.000	—		нѣмецкая система, про- стая линія	250	24	—
2.500.000	—		нѣмецкая система двой- ная.	474	34	—

Вотъ расчетъ, который полевые инженеры представляютъ публикѣ, какъ общій результатъ науки фортификаціи. Верхъ искусства ихъ состоитъ въ постройкѣ за 2.500.000 франковъ фронта укрѣпленія, имѣющаго въ длину 400 метровъ и способнаго противиться атакѣ въ продолженіе тридцати шести дней. Но притомъ они сознаются, что это воображаемое совершенство въ практикѣ не осуществляется. Здѣсь кстати замѣтить, что самъ Наполеонъ, хотя онъ со всѣмъ преобразовалъ стратегію и былъ превосходнымъ артиллерійскимъ офицеромъ, не ввелъ ни какого важнаго измѣненія въ искусствѣ защищать крѣпости.

Послѣ мира 1815 года, приемы фортификаціи весьма-мало усовершенствовались и уже въ послѣднее время одинъ землемѣръ, не принадлежавшій къ военному сословію, вздумалъ было возвратитъ оборонѣ крѣпостей прежнее превосходство предъ атаккою. Въ теоріи, г. Фергюсонъ слѣдуетъ идеѣ Монталамбера; но въ практикѣ вовсе избѣгаетъ каменныхъ построекъ, вмѣсто которыхъ предлагаетъ употреблять земляныя насыпи, расположенныя террасами, для помѣщенія пушекъ. Форма этого укрѣпленія, по мнѣнію его, не составляетъ особенной важности. Главное условіе состоитъ у него въ томъ, чтобы укрѣпленіе было въ состояніи противуставить атакѣ огонь, который превосходилъ бы силу атаки. Это условіе уравниваетъ вѣроятіе успѣха въ дѣлѣ между равносильными арміями; но какъ здѣсь дѣло идетъ о доставленіи слабому гарнизону возможности устоять противъ гораздо сильнѣйшей арміи, то необходимо поставить между осажденнымъ и осаждающимъ преграду, которой послѣдній не могъ бы ни разрушить, ни перейти, пока не преодолеетъ крѣпостнаго огня. Фергюсонъ, полагаетъ, что этому второму условію легко удовлетворить устройствомъ предъ крѣпостію рва съ водою; но даже и при невозможности наполнить ея ровъ, ширина и глубина его, происходящія отъ выкапыванія земля подъ устройство вала съ террасами, дадутъ возможность укрѣпить бока его; эта двойная операція предо-

храняетъ крѣпость отъ внезапнаго нападенія и притомъ каменные бока рва не могутъ быть атакованы непріателемъ, пока огонь крѣпости не замолкнетъ. Наконецъ г. Фергюсонъ утверждаетъ, что постройка крѣпостей по его системѣ обойдется менѣе, чѣмъ вполовину противъ прежнихъ построекъ и что даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно сберечь девять-десятыхъ.

Предположенія г. Фергюсона, происшедшія изъ гражданскаго источника, встрѣтили, какъ этого можно было ожидать, очень холодный пріемъ со стороны инженерныхъ офицеровъ. Но война заняла все умы и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ важное искусство фортификаціи перестало быть исключительною принадлежностію специальныхъ людей, то каждое предположенное усовершенствованіе заслуживаетъ внимательнаго обсужденія. Въ спорѣ чисто теоретическомъ публика съ трудомъ могла бы составить себѣ мнѣніе; но современный опытъ представляетъ ежедневно слишкомъ знаменательные факты, чтобъ значеніе ихъ могло остаться непонятнымъ даже для людей неспеціальныхъ. Прекратимъ же ученые разсужденія и посмотримъ, какой свѣтъ бросили событія настоящей войны на вопросы, относящіеся къ фортификаціи.

Осады Силистріи, Бомарзунда и Севастополя такъ же важны, какъ и тѣ, которыя были въ другихъ европейскихъ войнахъ, но онѣ болѣе поучительны. Постараемся изложить ихъ нѣсколько подробнѣе.

Городъ Силистрія расположенъ на равнинѣ праваго берега Дуная, который въ этомъ мѣстѣ въ пятьсотъ метровъ ширины. Городъ окруженъ стѣною съ бастіонами, образующею полукругъ въ 1300 метровъ въ поперечникѣ. Въ пяти или шести-стахъ метровъ отъ стѣны города, мѣстоположеніе начинается возвышатся и на разстояніи 1000 метровъ тянется цѣпь холмовъ, которые совершенно господствуютъ надъ городомъ. Занятіе ихъ въ 1829 году русскими было одною изъ причинъ сдачи города послѣ тридцати-пяти-дневной осады. Для отклоненія этой опасности турки на всехъ окружныхъ высотахъ возвели земляныя укрѣпленія, противъ которыхъ русскіе, по необходимости, направили свои силы. Стѣны города, которыя находились въ томъ же положеніи, въ какомъ были во время послѣдней осады, не подвергались серьезной атакѣ.

Внѣ города выстроены были три форта, параллельно съ те-

ченіемъ рѣки. Первый, называемый Жермень-Табія, прикасался къ предметамъ; другой, Еленди-Табія, находился въ разстояніи 1000 метровъ отъ перваго форта, и наконецъ, въ 1300 метрахъ далѣе по теченію рѣки, возведенъ третій фортъ Арабъ-Табія, который поддерживался со стороны равнымъ четвертымъ укрѣпленіемъ Орду-Табія, расположеннымъ также въ разстояніи 1300 метровъ и траншея, или прикрытая дорога соединяла между собою. форты Арабъ-Табія и Елены-Табія, а за ними простирался яръ, въ которомъ во время осады помещался гарнизонъ. Арабъ-Табія, простое полевое укрѣпленіе, образуетъ три стороны квадрата. Фронтъ и лѣвый фасъ длиною каждый около ста метровъ; правый же фасъ, смежный съ яромъ, всего только въ 50 метровъ. Послѣдній фасъ оканчивается прямогольнымъ поворотомъ, который его фланкируетъ. Размѣры парапета обыкновенны. Ширина и глубина рва не превышаетъ десяти футовъ; но по причинѣ твердости глинистой почвы, берега рва круче обыкновенныхъ и представляютъ болѣе препятствій приступу, нежели другія полевые укрѣпленія. Фортъ былъ снабженъ семью малыми пушками и гарнизонъ его состоялъ въ началѣ осады изъ 3.170 человекъ.

15 Мая русскіе подвинулись къ фортамъ и 19 числа открыли предъ Арабъ-Табія первую параллель. Съ этого дня, они не переставали воздвигать батареи противъ Арабъ - Табія и Елены-Табія, въ то же время дѣлая апроши къ городу вдоль рѣки. 24 мая послѣдовалъ приступъ къ Арабъ-Табія, но какъ укрѣпленія его пострадали немного, то приступъ былъ отбитъ.

28, въ полночь, поведена была другая, болѣе серьезная атака. Турки были застигнуты въ раслохъ; русскіе достигли почти до самой внутренности укрѣпленія и нужны были чрезвычайныя усилія, чтобы ихъ отгнать.

Видя, что приступы были безуспѣшны и что огонь артиллеріи немного вредилъ укрѣпленіямъ, русскіе принялись за мины, какъ за единственное средство, которое могло сдѣлать брешь въ стѣнѣ. Четыре вѣтви были проведены подъ укрѣпленія и за каждымъ взрывомъ слѣдовалъ болѣе или менѣе сильный приступъ, но безъ успѣха; потому-что хотя каждый разъ взорвана была часть стѣнъ, но оттого не открылось входа внутрь форта. Турки не старались защищаться контр-минами, а только прислушивались внимательно къ работѣ неприятельскаго минера и прежде чѣмъ галлерей была подведена

подъ стѣну, гарнизонъ дѣлалъ второй валъ за угрожаемою точкою и ставилъ на немъ пушки такъ, что онѣ обстрѣливали брешь, произведенную взрывами.

8 июня осажденные начали строить огромный редутъ, который, еслибы онъ былъ оконченъ, господствовалъ бы въ такой степени надъ прежними укрѣпленіями, что непріятель не имѣлъ бы возможности удержаться въ нихъ. Для разрушенія этого новаго средства обороны нужно было дѣлать вторичную систематическую осаду, такъ же трудную, какъ и первая. И такъ, 22 Іюня при уходѣ Русскихъ, гарнизонъ еще не исчерпалъ всѣхъ своихъ оборонительныхъ средствъ.

Нельзя отрицать, что успѣхъ этой необыкновенной обороны слѣдуетъ приписать, по бѣльшей части, удивительной стойкости турецкаго солдата, когда онъ защищенъ, хотя бы и незначительными укрѣпленіями и когда у него есть хорошіе начальники, а также искусству и храбрости двухъ англійскихъ офицеровъ, управлявшихъ работами осажденныхъ; но какъ русскіе ни разу не проникли внутрь форта; то, вѣроятно, и другія войска сопротивлялись бы имъ такъ же долго, какъ и турки. Потому надобно искать другой причины продолжительности обороны. Изученіе обстоятельствъ осады убѣждаетъ, что причина эта заключается въ борьбѣ между параллелями, т. е. въ томъ, что осажденные укрѣплялись назадъ по мѣрѣ того, какъ осаждающій подвигался впередъ. Турки, имѣя достаточное число работниковъ, могли постепенно прикрывать укрѣпленіями все разстояніе 1300 метровъ, которое имъ нужно было пройти, чтобы добраться до форта Елены-Табія, ихъ точки опоры. Еслибы они не дѣлали внутреннихъ укрѣпленій; то атаки русскихъ были бы успѣшнѣе. Но ничто такъ не мѣшаетъ приступу, какъ присутствіе другаго укрѣпленія, огонь котораго охраняетъ отступленіе защитниковъ бреша и ничто такъ не ослабляетъ духа атакующихъ, какъ открытіе новой преграды, о которой они не знали и которой силу имъ некогда измѣрять.

Русскіе воспользовались урокомъ, который они получили подъ Силистрією и при оборонѣ Севастополя употребили въ дѣло земляные параллели. Освободившись отъ старинныхъ предразсудковъ теорій, они оказали въ Севастополѣ сопротивленіе сильнѣе того, которое встрѣтили подъ Арабъ-Табія.

Но прежде изложенія осады Севастополя, необходимо расска-

затѣ вкратцѣ осаду Бомарзунда, которая представляетъ такой разительный контрастъ и служитъ такимъ же сильнымъ доказательствомъ неудобствъ, сопряженныхъ съ каменными стѣнами, какое Силистрія и Севастополь представляютъ въ пользу земляныхъ укрѣпленій.

Главная постройка въ Бомарзундѣ состояла изъ большой казематной батареи, построенной въ полукругъ на берегу моря и вооруженной восемьюдесятью пушками, которыя разставлены были въ два этажа, такимъ-образомъ, что могли обстрѣливать весь рейдъ. Незастроенная сторона крѣпости была защищена большою башнею, возвышавшеюся посреди зданія. Предположено было окружить эту цитадель цѣпью передовыхъ укрѣпленій, возведенныхъ на разстояніи 1000 метровъ отъ главнаго форта; три изъ нихъ были уже окончены и состояли, каждое, изъ круглой каменной башни, около 140 футовъ въ поперечникѣ, построенной въ два этажа съ четырнадцатью амбраурами, въ которыхъ помѣщались пушки большого калибра. Четвертая башня, которая должна была замыкать цѣпь и два укрѣпленные ложемента, была только занята предъ наступленіемъ осады. Всѣ эти укрѣпленія возведены по планамъ, которые находятся въ сочиненіяхъ Монталамбера, и все мѣсто было укрѣплено по изложеннымъ въ тѣхъ сочиненіяхъ правиламъ, такъ что при началѣ осады представился самый удобный случай оцѣнить достоинство системы.

21 іюня атака поведена была тремя англійскими фрегатами. Хотя и утверждали, что эти суда сдѣлали крѣпости значительный вредъ, а сами не претерпѣли другаго урона, кромѣ трехъ раненныхъ; однакоже они не продолжали атаки и возвратились къ флоту, объявляя, что крѣпость недоступна съ моря. Вслѣдствіе этого рапорта, призвали изъ Франціи десятитысячную армію съ артиллеріею и снарядами, достаточными для правильной осады. 8 Августа войска высадились на берегъ, къ югу отъ крѣпости и немедленно приступили къ устройству батарей, 13 числа французы открыли противъ западной башни огонь изъ четырехъ полевыхъ и шестнадцати осадныхъ орудіи и изъ четырехъ малыхъ мортиръ. Къ вечеру нельзя было уже держаться въ укрѣпленіи и комендантъ выставилъ бѣлый флагъ; но по разногласію въ условіяхъ капитуляціи, башня была занята только на слѣдующій день утромъ. Французы

взяли тогда въ плѣнъ небольшую часть гарнизона, которая не ретировалась.

14, на разсвѣтѣ дня, англичане стали стрѣлять противъ сѣверной башни изъ трехъ корабельныхъ 32 фунтовыхъ орудій и до наступленія вечера пробили въ ней такую широкую брешь, что въ башнѣ невозможно было оставаться долѣе; спустя нѣсколько часовъ, она бы обрушилась. Въ тотъ же день, капитанъ Пелемъ, съ двадцатью моряками своего экипажа, стрѣлялъ изъ большой пушки на Бленгеймъ по главной крѣпости, и если бы продолжалъ пальбу еще нѣсколько времени, то, вѣроятно, не теряя ни одного человѣка, пробилъ бы также широкую брешь. Но какъ всѣ внѣшнія укрѣпленія были сбиты и осадныя батареи окончены; то комендантъ, видя бесполезность сопротивленія, сдался безусловно съ двумя тысячами двумя стами человѣкъ гарнизона.

Силы, употребленныя въ дѣйствіе, состояли у французовъ изъ 100 канонировъ и 500 стрѣлковъ и у англичанъ изъ 180 матросовъ, дѣйствовавшихъ пушками, да изъ 200 морскихъ солдатъ, всего менѣе 1000 человѣкъ. У англичанъ было двое убитыхъ и шестеро раненыхъ, у французовъ потеря была вдвое значительнѣе, не считая нѣсколькихъ солдатъ, пораженныхъ своими товарищами вслѣдствіе недоразумѣнія. Исходъ осады доказалъ, что если бы атака съ суши была произведена въ іюнь; то число морскихъ солдатъ, которыхъ было шесть тысячъ, было бы слишкомъ достаточно для этого дѣла. Въ гарнизонѣ изъ 2500 человѣкъ, разбросанныхъ въ четырехъ разныхъ укрѣпленіяхъ, едва 1000 человѣкъ могли быть употреблены для сопротивленія высадкѣ или для набѣговъ на осадныя работы. Полдюжины пушекъ, защищенныхъ отрядомъ войска, сбили бы въ непродолжительное время всѣ постройки фортовъ; тогда-какъ несмѣтный флотъ не допустилъ бы никакихъ подкрѣпленій фортамъ.

Споры, бывшіе въ концѣ прошедшаго вѣка о теоріи Монталамбера, доказали очевидно, что каменные постройки вовсе неудобны для фортификаціи; что въ казематахъ нельзя держаться долго и что система эта не представляетъ обѣщанныхъ выгодъ. Не смотря на то съ одной стороны Россія рѣшилась устраивать крѣпости по плану Монталамбера; съ другой, самый могущественный флотъ, какой Англія вывела когда-либо изъ своихъ портовъ, не посмѣлъ сражаться съ этимъ грознымъ

призракомъ и требовалъ помощи 10,000 французовъ, снабженныхъ полнымъ осаднымъ экипажемъ, для того только, чтобы разрушить нѣсколько кусковъ каменной стѣны, которая оказалась такъ же непрочною, какъ корка пирожного.

Послѣ сдачи Бомарзунда, корабль Эдинбургъ, подъ начальствомъ адмирала Чедса, подошелъ къ главной крѣпости съ цѣлю испытать силу своихъ пушекъ. Послѣдствія этого опыта не были официально обнародованы; но, сколько намъ извѣстно, что они не много прибавили къ результатамъ осады. На разстояніи пяти-сотъ метровъ огонь корабля былъ страшенъ; но въ этѣмъ разстояніи дѣйствіе огня ослабѣвало въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній. Это нужно приписать отчасти уменьшенію скорости полета, отчасти же возрастающей невѣрности прицѣла.

Сравнивая осаду Силистріи съ Бомарзундскимъ дѣломъ, находимъ такую различную развязку, что по неволѣ сомнѣваемся въ пользѣ науки, которая приводитъ къ такимъ страннымъ результатамъ. Въ первомъ случаѣ видимъ, что простое земляное укрѣпленіе, которое совсѣмъ строительнымъ матеріаломъ и съ землею, занятою подъ постройку, не стоило в 25,000 франковъ, сопротивлялось съ успѣхомъ, впродолженіе тридцати двухъ дней, армія, вдесятеро сильнѣйшей, нежели гарнизонъ его. Въ другомъ же примѣрѣ, большая крѣпость, возведеніе коей обошлось въ нѣсколько милліоновъ, падаетъ, послѣ немногихъ часовъ пушечной пальбы, предъ горстью людей, не составлявшею половины гарнизона. И все это произошло, безъ употребленія при атакѣ какихъ-либо новыхъ и неожиданныхъ приемовъ, а единственно потому, что научныя правила были во всей строгости примѣнены при постройкѣ крѣпости. Если есть въ мірѣ корпусъ инженеровъ, который долженъ былъ предвидѣть этотъ результатъ, такъ это безспорно англійскій, который зналъ по опыту, что гургонскій замокъ, окруженный на подобіе Арабъ-Табія простыми земляными укрѣпленіями и защищенный слабымъ гарнизономъ изъ двухъ-тысячъ человекъ, отразилъ прекраснѣйшую армію, какую Англія когда-либо вывела въ поле и что предъ тѣми же войсками пали правильныя укрѣпленія Цюдадь-Родриго, Бадаіоза и Сенъ-Себастіана.

И что же? Единственнымъ послѣдствіемъ впечатлѣнія, произ-
Отд. III, 1/5

веледнаго двойнымъ опытомъ Сидистріи и Бомараунда на умы англійскихъ инженеровъ, было требованіе огромнаго кредита на сооруженіе вдоль береговъ Англій каменныхъ башенъ à la Bomarsund, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ море имѣетъ самую значительную глубину и гдѣ берегъ можетъ быть обстрѣливаемъ съ близкихъ высотъ. И по обыкновенію, Палата Депутатовъ разрѣшила издержки безъ всякаго разбирательства.

Теченіе событій такъ быстро, что важность двухъ осадъ осталась незамѣченною и что даже воспоминаніе объ нихъ изгладилось предъ исключительнымъ интересомъ осады Севастополя. Нельзя удивляться этому: смотрѣть ли на эту осаду съ политической точки зрѣнія, или же наблюдать за нею въ отношеніи къ наукѣ, во всякомъ случаѣ эта третья осада важнѣе всѣхъ, какія были предприняты въ новѣйшія времена.

При изученіи осады Севастополя представляются уму два трудные къ разрѣшенію техническіе вопроса: съ сѣверной ли или съ южной стороны слѣдовало начать атаку города, а равно, нужно ли было союзникамъ идти на приступъ тотчасъ послѣ прибытія къ городу, или вести правильную осаду.

Прежде, нежели попытаемся отвѣчать на эти вопросы, необходимо внимательно изслѣдовать мѣстоположеніе Севастополя и изучить оборону его, смотря на нее съ русской точки зрѣнія. Обильные матеріалы для этого труда разбросаны въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, бывшихъ еще до начала войны. Какъ русскіе, впродолженіе пятидесяти лѣтъ, изыскивали средства укрѣпленія Севастополя и жертвовали на это огромныя суммы; то должно полагать, что они достигли самого вѣрнаго рѣшенія задачи. Оставляя въ сторонѣ всѣ статейки и поверхностные планы, которые были въ рукахъ публики, мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ обратиться къ превосходнымъ топографическимъ очеркамъ маіора Биддульфа, которые отличаются своею совершенною точностію и крайнею ясностію.

Очевидно, что русскіе считали входъ въ гавань самую слабою точкою Севастополя, хотя по природному свойству мѣста,

входъ этотъ легче защищать, чѣмъ въ другихъ европейскихъ портахъ. Многіе мысы, на которыхъ удобно устроить батареи, находятся по обѣимъ сторонамъ бухты, простирающейся съ сѣвера на югъ не болѣе 1000 метровъ. На этихъ возвышеніяхъ устроены казематные форты, съ тремя и четырьмя этажами пушекъ, кромѣ орудій, поставленныхъ открыто, такъ-что флотъ, который пытался бы войти въ бухту, былъ бы подверженъ перекрестному огню 700 пушекъ. Никакая крѣпость въ мірѣ не представляетъ ничего подобнаго. Но какъ эта артиллерія заперта въ казематахъ, то опасаясь, чтобы союзный флотъ не преодолѣлъ этой обороны, русскіе затопили въ бухтѣ нѣсколько кораблей и прибавили потомъ къ этой преградѣ мачты и другія запоры.

Переходя къ изученію обороны со стороны суши, видимъ, что самая важная точка находится на возвышеніи къ сѣверу отъ бухты. Владѣя этою высотой, непріятель владычествовалъ бы своимъ огнемъ не только надъ портомъ, но и надъ всѣми частями города, которыя развивались бы предъ его глазами на подобіе уступовъ греческаго театра, когда смотрѣть на нихъ со сцены: Въ городѣ нѣтъ дома, котораго нельзя было бы разрушить оттуда. Притомъ же, занимая эту позицію, осаждающій пересѣкалъ бы прямо сообщеніе города съ внутренностію края, откуда осажденный естественно долженъ былъ ожидать подкрѣпленія. Однимъ словомъ, сѣверное возвышеніе составляетъ ключъ позиціи и потому на него обратили особенное вниманіе при укрѣпленіи города.

На этомъ возвышеніи выстроили цитадель, которая, судя по составленнымъ планамъ, даетъ полное понятіе объ искусствѣ инженера, производившаго постройку. При исполненіи этого дѣла, всѣ преданія Вобановой школы оставлены въ сторонѣ и даже превзойдены правила такъ называемой прусской системы. Фортъ имѣетъ почти кругообразный видъ; параветы его поставлены прямо на стѣнахъ и всѣ каменные постройки фланкированы продольнымъ огнемъ. Инженеръ, очевидно, желалъ имѣть со всѣхъ сторонъ прямой огонь и по возможности избѣжать боковаго огня непріятельской артиллеріи. Какъ при томъ нельзя было избѣжать угловъ, хотя бы и слабыхъ, на крайнихъ оконечностяхъ четырехъ бастіоновъ; то пытался

пособить этому неудобству устройствомъ внутри каждаго бастиона большихъ казематныхъ ложементовъ, стрѣляющихъ прямо поверхъ оконечностей бастионовъ, которыя безъ того не могли бы дѣйствовать прямымъ огнемъ. Намъ кажется, что легче и успѣшнѣе можно бы достигнуть этой цѣли, отодвинувъ назадъ земляной парпетъ и сдѣлавъ его независимымъ отъ каменной постройки.

Самъ городъ построенъ на южной сторонѣ бухты въ видѣ полукруга въ 1600 метровъ въ поперечникѣ. Онъ раздѣляется на два почти равные сектора арсенальнымъ яромъ, который тянется съ юга на сѣверъ перпендикулярно къ бухтѣ. Верфи, арсеналы, госпитали и всѣ главнѣйшія военныя заведенія находились въ восточной половинѣ; западная же половина, въ которой помѣщается древній татарскій городъ Ахтіяръ, преобразовалась современемъ въ русскій городъ Севастополь.

Въ началѣ осады единственное, оконченное укрѣпленіе съ южной стороны, была Малахова башня, которая довольно походила на передовыя башни Бомарзунда и занимала главную позицію въ восточной половинѣ. Она была разрушена въ первый день атаки и имя ея обозначало впоследствии земляныя укрѣпленія, возведенныя кругомъ ея основанія.

Съ юго-западной стороны не было другихъ укрѣпленій, кромѣ зубчатой стѣны, отъ арсенальнаго яра до мѣста сзади кладбища. Эта стѣна назначена была не столько для защиты города, сколько для прикрытія гарнизона и съ цѣлью воспрепятствовать непріятелю укрѣпиться въ карантинномъ фортѣ, на случай, если бы это зданіе было разрушено огнемъ, съ кораблей, и если бы непріятели пытались высадиться на этомъ мѣстѣ.

Русскіе инженеры, очевидно, считали атаку съ суши весьма неправдоподобною и когда она осуществилась, то должно полагать, что союзные генералы не ошиблись, считая южную сторону слабою точкою города. Если бы на другой день послѣ прихода они повели войска на приступъ, то нѣтъ сомнѣнія, что взяли бы городъ; но вопросъ: успѣли ли бы они удер-

жаться въ немъ? У нихъ было не много полевыхъ орудій и они не могли бы отвѣчать на огонь пяти или шести-сотъ пушекъ русскаго флота, который, обстрѣливая все точки города, былъ бы въ состояніи съ помощію сѣверныхъ фортовъ, изгнать побѣдителей съ огромнымъ урономъ. Приступъ могъ быть удаченъ; но ни что не понуждало къ нему союзныхъ генераловъ, потому-что на основаніи принятыхъ правилъ открытый городъ долженъ былъ попасть въ руки осаждающаго тотчасъ послѣ того, какъ первая параллель была вооружена нѣсколькими пушками и саперныя работы достигли до первыхъ домовъ.

Безъ сомнѣнія, такой былъ бы исходъ дѣла, еслибы русскіе поручили оборону Севастополя какому-нибудь старому инженерному генералу, очевидцу великихъ наполеоновскихъ войнъ, въ которыхъ онъ отличился возведеніемъ славныхъ редутовъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Но въ Россіи не число лѣтъ, проведенныхъ на службѣ, даетъ право на полученіе мѣстъ и доставляетъ почести. Человѣкъ, котораго избрали для этого дѣла, очень молодъ и отличался только способностями и обширными познаніями. Въмѣсто того, чтобы защищать городъ *по правиламъ* и потомъ сдать его по истеченіи опредѣленнаго числа дней, онъ примѣнилъ къ практикѣ уроки Бомарзунда и Силистріи, его смѣлость и изобрѣтательность защищали Севастополь гораздо вѣрнѣе, нежели это считалось возможнымъ.

Въ среднихъ вѣкахъ было обыкновеніе покрывать солдатъ съ головы до ногъ желѣзными латами самаго сложнаго устройства; кажется нѣтъ ничего остроумнѣе этого изобрѣтенія. По-видимому, это самое вѣрное средство предохранить человека отъ ранъ, между-тѣмъ, со временемъ, узнали, что боецъ, покрытый сталью, неспособенъ къ нападенію и что солдатъ, даже менѣе сильный, но легче вооруженный, могъ бѣгать кругомъ латноносца, нападать на него, измучить его и наконецъ побѣждать. Узнали, однимъ словомъ, что настоящій секретъ обороны состоитъ въ сохраненіи возможности нападать. Желѣзное вооруженіе было брошено и солдатъ убѣдился, что для личной своей защиты онъ долженъ рассчитывать только на свой штыкъ и на свои патроны. Какъ фортификація сохранила дониндѣ старинное тяжелое вооруженіе крѣпостей, то

ходятъ вокругъ нихъ, какъ прежде около латноосца и разрушаютъ ихъ издали слегка вооруженною атакою. Севастополь, первый, въ новѣйшія времена былъ укрѣпленъ такимъ образомъ, что могъ пользоваться своими наступательными средствами. Генералъ Тотлебенъ обратилъ противъ атаки все правила науки и сдѣлалъ эпоху въ военномъ искусствѣ. Русскіе вполне оцѣнили всю важность открытія, но судя по дѣйствіямъ осады, оно для союзниковъ остается загадкою.

28 сентября союзная армія заняла позицію на высотахъ, господствующихъ надъ Севастополемъ съ южной стороны и немедленно приступила къ проведенію первой параллели. Русскіе предприняли въ то же время свои оборонительныя работы и какъ они дѣйствовали на меньшемъ пространствѣ, то работы ихъ были окончены вмѣстѣ съ сапами осаждающаго, не смотря на то, что онѣ должны были быть крѣпче и основательнѣе работъ противника.

Параллель, возводимая осаждающимъ, какъ объяснено выше, состоитъ изъ рва въ четыре фута глубины и вала, образованнаго изъ земли, выбрасываемой по направленію къ крѣпости. Въ оборонительной же параллели ровъ остается снаружи, а земля внутри, и потому, чтобы получить прикрытіе въ восемь футовъ вышины, должно рыть землю до такой же глубины. Притомъ необходимо, чтобы земляной валъ былъ снабженъ флангами, ненужными при наступательныхъ параллеляхъ. Если укрѣпленіе не обширно, то фланги занимаютъ значительную часть пространства, назначеннаго для прямого огня и тѣмъ уменьшаютъ силу послѣдняго; но въ Севастополѣ уменьшеніе это было нечувствительно, потому-что, независимо отъ фланговъ, оставалось всегда столько мѣста, сколько нужно было для достаточнаго количества пушекъ. Если время позволяетъ, при укрѣпленіи мѣста въ мирное время, лучше углубить ровъ, построить въ немъ зубчатую стѣну или помѣстить батарею и наконецъ спрятать тамъ фланговыя пушки, но въ настоящую осаду подобныя работы были неумѣстны. Русскій инженеръ не могъ дѣйствовать иначе, какъ дѣйствовалъ.

Съ югозападной стороны слабая точка находилась выше

портового яра. Она была защищена бастиономъ № 4 и выстроенною сзади его батареею, огонь которой, направленный поверхъ оконечности бастиона, усиленъ былъ въ послѣдствіи третьею линіею батарей. Укрѣпленія между бастиономъ и карантинною бухтою простираются почти въ прямой линіи и не снабжены флангами, но оврагъ, проходящій впереди этой линіи и домовъ, достаточно защищаетъ укрѣпленія.

Къ юговостоку, Малахова башня составляла ключъ позиціи, и первое стараніе г. Тотлебена было укрѣпить эту башню земляною насыпью. При этомъ оставлены безъ вниманія всѣ средства фланкировки, потому-что, преимущественно, нужно было имѣть возможность направить сильный прямой огонь на зеленый холмъ, въ случаѣ, если бы союзники вздумали занять его, что они должны были сдѣлать въ самомъ началѣ осады. Послѣ разрушенія башни осаждающими, русскіе выстроили нѣсколько сзади другой фортъ, гораздо лучше перваго и вырыли передъ нимъ рядъ волчьихъ ямъ для стрѣлковъ.

Съ другой стороны оврага, у начала гавани, находился Реданъ, возведенный по правиламъ школы бастионовъ. Онъ, впрочемъ, заключалъ въ себѣ не такъ много недостатковъ, какъ это казалось на первый взглядъ, потому-что продолженія его фасовъ упирались въ овраги, въ которыхъ нельзя устроить батарей, дѣйствующихъ по укрѣпленіямъ продольнымъ огнемъ. Для полноты системы нужно было, чтобы фланговые огни обстрѣливали мѣстность спереди укрѣпленій, чего тамъ невозможно было сдѣлать; наконецъ недостаточность Редана вознаграждалась батареями, въ пятьдесятъ пушекъ, которыя поставлены были такъ, что не подвергались дѣйствию продольнаго огня.

Вообще, въ планѣ и въ главной идеѣ этихъ укрѣпленій не было ничего оригинальнаго; но они отличаются особенно искуснымъ примѣненіемъ ихъ къ мѣстности, а также не менѣе искусною быстротою возведенія. Новость состояла въ размѣрахъ вооруженія; никогда прежде не употребляли столько и такого калибра орудій для сопротивленія атакѣ.

Въ этомъ отношеніи положеніе Севастополя было весьма

благоприятно. Пушки, защищавшіе его стѣны, взяты были съ кораблей и кромѣ того въ арсеналѣ было ихъ нѣсколько тысячъ; какъ осаждающіе, во время первой бомбардировки, располагали только тремя-или четырьмястами пушекъ, то осажденные могли отвѣчать имъ тѣмъ же числомъ и возобновлять свою артиллерию десять разъ. Заряды были подвозимы непрерывно, такъ-что оборонительныя средства города были почти неисчерпаемы.

Инженеры союзныхъ войскъ думали, что они знаютъ оборонительную силу Севастопольскихъ укрѣпленій; но они ошиблись и событія доказали, что они не были приготовлены къ тому, что ихъ ожидало. 17 октября французы начали дѣлать первую параллель, точно также, какъ предъ Антверпеномъ въ 1833 году и какъ бы они дѣлали предъ каждою крѣпостью съ бастіонами. Разстояніе заключало въ себѣ шестьсотъ метровъ, требуемыхъ теоріею и наружный видъ параллели былъ тотъ же, который находимъ въ ученыхъ руководствахъ. Батареи были устроены на продолженіяхъ фасовъ бастіона № 4 и вооружены по правиламъ, показаннымъ выше. Когда все было готово, союзники открыли огонь и изумились, когда увидѣли результатъ бомбардированія. Въ первый разъ, въ новѣйшихъ войнахъ, сбылось предсказаніе Монталамбера: осажденный раздробилъ первую параллель осаждающаго; амбразуры были разрушены, орудія сбиты, пороховые магазины взорваны. Побѣжденные французы принуждены были прекратить дѣйствіе.

Англичане менѣе пострадали: какъ они поставили свои батареи на благоразумномъ разстояніи тысячи двухсотъ метровъ отъ укрѣпленій, то осажденный не могъ сдѣлать имъ много зла; но за то и они повредили ему немного. Судя по исходу дѣла, атака со стороны англичанъ была не что иное, какъ диверсія, чтобы воспрепятствовать русскимъ сосредоточить весь огонь противъ французовъ, потому-что нельзя было ожидать, чтобы каменные или земляныя постройки были повреждены на такомъ разстояніи. Какъ бы то ни было, но осажденные исправляли ночью то, что было повреждено днемъ и слѣдующее утро начинали бой съ тою же силою, какъ и наканунѣ. Если бы французы успѣли въ своемъ предпріятіи, то ложная атака

англичанъ была бы достаточна; но неудача первыхъ разстроила весь планъ осады.

Когда это происходило на сушѣ, флотъ сталъ атаковать форты съ моря. Эта операція, кажется, была предпринята безъ опредѣленной цѣли и безъ большой надежды разрушить прибрежныя укрѣпленія. Это также была, вѣроятно, диверсія, чтобы отвлечь вниманіе осажденныхъ и, какъ всѣ полумѣры, осталась безъ успѣха. Она не вознаградила потери въ людяхъ и снарядахъ. Корабли выстроились длинною линіею у входа въ бухту, вѣв скаль въ разстояніи 1200 метровъ отъ берега и палили весь день, не причиняя вреда; они же были подвержены огню прибрежныхъ батарей и пушекъ, поставленныхъ вдоль скаль въ земляныхъ укрѣпленіяхъ и не могли попасть въ эти послѣднія, близость которыхъ ясно доказывалась мѣткостью выстрѣловъ, направленныхъ съ успѣхомъ противъ нѣкоторыхъ кораблей.

Въ этомъ дѣлѣ ничто не могло содѣйствовать разрѣшенію стараго спора о прочности каменныхъ и деревянныхъ стѣнъ. Опытъ, сдѣланный Агамемнономъ, былъ гораздо поучительнѣе. Этотъ корабль подошелъ къ константиновскому форту на разстояніи восьмисотъ метровъ; палилъ по нему въпродолженіе шести часовъ сряду, и хотя подвергался сильному огню, но вышелъ изъ боя безъ значительныхъ поврежденій.

Безполезное бомбардированіе продолжалось три недѣли и не причинило никакого вреда укрѣпленіямъ, которыя стали даже сильнѣе, чѣмъ были въ началѣ его. Вооруженіе города достигло такихъ размѣровъ, что возможность приступа уменьшалась съ каждымъ днемъ. Втеченіе зимы, французы покрыли сѣтью траншей всю мѣстность атаки и подошли къ русскимъ укрѣпленіямъ на разстояніе двухсотъ метровъ. Сомнѣваемся, чтобы этотъ ужасный трудъ стоилъ употребленнаго времени.

6 апрѣля послѣдовало вторичное бомбардированіе Севастополя. Вооруженіе англійскихъ батарей состояло изъ восьмидесяти четырехъ пушекъ и сорока восьми мортиръ; не знаемъ, сколько ихъ было у французовъ, но принимая равное число, находимъ, что огонь возобновился съ 200 пушками и 100 мортирами,

которыя бросили въ городъ болѣе металла, нежели при какой либо осадѣ, со времени изобрѣтенія пороха. Батареи начинали дѣйствовать съ разсвѣтомъ дня и каждое орудіе выбрасывало отъ 120 до 140 зарядовъ въ день. Такой огонь продолжался непрерывно десять дней, потомъ уменьшился до 100 и наконецъ до 50 выстрѣловъ изъ орудія, и за тѣмъ вскорѣ прекратился. Русскіе впродолженіе всего этого времени отвѣчали по-крайней-мѣрѣ съ равною силою. Иногда бывало, что они не стрѣляли по цѣлымъ часамъ, а потомъ вдругъ огонь ихъ восходилъ до огромныхъ размѣровъ. Въ итогъ, они сдѣлали непріятелю такъ же мало вреда, какъ и сами потерпѣли отъ него и едва ли не выгодило бы для нихъ запереть свои амбразуры, снять пушки, исключая тѣхъ, которыя были нужны для обороны, и предоставить союзникамъ терять понапрасну порохъ и ядра противъ неуязвимыхъ укрѣпленій.

Исходъ этой удивительной операціи былъ совѣмъ ничтоженъ. Союзники одержали, правда, нѣкоторое превосходство надъ батареями Редана, зеленого холма и бастіона № 4, по той простой причинѣ, что эти укрѣпленія, возведенныя по системѣ бастіоновъ, были подвержены ужасному перекрестному огню, хотя впрочемъ не могли быть взяты во флангъ. При томъ же они были устроены не для наступательныхъ, а для оборонительныхъ дѣйствій. За все тѣмъ союзники ни разу не успѣли заставить замолчать эти укрѣпленія, которыя тотчасъ и послѣ дѣла были снова исправлены, вооружены и являлись такъ же сильными, какъ прежде.

Вотъ опытъ въ огромныхъ размѣрахъ, доказывающій истину Фергюсонова ученія, состоящаго въ томъ, что если число орудій въ крѣпости равно тому, которымъ располагаетъ осаждающій и если они поставлены прямо противъ осадныхъ пушекъ за земляными парапетами, то ихъ нельзя заставить замолчать. И какъ притомъ, согласно тому же ученію, крѣпость можетъ быть вооружена двойнымъ числомъ пушекъ въ сравненіи съ тѣмъ, какое можно употребить для осады; то первую часть нашей задачи слѣдуетъ считать разрѣшенною. Остается узнать, могутъ ли крѣпости быть взяты безъ этого неизвѣстнаго предварительнаго дѣла. Во все время бомбарлированія союзники не успѣли занять никакой новой позиціи, ни разрушать какое-ли-

бо укрѣпленіе, ни даже ускорить северныя работы. Нынѣ приходится ждать открытій науки для возвращенія атакъ ея столько превозносимаго превосходства предъ обороною.

6 іюня бомбардированіе началось въ третій разъ съ большою силою, чѣмъ прежде. У англичанъ было 157 пушекъ и мортиръ, у французовъ вдвое болѣе. Въ продолженіе 28 часовъ палили съ каждаго орудія такъ часто, какъ только можно было безъ поврежденія его; 7 числа, въ шесть часовъ пополудни сильныя французскія колонны бросились на разрушенныя укрѣпленія зеленого холма и заняли его послѣ кровопролитнаго сопротивленія. Потомъ борьба продолжалась всю ночь предъ малаховою башнею. Нѣсколько разъ французы достигали до окоповъ, но каждый разъ были отбиваемы. Въ то же время англичане атаковали каменоломни спереди Редана и заняли ихъ послѣ упорнаго и убійственнаго боя. Редуты, построенныя на Санунъ-горѣ, по невозможности держаться въ нихъ послѣ занятія зеленого холма непріателемъ, были оставлены русскими.

Эти атаки позволили союзникамъ занять контръ-апроши, устроенныя гарнизономъ внѣ первоначальной городской ограды, послѣ перваго бомбардированія. Съ юговосточной стороны французы окончили свою третью параллель на разстояніи двухсотъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и менѣе, метровъ отъ стѣнъ, то есть они заняли послѣ шестимѣсячной осады ту позицію, до которой достигли бы въ пятнадцать или двадцать дней, если бы имѣли дѣло съ бастіонами. Англичане дошли тоже въ полгода только до того мѣста, на которомъ должны были находиться 17 октября. Однимъ словомъ, шестимѣсячная осада не только не повредила значительно первоначальныхъ укрѣпленій Севастополя, а напротивъ того, они стали сильнѣе прежняго.

Въ такомъ положеніи была осада, когда 18 іюня пведена двойная атака противъ малаховой башни и Редана. Въ этотъ день союзныя войска претерпѣли значительный уронъ. Пространство статьи не позволяетъ намъ изложить всѣхъ ошибокъ этой атаки; но если бы нужно было новыхъ доказательствъ въ пользу системы, которую рекомендуемъ, то можно найти ихъ въ страшномъ огнѣ атакованныхъ укрѣпленій и въ упорномъ сопротивленіи гарнизона.

Научный вопрос о фортификаціи разрѣшенъ. Доказано, что достаточное количество пушекъ, поставленное на земляныхъ насыпяхъ, можетъ доставить оборонѣ превосходство предъ такою. Осада Севастополя была, правда, ведена ненормальнымъ образомъ, потому-что городъ никогда не былъ вполнѣ окруженъ; но эта выгода была слишкомъ уравновѣшена тѣмъ, что укрѣпленія возводились уже во время осады. Если бы они были возведены въ мирное время, то, по тщательномъ обсужденіи всѣхъ подробностей системы, принятой при постройкѣ ихъ на скорую руку, даже нельзя было бы и думать о какомъ-либо успѣхѣ осады.

МОЛДАВІЯ И ВАЛАХІЯ

ВЪ СОВРЕМЕННОСТИ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОФИЦЕРА).

Статья вторая.

IV.

Еще санрафія. — Встрѣча знакомыхъ. — Женщины и ихъ характеръ. — Любовь въ Бузео нипочемъ. — Валахская серенада. — Мужья не боятся взмѣть. — Казино; — его назначеніе. — Обще-употребительныя игры. — Танецъ-жокъ. — Жизнь домашняя и публичная.

Вечеромъ отправился я къ старому моему знакомому В. и засталъ его дома. Когда я вошелъ, онъ читалъ итальянскую книгу. Увидя меня, В. всталъ, положилъ книгу и указывая на диванъ, сказалъ: «пофтимъ!» (прошу)! Подали думльчаць, потомъ кофе, вслѣдъ затѣмъ трубки и мы погрузились на нѣсколько минутъ въ самозабвеніе, утоная въ облакахъ табачнаго дыма.

— Еще рано къ Манулеско, — сказалъ В. — у него всегда поздно начинается санрафія, и мы можемъ поговорить съ часокъ.

— Скажите пожалуйста, — спросилъ я, — что сдѣлалось съ другими товарищами вашего заключенія, которыхъ я также зналъ

въ Марженени? Одинъ изъ нихъ, господинъ, Т. хотѣлъ путешествовать по Европѣ, какъ только получить свободу; я видѣлъ его, правда, въ 1851-мъ году, когда онъ уже былъ свободенъ, но съ-тѣхъ-поръ ничего ни отъ кого не слыхалъ о немъ.

— Его исторія очень проста, дошуле комендантъ, — отвѣчалъ В.—Т. поѣхалъ въ Италію; я видѣлъ его тамъ въ Неаполѣ; онъ ѣхалъ изъ Неаполя въ Венецію и просилъ меня дать ему рекомендательное письмо къ одному изъ нашихъ знакомыхъ соотечественниковъ, проживавшему въ Венеціи, съ которымъ я былъ въ дальнемъ родствѣ. Я написалъ письмо и вручилъ ему: онъ уѣхалъ. Прошло пять мѣсяцовъ, и я забылъ о немъ; вдругъ получаю письмо отъ Князя Бебеска изъ Венеціи. Онъ писалъ, что жизнь въ Венеціи ему надоѣла, что тамъ слишкомъ уже все мрачно и величественно, отъ зданій до людей, что ему хочется вернуться въ нашъ веселый Букарестъ, гдѣ все открыто, вмѣстѣ съ тѣмъ не слишкомъ напыщенно и не такъ бѣшено, какъ въ Венеціи. Въ концѣ письма князь прибавилъ, что мой пріятель, г. Т. приказалъ долго жить; это было вотъ какъ: Т. прогуливаясь около одного палаццо, встрѣтилъ женщину подъ покрываломъ; — послѣ нѣсколькихъ словъ влюбился въ нее, провожалъ до дому и былъ такъ неводерженъ, что у самой двери заключилъ ее въ свои объятія и поцѣловалъ. Лице итальянки нечаянно открылось, онъ увидалъ дѣвушку рѣдкой красоты; она улыбнулась ему и бѣдный Т. не замѣтилъ, что это была улыбка смерти: ударъ кинжала въ грудь навсегда остудилъ его горячее сердце, а воды канала, куда онъ былъ брошенъ, сдѣлались прохладительной ванной для его тѣла. На другой день, трупъ, плававшій поверхъ воды, взятъ былъ префектомъ полиціи и погребенъ. Проказникъ этотъ былъ Т.

В. улыбнулся.

Что касается до меня, то исторія эта, такъ просто рассказанная, дѣйствовала на душу довольно печально, а еще мнѣ было невпріятнѣе то радушіе, съ какимъ говорилъ В. о трагической смерти своего несчастнаго земляка. Нѣсколько минутъ я молчалъ; валахъ докуривалъ трубку съ наслажденіемъ, какъ бы боясь потерять сладость остатка. Наконецъ В. всталъ, поставилъ чубукъ и сказалъ, что пора идти. — Мы отправились на сандрофію. Домъ Манулеско былъ на краю

города; но какъ время стояло прекрасное, то мы прошли свой путь довольно скоро. Въ комнатахъ, освѣщенныхъ нѣсколькими стеариновыми свѣчами, встрѣтилъ насъ хозяинъ дома, Героргій Манулеско. Это былъ человекъ средняго роста съ маленькой черной бородкой и бакенбардами; глаза его смотрѣли лукаво, движенія были живы, но не граціозны. Хозяинъ принялъ насъ вѣжливо, былъ внимателенъ и ввелъ въ гостинную, гдѣ сидѣли нѣсколько дамъ и курили папиросы; мушкетеры были въ другой комнатѣ, смежной съ гостинной, и тоже жгли немилосердно султанскій турецкій табакъ. Манулеско рекомендовалъ меня дамамъ, какъ коменданта города, вслѣдствіе чего я получилъ нѣсколько нѣжныхъ взглядовъ, возбуждающихъ особенное чувство и подающихъ надежду на успѣхъ.

Между мушкетерами я встрѣтилъ двухъ старыхъ знакомыхъ гг. Д. и Б., которыхъ я зналъ еще въ 1849 г., когда наши войска стояли въ Валахіи. Они оба были женаты, а у Б. жена была прехорошенькая, миленькая брюнетка, страстная охотница до танцевъ и очень благосклонная къ кавалерамъ. — Цыгане заиграли французскую кадрили на своихъ разстроенныхъ скрипкахъ; дамы и дѣвушки пошли отыскивать кавалеровъ, которые усѣлись было за карточные столы; однакожь пары составились и началось вѣчно-монотонное движеніе, извѣстное въ свѣтѣ подъ именемъ французской кадрили.

Я танцовалъ съ куконной Аинной, женой г. Б. Послѣ нѣсколькихъ обыкновенныхъ фразъ, я спросилъ, давно ли она замужемъ; она отвѣчала, что другой годъ. Послѣ, мало-по-малу разговоръ обратился на отношенія ея къ мужу, на ихъ семейное счастье и проч. Кукона Аина рассказала мнѣ очень откровенно, что у нихъ дома скучно, что она бываетъ истинно весела только въ гостяхъ и особенно, когда танцуетъ съ любимымъ кавалеромъ... Этотъ комплиментъ, по гордости человѣческой природы, я принялъ на себя. Наконецъ узналъ, что кукона Аина вышла замужъ по любви, что мужъ ей надоѣлъ уже послѣ своими частыми нѣжностями, да вдобавокъ сдѣлался ужасно скупъ, такъ-что шилъ ей въ мѣсяць только два платя. — Наконецъ кукона Аина, покраснѣвъ немножко, сказала мнѣ тихонько, что она очень любитъ военныхъ и надѣется, что я, живя въ городѣ, не забуду познакомиться съ ея мужемъ покороче. — Больше я не танцовалъ въ этотъ вечеръ;

умъ мой сильно занялся наблюденіемъ характера этихъ женщинъ. Молодость и красота играютъ главную роль во всѣхъ обществахъ, особенно красота привлекаетъ къ себѣ каждаго съ цѣлью или безъ цѣли. Въ Валахіи красота женщинъ очень обыкновенна; тамъ, каждая молодая женщина, если не красавица, то ужъ никакъ не дурнушка; разумѣется, есть между ними уроды, но не болѣе, какъ исключенія, которыя нельзя принимать въ расчетъ, при общемъ взглядѣ на красоту. Надо сказать правду, что валашенки мало дорожатъ своей красотой, потому-что очень дешево ее цѣвятъ. Богатое платье, шали, — подобныя украшенія и наряды всегда имѣютъ на нихъ страшное вліяніе и кружатъ имъ голову до самозабвенія. Будучи отъ природы легкаго характера, не получивъ въ дѣтствѣ нравственной строгости воспитанія, — эти женщины всегда преслѣдуютъ въ жизни одну цѣль — чувственное наслажденіе и потому характеръ ихъ самый не постоянный; онѣ ничего не могутъ долго любить, ни къ чему не могутъ быть привязаны безкорыстно; всякое чувство, всякая страсть непременно, если съ начала и безцѣльна, то уже не безкорыстна. Онѣ часто сами не могутъ дать отчета, чего онѣ хотятъ, бросааясь отъ одного предмета къ другому, мѣняя наслажденіе на наслажденіе. Чудныя женщины! — Красота валахскихъ женщинъ поразительна: эти рѣзкія, округленныя линіи, страстно полуоткрытыя уста, глаза, сыплющія искры, стройный бюстъ, смугло-розовый цвѣтъ кожи, — все производитъ сильное впечатлѣніе. Съ тайнымъ сладостнымъ трепетомъ останавливаешь взоръ на этихъ вакханкахъ, слѣдишь за взглядомъ черныхъ глазъ и чувствуешь, какъ вѣетъ на тебя какой-то, раздражающей нервы, теплотой, и желанія поднимаются бурей съ глубины души и погружаютъ все существо въ самозабвеніе. Ни одна женщина — валашенка, или почти ни одна, не можетъ быть вѣрной супругой. Впрочемъ мужа въ Валахіи не ревнивы; они съ своей стороны тоже нисколько не стѣсняются узами супружества и домашній очагъ для нихъ холоденъ. Едва настаетъ день, глава семейства, не выпивши даже дома чашки кофе, не повидавшись съ своей дражайшей супругой, не посмотрѣвъ на дѣтей, отправляется въ казино, гдѣ съ особеннымъ наслажденіемъ пьетъ кофе, куритъ табакъ изъ трубки, или изъ *наргимле* (кальянъ) и слушаетъ рассказы о разныхъ городскихъ новостяхъ, которыя очень откровенно передаются его земляками,

пришедшими въ казино, также какъ онъ, начинать свое утро. — Супруга, мать семейства, оставленная супругомъ такъ рано, нисколько не беспокоится его отсутствіемъ; она кушаетъ дутьчацъ, запивая водой, осматриваетъ свое новое платье или какую-нибудь вещьцу, подаренную ей *амурезомъ* (любовникомъ), который чрезъ нѣсколько минутъ и самъ является къ своей *амантъ* (любовницѣ.) Наговорившись вдоволь, они идутъ гулять и потомъ расходятся. Она идетъ къ своимъ сосѣдкамъ (*вечинамъ*): онъ въ казино и значитъ—все въ порядкѣ; требованіе жизни исполнено, но какъ?—это другой вопросъ.

Во все время разговора моего съ кукою Анной, мужъ ея ни разу не подошелъ къ ней, даже не посмотрѣлъ на жену. Признаюсь, меня бѣсило такое равнодушіе человѣка къ хорошенькой женщинѣ, которая принадлежала ему на всю жизнь и не могла законно отдать свое сердце другому. Женщины ревнивѣе мужчинъ. Когда я говорилъ съ другими дамами, то каждая изъ нихъ, прямо или косвенно, намекнула мнѣ про мой долгій разговоръ съ Анной и особенно указывали на то предпочтеніе, какое я оказывалъ этой дамѣ передъ другими. Наконецъ Сандрафія кончилась и мы отправились по домамъ. В., прогуливаясь со мной, поздравилъ ея *амурезой* и тихонько шепнулъ на ухо, что не успѣха и быть не можетъ.

Полный новыхъ странныхъ ощущеній, шелъ я по улицѣ. Время было чудесное; теплая іюньская ночь дышала страстной нѣгой, сильнѣе разносился запахъ цвѣтовъ, дома, освѣщенные мѣсяцемъ, бросали длинные фантастическія тѣни; деревья, зашевеливъ, порой, листьями, отъ пролетѣвшаго по нимъ вѣтерка, какъ будто шептались о чемъ-то между собою,— все было такъ тепло, нѣжно, сильно дѣйствовало на воображеніе и волновало кровь. Проходя мимо одного дома, въ маленькомъ садикѣ, подъ окнами, я услышалъ тихій звукъ флейты, какъ будто бы кто пробовалъ этотъ инструментъ; повернувъ за уголъ забора, чтобы не быть видимымъ, я остановился и сталъ слушать. Минутъ черезъ десять дѣйствительно, раздались звуки; я услышалъ одну изъ валахскихъ любовныхъ пѣсень: *О аманта меле! фромозе дискиде, порте вынду суфлерече, раньле мадоре ѝ нема сема плеснескъ.* («Моя прекрасная, моя возлюбленная! отвори двери; холодный вѣтеръ растравляетъ мои раны; сердце разрывается на части.») Пѣсню пѣлъ мужской, довольно высокой голосъ. Я подошелъ

поближе, чтобъ можно было видѣть, кто давалъ эту ночную серенаду. Я увидѣлъ, какъ растворилось окно и мушина высокаго роста, въ черномъ пальто, влезъ въ комнату; окно за нимъ затворилось; предательскій вѣтерокъ, пахнувшій на меня, изъ полисадника, донесъ другой звукъ, похожій на звукъ поцѣлуя—и все смолкло. Я пошелъ домой, порядкомъ взволнованный ночнымъ происшествіемъ и долго не могъ сомкнуть глазъ.

Подобныя серенады въ Валахіи не рѣдкость; рѣдко только онѣ бывають съ музыкой, а большею частью втихомолку. Любовники подходятъ къ окну или къ двери; дѣласть условный сигналъ и дверь и окно отворяются по этимъ сигналамъ;—чуткій слухъ женщины слышитъ его и во снѣ. Вообще любовь въ Валахіи нипочемъ. Валахскія куконны и куконицы очень благосклонно смотрятъ на всякаго мужчину, который дѣласть имъ подарки и награждаютъ искателя нѣжною страстью. Мужья, какъ сказалъ я и прежде, очень не ревнивы, — ревность ихъ проявляется только въ крайнихъ случаяхъ. Вотъ какое происшествіе разсказалъ мнѣ В. Въ Букарестѣ, одинъ капитанъ, родомъ Грекъ, былъ влюбленъ страстно въ жену одного важнаго боера, очень богатаго человѣка; хорошенькая куконна отвѣчала на любовь, и, однажды, капитанъ Брокулло рѣшился увезти предметъ своего обожанія и скрыть въ деревнѣ. Условіе было сдѣлано и все было готово; но передъ отъѣздомъ куконна Дина попросила у своего амуреза двѣсти гальбеновъ (нѣмецкихъ червонцевъ.) Капитанъ досталъ эту сумму и куконница была похищена. Мужъ только на другой день хватился своей возлюбленной половины и то хватился только потому, что весь Букарестъ громко заговорилъ объ этой соблазнительной исторіи. Начались розыски; искали долго и безуспѣшно, наконецъ напали на слѣдъ и боярину, взявъ *доробанцовъ*, отправился въ *машію* (деревню), куда уѣхалъ похититель чужой жены. Капитанъ между тѣмъ наслаждался въ деревнѣ любовью, сидѣлъ на балконѣ съ своей милой Диною; они говорили очень нѣжно, когда сзади ихъ явился мужъ Дины съ доробанцами. Капитанъ Брокулло очень хладнокровно вынулъ изъ кармана пистолетъ, взвелъ курокъ и пошелъ къ боярину.

— Вы похитили мою жену! съ бѣшенствомъ кричалъ несчастный мужъ, отступая отъ дула наведеннаго на него пистолета.

— Кто вамъ сказалъ, Домнуле?—сурово спросилъ капитанъ.

— Не нужно никому было говорить мнѣ объ этомъ, вскричалъ бояринъ, указывая на дрожавшую кукону, ея присутствіе въ вашемъ домѣ самое вѣрное доказательство моимъ словамъ и обвиненіямъ. Извольте сейчасъ возвратить мнѣ мою жену и именовъ *Домну* (владѣтельный князь) прошу васъ слѣдовать за мной въ Букарестъ.

— И въ томъ и въ другомъ вы на этотъ разъ ошибаетесь, господинъ, отвѣчалъ хладнокровный Капитанъ: я не похитилъ у васъ жены вашей, я ее честнымъ образомъ купилъ за двѣсти червонцевъ, а потому, пока эти деньги не будутъ возвращены мнѣ, до-тѣхъ-поръ куконица будетъ въ моей власти.

Бояринъ извинился передъ капитаномъ, заплатилъ ему двѣсти червонцевъ и увезъ съ собой жену въ Букарестъ.

Такъ живутъ въ Валахіи; таковы отношенія между главными членами семейства въ этомъ краѣ. Мужья съ женами живутъ совершенно свободно; каждый идетъ своей дорогой, мало заботясь о внутреннемъ расположеніи и еще болѣе о нѣжной любви между собою. Свѣтъ великъ, радостей въ немъ много, жизнь бѣжитъ скоро,—надо торопиться пользоваться ею.— Вотъ основаніе, которому слѣдуютъ валахи,—и льется жизнь широкой волной, летятъ веселые часы, любовь смѣняется любовью, наслажденіе наслажденіемъ!—Кончается день—тѣмъ лучше, о немъ никто не подумаетъ;—что думать о прошедшемъ, хотя оно даже было и пріятнымъ временемъ,—оно уже теперь бесполезно, а между-тѣмъ настоящее можетъ ускользнуть, а не принеся намъ ничего пріятнаго, слѣдается прошедшимъ.—Вотъ, еще одинъ случай, который, неизгладимо, врѣзался въ моей памяти:

Въ 1849-мъ году я былъ командированъ, по дѣламъ службы, въ городъ Плоешты; квартиру отвели мнѣ въ домѣ *Невгустора* (купца). Вообще въ Валахіи знакомятся скоро, а съ хозяевами квартиры, если они только не вздорные люди, знакомятся еще скорѣе; такъ и я на третій день моего пріѣзда слѣдался, какъ бы членомъ семейства Б. Жена Б. была молодая женщина лѣтъ подъ-тридцать, разговорчивая и любезная, трое дѣтей ея были дѣвочки, очень милыя рѣзвухи; вотъ, все семейство купца Б. Прошло около мѣсяца, я завелъ нѣсколько знакомствъ и время бѣжало незамѣтно. Однажды, въ комнату ко мнѣ вошелъ хозяинъ дома, сидѣлъ

со мной около получаса, курилъ и говорилъ о своей торговлѣ и подъ конецъ объявилъ, что на дняхъ у него будетъ *Нунта* (свадьба); младшій братъ его, прѣхавшій изъ Галаца женится на дочери одного Чекая. Взаключеніе всего этого, Б. просилъ меня непременно быть на свадебной вечеринкѣ, въ то же время повелъ меня въ свои комнаты познакомиться съ невѣстой. Въ комнатахъ Б. я нашелъ хозяйку дома еще одну очень почтенную кукону и дѣвушку лѣтъ тринадцати, — прекрасное дитя, съ невинной улыбкой и, какъ видно, большую рѣзвуху. Я чрезвычайно удивился, когда Б. безъ всякой церемоніи, подвелъ ко мнѣ малютку, назвавъ ее невѣстой своего брата. Тутъ только я пристально взглянулъ въ глаза женщины, готовящейся быть черезъ нѣсколько дней супругой; а потомъ матерью и сдѣлать великій, невозвратный шагъ въ жизни. Въ черныхъ глазахъ Сици имя дѣвушки — было какое-то странное выраженіе, котораго я объяснить себѣ никакъ не могъ; — эти очи смотрѣли прямо, вдругъ опускались и снова взалдывали на васъ, шевеля въ душѣ особенное чувство; — въ нихъ, какъ будто, видѣлись слезы, но это былъ обманъ зрѣнія, — дѣвушка улыбалась и снова опускала взоры. Стройная, гибкая, но уже развитая, куконица была прекрасна, какъ распустившійся цвѣтокъ и общала много наслажденій тому, кто долженъ былъ обладать ею. Признаюсь, я позавидовалъ внутренно нарѣченному жениху куконицы Сици; но впоследствии, горько раскаялся въ этомъ.

Ко мнѣ ходилъ пріятель Р. — человекъ молодой, ловкій, пріятной наружности и большой волокита. Р. просилъ меня познакомить его съ моимъ хозяиномъ, что я исполнилъ съ охотой. Тамъ увидалъ онъ миленькую Сицу, заговорилъ съ ней, строилъ ей глазки, любезничалъ. — (Р. говорилъ хорошо по-валахски) и дѣвушка, какъ видно, была неравнодушна къ этимъ любезностямъ, — я не слѣдилъ за нимъ, предупредивъ его однажды навсегда, что эта дѣвушка невѣста брата моего хозяина, значитъ запрещенный опасный плодъ. Хозяинъ мой разказалъ мнѣ, вкратцѣ, исторію любви своего брата къ Сицѣ; вотъ она: дѣтми они росли вмѣстѣ, играли вмѣстѣ, потому что домъ отца былъ на одномъ дворѣ съ домомъ отца куконицы. Дѣтская дружба перешла въ любовь, утверждена нѣжными обѣщаніями всегда принадлежать другъ другу и прочее... Старый Д. умеръ и два сына его раздѣливъ наслѣдство, продолжали вести торговлю,

Старшій, мой хозяинъ, постоянно жилъ въ Плоештахъ; младшій, Василій, ѣздилъ по дѣламъ въ Галацъ и Браиловъ, гдѣ онъ былъ членомъ торговой компаніи. Наконецъ маленькой Сицѣ минуло 14 лѣтъ, время, въ которое дѣвушки въ Валахіи уже выходятъ замужъ, не задумываясь! Василяки Д., видя, что Сица не перестаетъ любить его и самъ страдая любовью, возвратившись изъ Галаца, предложилъ сыграть свадьбу. Куконица Сица была рада; старшій братъ Василя самъ помогъ ему ускорить этотъ, давно желанный, бракъ,—и, наконецъ, назначенъ былъ день свадьбы. Женихъ между-тѣмъ дѣлалъ разныя покупки для предстоящаго праздника, а маленькую Сицу обшивали и наряжали въ домъ моего хозяина.

Занятый службой и житейскими пустяками, я и не замѣтилъ, какъ наступилъ день свадьбы и узналъ объ этомъ, когда хозяинъ мой опять зашелъ ко мнѣ и просилъ непременно быть вечеромъ у него на свадебной саудрафії. Я поздравилъ его съ женитьбой брата и обѣщался быть непременно. Вечеромъ я явился на свадебный пиръ. Въ комнатахъ собралось много гостей, преимущественно изъ купеческаго сословія; было однакожь нѣсколько и дворянъ, знакомыхъ съ хозяиномъ или съ родственниками невесты. Женихъ и невеста были тамъ и принимали поздравленія. Начались танцы; всѣ веселились на счастливой свадьбѣ. Въ Валахіи есть обычай въ день свадьбы дарить невесту цвѣтами; когда нѣтъ цвѣтовъ, дарятъ букетъ изъ зелени, которая находится во всякое время года въ домахъ. Новобрачная была осыпана букетами; диванъ, на которомъ она сидѣла, обратился въ прекрасный цвѣтникъ. Въ два часа по-полуночи гости стали расходиться; надо было еще разъ пожелать молодымъ супружескаго счастья и оставить ихъ въ объятіяхъ любви. Посаженный отецъ позвалъ Сицу, но ее уже не было; думали, что куконица гдѣ-нибудь въ другой комнатѣ, стали искать — напрасно — молодая пропала. Сдѣлалось общее смятеніе, хозяинъ мой окаменѣлъ и разослалъ людей искать молодую; все суетилось, все кричало, напрасно отыскивая пропавшую. — Такъ печально кончился весело начатый свадебный пиръ. Прошла вѣдьля, прошла другая — о пропавшей не было ни слуху, ни духу. Прогуливаясь вечеромъ, черезъ мѣсяцъ послѣ этого происшествія, зашелъ я къ Р., о которомъ я говорилъ при началѣ разсказа. Квартира его была на самомъ краю города; окруженная большимъ садомъ,

она совершенно походила на загородную дачу; хозяевъ въ ней не было, они жили въ Букарестѣ; за домомъ смотрѣлъ дворникъ. Въ комнатахъ никого не было и слуга сказалъ мнѣ, что баринъ пьетъ чай въ саду. Я отправился въ садъ; въ бесѣдкѣ изъ виноградныхъ лозъ, я засталъ моего пріятеля, бесѣдующаго съ прекрасной нимфой; при входѣ моемъ онъ засмѣялся и сказалъ, шутя, что онъ обязанъ рекомендовать мнѣ свою амурезу (любовницу) и толкнулъ ко мнѣ дѣвушку, сидѣвшую въ бесѣдкѣ. Представьте себѣ мое удивленіе, когда я узналъ въ ней хорошенькую куконицу Сицу, пропавшую въ самый день свадьбы. Пріятель мой рассказалъ мнѣ, что онъ съ перваго своего знакомства началъ ухаживать за дѣвушкой, которая сдѣлалась неравнодушна къ нему. Въ самый день свадьбы, Р., разыгравъ роль отчаяннаго любовника, просилъ Сицу вечеромъ выйти къ нему на улицу проститься. Между ними былъ условленный сигналъ, по которому куконица Сица тотчасъ же вышла изъ комнатъ, стараясь не быть замѣченной; это было легко, потому-что всѣ гости были навеселѣ, а пиръ въ разгарѣ. Р. умѣлъ склонить Сицу бросить на время жениха и уѣхать съ нимъ на квартиру и онъ дѣйствительно увезъ дѣвушку и такъ ловко скрывалъ ее, что никто не могъ догадаться, куда дѣвалась Сица. — Кончилась эта исторія тѣмъ, что бѣдная Сица была брошена и забыта. Когда уѣхалъ Р., она сдѣлалась, впоследствии, веселой дѣвушкой и нисколько, повидимому, не раскаявалась въ прошедшемъ, потому-что настоящее было для нее не тяжело. Однако я послѣ узналъ, что мужъ Сицы взялъ ее къ себѣ, сохранивши къ ней часть прежней любви; впрочемъ они жили, не стѣсняя другъ друга; мужъ не ревновалъ жены и не мстилъ ей за прошлое. Счастливыи характеръ!

Нѣсколько разъ упоминалъ я слово казино, теперь хочу объяснить его: казино есть отель или гостиница, гдѣ кофейная соединяется со столомъ и особенными комнатами для помѣщенія, которыя отдаются въ наемъ желающимъ, большею частью проѣзжимъ, на короткое время. Казино имѣетъ ту выгоду передъ обыкновенными кофейнями, что тамъ, кромѣ кофе, можно всегда найти закуску и обѣдъ, а также и отдѣльную комнату для отдыха и нѣкоторыхъ удовольствій, для любящихъ удивленіе. Въ лѣтнее время, валяхъ, наигравшись на бильярдѣ, закусываетъ или обѣдаетъ, что у нихъ всегда сое-

двигается въ одно, и потомъ отправляется въ одну изъ тѣхъ отдѣльныхъ комнатъ, куда подають ему чубукъ, холодную воду и кофе, а иногда и мороженое, если оно дѣлается въ казино; тамъ онъ отдыхаетъ и проводитъ нѣсколько часовъ въ лѣнивомъ бездѣйствіи, пока вечерняя прохлада, смѣнивъ дневной жаръ, не вызоветъ его на гулянье въ садъ или куда-нибудь на любовное свиданіе, къ одной изъ своихъ амурезъ. Каждый валахъ считаетъ правиломъ имѣть какъ можно болѣе предметовъ любви и хвастается этимъ передъ другими.

Въ казино обыкновенно собираются утромъ и вечеромъ люди всѣхъ сословій; входъ никому не воспрещенъ, исключая, самаго нисшаго и бѣднѣйшаго класса. Тамъ рассказываются городскія новости, передаются всевозможныя сплетни, читаются газеты и разныя объявленія, дѣлаемые городской полиціей или высшимъ начальствомъ. Вся жизнь валаховъ сосредоточивается въ этихъ ежедневныхъ собраніяхъ; — тамъ торгующій классъ заключаетъ свои контракты, приводитъ въ извѣстность возвышеніе и пониженіе цѣнъ на какіе-либо предметы торговли; другіе стараются возвысить свой кредитъ, представленіемъ выгодъ, ожидаемыхъ отъ производимыхъ ими спекуляцій и оборотовъ; — всѣ обманываютъ другъ друга, составляютъ различныя планы и простодушно хвалятся своими успѣхами передъ другими. Въ казино есть бильярдъ, на которомъ валахи любятъ особенно играть. Другая, общепотребительная игра, называется — *Табло*, — это доска, въ родѣ шахматной, только съ большимъ количествомъ кѣтокъ; на ней круглыя, костяныя шашечки съ точками, кости эти бросаются по доскѣ и игра совершенно зависитъ отъ счастья, какъ упадутъ костяные кружечки; у кого будетъ на нихъ большее количество точекъ, — тотъ выигрываетъ. Въ табло играютъ на интересъ; впрочемъ, игра эта не азартная; это любимая игра валаховъ, а доски для нее можно найти во всякой, даже простой кофейнѣ. Въ казино играютъ въ карты на маленькихъ столикахъ, поставленныхъ передъ диванами, которые тянутся вокругъ стѣнъ большой залы непрерывно; посрединѣ стоитъ бильярдный столъ. Любимая карточная игра въ Валахіи есть *Кончина*, потомъ *Дардоръ* — англійская игра, потомъ обыкновенный простой преферансъ, пикетъ и другія игры.

Перейдемъ къ играмъ и увеселеніямъ нисшаго класса жителей въ Валахіи; они впрочемъ не затѣливы и преимуще-

ственно заключаются въ извѣстномъ національномъ танцѣ, называемомъ жокъ. Въ праздники женщины и мужчины собираются передъ корчмами, гдѣ, воодушевивъ себя одуряющимъ напиткомъ бахуса, начинаютъ плясать жокъ. Молодые парни и дѣвушки становятся въ кружокъ, взявши другъ друга за руки, черезъ одного т.-е. дѣвушка, или баба, и парень и т. д. Музыка начинаетъ играть и кружокъ двигается сначала въ одну сторону, потомъ въ другую, на подобіе нашихъ хороводовъ; при чемъ, во время движенія кружка, люди, его составляющіе, откидываютъ различные па, граціозныя и не граціозныя, своего собственнаго сочиненія. Потомъ на середину круга выходитъ молодой, ловкій мальчуганъ, пляшетъ посерединѣ, потомъ выбираетъ нравящуюся ему молодицу или дѣвку; кружокъ раздѣляется на пары; въ первой парѣ идетъ бывший въ серединѣ; пары скачутъ, кружатся, убѣгаютъ въ разныя стороны по зеленому лугу или по улицамъ, если это въ городѣ, и жокъ этимъ кончается, или, если плясавшіе не устали и соберутся снова, опять начинается по прежнему. Вообще въ этомъ танцѣ, каждый можетъ импровизировать на свой ладъ, исключая нѣкоторыхъ главныхъ правилъ, о которыхъ сказано было выше.

Вообще валахи любятъ повеселиться въ праздники и каждое воскресенье собираются къ корчмамъ пѣть, пить и плясать жокъ. И тутъ, какъ и во всемъ, сейчасъ видѣнъ безпечный характеръ народа, ставящаго свои чувственныя удовольствія выше всего въ жизни. Вы всюду видите веселья лица, беззаботный видъ и невольно подумаете, что эти люди не имѣютъ никакого душевнаго горя, никакихъ житейскихъ заботъ; вамъ покажется, что вы на счастливыхъ островахъ, гдѣ можно жить, ни о чемъ не думая; — вы ошибаетесь — передъ вами часто проходитъ очень бѣдный человѣкъ, у котораго завтра не будетъ куска хлѣба, ни пристанища для жизни, но онъ не горюетъ, вѣдь это еще завтра, сегодня же надо повеселиться и забыть свое горе. У другого, дома лежитъ жена при смерти, а онъ идетъ преспокойно въ корчму, пьетъ ратицу; сначала, немного, по привычкѣ, потомъ, мало-по-малу, забываетъ все и, не будучи нисколько пьянымъ, онъ предается общему веселью и присоединяется къ общей толпѣ, какъ будто обрадованъ какимъ-нибудь особенно счастливымъ событіемъ или получилъ наслѣдство.

Это равнодушіе ко всему печальному въ жизни у Валаховъ происходитъ не отъ злаго сердца, а отъ природной легкости характера и особенной способности наслаждаться настоящимъ, предаваясь вполнѣ окружающему ихъ веселью. Такъ идетъ этотъ народъ широкой дорогой жизни, принимая все радующее сердце, извлекая капли наслажденія изъ каждаго веселаго случая, не предаваясь мрачнымъ думамъ о будущемъ, забывая печальное прошедшее, оставаясь равнодушнымъ къ непріятностямъ настоящаго.

Жизни семейной, въ томъ значеніи, какъ мы ее понимаемъ, у валаховъ нѣтъ; у нихъ есть жизнь домашняя, то есть они живутъ иногда дома, по необходимости, а не по любви къ своему крову; домашній очагъ ихъ не согрѣваетъ, они скучаютъ возлѣ него. Семейные живутъ точно также, какъ и безсемейные, женатые, какъ и холостые. Ромынь никогда не посидитъ дома для жены или для дѣтей; это жертва, которую онъ не въ силахъ принести; воспитаніе дѣтей онъ считаетъ дѣломъ неважнымъ и оставляетъ ихъ на рукахъ жены, или отправляетъ, когда они подростутъ, въ Букарестъ, въ пансіонъ; но для этого нужно имѣть состояніе. Женщины, жены, матери, оставляемыя супругами, ищутъ чѣмъ бы замѣнить пустоту сердца и скуку жизни; является утѣшитель и мать семейства не стыдится имѣть любовника и это почти не сохраняется въ тайнѣ. Мужъ выходитъ въ одну дверь, утѣшитель входитъ къ женѣ въ другую. По вечерамъ хозяйка дома отправляется на сандрафію, гдѣ, въ кругу знакомыхъ ей женщинъ, часто рассказываетъ, что она хочетъ уже бросить своего амурезо, потому что она нашла другого, который богаче его и моложе. — Такъ проходятъ вечера, дни, годы и цѣлая жизнь этого народа въ непрестанномъ удовлетвореніи своихъ страстей, въ вѣчномъ круженіи, а священныя семейныя обязанности остаются не выполненными; слѣдствіемъ всего этого и безнравственное потомство отражаетъ на себѣ всѣ пороки и всю легкость характера своихъ родителей и воспитателей.

Не зная наслажденій семейныхъ, ромыны за то живутъ вполнѣ жизнью публичной, внѣшней, которую они любятъ и въ которой соединены для нихъ всѣ наслажденія и радости жизни. Наступаетъ утро, — валахъ одѣвается, выпиваетъ дома стаканъ воды съ ложкой варенья и спѣшитъ выйти на улицу, какъ будто его что душитъ въ своемъ домѣ, какъ буд-

то его гонить впередъ какая-то невѣдомая сила и онъ, подобно вѣчному жиду, слѣшитъ далѣе, повинувшись грозному голосу судьбы. Внѣшняя жизнь валаховъ сосредоточивается въ публичныхъ заведеніяхъ, казино, кофейняхъ, лавкахъ и кондитерскихъ; туда бѣгутъ все послушать, какъ они выражаются: «*чо ворбешти дума?*» (что говорить свѣтъ) Тамъ, между прочимъ, пьютъ кофе, курятъ, играютъ, составляютъ планы разныхъ торговыхъ и общественныхъ предпріятій и день проходитъ незамѣтно; вечеромъ гуляютъ въ садахъ и по улицамъ, позже собираются на вечеринки, гдѣ играютъ въ карты и потомъ расходятся по домамъ, часа въ два или три по полуночи.

Самая администрація въ дунайскихъ княжествахъ принаровнена къ духу народа;—тамъ всякое рѣшеніе судебного или земскаго мѣста объявляется передъ народомъ, на улицѣ, слѣдующимъ образомъ: полицейскій доробанецъ съ барабанщикомъ и писцемъ выходятъ на улицу; барабанщикъ бьетъ въ барабанъ такъ называемую публикацію, народъ собирается въ кучу. Если собралось человѣкъ двадцать, чиновникъ или писарь начинаетъ читать бумагу, въ которой извѣщается о какомъ-либо правительственномъ распоряженіи или объ исполненіи судебного, полицейскаго приговора. Окончивъ чтеніе, процессія подвигается далѣе, останавливается на другой улицѣ, барабанъ бьетъ и старая комедія повторяется, пока не обойдетъ такимъ образомъ нѣсколько улицъ; тогда возвращается обратно въ полицію—значить публикація исправлена (*амъ исправитъ*) Вообще вся внѣшняя жизнь валаховъ проникнута свободой и откровенностью; никто не стѣсняется въ своихъ мнѣніяхъ; всякій говоритъ смѣло о всемъ. Не смотря однакожъ на любовь этого народа къ свободѣ, преступленій, особенно уголовныхъ, бываетъ мало; воровство, правда, тамъ не рѣдкость; но это уже, такъ сказать, въ характерѣ ромыновъ. Чѣмъ долѣе живешь среди валаховъ, тѣмъ болѣе удивляешься легкости и безопасности ихъ характера, которая бросаетъ на ихъ жизнь особенный, невыразимый оттѣнокъ. Вы видите вокругъ себя людей съ энергіей и съ инстинктивной любовью ко всему изящному; страстныхъ для наслажденій, готовыхъ на добро ближнему и вмѣстѣ съ тѣмъ равнодушныхъ къ себѣ и къ тѣмъ священнымъ обязанностямъ человѣка, которыя указываются намъ религіей, какъ главный трудъ жизни и средство къ достиженію высокой цѣли, назначенной провидѣніемъ человѣку.

V.

Взглядъ на политическія событія 1853 года, совершившіяся во время пребыванія русскихъ войскъ въ дунайскихъ княжествахъ. — Характеръ событій. — Важность наступившей эпохи. — Волонтеры. — Еще событія. — Поѣздка въ горный монастырь Чоланъ.

Перейдя Прутъ, авангардъ войскъ нашихъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Эрепа-Эльмита, двинулся ускоренными маршами для занятія Букареста. По занятіи столицы Валахіи, князь Горчаковъ 2-й, главнокомандующій Дунайской арміею, направилъ войска къ берегамъ Дуная, гдѣ вскорѣ и были заняты важные пограничные пункты, въ ожиданіи начала непріязненныхъ дѣйствій со стороны турокъ. Между-тѣмъ въ обѣихъ княжествахъ, сейчасъ же, по вступленіи туда нашихъ войскъ, учреждена была главная военная дорога черезъ Ясы и Бырладъ на Букарестъ. На всемъ протяженіи этой дороги, въ важныхъ мѣстахъ, преимущественно въ городахъ, учреждены были этапы и въ нихъ этапные начальники, также устроены были военно-временные госпитали и провіантскіе магазины, откуда проходящія войска снабжались продовольствіемъ на столько времени, сколько слѣдовало идти въ походъ до слѣдующаго магазина. Турки, первые, открыли военныя дѣйствія противъ русскихъ и берега Дуная снова огласились громомъ нашего оружія. Милолюбивая политика въ Бозѣ почившаго, Великаго Государя нашего Николая I-го все еще медлила началомъ рѣшительныхъ дѣйствій, ожидая, что упорство мусульманъ поколеблется и права христіанъ на востокъ будутъ утверждены Портою, по требованіямъ Россіи, какъ защитницы православной вѣры на востокъ. Кабинетъ русскій представилъ свои требованія и въ кабинеты державъ европейскихъ, нисколько не скрывая своихъ справедливыхъ и законныхъ намѣреній. Въ Вѣнѣ собрался конгрессъ политическихъ представителей главныхъ европейскихъ государствъ, для разсмотрѣнія и обсужденія восточнаго вопроса и справедливости требованій русскаго правительства, требованій, относящихся прямо къ правамъ религіознымъ всѣхъ христіанъ православной восточной вѣры, издавна угнетаемыхъ магометанскимъ фанатизмомъ. Между-тѣмъ, войска наши дрались и били турокъ, не переходя

Дуная; вообще военныя дѣйствія имѣли оборонительный характеръ. Нѣсколько незначительныхъ сраженій, изъ которыхъ особенно замѣчательны подъ Ольтеницей и подъ Четати, окончили войну 1853 года. Въ это время хитрая и уклончивая политика Англіи и Франціи работала, втайнѣ, выжидая удобнаго случая скинуть маску и объявить войну Россіи. Соединенный англо-французскій флотъ явился у Константинополя и союзныя державы, безъ предварительнаго объявленія войны русскимъ, объявили, что намѣрены защищать турецкую націю отъ насильственныхъ и незаконныхъ требованій Россіи, увлекаемой, будто бы, духомъ завоеваній. — Этого было довольно — завѣса спала съ глазъ, и мы увидѣли ясно, что Англія и Франція искали только возможности для объявленія войны, — эта возможность явилась, и пламя зависти вспыхнувъ, освѣтило начало великой эпохи, извѣстной подъ именемъ восточнаго вопроса.

Будущему историку настоящихъ событій все будетъ казаться въ какомъ-то полумракѣ; — напрасно онъ станетъ отыскивать причину грозныхъ потрясеній, эти изысканія поведутъ его только къ догадкамъ и предположеніямъ. Конечно, онъ, какъ и современники, будетъ объяснять все это старою завистью Англіи и Франціи къ могуществу Россіи, — завистью, которая рано или поздно, должна же была обнаружиться и тѣмъ съ большей силой, чѣмъ дольше была сдерживаема; но это объясненіе ума историческаго недостаточно однакожь для умовъ свѣтлыхъ, вѣрующихъ въ непреложныя предначертанія Промысла и въ дѣлахъ человѣческихъ не всегда и не все объясняющихъ дѣломъ случая, или ходомъ предидущихъ историческихъ событій, или политическими отношеніями государствъ другъ къ другу. Важность наступившей эпохи не можетъ укрыться даже отъ простаго, неопытнаго глаза; — ясно видишь, что все поколебалось, какъ будто лопнули тайныя пружины, удерживавшія въ равновѣсіи систему европейскихъ государствъ. Настало время, котораго не предвидѣла исторія, котораго не могли отворотить никакія человѣческія усилія, все это увеличивало важность наступившей исторической эпохи, послѣдствія которой для Европы, можетъ-быть, будутъ разнообразны и благодѣтельны. Видя начало переворотовъ, небывалыя событія, шаткость политическихъ сношеній и печальныя слѣдствія всего этого, умы необходимо должны были поко-

лебаться. Каждый объяснял по своему причины общих бѣдствій. Вспоминали о древнихъ предсказаніяхъ и пророчествахъ. Суевѣріе съ ужасомъ замѣчало небесныя явленія, толкуя ихъ по своему; умы болѣе свѣтлыя говорили, что послѣ всеобщей брани образуется новый порядокъ вещей, — народы, исповѣдующіе православную греческую вѣру, восторжествуютъ надъ своими врагами. Всѣ мнѣнія сливались въ какой-то странный гулъ, не предвѣщавшій ничего, кромѣ бѣдъ человѣчеству. Въ это время съ новой силой проснулся духъ христіанскихъ народовъ, долго терпѣвшихъ всякія притѣсненія отъ магометанъ. Местъ къ врагамъ вѣры православной пробудилась въ сердцахъ общимъ желаніемъ поразить нечестивыхъ поклонниковъ исламизма. Всѣ христіане, находившіеся подъ турецкою властію, готовы были отдать намъ все — и жизнь, и имущество; видѣли въ Россіи оружіе Божественнаго правосудія.

Бываютъ эпохи въ исторіи народовъ, въ которыя господствуютъ нравственныя эпидеміи; умы невольно напрягаются; всѣ понятія принимаютъ ложное направленіе; все движется, волнуется, кипитъ, жаждетъ чего-то и при всемъ этомъ никто не въ состояніи отыскивать причины этого умораздраженія; всѣ чувствуютъ инстинктивно, что находятся подъ вліяніемъ невѣдомой, грозной силы, которая, какъ тонкій ядъ, проникаетъ все существо человѣка; питая его странными мечтами — и никто не можетъ освободиться отъ всеобщей болѣзни вѣка. Начало подобныхъ историческихъ эпохъ всегда сопровождается народной молвой, которая ищетъ въ чудесномъ объясненія событій, совершающихся не по правиламъ давно извѣстнымъ, а по какому-то странному случаю, который перевертываетъ все вверхъ дномъ и передъ которымъ обычай, законы, освященные вѣковыми преданіями, ничего не значать. Такъ было въ 1853 году, при вступленіи русскихъ войскъ въ дунайскія княжества.

Съ изумленіемъ и ужасомъ узналъ весь христіанскій міръ, что два великіе христіанскіе народа подняли оружіе на защиту враговъ христіанства и сдѣлались друзьями чуждой вѣры, объявили войну Россіи, государству, которое старалось только облегчить участь угнетенныхъ братьевъ своихъ по вѣрѣ, жившихъ на востокъ въ земляхъ мусульманскихъ.

Съ началомъ 1854 года, война начала принимать рѣшительный характеръ; войска наши перешли Дунай въ трехъ пунктахъ — у Браилова, близъ Мачина и въ Каларашѣ. Началась осада Силистріи. Все еще ожидала Россія, что западъ остановитъ свои непріязненныя дѣйствія противъ насъ; но судьба рѣшила иначе. Англія и Франція объявили, что цѣль ихъ дѣйствій не защита Турціи, а уничтоженіе, или, по-крайнѣй-мѣрѣ, униженіе и ослабленіе русской имперіи. Тогда во всей своей ясности раскрылась хитрая политика запада и вся сумма зависти, скопившейся въ продолженіе многихъ десятилѣтій противъ Россіи.

Послѣ всего этого что оставалось дѣлать намъ въ Дунайскихъ княжествахъ? Надо было идти въ свою землю и вооруженной рукою готовиться отразить незваныхъ гостей, еслибы они вздумали пожаловать и перейти наши границы. Осада Силистріи была снята; отрядъ, бывшій въ Журжѣ, послѣ дѣла 30 іюня, отступилъ и началось въ тоже время общее отступление главныхъ силъ по дорогѣ на Букарестъ.

Прежде, нежели мы начали отступать и выходить, мало-помалу, изъ дунайскихъ княжествъ, совершилось событіе, которое, какъ нельзя лучше, характеризуетъ состояніе духа христіанскихъ народовъ и, въ особенности, жившихъ въ Молдавіи и Валахіи грековъ, болгаръ и другихъ христіанъ, не говоря уже о валахахъ и молдаванахъ, какъ туземцахъ. Это событіе есть образованіе дружины волонтеровъ. Когда разнесся общій голось о борьбѣ православія съ исламизмомъ, и молва народная, перелетая изъ мѣста въ мѣсто, возвѣщала, что настало время паденія поганого царства и гибели враговъ Св. Христовой вѣры; многіе мирные жители всѣхъ сословій въ Валахіи и Молдавіи обратились къ русскимъ военнымъ властямъ съ просьбою позволить и имъ поднять оружіе противъ общаго врага и сражаться вмѣстѣ съ русскими войсками. Когда императоръ Николай I разрѣшилъ сборъ волонтеровъ, охотниковъ явилось много; образовались батальіоны грековъ, болгаръ и валаховъ; каждая нація соединялась особенно и составились отдѣльныя дружины, которые назывались греческая, болгарская и т. д., волонтеры получили оружіе отъ нашего правительства; для командованія батальіонами командированы были русскіе штабъ-офицеры, а оберъ-офицеры были избираемы изъ дворянъ всѣхъ націй, находившихся въ дружинахъ волонтеровъ. Каждая нація имѣла свою особенную форму одежды и даже вооруженія.

Начальникомъ всѣхъ дружинъ волонтеровъ назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Салось. Характеръ этихъ охотниковъ былъ вольный и буйный; одушевляемые духомъ мести, они жаждали только крови и не могли скоро подчиняться строгимъ правиламъ военного порядка, а потому и дѣлали много своевольныхъ поступковъ между мирными поселянами въ деревняхъ, въ которыхъ они размѣщаются были на квартирахъ; но это продолжалось недолго — ихъ сформировали и двинули къ нашей арміи за Дунай, гдѣ вскорѣ оказали они отчаянную храбрость въ битвахъ съ турками. Когда началось отступление нашихъ войскъ, волонтеры находились при нашей арміи и вмѣстѣ съ нами перешли Прутъ. Нельзя было видѣть безъ грусти общей горести и унынія, распространившихся между жителями княжества, когда войска русскіе оставляли эту благодатную страну, но дѣлать было нечего. Намъ надо было защищать собственныя обширныя границы, а потому введеніе арміи во внутрь имперіи стало необходимо.

Въ окрестныхъ горахъ, верстахъ въ 30-ти отъ Бузео стоятъ три замѣчательныя обители: Чоланъ, Поляно-Морли и Вентили-Воды. Всѣ эти монастыря мужскіе. Наслышавшись о прекрасномъ мѣстоположеніи этихъ монастырей, я не могъ побѣднть желанія посѣтить, хоть одинъ изъ нихъ. Въ первый свободный день я поѣхалъ въ Чоланъ. Рано утромъ, 7 мая 1854 года, вѣхалъ я въ горы; дорога шла ущельемъ и поднималась выше и выше. Вершины обрывовъ, образовавшихъ какъ бы стѣны ущелья, поросли елями и кустами орѣшника. Вдали вершины горъ, поднимаясь одна надъ другою, представляли ступени исполинской лѣстницы, конецъ которой исчезалъ въ облакахъ. Огромные камни причудливыхъ формъ висѣли надъ горными разсѣлинами; легкій утренній вѣтерокъ доносилъ шумъ горныхъ потоковъ, который то замиралъ, то усиливался, производя странное впечатлѣніе; — казалось, это былъ голосъ горнаго духа, смѣющагося надъ путникомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ущелье, расширяясь, образовало площадки, покрытыя густой ароматной травой, чрезъ эти лужайки серебряной тонкой лентой струились ручейки, покрывая влагой богатую растительность, бѣжали къ краямъ обрывовъ и сорвавшись съ каменнаго карниза, алмазной пылью падали въ пропасть.

Горная природа, въ лѣтнее время, всегда имѣетъ свою особенную прелесть. Вы постоянно чувствуете прохладное, чрез-

вычайно пріятное дыханіе вѣтерка; съ свѣжамъ, живительнымъ воздухомъ пьете аромать бальзамическихъ, горныхъ травъ, который всегда имѣетъ цѣлительную силу.

Такъ ѣхали мы въ продолженіе двухъ часовъ, подымаясь по узкой дорогѣ. Но, вотъ, ущелье стало расширяться, дорога вдругъ круто повернула направо и изъ-за густой зелени яблонь и акацій блеснули кресты храма; мы уперлись повозкой почти въ отвѣсную стѣну скалы и проводникъ объявилъ, что мы пріѣхали въ монастырь. Въ самый монастырь вѣзжать не лзя, по причинѣ чрезвычайной крутизны горы, на которой онъ построенъ. Большею частью входятъ туда пѣшкомъ, изрѣдка вѣзжаютъ на лошакахъ или на маленькихъ горныхъ лошадакахъ, которыхъ достаютъ въ хуторахъ, раскиданныхъ во множествѣ, въ окрестностяхъ монастыря. Мы поднялись на гору пѣшкомъ и чрезъ глубокіе каменные ворота вступили въ первый монастырскій дворъ. На этомъ дворѣ было небольшое строеніе, для пріема и помѣщенія посѣщающихъ монастырь богомольцевъ; нѣсколько сараевъ и монастырскія кухни. Занія построены изъ горнаго извѣстняка и, частію, изъ дикаго камня. На второмъ дворѣ двѣ церкви: одна, во имя Всемилоствиваго Спаса; другая, во имя Трехъ Святителей. Кельи настоятеля соединяются съ внутренностью храма Трехъ Святителей; кельи монашествующей братіи начинаются съ другой стороны церкви и идутъ подъ гору амфитеатромъ. Возлѣ каждой кельи растетъ нѣсколько деревьевъ и свѣжая зелень ихъ, не пропускаемая лѣтомъ жгучихъ солнечныхъ лучей, доставляетъ бѣднымъ труженикамъ пріятную прохладу. Видъ изъ оконъ келій на окрестныя горы замѣчательно прекрасенъ. Отъ подошвы монастырской скалы начинаются группы не высокихъ холмовъ и идутъ вдаль, постепенно возвышаясь и увеличиваясь; и вотъ, передъ вами необозримое горное пространство: вдали, на краю горизоннта, темныя вершины горъ кажутся застывшими волнами великаго моря; вы ждете, что, вотъ-вотъ, закачаются эти сѣрые валы и у ногъ вашихъ закипитъ бездна, готовая поглотить васъ въ свои холодныя, мрачныя нѣдра; вы трепещите, духъ захватываетъ въ груди; но вы не можете оторвать взоровъ отъ страшной, но высокой картины природы; вы прикованы къ мѣсту непостижимымъ очарованіемъ.

Изъ разсѣлинъ каменныхъ утесовъ тонкими серебряными

нитями струятся горные ручейки; въ свѣтлыя лунныя ночи, эти нити воды, вѣчно бѣгущей, вѣчно журчащей, освѣщенные не вѣрнымъ, матовымъ свѣтомъ мѣсяца, кажутся легкими, чудными существами, стоящими надъ стремнинами, а непрерывное журчанье, соединяясь съ другими звуками ночи, очаровываетъ слухъ особенной, чудной мелодіей, — сладостной, какъ языкъ дѣховъ.

Въ монастырѣ восемь человѣкъ монашествующей братіи, исключая игумена. Монахи всѣ почти уже старцы, только одному изъ нихъ лѣтъ подлѣ пятьдесятъ, и онъ самый младшій. Игуменъ принялъ меня очень благосклонно и пригласилъ въ свою келью. Келья игумена простая, большая комната, часть которой, отдѣленная перегородкой, образуетъ моленную; другая, въ которую мы вошли съ нимъ, служитъ пріемною для посѣщающихъ отца-настоятеля, кромѣ двухъ скамеекъ и четырехъ деревянныхъ стульевъ съ такимъ же столомъ, въ комнатѣ изъ мебели ничего болѣе не было. На стѣнахъ висѣло нѣсколько картинъ духовнаго содержанія, а на правой сторонѣ отъ входа огромная кіота съ образами, передъ которыми горѣло семь лампадъ. Игумену было лѣтъ семьдесятъ. Это однако жъ бодрый, средняго роста старичокъ, съ лицомъ кроткимъ и грустнымъ. Онъ родомъ сербъ, говоритъ по-русски такъ, что можно понимать его, а по-славянски читаетъ хорошо и даже совершаетъ иногда литургію на славянскомъ языкѣ, или просто на русскомъ. Онъ очень любитъ русскихъ и, какъ говорилъ онъ мнѣ, всегда молится за благоденствіе русскаго монарха и за славу великаго народа, защитника православной вѣры восточной отъ лютыхъ враговъ ея. Онъ угощалъ меня прекраснымъ вареньемъ изъ дикихъ черешень, къ которому, по общему обычаю той страны, подали стакавы съ водой. Съ особеннымъ наслажденіемъ выпилъ я прозрачной, чистой, холодной, какъ ледъ, горной воды и съ-тѣхъ поръ я никогда болѣе не нивалъ воды такого пріятнаго, легкаго, освѣжающаго свойства.

Отслуживъ въ главной церкви молебенъ, настоятель показалъ намъ церковную утварь и другія вещи, принадлежавшія храму, впрочемъ драгоценнаго ничего не было. Двѣ вещи показались мнѣ особенно замѣчательны, — это крестъ, приславный въ монастырь Валахскимъ воеводой Михаиломъ витяземъ, въ благо

дарность и въ память одержанной имъ надъ турками славной побѣды, въ царствованіе падишаха Солимана великаго. Другая вещь — это маленькое славянское евангеліе, обложено серебряными горельефами и, неизвѣстно какъ, доставшееся монастырю, потому-что въ этихъ бѣдныхъ обителяхъ не ведутъ хроникъ, а если и были какія, то во времена смутныя растерялись. Церковь вообще небогата, даже бѣдна, хотя доходъ монастырскій простирается до двухъ-тысячъ червонцевъ; но часть этихъ денегъ отсылается въ Иерусалимъ; часть на поддержку и украшеніе храма, также на содержаніе братіи; но большая часть откладывается, какъ говорилъ игуменъ, на черный день, потому-что у нихъ есть древнее преданіе, что послѣ кровавой войны православныхъ съ турками все христіанское населеніе Турціи и всего востока будетъ освобождено, въ дѣлахъ вѣры, отъ всякихъ чуждыхъ вліяній и получить полную свободу. Въ оживленіи этой страшной эпохи, бояться украшать монастыри богатыми окладами, чтобъ они, во время этой брани, не достались въ руки неправославныхъ.

Послѣ обѣда, я отправился обратно въ Бузео, той же дорогой, простившись и отъ души поблагодаривъ добраго настоятеля за радушный пріемъ. При прощаньи, подавая мнѣ просфору, добрый старецъ сказалъ мнѣ: «да благословитъ васъ Богъ и всѣхъ русскихъ въ лицѣ вашемъ, потому-что я, можетъ-быть, и не увижу никого болѣе изъ вашихъ соотечественниковъ; но я буду молиться, какъ и прежде молился, да подастъ Господь вашему великому государю въ руку пращу Давида на пораженіе нечестиваго Голіафа.» Мы растались и до-сихъ-поръ я сохранилъ въ памяти сердца эти послѣдніе, утѣшительныя слова святаго отшельника, который вскорѣ преставился.

ПАВЕЛЬ ЖАДОВСКОЙ.

СОВРЕМЕННОЕ.

I. ЛИТЕРАТУРА: Гёте и Теккерей.—Лунддоръ, быль Ф. Гофмана. II. ИСКУСТВА: Бетговень и исторія одной изъ его сонатъ.—Россини и дуэтъ двухъ слѣпцовъ. III. НАУКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: Странныя сужденія одного врача о послѣдствіяхъ прививанія оспы.—Потребители гашиша.—Замѣчанія о температурѣ тропическихъ странъ. IV. ПУТЕШЕСТВІЯ И ОЧЕРКИ ПРАВОВЪ: Приключенія музыканта-миссіонера у антиподовъ. V. АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ: Сила воображенія.—Публичная продажа человѣческой головы. — Женщина-Матросъ.—Литературные вечера въ Англіи.—Рукопись Леонарда да Винчи. — Проектъ небывалаго закона.—Женщины-лекари.—Величайшая бібліотека для чтенія. VI. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ: Актриса большой сцены (*съ англійскаго*). — Вакація (очеркъ парижскихъ бюрократическихъ нравовъ).

I. ЛИТЕРАТУРА.

ГЁТЕ И ТЭККЕРЕЙ.

За любовь и уваженіе, которыя Германія питаетъ къ величайшему англійскому поэту, Англія вознаграждаетъ ее почти такимъ же уваженіемъ къ корифею нѣмецкой поэзіи. Гёте, въ собственномъ своемъ отечествѣ, едва ли имѣетъ болѣе почитателей, чѣмъ въ образованномъ классѣ англійской публики: англійскіе переводы Фауста можно считать на дюжины: Эгмонтъ, Гець, Ифигенія, Тассъ, Германъ и Доротея, Вильгельмъ Мейстеръ,—все распространены тамъ во многихъ, нерѣдко удачныхъ переводахъ. Новымъ доказательствомъ популярности нашего славнаго стихотворца въ Англіи служитъ недавно-вышедшая статья о жизни и твореніяхъ Гёте. Авторъ ея, Левесъ, из-

Отд. III.

вѣстный своею исторіею философіи въ біографіяхъ , не ограничился изученіемъ всѣхъ печатныхъ источниковъ , но пользовался еще письменными и изустными сообщеніями семейства и личныхъ друзей Гёте. При изданіи этой статьи онъ руководствовался совѣтомъ Горація и посвятилъ этому труду почти десять лѣтъ.

Большая часть книги наполнена разборомъ стихотвореній Гёте , потому что , говоритъ сочинитель , «и въ жизнеописаніи великаго полководца , разсказъ о его походахъ занимаетъ необходимо наиболѣе мѣста.» Одна изъ занимательнѣйшихъ главъ статьи этой та , въ которой говорится объ ученыхъ трудахъ Гёте , заслуги его оцѣнены весьма высоко и опровергнуты нападки критиковъ , желавшихъ уменьшить значеніе тѣхъ заслугъ. Сочинитель защищаетъ , также съ жаромъ , Гёте отъ упрека въ самолюбіи , въ низкопоклонствѣ и въ недостаткѣ сочувствія къ политическому движенію времени. Онъ говоритъ , между прочимъ : «это не было въ природѣ Гёте , чтобы проходящіе внѣшнія беспокойства могли сильно взволновать его. Наблюдательный умъ его искалъ въ вѣчныхъ законахъ міроздавія этой пищи и этихъ впечатлѣній , которыя другіе извлекаютъ изъ минутныхъ явленій. Можно требовать отъ поэта , чтобы онъ интересовался великими вопросами поэзіи и философіи ; но ставить ему въ преступленіе то , что онъ не принимаетъ участія въ политикѣ , столь же неблагоприятно , какъ и порицать государственнаго мужа за то ; что онъ равнодушенъ къ ученымъ спорамъ о греческихъ искусствахъ или преобразованіяхъ растений. Говорили , безъ всякаго основанія , что Гёте оставилъ политику и предался наукамъ и искусствамъ потому , что политика мѣшала его спокойствію и что онъ былъ слишкомъ самолюбивъ , чтобы могъ интересоваться чужими дѣлами. Всѣ приближенные къ Гёте знаютъ , какъ далеко онъ былъ отъ всякаго самолюбія и какъ онъ чистосердечно желалъ блага людей и трудился для него своимъ способомъ ; нѣтъ повода обвинять его въ самолюбіи только потому , что политика лежала внѣ круга его дѣятельности.»

Матеріалы для біографіи Гёте , на которыя ссылается авторъ , весьма обширны и важны. Въ числѣ ихъ находится свѣдѣніе , заслуживающее вниманія , не только по своему содержанію , но и по важности лица , къ которому оно относится.

Въ первыхъ тридцати годахъ текущаго столѣтїа многіе англичане проживали въ Веймарѣ, частию для окончанїя курса наукъ, частию изъ желанїя принести дань почтенїя мѣстному генію. Къ числу этихъ англичанъ принадлежалъ молодой человѣкъ, ставшій впоследствии на ряду съ первоклассными писателями въ Англїи: Вильямъ-Мекинсъ-Тэкерей. На просьбу г. Левеса о сообщенїи ему своихъ воспоминанїй о Гёте, онъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ.

«Мнѣ бы хотѣлось, чтобы я могъ рассказать вамъ много о Веймарѣ и Гёте. За двадцать-пять лѣтъ предъ тѣмъ находились въ Веймарѣ молодые англичане, числомъ не менѣе двадцати, которые посвятили себя наукамъ, развлечениямъ и обществу, что все находилось въ маленькой, но прїятной саксонской столицѣ. Великій герцогъ и его супруга принимали насъ съ самымъ дружескимъ гостепрїимствомъ. Дворъ былъ блестящій, но безъ всякаго стѣнительнаго этикета. Насъ поочередно приглашали къ обѣдамъ, на балы и въ собранїя, куда мы отправлялись въ зимнія ночи на носилкахъ. Я имѣлъ счастье купить себѣ шиллерову шагу, которая составляла принадлежность моего придворнаго туалета и еще нынѣ виситъ въ моемъ кабинетѣ, напоминая мнѣ о прекраснѣйшихъ дняхъ моей юности. Мы были введены во всѣ общественныя кружки города и если бы всѣ безъ исключенїя молодыя дамы не говорили такъ отлично по-англійски; то мы имѣли бы случай выучиться самому лучшему нѣмецкому нарѣчію. Театръ открывался дважды или трижды въ недѣлю и мы собирались въ немъ, какъ въ семейномъ кругу. Гёте не управлялъ уже болѣе театромъ; но высокія преданїя остались въ своей силѣ. Театральная дирекція была превосходна и кромѣ постоянной, весьма дѣльной, труппы, являлись въ зимнее время на сценѣ заѣзжіе славнѣйшіе актеры и пѣвцы изъ разныхъ странъ Германїи. Такъ, напримѣръ, я видѣлъ Людовика Девріена въ роляхъ: Шейлока, Гамлета, Фальстафа и Франца Моора и прекрасную Шредеръ въ пьесѣ Фиделіо.

«Послѣ двадцати-трехъ-лѣтняго отсутствїя, я снова провелъ два дня въ знакомомъ мѣстѣ и былъ такъ счастливъ, что встрѣтилъ тамъ нѣсколькихъ друзей моей молодости. Жена Гёте жила еще въ Веймарѣ и приняла меня и мою дочь съ прежнею своею сердечностью. Мы кушали чай на открытомъ

воздухъ, въ славной бесѣдкѣ, которая и нынѣ принадлежитъ семейству Гёте.

«Хотя въ 1831 году Гёте уже удалился отъ свѣта, но онъ все-таки допускалъ къ себѣ постороннихъ лицъ. За чайнымъ столикомъ его гостинной было всегда мѣсто для насъ и мы провели тамъ многіе часы, многіе вечера самымъ пріятнымъ образомъ, занимаясь разговорами, музыкой, игрою и чтеніемъ безконечныхъ романовъ на французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Мое главное препровожденіе времени состояло въ черченіи каррикатуръ для дѣтей, и мнѣ, юношѣ, было очень лестно, что великій Гёте просматривалъ нѣкоторые изъ моихъ рисунковъ. Онъ самъ оставался въ своихъ отдѣльныхъ комнатахъ, куда однѣ привилегированныя лица имѣли доступъ; но онъ охотно слушалъ все, что происходило вокругъ него и интересовался всеми посторонними посѣтителями. Когда ему понравилось чье лицо, то онъ поручалъ одному поселившемуся въ Веймарѣ художнику снять портретъ, и такимъ-образомъ собралъ полную галерею портретовъ, сдѣланныхъ тушью. Вообще домъ его былъ биткомъ-набитъ картинами, рисунками, моделями, статуями и медалями.

«Я хорошо помню волненіе и страхъ, съ которыми я, молодой человѣкъ девятнадцати лѣтъ, получилъ давно-ожидаемое извѣстіе, что г. тайный совѣтникъ пріиметъ меня въ такой-то день. Этотъ замѣчательный пріемъ послѣдовалъ въ маленькой передней, въ которой стѣны были покрыты съ верху до низу алебастровыми медалями и барельефами. Онъ былъ одѣтъ въ длинный сѣрый или коричневаго цвѣта кафтанъ и имѣлъ на шеѣ бѣлый галстухъ и красную ленточку въ петлицѣ. Руки держалъ онъ назадъ, какъ въ сдѣланной Раухомъ маленькой статуѣ. Цвѣтъ лица его былъ очень ясенъ, съ розовымъ отливомъ; темные глаза его были необыкновенно пронизательны. Я порядкомъ струсилъ передъ нимъ и сравнивалъ ихъ мысленно съ глазами героя одного романа «Мельмотъ странникъ,» который приводилъ меня въ ужасъ, когда я былъ еще мальчикомъ, съ глазами человѣка, который заключилъ договоръ съ сатаною и до самой глубокой старости сохранилъ страшный блескъ въ своихъ глазахъ. Мнѣ казалось, что Гёте въ старости долженъ быть гораздо красивѣе того, какъ онъ былъ въ лѣтахъ своей молодости. Онъ предложилъ мнѣ нѣсколько во-

просовъ, на которые я отвѣчалъ, какъ могъ и я изумился и даже ободрился, найдя, что Гёте не совсѣмъ чисто произносилъ слова на французскомъ языкѣ.

«Vidi tantum. Послѣ этого визита, я видѣлъ Гёте всего два раза, одинъ разъ въ домашнемъ его саду, во время прогулки, и другой, въ ту минуту, когда онъ, одѣтый въ шинель съ краснымъ воротникомъ, собирался сѣсть въ коляску. Онъ ласкалъ тогда удивительно-прекрасную, маленькую внучку, блондиночку, съ милымъ ангельскимъ личикомъ, надъ которымъ земля давно уже закрылась.

«Тѣ изъ насъ, кто получалъ книги или журналы изъ Англіи, посылали ихъ къ нему и онъ перелистывалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ. Въ то время вышли изъ печати первые номера *Frasers Magazine*, и я помню, какой интересъ возбуждали въ немъ очерки портретовъ, находившіеся въ этихъ номерахъ. Между ними была одна отвратительно-скверная карриатура г-на Р., которую онъ съ гнѣвомъ бросилъ отъ себя: «изъ меня они бы также сдѣлали такую рожу» сказалъ онъ. Однакожъ я не могу представить себѣ ничего величественнѣе, веселѣе и здоровѣе грандіознаго старика Гёте.

«Хотя солнце его было на закатѣ; но небо кругомъ было ясно и спокойно и освѣщало своимъ блескомъ маленькій Веймаръ. Въ немъ не было ни одного кружка, въ которомъ бы не бесѣдовали о наукахъ и искусствахъ. Театральная труппа состояла изъ людей образованныхъ, джентльменовъ, которые находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ дворянствомъ. Великая герцогиня (нынѣ вдовствующая), дама съ рѣдкими качествами, была столь милостива, что позволяла намъ брать ея книги и сама пользовалась нашими, а иногда разговаривала съ нами о нашихъ литературныхъ занятіяхъ. Благоговѣніе, оказываемое дворомъ патриарху словесности, дѣлало честь государю и подданному. Послѣ двадцати-пяти-лѣтняго опыта и безчисленныхъ знакомствъ съ самыми разнообразными людьми, могу сказать, что я нигдѣ не нашелъ такого простодушнаго, добраго, вѣжливаго, джентльменскаго общества, какъ то, которое было въ маленькомъ саксонскомъ городкѣ, гдѣ жили и похоронены благородный Шиллеръ и великій Гёте.»

Книга г. Левеса посвящена его другу, Өомѣ Карлию, который первый научилъ Англію почитать Гёте.

ЛУИДОРЪ,

(БЫЛЬ.)

Ф. Гофмана.

I.

Молодой поэтъ Рейнгольдъ, подобно многимъ нѣмецкимъ и даже не нѣмецкимъ поэтамъ, жилъ на чердакѣ пятиэтажнаго дома. Насупротивъ этого дома возвышалось великолѣпное зданіе богатаго купца, который, во время начала нашего разсказа, готовился праздновать свадьбу своей дочери. Все было уже готово къ брачному торжеству, не доставало только свадебныхъ стиховъ. Купецъ, узнавъ о сосѣдствѣ поэта, позвалъ къ себѣ Рейнгольда и просилъ его написать стихи на бракъ молодой четы. На другой день Рейнгольдъ доставилъ ему стихи и получилъ въ награду лундоръ.

Рейнгольдъ, красивый, румяный юноша, съ глазами полными огня, былъ въ восторгѣ отъ блестящей монеты. Въ свидѣніяхъ онъ часто видѣлъ золотыя горы и игралъ слитками золота; но имѣть на яву блестящій лундоръ случилось ему въ первый разъ. Онъ поспѣшно вышелъ изъ великолѣпнаго зданія и еще скорѣе взбѣжалъ наверхъ по грязнымъ ступенямъ своего дома. — Въ четвертомъ этажѣ, этажемъ ниже чердака, заслонила ему дорогу хорошенькая, поленькая и веселенькая дѣвушка. Рейнгольдъ безъ церемоніи поцѣловалъ ее, не смотря на сопротивленіе дѣвушки.

— Что съ тобою? вскричала она: такъ испугать меня!.. Кажется, ты обезумѣлъ!

— Да, обезумѣлъ, но отъ радости! сказалъ Рейнгольдъ: посмотри, что у меня — и удивляйся!

Онъ привлекъ дѣвушку къ огню, горѣвшему въ каминѣ и блеснулъ лундоромъ въ глаза Марісты.

— Господи помилуй! — Лундоръ! вскричала дѣвушка. — Откуда ты взялъ его?

— Заработалъ, музы подарили. Теперь не говори, что музы скупы къ своимъ любимцамъ. Я сочинилъ брачные стихи для хорошенькой невѣсты, живущей насупротивъ, — написалъ ихъ въ четверть часа — и лундоръ попалъ ко мнѣ въ карманъ.

— Присядь немного, милый Рейнгольдъ, пока я стряпаю,

сказала обрадованная Мариета. Пока матушки нѣтъ дома, мы можемъ немного поболтать.

Рейнгольдъ придвинулъ табуретъ къ очагу и самодовольно улыбаясь, сказалъ:

— Будетъ еще лучше время, Мариета — это только начало. Когда я сдѣлаюсь извѣстнымъ, золото посыплется на меня отовсюду. Кто знаетъ, можетъ-быть, я сдѣлаюсь современемъ вторымъ Гёте?

— О, не говори мнѣ, пожалуйста, про Гёте! Ты для меня лучше тысячи Гёте!

— Доброе дитя, сказалъ Рейнгольдъ, — ты не знаешь великаго человѣка: Гёте былъ — царь надъ поэтами. Его принимали къ себѣ князья и каждая буква изъ-подъ пера его становилась источникомъ золота. Когда онъ родился, то всѣ девять музъ пировали на его крестинахъ. Куда мнѣ до этого свѣтила!

— Но я говорю: приведи ко мнѣ всѣхъ поэтовъ міра и хотя бы ихъ слава возносилась до небесъ, то я знала бы кого полюбить. Тебя! тебя одного, милый Рейнгольдъ!

— Я готовъ отдать всю славу и богатство за твою любовь.

— Мы очень несчастливы! сказала она со вздохомъ.

— За то, если ты сдѣлаешься моею женой, то будешь счастлива! возразилъ Рейнгольдъ.

— Ахъ, этого никогда не будетъ. Ты забываешь, какъ ненавидитъ тебя моя матушка.

— Дай мнѣ только разбогатѣть, тогда и она полюбитъ меня.

— Но, любезный Рейнгольдъ, когда это будетъ? Матушка говоритъ, что ты лѣнтяй и что изъ тебя никогда не выйдетъ человѣка.

— Развѣ у меня нѣтъ лундора? спросилъ Рейнгольдъ смѣясь.

— Конечно! но если ты останешься только при одномъ, то мать мою трудно будетъ подкупить. По правдѣ сказать: она любитъ деньги и я навѣрно знаю, что у нея есть-таки капиталецъ.

— Хорошо. Но не пройдетъ и года, какъ я ей докажу, что изъ-подъ пера настоящаго поэта течетъ золото.

— Но чтѣ намъ дѣлать до тѣхъ поръ? Мы находимся въ печальномъ положеніи. Не больше разу въ недѣлю приходится видѣть тебя, еще менѣе говорить съ тобою. Когда я на тебя взгляну или скажу словечка два въ твою пользу, то пѣлый

день должна слушать разныя насмѣшки на твой счетъ; а ты знаешь, какъ мнѣ это больно.

Богъ съ ней, съ твоею матушкой, сказалъ Рейнгольдъ. — На мои глаза, она не имѣетъ ни какого понятія о моихъ стремленіяхъ и сужденія ея обо мнѣ ни мало меня не тревожатъ. Признаюсь, изъ любви къ тебѣ и чтобъ сдѣлаться твоимъ мужемъ, я готовъ сыграть съ ней какую-нибудь глупую шутку обмануть ее...

— Но это не хорошо, неблагородно.

— Не хорошо только то, что препятствуетъ нашей любви. Мы любимъ другъ друга и должны обороняться, если насъ хотятъ разлучить.

— Если такъ, то я посоветовала бы тебѣ вотъ что: ты долженъ увѣрить мою мать, что поэзія, которою ты занимаешься, доставить тебѣ большую сумму денегъ.

— Положимъ, чтожъ дальше?

— Лундоръ, который ты имѣешь, послужитъ началомъ. Ты дай ей его на сохраненіе и скажи, что будешь это повторять каждый день. Это ее нѣсколько смягчитъ.

— Милое дитя, сказалъ Рейнгольдъ смѣясь — конечно это славная выдумка, но я не знаю, буду ли дѣйствительно получать по лундору каждый день, — вотъ въ чемъ затрудненіе.

— Да этого и не нужно. Ты знаешь, что матушка безъ очковъ почти ничего не видитъ, притомъ же ключи у меня. Я положу твой лундоръ въ копилницу, запру ее на ключъ, который спрячу и каждый день буду отдавать тебѣ спрятанный лундоръ.

— Превосходно, отлично! вскричалъ Рейнгольдъ. Позволь тебя обнять за эту прекрасную выдумку! Остальное поручи мнѣ, — я буду приносить ей каждый день по лундору, буду говорить, что заработалъ его съ великимъ трудомъ, а вмѣстѣ съ этимъ и тебя буду видѣть каждый день и постараюсь понравиться твоей матушкѣ, женюсь на тебѣ и когда она откроетъ нашъ обманъ, тогда уже будетъ поздно?

— Какъ? вскричала Мариѣта, вѣдъ я шутя это сказала; неужели ты говоришь серьезно?

— Клянусь Апполовомъ и девятью музами!

— Господи! вскричала Мариѣта. Я слышу шумъ на лѣстницѣ; милый Рейнгольдъ, сдѣлай одолженіе, бѣги въ свою комнату.

— Нѣтъ, милое дитя, я останусь. Вооруженный лундоромъ, я смѣло встрѣчу врага!

На лестницѣ ясно былъ слышенъ кашель, кряхтѣнье и шарканье. Мариѣта побѣжала въ свою комнату. Вскорѣ вошла г-жа Бернгардъ. Увидѣвъ нашего поэта, который встрѣтилъ ее нижайшимъ поклономъ, она спросила его довольно грубо:

— Что вы опять здѣсь дѣлаете, въ моей квартирѣ? Кажется, я довольно ясно просила васъ не навѣщать г-жу Бернгардъ.

— Любезная мадамъ Бернгардъ, началъ Рейнгольдъ...

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, ваши непрошенныя любезности.

— Вы знаете, что я живу надъ вами.

— Но это не даетъ вамъ права каждый разъ заходить сюда. Не думайте, чтобъ я была ужъ слишкомъ глупа! Вы, господа поэты, сказать по правдѣ, негоднѣйшія созданія въ свѣтѣ: пачкаете по-пусту бумагу, вздыхаете, плачете и безъ пути заглядываетесь на хорошенькихъ дѣвушекъ съ блестящими глазками и свѣженькими щечками... Прощайте, г. Рейнгольдъ.

— Но, мадамъ Бернгардъ, у меня есть къ вамъ просьба...

— Этого еще не доставало! Не хотите ли занять денегъ у бѣдной женщины?

— Нѣтъ, нѣтъ! напротивъ. Я пришелъ не просить, а принесть вамъ денегъ.

— Что такое вы сказали—повторите... вы говорите... деньги...

— Посмотрите сами, если сомнѣваетесь. Вотъ—луидоръ, который я заработалъ.

— Луидоръ? Позвольте посмотреть; это вѣдь не копейка? Она вытатила изъ своего ридикюля большіе серебрянные очки и, надѣвъ ихъ, пошла къ огню, чтобъ рассмотреть блестящій луидоръ.—Создатель Небесный! вскрикнула Бернгардъ, посмотрѣвъ на монету. Дѣйствительно луидоръ! . Чтожъ вы хотите съ нимъ дѣлать, господинъ Рейнгольдъ?

Да, право, не знаю, мадамъ Бернгардъ, а какъ подумаю, что мнѣ прійдется каждый Божій день получать по такому свѣтляку за мои труды, за мои стихи... не смѣйтесь—и за мои стихи, такъ и ума не приложу, куда дѣвать все это золото... Знаете ли что, почтенная Бернгардъ: будьте добры: возьмите этотъ луидоръ, да и будущія деньги къ себѣ на сохраненіе; вы ихъ бережете, а у меня они уйдутъ безъ всякой пользы. Согласны, г-жа Бернгардъ?

— Хорошо, любезный Рейнгольдъ — это благоразумная про-

съба, хорошо; я буду прятать ваши деньги. Съ этими словами она пошла въ другую комнату; Рейнгольдъ безъ церемоніи послѣдовалъ за нею.

— Мариета! Мариета! произнесла г-жа Бернгардъ; вошла дѣвушка, намъ уже знакомая; взглянувъ на Рейнгольда, она смутилась, быстро опустила глаза и щеки ея покрылись слабымъ румянцемъ; но вскорѣ оправилась и спросила довольно твердымъ голосомъ:—что вамъ угодно, маменька?

— Посмотри, Мариета, г. Рейнгольдъ далъ мнѣ на сохраненіе лундоръ и каждый день будетъ повторять это. Скажи, куда намъ его положить?

— Можно, сказала Мариета тихимъ, почти дрожащимъ голосомъ, положить его въ мою копильницу. Она пуста теперь.

— Хорошо. Но положи копильницу и ключъ въ безопасное мѣсто. Мариета взяла лундоръ, отперла шкафъ, бережно вынула копильницу и опустила въ нее лундоръ, взглянувъ искоса на Рейнгольда такъ умиленно, что тотъ едва не бросился обнимать ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ взглядѣ выражалось вѣчто боязливое. Рейнгольдъ вскорѣ ушелъ.

II.

Сначала дѣло шло какъ-нельзя-лучше. Мариета вынимала лундоръ изъ копильницы, когда мать спала и отдавала его каждое утро Рейнгольду, а тотъ, въ свою очередь, приносилъ его каждый день и довѣрчиво отдавалъ г-жѣ Бернгардъ; за такое постоянство его хвалили каждый разъ, а онъ, между тѣмъ, всякій разъ мѣнялся страстными взглядами съ Мариетой.

Такимъ образомъ прошла недѣля.

На восьмой день г-жа Бернгардъ сказала своей дочери:

— Г. Рейнгольдъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ, не худой человекъ. Я его всегда считала гулякой, а на повѣрку выходитъ, что онъ имѣетъ нѣкоторыя хорошія качества.

— Вотъ теперь вы сами видите, маменька, что я была права. Я вамъ часто говорила, что онъ превосходный человекъ.

— Хорошо, это мы еще увидимъ. Конечно, вотъ ужъ восемь лундоровъ онъ мнѣ принесъ, но еще неизвѣстно, будетъ ли

такъ продолжаться. Опъ, можетъ-быть, вскорѣ потребуеть назадъ свои лундоры, а кто знаетъ, можетъ-быть, онъ достаетъ ихъ совѣсьмъ не честнымъ образомъ. Да и что можно сдѣлать этой глупой поэзію? — Какъ выигралъ, такъ и проигралъ.

На двѣнадцатый день г-жа Бернгардъ сказала дочери своей:

— Я желаю, Маріета, чтобы ты обходилась съ г. Рейнгольдомъ немного поласковѣе, на что это похоже: не только поговорить съ нимъ, даже взглянуть на него не хочешь. Смотри, какъ много зарабатываетъ онъ денегъ.

Не успѣла г-жа Бернгардъ произнести эти слова, какъ вошелъ Рейнгольдъ; Маріета взглянула на него такъ привѣтливо и выразила въ этихъ двухъ словахъ — любезный Рейнгольдъ, — которыми она его привѣтствовала, столько нѣжности и столько любви, что мать ея, которая на этотъ разъ была очень внимательна, не могла не замѣтить этого и не удивиться.

— Маріета! сказала она строго, когда Рейнгольдъ ушелъ — что значитъ этотъ влюбленный взглядъ и нѣжное пожатіе руки и это выраженіе: «любезный Рейнгольдъ»? что я сей часъ замѣтила? Я должна бояться...

— Ахъ, маменька! Да вѣдь вы сами мнѣ сказали, чтобъ я къ Рейнгольду была поласковѣе. Я только исполнила ваше приказаніе.

— Но я приказала тебѣ быть только ласковою и болѣе ничего. Нѣтъ, Маріета, ты слишкомъ ужъ далеко заходишь. Смотри, не надѣлай глупостей. Что же касается до свадьбы, то я лучше отдамъ тебя любому торгашу, чѣмъ такому несчастному стихотворцу, у котораго сегодня лундоръ, а завтра и куска хлѣба не будетъ.

На четырнадцатый день г-жа Бернгардъ была больна и лежала въ постели.

— Маріета! сказала она: — дай-ка мнѣ деньги Рейнгольда; мнѣ что-то скучно, и я бы охотно поиграла этими маленькими золотыми монетами.

Дѣвушка была въ довольно-затруднительномъ положеніи. Если бы теперь г-жа Бернгардъ взглянула на свою дочь, то замѣтила бы ея смущеніе, потому-что Маріета, то блѣднѣ-

ла, то красѣла; но она скоро оправилась и сказала: — любезная маменька, я не знаю, куда я положила ключъ.

— Чтò за безпорядокъ! кричала старуха, — кому дали деньги на сохраненіе, тотъ долженъ ключъ отъ нихъ беречь пуще глаза. Чтò, если бы теперь пришелъ Рейнгольдъ и потребовалъ свои лундоры? Ну, пооди и поищи ключъ, да поскорѣй.

Маріета пошла искать ключа и надѣлала столько шума, передвигая диваны, комоды, шкафы, что можно было принять поиски принужденныя за дѣйствительныя, а все-таки пришла къ матери, не найдя ключа. Старуха осердчала не на шутку, стала браниться, кричать, плакать и топтать ногами о спивку кровати; но ничто не помогло, ключъ не находился; наконецъ сказала она задыхающимся отъ гнѣва голосомъ:

— Такъ дай мнѣ, по-крайней-мѣрѣ копильницу, я хочу посмотреть, какъ тяжела она теперь.

Но чего женщины не выдумаютъ!... хитростей у нихъ всегда довольно въ запасѣ. Маріета, эта невпипная дѣвушка, сейчасъ нашла возраженіе на это щекотливое требованіе.

— Любезная маменька, сказала она — оставьте эти деньги въ покоѣ; вы знаете, что докторъ запретилъ вамъ всякое раздраженіе и волненіе, а деньги непременно произведутъ въ васъ волненіе, послѣ вы же меня станете упрекать, зачѣмъ дала я вамъ копильницу.

Сколько ни горячилась г-жа Бернгардъ и ни шумѣла, Маріета оставалась неупросимою; старушка, утомленная отъ гнѣва, заснула. Маріета скользнула за дверь, гдѣ Рейнгольдъ ее уже давно ждалъ. Счастливыцъ! Они разговаривали. Рейнгольдъ смѣялся на выдуманную хитрость дѣвушки. Но Маріета глубоко вздыхала и говорила: не хорошо обманывать родную мать.

На двадцатый день сказала г-жа Бернгардъ Рейнгольду, который приносилъ ей свой лундоръ уже въ двадцатый разъ: — я не могу не удивляться вашему счастью и постоянству. Уже двадцать лундоровъ хранятся у меня, сумма довольно порядочная. Если это будетъ продолжаться, то вы будете имѣть, по прошествіи года, довольно порядочный капиталъ.

— Я въ будущности ожидаю гораздо больше, — возразилъ Рейнгольдъ. Какъ вы думаете г-жа Бернгардъ, могу ли я, въ настоящее время, прилично содержать жену?

— Гмъ! Вы хотите жениться?

— Нѣтъ! Но чего не случается на свѣтѣ. Представьте себѣ, напримѣръ, что Маріета имѣетъ мужа, который, для хозяйства, приноситъ ей каждый день по лундору, были бы вы довольны такимъ зятемъ?

— Чтò вы хотите сказать этимъ?

— Ничего особеннаго. Я только такъ спрашиваю.

— А я думала, что вы хотѣли что-то другое сказать: я всегда боялась, что вы влюблены въ мою дочь, если я ошибаюсь — тѣмъ лучше. Вы меня извините, мой любезный Рейнгольдъ — сынъ счастья! Вы получаете много, но нельзя ручаться, чтобъ и впередъ такъ было. Будущность ваша кажется мнѣ слишкомъ веселою, а для дочери моей желаю я такого мѣста, гдѣ бы ей было и тепло и спокойно.

Между-тѣмъ Маріета сидѣла у окна за пальцами и слышавъ весь этотъ разговоръ, не могла скрыть своего безпокойства; изъ ея груди вырвался тяжелый вздохъ. Рейнгольдъ, прощаясь съ г-жею Бернгардъ, бросилъ Маріетѣ нѣсколько нѣжныхъ утѣшительныхъ взглядовъ и, проходя мимо ея, прошепталъ:

— Я тебѣ ручаюсь, что будетъ по нашему!

Нѣсколько дней спустя, Маріетѣ не удалось вынуть лундора, потому-что г-жа Бернгардъ поставила свои кресла противъ шкафа, гдѣ стояла копилница; къ тому же весь вечеръ проспала на немъ.

На другой день Маріета цѣлое утро была занята такъ, что не могла даже побесѣдовать съ Рейнгольдомъ.

— Вы сегодня не принесли лундора г. Рейнгольдъ, сказала старушка, не получая отъ него золотой монеты.

— Нѣтъ, любезная г-жа Бернгардъ, былъ простодушный отвѣтъ его.

— Какъ? Неужели вашъ источникъ золота такъ скоро истощился?

— Нѣтъ! Но мнѣ нуженъ былъ сегодня лундоръ; я его издержалъ.

— А позвольте спросить, куда вы его издержали?

— Я нашелъ нужнымъ немножко поправить свое платье. Я хочу жениться, г-жа Бернгардъ.

— Такъ вотъ чтò? сказала г-жа Бернгардъ. Въ ея движеніяхъ замѣтно было что-то въ родѣ досады.

— Да, любезная г-жа Бернгардъ. Мнѣ предлагаю

ко выгодныхъ партій и я не прочь жениться на дочери одного богатаго купца.

Зависть въ г-жѣ Бернгардъ, при этихъ словахъ, еще болѣе усилилась и она съ досады начала двигать кресло, на которомъ сидѣла, то взадъ, то впередъ, и эти движенія сопровождаемы были вздохами и стонами.

— Очень грустно видѣть, сказала она, — что въ нынѣшнее время женятся по расчету.

— Судя по вашимъ словамъ, г-жа Бернгардъ, — вы должны быть согласны со мной. Я чрезъ этотъ бракъ могу выиграть: мнѣ предстоить спокойная жизнь.

— Но скажите мнѣ, ради Бога, какой это глупецъ отдаетъ за васъ свою дочь?

— Это пока секретъ. Тутъ не о глупости рѣчь идетъ. Да чего вамъ еще не достаетъ? Человѣкъ, который каждый день приобрѣтаетъ по лундору и надѣется со временемъ получать еще болѣе, который начинаетъ уже входить въ моду и, вѣроятно, сдѣлается когда-нибудь однимъ изъ первыхъ поэтовъ — такой человѣкъ, мнѣ кажется, можетъ смѣло рассчитывать на выгодную женитьбу.

— Пусть такъ. Но впрочемъ мнѣ все равно, завистливо сказала г-жа Бернгардъ. Рейнгольдъ едва могъ удержаться отъ смѣху. Прощаясь съ г-жею Бернгардъ, онъ самодовольно улыбнулся, но когда вышелъ изъ комнаты, громко захохоталъ и цѣлый день былъ необыкновенно веселъ.

На другой день, когда лундоръ въ двадцать-четвертый разъ былъ опущенъ въ копильницу, г-жа Бернгардъ приказала Маріетѣ выйти изъ комнаты, говоря, что хочетъ переговорить съ г. Рейнгольдомъ наединѣ.

— Послушайте, любезный другъ, начала она ласково. Я сегодняшнюю ночь не могла совсѣмъ заснуть — все думала о васъ. Скажите: вы уже объяснились съ купцомъ на счетъ женитьбы.

— Нѣтъ еще. Но это можно сдѣлать каждую минуту. Я даже сегодня утромъ хотѣлъ окончателно переговорить по этому дѣлу.

— Подумайте хорошенько, любезный Рейнгольдъ, о томъ, на что рѣшаетесь. Молодому человѣку, какъ вы, недолго сдѣлаться несчастливымъ отъ излишней поспѣшности въ такомъ

важномъ дѣлѣ, особенно, если онъ гонится за богатствомъ. Бываютъ матери (славу Богу, что я не принадлежу къ числу ихъ), которыя разными блестящими обѣщаніями стараются привлечь къ себѣ неопытную молодость. Будьте осторожны, любезный Рейнгольдъ, не попадите въ недобрую семью.

— Вы, можетъ быть, и правы, г-жа Бернгардъ, но что вы хотите сказать этимъ?

— Я хочу сдѣлать вамъ предложеніе другаго рода.

— Ахъ, какъ вы добры, г-жа Бернгардъ.

— Прежде всего я должна сказать, что имѣю объ васъ совсѣмъ другое мнѣніе, чѣмъ прежде. Я стала васъ любить съ тѣхъ-поръ, какъ узнала васъ покороче. Ахъ, Господи! двадцать-четыре лундора въ двадцать-четыре дня!... Но это не главная причина. Я васъ считаю за честнаго и экономнаго человѣка; это у меня гораздо болѣе значить, нежели богатство. Я знаю дѣвушку, которая бы могла составить ваше счастье.

— О, говорите, г-жа Бернгардъ, говорите скорѣй, воскликнулъ Рейнгольдъ, притворяясь удивленнымъ.

— Она не дурна собою, можно сказать, даже красавица, добра и хорошая хозяйка. Ну, чтоже — вы не догадываетесь?

— Право нѣтъ. Я напрасно перебираю всѣхъ дѣвушекъ, которыхъ знаю, но ни одна изъ нихъ не заслуживаетъ такой похвалы. — Можетъ-быть я ее никогда не видалъ и вовсе не знаю.

— Нѣтъ, вы ее очень хорошо знаете и даже (я такъ думаю) не равнодушны къ ней. Какъ, вы все еще не отгадываете?

— Вы меня чрезвычайно удивляете. Не намекаете ли вы на Маріету?

— Ну, а что бы вы сказали о ней, спросила г-жа Бернгардъ скоро и тихимъ голосомъ.

Рейнгольдъ вскочилъ. — Какъ? вскричалъ онъ. Вы хотите?... Но нѣтъ, вы надо мной шутите! Маріетъ быть моею женой! Это невозможно.

— Будьте благоразумны, другъ мой!.. Возможно, если вы только захотите. Вы можете сдѣлаться моимъ сыномъ, какъ и всякій другой. Еще одно. Маріета не совсѣмъ бѣдная дѣвушка. Мой покойный мужъ оставилъ мнѣ порядочный капиталъ. Меж-

ду нами будь сказано, Маріета получить отъ меня въ приданое двѣ тысячи талеровъ, а остальное послѣ моей смерти.

— Я не могу притти въ себя отъ вашего предложенія. Но Маріета? согласна ли она?

— Это ужъ предоставьте мнѣ. Маріета! Маріета! произнесла она дрожащимъ голосомъ. Вскорѣ вошла дѣвушка съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Слушай Маріета! Г. Рейнгольдъ сватается на тебѣ; я ему не отказала. Надѣюсь, что ты, какъ послушная дочь, не откажешь въ просьбѣ примѣрнаго молодого человѣка.

— Но, маменька, любезная мам.....

— Не хочу принимать никакихъ возраженій. Это моя воля и, если ты не хочешь разсердить меня, то сейчасъ же поцѣлуй ешь г. Рейнгольда.

Маріета буквально исполнила волю своей матери и съ той минуты Бернгардъ считала дѣло между молодыми людьми поконченнымъ.

III.

На слѣдующій день въ небольшомъ театрѣ столицы, гдѣ жили наши герои, давали первое комическое представленіе Рейнгольда. Злодѣй передѣлалъ исторію съ луддоромъ въ комедію и представилъ дирекціи. Какъ сочинителю, ему обѣщана была 3-я часть сбора. Въ этотъ самый день, вечеромъ, г-жа Бернгардъ пошла со двора; проходя мимо театра, ей вздумалось посмотреть, чтѣ играютъ въ театрѣ. Надѣвъ очки, прочла она: «Луддоръ, комедія Рейнгольда». Названіе пьесы, а еще болѣе имя автора заинтересовали ее.—Мнѣ бы хотѣлось посмотреть, думала она,—каково пишеть мой будущій зятѣкъ и рѣшилась взять билетъ за пятнадцать копѣекъ и съ многочисленной толпой вошла въ верхній ярусъ. Занавѣсъ поднялся и—о чудо!—ей кажется, что она видитъ на сценѣ себя, Рейнгольда и Маріету. Любовныя сношенія послѣднихъ, искусно придуманная ложь на счетъ луддора, и еще много смѣшныхъ сценъ, въ которыхъ она играетъ роль обманутой, дѣлались предметомъ смѣха публики. Она вытирала очки, думая, что плохо видитъ; но нѣтъ, увѣрившись, что все это дѣйствительно слышитъ

и видитъ, она поспѣшно оставила театръ, разгнѣванная и съ горькимъ предчувствіемъ, что все видѣнное дѣйствительно случилось съ ней, хотя и безъ ея вѣдома. Она рѣшилась отомстить несчастнымъ любовникамъ вѣчною разлукою. Разсерженной и крехтя отъ усталости притащилась она домой. — Маріета! а Маріета! вскрикнула она грознымъ голосомъ. И когда та, испуганная воззваніемъ матери, прибѣжала со свѣчею въ рукахъ, г-жа Бернгардъ поспѣшно проговорила:

— Дай мнѣ сюда копильницу, гдѣ лежатъ деньги г-на Рейнгольда.

Дѣвушка хотѣла было возражать, но мать повторила требованіе съ такою твердостью, что Маріета, дрожа, отперла шкафъ, вынула оттуда копильницу и съ умоляющимъ взглядомъ подала ее матери.

Торопливо трясла она копильницу, но только одинъ бѣдный лундоръ звенѣлъ въ ней.

— Такъ это въ-самомъ-дѣлѣ правда! вскричала г-жа Бернгардъ, сердито бросая на полъ копильницу.—О, змѣя, предательница, злодѣйка!.. но я отплачу вамъ за эту обиду.—Этотъ пачкувъ, писецъ, ни разу болѣе не переступитъ черезъ мой порогъ.

Только-что она произнесла эти слова, Рейнгольдъ, напѣвая какой-то романсъ, вбѣжалъ въ комнату. Его глаза блестѣли и видно было, что съ нимъ случилось что-то важное. Не смотря на печальный видъ Маріеты и на сердитое лице г-жи Бернгардъ, онъ побѣжалъ прямо къ Маріетѣ, обнялъ плачущую дѣвушку и сдѣлалъ тоже самое съ г-жею Бернгардъ, кружа ее на одномъ мѣстѣ, обнимая ее и цалуя, не смотря на старанія ея вырваться изъ его объятій, но наконецъ она произнесла:

— Прочь съ глазъ моихъ, предатель!

— Такъ вы уже все знаете? вскричалъ Рейнгольдъ:—превосходно! Въ такомъ случаѣ объясненія наши будутъ кратки. Да, маменька, мы васъ обманули, потому-что любимъ другъ друга и не можемъ жить одинъ безъ другаго. Но успокойтесь! изъ одного лундора сдѣлалось не двадцать-четыре, а гораздо болѣе. Я ихъ получилъ за мою піесу, которая очень понравилась публикѣ. Но я вамъ принесъ еще лучшую вѣсть. Я добился наконецъ мѣста редактора извѣстнаго журнала Х. Это мѣсто будетъ мнѣ приносить шесть-тысячъ талеровъ годоваго дохода, не говоря о платѣ за мои піесы. Сказавъ это, Рейн-

гольдъ положилъ все свои деньги въ передникъ г-жи Бернгардъ. Мариета повисла на шею Рейнгольда и плакала отъ радости.

Вы навѣрно догадались уже, читатель, что гнѣвъ г-жи Бернгардъ растаялъ при блескѣ золота, что Рейнгольдъ женился на Мариетѣ, что онъ сдѣлался извѣстнымъ поэтомъ и былъ счастливъ и благополучно окончилъ дни свои. Мариета просверлила въ луддорфъ дырочку и носила его, какъ источникъ своего блаженства, на своей груди.

Лучшаго мѣста онъ еще не имѣлъ.

II. ИСКУСТВА.

БЕТГОВЕНЪ И ИСТОРИЯ ОДНОЙ ИЗЪ ЕГО СОНАТЪ.

Кто не знаетъ Бетговена? Кто не покланяется генію этого человѣка? Я бы считалъ путешествіе мое по Европѣ не оконченнымъ, не полнымъ, если бы не былъ въ Боннѣ, мѣстѣ его рожденія.—Пріѣхавъ туда и желая собрать всевозможныя свѣдѣнія, относящіяся до великаго маэстро, я познакомился съ старымъ учителемъ музыки, который коротко зналъ этого геніальнаго человѣка. Онъ много и съ любовію говорилъ о Бетговенѣ, какъ человѣкѣ и какъ артистѣ, и между прочимъ разсказалъ мнѣ слѣдующую черту его жизни.

Когда я познакомился съ нимъ, говорилъ мнѣ мой собесѣдникъ, онъ жилъ въ скромной квартирѣ надъ лавочкою въ Ромеръ-плацъ. Онъ былъ бѣденъ и такъ бѣденъ, что по причинѣ ветхости своего платья, могъ выходить на прогулку только вечеромъ. Несмотря на это, у него были фортепяны, бумага, перья, чернила и нѣсколько книгъ и онъ имѣлъ иногда счастливыя минуты; онъ еще не былъ глухъ, а потому могъ наслаждаться мелодіею своихъ произведеній.— Впоследствии онъ былъ лишенъ и этого.

Однажды, вечеромъ, зимою, продолжалъ мой собесѣдникъ, наливая стаканъ вина, я вошелъ къ нему, чтобы предложить вмѣстѣ прогуляться и потомъ у меня отужинать.— Я засталъ его сидящимъ у окна, при свѣтѣ луны, безъ огня въ каминѣ, безъ свѣчи; онъ дрожалъ отъ холода.— Я исторгнулъ его изъ этого апатическаго состоянія, уговоривъ идти со

мною; онъ послушался, но былъ грустенъ и отвергалъ всѣ мои увѣщанія.

— Весь міръ мнѣ ненавистенъ, сказалъ онъ съ отчаяніемъ. Я не навигу самого себя. — Никто меня не понимаетъ и никому нѣтъ дѣла до меня. Я гений, а со мною обходятся, какъ съ паріемъ. — У меня есть сердце, но не кого любить. Я бы же лалъ, чтобъ все было кончено со мною и навсегда. Я бы хотѣлъ покойно лежать на днѣ рѣки, но есть минуты, въ которыя мнѣ нужна вся сила моей воли, чтобы удержаться отъ желанія броситься въ рѣку.

И онъ указывалъ на Рейнъ, на широкій, величественный Рейнъ, котораго замерзшія волны сребрились при свѣтѣ луны.

Я не отвѣчалъ ему. Съ нимъ нельзя было спорить и онъ продолжалъ говорить въ томъ же тонѣ. Когда мы возвращались въ городъ, онъ сталъ молчаливъ и задумчивъ.

Мы проходили по узкой и темной улицѣ возлѣ Кёльнскихъ воротъ. Вдругъ онъ остановился.

— Чу, сказалъ онъ. Какіе это звуки? И дѣйствительно я услышалъ въ сосѣднемъ домѣ слабые тоны фортепіано. — Это была печальная мелодія, игранная съ большимъ чувствомъ.

Бетговенъ воодушевился; глаза его засверкали.

— Это моя симфонія въ F! сказалъ онъ. Слушайте!... Какъ это хорошо исполнено!

Домъ, откуда выходили звуки, былъ низокъ и скромной наружности; слабый свѣтъ проходилъ сквозь закрытыя ставни. Мы приблизились, чтобы лучше слышать. — Играющій продолжалъ и двѣ слѣдующія части были исполнены также вѣрно и съ увеличивающимся чувствомъ. — Вдругъ, посреди финала, все умолкло..... Тишина насъ окружила. Наконецъ, послышалось рыданіе.

— Я не могу болѣе играть, сказалъ женскій голосъ. Я не въ состояніи кончить, любезный Фридрихъ!

— Почему? спросилъ мужскій голосъ.

— Эта симфонія такъ прекрасна, что я чувствую себя не въ состояніи достойно исполнить ее. О какъ бы я была счастлива, если бы могла быть сегодня въ Кёльнѣ, въ одномъ изъ концертовъ, на которомъ будетъ столько прекрасной музыки! — Какъ счастливы тѣ, которые бываютъ въ концертахъ!

— Да, любезная сестра, сказалъ Фридрихъ со вздохомъ;

надо быть богатымъ, чтобы пользоваться этимъ удовольствіемъ.—За чѣмъ желать того, что намъ недоступно? Это не для насъ; мы едва можемъ заплатить за эту квартиру, едва имѣемъ хлѣбъ насущный.

— Это правда, Фридрихъ, однакожъ, когда я играю, мнѣ всегда хочется, хотя разъ въ жизни услышать хорошую музыку—но увы! я знаю, что и это желаніе мое никогда, никакъ не сбудется. Эти послѣдніе слова были сказаны самымъ трогательнымъ голосомъ.

Бетговенъ взянулъ на меня.

— Войдемъ!... сказалъ онъ вдругъ, войдемъ! Я сыграю ей. Она чувствуетъ, слѣдовательно она пойметъ, она оцѣнитъ меня.

Я не успѣлъ сказать слова, какъ онъ уже отворилъ дверь. Черезъ темный коридоръ мы подошли къ незапертой двери и очутились въ бѣдной комнатѣ. Блѣдный молодой человѣкъ сидѣлъ за столомъ и шилъ башмакъ. Молодая дѣвушка, съ прекрасными распущенными бѣлорусыми волосами, задумчиво сидѣла за стариннымъ роялемъ. Они были чисто, но бѣдно одѣты и встали съ мѣстъ своихъ, когда мы вошли.

— Извините меня, сказалъ Бетговенъ, извините, но....но я слышалъ музыку и рѣшился войти. Я музыкантъ.

— Дѣвушка покраснѣла; лице молодаго человѣка сдѣлалось серьезно, почти сердито.

— Я слышалъ тоже часть вашего разговора, сказалъ мой спутникъ, нѣсколько сконфуженный. Вы бы желали....то есть вамъ было бы пріятно ознакомиться съ хорошею музыкою.... позвольте мнѣ сыграть вамъ что-нибудь.

— Очень вамъ благодарны, сказалъ молодой человѣкъ, но фортепьяны дурные и у насъ нѣтъ никакихъ нотъ.

— Нѣтъ нотъ! повторилъ мой пріятель. Какъ же мамзель....

Онъ остановился и покраснѣлъ; потому—что прекрасное лице дѣвицы повернулось къ намъ и по ея темнымъ и безжизненнымъ глазамъ мы узнали, что она слѣпа.

— Извините....умоляю васъ, извините—я съ начала не замѣтилъ. Какъ же вы выучили то, что играете?

— Когда мы жили въ Брюлѣ, я каждый день ходила слушать одну даму, которая много играла, а какъ окна въ ея домѣ всѣ были открыты, то я не пропускала ни одной ноты.

— И вы кромѣ того никогда не слышали музыки?

— Никогда....кромѣ уличной, исполняемой нищими.

Этотъ разговоръ замѣтно волновалъ ее; поэтому Бетго-венъ, не говоря ни слова, сѣлъ за фортепяно и сталъ играть. Едва онъ началъ, я уже зналъ, какъ онъ будетъ прекрасенъ въ этотъ вечеръ. Я не ошибся. Никогда, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ которыя коротко зналъ его, онъ не игралъ такъ, какъ теперь. Никогда я не слышалъ столько нѣжной страсти, столько мелодіи! онъ былъ въ сильномъ вдохновеніи; какъ только пальцы его дотрогивались клавишей, тоны становились ровнѣе и инструментъ былъ не узнаваемъ.

Мы слушали его внѣ себя.

Братъ и сестра были нѣмы; она, выдвинувъ голову нѣсколько впередъ, стояла напротивъ маэстро, держа руки на груди, какъ бы опасаясь, чтобы біеніе ея сердца не прервало этой волшебной мелодіи. Намъ казалось, что это сонъ прелестный—и мы боялись возвратиться въ міръ дѣйствительный.

Вдругъ пламя свѣчи блеснуло, догорѣвшая свѣтильня упала и потухла. Бетговенъ остановился. Я отворилъ ставни и въ комнатѣ стало почти такъ же свѣтло, какъ и прежде; луна озарила лице артиста.

Но это прервало его идеи. Голова склонилась на грудь, руки опустились на колѣни и Бетговенъ казался погруженнымъ въ глубокое размышленіе.

Онъ нѣсколько времени оставался въ этомъ положеніи.

Наконецъ молодой человекъ, приблизившись къ нему, спросилъ тихимъ и почтительнымъ голосомъ:

— Скажи мнѣ, удивительный, неподражаемый геній, кто ты?

Бетговенъ посмотрѣлъ на него разсѣянно, какъ бы не по-нявъ словъ его.

Хозяинъ повторилъ вопросъ.

Маэстро улыбнулся такъ, какъ только онъ одинъ умѣлъ улыбаться, величаво-благосклонно.

— Слушайте, сказалъ онъ и сыгралъ первые такты симфоніи въ F. Радостное восклицаніе: такъ вы—Бетговенъ! вырвалось изъ устъ брата и сестры; они бросились цѣловать его руки, орошая ихъ слезами.

Онъ всталъ и хотѣлъ уйти; но наши просьбы его остановили. Онъ позволилъ отвести себя къ инструменту. Лучи луны падали прямо на его строгое и задумчивое лице.

— Я попробую импровизировать «сонату при свѣтъ луны.»

Онъ взглянулъ на небо, покрытое звѣздами; положилъ пальцы на клавиши и началъ играть тихо, печально. Мелодія сладкая и вѣжная, какъ свѣтъ, распространяемый луною, выходила изъ инструмента. За этимъ прелестнымъ вступленіемъ слѣдовала музыка живая, легкая, капризная, какъ искры блуждающихъ въ полночь огней. Потомъ слѣдовало быстро «*agitato finale*» звучащее, заглушающее, дрожащее, выражающее страхъ и сомнѣніе. Мы были тронуты и пораженны.

— Прощайте, сказалъ Бетговенъ внезапно и, отталкивая стулъ, пошелъ къ двери.

— Вы прійдете опять? спросили оба тревожнымъ голосомъ.

Онъ остановился, бросивъ на слѣпую взглядъ, полный сочувствія, вѣжности.

— Да!...да, я возвращусь и дамъ нѣсколько уроковъ. Прощайте, я скоро буду.

Они насъ проводили до дверей, въ молчаніи болѣе красно-рѣчивомъ, нежели слова, и стояли на крыльцѣ, покуда могли насъ видѣть.

— Пойдемъ скорѣе домой, сказалъ Бетговенъ, мнѣ надо написать эту сонату, пока она у меня въ памяти.

Мы возвратились и онъ написалъ игранные, при свѣтѣ луны, у слѣпой дѣвушки.

Вотъ исторія «извѣстной» *Sonate au clair de lune*, которую мы всѣ любимъ, играемъ и которою всѣ восхищаются.

Старый другъ Бетговена давно кончилъ рассказъ, давно выпилъ послѣдній стаканъ Юганигсберга, а я все еще его слушала; образъ Бетговена въ нищетѣ, импровизирующаго для бѣдной сестры сапожника, сильно врѣзался мнѣ въ душу и я раздѣлялъ ненависть Бетговена къ обществу, которое не умѣло оцѣнить, понять его. Мы посѣтили домъ, въ которомъ жилъ великій геній, зашли въ комнату бѣдной слѣпой, и прелестные берега Рейна не скоро могли уничтожить грустныя впечатлѣнія, полученныя мною въ Боннѣ.

РОССИНИ И ДУЭТЬ ДВУХЪ СЛѢПЦОВЪ.

Въ 1828 году я обѣдалъ у г-жи Марсъ.—Собесѣдники наши были: знаменитый маэстро Россини, одинъ изъ блистательныхъ представителей французской аристократіи, маркизъ

Мориз, артистъ Нурри, очаровательная Тальйони, Дабади, Дюрвилль, Моро, Арманъ изъ театра «*французской комедии*» и нѣсколько другихъ лицъ.

Послѣ обѣда играли, пѣли и естественно, что предметомъ разговора было это чудное искусство. — Говорили о французскихъ композиторахъ послѣдняго вѣка, о Филидорѣ, Рамо, Монсиви, которыхъ Россини хвалилъ и наконецъ Гретри, которымъ сочинитель «Отелло» и «Севильскаго Цирюльника» восхищался.

Между-прочимъ, кто-то сказалъ (кажется Мориз), что музыка, какъ и все прочее, подвергается влiянiю моды, что ея красоты условныя, и привелъ въ примѣръ сочиненiя того же Гретри, прельщавшiя нашихъ предковъ, но теперь уже устарѣвшiя.

— Устарѣли! не въ модѣ! воскликнулъ Россини съ своею итальянскою живостью, которая придавала столько прелести всему, что онъ говорилъ; устарѣли! не модны! повторилъ онъ: узнайте, что во всѣхъ родахъ искусства, высокое и прекрасное никогда не старѣетъ; я приведу въ примѣръ именно того Гретри, о которомъ вы говорите безъ уваженiя. Сочиненiя его будутъ бессмертны. У васъ не было болѣе національнаго, болѣе французскаго сочинителя. Нельзя не замѣтить, что въ Гретри много ошибокъ, потому-что онъ писалъ въ то время, когда комическая опера еще не существовала; до него это былъ водевиль съ арiями. Онъ первый далъ ей отдѣльный характеръ, далъ направление, исполненное мелодiи, развилъ ея идею, ввелъ разнообразiе выраженiй и драматическую силу! Гретри неудовлетворителенъ по части гармонiи инструментовъ, это правда; но я долженъ замѣтить, что въ его время пѣли только на сценѣ, тогда-какъ теперь и оркестръ поетъ. Наконецъ, чтобы высказать настоящее объ немъ мнѣнiе, я скажу, что простою корректурою легко поправить всѣ ошибки этого великаго композитора; единственныя его ошибки состоятъ въ правописанiи. Хотите, чтобы я вамъ доказалъ это? прибавилъ Россини.

— Да! Да! сказали всѣ вмѣстѣ.

— Сейчасъ. Г. Нурри и Дабади, знаете ли вы его прелестный дуэтъ «*двухъ слѣпцовъ*».

— Да, маэстро.

— Ну, такъ пойте! а я вамъ буду акомпанировать по своему. Тогда Россини импровизировалъ акомпаниментъ, не выходя

впрочемъ изъ характера простоты и истины знаменитаго дуэта. Нурри и Дабади, восхищенные якомпанментомъ, пѣли съ необыкновеннымъ чувствомъ и выказали всѣ красоты этого восхитительнаго произведенія.

Дуэтъ кончился аплодисментомъ всѣхъ и даже критиковъ Гретри. — Что же, сказалъ Россини, не есть ли это артистическое произведеніе? Я поправилъ только ошибки правописанія и вышелъ одинъ изъ прелестнѣйшихъ дуэтовъ.

Всѣ были въ восторгѣ и навѣрное вечеръ этотъ останется навсегда въ памяти каждаго изъ насъ; мы слышали сочиненіе знаменитаго Гретри съ неподражаемою оркестровкой Россини.

III. НАУКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

СТРАННОЕ СУЖДЕНІЕ ОДНОГО ВРАЧА О ПОСЛѢДСТВІЯХЪ ПРИВИВАНІЯ ОСПЫ.

Я знаю одного остроумнаго юмористическаго врача, который любитъ защищать мнѣнія, противныя общепринятымъ сужденіямъ. Дѣлаетъ ли онъ это по убѣжденію или же только вслѣдствіе свойственнаго ему духа противурѣчія — неизвѣстно. — Однажды былъ разговоръ о благодѣтельныхъ дѣйствіяхъ прививанія оспы, которое спасло жизнь множества людей и предохранило лица почти всѣхъ европейцевъ отъ искаженія. — «Благодѣтельныя дѣйствія?» возразилъ врачъ вепыльчиво. «Нѣтъ изобрѣтенія ужаснѣе прививанія оспы; что можетъ сравниться съ нимъ въ гибельномъ вліяніи на тѣло и умъ человѣка. вмѣстѣ съ ядомъ коровьей оспы введено въ человѣчество что-то звѣрское. вмѣсто того, чтобы стремиться къ постепенному возвышенію человѣчества, его подавляютъ. Вредныя послѣдствія очевидны и неоспоримы; но, или не понимаютъ, что они происходятъ отъ коровьей оспы, или опасаются и стыдятся поступать съ этимъ средствомъ такимъ образомъ, какъ съ бульёномъ изъ костей, который считался самымъ драгоцѣннымъ питательнымъ средствомъ, нынѣ же, надо сознаться, онъ вовсе не питаетъ, а только обременяетъ тѣло.» — «По—спросилъ одинъ изъ собесѣдниковъ врача — какія же ужасныя послѣдствія произвело прививаніе оспы?» — «Я уже сказалъ, отвѣчалъ онъ, что оно вводитъ въ тѣло человѣка нѣчто звѣрское и мѣшаетъ со-

вершечному развитію, тѣлесному и духовному. Развѣ люди не становятся болѣе и болѣе малорослыми? Спросите только у рекрутскихъ комиссій. Во Франціи дознано, что ростъ людей, несущихъ рекрутскую повинность, уменьшился болѣе, чѣмъ на одинъ дюймъ, почему и надо было уменьшить законную мѣру роста солдатъ. Въ Саксоніи и Пруссіи число людей, не достигающихъ установленнаго роста, увеличивается съ каждымъ годомъ. Это происходитъ вездѣ, гдѣ только введено прививаніе оспы. Но это еще не все. *Теперь нѣтъ уже гениевъ.* На это всѣ жалуются. Съ какого же времени? Съ тѣхъ-поръ, какъ дѣтямъ стали прививать оспу, духъ ихъ не можетъ получить высшаго развитія. *Ни одинъ геній не имѣлъ привитой оспы.* Если бы этотъ ядъ былъ введенъ въ кровь Шекспира, Рафаэля, Гёте, Шиллера, Моцарта, Бетговена, они бы не сдѣлались тѣмъ, чѣмъ были. Я говорю вамъ это и кто можетъ опровергнуть мое мнѣніе? Если есть нынѣ генія, оставшіеся отъ прежняго времени; то я ручаюсь головою, что имъ не прививали оспы. Развѣ нашему почтенному Гумбольдту прививали въ дѣтствѣ оспу?»

Я сообщаю это сужденіе врача, какъ нѣчто любопытное, но долженъ присовокупить, что ему — также прививали оспу.

ПОТРЕБИТЕЛИ ГАШИША.

Страсть узнавать обо всемъ посредствомъ собственныхъ опытовъ заставила меня испытать дѣйствіе гашиша, который доставляетъ Сирійцу сны, сладострастіе и роскошіе получаемыхъ Китайцемъ отъ приема опиума. Употребленіе гашиша, составляемаго изъ сухихъ листьевъ «*canabis Indica*» уже было извѣстно во время Крестовыхъ походовъ. Сарацины принимали его передъ сраженіемъ и отъ слова «*гашашинъ*», потребители гашиша, произошло французское слово «*assassin*», разбойникъ. Настойка изъ тѣхъ же листьевъ называется «*бгангъ*»; она употребляется большею частью въ Индіи и гораздо сильнѣе дѣйствуетъ, нежели обыкновенно-приготовленный гашишъ.

Уже не въ первый разъ я испытывалъ дѣйствіе гашиша. Однажды, въ Египтѣ, я принималъ его, но пропорція была чрезвычайна мала и послѣдствія такъ странны, что мое любопытство не было удовлетворено. Физическое дѣйствіе, произведен-

ное на меня въ то время, состояло въ ощущеніи необыкновенной, воздушной легкости тѣла; дѣйствіе его на умственные мои способности произвело веселость; все меня окружающее казалось мнѣ въ высшей степени смѣшнымъ. Во время дѣйствія гашиша, продолжавшагося полчаса, хотя я не былъ совершенно лишенъ сознанія, но чувствовалъ невыразимую нѣгу и блаженство, распространяющіяся по моимъ нервамъ.—Содроганіе каждаго изъ нихъ помогало мнѣ освобождаться отъ матеріи и всего земнаго. Векорѣ мое тѣло показалось мнѣ легче, прозрачнѣ тумана; роскошно лежа въ лодкѣ, я былъ увѣренъ, что первый вѣтерокъ унесетъ меня подъ облака. Окружающіе меня предметы принимали фантастическія формы; моя трубка, весла приводимыя въ дѣйствія гребцами, чалма рулевого и все находящееся въ лодкѣ становилось такъ смѣшнымъ и карикатурнымъ, что я не могъ удержаться отъ продолжительнаго сильнаго смѣха.—Дѣйствіе гашиша ослабѣвало постепенно, оставляя меня въ блаженномъ, полусонномъ состояніи;—за тѣмъ послѣдовалъ крѣпкій и освѣжающій сонъ.

Два товарища мои, одинъ Американецъ, другой Англичанинъ, жившій съ женою въ караван-сераѣ, тоже рѣшились испытать дѣйствіе гашиша, который обязался достать намъ переводчикъ, оливковый египтянинъ, говорящій только на отечественномъ и италіянскомъ языкахъ. Отправляясь за покупкою, онъ спросилъ меня, долженъ ли принести гашишъ *«per ridere o per dormire»*, т. е. такого, который производитъ смѣхъ или усыпленіе. О, разумѣется, *«per ridere»*, чтобы смѣяться, отвѣчалъ я, только смотри, чтобы онъ былъ свѣжъ и крѣпокъ.

Какъ мы обѣдали послѣ захожденія солнца, то я предложилъ принять гашишъ въ обѣдъ; но мои товарищи, опасаясь, чтобы дѣйствуя сильнѣе на тощіе желудки, онъ не довелъ до какихъ-либо странностей за общимъ столомъ, отложили испытаніе до вечера; впрочемъ такъ обыкновенно дѣлаютъ и жители Сиріи.

Мы собрались въ отдѣльную комнату въ верхнемъ этажѣ и всякій изъ насъ принялъ сначала по чайной ложкѣ тѣста, принесеннаго намъ Абдаллахомъ. Въ Египтѣ я принялъ не много менѣе и помня слабое его дѣйствіе, смѣло увеличилъ приемъ. Но этотъ гашишъ былъ, вѣроятно, гораздо сильнѣе, потому-что тогда я чувствовалъ только вкусъ сахара и розовыхъ листьевъ, теперь же онъ былъ горекъ и произвелъ непріятное ощущеніе.—Такъ-какъ мы приняли его съ полнымъ же-

лудками, то дѣйствіе было медленно; уже прошло болѣе часу и мы не замѣчали никакой въ насъ перемѣны. Мои товарищи потеряли всякое довѣріе и сочли рассказываемое о гашишѣ обыкновенною восточною сказкою. Желая доказать имъ, что они ошибаются, я предложилъ принять еще по полложкѣ и выпить по чашкѣ горячаго чая, который ускоряетъ дѣйствіе гашиша. Какъ никто изъ насъ не зналъ, какое количество этой спеціи можетъ быть принято безъ опасности, то мои товарищи согласились на мое предложеніе. Уже было около десяти часовъ; тишина возстановлялась въ городѣ, освѣщенномъ сребристыми лучами луны; едва нѣсколько драгомановъ и «муккайрисовъ», владѣтелей муловъ, замѣняющихъ здѣсь лошадей, оставалось на вымощенномъ мраморомъ дворѣ и подъ померанцовыми деревьями.

Я сидѣлъ посреди комнаты и разговаривалъ съ товарищами, лежащими на диванахъ, когда дрожь пробѣжала по всѣмъ моимъ нервамъ. Въ этотъ разъ она была сопровождена жгучею болью подъ ложечкою и вмѣсто того, чтобы произвести пріятное усыпленіе, преодолевая мое физическія силы, или странное чувство — прavedенія меня въ жаръ, какъ это случилось въ первый разъ, я чувствовалъ сильную боль во всѣхъ нервахъ. Но вдругъ, чувство матеріальности, всѣ мои физическія силы и дѣйствіе крови прекратились. Предѣлы моего существа исчезли и я, не сознавая, какую сохраняю форму, очутился въ безпредѣльномъ пространствѣ. — Дыханіе мое распостранялось, какъ прозрачныя волны эфира, а головной черепъ сдѣлался обширнѣе небосклона. Подъ этимъ неизмѣримымъ сводомъ, гдѣ впрочемъ оставался мой мозгъ, находились бездны лазури, покрытыя легкимъ туманомъ; вскорѣ дуновение небснаго вѣтра разогнало ихъ и солнце засіяло во всемъ блескѣ. Затѣмъ мнѣ стали представляться въ одно время двойныя видѣнія, одни физическія, подлежащія нѣкоторымъ образомъ осязанію, другія нравственныя, состоящія изъ великолѣпнѣйшихъ фантастическихъ картинъ.

Теперь я могъ вполне удовлетворить моему любопытству. Сила гашиша совершенно завладѣла мною. Содроганіе нервовъ дѣлалось все сильнѣе и быстрѣе и произвольное этимъ чувство погружало меня въ неописанное блаженство. Я былъ окруженъ океаномъ свѣта, изъ котораго истекали чистые и удивительно-гармонизирующіе между собою цвѣта. Когда я сталъ

несвязными словами описывать товарищамъ моимъ, на которыхъ гашишъ еще не дѣйствовалъ, и которые поэтому смотрѣли на меня съ удивленіемъ, все то, что я вижу, я вдругъ очутился у подножія большой пирамиды Хеопса. Желтые камни фундамента блестѣли какъ золото, а весь памятникъ былъ такъ высокъ, что сводъ небесный, казалось, лежитъ на немъ. Едва я пожелалъ взобраться на ея вершину, какъ тотчасъ очутился тамъ, видя подъ собою всѣ плодоносныя поля и пальмовыя рощи Египта. Но каково было мое удивленіе, когда я замѣтилъ, что пирамида состоитъ не изъ утесовъ и камней, а изъ огромныхъ кубическихъ массъ табаку. Нельзя выразить словами, до какой степени мнѣ это показалось смѣшно. Я смѣялся, какъ сумасшедшій и этотъ припадокъ прекратился только, когда видѣніе мало-по-малу исчезло и представился передо мною новый, очаровательный образъ.

Чѣмъ болѣе думаю, какъ описать то, что я видѣлъ, тѣмъ болѣе нахожу это невозможнымъ. Я проѣзжалъ пустыню, но не на спивѣ верблюда, а роскошно лежа въ лодкѣ изъ перламутра и драгоцѣнныхъ камней. Песокъ состоялъ изъ золотыхъ зеренъ, по которымъ челнокъ мой скользилъ безъ шума и толчковъ. Воздухъ былъ наполненъ свѣтомъ, хотя не видно было солнца. Я дышалъ упительнымъ ароматомъ и мелодіи такія, какія Бетговецъ, можетъ-быть, слышалъ во снѣ, но какихъ никогда не писалъ, носились вокругъ меня. Вся атмосфера состояла единственно изъ свѣтилъ, благоуханій и гармоній; и все это въ такой степени совершенства, о которой человекъ въ нормальномъ состояніи не имѣетъ никакого понятія. Передо мною на тысячи миль простирались величественныя радуги изъ аметистовъ, изумрудовъ, топазовъ и яхонтовъ; чѣмъ долѣе подвигался мой челнокъ, тѣмъ величественнѣе являлись своды, тѣмъ обширнѣе открывались виды. Я наслаждался совершеннымъ блаженствомъ, потому-что всѣ мои чувства были вполне удовлетворены. Я путешествовалъ побѣдителемъ, но не какъ Бахусъ или Александръ Македонскій, которые любовью или оружіемъ покоряли подобныхъ себѣ смертныхъ, нѣтъ, я не желалъ властвовать надъ людьми, я забылъ даже о ихъ существованіи; моя побѣда была гораздо выше; я торжествовалъ надъ величайшими и могущественнѣйшими силами природы: свѣтъ, цвѣта, благоуханіе, звукъ, движеніе, были моими рабами. Рай Магомета съ яхонтовыми и изумрудными дворцами, съ воздухомъ,

исполненнымъ благоуханій, съ рѣками свѣжѣ снѣга и слаще меду, не могъ сравниться съ моими владѣніями. Впрочемъ, въ описаніяхъ этого рая, во всѣхъ блестящихъ воображеніемъ арабскихъ сказкахъ и въ величественной и исполненной фантастическихъ образовъ поэзіи востока, нельзя не видѣть вліянія гашиша.

Полнота блаженства не дозволила мнѣ замѣтить времени и хотя все видѣніе, вѣроятно, не продолжалось болѣе пяти минутъ, мнѣ казалось, что я цѣлые годы путешествовалъ подъ дугами радугъ и великолѣпныхъ аркъ. Мало-по-малу радуги и моя перламутровая лодка исчезли; все еще окруженный блескомъ и благоуханіемъ, я очутился въ странѣ, полной цвѣтущихъ долинъ и зеленыхъ холмовъ. Жители въ блестящихъ одѣяніяхъ упрашивали меня дать имъ ключевой воды; я взялъ нѣсколько вѣтвей цвѣтущаго мирта и вонзилъ ихъ въ землю. Они тотчасъ преобразовались въ зданія, цвѣты превратились въ архитектурическія украшенія изъ розоваго мрамора и страна покрылась множествомъ великолѣпныхъ фонтановъ и колодець. Жители погрузили ковши, которые сами наполнились медомъ; что касается до меня, то я бы предпочелъ воду, потому что чувствовалъ сильную жажду.

Замѣчательнѣе всего, что въ то самое время, когда я видѣлъ все здѣсь описанное, когда ощущалъ высшее блаженство и торжествовалъ надъ элементами, я вполне сознавалъ, что нахожусь въ гостинницѣ Антоніо, въ Дамаскѣ, что недавно принялъ гашишъ и что все странное, величественное или смѣшное видѣнное мною, было его дѣйствіемъ. Наслаждаясь видомъ долины Нила съ вершины пирамиды, торжественно проѣзжая пустыню, преобразовывая вѣтви въ колодцы, я не переставалъ видѣть скромно-меблированную комнату мою съ крашеннымъ потолкомъ и диванъ, на которомъ сидѣли мои товарищи. Ощущенія эти были одновременны и одинаково ясны. Находясь совершенно подъ вліяніемъ величія и блеска и вполне наслаждаясь блаженствомъ, я тѣмъ не менѣе зналъ причину ихъ и понималъ ихъ нелѣпность. Метафизики, которые утверждаютъ, что умственные наши способности не въ состояніи заниматься двумя отдѣльными предметами въ одно время, скажутъ, что это былъ быстрый переходъ отъ одного предмета къ другому, но объясненіе ихъ меня не удовлетворитъ, потому-что оба ощу-

ція были тождественны и совершенно отдѣльны, предметы ни сколько не смѣшивались и не смѣнялись одни другими.

Однакожь дѣйствіе гашиша, до этого времени довольно слабое, начало становиться сильнѣе и сильнѣе. Образы дѣлались необыкновеннѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не такъ пріятны. Я чувствовалъ во всей нервной системѣ сильное напряженіе, слѣдствіе слишкомъ сильнаго приема гашиша. Вдругъ мнѣ показалось, что я превратился въ прозрачную массу, которую кондитеръ вливалъ въ форму. Я оттолкнулъ кресло на которомъ сидѣлъ и началъ ломаться, чтобы плотно улечься въ формѣ; но когда я уже почти совершенно въ этомъ успѣлъ, такъ-что только конецъ одной ноги моей оставался наружи, кондитеръ вынулъ меня изъ формы и уложилъ въ другую, которая была гораздо неровнѣе и тѣснѣе. Когда я сталъ опять ломаться и куврыкаться, чтобы улечься въ новую форму, другая часть моего существа, сознавая, какъ это безтолково, заставляла меня смѣяться изо всей силы. Этотъ припадокъ смѣха былъ причиною перемѣны картины. Происходящія отъ смѣха слезы, падали у меня по лицу; влажная слеза стала преобразовываться въ большой бѣлый пшеничный хлѣбъ, который катился на рынкѣ и останавливался при лавкѣ дамаскаго булочника. Чѣмъ болѣе я смѣялся, тѣмъ болѣе слезъ, преобразованныхъ въ хлѣбъ, катилось на площадь и окружало торговца, который весь былъ ими покрытъ. Этотъ хлѣбъ его задавить, думалъ я про себя, но я въ этомъ не виноватъ; отчего же онъ не даетъ его нищимъ, которыхъ слезы, къ несчастью, не имѣютъ свойства преобразовываться въ хлѣбъ.

Мои видѣнія становились все болѣе и болѣе странны и не ясны. Я чувствовалъ себя подъ гнетомъ гигантской силы и при содѣйствіи слабаго остатка моего разсудка, серьезно началъ пугаться ужаснаго испытанія, которому былъ подверженъ мой организмъ. Сильный жаръ распространялся отъ моего желудка по всему тѣлу. Ротъ и горло совершенно у меня высохли и сдѣлались тверды какъ бронза; языкъ былъ подобенъ раскаленному желѣзу. Я схватилъ кружку съ водою, пилъ большими глотками, но мнѣ казалось, что я глоталъ воздухъ; ни небо, ни горло не чувствовало воды. Стоя посреди комнаты, я размахивалъ руками и дышалъ тяжело. «Неужели никто не выгонитъ демона, завладѣвшаго мною?» кричалъ я въ отчаяніи. Я уже не видѣлъ ни комнаты, ни друзей моихъ, слышалъ только,

какъ Англичанинъ сказалъ: «Это однакожь должна быть истина; нельзя поддѣлать подобнаго выраженія лица. Нѣтъ, это не комедія. Вдругъ раздался ужасный хохотъ; товарищъ мой соскочилъ съ дивана, и крикнулъ: «что это? я превратился въ локомотивъ!»—Онъ подвергся въ свою очередь вліянію гашиша и въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ безпрерывно ходилъ ровными шагами по комнатѣ, дыша и говоря отрывисто, подражая шуму, производимому парами, испускаемыми изъ машины; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ размахивалъ руками, считая ихъ колесами. Что касается до Англичанина, то какъ только онъ почувствовалъ, что гашишъ начинаетъ на него дѣйствовать, онъ тотчасъ ушелъ въ свою комнату и никакъ не сказалъ намъ, какого рода были его видѣнія.

Около полуночи, я сталъ переходить изъ рая въ адъ. По невѣдѣнію, я принялъ пропорцію гашиша, достаточную для шести человѣкъ. Кровь во мнѣ кипѣла и пробѣгала по жиламъ съ необыкновеннымъ шумомъ; глаза мои были залиты ею и я ничего не видѣлъ. Я разорвалъ жилетъ, чтобы освѣжить грудь; горло мое было наполнено кровію, мнѣ казалось, что она льется изъ ушей и течетъ жгучая по тѣлу. Въ минуту отчаянія я побѣжалъ на террасу, находящуюся на крышѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, меня поразили стихи, въ которыхъ Броунингъ описывалъ испугъ лошади, повисшей на берегу пропасти; я теперь вспомнилъ ихъ и чувствовалъ, что похожъ на несчастное животное; дрожа всѣмъ тѣломъ, съ пѣною во рту, съ воспламененными ноздрями, я стоялъ на краю башни, высота ея производила головокруженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ бездна привлекала меня. Невольно, я поднялъ руку, чтобы узнать не слѣдалось ли мое лицо такъ длинно, такъ сухо, какъ лошадиная голова. Но увы! я ощупалъ голову скелета; тѣло и кожа исчезли. Я въ отчаяніи подбѣжалъ къ рѣшеткѣ.—Брошусь головою внизъ, подумалъ я, и исполнилъ бы это, если бы могучая рука хозяина нашего, Антоніо, меня не остановила. Шумъ, который мы производили въ комнатѣ, обратилъ его вниманіе, а узнавъ отъ драгомана, что мы приняли гашишъ, онъ слѣдалъ за нами.

Я возвратился въ комнату, сильно страдая. Мой товарищъ все еще считалъ себя локомотивомъ и продолжалъ руками и дыханіемъ подражать его движенію и шуму. Горло у него тоже высохло; онъ нѣсколько разъ бралъ кружку съ водою, но, не

напившись, ставилъ ее опять на столъ, говоря съ ироническимъ смѣхомъ: «какъ же мнѣ налить воды въ котелъ, когда я на всемъ ходу?»

Отчаяніе болѣе и болѣе овладѣвало мною и хотя я не чувствовалъ особенной боли въ какой-либо части моего тѣла, но нервное напряженіе производило чувство непріятнѣ всякой боли... Остатокъ памяти и разсудка исчезали, я зналъ, что вскорѣ лишусь ихъ совершенно. Мнѣ казалось, что я постоянно падаю изъ бездны въ бездну; наконецъ я легъ на постель, ожидая ужасной участи и въ полной увѣренности, что сойду съума.

Мой товарищъ былъ въ томъ же почти положеніи. Вагоны уже соскочили съ рельсъ и онъ кричалъ и просилъ помощи; бранилъ меня, что я лежу спокойно, въ то время, когда онъ страдаетъ, умираетъ. Что такое смерть въ сравненіи съ сумасшествіемъ, думалъ я, и его вопли меня бѣсили; но наконецъ мое сознаніе совершенно исчезло и я лишился чувствъ. Весь слѣдующій день я провелъ въ томъ же состояніи. Уже послѣ сказали мнѣ, что я вставалъ, одѣвался, выпилъ кофе и опять легъ, но я ничего этого не помню.

Послѣ 36 часовъ я проснулся совершенно; но тѣло мое было въ сильномъ изнеможеніи, умственные способности помрачены. Я не чувствовалъ вкуса и ничто не утоляло моей жажды. Мнѣ было весьма трудно понять, что мнѣ говорили и я давалъ безтолковые и несвязные отвѣты.

Товарищъ мой, Американецъ, на котораго гашишъ подѣйствовалъ вообще слабѣе, чувствовалъ себя здоровѣе меня. Мы отправились вмѣстѣ въ ванну. Мнѣ было весьма трудно скрыть ослабленіе моихъ нравственныхъ силъ; мнѣ казалось, что я многіе годы путешествовалъ, по неизвѣстнымъ странамъ, что на мнѣ образовалась отъ этого кора и что я нахожусь въ бани для того, чтобы черные Агріане онтолировали меня. Я вѣроятно бредилъ, но служители, зная причину моего страданія, не обращали на это никакого вниманія и только когда я легъ, предложили мнѣ рюмку весьма кислаго напитка, который произвелъ на меня самое благотѣльное вліяніе. Впрочемъ еще втеченіе нѣсколькихъ дней я былъ подъ вліяніемъ гашиша, мысли мои постоянно смѣшивались, мнѣ представлялись разные образы и я нерѣдко гулялъ по улицамъ Дамаска въ полной увѣренности, что я въ какомъ-то небываломъ городѣ Австраліи или Америки.

До этого испытанія мы имѣли намѣреніе совершить путешествіе въ Пальмиру, находящуюся въ пустыни, въ 150 миляхъ на сѣверъ отъ Дамаска. По причинѣ существовавшей тогда междоусобной войны, намъ слѣдовало ѣхать тайно и подъ прикрытіемъ военной силы. Три Англичанина возвратились благополучно и шейхъ предложилъ намъ свои услуги. Одно названіе Пальмиры заставило бы прежде преодолѣть всѣ трудности; нынѣ все было готово, но воля моя до того ослабла, что уже ничто не могло занять меня и мы отказались отъ этого путешествія.

Два дня спустя мы оставили Дамаскъ и отправились къ Бельбеку. Въ первый день, мы осмотрѣли фонтаны Боролда и Ферпаръ и почевали въ Жеблони, деревнѣ расположенной въ долинѣ между вершинами Анти-Ливана. Безоблачное небо, воздухъ гористой страны, движеніе—согнали остатки тумана, покрывавшаго мой разумъ. Когда я проснулся, мнѣ показалось, что солнце никогда не сіяло такъ ярко, что вся природа величественнѣе, болѣе прежняго. Я возвратился въ первобытное состояніе и мое блаженство, моя радость, были таковы, какъ будто я присутствовалъ при возрожденіи міра. Я благодарилъ Бога, который исторгнулъ меня изъ бездны ужаснѣе самой смерти.

Впрочемъ я не жалѣю, что испыталъ всю силу гашиша. Это открыло мнѣ тайны высокаго блаженства и ужаснаго страданія, которыхъ я бы никогда не ощущалъ, находясь въ нормальномъ состояніи. Я вѣрно описалъ послѣдствія испытанія; а потому оно можетъ служить руководствомъ всѣмъ тѣмъ, которые желали бы подражать мнѣ; если же примѣръ мой не лишитъ ихъ этого желанія, то совѣтую узнать прежде о настоящемъ приѣмѣ, дабы не взять въ шесть разъ болѣе, какъ это случилось со мною.

ЗАМѢЧАНІЯ О ТЕМПЕРАТУРѢ ТРОПИЧЕСКИХЪ СТРАНЪ.

Климатъ Южной Америки представляетъ замѣчательныя явленія. Подъ экваторомъ, въ мѣстахъ низкихъ и ровныхъ, царствуетъ вѣчное лѣто. Втеченіе всего года деревья покрыты листьями, которые постепенно смѣняются, постоянно цвѣтутъ и вы находите всегда зрѣлые фрукты. Въ мѣстахъ сырыхъ растительность необыкновенно сильна. Звѣри и насѣкомыя

плодятся до безконечности и растутъ быстро. Природа вся наполнена животною и растительною силою. На возвышенныхъ мѣстахъ температура восхитительна; нельзя лучше описать ее, какъ говоря, что тамъ вѣчная весна, между-тѣмъ, какъ нѣсколько верстъ выше всегда видны снѣга, а немного ниже жгучее лѣто никогда не смѣняется.

Въ Сѣверной Африкѣ, находящейся такъ близко Европы, перемѣны температуры гораздо рѣзче тѣхъ, на которыя мы жалуемся въ Европѣ. Въ 1847 году, во время похода, принятаго генераломъ Кавеньякомъ въ пустыни Сагары Африканской, французскіе войска должны были перенести самыя необыкновенныя и вредныя для здоровья капризы температуры. И тамъ нерѣдко термометръ показывалъ въ тѣни болѣе 40 градусовъ, вдругъ небо покрывалось тучами, и чрезъ нѣсколько часовъ ртуть опускалась до нуля.

19 Апрѣля пустыня была покрыта снѣгомъ. Солдаты оцѣпѣли отъ холода и не могли идти; измѣнчивый сонъ, предшественникъ смерти, приковывалъ ихъ къ мѣсту и нужна была вся строгость вождей, чтобы заставить ихъ быстро двинуться впередъ и тѣмъ нѣсколько согрѣться.

А потому, хотя температура вообще зависитъ отъ градуса, подъ которымъ находитесь извѣстная мѣстность, однакожъ при разведеніи разныхъ растений, находящихся въ другихъ странахъ въ дикомъ состояніи, не слѣдуетъ основываться на градусѣ, а должно сравнивать среднюю температуру обѣихъ мѣстностей.

IV. ПУТЕШЕСТВІЯ И ОЧЕРКИ ПРАВОВЪ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МУЗЫКАНТА-МИССИОНЕРА У АНТИПОДОВЪ.

Миша Гаузеръ, венгерскій скрипачъ, отправился, какъ новый Орфей, къ нашимъ антиподамъ, съ цѣлью смягчить нравы дикарей, обитающихъ въ Калифорніи и на островахъ, къ западу отъ Америки, приучить краснолицыхъ подданныхъ королевы Помарэ къ хорошей музыкѣ и убѣдить рабовъ золота въ Сидней въ томъ, что не все золото, что блеститъ и что есть звуки гораздо пріятнѣе брячанія золотой монеты. Изъ Кали-

форнии, гдѣ онъ прошедшею осенью заставлялъ золотыя деньги плясать подъ звуки его струнъ, онъ поплылъ по Тихому, нынѣ очень шумному, Океану, не по примѣру Амфіона, на спинѣ дельфина, а на хорошемъ пароходѣ, въ Сидней, съ тѣмъ, чтобы тамошнихъ рабовъ золота освободить отъ ихъ ига. На пути заѣхалъ онъ на островъ Отаити, гдѣ за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ введено было образованіе, а вслѣдъ за нимъ появились французы, и далъ тамъ концертъ.

Зала, назначенная для концерта, была украшена великолѣпными тропическими цвѣтами. Французскій губернаторъ, его супруга и множество офицеровъ сидѣли въ ложѣ изъ пальмовыхъ листьевъ; въ подобной же ложѣ, по другой сторонѣ залы, помѣстилась босоногая королева съ босоногими же придворными дамами. Вся середина залы была наполнена желто-темными туземцами, которые, нисколько не обращая вниманія на музыку, только болтали и наконецъ разбѣжались. Королева также вскорѣ потомъ удалась. Скрипачъ трудился въ потѣ лица, но не получалъ никакихъ знаковъ одобренія. Тутъ онъ сорвалъ всѣ струны, кромѣ G и заигралъ à la Paganini. — Изумленіе, вниманіе, одобреніе, восторгъ, неистовство оставшихся въ залѣ слушателей послѣдовало одно за другимъ и вознаградило артиста за прежнее невниманіе публики.

Пропустимъ описаніе обѣда, даннаго губернаторомъ въ честь высшихъ сановниковъ и туземцевъ (послѣдніе явились во фракахъ съ воротничками и лайковыхъ перчаткахъ, но всѣ безъ исключенія босые) и послѣдуемъ за артистомъ на частный концертъ, данный имъ въ присутствіи королевы и ея дворянъ. Резиденція королевы находится на островѣ Паити, тропическомъ раѣ и состоитъ изъ зданія, возведеннаго въ европейскомъ вкусѣ, украшеннаго большими окнами, балкономъ и золотою короною. Изъ передвей, не имѣвшей другой мебели кромѣ большого, длиннаго стола, на которомъ спалъ въ совершенномъ *negligé* какой-то министръ, повели скрипача чрезъ длинный коридоръ въ королевскую переднюю, въ которой придворныя дамы занимались туалетомъ, а потомъ въ комнату королевы.

Комната эта, скудно меблированная, была украшена ситцевыми обоями. Королева сидѣла на диванѣ изъ пальмовыхъ листьевъ. На стѣнѣ за нею висѣла плохая картина. Возлѣ королевы стояли двѣ дамы, которыя забавлялись вѣерами изъ стра-

усовыхъ перьевъ. Помарѣ отъ роду тридцать-шесть лѣтъ; она высокаго роста, имѣетъ благородную, величественную осанку и красивый станъ. Черты лица ея показываютъ слѣды красоты, но толстыя губы и желтый цвѣтъ лица искажаютъ ее. Густые черные волосы собраны на гребенку и украшены золотымъ кольцомъ. Платье ея изъ свѣтло-голубой кисеи, стянутое въ станъ и распущенное на плечахъ, доходило только до колѣнъ; нижняя часть ногъ оставалась голая: только большіе пальцы покрыты красною краскою и украшены золотыми кольцами, жемчугомъ и раковинами.

Сначала Помарѣ не обращала вниманія на музыку и разговаривала со своими дамами; но потомъ варіаціи изъ «Янки Дудле» заинтересовали ее. Она кивнула головою, стала прислушиваться и послала за своими дѣтьми. Восьмилѣтній принцъ хлопалъ въ ладоши, а тринадцатилѣтняя принцесса, въ восторгѣ отъ музыки, стала плясать. Тогда королева велѣла отпереть двери, чрезъ которыя ввалились все придворные и окружили съ любопытствомъ артиста. Въ особенности докучливъ для него былъ босоногій, гигантскаго роста, супругъ королевы, который шупаль руки, смычекъ, струны и скрипку музыканта и тѣмъ внушилъ придворнымъ мужчинамъ и дамамъ смѣлость также беспокоить скрипача. Онъ далъ это замѣтить и Помарѣ, недовольная этими поступками, выслала всѣхъ, въ томъ числѣ и мужа изъ комнаты и осталась одна съ Гаузеромъ. Она осмотрѣла скрипку, прикасалась къ струнамъ и возвратила ему инструментъ, на которомъ онъ сыгралъ ей отантскую мелодію; королева была очень довольна. Потомъ она спросила его, французъ ли онъ и на отрицательный отвѣтъ его, подала ему руку, сказавъ шопотомъ: «Я не могу терпѣть этихъ французъ». И неудивительно. Они оставили ей только тѣнь королевской власти и ввели на островъ просвѣщеніе. Наконецъ королева сняла со своего ожерелья маленькій золотой крестикъ и вручила его артисту, говоря: «Возьми это на память отъ Помарѣ».

На слѣдующій день Гаузеръ отправился въ Австралію. Описаніе Сиднея и перваго даннаго имъ тамъ концерта передаемъ собственными его словами, извлеченными изъ письма его къ одному другу въ Лондонъ. Оно представляетъ вѣрную картину нравовъ, образа жизни и понятій австралійской столицы:

«Мы провели пять печальныхъ недѣль въ путешествіи изъ Отанги въ портъ Джаксонъ, куда мы прибыли 25 ноября. Восходящее солнце открыло намъ Сидней между двумя мысами, которые лучше фортовъ защищаютъ огромную гавань. Прелестные лѣса и парки, среди которыхъ блестятъ красивыя дачи и великолѣпныя чертоги, соединяются съ лѣсами мачтъ, украшенныхъ флагами всѣхъ націй. У пристани окружили насъ, какъ пчелы, представители всѣхъ племенъ и народовъ, самыхъ различныхъ видовъ и цвѣтовъ кожи. — Сидней составляетъ средоточіе всей торговли на Тихомъ Океанѣ, и Мельбурнъ, по причинѣ неблагопріятнаго для морской торговли своего мѣстоположенія, напрасно пытается соперничать съ этимъ городомъ. Въ Сидней находится Главное Управленіе Новаго Южнаго Валлиса и это обстоятельство даетъ ему также преимущество предъ Мельбурномъ. Большіе дворцы, три театра, многіе банки, сиротскій домъ, естественно-историческое и экономическое общества, топографическое депо, многія больницы, школы, гимназій, обсерваторія и даже университетъ, непрерывное стремленіе въ городъ жителей всѣхъ странъ свѣта, утонченная роскошь, неимовѣрно возрастающая пышность и множество игорныхъ домовъ — все это убѣждаетъ насъ съ первой минуты, что мы находимся въ столицѣ, имѣющей всемірную важность. Всѣ улицы освѣщены газомъ, это уже само-собою разумѣется, но доски *всѣхъ* публичныхъ часовъ ночью освѣщены такъ, что въ каждую минуту дня можно узнать на нихъ время, въ этомъ Сидней имѣетъ первенство предъ прочими всемірными городами. Впрочемъ, зданія, отчасти даже великолѣпнѣе тѣхъ, въ которыхъ господствуетъ англійскій стиль, довольно безвкусны и мостовая часто хуже той, какая бываетъ въ малыхъ городахъ.

«Съ помощью нѣмцевъ, которые узнали обо мнѣ изъ газетъ и удостоили меня своимъ вниманіемъ, я осматривалъ главнѣйшія замѣчательности города. Центръ его, Victoria Place, главное мѣстопребываніе просвѣщенія, наполненъ книжными магазинами, библіотеками для чтенія, кофейнями, гостинницами, кондитерскими, лавками брильянщиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ и всѣми принадлежностями роскоши. Какое смѣшеніе языковъ и племенъ! Здѣсь холодный англичанинъ, расчетливый американецъ, застѣнчивый нѣмецъ, едва дерзающій гово-

рить громко, веселый припадець, безобразные, ужасно безобразные пауанцы, соединяющіе на лицѣ своемъ хитрость съ тупоуміемъ, китайцы, прохаживающіеся съ комическою важностію и осматривающіе косыми маленькими глазками сиднейскія чудеса — все это такъ разнообразно, такъ нестро, такъ живописно и все соединено въ одномъ поклонничествѣ золоту, предъ которымъ всѣ, какъ рабы, бьютъ челомъ.

«Мы посѣтили китайскій кварталъ. Я думалъ, что потерю слухъ, до того оглушительнъ тамъ шумъ. Фокусники, плясуны, разношники, мелочные торговцы, глашатаи наполняютъ всѣ улицы и пересиливаютъ другъ друга криками различныхъ напѣвовъ. Если не беречься, то васъ на каждомъ шагу схватятъ за руку и заташатъ въ лавку. Иногда двое продавцевъ схватываютъ одну жертву, которая часто уходитъ отъ нихъ незамѣченная, тогда-какъ они влчатъ другъ друга за длинные косы, дерутся до того, что ихъ желтыя лица становятся красны и сини; скрежещутъ зубами отъ боли и ярости, пока не увидятъ, что предметъ ихъ спора исчезъ.

«Въ одинъ вечеръ я, уставши, зашелъ въ кафе-ресторанъ, наполненный шумнымъ, веселымъ обществомъ, стукомъ бильярдныхъ кіевъ и пробокъ отъ бутылокъ шампанскаго, искателями приключеній и золота, мотами, врачами, игроками, купцами, американцами, китайцами, нѣмцами, жидами и, въ видѣ исключенія, однимъ настоящимъ англичаниномъ. Въ смежныхъ комнатахъ торжественная тишина среди преступленій и отчаянія, которое съ тайною яростью и жадностью пожираетъ глазами карты и тутъ бросаетъ золото, а тамъ его получаетъ. Развратъ и грабежъ имѣютъ здѣсь главное мѣстопребываніе. Люди, посѣщающіе это мѣсто, даютъ тонъ колоніи, заселенной первоначально англійскими мотами, ворами и преступниками. По моему мнѣнію, здѣсь все неестественно, въ особенности условія жизни. Дешевле четырехъ фунтовъ въ сутки нельзя здѣсь существовать сколько-нибудь прилично. Но не смотря на то, счастливые золотопромышленники поддерживаютъ еще пятьсотъ великолѣпныхъ игорныхъ заведеній, въ которыхъ тысячи изъ нихъ проводятъ и оканчиваютъ свою жизнь. Самое богатое изъ тѣхъ заведеній даетъ дважды въ недѣлю безвозмездно обѣдъ, въ которому каждый одѣтый въ черное платье имѣетъ доступъ, съ полною свободою пить шампанскаго столько, сколько

ко душѣ угодно. Чѣмъ болѣе онъ выпьетъ, тѣмъ легче попадаетъ въ ловушку, т. е. принимаетъ приглашеніе къ игорному столику. Многіе иностранцы заходили туда, чтобы даромъ славно пообѣдать и выходили съ пустымъ кошелькомъ.

Самое модное мѣсто въ Сиднеѣ, ботанической садъ, превращается лѣтомъ, т. е. въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, въ фабрику пыли и свадебную контору. Тамъ сидятъ на скамейкахъ и стульяхъ дамы, отжившія уже свое лѣто и ожидающія приглашенія къ свадьбѣ, какъ бы къ танцамъ. Какъ онѣ ни стары и безобразны по большей части, но легко находятъ себѣ партію; потому что не въ чемъ разбираться, а золотопромышленники, послѣ успѣшныхъ поисковъ, охотно вступаютъ въ брачный союзъ. Недалеко оттуда находятся конторы, скупающія и продающія золотой песокъ; вокругъ ихъ постоянно происходитъ такой шумъ, какъ будто здѣсь отвертiе ада.

«Осмотрѣвшись въ Сиднеѣ, я отправился къ разнымъ редакторамъ и зашелъ сперва въ редакцію главной газеты, помѣщающуюся въ богатомъ дворцѣ. Въ нижнемъ этажѣ зданія находится типографія, въ верхнемъ редакция, въ которую надобно входить чрезъ переднюю, наполненную объявленіями. Одно изъ нихъ извѣстило меня, что съ редакторомъ можно говорить иначе, какъ за извѣстную плату, сообразную съ продолжительностію разговора. Плата за входъ составляетъ; за часъ времени десять шиллинговъ, за полчаса шесть и за четверть часа три шиллинга. Я купилъ себѣ у австраійскаго негра, одѣтаго въ красную ливрею, часовой билетъ и былъ встрѣченъ редакторомъ слѣдующими словами: «Вы артистъ и прибыли изъ Европы, чтобы нажить здѣсь деньги?» Я рассказалъ ему о Южной Америкѣ, Калифорніи, Отаити и онъ сталъ нѣсколько вѣжливей, но все-таки, безъ обиняковъ, потребовалъ съ меня извѣстную сумму, если хочу успѣть въ своемъ предпріятіи. Я отвѣчалъ, что подумаю и разстался съ этимъ безстыднымъ чело-вѣкомъ, съ цѣлью испытать, не встрѣчу ли другихъ редакторовъ, которые были бы сговорчивѣе его. Эти посылки обошлись мнѣ баснословно дорого, но и цѣны за входъ въ концертную залу также баснословны: ложа стонтъ пять фунтовъ, бенеуаръ два фунта, стулъ десять шиллинговъ.»

Зала была уже наполнена слушателями, но съ артистомъ, на пути къ ней, случилось неприятое приключеніе. Онъ былъ опро-

кинуть изъ экипажа въ грязь, замаралъ свой черный фракъ и бѣлыя перчатки. Вставши, онъ побѣжалъ по улицамъ, крича: «царство за фракъ.» Одинъ добродушный нѣмецъ продалъ ему фракъ, но синій съ желтыми пуговицами, за бездѣлицу — восемь фунтовъ. Въ этомъ нарядѣ и безъ перчатокъ вошелъ онъ въ залу, гдѣ его встрѣтили свистомъ, шиканіемъ и крикомъ, чтобы онъ ушелъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Дирижеръ, котораго публика вызвала, рассказалъ смиренно исторію о синемъ фракѣ безъ перчатокъ и получилъ позволеніе ввести артиста въ залу. Тотъ напалъ на слишкомъ образованныхъ дикарей піевою «*Siciliana*,» завоевалъ ихъ арією «*Rule Britannia*» съ варіаціями Онслова и кончилъ концертъ съ триумфомъ.

V. АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ СЛУЧАИ и НОВОСТИ.

СИЛА ВООБРАЖЕНІЯ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, одинъ изъ Вѣнскихъ докторовъ сдѣлалъ интересный опытъ, чтобы убѣдиться, какое вліяніе можетъ имѣть на совершенно-здороваго человѣка боязнь эпидемической болѣзни. Съ разрѣшенія правительства онъ обѣщалъ одному изъ приговоренныхъ къ смертной казни прощеніе его вины, если онъ согласится пролежать нѣсколько времени въ постель, на которой только-что умеръ больной холерою; обѣщая впрочемъ, что еслибы онъ заболѣлъ, то будутъ употреблены всѣ средства для излеченія его.

Совершенно здоровый и сильнаго тѣлосложенія арестантъ, согласился. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, появились всѣ признаки холеры; всѣ средства искусства и сильная комплекція едва спасли его отъ смерти. Но каково было удивленіе больного и всѣхъ присутствующихъ, когда узнали, что не только на этой постели, но даже во всемъ домѣ, никогда не было больныхъ холерою и что онъ заболѣлъ единственно отъ сильнаго дѣйствія воображенія.

ПУБЛИЧНАЯ ПРОДАЖА ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ГОЛОВЫ.

Между объявленіями отъ правительства о разныхъ прода-

жахъ въ Сан-Франческо, мы прочли слѣдующее: «На основаніи постановленія высшаго суда въ Санъ-Франческо, я нижеподписавшійся шерифъ, симъ объявляю: что въ понедѣльникъ 14 Дек. 1855 года, въ 12 часовъ дня, на площади, передъ воротами главнаго суда, я буду продавать съ публичнаго торгу на наличныя деньги, голову извѣстнаго разбойника Іоахима Муріото и руку въ три пальца Якова.

Для объясненія этого слѣдуетъ прибавить, что года два тому назадъ, этотъ Іоахимъ Муріото, предводительствуя шайкою разбойниковъ, грабилъ въ продолженіе долгаго времени южную часть Калифорніи. Рассказывали о необыкновенно-смѣлыхъ и безчеловѣчныхъ его поступкахъ; онъ являлся всегда въ то время, когда его считали за сто миль и безнаказанно грабилъ и сожигалъ жилища. Губернаторъ обѣщалъ значительную награду тому, кто поймаетъ разбойника и, по истеченіи нѣкотораго времени, была принесена его голова и отдана за уплату обѣщанной суммы. Голова эта была помещена въ банку со спиртомъ и показываема публикѣ. Всегда находятъ люди, которые ни во что не вѣрятъ и въ этомъ случаѣ многіе объявили свое сомнѣніе о подлинности головы. Говорили, что по ошибкѣ былъ убитъ Мексиканецъ, похожій на Муріото и что это его голова. Но какъ со времени нахождения головы въ спиртѣ никто уже болѣе не слышалъ о Муріотѣ, то охотники до рѣдкостей и естествоиспытатели могутъ смѣло явиться на вызовъ шерифа и покупать голову.

Что касается руки, то она тоже принадлежала одному знаменитому разбойнику.

ЖЕНЩИНА - МАТРОСЪ.

20 прошлаго ноября посажена была въ тюрьму, на островѣ Аландѣ (принадлежащемъ Швеціи), дѣвушка 17 лѣтъ, Іоанна-Софія Лектъ. Въ прошедшемъ году, говоритъ *судебная газета*, она, желая испытать бытъ матросовъ, одѣлась мужчиною, отправилась въ Кольмаръ и просила морскую контору записать ее матросомъ подъ именемъ Іоаннъ-Петръ Карлисонъ. На другой же день она была принята на купеческій корабль *Като*, которымъ командовалъ лейтенантъ Левгринъ.

Иоанна совершила три путешествія, отличаясь постоянно прилежаніемъ и ловкостью, такъ-что никто скорѣе ея не могъ взлезть на вершину мачты; кромѣ того она превосходно умѣла плавать и неоднократно бросалась прямо съ борту въ море, чтобъ вытащить какой-нибудь упавшій съ корабля предметъ.

Въ началѣ ноября, когда *Kato* сталъ на якорѣ возлѣ острова Аланда, лейтенантъ Левгринъ, чтобъ наградить Иоанну, счелъ нужнымъ представить ее къ повышенію; но спустя два дня послѣ того она заболѣла, ее отвели въ госпиталь и тайна открылась. Полиція узнала объ этомъ и Иоанна была арестована.

Присвоеніе чужой фамиліи и несвойственнаго званія строго наказывается въ Швеции; но какъ заслуги Иоанны Лектъ будутъ приняты во вниманіе, то, вѣроятно, ее подвергнутъ самому легкому взысканію.

Должно замѣтить, что по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что дѣвушка эта, не смотря на свою смѣлость и рѣзвость, самаго неукоризненнаго поведенія и считалась одною изъ лучшихъ швей въ деревнѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА ВЪ АНГЛИИ.

Одно изъ знаменитѣйшихъ обществъ въ Лондонѣ, *Jews literary Institution*, въ минувшемъ январѣ мѣсяцѣ открыло свои собранія; на первомъ изъ нихъ читалъ г. Тэкерэй, извѣстный авторъ *Vanity Fair*. Это засѣданіе было тѣмъ интереснѣе, что въ немъ въ послѣдній разъ присутствовалъ знаменитый мужъ; теперь онъ уѣхалъ уже въ Америку, гдѣ будетъ читать публичныя лекціи.

По окончаніи засѣданія, на пышномъ обѣдѣ, въ трактиръ *London*, собралось шестьдесятъ знаменитыхъ литераторовъ, которые желали торжественно проводить г. Тэкерэя, какъ одного изъ первыхъ нынѣшнихъ романистовъ. Здѣсь предсѣдательствовалъ Карлъ Дикенсъ въ сопровожденіи г. Макреда.

Подобныя собранія повторяются часто; въ одномъ изъ нихъ Джонъ Россель, недавно читалъ въ *Exeter-Hall* свое сочиненіе о препятствіяхъ къ нравственному и умственному развитію рода человеческого.

РУКОПИСЬ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

По словам *Атенеума*, въ Брюсселѣ открыта чрезвычайно-интересная рукопись сочиненія Леонарда да Винчи о живописи. Рукопись иллюстрирована была назадъ тому 200 лѣтъ знаменитымъ Пуссеномъ и украшена множествомъ самыхъ оригинальныхъ рисунковъ. — Первое изданіе этого сочиненія напечатано въ Парижѣ въ 1651 году, ижливеніемъ Рафаэля Френе. Рукопись привезена изъ Рима въ Парижъ въ 1640 году и съ 1651 неизвѣстно гдѣ находилась. Наконецъ теперь, одинъ брюссельскій книгопродавецъ купилъ ее за безцѣнокъ съ публичнаго торга.

ПРОЕКТЪ НЕБЫВАЛАГО ЗАКОНА.

Въ *Corrier des Etats-Unis* сказано, что въ Законодательную палату Соединенныхъ Штатовъ былъ представленъ проектъ закона касательно опредѣленія пошлины по пяти пьестровъ со всякаго, кто только носить усы, также о взысканіи ежегодно по пяти пьестровъ съ каждаго холостяка, по достиженіи имъ тридцати лѣтъ. Собираемыя чрезъ это суммы должны быть обращены на умноженіе числа училищъ.

ЖЕНЩИНЫ - ЛЕКАРИ.

Въ числѣ болѣзней, которымъ подвержены женщины, есть очень многія, свойственныя исключительно женскому полу; леченіемъ ихъ должны бы заниматься женщины, которыя изучили медицину и приобрѣли практическія познанія. Въ-самомъ-дѣлѣ, женщина передъ женщиною гораздо откровеннѣе, а если бы одна изъ нихъ и желала скрыть что-нибудь, то другая можетъ всегда догадаться, предупредить зло и помочь во время. И дѣйствительно; большая часть женщинъ предпочтетъ обращаться къ женщинамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ нуждаются въ особомъ попеченіи, надѣясь найти основательныя познанія.

Въ Парижѣ, первая г-жа Лашапелъ, акушерка, лѣтъ двадцать

тому назадъ, открыла у себя особый родъ лечебницы для нѣкоторыхъ женскихъ болѣзней, также назначила часы для совѣщанія. Приобрѣтенная ею извѣстность, множество пациентокъ, по болѣе части женщинъ высшаго круга, доказываютъ, какъ полезны этого рода доктора.

ВЕЛИЧАЙШАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Библиотека для чтенія Вайдля, въ Лондонѣ, самая большая въ свѣтѣ; въ ней 394 журнала, а именно: 275 англійскихъ, 43 французскихъ, 16 бельгійскихъ, 2 турецкихъ, 1 русскій, 39 нѣмецкихъ, 8 американскихъ, 1 изъ Австраліи. Кромѣ того послѣднія телеграфическія извѣстія со всѣхъ странъ Европы, сообщаются ежедневно и объявленія о нихъ висятъ на стѣнахъ.

VI. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ.

АКТРИСА БОЛЬШОЙ СЦЕНЫ.

СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Странно... почему я не могу одолѣть того отвращенія, которое старая вдова Дильвортъ оказываетъ къ театру? думалъ я однажды, за что не навидитъ она такъ актеровъ и актрисъ? Предубѣжденіе ея такъ сильно, что, вѣроятно, оно родилось вслѣдствіе причинъ, весьма основательныхъ и намъ неизвѣстныхъ. Непремѣнно узнаю эту тайну.

Беру перчатки, вооружаюсь шляпою и немедленно являюсь къ графинѣ Дильвортъ.. Вхожу, графиня небрежно покоилась на диванѣ; въ рукахъ, для приличія, она держала книгу, листы которой не были даже разрѣзаны. По многимъ несомнѣннымъ признакамъ замѣтилъ я, что почтенная леди Дильвортъ скучала: слѣдовательно минута для разговора была самая благоприятная.

— Смѣю ли, миледи, предложить вамъ мою ложу на нынѣшній вечеръ? сказалъ я: миссъ Келли будетъ играть сегодня. Эта актриса, по моему мнѣнію, достойна удивленія.

— О! покорно благодарю! Быть-можетъ, миссъ Келли прекрасная, удивительная актриса, но я не желаю видѣть ее. Она актриса и этого довольно: я не уважаю актрисъ, потому-что сама нѣсколько занималась этимъ почтеннымъ ремесломъ.

Я удивился, зная, что леди Дильвортъ происходитъ, по матери, отъ Пантагенетовъ, а по отцу отъ Оремонда.

— Вы, безъ сомнѣнія, принадлежали къ труппѣ герцогини Бриджуатерской, или къ труппѣ маркграфини? сказалъ я.

— Совсѣмъ нѣтъ; я не принадлежала ни къ какой труппѣ. Однакожъ играла такъ долго, такъ часто, игра моя была сопряжена съ такими непріятностями, что отъ одного воспоминанія о моей театральной жизни, я чувствую лихорадочный ознобъ.

— Неужели? А смѣю спросить, миледи, въ какую эпоху вы дебютировали?..

— Этому уже около шестидесяти лѣтъ; весьма давно, какъ видите, хотя я очень хорошо помню это важное обстоятельство. Первая наставница моя въ этомъ искусствѣ была моя кормилица. У меня былъ препочтенный дѣдушка, отъ котораго прегадко пахло табакомъ и страшные усы котораго производили во мнѣ страхъ. Но это не помѣшало мнѣ играть очень хорошо мою роль, складывать, какъ меня учили, ручки, просить дѣдушку, чтобъ онъ обнялъ меня, тоестъ, помялъ въ своихъ дюжихъ рукахъ. Поцѣлуй этого дѣдушки составлялъ для меня, маленькой дѣвочки, просто пытку. Однакожъ я повторяла всякій вечеръ свое представленіе, приходя съ сложенными руками просить того, что мнѣ казалось такъ страшно и отвратительно. Впрочемъ представленія эти были бенефисныя: дѣдушка умеръ и оставилъ мнѣ пять тысячь фунтовъ стерлинговъ дохода.

— И это вы называете своимъ дебютомъ?..

— Согласитесь, что онъ не дурень.

— Безъ сомнѣнія; но послѣ этого вы оставили сцену?..

— Никакъ. Мнѣ надлежало еще разыграть роли всѣхъ героинь нравственныхъ романовъ! роль стыдливости, невинности, неопытности. Подъ руководствомъ своей гувернантки я сдѣлалась учтивая, граціозна; ходила, потушивъ глаза; изъясняла энтузіазмъ ко всѣмъ искусствамъ; была робка, какъ Памела, благоразумна, какъ Генріэта Бейронъ, бережлива и умѣренна, какъ Клариса Гарлоу. О, какъ дорого платила я за свои успѣхи! Мнѣ хотѣлось бѣгать и прыгать по травѣ, жить без-

заботно, въ тишинѣ, однимъ словомъ, — забавляться; а я должна была принаравливаться ко всемъ тонкостямъ записной актрисы. Какое мученіе, какая скука! Однакожъ у меня были обожатели и я этимъ утѣшалась. Наконецъ, когда было рѣшено всеми, что я гений, что все героини новыхъ романовъ не стоятъ моего мизинца, мою гувернантку отпустили, ибо я уже знала ремесло свое и она оказалась бесполезною. Оставшись одна, я могла, по-крайней-мѣрѣ, читать тихонько книги, которыхъ мнѣ прежде не давали въ руки.

— Послѣ такихъ сценическихъ приготовленій, развязку ускорилъ, безъ сомнѣнія, какой-нибудь красивый гвардейскій офицеръ?

— Совсемъ нѣтъ. Такъ могла бы поступить дурная актриса: я была искусѣе. Дозволить увезти себя полковнику! Фи! какая глупость! это очень обыкновенно, даже пошло, глупо. Вы увидите, что я была настоящая актриса. Руки моей просилъ лордъ Дильвортъ; скажу правду, я его терпѣть не могла. Онъ говорилъ по-ирландски, какъ коннотскій мужикъ, былъ неловокъ, грубъ, безобразенъ; отъ него несло виномъ и табакомъ, въ рѣчахъ его было что-то повелительное. Вотъ за кого я вышла. О, если бы вы видѣли, съ какою готовностію повиновалась я волѣ отца моего! Новѣйшій романистъ не нашелъ бы для себя нигдѣ подобнаго идеала невинности и дѣтской любви. Я трепетала, какъ Памела, красѣла, какъ Клариса. Все журналы отдали справедливость красотѣ, естественности, прелести игры моей.

— Прекрасно! А между-тѣмъ вы только принимали личину вѣжливой супруги!

— Въ этомъ не было нужды; только бы мужъ мой могъ пить, играть на билліардѣ, принимать всю свою ирландскую родню, съ которой напивался; только бы я притворилась внимательной, послушной женой: болѣе онъ не требовалъ. Признаюсь, такая покорность часто надоѣдала мнѣ и актриса, наскучивъ своей ролью, устремляла унылые взоры на одну ложу, въ которой сидѣлъ прекрасный молодой человекъ, перъ королевства. Актрисы, мои соперницы, вскорѣ замѣтили мою разсѣянность, наполнили свистками партеръ, который неожиданно возсталъ на меня массой. Я прибѣгнула къ моему театральному дару... я заплакала; мнѣ простили, женщины закрылись вѣерами, называя

меня интересной жертвой; мужчины взялись за шпаги, давъ клятву защищать меня противъ всѣхъ и каждаго.

— Прекрасно; вотъ, что называется, успѣхъ!

— Но представленіе тѣмъ не кончилось: мнѣ оставалось еще сыграть одну роль. Молодой англійскій перъ, изъ-за котораго я нажила себѣ столько враговъ, погибъ на дуэли и мѣста его въ моемъ сердцѣ стали добиваться всѣ его друзья и соперники. Они начали даже носить мои цвѣта и аплодировали мнѣ съ большимъ шумомъ. Самолюбію моему это льстило; но мужъ, то-есть, директоръ мой, опасаясь, чтобы такой успѣхъ не навлекъ ему какихъ-нибудь невыгодъ, требовалъ, чтобы я оставила Лондонъ: онъ увезъ меня въ провинцію.

— Какое печальное событіе для актрисы съ такимъ успѣхомъ!

— Талантъ вездѣ можно раскрывать, когда онъ есть. Я стала играть роль деревенской хозяйки. Играла въ вистъ и бостонъ съ сосѣдями; слушала истолкованіе сновъ, разсужденіе объ охотѣ, зайцахъ и агрономіи. Послѣ удачи въ этой роли, я сдѣлала нѣкоторыя усовершенствованія и измѣненія въ мольтеровомъ «Мнимомъ больномъ», котораго уже въ молодости разыгрывала и знала даже наизусть. Я легла на диванъ, сдѣлалась слаба; у меня явилось біеніе сердца, потомъ мигрень, наконецъ истерики, я задернула занавѣсы, никого не принимала; имѣла право капризничать, бранить людей и мужа. Знаменитѣйшій въ окрестностяхъ докторъ объявилъ, что онъ рѣшительно не можетъ помочь мнѣ и что болѣзнь моя неизлѣчима.

— Эта роль должна быть очень скучна; пилюли, микстуры, катаплазмы—необходимыя ея принадлежности.

— Вы ошибаетесь. При такихъ болѣзняхъ лекарство дѣло лишнее, его не принимаютъ, а берутъ только ванны, слушаютъ музыку, окружаютъ себя цвѣтами и поклонниками, читаютъ романы и плачутъ досыта. Принимаютъ видъ изнеможенія, кушаютъ, будто нехотя, то, чѣго хочется; говорятъ протяжно, съ чувствомъ, меланхолически; страдаютъ спазмами, въ случаѣ, когда не исполняютъ вашей воли; главнѣйшую трудность роли составляетъ выздоровленіе, если слишкомъ скоро возвратимся къ жизни, то весь трудъ, вся роль прошла понапрасну. Надобно выздоравливать медленно, съ тихой, незамѣтной постепенностію. Надобно иногда опять впадать въ болѣзнь, такъ-

чтобы мужъ пугался, но не страшился за жизнь вѣрной своей подруги; надобно до того довести его, чтобы это ему рѣшительно надоѣло и, тревожа его каждое мгновеніе, утомить совершенно... Тогда онъ оставитъ васъ на произволъ судьбы, одну, съ вашими мечтами и думами, вполне увѣренный, что слабая, страдающая жена не можетъ употребить во зло своей независимости.

— Лицемерка!

— Нѣтъ, актриса, на свѣтѣ все трагедіи или комедіи. Мы всѣ замаскированы и самый искусный актеръ всегда самый счастливый. Разумъ намъ данъ именно на то, чтобы поддерживать занимательное представленіе. Притомъ, что же тутъ худаго? Не думаете ли вы, что почтенный Дильвортъ былъ доволенъ, когда я разыграла вполне роль любезной женщины въ Виндзорѣ и за этотъ успѣхъ мужъ мой получилъ значеніе и десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ дохода? Мы ничего-бы не выиграли безъ скромнаго величія, которымъ сопровождались всѣ мои движенія, безъ благородства моихъ позъ, безъ прелести затверженныхъ чувствъ, которыя я выражала, безъ острыхъ выходовъ, подмѣченныхъ мною въ обществѣ. Вы, безъ сомнѣнія, знаете, какую прекрасную роль я играла въ большомъ свѣтѣ?

— О, знаю; васъ, миледи, и до-сихъ-поръ всѣ матери ставить въ образецъ дочерямъ своимъ.

— Пойдите! воскликнула графиня, вставая и опираясь на кушетку. Вотъ, кажется, положеніе, которое наиболѣе имѣло успѣха въ Виндзорѣ.

— О, Боже! Мнѣ кажется, что я вижу мистрисъ Сиддонсъ въ одну изъ прекраснѣйшихъ минутъ ея.

— Когда величіе стариннаго двора замѣнилось легкой граціей новаго и я перемѣнила игру, перестала принимать величественныя положенія, слѣбалась кокеткой, блистала остроуміемъ, вѣтренностію, капризами, и, признаюсь, до такой степени успѣла, что доставила мѣста всѣмъ своимъ дѣтямъ; кредитъ мой поднялся еще больше и бѣдный Адольфъ (мой мужъ) получилъ вильфордское графство.

— Это презанимательная повѣсть. Продолжайте миледи: удивленіе мое все болѣе и болѣе возрастаетъ.

— Лордъ Вильфордъ дотога разстроилъ свое здоровье, что, чрезъ два года по полученіи наслѣдства отъ своего дяди, всѣ

доктора сказали, что онъ скоро самъ умретъ. Мнѣ должно было лишиться его; замѣтите это выраженіе: лишиться его... его, съ кѣмъ жизнь моя была связана такими тягостными узами. Все его богатство должно было достаться мнѣ. Сверхъ того мнѣ открывалось завидное право свободно располагать своими поступками! Всѣ лекаря отъ него отказались; болѣзнь его была неизлѣчима. Повѣрите ли? Я до такой степени хорошо играла роль свою, что втеченіе двухъ лѣтъ никто не сомнѣвался въ искренности моей грусти. Эту эпоху я почитаю торжествомъ моего таланта, потому-что очень было трудно не дать замѣтить хотя искру той радости, которую я чувствовала, того блаженства, которое доставляло мнѣ это счастливое и такъ давно желанное событіе. Съ большимъ трудомъ могла я сообщить лицу моему видъ, если не совершеннаго отчаянія, то, по крайней-мѣрѣ, горести глубокой и безутѣшной.

— Превосходно! воскликнулъ я; мнѣ остается только отдать полную справедливость такому утонченному, высокому таланту.

— Овдовѣвъ, мнѣ уже не трудно было придать лицу моему новое, приличное выраженіе. Я опустила нѣсколько болѣе брови; лицо мое давно уже было приучено къ задумчивости, а потому роль вдовы я разыграла съ тѣмъ же успѣхомъ, съ какимъ были разыграны мною и другія роли. Въ-первомъ дѣйствіи выражала я горестную покорность судьбѣ; во-второмъ, участіе мое стало нѣсколько проясняться; въ-третьемъ—снова начала показываться веселость; въ-четвертомъ—трауръ снять и на лицѣ моемъ просіялъ лучъ утѣшенія и надежды.

— Имѣли ли вы намѣреніе, миледи, остаться навсегда вдовою?

— Безъ сомнѣнія, хотя, впрочемъ, это намѣреніе было не совсѣмъ прочно.

— Какъ же вы стали поступать потомъ, чтобы публика могла понять, по вашей пантомимѣ, новое положеніе ваше въ обществѣ?

— Я приняла на себя важный видъ женщины, которая находится въ недоумѣніи, вслушивается въ голосъ своего сердца, размышляетъ: но еще не рѣшилась. Видъ мой былъ благороденъ и спокоенъ, подобный тому, который принимаетъ мистрисъ Сиддонсъ, когда, въ роли могущественной Семирамиды, задумывается о жребіи народовъ и царствъ. Евгенийъ, молодой

адъютантъ, который въ лучшіе дни жизни моей разыгралъ со мною нѣсколько нѣжныхъ ролей, былъ уже женатъ, а потому я рѣшилась вдовствовать.

— Вѣроятно вы сдѣлались мизантропкой, раздраженной героиней, исполненной гнѣва и негодованія?

— Совсѣмъ нѣтъ! Публикѣ такія роли не нравятся. Я рѣшилась выбрать совершенно противоположную, разыгрывала вѣтренницу, даже шалунью: прекрасная роль для женщины, которая, не будучи еще старою, чувствуетъ уже приближеніе старости. Я стала себя позволять улыбки, вольныя шутки, мистификаціи, смѣляю веселость, однимъ словомъ все: и мнѣ такъ аплодировали, что соперницы мои чуть-чуть не лопнули съ досады.

— Какое торжество!..

— О! возразила вдова, вздыхая: торжество прекрасное, безъ сомнѣнія! Но когда я выходила за кулисы, то заливалась слезами...

— Однакожъ, я думаю, что вы были счастливы?

— Я была актриса, вотъ и все. Подъ этимъ покрываломъ вѣншей веселости таилась жесточайшая горестъ. Театральная жизнь не всегда пріятна. Я пресила мѣста въ провинціи, мнѣ отказали.

— Отказали! что это значитъ?

— Евгений овдовѣлъ и жилъ въ Шотландіи. Онъ обошелся со мною весьма гордо, почти презрительно.

— Неблагодарный!

— Безъ сомнѣнія—неблагодарный, но осторожный, благоразумный: какой человекъ, въ здоровомъ умѣ, захочетъ жениться на актрисѣ...

— Смѣю замѣтить, миледи, что мы всѣ женаты на актрисахъ... читая же такое презрѣніе къ этому званію, вы могли не вступать въ него.

— Меня принудили къ этому. Говорю вамъ, что первые уроки я получила отъ моей кормилицы, вторые отъ матери, третьи отъ гувернантки. Сначала пріучали меня къ страдательному повиновенію, потомъ къ притворнымъ ласкамъ; наконецъ къ позитурамъ скромности, стыдливости, благоразумія: всему этому меня научили. Какъ скоро кто къ намъ пріѣзжалъ, я уже должна была держаться, какъ на сценѣ. Мои слова, приемы,

движенія, все было расчитано и подготовлено заранее. Въ этомъ состояло все мое воспитаніе. Я вступила въ свѣтъ актрисой, нашла въ свѣтѣ только актеровъ: слѣдственно съ моей стороны было бы глупо дѣйствовать непринужденно, давать свободу чувствованіямъ, говорить то, что въ-самомъ-дѣлѣ думала: это все равно, что безоружному нападать на человѣка вооруженнаго съ ногъ до головы. Я думала, что, являсь съ открытымъ лицомъ среди всѣхъ этихъ людей, скрывавшихся подъ масками, я сдѣлаю величайшую глупость. Истинная привязанность, простодушное выраженіе чувствъ погубили бы меня навсегда. Самолюбіе мое пробудилось: играя хорошо роль мою, я могла надѣяться на успѣхъ. И я разыграла эту роль къ полному удовольствію публики. Увы!..

— О чемъ же вы жалѣете? Жизнь ваша была исполнена блеска, уваженіе, которое всѣ имѣли къ вашему таланту, миледи, должно бы, кажется, удовлетворять васъ.

— О! вѣтъ. Придутъ лѣта, въ которыя надоѣстъ румяниться, когда голосъ суфлера становится неспособнымъ для слуха, когда бываешь принуждена оставить блистательныя роли и принимаешься за роль дуэнья. Это горько! Я поступала, какъ могла лучше. Улыбалась молодымъ, принимала видъ снисходительный, когда разыгрывала благодарную роль хозяйки, покровительствовала искусствамъ, слыла доброю родственницею... Наконецъ, всѣ эти филантропическія фразы, всѣ ласки, которыя я щедро разсыпала, сдѣлались для меня неспособны. Я наняла компаньонку и наединѣ съ нею вымѣщала на ней же досаду, которую причиняло мнѣ мое принужденное положеніе въ обществѣ... Я сдѣлалась капризна, упряма, сердита, взыскательна... Съ этого времени я стала играть въ домашнемъ быту — самую естественную и самую жалкую роль скучающей старой женщины... Вотъ, почему я чувствую такое неодолимое отвращеніе къ актрисамъ, зрѣлищамъ, декораціямъ, костюмамъ, однимъ словомъ ко всему, что въ свѣтѣ есть театральнаго.

ВАКАНЦІЯ.

(ОЦЕРКЪ ПАРИЖСКИХЪ БЮРОКРАТИЧЕСКИХЪ ПРАВОВЪ).

Есть одна сторона парижской жизни, на которую составители физиологій и «Картинъ Парижа» обращаютъ мало вниманія, — это французскіе чиновники (*employés*), число которыхъ увеличивается съ каждымъ годомъ въ ужасающей пропорціи. О страсти—имѣть мѣсто въ управленіи, писали многіе знаменитости Франціи; ее осмѣивали въ своихъ стихахъ Беранже и Бартеlemi и страсть эта очень понятна, если мы вспомнимъ о непрочности французскихъ министерствъ, въ которыхъ каждый торопится только поскорѣе нажиться, зная, что онъ очень скоро можетъ слетѣть съ своего мѣста вмѣстѣ съ своимъ министромъ. Но французскіе писатели, преслѣдуя эту «охоту за мѣстами» (*la chasse aux places*), оставляютъ алчныхъ искателей мѣстъ въ ту минуту, когда они достигаютъ своей цѣли. Постараемся пополнить эти недостаточныя свѣдѣнія о французскихъ чиновникахъ и бросимъ взглядъ на ихъ служебныя нравы.

Парижъ — центръ административной жизни всей Франціи. Сколько ни вооружались публицисты противъ этой централизаціи власти, — она пережила всѣ политическіе перевороты этой безхарактерной націи. Въ Парижъ стекаются и изъ него расходятся во всѣ стороны, какъ изъ сердца, артеріи централизаціи, разносящія во всѣ концы Франціи ея кровь — чиновниковъ. Въ настоящее время Франція очень полнокровна, что однако же не доказываетъ ея здоровья. Если можно быть увѣреннымъ, что она не похудѣетъ, то никакъ нельзя поручиться, чтобы не случился приливъ къ сердцу. Бюрократія играетъ въ Парижѣ такую же важную роль, какъ биржевые обороты и газетное движеніе; однако же о французскихъ чиновникахъ говорятъ очень мало. Попробуйте уловить, объяснить всѣ отѣнки этого разнообразнаго, многообъемлющаго типа, для котораго въ семействѣ двурукихъ (*bitrains*) надобно составить особый классъ съ разными раздѣленіями и подраздѣленіями на роды, виды, отдѣлы. И какая громадная разница между всѣми этими частями одного общаго семейства чиновниковъ. И сверхштатный (*surnuméraire*), и канцелярскій чиновникъ (*expéditionnaire*), и начальникъ (*chef de bureau*), и директоръ — все

это чиновники, но что между ними общаго? Вы не найдете между ними, какъ и вообще въ природѣ, двухъ индивидуумовъ, совершенно схожихъ другъ съ другомъ. И кромѣ того, какъ часто одинъ и тотъ же человѣкъ бываетъ не похожъ на самого себя въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ своего служебнаго поприща. Какъ странно, иногда даже совсѣмъ невѣроятно, измѣняется онъ, по мѣрѣ перехода его отъ одного занятія къ другому, съ одной степени общественной іерархіи на другую.

Полная «физиологія» чиновника была бы очень любопытна, но мы сознаемся, что этотъ огромный трудъ не по силамъ намъ. Мы будемъ довольны, если подмѣтили вѣрно хотя одну черту этого многосторонняго быта.

Альфонсъ Карръ въ своихъ Осахъ сравнивалъ министерства съ огромнымъ полипомъ, котораго живыми, движущимися членами были чиновники, живущіе отдѣльною жизнью, но вмѣстѣ съ тѣмъ прикованные крѣпкою нитью къ мѣсту, давшему имъ жизнь. Изъ этого сравненія тотъ же писатель дошелъ до заключенія, что эта служебная жизнь холодна, какъ улитка, регулярна, какъ маятникъ, однообразна, какъ дожди. Все это справедливо, только до извѣстной степени. По наружности оно иначе и быть не можетъ. Это виѣшнее спокойствіе, порядокъ, тишина непремѣнно бросятся въ глаза профану, непосвященному въ бюрократическія тайны, первый разъ вошедшему въ эти длинныя, скромныя, опрятныя комнаты, въ которыхъ ходятъ на цыпочкахъ и съ осмотрительностью, говорятъ тихо и осторожно, смотрятъ съ вѣсомъ и глубокомысленно, отдають приказанія съ приличною важною, сморкаются съ достоинствомъ, слушаютъ подобострастно и почтительно. Но выйдите глубже въ эту жизнь, по видимому ничѣмъ не возмутимую; какія неукротимыя, безпощадныя, непримиримыя страсти таятся порой подъ этой тихою, почтительною корою. Конечно, многимъ покажутся смѣшными эти страсти, очень часто даже не выказывающіяся наружу, прикрытыя словами и поступками, совершенно имъ противорѣчащими, но тѣмъ не менѣе, страсти эти опасны и жестоки, ихъ надо бояться болѣе порывовъ бѣшенства, потому-что онѣ холодно и спокойно принесутъ васъ въ жертву, если вы мѣшаете имъ достигнуть ихъ цѣли, и не сочтутъ этого преступленіемъ, а развѣ только печальною необходимостью... Мы не говоримъ, чтобы это было общимъ правиломъ, исключенія встрѣчаются и въ этомъ случаѣ. Лица, получившія болѣе основательное обра-

зованіе, стоящія на высшихъ ступеняхъ общественныхъ должностей, поступаютъ и думаютъ иначе, но возьмите въ примѣръ мелкаго чиновника, у котораго всѣ способности направлены въ одну сторону, который, кромѣ службы, ничего не знаетъ, ни о чемъ не думаетъ. Мудрено ли, что для достиженія на поприщѣ ея чего нибудь лучшаго, или изъ опасенія лишиться единственнаго средства къ существованію, онъ рѣшится на какой-нибудь предосудительный поступокъ, весьма извинительный въ понятіяхъ того класса и общества, къ которому онъ принадлежитъ. Если онъ не можетъ почему-либо сдѣлать этого поступка, то и въ такомъ случаѣ вѣрно не порадуется тому, а пожалѣетъ о невозможности. Не его вина, если воспитаніе и примѣры оправдываютъ въ его глазахъ эти моральныя преступленія, которыя и не подобными ему людьми такъ часто извиняются.

Возьмемъ въ подтвержденіе этой мысли самый простой примѣръ: открытіе въ небольшомъ кругу чиновниковъ такъ называемой *ваканціи*. Какъ весьма-обыкновенный случай этотъ приводитъ въ движеніе всѣ тѣ лица, которыя имѣютъ право, могутъ, или надѣются замѣтить выбывшаго собрата. Чего не употребятъ эти лица для достиженія своей цѣли; на какія маленькія и невзвѣныя мерзости (*petites infamies*), не рѣшатся они, чтобы возвысить себя и унижить соперниковъ. Никогда, ни за какую красавицу не было такой страшной *брани*, во всѣхъ смыслахъ этого слова, какая подымается за вакантное мѣсто. И брань эта тѣмъ опаснѣе и замѣчательнѣе, что по наружности всѣ эти враги, — друзья, сослуживцы и товарищи, что всѣ подкопы ихъ должны быть ведены въ величайшей тайнѣ и что наковецъ приличіе и достоинство службы требуетъ, чтобы на мѣстѣ битвы царствовало совершенное спокойствіе и чтобы ни одно неумѣстное слово не было обмѣнено между противниками. Прибавьте къ этому, что настоящія занятія не должны нисколько страдать отъ борьбы искателей и представьте себѣ теперь, что должны испытать и вытерпѣть эти мирные ратоборцы, эти рыцари департаментскаго дѣла, до-тѣхъ-поръ, пока мѣсть, съ избраніемъ одного изъ нихъ, служебная жизнь ихъ не войдетъ опять въ свою старую, набитую колею. И по окончаніи битвы только одни новички въ человѣческихъ проискахъ поглядываютъ искоса, съ чувствомъ вражды и ненависти, на занявшаго вакантное мѣсто; — истинные философы, хорошо знающіе человѣчество, примиряются тотчасъ же съ фактомъ,

какъ съ неизбежнымъ закономъ судьбы и, протянувши руку своему прежнему врагу, великодушно забываютъ и его и свои козни — до новой ваканціи.

Одну изъ битвъ по случаю *ваканцій* мы хотимъ теперь представить читателямъ, какъ глубоко-поучительную картину, надъ которой могутъ призадуматься наши потомки и посмѣяться современники, не имѣющіе въ виду никакой ваканціи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ отдѣленій одного изъ многочисленныхъ департаментовъ * одного изъ министерствъ, такъ скоро мѣняющихся въ Парижѣ, — въ исходѣ третьяго, къ самому концу присутствія, когда начальники отдѣленія были съ докладомъ у директора, чиновники этого же департамента, собравшись въ отдѣльныя группы въ самой отдаленной изъ комнатъ, толковали о чемъ-то съ большимъ жаромъ. Одни сидѣли на столахъ, разстегнувшись и выпустивши изъ-за галстуга концы воротничковъ, — явное доказательство того, что присутствіе оканчивалось; другіе ходили вдоль по комнатѣ, взявшись за руки; человѣка два, три, постарѣе прочихъ, сидѣли за столами, покрытыми черною клеенкою и что-то дописывали изъ особеннаго усердія къ службѣ. Съ другихъ столовъ сторожа (*garçons de bureau*) прибирали за чиновниками бумаги и прятали ихъ. Нѣкоторые изъ чиновниковъ, поаккуратнѣе, сами исправляли этотъ лирическій безпорядокъ, другіе, тонкіе дипломаты, наказывали сторожамъ завтра, какъ можно ранѣе до ихъ прихода, вынуть опять изъ ящиковъ бумаги и разложить на столѣ, чтобы начальникъ подумалъ, что владѣльцы этихъ бумагъ давно уже пришли и вѣроятно отлучились только на время за какою-нибудь неофициальною надобностью.

— Да что вы тутъ, господа, за мѣсто нашли прогуливаться? сказалъ тономъ неудовольствія сѣдоватый чиновникъ, сидѣвшій за кипой бумагъ, которыя онъ раскладывалъ на нѣсколько отдѣльныхъ кучекъ, — вѣдъ присутствіе еще не кончилось.

Это воззваніе не произвело однако же никакого дѣйствія на гулявшихъ. Они продолжали расхаживать по комнатѣ. Нѣсколь-

* Французскія министерства раздѣляются на департаменты (*département*), департаменты на отдѣленія (*bureau*); столовъ, какъ у насъ, нѣтъ въ Парижѣ; начальникъ отдѣленія (*chef de bureau*) распредѣляетъ дѣла между своими подчиненными по своему усмотрѣнію.

ко человекъ отдѣлилось отъ нихъ и подошло къ недовольному чиновнику.

— Полноте сердиться, мосье Симонъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ, блѣлый и краснощекій, отъ котораго за версту несло жасминомъ и табакомъ, вѣдь мы вамъ не мѣшаемъ бумаги по номерамъ подбирать... работа не головомная, думать тутъ не о чемъ...

Мосье Симонъ, по видимому, обидѣвшись развязнымъ тономъ блѣлокураго чиновника, хотѣлъ что-то отвѣчать, но ему помѣшалъ другой толстый, приземистый юноша съ корпуленціей маіора національной гвардіи.

— Къ тому же насъ занимаетъ дѣло такого рода, говорилъ толстый юноша, стараясь придавать особенное значеніе своимъ словамъ, о которомъ бы и вамъ не мѣшало подумать, мосье Симонъ.

— Какое жъ это дѣло? спросилъ смягченный старикъ.

— Да ваканція-то, открывшаяся по нашему вѣдомству. Вѣдь и вы могли бы тоже получить это мѣсто.

— Куда намъ, отвѣчалъ мосье Симонъ съ ироническою покорностью судьбѣ, на это мѣсто выбираютъ все модниковъ, полькѣровъ. Вотъ Жервилье такъ и порывается на это мѣсто. Нарочю у себя на столѣ Шатобріана оставляетъ, затѣмъ, чтобы начальникъ похвалилъ, какъ вчера, что *Génie du Christianisme* читаетъ.

— Неправда, это книга была *Philosophie de la religion!* отвѣчалъ съ легкимъ оттѣнкомъ досады Жервилье.

— Ну, если похвалилъ вчера, такъ не похвалитъ сегодня, — сказалъ чиновникъ съ невѣроятно-длиннымъ носомъ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ развернулъ книгу, лежавшую на столѣ у Жервилье и бросилъ ее съ досадою. Не знаю, что это за книга была, она и теперь еще у него на столѣ лежитъ.

Поблѣднѣвшій Жервилье бросился къ своему столу и чуть не упалъ въ обморокъ. На его столѣ лежалъ томъ романовъ и сказокъ Вольтера, развернутый на томъ мѣстѣ Кандида, гдѣ пираты обыскиваютъ женщинъ, не спрятали ли они куда-нибудь брилліанты... Ударъ былъ тѣмъ неожиданнымъ, что Жервилье очень хорошо помнилъ, какъ онъ оставилъ на этомъ самомъ мѣстѣ *Le petit carême* Массильона. Придумывая какимъ бы образомъ случилась эта странная перемѣна, онъ вспомнилъ, что двѣ пять тому назадъ одолжилъ почитать этотъ самый

томъ романовъ и сказокъ чиновнику того же отдѣленія, Латушу. Не сомнѣваясь несколько въ томъ, чтобы это не были штуки его соперника по *ваканціи*, Жервилье пошелъ прямо къ Латушу, который въ это время убиралъ свои бумаги.

— Скажи, пожалуйста, это вѣрно ты положилъ ко мнѣ на столъ Вольтера? спросилъ онъ самымъ грознымъ тономъ.

— Да, отвѣчалъ очень наивно Латушъ, сгорбившійся, худенькій чиновникъ, съ подленькими манерами, я уже прочелъ его и положилъ къ тебѣ на столъ, такъ-какъ тебя не было на мѣстѣ. Покорно благодарю.

— И Массильона вѣрно взялъ ты же? продолжалъ тотъ съ возрастающимъ жаромъ;

— Да! тебя тоже не было, такъ я и не могъ спросить. Впрочемъ вотъ эта книжка, если тебѣ нужна она. Я кое-что уже прочиталъ. Покорно благодарю.

Жервилье вырвалъ у него изъ рукъ книгу, поданную съ самой ласковой улыбкою, съ минуту подумалъ, не бросить ли ее обратно въ лице подателю; но расчитавъ, что подобный пассажъ можетъ открыть ему совершенно другую ваканцію въ Коммиссіи утаптыванія парижскихъ мостовыхъ, спряталъ книгу въ карманъ и пробормоталъ:

— Видишь ты, безмозглый, какую штуку выкинулъ. Хорошо, что я рассказалъ вчера начальнику отдѣленія о томъ, какъ ты мастерски его передразниваешь. Конечно, начальникъ смѣялся этому, но я по лицу видѣлъ, что онъ очень разсердился. Когда онъ смѣется, значитъ, что онъ очень сердитъ.

И Жервилье опять отправился къ тому столу, за которымъ порядочная кучка чиновниковъ, окруживши мосье Симона, продолжала разсуждать о выгодахъ вакантнаго мѣста и о томъ, кто, по вѣроятности и по наукѣ, можетъ занять это мѣсто.

— Нѣтъ, говорилъ Шавэ, чиновникъ съ маіорскою корпуленціею, не дадутъ этого мѣста Сюблервиллю, никакъ не могутъ дать. Онъ и мѣстомъ гораздо ниже и стихи пишетъ. Какъ же ему получить это мѣсто?

— Да я и не возьму его, отвѣчалъ съ презрѣніемъ Сюблервилль, худой, высокій и блѣдный юноша съ незначительной фізіономіей и длинными волосами, зачесанными за уши и тщательно пригладенными для скрѣпленія ихъ длинноты. Вы знаете господа, что я живу не службой, у меня есть другое важнѣйшее занятіе, я служу такъ, между прочимъ, и не хочу себя закаба-

лить. Мнѣ дороже всего свобода, господа! Вотъ вы всё ходите, да просите объ мѣстѣ и начальника отдѣленія и директора, а я не прошу никого и не буду просить. Это для меня унизительно.

И послѣ этой угрозы, произнесенной самымъ натянутымъ тономъ, Сюблервилъ, опутивъ руки въ карманы панталонъ, отправился съ важностью аиста мѣрять комнату двухаршинными шагами.

По уходѣ его, Шанэ обратился къ чиновнику съ непозволительно-длиннымъ носомъ, которому въ цѣломъ департаментѣ не было другаго имени, кромѣ Basset (Ищейка).

— Я слышалъ, братецъ, что и ты добиваешься этого мѣста, сказалъ онъ довольно грозно.

Ищейка, застигнутый въ распахъ такимъ вопросомъ, сконфузился, замаялся, носъ его закачался и самъ онъ, стараясь разсмѣяться и дѣлая довольно страшныя гримасы, забормоталъ:

— Просилъ мѣста!.. ну какъ же! вотъ выдумалъ! вотъ еще!

— То-то вотъ еще! продолжалъ Шанэ еще грознѣе. Смотри, узнаемъ мы, такъ плохо будетъ. Тула же съ своимъ носомъ суешься. Взгляни прежде на самого себя: какъ тебя природа-то произвела.

Эта острота ветрѣчена была громкимъ смѣхомъ, прекратившимся внезапно и мгновенно съ появленіемъ начальника отдѣленія.

Онъ вошелъ въ комнату съ недовольнымъ видомъ. Серьезно и съ достоинствомъ началъ раздавать бумаги и приказанія, не говоря ни слова о томъ, что такъ интересовало чиновниковъ. Наконецъ, когда уже вся официальная часть была кончена, онъ сказалъ, уложивши бумаги въ портфель:

— Я докладывалъ, господа, Его превосходительству о вашихъ просьбахъ на счетъ ваканцій. * Его превосходительство справедливо изволилъ замѣтить, что мѣсто одно, а охотниковъ много, и даже вообще былъ недоволенъ тѣмъ, что всё его чиновники просятся изъ-подъ его начальства въ другое.

* Во франціи титулъ *превосходительства* (excellence) дается только министрамъ, но съ давнихъ поръ его присвоиваютъ себѣ всё директоры и вообще лица, управляющія какою-нибудь отдѣльною частию. Excellence называются также графы и князья, но тогда этотъ титулъ переводится *сиятельствою*.

При этихъ словахъ всѣ чиновники сдѣлали очень непріятныя мины, не потому-что фраза эта была сказана весьма неправильно, — къ этому они уже привыкли въ ихъ дѣловой жизни, — но потому-что начальникъ отдѣленія изъяслялъ имъ почти-официально неудовольствіе директора. Въ такихъ случаяхъ самое лучшее средство снисканія благоволенія — есть, какъ извѣстно, молчаніе, и потому чиновники начали молча расходиться. Жервилье, какъ храбрѣйшій изъ нихъ и притомъ пользующійся особенною милостію начальника, рѣшился однакоже сдѣлать ему вопросъ.

— Что же, сказалъ онъ довольно песмѣло, его превосходительство ничего не объявили на счетъ рѣшенія нашихъ просьбъ?

— Его превосходительство сказали, что сами знаютъ, кого опредѣлить на ваканцію и что они объявятъ объ этомъ въ будущей понедѣльникъ.

Этими словами заключилось присутствіе и чиновники разошлись.

До понедѣльника, въ который должна была рѣшиться участь чиновниковъ, оставалось три дня. Въ эти три дня непріязнь кандидатовъ ваканцій другъ къ другу достигла до вышей степени, потому-что они узнали, какія средства употреблялъ каждый изъ нихъ, чтобы возвысить себя и уронить своихъ соперниковъ во мнѣніи начальства. Въ предъидущей сценѣ мы видѣли, кто были эти ратоборцы. Каждый изъ нихъ, кромѣ просьбы, адресованной начальнику отдѣленія, обращался даже къ директору, кто по окончаніи присутствія, придравшись къ какой-нибудь бумагѣ, которую непременно было нужно снести къ подписанію его превосходительства, — кто рѣшившись даже вечеромъ беспокоить его превосходительство на дому покорнѣйшею просьбою о доставленіи вакантнаго мѣста. Мосе Симонъ увѣрялъ директора, что, по прослуженіи имъ слишкомъ двадцати лѣтъ, мѣсто это будетъ *вънцомъ* всѣхъ его желаній и что всѣ остальные чиновники гораздо меньше его служатъ и не такъ опыты въ дѣлахъ. Жервилье толковалъ о своей неизмѣнной покорности волѣ начальства и судьбы и говорилъ, что если она и его превосходительство пошлютъ ему это мѣсто, то онъ всю жизнь свою будетъ молить о благоденствіи его превосходительства. При этомъ онъ тонкимъ образомъ давалъ знать, что изъ всѣхъ чиновниковъ онъ гораздо достойнѣе другихъ занять это мѣсто, что онъ говоритъ по англійски, что мосе Симонъ ужъ

устарѣлъ, у него память слаба и языковъ иностранныхъ не знаетъ, что Шанё ни сколько не понимаетъ важности этого мѣста и не дорожитъ имъ, что Сюблервиль съ презрѣніемъ отзывается о службѣ вообще и объ начальствѣ въ особенности, говоря что для него даръ поэзіи выше всего на свѣтѣ и что, наконецъ, Латушъ—весьма и весьма неблагонадеженъ по образу мыслей, потому-что онъ, какъ альзасецъ, даже по-французски не совсѣмъ чисто объясняется. Шанё, являсь въ свою очередь, говорилъ, что Жервилье большой хавжа, что онъ изъясняется все свысока, а дѣла совсѣмъ не знаетъ, что когда онъ говоритъ по-французски, то такъ и хочется попросить, чтобы онъ не томилъ, а по-англійски рассказывалъ, а когда по-англійски что-нибудь объяснять начнетъ, то просишь опять, чтобы къ французскому обратился, авось понятнѣе будетъ. Самъ Сюблервиль, не смотря на его увѣренія, что онъ мѣста этого не возьметъ и никого объ немъ просить не будетъ, явился съ покорнѣйшею просьбою къ его превосходительству объ опредѣленіи его на ваканцію, повторяя о своихъ товарищахъ почти тоже, что и другіе объ нихъ говорили и давая знать тонкимъ образомъ, что онъ, кромѣ департаментскаго дѣла, въ благодарность прославить его превосходительство въ литературѣ. Одинъ Латушъ, являсь точно также и съ тою же самою просьбою, не выставлялъ на видъ ни какихъ своихъ заслугъ, а твердилъ только, что хотя онъ и не стѣнть этой великой милости, но если его превосходительство осчастливитъ его мѣстомъ, то онъ по гробъ будетъ считать его превосходительство своимъ благодѣтелемъ и исполнять безпрекословно и неукоснительно его желанія. Директоръ былъ человекъ добрый: онъ бы съ удовольствіемъ помѣстилъ, если бы могъ, всѣхъ этихъ просителей на вакантное мѣсто, но его именно и поставило въ тупикъ то, что, не считая множества лицъ, не имѣвшихъ ни какого права на это мѣсто, явилось пять кандидатовъ, одинаково достойныхъ занять его. Со времени открытія вакансии, бѣдный директоръ рѣшительно не звалъ ни минуты покою. Его тормозили со всѣхъ сторонъ и сами чиновники, и начальники разныхъ вѣдомствъ, и знакомые, и даже постороннія лица. Въ особенности вывели его изъ терпѣнія рекомендательныя письма. Кандидаты, зная что безъ протекціи нельзя сдѣлать ни шагу, натаскали множество писемъ отъ разныхъ лицъ, изъ которыхъ многіе рекомендовали этихъ чиновниковъ, никогда и въ

глаза ихъ не выдавши. Одинъ поднялъ на ноги сановниковъ, занимающихъ важныя должности, другой выставилъ впередъ фалангу двоюродныхъ братьевъ или, по-крайней-мѣрѣ, старыхъ пріятелей директора, свидѣтелей его прежней молодости; были наконецъ и такіе, которые ходатайство за себя ввѣрили прекрасному полу, самому соблазнительному изъ всѣхъ ходатаевъ. Какъ нарочно, самыя просьбы эти и лица, писавшія ихъ, были равно уважительны, такъ-что не было ни какого основанія отказать одному и уважить просьбу другаго; да и отказывать было какъ-то *неловко*. Его превосходительству однакоже чрезвычайно какъ не понравилось то, что кандидаты, какъ будто на перерывъ старались чернить другъ друга въ глазахъ-начальства, если и не прямымъ, то во всякомъ случаѣ очень яснымъ образомъ. Тѣмъ болѣе было это досадно директору, что недостатки его подчиненныхъ, рассказанные ему каждымъ изъ кандидатовъ о соискателяхъ, были совершенно справедливы и развѣ мѣстами неможко преувеличены и что онъ, какъ нарочно, ничего не зналъ объ этихъ недостаткахъ, до того времени, когда все вдругъ такъ неожиданно открылось. Однимъ словомъ, его превосходительство былъ самъ чрезвычайно какъ недоволенъ тѣмъ, что по вѣдомству его оказалась эта несносная *ваканція*.

Въ Воскресенье вечеромъ, директоръ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ раздумьи, все еще не рѣшившись на выборъ чиновника для занятія ваканціи, хотя поутру на другой день надобно было ему объявить свое рѣшеніе. Передъ нимъ лежали три рекомендательныя письма о Шанѣ, Жервилье и Сюблервилѣ.

— Это однакоже ужасно, думалъ начальникъ, не знаешь, право, кому отказать, кого выбрать. За одного просить министръ, за другаго бригадный генералъ (*général de division*), за третьяго архіепископъ. Чтò тутъ будешь дѣлать!

Въ это время лакей подалъ ему письмо. Директоръ распечаталъ его и вскричалъ:

— Этого еще не доставало! Графиня Клервиль проситъ за Латуша. Отъ этой женщины не отдѣлаешься. Я получаю ужъ пятое письмо о Латушѣ и все отъ женщинъ. Странный случай! Все-таки я не знаю однако: кого мнѣ назначить.

И его превосходительство задумался не на шутку. Долго, съ особенной важною, курилъ онъ трубку и слѣдилъ за струй-

ками дыма тѣмъ неопредѣленнымъ, глубоко - значительнымъ взглядомъ, который, устремляясь на чиновниковъ, нерѣдко заставляя путаться въ словахъ самаго расторопнаго изъ нихъ. Но проходили секунды и минуты, прошло четверть часа, прошло полчаса, а его превосходительство еще ничего не придумалъ.

Отбросивъ трубку довольно рѣзкимъ движеніемъ, директоръ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, бормоча что-то весьма сердито. Въ комнату вбѣжали двое дѣтей его, мальчикъ лѣтъ семи и дѣвочка лѣтъ пяти.

— Прощай, папа, мы спать ложимся! закричали дѣти, карабкаясь на отца.

Отецъ сѣлъ на кресла, посадилъ дѣтей на колѣна и началъ ихъ спрашивать о томъ, что они дѣлали цѣлый день.

— Я училъ спряженія, папа, отвѣчалъ мальчикъ, а вотъ Мари ничего не дѣлала. Отчего ты, папа, не заставишь мнѣ Анну учить Мари?

— Вотъ еще! отвѣчала съ важностью Мари, дѣвочки ничему не учатся. Это только мальчикамъ нужны спряженія.

Директоръ невольно улыбнулся и началъ приглаживать волосы своего сына; дѣвочка въ это время схватила со стола атласную бумажку синеватаго цвѣта и начала ее комкать безо всякой къ тому надобности, потомъ понесла къ себѣ въ ротъ. Когда отецъ замѣтилъ это и отнялъ у нее бумажку, она уже была совершенно испорчена. Все, что попадетъ въ руки дѣтямъ, исчезаетъ съ удивительной быстротою.

— Что это ты, Мари! какъ это можно! сколько разъ я говорилъ тебѣ, чтобъ ты ничего не смѣла трогать съ моего стола! Какая дурная привычка!.. Вотъ ты и теперь разорвала письмо твоей крестной маменьки. Она меня тутъ еще о чемъ-то просила, кромѣ этого Латуша, ну что я буду теперь отвѣчать ей? продолжалъ директоръ, разсуждая самъ съ собою.

— Отъ крестной маменьки, кричала дѣвочка, хлопая рученками, ахъ, какъ это хорошо! она такая добрая! всегда гостинцевъ съ собою привозитъ. Ну, чтожъ ты думаешь папа, коли она о чемъ тебя просила, отвѣчай ей—да! и все тутъ.

Его превосходительство какъ-то странно поглядѣлъ на ребенка и чело его, говоря высокимъ слогомъ, засіяло удовольствіемъ. Онъ нѣжно поцѣловалъ своихъ дѣтей, отпустилъ ихъ и по уходѣ ихъ началъ разсуждать самъ съ собою.

«Маря сказала мнѣ, чтобы я отвѣчалъ—да графинѣ. Кто знаетъ, можетъ-быть судьба устами этого младенца приказываетъ мнѣ дать мѣсто Латушу. Отчего же и не дать ему? Онъ точно также достоинъ его, какъ и другіе. Въ самомъ дѣлѣ! вѣдь надобно же мнѣ рѣшиться. Положимся на выборъ судьбы. Латушъ чиновникъ хорошій. Одно только дурно, что онъ досталъ себѣ столько рекомендательныхъ писемъ и все отъ женщинъ... хорошо еще что отъ старыхъ, прибавилъ его превосходительство, улыбаясь и взявши перо, чтобы отвѣчать графинѣ Клервилъ, что онъ отдаетъ вакантное мѣсто—Латушу.

Директоръ, какъ мы уже сказали, былъ хорошии челоѣкъ, немножко мистикъ, и Латушъ не смотря на многочисленныя женскія рекомендаціи, можетъ-быть, никогда бы не получилъ мѣста и именно по этой же самой причинѣ не получилъ бы его, еслибы ребенку не вздумалось сказать этого страннаго *да!*

Въ ту минуту, когда рѣшалась судьба Латуша и его соперниковъ, когда ваканція готова была окончательно замѣститься, въ комнату вошла высокая, блѣдная, съ нѣскольکو-рыжеватыми локонами, но очень не дурная собою, гувернантка дѣтей директора, миссъ Анна, англичанка чистой британской крови изъ самаго кореннаго *шейра* веселой Англїи.

— Кто тамъ? спросилъ директоръ, не сводя глазъ съ письма.

— Это я, отвѣчала миссъ Анна, довольно несмѣло, какъ водится, на дурномъ французскомъ языкѣ, простите, что я мѣшаю вамъ, но я пришла просить васъ... у меня къ вамъ есть очень важная просьба.

Директоръ положилъ перо и очень ласково отвѣчалъ гувернанткѣ:

— Вы знаете, что я ни въ чемъ не могу отказать вамъ, миссъ Анна, и если просьба эта не касается моихъ служебныхъ обязанностей, вы заранѣе можете быть увѣрены, что она будетъ исполнена.

— Вы очень добры, но я именно потому и боюсь просить васъ, что просьба моя относится до вашихъ служебныхъ дѣлъ. У васъ есть какая-то ваканція... не можете ли вы дать ее вашему чиновнику Латушу... Онъ очень милый молодой челоѣкъ.

При послѣднихъ словахъ миссъ Анны: *c'est un jeune homme charmant*, брови его превосходительства нахмурились; онъ слегка поблѣднѣлъ, закусивъ губы и сталъ смотрѣть на гувер-

нантку съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ, забывши, что она ждетъ отвѣта.

— Такъ вы согласны исполнить мою просьбу? спросила она наконецъ, видя неподвижность директора.

— Вы очень интересуетесь этимъ чиновникомъ? спросилъ онъ довольно рѣзко, послѣ продолжительнаго молчанія.

— *Mon Dieu, non!* отвѣчала Миссъ Анна. Я его видѣла раза два у моихъ знакомыхъ... Развѣ онъ не заслуживаетъ этой милости?

Директоръ еще пристальнѣе посмотрѣлъ на англичанку, до того, что она нашла приличнымъ потупить глаза. Въ то же время, онъ скомкалъ начатое имъ письмо, бросилъ его въ шифоньерку и отвѣчалъ съ легкою краскою.

— Нѣтъ, онъ не заслуживаетъ этого. Онъ слишкомъ много надѣется на протекцію и покровителей. Для меня это послѣднее дѣло. Я обращаю прежде всего вниманіе на заслуги. У меня въ департаментѣ есть люди, которые болѣе его достойны занять это мѣсто.

Довольно продолжительное молчаніе слѣдовало за этой фразой, сказанной скоро и съ отбѣнкомъ досады. Губернантка видимо обидѣлась отказомъ.

— *Ainsi vous me refusez, à moi?* сказала она едва слышно, съ особеннымъ удареніемъ на словѣ *à moi*.

— *Je dois le faire* отвѣчалъ директоръ съ особеннымъ удареніемъ на словѣ *dois*.

Миссъ Анна постояла еще съ минуту. Видно было, что она хотѣла сказать еще что-то, но британская гордость или какая-нибудь другая причина помѣшала ей сдѣлать это. Не взглянувши даже на директора, она молча вышла изъ кабинета.

По уходѣ ея, онъ также хотѣлъ сказать ей что-то вслѣдъ, можетъ-быть, воротить ее, но какое-то чувство не позволило ему сдѣлать этого; онъ опустился въ кресла бормоча.

— Просить меня объ этомъ Латушъ! Какая наглость. Этотъ Латушъ, кажется, рѣшился насильно занять ваканцію. Кого еще вздумаетъ онъ прислать ко мнѣ просить мѣста! Впрочемъ чтожь... Они знакомы, она сама сказала это... Но я не дамъ ему этого мѣста, я долженъ отказать ему. Онъ слишкомъ понадѣялся на свою протекцію!.. Я докажу ему!.. Я не хочу, чтобы про меня говорили, что у меня мѣстами распоряжается

моя гувернантка. Но кому же все-таки отдамъ я это проклятое мѣсто? Назначишь одного, обидятся всѣ, кто просилъ за другихъ... Эта ваканція для меня сущее наказаніе!

И въ то время, когда директоръ, взволнованный всѣми предыдущими обстоятельствами, былъ замѣтно разстроенъ, когда Латушъ, навсегда терялъ мѣсто изъ желанія добыть его себѣ навѣрное, къ его превосходительству потянулся вдругъ неизвестно откуда взявшійся пакетъ съ красной печатью.

Директоръ вышелъ рѣшительно изъ себя.

«Что это? Насмѣшка что ли? вскричалъ онъ, вскакивая съ кресель и устремивъ сверкающіе взоры на чиновника съ непоколебительно-длиннымъ носомъ, прозваннаго *Ницейкою* и подававшаго ему пакетъ. Опять рекомендательное письмо! Да скоро ли это кончится! Долго ли вы намѣрены продолжать эту комедію? Что, и вы тоже проситесь на ваканцію? Вы рѣшились вывести меня изъ терпѣнія вашими просьбами? Доведете вы меня до того, господа, что я попрошу васъ искать ваканцій въ другомъ вѣдомствѣ!.. Ну, что, вы? что вамъ нужно? отъ кого это письмо?»

Чиновникъ съ длиннымъ носомъ былъ вообще характера очень робкаго и даже въ обыкновенное время не всегда отвѣчалъ категорически, тѣмъ болѣе теперь неожиданный и ничѣмъ необъяснимый гнѣвъ его превосходительства, перепугалъ его до того, что онъ не могъ отвѣчать ни слова. Изъ всего, что ему наговорилъ директоръ, онъ понялъ только то, что его хотятъ перевести въ другое вѣдомство и потому немудрено, что совершенно растерялся и смотрѣлъ на его превосходительство такими посоловѣлыми глазами, что тому наконецъ стало жаль чиновника. Нѣсколько поуспокоившись и видя, что отъ него не добьешься теперь ни одного путнаго слова, директоръ взялъ изъ рукъ его пакетъ и прочелъ.

Это было какая-то форменная бумага, нисколько не похожая на рекомендацію.

— А! такъ это не рекомендательное письмо, сказалъ его превосходительство, принявъ уже совершенно спокойный, свой-

ственный его званію видѣ. Такъ зачѣмъ же вы мнѣ привесли эту бумагу?

— Я, ваше превосходительство, дежурный... на конвертѣ написано было: *très pressé*; поэтому я, ваше превосходительство почелъ нужнымъ, счелъ долгомъ... бормоталъ оторопѣвшій чиновникъ, все еще не въ силахъ будучи придти въ себя.

Директоръ понялъ въ чемъ дѣло. «А, вы дежурный, проговорилъ онъ съ разстановкою... А я было думалъ, что вы тоже проситесь у меня на ваканцію... Скажите кстати, отчего же это вы не просите у меня мѣста, когда всѣ ваши товарищи по службѣ только съ этимъ и докучаютъ мнѣ цѣлую недѣлю? прибавилъ директоръ, совершенно уже развеселившійся и весьма ласковымъ тономъ.

— Я, ваше превосходительство, не смѣлъ и думать... Въ департаментѣ смѣялись надъ этимъ, говорили, что я тоже прошу мѣсто, но я, ей Богу, не думалъ!.. Не считаю себя достойнымъ.

— Отчего же? вѣдь вы тоже можете занять это мѣсто?

— Могу-то могу, ваше превосходительство, только я ни сколько не думалъ... Протекціи у меня нѣтъ никакой.

— Я не нуждаюсь ни въ какой протекціи, съ важностью замѣтилъ его превосходительство. Мнѣ самому очень хорошо извѣстны заслуги и достоинства моихъ чиновниковъ и я могу принять ихъ въ соображеніе при наградахъ и повышеніи... Вы, кажется, старше всѣхъ по службѣ въ департаментѣ?

— Нѣтъ-съ! мосе Симонъ вступилъ годомъ раньше, смѣло отвѣчалъ главный чиновникъ.

— Ну, а что вы скажете о немъ; такъ, по вашему мнѣнію, можетъ онъ занять это мѣсто, продолжалъ спрашивать директоръ, сдѣлавшійся какъ-то необыкновенно милостивъ къ чиновнику.

— Можетъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ тотъ утвердительно.

— Ну, а другіе ваши товарищи по службѣ, Жервилье, Шане, Сюблервиль, что вы объ нихъ скажете? Достойны ли они занять ваканцію?

— Очень достойны, ваше превосходительство. Все они люди хорошие, прекрасные чиновники!...

Директору, видимо, чрезвычайно поправилась такая добросовѣстность со стороны чиновника, тѣмъ болѣе, что тѣ, о комъ онъ отзывался съ похвалою, не упустили бы случая сказать о немъ весьма неестное мнѣніе, если бы ихъ спросили объ этомъ. Разговаривая съ Ищейкою, его превосходительство припомнилъ, что чиновникъ этотъ всегда отличался необыкновеннымъ усердіемъ къ службѣ и старательностью... Новая мысль блеснула въ головѣ начальника: отказать всеѣмъ кандидатамъ, которые рѣшительно не стоили вниманія начальства и дать мѣсто тому, кто всеѣмъ не просилъ его и не смѣлъ даже думать объ этомъ. «Тѣ, которые просили меня за кандидатовъ, узнавши, что я отказалъ всеѣмъ и выбралъ самаго стараго чиновника, о которомъ ни кто не ходатайствовалъ, не могутъ обидѣться. Я сдѣлаю этимъ доброе дѣло, накажу прощекы и награжу истинную заслугу».

И въ то время, какъ своеправная судьба, поколебавшись нѣсколько времени надъ Латушемъ, обращалась къ Ищейкѣ, онъ стоялъ скромно и почтительно, повидимому, нѣсколько не воображая даже, какое счастье ожидаетъ его и удивляясь внутренно, отчего это его превосходительство были сначала такъ сердиты, а потомъ сдѣлались вдругъ такъ ласковы.

— Ну, а что бы вы сдѣлали, если бы получили это мѣсто? спросилъ директоръ послѣ нѣкотораго молчанія.

Чиновникъ, усмѣхнувшись при этомъ предположеніи, отвѣчалъ однако же съ глубокимъ вздохомъ:

— Женился бы, ваше превосходительство!

— Женились-бы? спросилъ директоръ.

— Точно такъ-съ! Женился бы!... На теперешнемъ мѣстѣ моемъ нельзя, жалованья мало, а на новомъ можно бы!...

Это наивное желаніе очень поправилось директору. Онъ продолжалъ, смѣясь:

— А у васъ есть развѣ кто-нибудь на примѣтѣ?

— Есть, ваше превосходительство!... Ужъ девятый годъ!

— О! какое постоязство? но чтожъ вамъ мѣшало до сихъ-поръ жениться?

— Недостаточное состояніе, ваше превосходительство; у нея тоже ничего нѣтъ, а я получаю двѣ-тысячи-двѣсти-пятьдесятъ франковъ жалованья, да на эти деньги нужно еще мать, да трехъ сестеръ, да стараго дѣдушку содержать, такъ оно и не приходится явиться; модистку, правда, давно предлагали мнѣ и пятьдесятъ тысячъ приданого, да на модисткѣ жениться не хочется. За что же дѣвушку обижать, которая знаетъ, что мнѣ она правится. Виповата ли она, что у ней ничего нѣтъ. Подождемъ, — авось судьба пошлетъ другое мѣсто и побольше жалованья. А нѣтъ, такъ по-крайней-мѣрѣ, съ спокойной совѣстью умрешь, что ни чьего несчастья не сдѣлалъ.

Эта фраза, высказанная прямо, отъ простоты души, безъ всякаго желанія разжалобить директора, совсѣмъ тѣмъ чрезвычайно его тронула. Онъ всталъ съ своего мѣста и взялъ за руку удивленнаго чиновника.

— Скажите вашей невѣстѣ, чтобы она шила приданое. Я выхлопочу вамъ на свадьбу награжденіе за вашу усердную службу и даю вамъ вакантное мѣсто.

Если бы громъ разразился передъ самымъ носомъ чиновника, онъ, кажется, менѣе былъ бы удивленъ этимъ, чѣмъ словами директора. Такое неожиданное счастье отняло у него языкъ; онъ стоялъ неподвижно, согнувши колѣна, смотря на директора такъ странно, что его превосходительство не могъ не улыбнуться:

— Что же васъ такъ поразило? Развѣ вы находите себя не способнымъ исполнять эту должность?... Вы будете получать слишкомъ четыре тысячи франковъ. При наградѣ я васъ не забуду. Съ полученіемъ мѣста вы получите квартиру, гдѣ будетъ мѣсто и вашей матушкѣ, и сестрамъ, и женѣ. Надѣюсь, что этимъ можно быть довольнымъ?

Бѣдный чиновникъ совершенно растерялся. Дрожащимъ голосомъ онъ твердилъ только:

— Ваше превосходительство! ваше превосходительство!

Въ голосѣ его было столько чувства, что директоръ боялся самъ растрогать его и сказалъ:

— Ступайте теперь съ Богомъ, ужъ поздно; завтра я объявлю о вашемъ назначеніи. Очень радъ, что могъ сдѣлать вамъ пріятное. Да не забудьте пригласить меня на вашу свадьбу.

И пожавъ еще разъ руку чиновника, директоръ пошелъ къ дверямъ спальни.

Столько ласки и милости переполнили душу бѣднаго чиновника; въ особенности тронуло его то, что его превосходительство самъ назывался къ нему на свадьбу. Онъ не выдержалъ, слезы брызнули изъ глазъ его, но словъ онъ не могъ найти, и въ то время, когда директоръ выходилъ изъ комнаты, онъ могъ вскричать только:

— Ваше превосходительство!

Его превосходительство, сдѣлавъ рукою ласковый знакъ чиновнику, скрылся за дверью.

Долго еще стоялъ чиновникъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, приводя въ порядокъ свои растерянные мысли, потомъ вдругъ вздрогнулъ, разсмѣялся какимъ-то страннымъ смѣхомъ и чуть не бѣгомъ пустился изъ кабинета въ свой тѣсный уголокъ.

Такимъ образомъ получилъ вакантное мѣсто тотъ, кого департаментъ называлъ Ищейкою. Выборъ директора, объявленный поутру, поразилъ всѣхъ, но никто не могъ однако же сказать, чтобъ начальство поступило въ этомъ случаѣ несправедливо. Не кандидаты, напротивъ, хвалили даже предусмотрительность директора, избравшаго вполне достойнаго чиновника на открывшуюся ваканцію. Название Ищейки, разумѣется, въ тотъ же день исчезло, какъ будто его вовсе и не было. Эсъ-кандидаты на другой же день сдѣлались друзьями новаго товарища. Изъ нихъ одинъ только Латушъ не могъ долго забыть своей неудачи...

Такъ какъ на свѣтѣ нѣтъ тайны, которая бы не могла со временемъ открыться, то въ департаментѣ узнали вскорѣ о спенахъ, происходившихъ въ кабинетѣ его превосходительства, въ воскресенье вечеромъ. Всѣ единогласно хвалили директора,

который, чтобы сохранить справедливость, отказалъ въ просьбѣ столькимъ дамамъ и даже гувернаткѣ. Были однако же люди, увѣрявшіе, что Ищейка — хитрая штука, что онъ очень хорошо зналъ ходъ всѣхъ искательствъ ваканцій и, выждавъ удобную минуту, явился къ его превосходительству съ составленною имъ заранѣе исторіею, надѣясь разжалобить его и тронуть своимъ благородствомъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Это доказывали тѣмъ, что Ищейка женился совсѣмъ не на бѣдной дѣвушкѣ, а на воспитанницѣ какого-то довольно — значительнаго лица, привнесшей ему порядочное приданое. Были даже такіе злоязычные люди, которые увѣряли, что у новопожалованнаго сынокъ, котораго крестило тоже самое значительное лице, что-то ужъ очень поторопился взглянуть на Божій свѣтъ, но такъ-какъ на свѣтъ вѣтъ ни одного поступка, въ которомъ люди не отыскали бы чего-нибудь дурнаго, то мы упоминаемъ не иначе, какъ съ негодованіемъ, объ этихъ совершенно неправдоподобныхъ слухахъ.....

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1855 ГОДУ.

Послѣдніе семь лѣтъ русской литературы.—Значеніе прошлаго года въ исторіи литературы.—Новое изданіе сочиненій Пушкина.—Критическія статьи въ журналахъ по поводу этого изданія.—Второй томъ *Мертвыхъ Душъ* и второе изданіе сочиненій Гоголя.—Критики и поклонники Гоголя.—*Авторская Исповѣдь* и письма Гоголя.—Изданія Смирдина.—Русская поэзія въ послѣднее время.—*Стихотворенія Полонскаго*.—Новый поэтъ и пародіи.—Некрасовъ, Тургеневъ, Щербина, Феть, Огаревъ и Аксаковъ.—Стихи гг. Хомякова, Мея, Тютчева Бенедиктова, Григорьева, Мина.—Отдѣльныя сочиненія въ стихахъ.—Дѣятельность русскихъ журналовъ.—Отечественныя Записки.—Повѣсти гг. Писемскаго, Григоровича, Потѣхина, Данковского, Тургенева, Авдѣева и Ольги Н. *Фразы*, повѣсть г. Крестовскаго.—*Вокругъ да около*, г-жи Марченко.—Серьезныя статьи Отечественныхъ Записокъ.—Современникъ и его годичная дѣятельность.—Библіотека для чтенія и географія.—Москвитянинъ и альманачная литература.—Столѣтній юбилей русской журналистики.—Спеціальныя журналы.—Отдѣльно вышедшія беллетрическія сочиненія.—Столѣтіе Московскаго университета.—Ученныя сочиненія, вышедшія въ прошломъ году.—Русская Библіографія.—Эстетическая теорія г. Чернышевскаго, изложенная въ его сочиненіи: *Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности*.

Въ послѣдніе шесть, семь лѣтъ литература русская представляла довольно странное зрѣлище. Журналы, слѣдившіе за ходомъ ея, отдававшіе отчетъ въ ея произведеніяхъ, дѣлали это какъ то неохотно, толковали объ ней апатически, коротко и неясно. Изъ періодическихъ изданій окончательно исчезли годичные отчеты ея дѣятельности; не упоминалось не только о ея направленіи, надеждахъ и стремленіяхъ, но даже статисти-

ческіе выводы были оставлены. Являлись замѣчательныя книги, о которыхъ не говорилъ ни одинъ критикъ. Одни ученые и спеціальныя изданія разбирались съ полюбающею важною и подробностью. Этому тяжелому, переходному состоянію, случавшемуся не разъ у всѣхъ народовъ, суждено было прекратиться въ прошломъ году. Дѣйствительно, давно не было въ нашей литературѣ такого дѣятельнаго, богатнаго, богатаго года. Въ то время, когда ничто не предвѣщало такого внезапнаго усиленія литературной дѣятельности, въ эпоху военныхъ невзгодъ, въ тяжелыя обстоятельства, Россія доказала, что она можетъ въ одно и тоже время бороться съ сильнымъ врагомъ и дѣлать быстрые успѣхи на пути просвѣщенія, что въ ея рукѣ мечъ война не враждуетъ съ перомъ писателя. И когда все кипѣло жизнью, страховало съ себя лѣнь и вялость, нашелся одинъ журналъ, который съ какимъ-то кислымъ, не совсѣмъ натуральнымъ сожалѣніемъ объявилъ совершенно кста-ти, что русская литература въ прошломъ году измелъчала. Съ извѣстной точки зрѣнія, журналъ этотъ былъ, впрочемъ, совершенно правъ. Объявивъ себя защитникомъ и поборникомъ, по счастію единственнымъ, теоріи г. Чернышевскаго, доказывавшаго, что всякое произведеніе литературы и искусствъ должно имѣть одну цѣль — утилитарность, пользу, — журналъ этотъ очевидно не могъ найти прямой пользы во многихъ прекрасныхъ явленіяхъ прошлаго года, не могъ расчитать, какой процентъ, какую выгоду дадутъ эти явленія.

Но оставимъ въ сторонѣ эти исключенія, къ которымъ мы еще будемъ принуждены возвратиться и начнемъ обзоръ замѣчательнѣйшихъ произведеній прошлогодней литературы съ ея лучшихъ, отраднѣйшихъ явленій. 1855 годъ былъ богатъ даже капитальными изданіями, дѣлающими эпоху въ исторіи литературы; онъ далъ намъ новыя изданія двухъ писателей, которыми гордится Россія: Пушкина и Гоголя. Прежде всего мы должны, конечно, порадоваться появленію этихъ изданій, потому что прежнее посмертное собраніе сочиненій Пушкина было издано изъ-рукъ-вонъ небрежно, а Гоголь продавался по баснословной цѣнѣ. Новое изданіе г. Анненкова несравненно выше прежняго, но оно еще очень далеко отъ совершенства, и вмѣсто того, чтобы восторгаться передъ этимъ изданіемъ, давать въ честь его банкеты, писать дивирамбы, какъ это сдѣлали всѣ журналы наши, слѣдовало бы указать издателю на всѣ его

ошибки, на неуклюжесть формата, на дороговизну изданія, сказать, что такое множество опечатокъ не должно быть допущено въ изданіи любимаго поэта, что публика подписывалась на шесть томовъ *и болѣе* (какъ было сказано въ объявленіи, какъ будто издатель не могъ раньше рассчитать, сколько именно томовъ будетъ въ изданіи), но на шесть томовъ сочиненій Пушкина, ни какъ не рассчитывая получить въ этомъ числѣ томъ сочиненія г. Анненкова о Пушкинѣ; что если цѣна 2 р. 50 к. сер., за каждый томъ разгнѣваемаго некрасиваго шрифта дорога за стихи, драмы и повѣсти Пушкина, то *кольми паче* дорога она за разглагольствованія самаго г. Анненкова о Пушкинѣ, за этотъ безпорядочный сборъ матеріаловъ жизнеописанія поэта, составленный безъ связи и системы, написанный тяжелымъ неправильнымъ языкомъ, какимъ пишутся обыкновенно критика издателя въ Современникѣ, наполненный промахами и пропусками, сшитый на живую нитку, гдѣ есть, конечно, вѣскольکو драгоценныхъ жемчужинъ, но до которыхъ дорыться—подвигъ огромный, гдѣ, наконецъ,—верхъ нецеремонности,—г. Анненковъ разказываетъ записки Пушкина своими словами. Ничего подобнаго не сказали наши журналы издателью, безъ сомнѣнія, весьма усердному, но взявшему на себя трудъ не по силамъ. Одинъ только добросовѣстный и знающій дѣло библиографъ, г. Гаевскій, началъ было въ Отечественныхъ Запискахъ указывать на промахи и ошибки въ изданіи г. Анненкова, но остановился на первой статьѣ, къ общему сожалѣнію всѣхъ искреннихъ почитателей Пушкина, правды и г. Гаевского.

Читатели, конечно не потребуютъ, чтобы въ бѣгломъ очеркѣ прошлогодней литературы мы представили характеристику произведеній Пушкина. Оцѣнка этого великаго писателя требуетъ труда большаго, серьезнаго. Въ критикѣ Отечественныхъ Записокъ сороковыхъ годовъ представлень былъ разборъ главнѣйшихъ произведеній поэта, — и съ-тѣхъ-поръ современная критика не много можетъ прибавить къ этой вѣрной, дѣльной, умной и вполне симпатичной оцѣнкѣ. По поводу новаго изданія Современникъ попробовалъ было помѣстить *рядъ* статей о Пушкинѣ, но этотъ рядъ ограничился только рядомъ выписокъ изъ того же покойнаго критика и признаніемъ, что послѣ него нечего сказать о Пушкинѣ. Г. Дружининъ сказалъ о немъ вѣскольکو теплыхъ словъ въ Библіотекѣ для чтенія, но также

не высказалъ въ нихъ ничего новаго. О статьѣ г. Гаевского мы уже говорили. Этими тремя статьями ограничивается все, что сказала о Пушкинѣ русская литература въ прошломъ году.

Не многимъ больше было сказано и о Гоголѣ по поводу новаго изданія полного собранія его сочиненій, первой части Мертвыхъ Душъ и отрывковъ изъ второй, вмѣстѣ съ Авторскою исповѣдью. Отечественныя Записки замѣтили странныя поправки въ языкъ и слогъ противъ прежняго изданія и спрашивали, кто взялъ на себя трудъ поправлять Гоголя? Издатель его сочиненій умолчалъ объ этомъ, вѣроятно изъ скромности. Тотъ же журналъ напечаталъ критическую статью о Гоголѣ, принадлежащую г. Писемскому. Даровитый беллетристъ оказался не весьма тонкимъ критикомъ; въ довольно-тяжелыхъ фразахъ онъ сказалъ кое-что и новое и дѣльное, только дѣльное было не ново, а новое не дѣльно. Библіотека для чтенія сказала тоже нѣсколько громкихъ словъ о покойномъ юмористѣ, но изъ этихъ словъ не вышло ни какого дѣла. Современникъ началъ опять свой рядъ статей о Гоголевскомъ періодѣ литературы и сталъ приводить мнѣнія разныхъ писателей о Гоголѣ. Скажетъ ли о немъ что-нибудь самъ безымянный критикъ,—это мы узнаемъ, вѣроятно, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда критикъ перецитируетъ всѣхъ прежнихъ рецензентовъ Гоголя.

А между—тѣмъ объ этомъ писателѣ еще можно сказать многое; объ немъ даже между его приверженцами ходитъ столько разногласныхъ мнѣній, что не мѣшало бы попробовать согласить ихъ. Одни поклоняются Гоголю безусловно, фанатически, другіе дѣлаютъ тоже, но до «Переписки съ друзьями» исключительно, одни оправдываютъ, другіе только извиняютъ эту Переписку; одни считаютъ страшнымъ преступленіемъ, *lèse—Gogol*, малѣйшее сомнѣніе, напримѣръ въ томъ, что иную фразу писателя можно было бы сказать и попроще и поправильнѣе, другіе осмѣливаются утверждать прямо, что Гоголь плохо зналъ русскій языкъ и что многіе характеры, особенно добродѣтельныхъ лицъ въ его рассказахъ, выходятъ весьма неестественны. Всѣ подобныя разногласія въ мнѣніяхъ критики наши обходятъ весьма старательно и разбираютъ Гоголя весьма односторонно, восхищаясь тѣмъ, что дѣйствительно заслуживаетъ восхищенія, но проходя молчаніемъ все остальное.

Отсутствіе твердыхъ убѣжденій, вѣра въ непогрѣшимость авторитетовъ, сужденіе съ чужаго голоса и боязнь высказать свое искреннее мнѣніе—составляютъ отличительныя черты нашей критики. Такъ, вынужденная сказать хоть нѣсколько словъ о новыхъ главахъ изъ Мертвыхъ Душъ, она едва рѣшилась сознаться, что огромное дарованіе Гоголя, ясно выразившееся и въ этихъ главахъ, въ превосходно очерченныхъ характерахъ Тентетикова, Бетрищева, Кошкарова, Пѣтуха, юрисконсульта—въ то же время приняло какое-то странное направленіе въ неземной Улицкѣ, резонерѣ Костанжогло, риторическомъ Муравовѣ и вообще въ послѣднихъ отрывкахъ поэмы. Многіе недостатки этой второй части критика извиняла неоконченностью главъ, доставшихся намъ въ черновомъ спискѣ, и выражала мысль, что она, вѣроятно, была бы исправлена авторомъ, если бы онъ самъ готовилъ ихъ къ печати. Нѣтъ, скажемъ мы просто и прямо: недостатки эти не уничтожились бы, но вышли бы рѣзче, если бы Гоголь обдѣлалъ самъ эти отрывки; лица, неудавшіеся ему въ чернѣ, вышли бы еще неудачнѣе въ полномъ романѣ, и потому именно, что авторъ не только не видѣлъ своихъ недостатковъ, но считалъ ихъ достоинствами. Нѣтъ, повторимъ мы: не дался Гоголю ни добродѣтельный человекъ, ни русская женщина, ни благородные характеры. Его удѣлъ былъ представлять намъ образцы пороковъ и слабостей, а не образцы высокихъ дѣлъ и чувствъ, осмѣивать нравственное безобразіе, а не рисовать идеаль прекраснаго. Гоголь былъ великъ, какъ сатирикъ, какъ юмористъ и всю жизнь свою добивался изъ всѣхъ силъ сдѣлаться моралистомъ, проповѣдникомъ. Онъ не понималъ самъ своего назначенія и вмѣсто того, чтобы сдергивать съ холудей пороки и обличать ихъ своимъ карающимъ юморомъ, самъ становился на холуды, чтобы съ нихъ поучать ближнихъ и надѣлать ихъ сновторными сентенціями. Съ непомѣрнымъ, раздраженнымъ самолюбіемъ, съ большимъ воображеніемъ, съ организмомъ, разстроеннымъ тѣлесными и душевными потрясеніями, съ натурою мизантропа и еще болѣе—мизогина, Гоголь умеръ для литературы съ-тѣхъ-поръ, какъ отрекся отъ своихъ прежнихъ произведеній, отъ того, что мы такъ любили, чѣмъ мы такъ гордились. Тѣмъ, которые ждали, что во второй части Мертвыхъ Душъ онъ окрѣпнетъ духомъ и талантомъ, явится прежнимъ Гоголемъ, мы напомнимъ слѣдующія строки изъ его

«Авторской исповѣди». «Въ книгѣ моихъ писемъ я все-таки стою на высшей точкѣ, нежели въ уничтоженныхъ Мертвыхъ Душахъ.» Ясно, что если бы онъ и не уничтожилъ ихъ, то постарался бы привести къ своему идеалу, къ этимъ несчастнымъ Письмамъ, уважившимъ какъ громъ на русскую литературу въ 1847 году. Мы увѣрены даже, что дошедшіе до насъ черновые отрывки второй части Мертвыхъ Душъ написаны Гоголемъ до изданія въ свѣтъ его «Переписки.»

Кстати объ «Авторской исповѣди». Разбирая вторую часть Мертвыхъ Душъ, ни одинъ критикъ не сказалъ ни слова объ этой «Исповѣди», присоединенной къ поэмѣ. Вѣроятно, иль удерживала таже похвальная привычка — обходить молчаніемъ то, о чемъ затруднительно говорить. Похвалить — совѣстно, а нельзя же сказать, что Гоголь написалъ слабую вещь. Не слѣдуя общему правилу, скажемъ, хотя бы для того, чтобы въ литературѣ осталось нѣсколько словъ объ «Авторской Исповѣди», что это самое пустое, неловкое, нечтіянное изъ всѣхъ произведеній Гоголя. Это больше ничего, какъ панегирикъ его «Письмамъ», антикритика на отзывъ рецензентовъ объ этой книгѣ, написанная языкомъ тяжелымъ, составленная сбивчиво, не ясно. Гоголь противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу. То принимая смиренный тонъ, онъ говоритъ: «Издавая эту книгу (Переписку съ друзьями) подлѣ вліяніемъ страха смерти своей, я нечувствительно перешелъ въ тонъ мнѣ не свойственный и ужъ вовсе «не приличный еще живущему человѣку... Это обратилось въ «неумѣстную проповѣдь, въ какія-то мистическія непонятныя «мѣста... Моя собственная темнота и неумѣнье выразиться....» То говоритъ онъ, что эта темнота выраженія сбиваетъ только читателя, «но если бы я поленѣе выражалъ ту же самую мысль, «со мною бы многіе перестали спорить... Для того, чтобы «сколько-нибудь почувствовать эту книгу, нужно имѣть или «очень простую и добрую душу, или быть слишкомъ многостороннимъ человѣкомъ, который при умѣ, обнимающемъ со всѣхъ «сторонъ, заключалъ бы высокій поэтическій талантъ и душу, «думьющую любить полною и глубокою любовью.» Другими словами: надо быть или дуракомъ, или гевіемъ. Немудрено, что люди, не принадлежащіе ни къ тому, ни къ другому разряду ровно ничего не поняли изъ *Переписки*.

Въ «Авторской Исповѣди» любопытны тѣ мѣста, гдѣ Гоголь говоритъ о самомъ себѣ. Сначала онъ говоритъ, что подлжизни

думалъ о томъ, какъ бы написать истинно-полезную книгу для простаго народа и объясняетъ свое желаніе слѣдующею прекрасною мыслью: «Прежде, чѣмъ просвѣщеніе самаго народа, «полезнѣй просвѣщеніе тѣхъ, которые имѣютъ ближайшія столкновенія съ народомъ, отъ которыхъ часто терпитъ народъ. Мнѣ казалось, наконецъ, гораздо болѣе требовавшимъ вниманія къ себѣ не сословіе земледѣльцевъ, но то мелкое сословіе, «нынѣ увеличивающееся, которое занимаетъ разныя мелкія мѣста и, не имѣя ни какой нравственности, не смотря на небольшую грамотность, вредитъ всѣмъ за тѣмъ, чтобы жить «на счетъ бѣдныхъ». Потомъ онъ говоритъ: «я не могу сказать утвердительно: точно ли поприще писателя есть мое поприще;» сознается, что сюжетъ Мертвыхъ Душъ и мысль Ревизора далъ ему Пушкинъ; далѣе три раза повторяетъ фразу: «мысль о службѣ никогда меня не покидала», прибавляя, что брать мѣсто надо не для своего счастья, а для счастья многихъ, которые будутъ несчастны, если благородный человѣкъ броситъ свое мѣсто и что всякій «кому дорога честь земли русской, долженъ спѣшить брать должность въ государствѣ съ такою же ревностью, какъ становился нѣкогда изъ насъ всякій въ ряды противъ непріятелей спасать родную землю, потому-что неправда велика и много опозорила». Дальнѣйшія признанія еще любопытнѣе. Гоголь говоритъ: «Я никогда, ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной «изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Я со- «здавалъ портретъ, но создавалъ его влѣдствіе соображенія, «а не воображенія». Это совершенно справедливо. Еще любопытнѣе его объясненіе, почему онъ за границей могъ лучше представлять себѣ Россію и писать объ ней. «Среди Россіи я «почти не видалъ Россіи, говоритъ онъ. Всѣ люди, съ которыми я встрѣчался, болѣею частью, любили поговорить о томъ, что дѣлается въ Европѣ, а не въ Россіи. Я узнавалъ «только то, что дѣлается въ Англійскомъ клубѣ. Всѣ надѣяли «меня уже готовыми выводами, заключеніями, а не просто «фактами, которыхъ я искалъ,—движеніе, вообще доказывающее «большой шагъ общества впередъ... Провинціи наши меня еще «болѣе изумили: Тамъ даже имя Россія не раздается на устахъ «(такъ ли это)? Раздавалось, какъ мнѣ показалось, на устахъ «только то, что было прочитано въ новѣйшихъ романахъ, не-

«реведенныхъ съ французскаго... Разъѣздами по государству «не много возьмешь, останутся въ головѣ только станціи, да «трактиры. Знакомства въ городахъ и деревняхъ тоже довольно «трудны для разъѣзжающаго не по казенной надобности; могутъ «принять за какого-нибудь шпіона и приобрѣтешь развѣ только «сюжетъ для комедіи, которой имя—безтолковщина». Во всѣхъ «этихъ и во многихъ другихъ фразахъ видѣнъ Гоголь съ его «желчнымъ юморомъ, иногда парадоксальнымъ, но всегда рѣз- «кимъ и картиннымъ. И между-тѣмъ изъ этихъ фразъ все-таки «не выведешь никакого заключенія, не создашь цѣлаго. Для тѣхъ, «которые видятъ въ Гоголѣ идеалъ, образецъ писателя, мы при- «ведемъ въ заключеніе нашего разбора слѣдующее опредѣленіе «истиннаго писателя, сдѣланнаго самимъ Гоголемъ: «Нужно, «чтобы въ созданіи такого писателя, говоритъ онъ, жизнь слѣ- «лала какой-нибудь шагъ впередъ и чтобы онъ, постигнувши «современность, вставши въ уровень съ вѣкомъ, умѣлъ обратно «воздаты ему за наученье себя — наученьемъ его». Какъ ни тя- «жела эта фраза, но опредѣленіе значенія писателя — все-таки «правильно, и намъ остается только спросить: постигнулъ ли «Гоголь современность, всталъ ли въ уровень съ вѣкомъ и на- «училъ ли его чему-нибудь своею *Перепискою съ друзьями и «Авторскою Исповѣдью?*

Еще непріятнѣе, еще тяжелѣе было видѣть разоблаченіе та- «кой личности, какъ Гоголь, въ изданномъ отдѣльно *Опытъ его «біографіи*, основанномъ на многихъ его письмахъ. Разумѣется, «что составитель этой біографіи, также какъ и лица, обнародо- «вавшія въ журналахъ нѣкоторыя изъ писемъ покойнаго юмо- «риста, думали объяснить этими письмами нѣкоторыя стороны «его характера, но неужели они не видѣли, не понимали, что «письма эти, не прибавляя ничего къ его литературной извѣст- «ности, выставляли личность Гоголя въ свѣтъ весьма не при- «влекательномъ, обнаруживая то, до чего литературѣ нѣтъ ни- «какого дѣла и что было бы гораздо лучше не знать литерато- «рамъ, уважавшимъ память покойнаго. Если самъ Гоголь сдѣ- «лалъ такой неудачный выборъ изъ своихъ писемъ, то могутъ «ли найти въ нихъ что-нибудь хорошее издатели ихъ, столько «повредившіе Гоголю неумѣтною публикаціею такихъ писемъ?

Кромѣ Пушкина и Гоголя вышли сочиненія Василія Пушкина «и Веневитинова, въ собраніи русскихъ писателей, изданія Смир- «дина. Писатели эти занимаютъ, конечно, второстепенное мѣсто,

но изъ этого не слѣдовало издавать ихъ такъ небрежно. Впрочемъ, эту участь раздѣляютъ съ ними и лучшіе авторы въ этомъ изданіи. Смирдинъ началъ сверхъ того издавать «Библіотеку для дачъ, желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ». Книжечки продаются по четвертаку, но дешевизна ихъ мнимая, точно также, какъ названіе неправильное, потому-что такую мелкую печать на желѣзныхъ дорогахъ читать нѣтъ никакой возможности. Въ этой «Библіотекѣ» помѣщается все, что помѣщалось въ прежнихъ изданіяхъ Смирдина: «Новосельѣ, Ста Литераторахъ, Русской Бесѣдѣ и проч., то-есть перепечатаются большею частью устарѣлыя, давно забытыя и никому не нужныя исторіи, въ родѣ «Бѣдной Лизы», произведеній какой-то Надежды В., г. Каменскаго и повѣстей въ родѣ «Обручальное Кольцо» и «Иванъ Костинъ».

Изъ отдѣльно-вышедшихъ литературныхъ произведеній прежде всего обратимъ вниманіе на стихотворенія и отмѣтимъ въ числѣ пріятныхъ явленій прошлаго года вновь вышедшій томъ «Стихотвореній Полонскаго», заключающій въ себѣ прежнія произвѣнія и много новыхъ этого даровитаго поэта. Судьба русской поэзіи, со смерти Лермонтова, ея послѣдняго народнаго представителя (принимая этотъ эпитетъ въ смыслѣ вліянія покойнаго поэта на всю читающую публику), — весьма замѣчательна, по тѣмъ разнороднымъ измѣненіямъ, которымъ подвергалась эта поэзія въ короткій періодъ времени. Когда замолкъ навсегда голосъ пѣвца, погибшаго тяжелою смертью въ полной силѣ таланта, возбужденнаго въ насъ столько тревожныхъ чувствъ, столько безпокойныхъ думъ, столько смутныхъ вопросовъ, на которые онъ не успѣлъ дать отвѣта, — публика долго читала и перечитывала только *Лермонтовскія* стихотворенія, причисляя къ нимъ и произведенія его подражателей. Но подражанія, какъ бываетъ всегда, усвоили себѣ, большею частью, только форму оригинала, воспѣвали тоже самое, въ томъ же тонѣ, только не такъ, какъ Лермонтовъ; въ нихъ недоставало главнаго — истины; подражатели переживали головою то, что Лермонтовъ переживалъ сердцемъ. Отъ этого неминуемо должно было произойти временное охлажденіе къ поэзіи и поэтамъ. Публика не требовала стиховъ, журналы не печатали ихъ, нѣкоторые даже начали подсмѣиваться надъ стихами вообще и надъ поэтами въ особенности, стали писать болѣе или менѣе о троумныя пародіи на каждое сколько-нибудь замѣча-

тельное стихотвореніе, — и въ то же время твердитъ о своей любви къ искусству, объ уваженіи къ поэзіи. Появленіе въ Москвѣ въ 1850 году «Стихотвореній Фета» и «Греческихъ стихотвореній Щербины» снова обратило на нѣкоторое время вниманіе критики на русскую поэзію, но въ то же время пародіи на эти стихотворенія явилось едва ли не больше, чѣмъ самихъ стихотвореній. Страсть къ пародіямъ до такой степени обуяла нѣкоторыхъ господъ, что они составили общество, въ которомъ всякаго рода и вида пародіи сочинялись въ складчину, соединенными силами, съ-обща, изготовлялись по мѣркѣ и по заказу. «Современникъ» отвелъ даже особый отдѣлъ для этихъ пародій, подъ названіемъ «Литературнаго Ералаша», соревнуя впрочемъ распространенію ихъ и въ другихъ отдѣлахъ, въ которыхъ не могло бы, казалось, ничего быть общаго съ пародіями. Все это нѣкоторое время возбуждало улыбку читателей, но вскорѣ же надоѣло, и «Литературный Ералашъ», возбуждавшій явное порицаніе публики и критики, долженъ былъ исчезнуть со страницъ журнала. И вдругъ, въ прошломъ году, пародіи, собранныя, приведенныя въ систему, сохраненныя для потомства, получили право гражданства не только въ журналистикѣ, но и въ исторіи русской литературы, появившись отдѣльною книжкою подъ названіемъ «Стихотворенія Новаго Поэта», съ предисловіемъ, примѣчаніями, глубокомысленнымъ разсужденіемъ о пользѣ и важности пародіи: de officiis et virtute parodiae. Новый поэтъ изданіемъ этой книжонки двояко повредилъ своей извѣстности, — если только у него была извѣстность: во-первыхъ, собравъ свои пародіи вмѣстѣ, онъ обнаружилъ этимъ всю бѣдность, все однообразіе своей музыки; во-вторыхъ, не найдя въ книжкѣ многихъ лучшихъ пародій, являвшихся въ журналѣ, публика увидѣла, что даже изъ пародій Новому поэту принадлежатъ только самыя плохія...

Русская поэзія не могла конечно испугаться этого вѣществія пародистовъ, этого неприличнаго смѣхотворства, этого литературнаго гаерства и пересмѣшничества; этого страннаго глумленія надъ предметами, заслуживавшими, если не уваженія, то участія, этого униженія «слова», съ которымъ Гоголь совѣтовалъ «обращаться честно». Русскіе поэты продолжали печатать свои стихотворенія въ томъ же самомъ номерѣ журнала, гдѣ помѣщалась пародія на то же самое стихотвореніе. Но отдѣльныя собранія стиховъ не появлялись до 1854 года, когда вышла

въ свѣтъ книжка «Стихотвореній Тютчева», въ которыхъ однакоже было гораздо болѣе слабыхъ, нежели дѣйствительно поэтическихъ произведеній. Потомъ г. Полонскій рѣшился также издать томъ своихъ стиховъ, и публика, принявшая съ участіемъ этотъ томъ и оставившая безъ вниманія сборникъ пародій, доказала самымъ убѣдительнымъ образомъ, что любовь къ поэзіи никогда не умирала въ читателяхъ и что ее не убьютъ никакія пародіи, никакія разсужденія о бесполезности стиховъ, о положительности вѣка, о томъ, что поэты уже исчерпали всѣ предметы пѣснопѣвній, что необходимо обратиться къ другимъ, болѣе важнымъ занятіямъ. Любовь къ поэзіи не убьютъ даже критики въ родѣ той, которая появилась въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, по поводу «Стихотвореній Полонскаго». Эта безжизненная, холодная критика, вовсе не сочувствующая поэзіи, недоброжелательная и недоброевѣстная, составила рѣзкій контрастъ съ мнѣніемъ объ этихъ стихотвореніяхъ, высказаннымъ во всѣхъ журналахъ. Конечно, для того, чтобы правильно судить о стихахъ, надо самому быть проникнутымъ поэтическимъ чувствомъ. Нельзя, напримѣръ, говорить о музыкѣ, не умѣя отличить вѣрной интонаціи отъ фальшивой.

Г. Полонскій принадлежитъ къ небольшому числу поэтовъ, которымъ въ настоящее время болѣе всего сочувствуетъ русская публика: къ плеядѣ этой, кромѣ его, принадлежатъ гг. Некрасовъ, Тургеневъ, Щербина, Фетъ, Огаревъ и Аксаковъ. Много другихъ почетныхъ и доровитыхъ поэтовъ занимаютъ вмѣстѣ съ ними вершины русскаго Парнаса: гг. Хомяковъ, Мей, Тютчевъ, Бенедиктовъ, Григорьевъ (Аполловъ), Минъ, Бергъ, Михайловъ, Дмитріевъ, Грековъ, Миллеръ, г-жи: Павлова, Хвоцинская, Росточина и др. Не говоримъ о тѣхъ, кто не исполнилъ возлагаемыхъ на него надеждъ, измѣнилъ своему призванію или пошелъ по другой дорогѣ къ другой цѣли, можетъ-быть очень выгодной, но вислолько не поэтической. У всѣхъ названныхъ нами поэтовъ есть много вполне прекрасныхъ произведеній, но первыя семь звѣздъ русскаго поэтическаго горизонта имѣютъ свой отдѣльный, отличительный характеръ, по которому можно легко опредѣлить ихъ особенности, значеніе ихъ стихотвореній, легко узнать, кому изъ этихъ поэтовъ принадлежитъ произведеніе, даже неподписанное ими. Предметы, воспѣваемые ими, могутъ быть болѣе или менѣе подведены подъ одну категорію. Лира ихъ, говоря высокимъ сло-

гомъ, настроена почти всегда на одинъ тонъ, которому отзываются въ сердцѣ читателя только одні извѣстныя струны. Кто изъ лицъ, близко знакомыхъ съ русскою поэзіею, не узнаетъ съ первыхъ строкъ стихотворенія г. Некрасова, проникнутаго тяжелою грустью, горькою думою; г. Тургенева (къ сожалѣнію, теперь почти совѣтъ переставшаго писать стихи), у котораго глубоко-задуманная мысль, сдержанная формами и условіями, положена въ основу сжатого стиха; г. Щербину, воспѣвающаго древнюю Эладу, пантеистическія явленія природы или поражающую меткимъ ямбомъ современныя нелибности; г. Фета, рисующаго въ такихъ неуловимыхъ, мягкихъ очеркахъ мимолетныя ощущенія, смутныя порывы души, не умѣющей иногда самой себѣ отдать отчетъ въ своихъ стремленіяхъ; г. Огарева—по преимуществу поэта драмъ и интимныхъ ощущеній; наконецъ г. Аксакова съ его горячей, хотя немножко односторонней любовью ко всему русскому, высказывающейся въ великолѣпныхъ картинахъ природы и горькомъ упрекѣ чело-вѣческимъ слабостямъ.

Многимъ, можетъ, пожалуй, показаться не ясною, не полною эта характеристика лучшихъ нашихъ поэтовъ. Пародисты могутъ даже найти въ нашихъ словахъ сходство съ тѣми блаженной-памяти риториками и курсами, въ которыхъ писатели наши обозначались приличными эпитетами: вдохновенный Державинъ, насмѣшливый Фонъ-Визинъ, чувствительный Карамзинъ, нѣжный Батюшковъ, мечтательный Жуковский и проч. и проч.,—но мы убѣждены, что насъ поймутъ лица, прочитавшія хоть нѣсколько стихотвореній каждаго изъ названныхъ нами поэтовъ и согласятся съ нами въ оцѣнкѣ впечатленія, производимаго каждымъ изъ нихъ на читателя. Смышно, конечно, и въ географіи встрѣчать слѣдующія опредѣленія городовъ: Лондонъ—меркантильный, Москва—патріархальный, Петербургъ—регулярный,—но это все-таки несколько не мѣшаетъ быть Лондону действительно меркантильнымъ, Москвѣ — патріархальнымъ, Петербургу—регулярнымъ городомъ.

Означить мѣсто г. Половскаго въ плеядѣ нашихъ поэтовъ нѣсколько труднѣе; отличительныя свойства его стиха не такъ легко уловляются. Особенность музы его состоитъ, по словамъ критика Отечественныхъ Записокъ, съ которыми мы вполне согласны, въ искренности, теплотѣ чувства, болѣе тихаго, нежели глубокаго, болѣе личнаго, нежели общечеловѣческаго;

«граціозность образовъ у него преобладаетъ надъ глубиною «ощущеній, музыка стиха надъ развитіемъ мысли, отдѣлка «частностей надъ твердостью основанія; поэтъ скорѣе тронетъ, «чѣмъ поразитъ или увлечетъ». Стихи г. Полонскаго знаютъ и любятъ по всей Россіи; вмѣстѣ съ г. Фетомъ, онъ извѣстенъ даже полуобразованнымъ сословіямъ; романсы его, и между прочимъ *Вызовъ* (За окномъ въ тѣни мелькаетъ русая головка), также популярны, какъ романсы Фета, и всѣмъ извѣстное: «На зарѣ ты ее не буди», которое поется даже въ Камчаткѣ. Въ этомъ родѣ произведеній, чисто лирическомъ, пѣсенномъ, г. Полонскій едва ли имѣетъ соперниковъ, не исключая и г. Фета, котораго образы въ подобныхъ пѣсняхъ выходятъ не такъ ясны и опредѣленны. Вспомнимъ, какъ доказательство, хоть тотъ же романсъ «На зарѣ ты ее не буди,» въ которомъ есть куплетъ, обыкновенно выбрасываемый при пѣніи, и гдѣ говорится объ *урчаніи и свистаніи* соловья—картинѣ очень темной и неграціозной. У г. Полонскаго нѣтъ подобныхъ недостатковъ. Его пѣсни, при всей ихъ простотѣ и граціи, не заключаютъ ни одной изысканной, вычурной картины.

Кромѣ тома своихъ стихотвореній, г. Полонскій въ прошломъ году напечаталъ еще нѣсколько мелкихъ пьесъ, въ разныхъ журналахъ. Изъ нихъ мы отмѣтимъ прекрасную картину «На Черномъ морѣ», разговоръ двухъ раненыхъ Французовъ послѣ севастопольскаго штурма. — Г. Некрасовъ помѣстилъ въ «Современникѣ» тринадцать стихотвореній, изъ которыхъ на каждомъ лежитъ печать его таланта, его грустной, непрощающей музы, его желчнаго, рѣзкаго стиха. Къ лучшимъ пьесамъ его принадлежатъ: «Свадьба», полный горькаго юмора рассказъ о вѣнчаніи одного разгульнаго подмастерья съ обманутой имъ дѣвушкой, и «Въ больницѣ» тяжелое, ювеналовское стихотвореніе, полное высокой, сатирической поэзіи. Избравъ предметъ, полный драматизма и эффекта, поэтъ рассказываетъ звучными, безискусственными стихами нѣсколько сценъ въ больницѣ: бѣднаго отца, нашелшаго своего сына уже въ мертвецкой, старого вора, встрѣтившаго въ свидѣлкѣ свою первую, истинную любовь... тяжелая и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательная картина. Конечно, писатели ненатуральной школы могутъ найти все это стихотвореніе грязнымъ, не эстетическимъ, могутъ вскипѣть риторическимъ негодованіемъ на то, что поэтъ находитъ вдохновеніе—въ больницѣ, но мы убѣждены, что этому стихотворе-

нiю будетъ сочувствовать всякiй, чье сердце отзывается голосу чловѣческихъ страданiй, конечно, ненормальныхъ и не общихъ, но тѣмъ не менѣе существующихъ въ чловѣчествѣ и, слѣдовательно, заслуживающихъ изученiя. Пусть вспоминаютъ эти чопорные аристархи, утверждающiе, что поэзiя должна воспѣвать только розовыхъ пастушковъ и илилическихъ барашковъ, эти дешевые филантропы, отворачивающiеся отъ язвъ и недостатковъ и требующiе, чтобъ къ нимъ протягивали за помощью руку не иначе, какъ въ перчаткахъ, пусть вспоминаютъ они хоть стихотворенiе Пушкина (о Гоголѣ и Лермонтовѣ мы уже не говоримъ, но Пушкина они называютъ, по смерти его, гениемъ, унижая его при жизни):

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной музой, и т. д.

пусть вспоминаютъ эти строгiе блюстители чистоты языка, что если искусство и должно иногда поэтизировать дѣйствительность, оставлять въ тѣни слишкомъ рѣзкiя краски ея, то у него есть въ тоже время цѣль еще выше и благороднѣе: сдѣлать поэзiю не праздною забавою вялыхъ, избѣженныхъ умовъ, не побрякушкой звучныхъ приемъ и фразъ, а строгой, подчасъ безпощадной обличительницею всѣхъ неправдъ и уродливостей, всѣхъ грустныхъ и горькихъ сторонъ чловѣчества, всего, что мы прячемъ въ тѣнь, прикрывая нашу чопорностью и сочиненными нами же законами свѣтскаго приличiя. Нѣтъ! истинный поэтъ не такъ понимаетъ свое назначенiе: въ самыхъ тяжелыхъ картинахъ онъ видитъ средство подѣйствовать на своихъ согражданъ, разшевелить заплывшiя чувства нѣкоторыхъ лицъ, потревожить ихъ совѣсть, убаюканную эгоизмомъ, успокоенную апатiею. Онъ старается, сколько возможно, облагородить эти картины, оправдать хоть нѣсколько эти бѣдныя жертвы страстей, несчастiй, несправедливостей, заблужденiй. Онъ смотритъ на дѣло свое, какъ на трудный подвигъ, за который не ждетъ ни лавровъ, ни цвѣтовъ. Онъ выводитъ въ больницѣ и писателя, мечтавшаго о храмѣ славы. Онъ говоритъ прямо и спокойно:

Братья—писатели! въ нашей судьбѣ

Что-то лежитъ роковое.

и прибавляетъ къ этому, что судьба для того, чтобы возвеличить одного, уничтожаетъ тысячи слабыхъ, что судьба про-

силь часто искупительныхъ жертвъ,—и это совершенно вѣрная мысль. Авторское поприще похоже въ этомъ случаѣ на военное; изъ борьбы съ жизнью и обстоятельствами вспылаваетъ наверхъ нѣсколько громкихъ именъ поэтовъ; многимъ изъ нихъ помочь возвыситься одинъ случай, другихъ, возведенныхъ на высокую степень ослабленными современниками, низводитъ съ пьедестала безпристрастное потомство, доказывая, что льстить современнымъ заблужденіямъ не значить еще служить искусству; есть и такіе писатели, которые, приобрѣтя извѣстность постоянными успѣхами, вдругъ теряютъ ее отъ одного недобросовѣстнаго произведенія, потому-что пойдутъ противъ общаго убѣжденія, начнутъ воспѣвать то, что достойно порицанія, или, наконецъ, задумавъ о себѣ слишкомъ—высоко, возбуждать противъ себя всѣхъ своею заносчивостью и начнутъ испытывать пораженіе за пораженіемъ. Но всего болѣе, на поприщѣ писателя, какъ на поприщѣ воина,—безыменныхъ жертвъ, погибшихъ раннею, безвѣстною смертію, въ цвѣтѣ силъ и надеждъ, не выдержавшихъ тяжелой борьбы, не достигшихъ извѣстности, не совершившихъ громкихъ подвиговъ, можетъ быть потому только, что не было случая, не было времени доказать свою силу, свое дарованіе.

Мы распространились о г. Некрасовѣ и его «Больницѣ», потому-что и стихотвореніе и авторъ его принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій прошлаго года. Гг. Тургеневъ, Огаревъ и Аксаковъ не напечатали ничего; все, что печаталъ г. Фетъ, было гораздо слабѣе его прежнихъ произведеній. Одинъ г. Щербина помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» превосходныя «Пѣсни природы», о которыхъ Пантеонъ отдалъ отчетъ въ прошломъ году.

Изъ поэтовъ, названныхъ нами вслѣдъ за плеядою, г. Хомяковъ молчалъ, какъ молчить уже давно, по-крайней-мѣрѣ въ печати, гдѣ давно не встрѣчался его звучный, меткій стихъ, проникнутый любовью къ родинѣ и ненавистью къ тому, кто ее унижаетъ. Дѣятельность г. Мей, напротивъ, заслуживаетъ полное сочувствіе: кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ стиховъ, на которые ему не слѣдовало бы тратить своего дарованія, онъ напечаталъ два прекрасныхъ этюда изъ древняго міра... «Цвѣты» и «Фриней», замѣчательную русскую пѣсню и нѣсколько вѣрныхъ поэтическихъ переводовъ изъ Анакреона.—Г. Тютчевъ, съ довольно неопредѣленнымъ поэтическимъ кругомъ пѣснопѣ-

ній, въ которомъ однако же преобладаетъ задушевность, тихое сочувствіе къ человѣчеству, спокойное созерцаніе красотъ природы, и г. Григорьевъ, поэтъ часто увлекающійся, еще чаще напыщенный, но знакомый съ истиннымъ чувствомъ и вдохновеніемъ, — также ничего не написали въ прошломъ году. Въ трехъ стихотвореніяхъ г. Бенедиктова «Къ памятнику Крылова» «Къ Петру Великому» и «Къ Россіи» повторились всѣ достоинства поэта, создавшаго особый, ему одному только свойственный, стихъ, который иначе нельзя назвать какъ *бенедиктовскимъ*, — и всѣ недостатки этого стиха. Г. Минъ вышелъ передъ публикою съ трудомъ, мѣстами не совершеннымъ, но во всякомъ случаѣ капитальнымъ и заслуживавшимъ подробнаго разбора, котораго мы не встрѣтили однако же ни въ одномъ журналѣ. Неужели критики наши, забавляясь на нѣсколькихъ страницахъ надъ грошовыми произведеніями московской литературы, не нашли нужнымъ сказать хоть нѣсколько словъ о такомъ трудѣ, какъ переводъ дантова «Ада?» Вирочемъ и то сказать: посмѣяться надъ романами московской фабрикаціи гораздо легче, чѣмъ отдать отчетъ, какъ г. Минъ перевелъ Данта.

Г-жи Павлова и Ростовчина не напечатали ничего особенно замѣчательнаго. Г. Никитинъ, поэтъ-мѣщанинъ помѣстилъ въ «Библіотекѣ для чтенія» нѣсколько хорошихъ стихотвореній, между которыми назовемъ «Разсказъ ямщика», замѣтивъ кстати, что журналъ этотъ былъ весьма богатъ хорошими стихотвореніями, хотя первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ «Современнику.» Что же касается до «Отечественныхъ Записокъ», мы должны сказать, что выборъ стихотвореній въ этомъ журналѣ отличается совершенною неразборчивостью и отсутствіемъ поэтического такта, что доказывается помѣщеніемъ чрезвычайно-слабыхъ произведеній разныхъ неизвѣстныхъ дамъ и кавалеровъ, наряду со стихами г. Щербины, или даже и извѣстныхъ лицъ, но помѣщающихъ почему-то въ этомъ журналѣ самыя слабыя изъ своихъ произведеній.

Не дурныя стихотворенія появились также въ закавказскомъ альманахѣ *Зурна* и принадлежатъ большею частью издателю его, г. Вердеревскому, поэту, владѣющему гибкимъ, звучнымъ стихомъ. Изъ отдѣльныхъ поэтическихъ произведеній вышли: *Стихотворенія г. Красницкаго*, довольно гладкія; *Басни Евлева*, между которыми попадаются и не дурныя; поэма г. *Уша-*

кова: *Антонъ Ивановичъ Пошехонинъ*, лучшія мѣста изъ которой были помѣщены въ Литературной Газетѣ 1848 года; *Книга Печалей*, стихотворенія, изданныя въ Москвѣ, лучшей рецензіею которымъ служить слѣдующее посланіе къ ея автору:

Да! призвавъ есть благія:
 И не даромъ, о поэтъ,
 Времена проживъ крутыя
 Свой несеть тебѣ Россія
 Благодарственный привѣтъ.
 Намъ враги заботу дали,
 Озабоченъ каждый былъ,
 Мы веселье забывали —
 Издавъ ты свои *Печали*
 И насъ всѣхъ развеселилъ.

Думы современной Россіи г-жи Ступиной, стихотворенія патристическія, но плохо написанныя. О современныхъ событіяхъ писали больше другихъ гг. Кравченко, Майковъ и Татаринъ.

Обратимся теперь къ беллетрическимъ произведеніямъ, помѣщеннымъ въ вашихъ журналахъ. Лучшая повѣсть въ «Отечественныхъ Запискахъ», безъ сомнѣнія, *Плотничья артель* г. Писемскаго, въ которой русскій мужикъ представленъ не съ идиллической, а съ истинной точки зрѣнія. Происшествіе, составляющее содержаніе повѣсти, просто, но вѣрно и драматично; недостатокъ въ ней тотъ, что авторъ слишкомъ-много говоритъ о себѣ; это и не нужно и не скромно. Начало романа г. Григоровича *Переселенцы* очень занимательно, хотя авторъ повторяется въ своихъ типахъ. *Чужое добро въ прокъ нейдетъ* — драма г. Потѣхина, не дурная картина изъ простонароднаго быта, въ которой однако же видно, что авторъ не знакомъ со сценою. Изъ двухъ повѣстей вновь появившагося писателя г. Данковскаго, «*Поездка въ деревню*» замѣчательна по вѣрности идеи и знанію крестьянскаго быта, но какъ въ этой повѣсти, такъ еще болѣе и въ первой, *Горбуны*, авторъ заставляетъ своихъ крестьянъ говорить такимъ языкомъ, котораго никто не повѣмаетъ и какимъ врядъ ли говорятъ они. Одна изъ лучшихъ повѣстей этого журнала принадлежитъ г. Крестовскому (дамъ-писательницѣ) и называется *Фразы*. Главная мысль автора: представить все зло, какое можетъ сдѣлать въ жизни страсть

рисоваться въ словахъ и поступкахъ «говорить кудреватю, а дѣйствовать подловатю,» какъ выразился не совсѣмъ элегантно, но вѣрно одинъ критикъ. Подобныя повѣсти дѣйствительно составляютъ общественную заслугу. При разборѣ этой повѣсти въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ была приведена выписка изъ одного письма, доказывающая, какъ вѣрно понимаютъ значеніе этой повѣсти въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи (въ Буинскѣ). На свободѣ и въ уединеніи, умные провинціалы, — а ихъ теперь не мало, — ближе и лучше могутъ оцѣнить впечатлѣніе, производимое какимъ-нибудь сочиненіемъ, и мы, въ свою очередь, вмѣсто нашего сужденія о *Фразахъ*, приведемъ выписку изъ одного письма, также присланнаго намъ изъ провинціи и о той же повѣсти. Корреспондентъ нашъ говоритъ: «Пора было явиться среди нашего общества строгому судѣ, строгому испытателю, который бы захотѣлъ узнать, какъ глубоко проникли въ наше общество идеи просвѣщенія, блестятъ ли онѣ только на его поверхности или пустили въ него глубоко свои корни и составляютъ его неотъемлемую собственность, дорогую всѣмъ и каждому. Такимъ судьей, такимъ испытателемъ явился г. Крестовскій... *Фразы* произвели вліяніе очень замѣтное на меня самого. Прочитавъ ихъ, я нахожу, что дѣлаюсь лучше. Я гораздо спокойнѣе, а стало-быть надежнѣе «и крѣпче вѣрю тѣмъ высокимъ мыслямъ, которыми многіе любятъ у насъ безсмысленно играть. Прежде, какъ скоро дѣло доходило до «общечеловѣческихъ идей» и глубокихъ убѣжденій, «я считалъ необходимымъ подниматься до *мажорнаго тона*, «старался быть восторженнымъ, вдохновеннымъ, краснорѣчивымъ «и часто, не чувствуя ни вдохновенія, ни увлеченія въ собственныхъ словахъ, я досадовалъ на самого себя, я страдалъ. «Мнѣ казалось, что я начинаю грубѣть, становлюсь недостоинъ, «нымъ провозглашать высокія истины. Теперь же я чувствую «себя счастливѣе: я смотрю на «общечеловѣческія идеи» на «глубокія убѣжденія,» какъ на дѣло самое обыкновенное, какъ «на хлѣбъ насущный, безъ котораго человѣку нельзя жить, но «о которомъ вовсе не-зачѣмъ кричать.» Писатель, дѣйствующій такимъ образомъ на читателя, заслуживаетъ полнаго уваженія и подробнаго изученія.

Изъ остальныхъ повѣстей «Отечественныхъ Записокъ» прошлаго года можно перечитать еще слѣдующія: *Яковъ Пасынковъ*, г. Тургенева, довольно живое, хотя и не глубокомысленное

изображеніе одного изъ тѣхъ людей, которыхъ мы привыкли называть романтиками; два недурныхъ этюда женскаго сердца, принадлежащія Ольгѣ Н. *На весь свѣтъ не угодишь* и *Умъ придетъ—пора пройдетъ*; граціозный разсказъ г. Дружинина *Пашенька* и лагеротипически-вѣрный, чисто-субъективный очеркъ г. Авдѣева *Порядочный человекъ*. *Лето на хуторѣ* г. К. А. *Стрижовья норы* г. Михайлова и *Докторша* г. Зотова также читаются легко, но *Дядюшка* и *Двоюродный братецъ* г. Фета и *Вокругъ да около* г-жи Марченко — вовсе не читаются. Г. Фетъ совершенно напрасно пустился въ прозу, а г-жа Марченко съ своими микроскопическими изслѣдованіями гомеопатическихъ долей мелкихъ привязанностей и неосязаемыхъ страстей наводитъ часто скуку на читателей. Она изучаетъ человѣческое сердце, завернутое въ конфетную бумажку или въ отрывокъ изъ туманной, непонятной диссертациа. Въ повѣсти ея *«Вокругъ да около»* нѣтъ ни какой идеи. Дѣйствующія лица только ходятъ вокругъ да около мысли и авторъ передаетъ ихъ исторію, бродя вокругъ да около ея содержанія, разсказывая на восьми печатныхъ листахъ то, что легко могло бы умѣститься на восьми страницахъ. Это тѣмъ досаднѣе, что въ г-жѣ Марченко есть дарованіе, и когда она не пишетъ длинныхъ и растянутыхъ романовъ, то создаетъ очень не дурныя произведенія въ родѣ повѣсти *«Тѣни Прошлаго»* и *«Путевыхъ Очерковъ.»* Странна также привычка автора самому разбирать и оцѣнивать въ повѣсти характеры своихъ дѣйствующихъ лицъ. Этотъ утомительный анализъ видимъ мы и въ повѣсти *«Вокругъ да около.»* Авторъ разбираетъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ поступки своихъ героевъ, стараясь объяснить, почему они поступаютъ такъ, а не иначе. Съ этими объясненіями, однако же, нельзя согласиться. Авторъ говоритъ о своемъ героѣ «онъ былъ натура составная, искусственная, отрицательная, а героиня — натура самобытная, естественная, положительная.» Это, конечно, сказано очень красиво, но читатель будетъ напрасно стараться понять это объясненіе характеровъ, или искать этого объясненія въ поступкахъ, разговорахъ и письмахъ дѣйствующихъ лицъ. Письма въ особенности очень скучны и въ нихъ еще меньше, чѣмъ въ разговорахъ, можно понять, о чемъ идетъ дѣло. Мысли автора — чисто женскія, и опровергать ихъ было бы напрасно, хотя отъ женщинъ не-

множко странно слышать подобные афоризмы: «Женщина можетъ любить безъ разбора, но друга выбираетъ съ разборомъ. — Человѣкъ вообще внѣшность, отражающая другую внѣшность; каждый человѣкъ долѣе сохраняетъ свои привычки, нежели свои чувства — Любопытство — настоящее зерно «каждаго чувства. Дружба есть любопытство, желаніе узнать на дѣлѣ преданность и самоотверженіе, о которыхъ такъ много «наслышались мы и намечтались. Любовь — это два любопытства, два желанія извѣдать силы другаго сердца и степень «своего значенія для этого сердца; узнать, какъ можемъ мы «быть любимы и на сколько.» Авторъ даже на науки смотритъ съ совершенно-женской точки зрѣнія, замѣтивъ довольно странный физиологическій фактъ, что «нить мыслей обвивается вокругъ мозга» и что даже «ткань мыслей славной лентой обвиваетъ голову» Съ физикой, также какъ съ физиологіей, авторъ обращается совершенно по-женски, заставивъ Жанъ-Поля сказать слѣдующую мысль, взятую эпиграфомъ къ повѣсти: «Наша жизнь похожа на темную комнату; образы другаго міра начертываются въ ней живѣе по мѣрѣ ея темноты.» Очевидно, что Жанъ-Поль не могъ сказать такой темной мысли; она слѣдается ясна только, когда мы вмѣсто *темной комнаты* поставимъ *камеръ-обскуру*, оптический инструментъ, до котораго женщинамъ, разумѣется, нѣтъ никакого дѣла.

Для того, чтобы представить полный очеркъ дѣятельности «Отечественныхъ Записокъ» въ прошломъ году, назовемъ главнѣйшія серьезныя и ученые статьи, которыми этотъ журналъ богаче всѣхъ остальныхъ періодическихъ изданій. *Мусульманская религія съ отношеніемъ къ образованности* г. Березина, *Судьба женщины на мусульманскомъ востоке* г. Черняева, *Русскіе журналы 1769 — 1774 годовъ* г. Афанасьева, *Очерки изъ старинной русской литературы* г. Пышина, *Карамзинъ*, г. Соловьева, *Дантъ*, г. Бударянцева, *Библиографическіе отрывки*, доставленные начальствомъ Публичной Библіотеки и проч. Критика и Библиографія этого журнала весьма полны и добросовѣстны, но въ отдѣлѣ Наукъ попадаютъ иногда статьи очень сухія и спеціальныя. Изъ статей смѣшаннаго содержанія весьма замѣчательны три отрывка изъ путешествія г. Гончарова: *Атлантическій океанъ и Мадера*, *Ликейскіе острова* и *Манилла*; *Дневникъ чиновника*, г. Жихарева, изъ котораго

не мѣшало бы однако выбросить нѣсколько лишнихъ и утомительныхъ подробностей. Переводными романами этотъ журналъ не отличался. Всѣ четыре романа, тянувшіеся цѣлый годъ, очень плохи. Вотъ ихъ названія: *Семейство Доддовъ за границею*, *Окорокъ единадушія*, *Кренфордъ* и *Европейскіе негры*.

Въ «Современникѣ» помѣщено нѣсколько болѣе повѣстей и рассказовъ, чѣмъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» именно, двадцать три, между которыми шесть останутся въ литературѣ. Это—три рассказа графа Толстаго: *Ночь весною въ Севастополь*, *Рубка льсу* и *Записки Маркера*; повѣсть г. Тургенева: *Постоялый дворъ* и его же комедія: *Мѣсяцъ въ деревнѣ* и повѣсть г. Писемскаго, *Винювата-ли она?* — Изъ этихъ произведеній Записки Маркера и Мѣсяцъ въ деревнѣ слабѣе другихъ четырехъ, оставляющихъ самое полное и глубокое впечатленіе. Изъ повѣстей и рассказовъ, стоящихъ ниже названныхъ нами, но имѣющихъ свои относительныя достоинства, написанныхъ легко и живо, назовемъ два рассказа г. Михайлова *Африканъ* и *Голубые глазки*, начало романа г. Некрасова *Тонкій человекъ*, рассказъ г. Ф-ва *Серезжа*, два рассказа г. Полонскаго *Груня* и *Домъ въ деревнѣ*, комедію г. Меншикова *Хорошій человекъ*, Повѣсть г. К-ина *Въ деревнѣ и въ Петербургѣ*, въ которой есть любопытныя подробности, но ничего цѣлаго. Очень плохи и написаны въ дурномъ тонѣ рассказы г-жи Н. С. *Степная барышня* и *Воздушныя замки*, и *Провинціальныя гризетка* г. Окова. Но особенно непріятное впечатленіе производятъ три повѣсти г-жи Нарской, писательницы, открытой Современникомъ: *Первое знакомство съ свѣтомъ*; *Елена* и *Все къ лучшему*. Подобныхъ пустыхъ, вздорныхъ и незанимательныхъ исторій намъ еще не случалось встрѣчать на страницахъ нашихъ журналовъ. Въ рассказахъ г. Окова и Н. С. есть хоть что-нибудь, хоть гладкій языкъ, хоть стремленіе къ мысли, хоть тѣни характеровъ, — у г-жи Нарской нѣтъ ровно ничего, кромѣ претензій на свѣтскость, на слогъ, на сочиненіе романовъ, кромѣ «шаликовской приторности,» какъ говоритъ рецензентъ Петербургскихъ вѣдомостей. Рѣшительно не понимаемъ, что могло заставить Современникъ напечатать такія исторіи. До-сихъ-поръ въ русской литературѣ не было женскихъ именъ, равносильныхъ г. Орлову, Зряхову, Кузьмичеву. Неужели г-жа Нарская соревнуетъ извѣстности этихъ писателей?

Изъ переводныхъ романовъ хороши *Тяжелыя времена* Диккенса. Изъ сорока стихотвореній очень много весьма замѣчательныхъ. Стихи въ *Современникѣ* постоянно лучше, нежели въ Отечественныхъ Запискахъ и выбираются съ большимъ вкусомъ. Назовемъ еще не большой, но занимательный отрывокъ изъ путешествія г. Гончарова: *Отъ мыса Доброй Надежды до Явы* и нѣсколько солдатскихъ разсказовъ, записанныхъ г. Сокальскимъ со словъ участниковъ послѣдней войны. Кромѣ нѣкоторыхъ мелкихъ, неинтересныхъ случаевъ, разсказы эти большею частью веселы, занимательны по содержанію, но мѣстами языкъ въ нихъ уже очень неправиленъ, чего легко можно было бы избѣгнуть, исправивъ немного солдатскую рѣчь, которая и безъ того ни въ какомъ случаѣ не передается въ ея первобытномъ, разговорномъ видѣ.

Ученныя статьи въ *Современникѣ* очень слабы и неинтересны. Изъ семнадцати, помѣщенныхъ въ прошломъ году, мы можемъ назвать только статьи *О русскихъ мемуарахъ* г. Печкарскаго, *Жизнь Алкивиада* г. Милюткина, статьи г. Дружинина о *Георгѣ Краббѣ*, г. Боткина о *Герояхъ и героическомъ въ исторіи* изъ Карлейля и *Путешествіе по Польсю и Бѣлорусскому краю*, — остальное все сухо, неинтересно и спеціально. Критика журнала шатка и пристрастна. О мнѣніяхъ новаго поэта не считаемъ нужнымъ говорить, потому-что они къ литературѣ не относятся.

Въ «Словесности и Наукахъ» *Библіотеки для чтенія* преобладаютъ статьи географическаго содержанія; по статьямъ этимъ можно повторить почти весь курсъ географіи. Какое близкое отношеніе между этою наукою и своимъ журналомъ нашла Библіотека для чтенія — это ея тайна, но если она думаетъ, что статьи въ родѣ *Уральцевъ* г. Небольсина, могутъ производить какое-нибудь впечатленіе, кромѣ непріятнаго, — въ этомъ она горько ошибается. Конечно, такія географіи, какъ *Нижегородская ярмарка* и *Бульня* г. Максимова, *Акви* г. Тунеева, *Кушникъ* г. Яновскаго, *Моссуль* г. Березина, при всей ихъ незанимательности; все-таки неизмѣримо выше *Уральцевъ*, но за наполненіе такими статьями отдѣла Словесности врядъ ли будутъ благодарны читатели. Повѣсти г. Григоровича: *Свистулькиныя* и *Школа гостепріимства* также изъ руководъ плохи; повѣсти г. Михайлова: *Ау*, *Изгоевъ* и *Нашъ домъ*

раздѣляютъ ту же участь, *Сисоевъ* г. Максимова, *Кандидатъ въ романисты* и *Старобубновъ боръ* Данилевскаго лучше; *Настя* г. Моллера хуже всего въ Б. д. Ч.; *Русскій черкесъ* и *Деревенскій разсказъ* слабы и неправдоподобны. Такимъ образомъ изъ двадцати одного бельетрическаго произведенія Библиотки для чтенія въ прошломъ году, не считая десятка типовъ въ Смѣси, также очень посредственныхъ, остаются въ литературѣ только два небольшіе разсказа: *Кирилычъ*, г. Мея и *Встрѣча* г. Максимова. — Богатство замѣчательное!

Изъ серьезныхъ статей назовемъ только двѣ: *Христіанскія церкви въ Турціи* г. Березина и *Путешествіе въ Арабістанъ и Лурістанъ*, г. Боде. О критикѣ говорить не можемъ, потому что ее нѣтъ въ Библиотекѣ для чтенія. Нѣсколько свѣтлыхъ мыслей и смѣлыхъ выводовъ г. Сенковского, помѣщенныхъ по поводу разныхъ книгъ, но затопленныхъ самыми странными софизмами, не составляютъ критики. О стихотвореніяхъ мы говорили. Вообще Библиотека для чтенія замѣчательна небрежнымъ и неправильнымъ языкомъ почти всѣхъ своихъ статей, страннымъ размѣщеніемъ ихъ и отсутствіемъ всего, что дѣлаетъ изъ журнала — настоящій журналъ, а не депо разнаго сорта, рода и вида статей, складываемыхъ туда, какъ ни попало, на-обумъ.

О Москвитянинѣ также не зачѣмъ распространяться. Это уже не журналъ, а настоящій альманахъ, гдѣ попадаются хорошіе историческіе матеріалы, какъ статьи *о Балтійскихъ Славянахъ* г. Гильфердинга, любопытныя *письма Карамзина*, недурныя повѣсти, какъ *Зимній вечеръ*, г. Григоровича, и двѣ комедіи: *Не такъ живи, какъ хочется* г. Островскаго и *Комедія въ комедіи* г. Дріанскаго, — но все это попадаетъ случайно, наряду съ самыми странными явленіями литературы: плясаньемъ г. Григорьева на фразахъ, свирѣпыми выходками противъ нѣкоторыхъ явленій петербургской словесности, ученическими и старческими произведеніями безъ мысли и содержанія, началами безъ концовъ и концами безъ началъ, статьями рѣшительно необъяснимыми, хотя онѣ напечатаны не гіероглифами, а, повидямому, русскими буквами.

Русская журналистика въ прошломъ году могла бы праздновать свой столѣтній юбилей. Въ 1755 году появился въ Россіи первый литературный журналъ: *Ежемесячныя сочиненія къ*

пользѣ и увеселенію служащія, издаваемыя втеченіе десяти лѣтъ Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ. Но объ этомъ юбилеѣ не вспомнилъ ни одинъ изъ нынѣшнихъ журналовъ. Между-тѣмъ съ началомъ втораго столѣтія русской журналистики начинается для нея и новая эра. Уже въ концѣ прошлаго года вышли объявленія о пяти новыхъ повременныхъ изданіяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, теперь число это еще болѣе увеличилось и при обзорѣ Журналистики текущаго года придется говорить о весьма многихъ новыхъ и возобновленныхъ журналахъ. Специальныя и правительственныя повременныя изданія также замѣтно совершенствуются и улучшаются съ каждымъ годомъ. Теперь у насъ есть превосходныя изданія по всѣмъ учрежденіямъ, по всѣмъ главнымъ отраслямъ наукъ и знаній. Такія изданія, какъ *Военный Журналъ*, *Военно-Медицинскій*, *Вѣстникъ Географическаго Общества*, *Другъ Здравія*, *Журналы: Общепользныя Свѣдѣній*, *Министерства Народнаго Просвѣщенія* и *Внутреннихъ Дѣлъ*, *Морской Сборникъ*, *Труды Вольнаго Экономическаго Общества*, съ еженедѣльною газетою: *Экономическія Записки*, заняли бы почетное мѣсто въ любомъ европейскомъ государствѣ. Для дѣтей у насъ существуетъ прекрасный *Журналъ*, издаваемый г. Чистяковымъ; музыкальныхъ изданій, между которыми главное мѣсто занимаетъ *Музыкальный Свѣтъ*, множество. Изъ отдѣльно-вышедшихъ замѣчательныхъ произведеній бельетрическихъ и смѣшаннаго содержанія назовемъ: *Русскіе въ Японіи*, прекрасные очерки г. Гончарова, *Народныя русскіе сказки*, изданныя г. Афанасьевымъ; второе изданіе *Игоря*, князя Сѣверскаго, переложенное въ стихи г. Гербелемъ, трудъ чрезвычайно-замѣчательный; *Разказы и воспоминанія охотника о разныхъ охотахъ*, г. Аксакова. Изъ слабыхъ произведеній назовемъ романъ г. Масальскаго *Лейтенантъ и Поручикъ*; драму г. Кукольника *Азовское Сидѣнье*,— и странный сборъ всякой всячины, изданный г. Смирновскимъ, подъ названіемъ: *На всякое время и въ добрый часъ*.

Русская наука въ прошломъ году праздновала торжественно столѣтній юбилей Московскаго Университета. Это былъ праздникъ всей мыслящей Россіи. Нѣтъ ни одной отрасли знаній, искусствъ и государственной службы, въ которой не прославились бы бывшіе студенты этого Университета. Чтобы убѣдять-

ся въ этомъ, стоитъ только раскрыть *Исторію Московскаго Университета*, составленную ко дню его открытія г. Шевыревымъ, и *Біографическій словарь университетскихъ профессоровъ*. Къ сожалѣнію, ожидаемый словарь всѣхъ воспитанниковъ Университета не могъ осуществиться.

Назовемъ теперь лучшія ученые сочиненія, появившіяся въ прошломъ году по всѣмъ отраслямъ наукъ: *Апполинарій Сидоній*, эпизодъ изъ политической и литературной исторіи Галліи V вѣка г. Ежевскаго; г. Калачовъ издалъ вторую половину второй книги *Архива историко-юридическихъ свѣдѣній*; г. Меіеръ *Юридическій сборникъ*; г. Перевлѣскій *Русскую практическую грамматику*; г. Лоренцъ вторую половину *Руководства къ Новой исторіи. Исторія—русскаго раскола епископа Макарія, Московскои славяно-греко-Латинскои академіи*, г. Смирнова, — *Русскаго монашества* г. Казанскаго, *Исторія Россіи* г. Соловьева (5-ый томъ) и *Исторія Рима* Боголюбскаго, — составляютъ замѣчательныя явленія; *Италія*, письма изъ Венеціи, Рима и Испаніи г. Яковлева; *Замѣчанія* г. Дипранди на ошибки *Исторіи отечественной войны Михайловскаго—Данилевскаго. О времени происхожденія славянскихъ письменъ* г. Бодянскаго; *Опытъ изслѣдованія душевныхъ болѣзней* г. Класовскаго и *Полншагелство* г. Мальневскаго; *Новыя письма о химіи* Либиха; *Россійская родословная книга*, издаваемая кн. Долгорукимъ; *Русская Геральдика*, г. Лакиера; второе изданіе *Руководства къ Зоологіи* Симашко; *Курсъ технической химіи* г. Ходнева и *Новый способъ опредѣленія удѣльнаго вѣса* г. Меіера; *Исторія Балтійскихъ славянъ* и *Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ* г. Гильферлинга; *Описаніе Славянскихъ рукописей Московскои Синодальной бібліотеки* и 23-я книжка *Временника Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ*, — изданія весьма замѣчательныя.

Мы привели только самыя замѣчательныя явленія.

Между серьёзными книгами было однакоже въ прошломъ году одно явленіе, о которомъ мы должны упомянуть, хотя бы для того, чтобъ показать, что и въ области наукъ встрѣчаются иногда тератологическія аномаліи, какъ во всѣхъ царствахъ природы. Такую аномалію составляетъ брошюра г. Чернышевскаго «*Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности.*» Сознаѣмъ, что въ 1855 году отъ Р. X. мы никакъ не ожидали

появленія на свѣтъ теоріи, конечно не новой, но давно уже всѣми оставленной и забытой, которую г. Чернышевскій попробовалъ было опять ввести въ эстетику. Съ общимъ и дружнымъ негодованіемъ встрѣтили всѣ русскіе журналы и газеты эту теорію, всѣ, кромѣ Современника, разумѣется, гдѣ туманно-тяжеловѣсный рецензентъ г. Н. П. А. написалъ непонятный панегирикъ своему собрату.

Можно ли, въ-самомъ-дѣлѣ, повѣрить, чтобы въ наше время серьезно проповѣдовались и поддерживались такія теоріи: «дѣйствительность, по красотѣ своей выше созданій фантазіи, осуществляемыхъ искусствомъ, (т. е. грибъ выше Ватикана). Ни одно искусство не можетъ давать намъ произведеній, которыя представляли бы намъ нѣчто такое прекрасное, которому не нашлось бы въ дѣйствительности соотвѣтствующихъ прекрасныхъ явленій (т. е. и театру, и оперѣ, и балету, и музыкѣ Бетговена, и стихамъ Пушкина — можно найти въ дѣйствительности соотвѣтствующія явленія? Жаль, что г. Чернышевскій не указываетъ, гдѣ искать ихъ). Искусство есть воспроизведеніе явленій природы и жизни (то-есть воспроизведеніе навоза будетъ искусство). Произведенія искусства не поправляютъ дѣйствительности, а только воспроизводятъ ее, служатъ ей суррогатомъ (послѣ этого картофельная мука—искусство, потому-что служитъ суррогатомъ хлѣбу). Источникъ и цѣль искусства—потребности человѣка. (Какое утилитарное, бездушное направленіе! Что же при этомъ будетъ вдохновеніе? Вѣдь для потребности человѣка довольно жить въ теплой избѣ; на что же онъ воздвигаетъ дворцы?). Прекрасное есть жизнь, красота въ человѣкѣ есть жизнь, красота въ природѣ тоже жизнь.» — Но развѣ всякая жизнь прекрасна? развѣ мертвая красавица, мраморная статуя не хороша, а вѣдь въ нихъ нѣтъ жизни? Вѣдь и въ жукѣ, роющемся въ навозной ямѣ, тоже есть жизнь. Какъ же, наконецъ, опредѣлить г. Чернышевскій идеалъ художественности? Какъ можно увѣрять, что «воображеніе наше не можетъ создать ничего выше предметовъ и явленій, которыя мы знаемъ изъ опыта? Но развѣ г. Чернышевскій не слышалъ ничего о мифологическихъ преданіяхъ, существующихъ у каждаго народа, объ этихъ добрыхъ и злыхъ дѣухахъ, которыми народное суевѣріе населило моря, рѣки, воздухъ, лѣса, подземныя пространства, развѣ всѣ эти фантастическія су-

щества не выше человека по своей силѣ, власти, безсмертію, многія даже по красотѣ? Развѣ мы не можемъ представить себѣ существованія на другихъ планетахъ другихъ созданій, съ другими условіями, нежели земная жизнь? Не думаетъ ли г. Чернышевскій, что міры свѣтилъ и звѣздъ, блестящія на небѣ темной ночью, созданы только для того, чтобы онъ любовался ими, если только еще онъ можетъ любоваться этою картиною? Кто не знаетъ, что стремленіе къ совершенству составляетъ лучшую сторону не матеріальной жизни человека, а г. Чернышевскій говоритъ объ этомъ: «требовать совершенства въ какой бы то ни было сферѣ жизни — дѣло отвлеченной, болѣзненной или праздно-фантазіи.» Стоитъ ли даже опровергать эту бездушную, черствую, холодную мысль, на которой построена вся эстетическая теорія г. Чернышевскаго! Нѣтъ, человечество не слѣдовало, по счастью, никогда этой теоріи, и г. Чернышевскій напрасно взваливаетъ ее на Аристотеля, не утверждавшаго ничего подобнаго. Плодъ холоднаго ума и сухаго сердца — эта теорія имѣла во всѣ періоды развитія литературы самое небольшое число адептовъ, и исторія этого развитія прямо опровергаетъ этотъ бентамизмъ эстетики, эту утилитарность искусства. Нѣтъ, покажетъ въ народѣ еще свѣжи и молоды его жизненные силы, пока онъ не погружается въ грубый матеріализмъ западной римской Имперіи, въ схоластическую діалектику восточной въ моменты ихъ распаденія, пока въ немъ есть сознаніе современныхъ недостатковъ и вѣра въ будущее, стремленіе къ лучшему и любовь идеала, онъ освободится и въ эстетическомъ мірѣ отъ Тамерлановъ искусства, какъ освободилась, на примѣръ, Россія отъ Тамерлановъ политическихъ, давившихъ ее втеченіе двухвѣковаго монгольскаго ига. И не смотря на всю «полезность» вновь предлагаемыхъ эстетическихъ теорій, видя такое утѣшительное развитіе литературы, даже въ одномъ 1855 году, мы будемъ держаться нашихъ старыхъ идей и убѣжденій, будемъ вѣрить, что прекрасное не есть простое воспроизведеніе явленій жизни, не есть — отвлеченный идеалъ или прямая истина, а напротивъ: идеализированная истина; что художественность, о которой теперь такъ много толкуютъ наши журналы, кажется, не ясно отдавая себѣ отчетъ въ значеніи этого слова, — есть способность представлять прекрасное со стороны формы; или, другими словами: художественность есть вѣншее прекрасное, какъ прекрасное

есть внутренняя художественность. И только на основаніи этихъ убѣжденій будемъ мы судить о явленіяхъ искусства, признавая прекрасными только тѣ, которыя будутъ заключать въ себѣ идеализированную истину и ея художественное представленіе, мысль и форму одинаково прекрасныя.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Патріотическій праздникъ въ честь защитниковъ Севастополя.—Встрѣча Черноморцевъ въ Москвѣ.—Краснорѣчивый привѣтъ г. Кокорева.—Распоряженіе начальства и купческаго общества.—Народная встрѣча.—Гость московскихъ дамъ.—Обѣдъ, данный московскимъ генералъ-губернаторомъ.—Рѣчь профессора Шевырева.—Благородные спектакли въ пользу нижнихъ чиновъ черноморскаго флота—Обѣдъ, данный московскимъ дворянскимъ и московскимъ купчешкимъ Собраніями.—Рѣчи профессора Шевырева и г. Кокорева—Петербургская масляница и нововведеніе въ бадаганецкихъ увеселеніяхъ.—Русскія пирожныя заведенія и г. Космополитскій, человекъ необходимый въ Петербургѣ.—Троичныя состязанія на Невѣ и неразорительныя пари pro и contra—Театральныя новости:—Дебюты г-жи Надежды Богдановой въ Жизели и успѣхъ молодой артистки.—Краткая біографія.—Первое торжество ея въ Севастополѣ.—Дебюты въ Парижѣ и фельетоны Жюля Жанена и другихъ.—Пребываніе г-жи Богдановой въ Вѣнѣ и Берлинѣ и отзывы о ней тамошнихъ театральныхъ критиковъ.—Новая комедія графа Сологуба «Чиновникъ».—Новая картина г. Академика Моллера.—Литографированныя изданія гг. Петерсева и художника Лаврова.—Публичныя лекціи профессора Куторги и Мг. Сюзора

Начинаемъ нашу лѣтопись общественной жизни извѣстіемъ, равно интереснымъ для всей Россіи—именно о празднествѣ, данномъ храбрымъ защитникамъ Севастополя. Патріотическая, похвальная мысль эта принадлежитъ коммерціи совѣтнику В. А. Кокореву. Въ четвертокъ, 16 февраля, офицеры черноморскаго флота, проживающіе въ Петербургѣ для излеченія ранъ, въ числѣ пятидесяти человекъ, приглашены были г. Кокоревымъ къ извѣстному петербургскому ресторатору Дюссо—завтракать, а оттуда на станцію Николаевской желѣзной дороги, куда мало-помалу съѣхались и другіе гости въ экипажахъ, заготовленныхъ радушнымъ амфітріономъ. Въ два часа по полудни экстренный поѣздъ въ четыре вагона 1-го класса отправился на прекрасную дачу г. Кокорева. «Ушаки». Благодаря вниманію хозяина, приглашенные нашли во всякомъ вагонѣ все: карты, мѣлъ, сигары, папирсы, завтракъ, а для прохладенія пиво и квасъ лучшаго сорта, а для охотниковъ шампанское. Въ пятницу, 17 числа, въ десять часовъ утра, поѣздъ былъ встрѣченъ въ Москвѣ на станціи желѣзной дороги густою толпой народа

при громкихъ восклицаніяхъ. Храбрыхъ путешественниковъ ожидало около тридцати троекъ, лошади которыхъ украшены были разными лентами, колокольчиками и бубенчиками, поѣздъ тронулся подъ предводительствомъ г. Кокорева, сидѣвшаго съ флигель-адъютантомъ Бирюлевымъ, по главнымъ улицамъ города и остановился у лучшей московской рестораціи Шевалье, гдѣ была назначена гостямъ главная квартира, въ такъ называемомъ *пятомъ*, лучшемъ отдѣленіи, которое тотчасъ же переименовано было гостями въ *пятый бастіонъ*. Всѣ комнаты были отдѣланы съ большимъ вкусомъ и снабжены всѣмъ необходимымъ, даже излишнимъ, какъ на примѣръ, ваннами, которыми можно было пользоваться во всякое время. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда всѣ офицеры поѣхали представиться московскому военному-генералъ-губернатору, графу А. А. Закревскому, а оттуда приглашены на обѣдъ къ В. А. Кокореву, въ лучшую въ Москвѣ русскую Ново-Троицкую ресторацію. По дорогѣ, по которой должны были проѣзжать офицеры, собрались толпы народа, а входъ трактира былъ биткомъ-набитъ любопытными, такъ-что ѣдущимъ должны были очищать путь жандармы. Предъ каждою подѣзжавшею тройкой народъ снималъ шапки и привѣтствовалъ каждого офицера выраженіемъ душевнаго восторга. На другой день тѣже готовые тройки отвезли гостей въ Кремль, служить панихиду по почившемъ въ Бозѣ Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, а оттуда за Серпуховскую заставу, на встрѣчу севастопольскимъ матросамъ. Встрѣчу этой была занята вся Москва, безъ особыхъ извѣщеній, по одной молвѣ узнавая, что первое вступленіе морскихъ экипажей будетъ въ субботу. Къ заставѣ съѣхалось несмѣтное число экипажей. По распоряженію графа А. А. Закревскаго, храбрые защитники, вступавшіе тремя эшелонами были встрѣчены исправляющимъ должность плацъ-маіора, съ плацъ - адъютантомъ, полиціймейстеромъ, частнымъ приставомъ, градскимъ и ремесленнымъ головами, купечествомъ и ремесленниками, съ хлѣбомъ и солью.

Пріѣхавъ къ заставѣ, г. Кокоревъ и пріятель его, г. Мамон-

* 18 февраля входилъ первый эшелонъ, состоявшій изъ 32 и 29 экипажей, 21 февраля второй эшелонъ изъ экипажей 38 (бывшаго Корниловскаго) и 40-го. Третій эшелонъ, въ которомъ находятся экипажи 41 (бывшій Нахимовскій) и 29 февраля 44-й экипажъ.

товъ, сошли съ экипажей и пошли за заставу, неся на серебряномъ блюдѣ тоже хлѣбъ-и-соль. За полверсты отъ города они встрѣтили матросовъ, сопровождаемыхъ все болѣе и болѣе увеличивавшеюся толпой народа, оглашавшею воздухъ восторженными криками ура!

Отъ заставы, матросы продолжали путь свой съ поднесенною имъ хлѣбомъ-солью, послѣдуемые тысячами народа, до площади, на которой ожидалъ черноморскій эшелонъ московскій военный-генераль-губернаторъ, графъ Закревскій. Тутъ имъ выдали по калачу и сайкѣ отъ купеческаго общества и по чаркѣ вина отъ откупнаго комисіонерства, а затѣмъ, по расчету, слѣланному предварительно, сходно желанію домовладѣльцевъ, развели ихъ по квартирамъ, хозяева которыхъ приняли на себя ихъ продовольствіе во все время пребыванія въ Москвѣ, до самаго выступленія. Гг. штабъ и оберъ-офицерамъ, провожавшимъ ихъ, по распоряженію начальства, отведены были въ купеческихъ домахъ бесплатно кваргиры, по желанію хозяевъ, а по вызову содержателей торговыхъ бань, нижніе чины черноморскихъ экипажей во все время пребыванія ихъ въ Москвѣ пользовались банями безденежно. Предъ выступленіемъ изъ Москвы, купеческое общество, обязалось также выдать каждому матросу по два рубли серебромъ и въ то же время распредѣлить ту сумму, которая будетъ выручена отъ благородныхъ спектаклей. На площади, во время закуски, предложенной черноморцамъ, присутствовавшія при ней знатныя русскія дамы пили въ честь ихъ задравныя тосты.

На другое утро, день восшествія на престолъ Его Величества Государя Императора Александра Николаевича, черноморскіе офицеры были съ поздравленіемъ у военнаго-генераль-губернатора, потомъ у знаменитаго ветерана достопамятнаго двѣнадцатаго года, генерала отъ артиллеріи А. П. Ермолова, потомъ обѣдали у г. Кокорева, и вечеръ провели въ театрѣ. По внимательной вѣжливости г. Кокорева каждый изъ гостей имѣлъ у себя билеты, на утреннія и вечернія представленія, а также готовыхъ извозчиковъ на все время пребыванія въ Москвѣ.

21 февраля пригласилъ къ себѣ на обѣденный столъ гг. адмираловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ черноморскаго флота, а равно и всѣхъ прочихъ раневыхъ генераловъ и офицеровъ дру-

гихъ войскъ, бывшихъ при защитѣ Севастополя, московскій военный-генераль-губернаторъ графъ А. А. Закревскій. Къ этому обѣду, на которомъ присутствовали многіе сановники и должностныя лица Москвы, съѣхалось 123 моряка, 52 раненыхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и 53 человека прочихъ гостей. По провозглашеніи тостовъ за здравіе Государя Императора и Его Высочества генераль-адмирала, графъ Закревскій провозгласилъ тостъ за здравіе славныхъ своихъ гостей и произнесъ растроганнымъ голосомъ :

«Радужный пріемъ, который вы встрѣчаете по пути на родной землѣ, есть сердечный отголосокъ того сочувствія, которое возбуждено во всѣхъ геройскою защитою Севастополя, несокрушимою твердостію, блистательнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ Севастопольскаго гарнизона. Это вмѣстѣ и голосъ глубокой народной признательности къ вашимъ доблестнымъ начальникамъ и всѣмъ боевымъ товарищамъ, которые погребли себя въ развалинахъ Севастополя и вѣчно будутъ жить въ лѣтописяхъ россійской славы. Провидѣніе сохранило васъ, дабы вы передали новому поколѣнію русскаго флота во всей чистотѣ тѣ воинскія доблести, которыми отличаются всѣ черноморцы, отъ адмирала до матроса. Господа! За славу русскаго оружія! За здоровье храбрыхъ защитниковъ Севастополя и за ваше здоровье!»

Когда умолкли взрывы единодушнаго ура, контръ-адмиралъ Кислянский, находящійся въ Москвѣ въ отпуску для излеченія ранъ, выразилъ отъ лица всѣхъ моряковъ чувства искренней благодарности и затѣмъ, по предложенію графа, произнесъ слѣдующую рѣчь профессоръ Шевыревъ :

«Милостивые государи!

«Сердце досточтимаго и гостепріимнаго хозяина пира всегда отзывалось и отзывалось теплымъ сочувствіемъ на всякое славное событіе отечества. Графу Арсенію Андреевичу угодно было поручить мнѣ быть органомъ тѣхъ чувствъ, которыя теперь одушевляють нашу столицу. Да, отъ этихъ палатъ до послѣднихъ смиренныхъ домовъ Москвы, отъ старцевъ до младенцевъ, всюду въ нашемъ городѣ теперь думаютъ и чувствуютъ одно: — какъ выразить благодарность и любовь нашимъ го-

стямъ-богатырямъ Севастополя, за подвигъ, совершенный ими во славу и благо отечества?

«Въ этомъ подвигѣ самоотверженія человѣческаго и любви повторилось вмаля чудо, сопровождавшее вѣчный подвигъ любви божественной, который разъ совершился на землѣ. Когда сама любовь, принявъ за насъ смерть, сошла въ могилу — земля потряслась, камни разеблись, гробы отверзлись, умершіе встали, пришли въ святой градъ и явились многимъ.

«Не тряслась ли земля подъ стѣнами Севастополя? Не темнѣло ли солнце? Не умирали ли за насъ тысячею смертей наши братья, подражая подвигу любви божественной? — И вотъ, чудомъ спасающей силы Божіей, изъ самыхъ устъ гроба Севастопольскаго, возстали они и пришли въ нашъ городъ, и мы приняли ихъ въ теплыя объятія любви и благодарности.

«Радостна эта встрѣча; весело это свиданіе: имъ — послѣ ужаса смерти, намъ — послѣ страха за нихъ. Но если вглядываться въ ихъ лица, если отгадывать думы ихъ сердца, то съ радостию возврата они несутъ и чувство скорби по тѣхъ вождахъ и братьяхъ, которые тамъ пали — и мнѣ кажется, что мы ничѣмъ не можемъ имъ выразить такъ сильно любви своей, какъ раздѣлившись съ ними это теплое чувство.

«Кто изъ насъ не вложилъ въ сердце свое и не передалъ дѣтямъ словъ, которыя всѣмъ русскимъ, умирая, завѣщаль Корниловъ: «Если я самъ прикажу отступить — коли меня! — Скажите сыновьямъ моимъ, чтобы они вѣрно служили Царю и Отечеству! — Господи! спаси Царя и Россію! Сохрани Севастополь и черноморскій флотъ! Я счастливъ, что умираю за отечество! Кланяйтесь всѣмъ и скажите, какъ сладко умирать, когда совѣсть чиста!» И вотъ съ послѣднимъ вздохомъ изъ груди геройской вылетѣлъ нашъ славный крикъ: ура! столько знакомый вонну русскому; но мнѣ ли объяснять, что значитъ этотъ крикъ предъ совмомъ такихъ воиновъ!

«А Нахимовъ — отецъ матросскій, какъ у насъ въ университетѣ братъ его былъ отцомъ студентскимъ! Въ героѣ Синопа воплощались исполненіе долга, доброта и смиреніе моряка русскаго. *«Берегите Тотлебна, а я что-съ!»* слова незабвенныя! Защищая Севастополь, онъ находилъ время посылать ежедневно цвѣты раненому Тотлебену и доставлять лакомства раненымъ своимъ офицерамъ.

«О, свято то мѣсто, гдѣ лежатъ вмѣстѣ съ наставникомъ

своимъ Лазаревымъ , Корниловъ , Нахимовъ , Истомина и всѣ до послѣдняго матроса и солдата , павшіе за отчизну — и часто, къ этому мѣсту, вслѣдъ за молитвой и думой моряковъ нашихъ , будетъ обращаться молитва и дума всякаго русскаго человѣка.

«Но утѣшимся! Они не умерли. Духъ ихъ воскресъ и живетъ въ каждомъ сердцѣ, которое бьется здѣсь подъ морскимъ мундиромъ. Красота ихъ доблестей сіяетъ въ каждой язвѣ, въ каждой ранѣ, въ каждомъ увѣчьи и въ каждомъ орденѣ, которыми украшены эти гости Мѣсквы, богатыри черноморскіе.

«Война кончается. Бурныя тучи ея сходятъ съ небосклона Россіи; миръ, или правильнѣе сказать, надежда на миръ озаряетъ его. Христіанскій царь христіанскаго народа желаетъ внести оливу мира въ тотъ вѣнецъ, которымъ украсится священная глава Его. Мы ли съ благоговѣйною любовью не полетимъ на встрѣчу прекрасному желанію Его любящаго сердца? Но да не будетъ время мира для насъ временемъ дремоты и усыпленія! Болѣе чѣмъ когда-нибудь каждый русскій долженъ стоять на стражѣ дѣятельности самой неусыпной. Война будитъ силы народовъ. Она много пробудила и нашихъ, породила намъ героевъ, обнаружила достоинства и недостатки отечества. Постараемся воспользоваться ея уроками.

«Среди надеждъ на будущее Россіи, свѣтло сіяютъ надежды наши на дѣятельность русскаго флота. Богатое духомъ семя моряковъ его, которое стоитъ здѣсь предъ нами въ сіяніи совершеннаго ими подвига, да собираетъ около себя всѣ народныя силы Россіи! Восемь морей, какъ восемь зеркалъ, по выраженію Державина, окружаютъ престолъ Русскаго Царства, опирающійся на горы Скандинавіи, Камчатки и Кавказа. Да отражаются же въ этихъ зеркалахъ разумъ, могущество, слава и любовь народа русскаго. Да утѣшаются Государь Императоръ и Августѣйшій братъ Его, генералъ-адмиралъ, подвигами моряковъ своихъ!

«А мы впишемъ ихъ севастопольскую службу навсегда въ сердца свои и будемъ брать съ нихъ примѣръ, для исполненія всѣхъ своихъ обязанностей, на всѣхъ поприщахъ, въ великомъ дѣлѣ служенія нашей возлюбленной матери Россіи и нашему ангелу — отцу Государю.

«За процвѣтаніе русскаго флота и за здоровье черноморскихъ богатейей его!»

Этимъ пиромъ въ домѣ московскаго градоначальника начался рядъ общественныхъ пировъ, знаки теплой и чистой любви москвичей къ доблестнымъ защитникамъ отечества.

22 февраля былъ въ пользу черноморскихъ экипажей благородный спектакль, а 25 костюмированный балъ у графа Закревскаго, напоминавшій своимъ великолѣпіемъ и изяществомъ его прежніе вечера въ подобномъ родѣ.

24 февраля былъ данъ обѣдъ адмираламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ флота и прочихъ войскъ, защищавшимъ Севастополь, въ залѣ Дворянскаго Собранія отъ дворянъ московской губерніи. День, выбранный для этого угощенія, совпадалъ съ днемъ, достопамятнымъ для всей Россіи — съ избраніемъ на царство Михаила Феодоровича Романова. Учредители пира, московскіе предводители дворянства П. В. Воейковъ, князь Н. А. Щербатовъ, предводители прочихъ уѣздовъ и депутаты дворянства, встрѣчали и принимали гостей, въ главѣ которыхъ находились контръ-адмиралъ Кислевскій и капитанъ перваго ранга Зоринъ. На обѣдѣ присутствовали: графъ А. А. Закревскій, М. И. Чедаевъ, генералъ-адъютантъ Шивовъ, московскій комендантъ И. И. Кизмеръ, директоръ измайловской богадѣльни сенаторъ Мясоѣдовъ, начальникъ 2-го округа жандармовъ С. В. Перфильевъ и почетные опекуны Московскаго Опекунскаго Совѣта — князь Лобановъ-Ростовскій, графъ Гудовичъ, князь Трубецкой, московскій гражданскій губернаторъ, генералъ-маіоръ Сивельниковъ и многія другія сановныя и должностныя лица. Московскія дамы наполняли все хоры собранія. За столомъ, представлявшемъ два соединенныхъ покоя, сидѣло 232 человѣка гостей и 90 хозяевъ.

По провозглашеніи тостовъ за здравіе Государя Императора и Его Императорскаго Высочества генерала-адмирала, московскій губернскій предводитель дворянства предложилъ тостъ за морскихъ и армейскихъ защитниковъ Севастополя, а затѣмъ уполномоченный главою московскаго дворянства, профессоръ Шельеревъ, произнесъ:

«Милостивые Государя!»

«Г. Московскому губернскому предводителю угодно было воз-

ложить на меня тоже порученіе быть органомъ отъ лица московскаго дворянства въ выраженіи чувствъ его любви и благодарности къ славнымъ защитникамъ Севастополя. Я не готовился къ слову; но душа моя такъ полна событіемъ, такъ проникнута этими чувствами, что готова всегда до безконечности изливаться въ ихъ выраженіи, и могу ли я устранить отъ себя высокую честь быть выразителемъ ихъ отъ лица московскаго дворянства.

«Московского дворянства! При мысли о немъ невольно приходитъ на умъ историческая причина, на основаніи которой Москва называется сердцемъ Россіи. Въ ней, какъ жилы, срослись въ одно Государство всѣ древніе удѣлы и города русскіе. Такъ и московское дворянство, въ новое время, какъ и въ древнее, по силѣ притяженія жизни къ сердцу Россіи, соединяетъ въ себѣ дворянъ всѣхъ губерній русскихъ. А потому я имѣю право сказать, что въ лицѣ московскаго дворянства приносить свою любовь и благодарность защитникамъ Севастополя дворянство всей Россіи—и увѣрять, что если бы это было возможно, оно откликнулось бы намъ въ эту минуту со всѣхъ концовъ земли русской и слылось бы съ нами теперь въ одно полное, единоедушное чувство, въ одно слово, въ одинъ голосъ.

«Москва отличалась всегда смысломъ правды и умѣла воздавать должное всѣмъ городамъ, которымъ служила и служить сердцемъ въ русской жизни. Не даромъ нижегородцы Мининъ и князь Пожарскій украшаютъ ея красную площадь. Возблагодаримъ же Тверскую губернію за Лазарева и Корнилова, Смоленскую за Нахимова, Эстляндскую за Истомина, Херсонско-Таврическую за Юхновскаго. Благодарность всѣмъ городамъ губернскимъ и уѣзднымъ, всѣмъ селамъ и деревнямъ, гдѣ родились и семейно воспитаны были всѣ геройскіе защитники Севастополя отъ адмираловъ до матросовъ, отъ генераловъ до солдатъ! Благодарность ихъ семействамъ. Вѣчная память ихъ родителямъ, если уже Богъ отозвалъ ихъ къ себѣ. Многія лѣта имъ, если они еще живы и, утѣшенные, радуются здѣсь славою и подвигами дѣтей своихъ. Благодарность ихъ братьямъ и сестрамъ, которые дѣлили съ ними игры юности и чувства любви къ отечеству. Благодарность ихъ женамъ и всѣмъ милымъ ближнимъ, которые страдали страхомъ за жизнь ихъ и всѣмъ сердцемъ молились о ихъ спасеніи!

«На полѣ славы дворянство русское всегда шло впереди. О-

кружая престолъ и вбирая въ себя цвѣтъ способностей народныхъ, оно всегда было передовымъ вѣстникомъ, или лучше-передовую силою въ силахъ, образующихъ отечество. На поляхъ войны оно ищетъ и нынѣ, какъ искали древніе воины, во времена удѣловъ, по выраженію одного стариннаго слова, себѣ чести, а князю славы! Да, честь каждого русскаго дворянина заключается въ славѣ его Государя и отечества. Дворяне русскіе и во флотѣ и въ арміи защитою Севастополя увѣковѣчили эту истину. Соединимъ же теперь въ своихъ чувствахъ герои въ флота и арміи вмѣстѣ, какъ соединились они въ самомъ подвигѣ. Да будутъ неразрывно-дружны силы ихъ въ битвахъ за отечество, и тѣмъ болѣе, что черноморцы показали, какъ умѣютъ они воевать на сушѣ, когда надобно кровью отстаивать землю родную противъ враговъ ея.

«За здоровье Черноморцевъ и русской Арміи!»

Когда единодушное сочувствіе присутствующихъ, выраженное единогласно, успокоилось, капитанъ-лейтенантъ Кузминъ-Кораваевъ отвѣчалъ отъ лица всѣхъ моряковъ на привѣтъ Московскаго дворянства слѣдующими словами:

«Милостивые Государи!

«Не удивляйтесь молчанію нашему на неслыханный еще доселѣ привѣтъ, которымъ вы насъ удостоиваете. Чтò можемъ вамъ отвѣтить? Чтò можетъ сказать сынъ, возвратившійся въ объятія нѣжно-любимой имъ матери? Чтò можетъ отвѣтить онъ ей, когда она съ материнскою нѣжностію увеличиваетъ его достоинства, труды и опасности, имъ претерѣнные и тѣмъ придаетъ еще больше цѣны его возвращенію.

«Мы, дѣти общей матери нашей Россіи, осчастливлены были принесеніемъ своей лепты на ея служеніе; вы же, милостивые государи, почтенные ея сыны и многоуважаемые представители, принявъ на себя обязанность матерински встрѣтить и обнять насъ, дополните выражаемую вами любовь, научивъ и наставивъ насъ многолѣтней своей опытностію на всѣхъ путяхъ жизни нашей, быть, по примѣру вашему, достойными сынами батюшки Царя и матушки Россіи.

«Да здравствуютъ родители наши—батюшка Царь и матушка Россія!»

Моряки дружно и громогласно вторили тосту товарища, въ

словахъ котораго высказывалась простая душа моряка, согрѣтая радушнымъ московскимъ приѣмомъ.

Обѣдъ заключился тостомъ въ честь Морскаго Кадетскаго Корпуса, предложеннымъ профессоромъ Шевыревымъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Милостивые Государя!

«Въ колыбели нашего воспитанія тавтся зерно нашихъ дѣлъ. Черноморцы, защищавшіе Севастополь, воспитывались по большей части въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и изъ него вынесли силы, созрѣвшіе для морской службы. Въ этомъ, какъ и въ ихъ морской жизни, заключается тайна того единодушія, которое обнаружилось въ Севастополѣ чудеснымъ подвигомъ. Морской Кадетскій Корпусъ основанъ за три года до Московскаго Университета. Оба учрежденія отпраздновали уже столѣтіе своей жизни — и оба родственны другъ другу въ трудахъ для науки, въ служеніи Царю и Отечеству. Считаю эту минуту особенно счастливою въ моей жизни, что я, какъ членъ Университета, могу предложить тостъ: за здравіе, благоденствіе и процвѣтаніе Морскаго Корпуса!»

Взрывъ громкаго ура заглушилъ послѣдніе слова этого тоста. Вечеромъ этого же дня былъ благородный спектакль въ пользу черноморскихъ экипажей.

25 февраля въ субботу былъ утренній балъ въ Благородномъ собраніи и обѣдъ черноморскимъ адмираламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ съ ихъ супругами и раненымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ прочихъ войскъ отъ графини А. О. Закревской и нѣкоторыхъ московскихъ дамъ.

26 февраля, въ Воскресенье, давало обѣдъ офицерамъ черноморскаго флота московское купеческое собраніе. В. А. Кокоревъ произнесъ на этомъ обѣдѣ слѣдующее чисто-русское задушевное слово:

«Среди теплыхъ задушевныхъ торжествъ Москвы въ честь доблестныхъ моряковъ, невольно приходитъ на мысль, что русская сила рѣдко имѣла постепенное развитіе, а всегда вдругъ, скачками. И эти скачки бывали только въ годы общаго го-ря. И въ эти годы мы особенно крѣпко прилѣплялись къ нашимъ Царямъ, прирастали къ нимъ всѣмъ своимъ существомъ; въ эти годы открывались въ насъ новые достоинства, коими мы

возвышались въ собственныхъ нашихъ понятіяхъ и узнавали самихъ себя. Вотъ гдѣ нашъ всероссійскій ростъ!

«Всѣ войны на Россію что значили? Это были отъ самаго Провидѣнія повѣрки русскихъ сердецъ и общія намъ переключки. Какъ только слышалось въ отвѣтъ: всѣ любимъ Русь, всѣ станемъ за нее,—какъ только это подтверждалось дѣломъ, война утихала, а могилы павшихъ твердили намъ во время мира: любите Русь, какъ мы ее любили!

«Не даромъ же русская пословица говоритъ болѣе пяти-сотъ лѣтъ устами всего народа: *вынеси ты меня, мое горе!* Оно вѣдъ и на самомъ дѣлѣ такъ. Развѣ не вынесло насъ горе Нарвское и Московское, и всѣ прежнія горя, наши славные будильники, наши возносители на ту высоту, которая можетъ удовлетворить насъ по объему нашей земли, никогда ни разу не измѣнялъ намъ нашъ вѣрный союзникъ—русское горе. Это нашъ двигатель, положенный судьбою на крестъ Россіи, при ея рожденіи. А какой онъ могучій, какія придастъ крылья, какъ освѣжаетъ, обновляетъ, развиваетъ мысль, согрѣваетъ сердца, соединяетъ всѣхъ къ единому и толкаетъ впередъ.

«Доказательствомъ единогодушнаго соединенія служатъ десять дней, проведенныхъ вами въ Москвѣ, доблестные моряки черноморскаго флота.

«Мощь русскаго горя понятна въ одной Руси; у насъ оно никогда не производитъ унынія, а только одну кручину.

«Не напрасно ты, кручинушка, воспѣваешь въ русскихъ пѣсенкахъ! не случайно же въ звукахъ ихъ тянетъ насъ что-то такъ шибко за сердце!

«Доказано, что жизнь государства похожа на жизнь человѣка. Не лучшая ли пора въ жизни нашей та, когда касается сердца кручина любви? Тогда мы и плачемъ и радуемся, восхищаемся, стремимся, хитримъ, да такъ хитримъ, что никто насъ не проведетъ; тогда мы очищаемся, возвышаемся, задумываемся и тоскуемъ, но тоски своей не уступимъ никому, представляя собою толпу влюбленныхъ въ Россію людей, мы дорожимъ нашей кручинушкой; мы чувствуемъ, какъ много въ ней любви къ отечеству, душевной силы и сладости!

«Дай Богъ мира—мы всѣ того желаемъ—желаемъ мира согласно съ намѣреніями и будущими видами нашего батюшки—Царя. Но во всякомъ случаѣ мы готовы нынѣ, впередъ и всегда на то

жертвоприношеніе отечеству, которое показали намъ вы—храбрые черноморскіе моряки!

«Тостъ въ честь славнаго и могучаго русскаго горя!»

Простая, безъискусственная рѣчь эта, вылившаяся прямо изъ самаго родника преданнаго русскаго сердца, произвела во всѣхъ присутствующихъ сильный, сочувственный восторгъ.

Ночью, съ Воскресенья на понедѣльникъ, 27 февраля, иждивеніемъ г. Кокорева, всѣ Севастопольскіе гости отправились изъ Москвы за шестьдесятъ верстъ, въ Троице-Сергіевскую Лавру, служить панихиду по своимъ товарищамъ, павшимъ при защитѣ Севастополя. Г. Кокоревымъ приглашенъ былъ въ Москву, въ числѣ его черноморскихъ гостей, извѣстный намъ художникъ В. О. Тиммъ, и вѣтъ сомнѣнія, что въ самомъ скоромъ времени, въ его прекрасномъ Русскомъ Художественномъ листкѣ, мы увидимъ многіе рисунки, изображающіе замѣчательные моменты этихъ патріотическихъ пиршествъ, а также и портреты.

Теперь обратимся къ нашимъ частнымъ петербургскимъ новостямъ, но такъ-какъ «ни что не ново подъ луною», то начнемъ хоть о старомъ, давно всѣмъ извѣстномъ, сколько-нибудь на новый, приличный обстоятельствамъ, ладъ, пожалуй хоть съ масляничныхъ балагановъ на Адмиралтейской площади.

По поговоркѣ, принятой почти за аксіому, что въ мірѣ все должно совершенствоваться, съ каждымъ годомъ совершенствуются и петербургскія балаганы съ ихъ представленіями. Наружность и внутреннее ихъ устройство гораздо удобнѣе и красивѣе и спектакли разнообразнѣе и занимательнѣе. Въ особенности въ воздушныхъ балаганныхъ представленіяхъ замѣчательно то, что съ недавнихъ поръ, на площадкахъ каруселей и такъ называемыхъ паровозовъ, появились танцовщики и танцовщицы, увеселяющіе катающихся постоянно съ утра до вечерней зари. Не смотря на довольно-сильные морозы, стоявшія впродолженіе всей масляницы, несчастныя эти сільфиды, невзвѣтно откуда взятые и на какихъ условіяхъ, полькируютъ съ обнаженными выше локтя руками и грудью, какъ ни въ чемъ ни бывало. Глядя на нихъ, нельзя не подивиться могучей русской натурѣ, которая, кажется, равно можетъ быть закалена, какъ отъ сильнаго зною, такъ и отъ сильнаго холода. Хоть сказалъ Пушкинъ, что морозъ не вреденъ русской розѣ, но ужъ навѣрное не при такихъ, ни какого комфорта не представляющихъ, обстановкахъ. Во

всемъ прочемъ масляничныя увеселенія шля обычнымъ порядкомъ. Простой народъ, тѣсняя густою толпой, восхищался неизмѣнными съ давнихъ, незапамятныхъ поръ, остротами «дѣдушки» съ бороδοю изъ пакли; безсовѣстно сорилъ площадь орѣховыми скорлупами, катался съ горъ и ходилъ смотрѣть дикихъ звѣрей, которые отъ холода совершенно утратили свою природную особенность и походили болѣе на сонливыхъ барсуковъ, за исключеніемъ бѣлаго медвѣдя, который былъ въ настоящей своей сферѣ и балансировалъ взадъ и впередъ на неуклюжихъ лапахъ, съ видимымъ наслажденіемъ. Конскіе спектакли въ особенности привлекали большинство толпы и говорятъ, что, благодаря постоянно ясной погодѣ, сборы антрепренеровъ въ нынѣшнемъ году гораздо превышаютъ цифрой сборы многихъ предыдущихъ зимъ. Есть люди, которые ждуть масляницу, какъ какое-нибудь счастье, оправдывая тѣмъ старинную русскую прибаутку «душа моя масляница, перепелиныя косточки, сахарныя уста, медовое твое тѣло. «Вслѣдствіе того не удивительно, бродя по разнымъ улицамъ Петербурга, очень-часто нападать на выѣски, означающія существованіе русскихъ пироженъ, которыхъ прибываетъ что-то очень много. Не ищите въ этихъ съдобныхъ заведеніяхъ ни удобства помѣщенія, ни изящнаго убранства, чистоты и порядка французскихъ ресторановъ, но только одной дешевизны и повсюду одинаковыхъ русскихъ блиновъ, и если вы человѣкъ не прихотливый, неизбалованный требовательностію внѣшности, то пожалуй и останетесь довольны. Въ Петербургѣ существуетъ одинъ человѣкъ и существуетъ, вѣроятно, очень-давно, потому-что, куля съ молодыми, увѣряетъ ихъ, что будто кучивалъ еще, будучи уже не въ первой молодости, съ отцами ихъ, переставшими давно уже предаваться издѣшествованъ за старостію лѣтъ,—и такъ этотъ человѣкъ, обладающій самыми разнообразными свѣдѣніями, артистъ съ артистомъ, философъ съ философомъ, олицетворенная добродѣтель съ людьми положительными и цыганъ съ цыганомъ, увѣряетъ, что именно въ подобныхъ только народныхъ заведеніяхъ и должно искать настоящихъ гастрономическихъ наслажденій. Почему же такъ? спросите вы его, на какихъ данныхъ? Космополитскій—такова фамилія этого петербургскаго старожилы—отвѣтитъ вамъ восторженно:

— Натура, братецъ (господинъ Космополитскій со втораго раза удостоиваетъ всѣхъ какимъ-нибудь родственнымъ назва-

нiемъ),—вотъ что привлекаетъ. Искусство уже надоѣло, искусство—обманъ зрѣнiя и вкуса.

Быть-можетъ, господинъ Космополитскiй и правъ, быть можетъ точно, каждое народное яство лишается половины своего условнаго достоинства, будучи улучшено, но многiе изъ французскихъ ресторано́въ увѣряютъ, что господинъ Космополитскiй прославляетъ съ недавнихъ поръ натуру изъ особенныхъ видовъ, потому что она ему дешевле обходится. Французскiе рестораторы смотрятъ на него враждебно и косымъ взглядомъ, строго наказывая прислужникамъ напоминать ему русскую тривиальную поговорку, «подаришь — уѣхалъ въ Парижъ, остался братъ его — купи-жь.»

И вотъ благодарность человѣческая! Вотъ цѣна услугъ, заслуженная неутомимой бѣготней и словоохотливостiю. Нужды нѣтъ, какой бы то ни было нации человѣку предстояло Космополитскому оказать услугу,—онъ ни отъ кого не прочь, благодаря той удивительной способности, которою отличался извѣстный кардиналъ Мецфантъ. Даже съ самимъ японцемъ или китайцемъ онъ, кажется, нашелся бы говорить и заставить понимать себя, если ужъ не словами, то выразительными знаками и тѣлодвиженiями. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, онъ уже разгадаетъ характеръ каждаго, его наклонности, его слабости, струну, до которой нужно дотронуться, чтобы, какъ говорится, влезть въ самое сердце. Предъ честолюбцемъ онъ извивался змеемъ пустыни, съ веселымъ онъ хохоталъ до упаду, не смотря, что постоянно страдаетъ спазмами, артистамъ даромъ, готовъ былъ кричать браво до хрипоты, хлопать до опухолы ладоней, писать афиши и панегирики. Космополитскiй не отказался бы, кажется, намалевать даже какую-нибудь вѣвѣску, если бы его шестое чувство-чутье предсказывало ему награду, если не деньгами, такъ натуру—вкуснымъ обѣдомъ, хорошимъ виномъ, надеждою поиграть въ преферансъ и выиграть, по его выраженiю, хоть «ребятишкамъ на молочишко»... Но всѣхъ особенностей этой замѣчательной личности описать не возможно въ нѣсколькихъ строкахъ и потому лучше обратиться къ повѣствованiю о другихъ любимыхъ народныхъ зимнихъ увеселенiяхъ. Какъ иные ждуть нетерпѣливо появленiя масляницы, такъ другiе начатiя бѣговъ, особливо трончныхъ составнiй—ѣзды, преимущественно любимой извѣстнымъ слоємъ рус-

скаго общества, и вот наконецъ эти трюичные бѣги начались. Особенно любопытно было состязаніе простой русской тройки, обыкновенной степной породы, съ тройкою кровныхъ лошадей. Въ толпѣ, окружавшей балюстраду, то тамъ, то сямъ слышались предложенія держать *pro* и *contra*, точно будто на англійскихъ скачкахъ, съ тою только разницей, что слышавшіеся возгласы нисколько не обозначали жажды любостязанія и корысти, а состояли въ очень-умѣренныхъ удовлетвореніяхъ, въ родѣ слѣдующихъ.

— Двѣнадцать паръ чаю!

— Бутылку хересу.

— Дюжину московскаго пива!—и отвѣты на такіа не страшныя вызовы:

— Идетъ! была не была!

— По рукамъ. Дай Богъ съ моего добра разбогатѣть.

Къ полному восторгу большей части конскихъ любителей, пальма первенства по большей части оставалась за простыми русскими тройками, привыкшими къ далекому пространству и не такъ скоро утомляющимися.

Образованный классъ петербургскаго народонаселенія занимали въ это время театръ, искусства и музыка.

Главною театральною новостью въ послѣднее время былъ дебютъ г-жи Надежды Богдановой.

Г-жа Надежда Богданова дебютировала на нашей сценѣ въ «Жизели» и нужно замѣтить, что рѣдко кто удостоивался такого радушнаго и блистательнаго приѣма, какъ она. Ее въ полномъ почти смыслѣ слова забросали букетами и вызывали болѣе сорока разъ. Восторженное вниманіе публики разтрогало ее до слезъ и она во второмъ актѣ нашлась даже вынужденною, закрывъ лицо руками, удалиться на нѣкоторое время за кулисы. Восторгъ зрителей къ граціозности движеній, легкости и удивительной силѣ въ самыхъ трудныхъ па г-жи Богдановой былъ одинаковъ и въ слѣдующихъ ея представленіяхъ и добиться какого бы то ни было билета въ театръ было очень трудно. При миловидности ея молоденькаго лица, мимика ея кажется еще выразительнѣе и особенно-прекрасно передаетъ она свѣтлыя чувства радости, любви и удовольствія. Нѣкоторые находятъ, что для полнаго совершенства ея таланта у нея не достаетъ немного техники, но, принявъ въ соображеніе, что г-жѣ Богдановой едва ли двадцать лѣтъ и при этомъ ея

удивительную гибкость и благородство позъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что она скоро избавится и отъ этого недостатка.

Не можемъ не сообщить нѣкоторыхъ подробностей объ этой новой, какъ нашей, такъ, можно сказать, и европейской танцевальной знаменитости. Г-жа Надежда Богданова родилась въ Москвѣ, гдѣ отецъ ея, начавшій артистическое образованіе дочери, былъ танцовщикомъ московскаго театра. Самъ онъ воспитывался сперва въ московскомъ театральномъ училищѣ, а потомъ учился въ Петербургѣ, у знаменитаго балетмейстера Дядло. Впослѣдствіи К. Ф. Богдановъ былъ учителемъ московскаго театрального училища и режиссеромъ балетной труппы. Вышедши въ 1848 году въ отставку и получивъ пансіонъ, г. Богдановъ исключительно занялся образованіемъ своихъ дѣтей и въ скоромъ времени поѣхалъ съ ними, сперва въ Ярославль, а потомъ въ Кіевъ и Харьковъ, гдѣ маленькая Богданова начала первыя свои представленія. Посѣтивъ Крымъ, Богдановы прибыли въ Севастополь. Въ этомъ городѣ началась первая извѣстность нашей артистки. Побывавъ въ Николаевѣ и Одессѣ, Богданова поѣхала за границу. Она танцевала въ Шамбери, въ Aix-les-bains, въ Лозаннѣ, въ Женевѣ и наконецъ въ 1851 году появилась въ Парижѣ въ фойе Большой Оперы. Появленіе русской дѣвочки-казачки, какъ ее тамъ называли, возбудило общее любопытство артистовъ и ея раннія замѣчательныя способности вызвали извѣстнаго танцовщика, музыканта и балетмейстера, Сен-Леона, мужа Фанни Черрито, быть ея руководителемъ. Послѣ шестинедѣльныхъ уроковъ, она предстала на судъ парижской публики въ первый разъ, въ октябрѣ того же года, въ балетѣ Сен-Леона «Маркизантка», представляемомъ теперь и на нашей сценѣ. Жюль Жаненъ въ фельетонѣ *Journal de Débats* такъ отзывается объ этомъ дебютѣ:

«Въ то время, когда милая и живая Карлота Гризи снова появляется на сценѣ своихъ побѣдъ въ Петербургѣ, возобновляя съ помощію однихъ только собственныхъ средствъ кампанію 1812 года (за исключеніемъ неудачъ) и укрощая однимъ взглядомъ парижскихъ москвитянъ, въ балетѣ Ундины (Рыбакъ и Наяда), танцуя въ немъ, легкая, какъ тѣнь, Петербургъ, чтобъ хоть нѣсколько утѣшить насъ въ ея отсутствіи, далъ намъ молоденькую, легкую, маленькую танцовщицу Надежду Богданову, которая танцуетъ такъ, какъ могутъ танцовать въ шестнадцать лѣтъ, среди грацій, надеждъ и улыбокъ этого скоро-

проходящаго возраста; она танцевала въ балетѣ, столько же знаменитомъ, какъ и Ундина, и даже нѣсколько болѣе нелѣпомъ, въ Маркиганткѣ, съ скрипачемъ, слывающимъ великимъ музыкантомъ между танцовщиками, съ танцовщикомъ, слывающимъ великимъ танцовщикомъ между своими собратями-скрипачами, съ тѣмъ многостороннимъ человѣкомъ, который съ равнымъ проворствомъ дѣйствуетъ на четвертой струнѣ и на театральномъ помостѣ, однимъ словомъ, съ Сен-Леонемъ. Сен-Леонъ, танцующій не съ тою, которую мы привыкли видѣть съ нимъ, а съ другою — да это маленькая революція! О, неблагодарная публика! Вообразите, что она удивлялась не болѣе одной минуты, ровно столько времени, сколько нужно было ей, чтобы увѣриться, что вновь прибывшая — молода, мила и легка, а потомъ совершенно позабыла о прежней Маркиганткѣ, какъ будто ея никогда и не бывало въ Парижѣ.) Такъ-то все измѣняется и проходитъ, даже въ Оперѣ, принадлежащей къ числу мѣстъ (повѣрять ли этому будущія поколѣнія), отлывающихся наибольшимъ застоємъ. Какъ бы то ни было, а молоденькой Надеждѣ удалось, какъ нельзя больше, и мы платимъ ей здѣсь, какъ умѣемъ, за пріемъ, котораго еще такъ недавно удостоилась въ Петербургѣ, на императорскомъ театрѣ, Карлота Гризи.»

Но эти первые лавры не остались постояннымъ достояніемъ нашей артистки и ей суждено было испытать много превратностей и борьбы, въ которой она вышла наконецъ все-таки съ торжествомъ. Жюль Жаненъ постоянно поддерживалъ усилія и воодушевлялъ нашу соотечественницу. Въ 1852 году г-жа Богданова нашла себѣ сильную соперницу въ миланской танцовщицѣ Пріорѣ, которая впрочемъ не повредила ей, и тотъ же Жюль Жаненъ, говоря о прекрасномъ талантѣ Пріоры, не позабылъ отдать справедливость и русской танцовщицѣ.

«Пріора (пишетъ онъ) стала на первомъ мѣстѣ въ ряду танцующаго поколѣнія Оперы, пусть это мѣсто и остается за ней; но не далеко отъ нея есть соперница, готовая оспаривать у нея пальму торжества — блѣдная дочь Петербурга, прекрасный подсибѣжникъ тѣхъ ослѣпительныхъ снѣговъ, двоюродная сестра не только радуги (такъ Жаненъ назвалъ Пріору), но даже двоюродная сестра Тальйони, Надежда Богданова.»

Кромѣ Жюль Жанена отзывались о г-жѣ Богдановой съ большою похвалою Фіорентино, фельетонистъ газеты *Constitutionel*, въ описаніи праздника, даннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ,

и Генерикъ, критикъ театральной газеты, говоря о представленіи Маркитантки въ 1852 году. Между-прочимъ онъ отзываясь, что «она артистка, достигшая до самой крутизны хореографіи. Сила и грація соединяются въ ней очаровательно. Еще нѣсколько мѣсяцевъ труда, усилій, настойчивости и г-жа Богданова будетъ соперничествовать со всѣми нашими танцующими знаменитостями.»

Въ 1853 году г-жа Богданова участвовала въ новомъ балетѣ, поставленномъ гг. Трианомъ и Мазилье «Орфа» и только одна изъ всѣхъ прочихъ танцовщицъ заслужила одобреніе газетной критики.

«Одна танцовщица, истинная и единственная танцовщица въ этомъ прекрасномъ балетѣ, въ которомъ все танцуетъ, молоденькая, а это не бездѣлица, однимъ словомъ Надежда Богданова, нѣсколько вознаградила насъ за всѣхъ своихъ подругъ. Привлекательная и милая, она порхаетъ, какъ пламя, забытое въ этомъ угасшемъ кратерѣ (дѣйствіе балета въ Исландіи). Не мѣшайте ей и вы увидите, что она дѣйствительно дочь тѣхъ же свѣтовъ, которые произвели Тальйони.» — Послѣ Орфы г-жа Богданова танцевала вмѣстѣ съ Пріорой и г-жею Гюи-Стефанъ въ балетѣ Мазилье «Эліа и Мизисъ» и въ оперѣ «Фронда», сочиненной Маке, Лакруа и Нидермейеромъ. Въ ней она превзошла искусствомъ всѣхъ прочихъ танцовщицъ.

Послѣ полного успѣха въ оперѣ Галеви «Жидовка» г-жа Богданова поѣхала въ 1854 году въ Вѣну, чтобы принять участіе въ празднествахъ по случаю бракосочетанія австрійскаго императора и явилась предъ вѣнской публикой въ балетѣ, составляющемъ постоянно ея славу — Жизель.

«Третьяго дня, говоритъ одинъ вѣнскій журналъ, возобновили въ Кертнерторскомъ театрѣ балетъ Жизель, главную роль въ которомъ съ большимъ успѣхомъ играла дѣвица Богданова. Приемъ, сдѣланный ей публикою, тѣмъ для нея лестнѣе, что воспоминаніе объ Эльслерѣ и Тальйони, игравшихъ здѣсь эту роль, должно значительно затруднять успѣхъ всякой другой танцовщицы. Мы убѣждены, что, дебютируя въ какомъ бы то ни было другомъ балетѣ, г-жа Богданова еще легче добилась бы торжества, потому-что въ Парижѣ, сужденія котораго въ балетномъ дѣлѣ имѣютъ законный авторитетъ, ея интересное дарованіе удостоилось самыхъ почетныхъ отличій; доказательствомъ

тому служить то, что она, какъ первая танцовщица императорской Академіи (Большая Опера) имѣла блистательный успѣхъ, танцую съ Фанни Черрито. Въ Парижѣ былъ между-прочимъ сочиненъ для интересной и прелестной Надежды балетъ «*La plume*», а въ балетѣ «Орфа», чрезвычайно понравившемся парижской публикѣ, она способствовала успѣху вечера наравнѣ съ Фанни Черрито, исполнивъ вмѣстѣ съ ней *pas de deux la volupté et l'innocence*.

Въ слѣдующемъ году г-жа Богданова опять возвратилась въ Парижъ и Жюль Жаненъ, слѣдившій за ея успѣхами въ Вѣнѣ, привѣтствовалъ ея возвратъ громкимъ и остроумнымъ фельетономъ. Въ этомъ 1855 году наша соотечественница танцевала съ замѣчательнымъ успѣхомъ въ двухъ операхъ: въ оперѣ Гуно «*La Nonne Sanglante*» и въ оперѣ Мейербера «Робертъ» въ роли Елены. Газета «*La Patrie*» отзывалась объ ней въ слѣдующихъ словахъ:

«Г-жа Богданова танцуетъ теперь роль Елены въ Робертѣ и намъ остается только поздравить съ этимъ, какъ артистку, такъ и дирекцію Оперы. Публика смотритъ на молодую танцовщицу съ большимъ удовольствіемъ. Три или четыре года назадъ, когда Надежда Богданова дебютировала, она была уже сильна, хотя и очень молода, съ-тѣхъ-поръ, благодаря трудамъ и постояннымъ успѣхамъ, она стала на первое мѣсто.»

Въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года г-жа Богданова покинула снова Парижъ, сопровождаемая общимъ сожалѣніемъ и надѣленная подарками, въ числѣ которыхъ находится бриліантовый подарокъ отъ Наполеона и золотыя шпоры на сапожки, въ которыхъ она прельщала французовъ въ венгерской пляскѣ.

Въ Берлинѣ, куда она направила путь; ждалъ ее также заслуженный восторгъ, и театральнй критикъ Рельштабъ, врагъ всѣхъ танцевъ, не могъ не очароваться и не назвать ее *сибирскимъ зефиромъ, московской эльфой*, русской граціей. Съ такимъ же почти чувствомъ отзывался о ней и другой берлинскій критикъ. Собравъ такую же дань восторга и удивленія къ своему таланту въ Варшавѣ, г-жа Богданова поспѣшила въ Петербургъ и здѣсь очаровала нашу публику. Мы можемъ при этомъ добавить, что братъ г-жи Богдановой, г-нъ Александръ Богдановъ, замѣчательный скрипачъ и получилъ отъ парижской музыкальной консерваторіи золотую медаль, ко-

торая дается съ большою осмотрительностію и сильно говорить въ пользу неоспоримаго огромнаго дарованія.

Послѣдней новинкою на нашей русской сценѣ была въ послѣдніе дни масляницы комедія графа Соллогуба «Чиновникъ». Содержаніе этой пьесы очень просто. Чиновникъ, молодой человѣкъ хорошей фамиліи и очень богатый, поступилъ на службу мелкимъ губернскимъ чиновникомъ, съ намѣреніемъ священнымъ исполненіемъ своего долга облагородить значеніе чиновника въ провинціи. Молодой человѣкъ, по порученію начальства, отправляется въ деревню къ одной графинѣ, вмѣшущей тяжбу съ сосѣдомъ, чтобы согласить ихъ кончить споръ миролюбиво. У графини случились въ то время гости—старый полковникъ, влюбленный въ нее по уши, и другой сосѣдъ, къ которому молодая вдова не равнодушна. Названіе чиновника пугаетъ свѣтскую женщину; она воображаетъ его совершенно инымъ человѣкомъ и полагая, что не будетъ умѣть говорить съ нимъ, проситъ объясниться съ чиновникомъ полковника. По какому-то случаю уполномоченный расходится съ пріѣзжимъ и молодой человѣкъ сталкивается нечаянно съ помѣщицей. Его наружность, прекрасныя пріемы, благородство сужденій, просвѣщенный и свѣтлый взглядъ на вещи поражаютъ прекрасную вдову. Она идетъ съ нимъ гулять въ садъ, какъ старая знакомая и удивленіе ея и радость еще болѣе увеличиваются, когда она узнаетъ, что ея гость родной братъ одной институтской подруги, съ которою она была очень дружна до замужества. Слѣдствіемъ продолжительной бесѣды была взаимная симпатія, графиня чувствуетъ, что разлука съ молодымъ чиновникомъ будетъ ей тягостна и потому вмѣсто того, чтобы согласиться на миролюбивую сдѣлку, объявляетъ неудовольствіе противъ рѣшенія суда. Чиновникъ тоже полюбилъ графиню, но между-тѣмъ, по чувству великодушія, не желаетъ пользоваться своимъ преимуществомъ, а напротивъ служитъ своего соперника довольно-значительною суммою денегъ, чтобы онъ могъ выкупить обязательство, которое тотъ когда-то далъ одной женщинѣ жениться на ней, или заплатить ей въ противномъ случаѣ деньги. Благодаря прекрасной игрѣ г. Самойлова (молодой чиновникъ) и г. Мартынова (старый помѣщикъ-сутяга), новая комедія графа Соллогуба имѣла успѣхъ.

Въ художественномъ мѣрѣ новостей очень мало и онѣ огра-

начиваются покуда двумя, изъ которыхъ одна можетъ называться капитальною. Мы говоримъ о картинѣ академика Моллера, даровитаго автора Поцѣлуя, Русалки и Дѣвушки съ обручальнымъ кольцомъ. — Иоаннъ Богословъ на островѣ Патмосѣ, проповѣдующій слово Божіе во время празднества Ваху. Композиція и обдуманность этого новаго произведенія г. Моллера, напоминающая собою манеру знаменитаго художника Овербека, не заставляетъ желать ничего лучшаго, хотя живопись мѣстами и немного суха, а фигура женщины, стоящей на-первомъ планѣ, нагнувшись и обратясь спиной къ зрителю, непріятно дѣйствуетъ на взглядъ. Картина эта выставлена въ залахъ Академіи художествъ въ пользу раненыхъ въ настоящую войну, съ платою 25 коп. сер. за входъ.

Литографъ Петерсенъ издалъ прекрасно-литографированный портретъ императора Александра Николаевича, ѣдущаго въ саняхъ. Эстампъ этотъ, замѣчательный по своей величинѣ и отличному исполненію, рисованъ извѣстными нашими художниками г. г. Сверчковыми (профессоромъ и академикомъ) и продается по 5 руб. сер., съ отчисленіемъ извѣстной суммы въ пользу семействъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя. Новое изданіе это однихъ размѣровъ съ изображеніемъ государя императора Николая I, исполненаго тѣми же художниками и можетъ служить къ нему дружкойю.

Со второй недѣли великаго поста начались у насъ концерты съ живыми картинами и публичныя лекціи профессора Куторги, зоологическія изслѣдованія, которыя давно уже извѣстны всему просвѣщенному русскому міру. Куторга, начавшій свои лекціи еще въ концѣ прошлаго года, будетъ продолжать ихъ до 19 апрѣля, по четвергамъ, съ 7 до 8½ ч. вечера, въ Университетской залѣ. Предметомъ этихъ лекцій будетъ, какъ и прежде, человекъ и природа, предметъ интересный и поучительный.

Г. Сюзоръ, уже извѣстный Петербургу разными своими предпріятіями, также началъ лекціи: *О вліяніи современной литературы на духъ общества и нравы* (*Influence de la littérature contemporaine sur l'esprit public et les moeurs*). Эта любобитная тема обработана г. Сюзоромъ съ свойственною ему ловкостью и остроуміемъ, въ чемъ слушатели его давно могли убѣдиться изъ прежнихъ назидательныхъ его бесѣдъ. Предполагаемая тема г. Сюзора, напоминаетъ намъ лекціи г.

Камилла Рюо, производившіе также въ залѣ Второй Гимназіи: *о пользѣ и вредѣ упражненія литературой* (*Utilite' et danger des études literaires*), на которыхъ слушателей собиралось такъ много, что зала едва могла вмѣстить любителей краснорѣчія. Вѣроятно, это явленіе повторится и на лекціяхъ Сюзора, несмотря на ихъ цѣнность; за то занимательныя и очень важныя для каждаго бесплатныя чтенія отличнѣйшихъ нашихъ ученыхъ находятъ весьма малое число посѣтителей.

Намъ своего — и золота не нужно,
Дай грязь чужую намъ — и примемъ за металлъ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 2.

ОБРАЗЕЦЪ ТАРТЮФА.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

К. ГУЦКОВА, ПЕРЕВОДЪ В. С. ПЕНЬКОВА.

Das Urbild des Tartüffe

Neu einstudiert — Sonnabend, den 21. September
des 1868 — Am Alexander-Theater

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЛЮДОВИКЪ XIV, Король Франціи.
ЛЮННЪ, министръ.
ДЕЛАРИВЪ, камергеръ.
ЛАМУАНБОНЪ, президентъ.
ЛЕФЕВРЪ, парламентскій совѣтникъ.
ДЮБУА, лейбъ-медикъ.
ШАПЕЛЬ, академикъ.
МОЛБЕРЪ, актеръ-писатель.
АРМАНДА } актрисы.
МАДЕЛЕНА }
МАТЬЕ, парижскій мѣщанинъ.
ЖЕРМЕНЬ, слуга Шапеля.
ЛУИЗОНЪ, служанка Арманды.
Камеръ-лакей.
Слуга министра.
Офицеръ.
Два комисара.
Театральный слуга.
Депутаты.
Народъ и публика за сценой.

H. G. Kanstein
Muyart
Fichtmann
Maase
Sandweg
Gerstel
Brücking
Köhert
Wanne
Maase
Zimmermann
Jamm
Schwan

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ 1667 году.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦЪ.

Людовикъ XIV. Почти еще юноша, граціозный, непринужденный, благосклонный, остроумный.

Лионнь. Снисходителевъ во второмъ актѣ; позже робокъ и изворотливъ.

Деларивъ. Шаркунъ; улыбающееся равнодушіе.

Ламуаньонъ. Тартюфъ, какъ обыкновенно его представляютъ на сценѣ.

Левевръ. Молодой гуляка, всегда веселый и непринужденный. Его конекъ — юриспруденція; гдѣ до нея коснется, тамъ Левевръ дѣлается ограниченнымъ.

Дюбуа. Сангвиникъ, не смотря на достаточную полноту.

Шапель. Сухая, страдательная комическая роль; длинный, неповоротливый, восклицательный знакъ. Не безъ ума, но занять ученостью своею и дарованіями — до глупости.

Мольеръ. Холерикъ, какъ все артисты, которые свои изобрѣтенія сами же и защищать должны.

Арманда. Добрая дѣвушка, но кокетка.

Маделена. Субретка старой комедіи.

Матье. Живой, какъ ртуть.

Жермень. Управляющій своего господина.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната у Шапель.

I.

ЖЕРМЕНЬ, ЛЕФЕВРЪ.

ЛЕФЕВРЪ. Здравствуй, Жермень! дома ли Шапель?

ЖЕРМЕНЬ. Нѣтъ, сударь, онъ давно ушелъ со двора. Не угодно ли вамъ видѣть барыню? она дома и завтракъ поданъ.

ЛЕФЕВРЪ. Хорошо. — Я пришелъ сказать Шапелью новость, чрезвычайно пріятную. Онъ не въ Академіи ли?

ЖЕРМЕНЬ. Въ Академіи, сударь, теперь каникулы. Онъ пошелъ въ палероаль.

ЛЕФЕВРЪ. Значитъ въ театръ, на пробу своей трагедіи. Какъ, бишь, ее зовутъ?

ЖЕРМЕНЬ. «Навуходоносоръ.»

ЛЕФЕВРЪ. Странное названіе для трагедіи! Однако жъ — скоро часъ. Не думаю, чтобъ его піеса была растянута.

ЖЕРМЕНЬ. Да, безъ васъ, сударь, г. Шапель повозился бы съ нею.

ЛЕФЕВРЪ. Да, я спасъ Навуходоносору жизнь. Мольеръ ни какъ не хотѣлъ его брать. Онъ, кажется, боялся, что главный герой не согласится, въ пятомъ дѣйствіи, ползать по сценѣ и ѣсть траву; а я доказывалъ, что Мольеръ не вправѣ не принять піесы академика и подалъ жалобу на дерзкаго откушщика нашей сцены. Отъ закона я — ни на шагъ, юристъ душой и тѣломъ. И добился же я, что судъ принудилъ Мольера, по-крайней-мѣрѣ, къ пробному чтенію трагедіи, при дѣломъ комитетѣ актеровъ. Такъ, стало-быть, оно сегодня назначено?

ЖЕРМЕНЬ. Вотъ, кажется, и самъ г. Шапель.

II.

Прежніе. ШАПЕЛЬ.

ЛЕФЕВРЪ. А! любезный Шпель, здравствуй!

ШАПЕЛЬ. (*Входитъ въ задумчивости и что-то считаетъ по пальцамъ*).

ЖЕРМЕНЬ. Г. Шпель, должно быть, складываетъ стихи (*всторону*). Онъ такъ скупъ, что и въ стихахъ у него не бываетъ лишку, а все недочетъ (*уходитъ*).

ШАПЕЛЬ (*осматриваясь*). Кто тутъ? Ахъ, это ты, любезный другъ, я тебя не замѣтилъ.

ЛЕФЕВРЪ. Ты, кажется, парилъ въ мірѣ поэтическихъ видѣній?..

ШАПЕЛЬ. А гдѣ жена? Спасибо тебѣ, Лефевръ: я прямо съ пробы моей трагедіи.

ЛЕФЕВРЪ. Ну, что? чѣмъ кончилось?

ШАПЕЛЬ. По видимому — блистательно — т. е. я сужу, со всею скромностію, по отзывамъ актеровъ и по впечатлѣнію, произведенному піесой.

ЛЕФЕВРЪ. Поздравляю, поздравляю! А я скажу тебѣ еще новость, гдѣ ты обязанъ больше счастію, чѣмъ рѣдкой своей скромности и моимъ свѣдѣніямъ въ законахъ: опасеній на счетъ содержанія твоей піесы — нѣтъ никакихъ.

ШАПЕЛЬ. Какъ, ты былъ...

ЛЕФЕВРЪ. У королевскаго духовника. Онъ сказалъ, что съ ихъ стороны не попрепятствуютъ представленію піесы; но опасно возбудить неудовольствіе нѣкоторыхъ лицемѣровъ, которые рады ко всему придратъся и изъ мухи дѣлаютъ слона. При этомъ онъ назвалъ мнѣ челоуѣка, чей отзывъ легко бы могъ повредить Навуходоносору.

ШАПЕЛЬ. Вѣрно — Ламуаньона.

ЛЕФЕВРЪ. Ты угадалъ. Я къ нему: выпытываю, прислушиваюсь, намекаю на то, на сѣ; наконецъ добился до того, что глава филантропическихъ заведеній, страшный преслѣдователь всѣхъ грѣшниковъ и грѣшницъ, не только какъ нельзя лучше отозвался о твоей піесѣ, но хотѣлъ даже самъ сюда придти — поздравить тебя съ будущимъ успѣхомъ. не забудь однакожь, что онъ мѣтитъ на первое порожнее кресло въ Академіи.

ШАПЕЛЬ. Ламуаньонъ прїдетъ ко мнѣ? Богачъ, вельможа Ламуаньонъ?.. Мой голосъ за него навѣрное! — Какъ это все чудесно устроилось! Надѣюсь, что Мольеру теперь уже не придется быть за-

конодателемъ вкуса. Сегодня, во всю пробу, онъ ни полслова. Видно было, что пьеса его поразила. Прочіе актеры спокойно читали свои роли. Да, это была торжественная минута.

ЛЕФЕВРЬ. А комитетъ какого мнѣнія? можетъ ли пьеса идти, или вѣтъ?

ШАПЕЛЬ. Комитетъ хотѣлъ рѣшить это тутъ же, послѣ пробы; но Мольеръ видно боялся, что впечатлѣніе еще слишкомъ свѣжо, слишкомъ выгодно и отложилъ приговоръ на нѣсколько часовъ. Мнѣ его скоро принесутъ, но все равно, побѣда наша! Идемъ завтракать.

III.

ЖЕРМЕНЬ. *(Быстро входитъ съ письмомъ).*

Прежвие.

ЖЕРМЕНЬ. Къ вамъ письмо, г. Шпель. Его принесъ тотъ же, что приходилъ наемни, изъ театра, съ отказомъ на счетъ —

ЛЕФЕВРЬ. Хорошо!

(Шпель читаетъ).

ЛЕФЕВРЬ. Во всякомъ случаѣ, тебѣ отладутъ справедливость. Законы не игрушка.

ШАПЕЛЬ. *(Шатается и падаетъ въ кресло).*

ЛЕФЕВРЬ *(поднимаетъ письмо и даетъ Жерменю знакъ выйти).* Что такое случилось?

ЖЕРМЕНЬ. Ужъ не семейныя ли тайны? *(уходитъ).*

ЛЕФЕВРЬ *(читаетъ).* Постановленіе комитета королевскихъ актеровъ о трагедіи «Навуходоносоръ», сочиненной г. Шпелемъ, членомъ французской Академіи.

«Комитетъ королевскихъ актеровъ, имѣя въ виду, что сочиненіе г. Шпеля, хотя и написано по новымъ правиламъ, которыя авторъ, кажется, *(кажется подчеркнуто)* хотѣлъ ввести, но лишено оригинальности, прелести и занимательности, и что постановка на сцену этой пьесы, неудачной, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ, не доставя публикѣ удовольствія, вовлечетъ театръ въ значительные убытки, единогласно опредѣлилъ: трагедію «Навуходоносоръ» къ представленію не принимать. Подписано: комитетъ королевскихъ актеровъ для испытанія драматическихъ сочиненій. Секре-

тарь Логранжъ » Не тотъ ли это Логранжъ , что одинъ какой-то твой стихъ нашель слишкомъ длиннымъ?

ШАПЕЛЬ. (Не отвѣчаетъ).

ЛЕФЕВРЪ. Сколько дѣйствующихъ лицъ въ Навуходоносоръ?

ШАПЕЛЬ. (Не отвѣчаетъ).

ЛЕФЕВРЪ. Не думалъ я, чтобъ піесу твою постигъ такой трагическій конецъ .. Да чтожь ты молчишь?

ШАПЕЛЬ. О! я отомщу! я выведу этихъ актеровъ на свѣжую воду, уничтожу Мольера, донесу Академіи на нынѣшнюю драматическую литературу!.. Не приняли!..

ЛЕФЕВРЪ. Самая лучшая мѣсть — написать болѣе удачную трагедію.

ШАПЕЛЬ. Удачную!.. Да эти гистріоны не пропустили бы Софокла, если бъ онъ ихъ какъ-нибудь задѣлъ...

ЛЕФЕВРЪ. Вѣдь ты, безспорно, даровитѣе Мольера.

ШАПЕЛЬ. Чтò толку?

ЛЕФЕВРЪ. И остроумнѣе.

ШАПЕЛЬ. Да толку-то чтò?

ЛЕФЕВРЪ. У тебя и силы выраженія больше.

ШАПЕЛЬ. Въ томъ-то и бѣда!

ЛЕФЕВРЪ. Такъ ты и побей Мольера на его же полѣ. Эхъ, вы, господа академики! Я, вѣдь, простой нотаріусъ, юристъ. Ваши заслуги велики, я это знаю, да не умѣете вы изъ нихъ выгоды извлечь, какой требуютъ обстоятельства! Спена должна примирять жизнь съ искусствомъ, а искусство съ жизнью. Давайте намъ людей не прошлыхъ столѣтій, но современныхъ; не ассиріанъ и вавилонянъ, а изъ окружающаго насъ быта. Нашиши-ка, Шапель, о — о чемъ бы — о...

ШАПЕЛЬ. О юристахъ?..

ЛЕФЕВРЪ. Это слишкомъ щекотливо. Возьми какой-нибудь современный порокъ — или глупость, напримѣръ — спѣсъ ученаго?

ШАПЕЛЬ. И это очень щекотливо.

ЛЕФЕВРЪ. Или скудость.

ШАПЕЛЬ. Объ этомъ писалъ Мольеръ.

ЛЕФЕВРЪ. Правда; о хвастовствѣ то же, о ревности то же. Знаешь чтò? Если бъ — (въ полголоса) представить — ханжу?..

ШАПЕЛЬ. Ханжу?

ЛЕФЕВРЪ. Да; человекъ, по наружности—образецъ смиренія, а на-самомъ-дѣлѣ — плута; пройдоху, который втирается въ семейства,

безпрестанно обращаетъ взоръ къ небу, а разсмотрѣть его поближе, такъ онъ лицемѣръ.

ШАПЕЛЬ. Предметъ хорошъ.

ЛЕФЕВРЪ. Пьеса должна быть основана на интригѣ.

ШАПЕЛЬ. Конечно, конечно.

ЛЕФЕВРЪ. Надо вывести различные характеры.

ШАПЕЛЬ. Такъ, такъ...

ЛЕФЕВРЪ. Въ цѣломъ — пьеса должна быть вѣрнымъ зеркаломъ современной жизни, заставить зрителей забыть, что они въ театрѣ...

ШАПЕЛЬ. Превосходно...

ЛЕФЕВРЪ. Я знаю — ты съумѣешь ее написать; у тебя и даръ, и наблюдательность; людей ты знаешь, — такъ картиной правды назови ее, — положимъ, «Лицемѣръ,» ты надѣлаешь шуму.

ШАПЕЛЬ. Легко можетъ быть.

ЛЕФЕВРЪ. Сюжетъ этотъ, вдругъ, пришелъ мнѣ на умъ. Не думай, Шапель, чтобъ у меня были какія-нибудь притязанія на...

ШАПЕЛЬ. Сдѣлай милость, Лефевръ, ты остроумнѣйшій человекъ во всемъ Парижѣ. У тебя бездна идей и сюжетовъ. Я говорю, что люди, практически знакомые съ жизнью, для поэта — сущій кладъ: они пробуждаютъ въ насъ уснувшія силы. Я все твержу: дайте мнѣ друга-сотрудника и я изумлю свой вѣкъ! не хочешь ли пойти къ женѣ? Мы позавтракаемъ вмѣстѣ. Тамъ поговоримъ еще о нашемъ сюжетѣ; за стаканомъ вина воображеніе какъ-то игривѣе. Но, пока, не говори женѣ о несчастіи моего Навуходоносора; если жъ она о томъ догадается, начнетъ плакать, такъ постарайся утѣшить ее; слышишь? Ступай же (*проводитъ его до дверей*).

ЛЕФЕВРЪ. Хорошо! самъ-то не забудь прійти!

(*Уходитъ*).

IV.

ШАПЕЛЬ (одинъ) потомъ МАТЬЕ и МАДЕЛЕНА.

ШАПЕЛЬ. О! я отомщу Мольеру пьесой въ его же родѣ! Слышишь ли ты, Мольеръ, слышишь ли? (*стучать*). Кто тамъ? Ужъ не президентъ ли?

МАТЬЕ (*просовываетъ голову въ дверь*). Никого, кажется, нѣтъ? Ахъ! (*входитъ*) г. Шапель. Иди сюда, будущая артистка! Вотъ святилище великаго человека.

МАДЕЛЕНА. (*Входитъ*).

МАТЬЕ. Г. Шапель, вы, вѣрно, не забыли вашего земляка, москотельщика Матье, въ улицѣ Пѣтуха, въ нижнемъ этажѣ...

ШАПЕЛЬ. Что вамъ угодно, г. Матье?..

МАТЬЕ. Окажите мнѣ милость, въ которой иногда нуждаются даже знаменитѣйшіе поэты, т. е. выслушайте меня... Маделена, подойди поближе.

ШАПЕЛЬ. А этой дѣвушкѣ что нужно?

МАТЬЕ. Маделена, почтительно приближься къ этому великому мужу! Видишь ли, взгляни! это называется — поэтъ.

МАДЕЛЕНА. (*Присѣдаетъ*).

ШАПЕЛЬ. Г. Матье, вы чѣмъ богаче становитесь, тѣмъ забавнѣе. Чему обязанъ я вашимъ посѣщеніемъ? (*Всторону*). Драматическій поэтъ всячески долженъ стараться о популярности.

МАТЬЕ (*къ Маделенѣ*). Говори смѣло! какъ зовутъ тебя?

МАДЕЛЕНА. Маделена Бежаръ, изъ Шалона на Саонѣ.

ШАПЕЛЬ. А! вы наша землячка.

МАТЬЕ. Да, г. Шапель, Шалонъ можетъ гордиться тѣмъ, что всѣ мы трое родились въ его стѣнахъ.

МАДЕЛЕНА. Около Шалона нѣтъ никакихъ стѣнъ.

МАТЬЕ. Это такъ говорится. Вотъ поучись, такъ и узнаешь, что это риторическая фигура, такъ называемый — плеоназмъ. Не такъ ли, г. Шапель? О! я бываю на всѣхъ засѣданіяхъ Академіи; я знаю въ нихъ толкъ.

ШАПЕЛЬ. Кажется, и пріятное ваше посѣщеніе будетъ не короче академическаго засѣданія. Нельзя ли покороче?

МАТЬЕ. Вотъ въ чемъ дѣло! Маделена Бежаръ — бѣдная сирота. Одна моя родственница взяла ее къ себѣ на воспитаніе, но не имѣла средствъ обезпечить ее послѣ своей смерти. Она умерла.

ШАПЕЛЬ (*сердито*). Кто умерла?

МАТЬЕ. Родственница.

ШАПЕЛЬ. Чья родственница? Дитя мое, не можете ли вы взять на себя роль г. Матье?

МАТЬЕ. Роль, г. Шапель! Вотъ мы и попали на слѣдъ. Да, да, роль! Маделена поступила въ мою опеку. Я открылъ въ этой малюткѣ замѣчательный талантъ — талантъ!..

ШАПЕЛЬ (*нетерпѣливо*). Къ чему?

МАТЬЕ. У ней пріятный голосъ — органъ.

ШАПЕЛЬ. Я ни кого не знаю въ оперѣ — очень сожалею, г. Матье — но меня ждетъ завтракъ — жена — пріятель...

МАТЬЕ. Вы не так насъ поняли, г. Шапель. Мы, любители театра, не пропускаемъ ни одной пьесы великаго Мольера, ни одной, — а у моей воспитанницы открылся прекрасный талантъ къ декламациѣ, такъ я и назначилъ ее для сцены.

ШАПЕЛЬ. Очень радъ; ступайте къ вашему великому Мольеру. Чего жъ вы отъ меня хотите!

МАТЬЕ. Вы—академикъ, г. Шапель! вы членъ института, постигли все тайны языка. Окажите милость вашему земляку, дайте этой дѣвочкѣ роль въ вашѣмъ Навуходносорѣ.

ШАПЕЛЬ (*живно*). Отвяжитесь отъ меня съ Навуходносоромъ!

МАТЬЕ. Маделена ужъ опредѣлена въ придворную труппу, но, знаете, она новичекъ.

ШАПЕЛЬ. Опредѣлена? къ Мольеру? такъ у него и просите себѣ роли.

МАТЬЕ. Ей дали одну роль на пробу, г. Шапель, но я говорю Маделенѣ: пойдемъ къ великому Шапелю: онъ тебѣ разъяснитъ эту роль, раскроетъ передъ тобою ея красоты.

ШАПЕЛЬ. Чтобъ я сталъ учить Мольеровскимъ ролямъ?..

МАТЬЕ. Сперва одну роль, только одну! конечно изъ новой пьесы Мольера.

ШАПЕЛЬ. Опять новая Мольерова пьеса? Вѣрно серьезная драма?

МАТЬЕ. Нѣтъ — очень забавная! — Маделена, эта робкая дѣвочка, была ужъ на пробѣ — что въ ней представлено?

МАДЕЛЕНА. Человѣкъ, по виду само смиреніе, а на самомъ дѣлѣ плутъ.

ШАПЕЛЬ. Что такое?

МАДЕЛЕНА. Пройдоха, который втирается въ семейства, безпрестанно обращаетъ взоръ къ небу, а разсмотрѣть его поближе, такъ онъ лицемѣръ.

ШАПЕЛЬ. Да это — да...

МАТЬЕ. Говори яснѣе.

МАДЕЛЕНА. Интрига самая занимательная; — рѣзкіе характеры; — вся пьеса — вѣрное зеркало современной жизни; можно забыть, что видимъ это въ театрѣ.

ШАПЕЛЬ (*падаетъ въ кресло*). Проклятіе!..

МАТЬЕ. Что съ вами?

ШАПЕЛЬ. Ахъ, я умираю!

МАТЬЕ. Я не могу понять!..

ШАПЕЛЬ. Это мой сюжетъ!

МАТЬЕ. Вы насъ пугаете.

ШАПЕЛЬ. У меня украли мой сюжет! г. Матье, заглавіе піесы.

МАТЬЕ. Маделена, какъ зовутъ піесу?

МАДЕЛЕНА. Я играю — Дорину.

ШАПЕЛЬ. Какъ называется піеса?

МАТЬЕ. Бѣдняжка, съ непривычки, дрожала во время пробы и все только думала о своихъ послѣднихъ словахъ.

ШАПЕЛЬ (*вскакиваетъ и хватаетъ Матье за грудь*). Какъ зовутъ піесу?

МАТЬЕ. Если для васъ такъ важно названіе, — роль-то она ужъ вытвердила, — а названіе — стоить нанять фіакръ — въ-пять-минуть узнаемъ мы названіе. Г. Шпель, успокойтесь; испытайте эту малютку — одну только сцену! Начните же! Дѣйствіе I, Явленіе 1. Покажите ей мимику. Умоляю! Въ-пять-минуть я опять здѣсь!

(*Уходитъ*).

V.

ШАПЕЛЬ. МАДЕЛЕНА.

ШАПЕЛЬ. Не ужели это послѣдній день моей жизни!?. Вотъ, моя милая, какъ опасно театральное поприще! Одумайтесь, пока есть время; бросьте ваше намѣреніе. Знаете ли, что значить на сценѣ сюжетъ, матерія?

МАДЕЛЕНА. Я постараюсь, чтобъ гардеробъ мой былъ всегда приличень.

ШАПЕЛЬ. Матерія! матерія! Да вы меня не понимаете!

МАДЕЛЕНА. Ахъ! я этому очень вѣрю. Не знаю, рождена ли я актрисой; но г. Матье рѣшилъ ужъ, чтобъ я вступила на сцену. Досихъ-поръ я не могу пожаловаться на свою судьбу. Четыре недѣли какъ я въ Парижъ; г. Матье всякій вечеръ беретъ меня въ театръ, правда, онъ ведетъ себя очень странно, хлопаетъ безпрестанно...

ШАПЕЛЬ. Мольеру?

МАДЕЛЕНА. Ему больше всего, да и актрисамъ то же; я ужъ боюсь, чтобъ онъ не испортилъ мой первый дебютъ излишнею своею благосклонностію. Миѣ сказали, что, такъ-называемыя, дружескія рукоплесканія — опаснѣе всего.

ШАПЕЛЬ. Дитя мое, успѣхъ — все успѣхъ. Рукоплесканія — это единственная вещь въ мірѣ, на происхожденіе которой не обращаютъ

вниманія : изъ мѣщанскаго ли круга раздаются или изъ дворянскаго, въ восходящей ли линіи (*показываетъ на портретъ*), снизу вверхъ (*на галлерей*), или въ нисходящей — сверху внизъ, они всегда пріятны.

МАДЕЛЕНА. Въ такомъ случаѣ, г. Шапель прошу васъ, скажите мнѣ, правильно ли я буду играть въ новой піесѣ Мольера, если буду представлять, вотъ наиримѣръ, такъ...

ШАПЕЛЬ. Кого же играете вы?

МАДЕЛЕНА. Остроумную, хорошенькую горничную, у которой въ рукахъ вся интрига; чрезъ эту дѣвушку и улччаютъ лицемѣра.

ШАПЕЛЬ. Совершенно моя мысль!

МАДЕЛЕНА. Приходитъ Тартюфъ. Онъ является ужъ въ третьемъ дѣйствіи...

ШАПЕЛЬ. Чтобы привлечь вниманіе зрителей. Совершенно моя мысль!

МАДЕЛЕНА. Выходя на сцену, онъ приказываетъ слугѣ своему говорить всѣмъ, что господинъ его отправился въ тюрьму—подѣлиться съ бѣдными...

ШАПЕЛЬ. Все это очень складно.

МАДЕЛЕНА. О! стихи прелестны. Въ эту минуту ханжа видитъ меня. Сперва онъ даетъ мнѣ наставленія, а потомъ — начинаеть любоваться моею красотой,—именно *моей* красотой—красоты требуетъ самая роль моя...

ШАПЕЛЬ. Мнѣ слышится изступленный восторгъ публики!..

МАДЕЛЕНА. Чтѣ тебѣ нужно? спрашиваетъ лицемѣръ, — я запинаясь, а онъ, пользуясь моимъ замѣшательствомъ, вынимаетъ свой носовой платокъ...

ШАПЕЛЬ. Носовой платокъ?

МАДЕЛЕНА. Да, носовой платокъ и набрасываетъ его мнѣ на плеча — вотъ-этакъ, — возьмите-ка платокъ?

ШАПЕЛЬ (*вынимаетъ свой носовой платокъ*). Какъ, вы думаете...

МАДЕЛЕНА. Онъ говоритъ:

«О, силы неба! Нѣтъ я не могу сносить!

Постой, не говори, возьми платокъ скорѣй,
Вотъ мой платокъ».

Я отвѣчаю: къ чему? хочу я васъ спросить. А онъ отвѣчаетъ:

«Покройся имъ, дитя!—сокрой соблазнъ очей!

Такія плечи,—грудь—невольнo взоръ зажгутъ
И мысли грѣшныя намъ въ душу въ мигъ волюють».

Потомъ, полуоборотившись ко мнѣ, полуотвернувшись, набрасываетъ мнѣ на шею платокъ — бросьте же! — и дѣлаетъ мину, выраженіе, физиономію — bravo!

ШАПЕЛЬ. Чтò это, никакъ я въ-самомъ-дѣлѣ играю въ Молевой піесѣ?

ЖЕРМЕНЬ (*смотритъ въ дверь*). Вашъ завтракъ, сударь, простынетъ.

ШАПЕЛЬ. Жаль, очень жаль, сударыня (*Въ боковой комнатѣ слышенъ стукъ разбитыхъ тарелокъ*). Чтò это! Вездѣ мое добро гибнетъ! Драмы, тарелки! грабители, разбойники! (*Убѣгаетъ*).

VI.

МАДЕЛЕНА. СЛУГА (*почтительно отворяетъ дверь*) ЛАМУАНЬОНЪ (*входитъ*).

СЛУГА (*уходитъ*).

ЛАМУАНЬОНЪ (*точный подлинникъ Тартюфа, какъ представилъ его Мольеръ; также одежда, также манеры*).

МАДЕЛЕНА. Таковъ-то домашній бытъ поэта? Ужасно! Теперь я здѣсь — одна (*всторону*). Это чтò еще за поклонникъ.

ЛАМУАНЬОНЪ (*говоритъ въ растворенную дверь*). Лоренцъ! Кто спроситъ меня, такъ скажи, что я, по обыкновенію, отправился въ тюрьму — творить благія дѣла милосердія.

МАДЕЛЕНА. Боже! это точно, какъ моя роль, только въ прозѣ. Да это самъ Тартюфъ!

ЛАМУАНЬОНЪ (*говоритъ въ дверь*). Лоренцъ! Повѣсь на мѣсто мою одежду покаянія и моли Бога, да просвѣтитъ тебя!

МАДЕЛЕНА. Слово-въ-слово изъ моей сцены. Строгий Шпель, видно, вздумалъ испытать меня?

ЛАМУАНЬОНЪ (*приближается, оглядывается и, послѣ нѣкотораго молчанія, говоритъ*). Чтò тебѣ нужно? кто ты?

МАДЕЛЕНА (*всторону*). Чтò это! точь-въ-точь, какъ въ піесѣ! (*приготавливается робко играть роль*) «Сказать вамъ»...

ЛАМУАНЬОНЪ. Мнѣ нужно говорить съ г. Шапелемъ... а ты кто?

МАДЕЛЕНА (*всторону*). Не знаю что и подумать?

ЛАМУАНЬОНЪ (*всторону*). Прелестнѣйшая дѣвушка! Обо мнѣ, развѣ, не докладывали? (*шаритъ въ своихъ карманахъ*).

МАДЕЛЕНА (*всторону*). Онъ, кажется, вынимаетъ платокъ...

ЛАМУАНЬОНЪ (всторону). Какой прелестный ростъ! какія граціозныя плечи! Пустимъ въ ходъ обыкновенную продѣлку! (*вынимаетъ платокъ*).

МАДЕЛЕНА (всторону). Онъ знаетъ всю сцену, какъ она есть у Мольера. . Это вѣрно подсланный проэкзаменовать меня.

ЛАМУАНЬОНЪ (громко). Что вижу! Да это невыносимо. Дитя мое, какъ можно носить такое открытое платье? Кто въ состояніи спокойно говорить съ женщиной, когда прелести ея обнаружены.

МАДЕЛЕНА (всторону). Смысль тотъ самый, да отчегожь не тѣ слова, какія надо? постой я скажу свою реплику? (*громко и жеманно*). На что это сударь, къ чему?

ЛАМУАНЬОНЪ (всторону). Что за чудное созданье! (*громко*) покрой платкомъ — соблазнительную, прекрасную (*все приближается къ ней съ платкомъ*), отвратительную, очаровательную, черную, блѣднѣющую грудь свою (*хочетъ надѣть ей платокъ*), плутовка соблазнительница!

МАДЕЛЕНА. Милостивый государь, вы прибавляете къ роли своей столько словъ, что я не въ состояніи слѣдить за вами.

ЛАМУАНЬОНЪ. Къ моей роли? какая тутъ роль? я говорю что чувствую.

МАДЕЛЕНА. Какъ же? Вы думаете, я не знаю, что вы хотите испытать бѣдную провинціалку? Въ такомъ случаѣ и вы держитесь словъ Мольера.

ЛАМУАНЬОНЪ. Словъ Мольера? Мольеръ написалъ для меня слова? Ге, ге! Да вы, моя чудесная дамочка, видно принадлежите къ числу жриць прелестнаго соблазна? Вы комедиантка?

МАДЕЛЕНА. Точно такъ: Маделена Бежаръ, изъ Шалона, ангажированная въ королевскую трупу, для испытанія, на шесть мѣсяцевъ, съ жалованьемъ по 10 ливровъ въ недѣлю и съ своими перчатками. Г. Шапель обѣщаль позаботиться о дальнѣйшемъ моемъ эстетическомъ образованіи, но онъ заваленъ дѣлами. Ахъ, кстати, вы не учите ли сценическому искусству?

ЛАМУАНЬОНЪ. Я учу сценическому искусству?.. Да впрочемъ, впрочемъ, кто нынче не обучаетъ для сцены? Всѣ хотять разыгрывать роль, а кто самъ не играетъ, тотъ, по-крайней-мѣрѣ, учитъ другихъ. Вполнѣ готовъ употребить въ дѣло всѣ мои свѣдѣнія въ эстетикѣ, декламации и мимикѣ, для художественнаго развитія (*все болѣе приближается къ Маделенѣ*), такого прелестнаго созданья, какъ вы, мадуазель Бежаръ изъ Шалона, ангажированная на королевскій те-

атръ, для испытанія, на 6-ть мѣсяцевъ, съ 20 ливрами въ недѣлю...

Маделена. Съ 10-ю, всего-то только съ 10-ю, сударь!

Ламуаньонъ. Отъ чего жъ не съ 20-ю? Знаете, такъ, такъ, со стороны? можно бы и перчаточки, шелковое платьице, прекрасная квартира въ улицѣ Ришельё, лакомства для стола, грифели, паштеты...

Маделена. Я васъ не понимаю, сударь!

Ламуаньонъ. Прелестное дитя, это вѣдь такъ только, для начала моихъ драматическихъ уроковъ... клянусь, одна страсть къ искусству влечетъ меня къ такому существу, какъ ты... (*охватываетъ рукою ея талию*).

VII.

Прежніе. ШАПЕЛЬ и ЛЕФЕВРЪ.

Лефевръ (*за сценой*). Гдѣ же эта дѣвочка—это что такое?!

Ламуаньонъ (*пугается*).

Шапель. Если не ошибаюсь...

Лефевръ. Такъ здѣсь происходило обвинанье!

Маделена. Этотъ господинъ хотѣлъ испытать мой талантъ.

Лефевръ. И вмѣстѣ, добродѣтель?

Ламуаньонъ. О, суета міра! Вообразите, эта грѣшница упростила меня сыграть съ нею роль.

Лефевръ. Да, да, да! а у васъ есть всѣ возможныя качества, чтобъ быть принятымъ въ Академію (*всторону, Шапелю*), жаль, это была бы чудная сцена! Впрочемъ, утѣшся, любезный другъ, за сюжетами дѣло не станетъ. Изобрази, напримѣръ, домашняго друга или увѣнчаннаго поэта — или подобныя характеры вседневной жизни (*смѣясь, кланяется Ламуаньону*)... Честь имѣю кланяться (*уходитъ*).

Шапель. Извините, прошу васъ, мой будущій сотоварищъ — вы хотѣли...

Маделена. Дать драматическій урокъ...

Ламуаньонъ (*всторону*). Умоляю васъ, молчите! (*громко*) Крайне сожалѣю о судьбѣ вашей трагедіи; я только-что узналъ объ этомъ; жаль, тѣмъ болѣе, что случай, какъ нарочно, въ этой молодой особѣ послалъ вамъ чудесную актрису...

Маделена. Представьте себѣ, г. Шапель! этотъ господинъ знаетъ наизусть цѣлыя сцены изъ новой Мольеровою пьесы...

Ламуаньонъ. Наизусть? о какой пьесѣ говорите вы?

ШАПЕЛЬ (*всторону*). О, да это чудесно (*громко*). О новой его пьесѣ, гдѣ онъ хочетъ побить всѣхъ волковъ, которые прикидываются смиренными овечками...

ЛАМУАНЬОНЪ. Не ужели Мольеръ ставить на сцену такіе предметы?..

МАДЕЛЕНА. Да и г. Шпель хотѣлъ представить лицемѣра...

ЛАМУАНЬОНЪ. Какъ? Вы...

МАДЕЛЕНА. Человѣка съ вѣсомъ, который покровительствуетъ всѣмъ лицемѣрамъ...

ШАПЕЛЬ (*всторону*). Ахъ, негодная болтушка!

МАДЕЛЕНА. Отъявленнаго врага науки, искусства и здраваго смысла.

ШАПЕЛЬ. Не вѣрьте этому, сотоварищъ мой! Одинъ Мольеръ развилъ подобный сюжетъ и съ такою, притомъ, желчью, что напоминаетъ самыя ѣдкія мѣста изъ Аристофана. Представьте себѣ! ужъ одно первое появленіе плута на сцену: входитъ лицемѣръ, видитъ дѣвушку—тотчасъ къ ней—любуется прелестною шеєю и наконецъ, въ борьбѣ между лицемѣріемъ и чувственностію, вынимаетъ носовой платокъ...

ЛАМУАНЬОНЪ. Платокъ?..

МАДЕЛЕНА. Чудесно!.. безподобно! на пробѣ Мольеръ именно такъ представилъ ту минуту, когда съ негодя срываютъ маску!

ЛАМУАНЬОНЪ. Срываютъ маску?.. Какъ?.. Быть выведеннымъ на сцену, на посмѣяніе всему Парижу, всей Франціи, всего свѣта! (*приходитъ въ боязливое волненіе*). Возможно ли это, господинъ Шпель?

ШАПЕЛЬ. Не откажите, однакожъ, мой будущій сотоварищъ, позавтракать со мной? Я знаю, вы охотникъ до маленькихъ лангедокскихъ трюфелей, что такъ глубоко лежатъ въ землѣ...

ЛАМУАНЬОНЪ (*въ волненіи*). Конечно, маленькіе, скрытые—а какъ называется эта негодная пьеса?

ШАПЕЛЬ. Женѣ моей привезли небольшой запасъ такихъ трюфелей—изъ Лангедока—они какъ-то особенно называются...

ЛАМУАНЬОНЪ. Этотъ родъ называютъ Тартюфами, любезный г. Шпель,—а возмутительная пьеса-то, какъ называется?

ШАПЕЛЬ. Именно тартюфами—пойдемте-же потолковать поближе.—Жена моя будетъ очень рада попотчевать васъ этими тартюфами! (*хочетъ идти съ нимъ*).

VIII.

МАТЬЕ (вбѣгаетъ). Превніе.

МАТЬЕ. Вотъ я и прикатилъ г. Шапель! — Новая-то, удивительная и цѣлымъ Парижемъ ожидаемая пѣса, названа по имени маленькихъ лангедокскихъ трюфелей, любимаго кушанья ханжи — *Тартюфомъ*. Только-что я подхожу къ театру, встрѣчается мнѣ режиссеръ. Сегодня, послѣ спектакля, первая проба. Въ восемь дней будетъ 16 пробъ и тогда дадутъ Тартюфа! Весь Парижъ ждеть не дождется; всѣ ложи разобраны на 40-ть представлений. Публика осаждаетъ кассу; это мастерское произведеніе Мольера! Маделена, намъ нельзя ни минуты мѣшкать. Твой первый дебютъ, твоя слава, твой триумфъ связанъ съ триумфомъ Тартюфа! (*Уводитъ Маделену*).

МАДЕЛЕНА (*присѣдаетъ*). Желаю вамъ хорошаго аппетита, господа; на здоровье покушать вашихъ маленькихъ тартюфовъ! (*Уходитъ съ Матье*).

ШАПЕЛЬ (*Смотритъ въ оцѣпененіи на Ламуаньона*). Тартюфъ?

ЛАМУАНЬОНЪ (*также*). Тартюфъ?

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЯ ВТОРОЯ.

Пріемная министра полиціи. На заднемъ планѣ корридоръ. Впереди столъ и нѣсколько стульевъ.

I.

АРМАНДА и **ЛЕФЕВРЪ** входятъ.

ЛЕФЕВРЪ. Чтò я вижу! Вы, величайшая артистка нашего столѣтія, здѣсь, въ полицейскомъ мірѣ! прикажете доложить о васъ министру?

Арманда. Не беспокойтесь, г. совѣтникъ! Если хоть одинъ изъ вѣнковъ, которые вы такъ часто бросали мнѣ на сцену изъ своей ложи, былъ знакомъ вашего ко мнѣ расположенія, то потрудитесь предупредить министра объ одномъ дѣлѣ, которое меня сильно тревожить.

Лефеврѣ. Весь Парижъ знаетъ, какъ интересуются вами въ высшемъ обществѣ. Я увѣренъ, что министръ непременно воспользуется случаемъ сдѣлать вамъ угодное. Позвольте доложить.

Арманда. Нѣтъ, нѣтъ, г. Лефеврѣ! Вы сами можете объяснить-ся вмѣсто меня! (всторону) Мольеръ ревнуетъ меня ко всѣмъ на свѣтѣ.

Лефеврѣ (всторону). Ей покровительствуетъ король, чего жъ ей нужно отъ министра?..

Арманда. Вы, безъ сомнѣнія, знаете, г. Лефеврѣ, что Мольеръ хочетъ послѣ завтра дать новую комедію.

Лефеврѣ. Къ пріѣзду короля — Тартюфа, о которомъ говорить весь Парижъ. Король будетъ въ восхищеніи, какъ увидитъ васъ въ главной роли.

Арманда. Я думаю, вы то же знаете, что сюжетъ этой мастерской пьесы...

Лефеврѣ. Похищенъ у моего несчастнаго пріятеля Шапеля? Ужъ не по этому ли дѣлу вы пришли сюда?

Арманда. Я ничего объ этомъ не знаю... Правда, у меня дѣло идетъ о похищеніи...

Лефеврѣ. Неужели?

Арманда. Если общаете не удаляться отъ предмета, такъ я еще разъ попытаюсь...

Лефеврѣ. Я весь превращаюсь въ слухъ.

Арманда. Ну, такъ слушайте! Знаете ли вы, что значитъ въ загулисномъ мірѣ суфлерская книга?

Лефеврѣ. Какъ не знать? Это раздувательный мѣхъ для слабой памяти, машина для спасенія погибающихъ и громовой отводъ для лѣтнихъ выхъ.

Арманда. Актеры всѣ въ тревогѣ: вчера, рано утромъ, на пятой пробѣ Тартюфа, украли, непонятнымъ образомъ, у суфлера его книгу!

Лефеврѣ. Вотъ будетъ въ отчаяніи Лагранжъ, онъ никогда не знаетъ своей роли.

Арманда. Нѣтъ, всѣ мы — въ отчаяніи. Не потому, чтобы небыло у насъ другаго экземпляра; это насъ не беспокоитъ. Вы пони-

маете—важность здѣсь вся въ томъ, что исчезла, непонятнымъ образомъ, изъ театра суфлерская книга такой комедіи, противъ которой могутъ родиться интриги, съ разныхъ сторонъ, — а главнѣе всего, чтобъ не узналъ объ этомъ Мольеръ.

ЛЕФЕВРЬ. А ему-то что до этого?

АРМАНДА. Онъ необыкновенно раздражителенъ. Вездѣ видятся ему призраки, враги. Узнай онъ объ этой покражѣ, станетъ думать: вотъ теперь вѣрно постараются сдѣлать подозрительнымъ сочиненіе, написанное съ одною благородною, нравственною цѣлью...

ЛЕФЕВРЬ. Случай, въ-самомъ-дѣлѣ, премудреной. Вы ни кого не подозреваете?

АРМАНДА. Съ нѣкоторыхъ поръ начали замѣчать челоуѣка, который, постоянно, утромъ и вечеромъ пробирается тайкомъ на пробы Тартюфа, въ темную галлерею нижняго яруса. Сторожа, убирающіе ложи, разсказываютъ, что заѣли метлой за что-то, похожее на челоуѣка; сначала онъ притаился, а потомъ, когда его вслугнули, бросился черезъ рампу въ партеръ. Чтобы не помѣшать пробѣ, они оставили въ покоѣ это привидѣніе; когда же, во время случайной отлучки суфлера, въ третьемъ актѣ, исчезла изъ его будки суфлерская тетрадь, — сторожа признались въ своей оплошности; одинъ изъ нихъ увѣрялъ даже, что, кажется, узналъ вора.

ЛЕФЕВРЬ. Кто же это былъ такой?

АРМАНДА. Матье, москотильщикъ изъ улицы Пѣтуха...

ЛЕФЕВРЬ. А что, еслибъ обыскать квартиру Матье, не говоря ничего Мольеру?

АРМАНДА. О! вѣдь вы такой ревностный другъ музъ! Отведите отъ него грозу: она можетъ убить его (*осматривается*). Что я вижу? Мольеръ! Неужели онъ узналъ? Онъ оглядывается недоуверчиво. Бѣда, если онъ меня увидитъ.

ЛЕФЕВРЬ. Что его привело сюда?

АРМАНДА (*всторону*). Онъ слѣдитъ за мною... его недоуверчивость безгранична. — Какъ бы мнѣ уйти?..

ЛЕФЕВРЬ. Идите сюда, Арманда! (*показываетъ вправо на выходъ*).

АРМАНДА. А то, о чемъ мы говорили...

ЛЕФЕВРЬ. Немедленно доложу министру: противъ похищенія рукописей постановленія наши очень строгі; нѣкоторыя я самъ составляю; это ужъ предоставьте мнѣ. Матье, улица Пѣтуха — надо выхлопотать приказаніе арестовать его... Сюда, сюда, прелестная Арманда (*отводитъ ее въ боковую дверь*)!

II.

МОЛЬЕРЪ одинъ, потомъ ЛЕФЕВРЪ.

МОЛЬЕРЪ (*въ волненіи*). Идти ли мнѣ дальше? я постоянно замѣчаю, что у ней есть какія-то тайны... Съ отъѣздомъ короля въ Версаль, думалъ я, кончатся всѣ эти загадки, но во всѣхъ маскахъ нисколько нѣтъ правды. На сценѣ ложь, ложь и за сценой... ни одного задушевнаго чувства... Въ вашихъ объятіяхъ кажутся онѣ нѣжными, преданными, минутою спустя, вотъ здѣсь, на сценѣ, передъ зрителями, уже не то; здѣсь глаза ихъ принадлежатъ всему свѣту; тутъ начинается любезничанье, ласковые взгляды, умильные улыбки, тому, этому, туда, сюда, вверхъ, внизъ... и вотъ, что называютъ онѣ принадлежностью искусства, вотъ что значитъ, у нихъ, проникнуться духомъ роли.

ЛЕФЕВРЪ (*возвращаясь*). Здравствуйте, г. Мольеръ! какимъ образомъ общественная безопасность удостоилась посѣщенія поэта, который скоро полицію сдѣлаетъ не нужною? Вѣдь ни одинъ порокъ не можетъ скрыться отъ Мольера...

МОЛЬЕРЪ. Мадмуазель Арманда у министра? я видѣлъ, какъ она вошла въ отель ея высокихъ почитателей...

ЛЕФЕВРЪ (*показывая на окно*). Прелестное созданіе это идетъ, вотъ, посмотрите, на площади.

МОЛЬЕРЪ. Да, точно, это она. Что она здѣсь дѣлала? — Не обокрали ли ее?

ЛЕФЕВРЪ (*всторону*). Какая игра фizioноміи! Думаешь, что видишь его въ роли скупаго (*громко*). Не ее, а васъ обокрали, г. Мольеръ!

МОЛЬЕРЪ. Меня?

ЛЕФЕВРЪ (*всторону*). Точно, какъ въ роли скупаго! и все это я вижу даромъ.

МОЛЬЕРЪ (*всторону*). Неужели отъ меня скрыли какое-нибудь воровство? Что бы такое у меня украли?..

ЛЕФЕВРЪ. Видѣли человѣка, который украдкой пробирался на всѣ пробы новой вашей пьесы и въ то время, какъ всѣ углубились въ свои занятія, онъ укралъ изъ гардероба одинъ изъ лучшихъ вашихъ париковъ.

МОЛЬЕРЪ. Ну, такъ! быть-можетъ тотъ, что я надѣваю въ Мизантропѣ. Объ этомъ Арманда и хотѣла объявить!.. скажите, пожалуйста, украли у меня парикъ!..

ЛЕФЕВРЪ (*всторону*). Легковѣренъ, какъ дитя!

МОЛЬЕРЪ. Держу пари, что воръ — какой-нибудь актеръ изъ провинціи, которому надобно тамъ, какъ гостю, играть роль Мизантропа, а не на что купить для этого волосъ...

ЛЕФЕВРЪ. Или, можетъ-быть, и поклонникъ Мольера, который, гдѣ-нибудь въ провинціи, объявить въ афишахъ: «въ первый разъ— Мизантропъ, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, Мольера.» Герой пьесы будетъ играть роль Альцеста, въ парикѣ самого Мольера.» Но, что тамъ за шумъ?..

III.

МАТЬЕ, за нимъ два полицейскихъ служителя. Прежніе.

МАТЬЕ (*еще за сценой*). Просто, неслыханное дѣло... Парижскій гражданинъ... Какъ можно почитателя Мольера... Г. Мольеръ, помилуйте, какъ можно подозревать меня въ похищеніи вашей собственности!.. Я Жанъ-Пьеръ-Матье, изъ улицы Пѣтуха — опекунъ и театральнй воспитатель Маделены-Бежаръ...

МОЛЬЕРЪ. Матье, неужели вы украли парикъ?

ЛЕФЕВРЪ (*всторону*). Вотъ не кетати-то подвернулся!

МАТЬЕ. Укралъ парикъ?

ЛЕФЕВРЪ. Отведите арестанта къ допросу.

МАТЬЕ. Милостивый государь, мнѣ самому надо спросить Маделену Бежаръ, мое созданіе; прослушать ея несравненную роль въ пьесѣ, которой рукопись, говорятъ, я укралъ...

МОЛЬЕРЪ. Что ты сказ...

ЛЕФЕВРЪ. Прочь его, прочь!

МОЛЬЕРЪ (*поблдиливъ*). Украдена рукопись Тартюфа?

МАТЬЕ. Да, помилуйте, я знаю всю пьесу наизусть, выучилъ ее на пробахъ, гдѣ бывалъ всегда тайкомъ, изъ любви къ искусству, и чтобъ я сталъ таскать у суфлера рукопись Тартюфа!

МОЛЬЕРЪ. Чтò я слышу?

ЛЕФЕВРЪ. Не безпокойтесь, г. Мольеръ, Арманда рассказала мнѣ о загадочномъ похищеніи вашей рукописи, и такъ-какъ подозрительно, когда человѣкъ пробирается въ театръ тайкомъ...

МАТЬЕ. Мольеръ меня знаетъ. Мольеру извѣстно, къ чему способны мои руки, для пользы искусства; но, украсть сочиненіе, которое до представленія, должно оставаться въ тайнѣ...

МОЛЬЕРЪ (*въ волненіи*). Г. Лефевръ, отпустите Матье Онъ!

человѣкъ честный; на это онъ не способенъ! Тартюфа у меня подучили украсть, чтобъ повредить ему до представления. — Вы не знаете всѣхъ хитростей зависти и коварства ханжей... Подобнаго случая еще не бывало... Все тревожитъ меня до такой степени...

IV.

ДЮБУА, скорыми шагами выходитъ изъ кабинета министра, держа въ рукахъ записку. *Прежніе.*

Дюбуа (отзывая Лефевра всторону, показываетъ ему записку, которую Лефевръ внимательно читаетъ).

МАТЬЕ. Вотъ лейбъ-медикъ короля... Пусть онъ меня изслѣдуетъ, способенъ ли я къ воровству...

ЛЕФЕВРЪ (*подходитъ съ запиской къ Мольеру*). Мольеръ, было бы легкомысліемъ скрывать отъ васъ содержаніе безыменнаго письма, только-что полученнаго министромъ полиціи, которое сію-минуту сообщилъ мнѣ г. Дюбуа. Прочтите.

МОЛЬЕРЪ (*читаетъ въ большомъ волненіи*). «Г. министр! Носится слухъ, что сцену хотятъ сдѣлать позорищемъ никогда не бывалаго злоупотребленія. Г. Мольеръ, слѣдуя склонности своей къ отмщенію образованному обществу, за то, что сословіе актеровъ считается не первымъ во Франціи, выставляетъ публично такъ называемыя предразсудки и пороки. Нынѣ онъ коснулся даже высокой нравственности. Подъ именемъ *Тартюфа* намѣренъ онъ представить характеръ, первѣйшая добродѣтель котораго — кротость и смиреніе. Всѣ люди религіозные и нравственные ожидаютъ отъ г. министра полиціи, что онъ не допуститъ на театрѣ подобнаго соблазна и тѣмъ, въ глазахъ людей благомыслищихъ, спасетъ и безъ того уже павшую нравственность города Парижа. — Нѣсколько возвышенныхъ душъ (*стоитъ безмолвенъ*)...»

МАТЬЕ. Такъ вотъ одна изъ этихъ возвышенныхъ душъ и украла пьесу. Но успокойтесь, г. Мольеръ, я знаю ее наизусть; сейчасъ иду домой и напишу. Не даромъ терзѣлъ я отъ метель сторожей. Не удастся имъ истребить Тартюфа! На зло имъ, Тартюфъ останется живъ; память моя воскреситъ его на вѣки! (*убѣгаетъ*).

(Полицейскіе слѣдуютъ за нимъ).

ДЮБУА. Г. Мольеръ, министръ желаетъ лично васъ видѣть. Вотъ онъ!

V.

ЛЮННЬ и прежніе.

ЛЮННЬ. А! здравствуйте Лефевръ! что скажете о письмѣ?

ЛЕФЕВРЪ. Я очень радъ, что на эту пору, случился здѣсь самъ Мольеръ...

ЛЮННЬ. Неужели, г. Мольеръ?

МОЛЬЕРЪ (*дрожа*). Да, г. министръ, еще не могу прійти въ себя: такъ поразилъ меня этотъ доносъ.

ЛЮННЬ. Хотѣли сдѣлать подозрительно въ глазахъ моихъ новую пьесу, которую вы вскорѣ намѣрены представить.

МОЛЬЕРЪ. Нѣтъ, хотѣли не того, а исказивъ истинное направленіе пьесы, хотѣли, чтобъ вся отвѣтственность за ея представленіе легла на совѣсть человѣка, который слишкомъ благороденъ и правдивъ для того, чтобъ интересы искусства принести на жертву лицемѣрамъ.

ЛЮННЬ. Но интересы искусства не должны же, любезный Мольеръ, нарушать общественныхъ уставовъ. Объясните мнѣ, однакожь, откровенно, содержаніе Тартюфа; вы увидите, что я сумѣю различить сатиру отъ пасквиля. Прошу садиться. (*Садится*).

ДЮБУА (*всторону*). 11-ть часовъ — однакожь послушаю Мольера (*береть стулъ*).

ЛЕФЕВРЪ (*всторону*). Чтожь, если я пропущу одно засѣданіе въ судѣ? Такой случай не воротится!

(*Придвигаетъ стулъ*).

(*Всѣ сидятъ*).

МОЛЬЕРЪ (*все еще въ сильномъ волненіи, но обращаетъ вниманіе на мѣсто, гдѣ находится*). Прошу васъ, г. министръ, припомнить, какую задачу задалъ я себѣ въ отношеніи французской сцены. Я засталъ комедію моихъ предшественниковъ въ видѣ безнравственныхъ и грубыхъ фарсовъ; слабыми своими силами стремился я дать ей болѣе возвышенное, благородное значеніе; въ искусствѣ искалъ я оружія для борьбы просвѣщенія съ ложью, осмѣлился выставить предъ глазами свѣта эгоизмъ, тщеславіе, низкій обманъ, во всѣхъ его видахъ и старанія мои были не безуспѣшны: мнѣ отдали справедливость, что, чрезъ меня, сцена получила по-крайней-мѣрѣ, болѣе благородное значеніе...

Лионнь. Не только нація, но и самъ король призналъ за Мольеромъ славу этихъ преобразованій.

Лефевръ (всторону). Слава Богу, что похвалъ этихъ не слышитъ Шапель!

Мольеръ. Изобразивши рядъ комическихъ характеровъ, представивши скупость, ни на чемъ не основанную ревность, жажду почестей, дошелъ я, наконецъ, также и до разряда самыхъ опасныхъ плутовъ, — до лицемѣровъ, скрывающихъ темныя дѣла свои подъ маскою смиренія. Я далекъ отъ намѣренія оскорбить сердца истинно-правдивыя, но не суцая ли зараза для общества, когда ежедневно, въ мирную среду семействъ, на кафедры, въ кабинеты проникаютъ люди, скрывающіе, подъ покровомъ строгой добродѣтели, одно лишь личное свое честолюбіе. Вотъ, противъ этихъ-то враговъ семейнаго мира и общественнаго порядка, которые преслѣдуютъ, по словамъ ихъ, изъ состраданія, которые не навидятъ, говоря языкомъ ихъ, изъ любви, — противъ нихъ устремилъ я своего Тартюфа, ихъ вызываю на честный бой, въ которомъ, я надѣюсь, поддержать меня всѣ, у кого въ сердцахъ истинная вѣра и чистая совѣсть.

Лионнь. Объясните мнѣ самый планъ вашего нападенія?

Мольеръ. Въ Тартюфѣ представилъ я отчаяніе семейства, сдѣлавшагося жертвою подобнаго лицемѣра. Отецъ мой былъ друженъ съ человѣкомъ, который самымъ безукоризненнымъ образомъ приобрѣлъ изрядное состояніе. Чтобъ насладиться имъ, Дюлесси уѣхалъ въ деревню и нѣкоторое время жилъ счастливо съ красавицей-женой, достойной любви и двумя прелестными дѣвочками, единственными ихъ дѣтьми. Но здѣсь, несчастная звѣзда привела въ домъ ихъ человѣка, который, подъ личиною добродѣтели, погубилъ ихъ всѣхъ. Вкравшись сперва въ довѣрчивость старушки-матери Дюлесси, снискавъ онъ дружбу самаго богача и, посредствомъ ея, захватилъ въ свои руки неограниченную власть надъ всѣмъ домомъ, по всѣмъ дѣламъ... Только и твердилъ онъ о задушевной дружбѣ, о слияніи сердець. Дюлесси, меланхоликъ отъ природы, совершенно удалился отъ практической жизни и вѣрилъ вѣроломному другу управление всѣмъ имѣніемъ. Негодяй воспользовался этимъ, какъ нельзя лучше. Дюлесси предостерегали, но онъ слѣпо вѣрилъ человѣку, то и дѣло твердившему о любви къ ближнимъ. Разочарованіе его было ужасно. Злодѣй, похитивъ его имѣніе, скрылся, оставивъ его въ нищетѣ съ бѣдными дѣтьми; мать, съ горя, умерла; старикъ тоже не вынесъ горя, дѣтей прирѣкли чужіе люди; изъ тысячъ, имъ принадлежавшихъ, не было никакой возможности хоть бѣздѣлицу вырвать

изъ рукъ злодѣя; отъ суда избавился онъ крючкотворствомъ; потомъ сталъ быстро возвышаться и теперь занимаетъ, — да нѣтъ — теперь онъ ужь не лице, а одна только идея, на которой я и основалъ Тартюфа.

Лионнь (*встаетъ и прочіе также*). Мольеръ, Людовикъ XIV поставилъ меня на этотъ постъ, для преслѣдованія враговъ правсвеннаго порядка его земли, но не таковъ — поэтъ, который прекрасный талантъ свой употребляетъ только на пользу современниковъ и потомства. Поэтому, я не нахожу препятствія къ представленію вашей пьесы.

Дюбуа и Лефевръ. Bravo!

Мольеръ. Мнѣ право совѣстно, г. министръ. Всѣмъ, что я сдѣлалъ, обязанъ я одному вдохновенію искусства, которое люблю и которое, за то, — въ этомъ вся моя гордость, — любить меня.

Лионнь. А этотъ первообразъ, этотъ подлинникъ вашего Тартюфа, — кто онъ?

Мольеръ (*уклончиво*). Онъ... его... нѣтъ, кажется, уже въ живыхъ. Да и кромѣ того, ханжи такого рода попадаются дюжинами на всѣхъ перекресткахъ.

Лионнь. Вы избѣгаете прямого отвѣта, Мольеръ! скажите по совѣсти: нѣтъ ли, кромѣ умершаго подлинника, кого-нибудь еще, кто бы, въ особенности, могъ принять Тартюфа на свой счетъ?

Мольеръ. Признаюсь, я собиралъ вездѣ, гдѣ могъ, отдѣльные черты этихъ лицемѣровъ. Въ довершеніе, я узналъ слѣдующій анекдотъ. Къ одному изъ главныхъ начальниковъ этой вредной партіи пришла молоденькая крестьянка изъ Лиможа, хорошенькая, свѣженькая, которая думала, что ей нельзя прискаты лучшаго мѣста, какъ въ такомъ благонаравномъ домѣ. Мой Тартюфъ началъ ее экзаменовать. Онъ хотѣлъ лично убѣдиться: тверда ли она въ добродѣтели, а вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно ли сильны ея плечи, чтобъ нести бремя испытаній. На шеѣ у красавицы была клѣтчатая бумажная косынка. Тартюфъ беретъ эту косынку за одинъ конецъ и дергаетъ, сперва легонько, потомъ сильнѣе и сильнѣе. Красотка отступаетъ; онъ — за ней; наконецъ и весь платокъ у него въ рукахъ. Въ эту минуту открывается дверь и входитъ другъ его! Тартюфъ, что это вы дѣлаете? спрашиваетъ онъ. Блѣдный, испуганный, пойманный лицемѣръ едва могъ пробормотать: «Любезный братъ мой! Я только хотѣлъ поближе удостовѣриться о состояніи Лиможской бумажной промышленности...»

(*Всѣ смѣются*).

ЛЕФЕВРЪ. О! недавно и я засталъ одного господина среди подобныхъ розысканій. Неужели, это президентъ Ламуаньонъ?

МОЛЬЕРЪ Ламу... (*молчаніе*). Въ Тартюфѣ изобразилъ я не отдѣльное лице, а цѣлый родъ.

ЛЮОНЪ. Мольеръ! если только въ Тартюфѣ нѣтъ ничего противъ существующихъ законовъ, такъ не беспокойтесь. Тартюфъ долженъ жить, жить для французской сцены! Если еще не все ложи разобраны, то, прошу васъ, оставьте одну для меня; искренно васъ поздравляю съ блестящимъ успѣхомъ, который предрекаю заранѣе.

МОЛЬЕРЪ. Ахъ! я дышу свободнѣе при мысли, что поэтъ, подъ защитою такихъ людей, какъ вы, можетъ слѣдовать высокому своему призванію, служить истинѣ и просвѣщенію. Разговоръ мой съ вами, г. министръ, даетъ мнѣ новую силу и бодрость подвизаться впередъ на тернистомъ пути моемъ... но... пора на пробу. Позвольте мнѣ откланяться (*быстро уходитъ*).

ЛЕФЕВРЪ (*беретъ шляпу*). А есть разница между моимъ добрымъ Шапелемъ и этимъ Мольеромъ!

ДЮБУА (*также*). Жаль, что наши Тартюфы не ходятъ въ театръ: какъ бы восхитила ихъ сцена, гдѣ они являются покровителями Лиможской промышленности.

ЛЮОНЪ. Король любитъ Мольера, и я (*разрывая письмо*) не намѣренъ слушать подобныхъ навѣтовъ.

СЛУГА (*докладываетъ*). Г. президентъ Ламуаньонъ!

(*Все переглядываются съ удивленіемъ*).

ДЮБУА. Видно мы прежде остальной публики увидимъ Тартюфа.

ЛЮОНЪ. Чтѣ ему нужно!

ЛЕФЕВРЪ. Вотъ онъ самъ.

VI.

ЛАМУАНЬОНЪ и прежніе.

ЛЮОНЪ. Чтѣ за рѣдкая честь, дорогой президентъ!

ЛАМУАНЬОНЪ. Извините, возлюбленный братъ мой; минуты нѣтъ свободной: это множество благотворительныхъ обществъ, богоугодныхъ заведеній, преобразование нравственныхъ учреждений и мало ли чтѣ входитъ въ дѣятельность человѣка, который стремится единственно къ тому, чтобы все пересадить на почву нравственности.

Дюбуа. Такая дѣятельность какъ нельзя болѣе полезна вашему здоровью.

Ламуаньонъ. Вы думаете, докторъ? пощупайте-ка мой пульсъ! или нѣтъ, не надо; я больше не вѣрю докторамъ.

Дюбуа. Можетъ ли это быть? Кто же у васъ похитилъ вашу до-вѣрчивость?

Ламуаньонъ. Нынѣшніе сатирики, любезнѣйшій мой!.. Въ Па-рижѣ теперь надо всеѣмъ смѣются.

Лефеврѣ. Даже надъ изученіемъ бумажной промышленности?

Ламуаньонъ. Бумажной — что вамъ вздумалось заговорить о бумагѣ?

Лефеврѣ. (*всторону*). Каково, каково, онъ изумился! (*громко*). Не правда ли: нынче овцеводство такъ развелось, что, во Франціи, о бумагѣ и толковать не стоить?

Ламуаньонъ. Да, г. совѣтникъ, вы хотите этимъ намецнуть на адвокатовъ! Съ-тѣхъ-поръ, какъ наши новѣйшіе сатирики показали намъ, что такое нотариусы, — при словахъ: овцеводство, стрижка овецъ, неволью подумаетъ о тяжбахъ. Но не въ томъ дѣло. Любез-ный Лионъ, у меня есть къ вамъ пренепріятное порученіе.

Лионъ. Какъ это такъ? Вы всегда были вѣстникомъ мира, другъ Ламуаньонъ!

Ламуаньонъ. Не охотно взялъ я на себя это непріятное для васъ дѣло. Подъчасъ и всеобщее довѣріе — не радость.

Лионъ. У насъ нервы крѣпки. Расскажите, что вамъ угодно?

Дюбуа. Быть-можетъ, дѣло секретное? (*Беретъ шляпу*).

Ламуаньонъ. О нѣтъ; о немъ толкуетъ весь городъ. 270 почетнѣйшихъ гражданъ Парижа поручили мнѣ подать вамъ вотъ это прошеніе и выхлопотать рѣшеніе въ ихъ пользу.

(*Вынимаетъ изъ кармана большой свертокъ*).

Лефеврѣ. Можетъ-быть просить наложить пошлину на красныя лиможскія косынки?..

Ламуаньонъ. (*всторону*). Что это ему далась красныя лиможскія косынки?

Лефеврѣ (*всторону*). Чудесно! Другъ промышленности — не премѣнно Ламуаньонъ.

Ламуаньонъ. Мнѣ кажется, дѣло идетъ о неприличномъ теат-ральномъ зрѣлищѣ. 270-ть гражданъ, въ этой просьбѣ, изъявили желаніе — хотять, право не почню...

Лионъ. (*прочитавши*). Бездѣлица — запрещеніе Тартюфа!

ЛЕФЕВРЪ и ДЮБУА. Неужели?

ЛАМУАНЬОНЪ. Запрещенія тар...а?.. Что такое—Тартюфъ?

ЛЮННЬ, ЛЕФЕВРЪ и ДЮБУА. Тартюфъ?

ЛАМУАНЬОНЪ. А! Тартюфъ? Такъ точно... помню, театральная пьеса... думаютъ, что она произвела бы во Франціи соблазнъ, еслибы допустили публично осмѣять всѣхъ ревнителѣй нравственности.

ЛЕФЕВРЪ. Всѣхъ, г. президентъ? одного только!

ЛАМУАНЬОНЪ. Кого это! конечно одного только.

ДЮБУА. Представителя, такъ сказать, цѣлаго рода.

ЛАМУАНЬОНЪ. (*запальчиво*). Скажите лучше, представителя добродѣтели. ТѢ 270-тъ гражданъ, въ подобныхъ нападкахъ видятъ всеобщій соблазнъ и просятъ министра полиціи запретить Тартюфа.

ЛЮННЬ. Одного только имени не вижу я въ этомъ спискѣ: вашего, Ламуаньонъ.

ЛАМУАНЬОНЪ. Какое мнѣ дѣло до этихъ суетностей? По моему убѣжденію, которое крѣпче гранита, благо ни сколько не потерпитъ отъ нападенія поклонниковъ ваала.

ЛЮННЬ. И прекрасно, Ламуаньонъ! Это же отвѣчайте и кліентамъ вашимъ. Черезъ три дня будетъ первое представленіе Тартюфа.

ЛАМУАНЬОНЪ. Будетъ черезъ три... дня?..

ЛЕФЕВРЪ. Актеры прекрасно разучили пьесу, не много понадобится пробъ,—особенно удачна сцена съ косынкой.

ЛАМУАНЬОНЪ. Какая?

ЛЕФЕВРЪ. Какъ какая? Да развѣ тамъ нѣсколько сценъ съ косынками?

ЛАМУАНЬОНЪ. Господа, повторяю то, что я уже сказалъ въ собраніи (*съ удареніемъ*) 270-ти первѣйшихъ гражданъ Парижа, что смиреннымъ людямъ нечего опасаться насмѣшекъ скомороха, но...

ДЮБУА. Но, говорятъ, у этого скомороха бездна остроумія и необыкновенный талантъ подражанія.

ЛАМУАНЬОНЪ. Скоро вы это сами испытаете.

ДЮБУА. Кто? я?

ЛАМУАНЬОНЪ. Да, конечно, вы. Развѣ вы не знаете, что вслѣдъ за Тартюфомъ, если онъ удастся, дана будетъ пьеса: «Мнимый больной.»

ДЮБУА. Мольеръ не станеть острить надъ больными.

ЛАМУАНЬОНЪ. Не надъ больными, а надъ докторами.

Дюбуа. Чтò ему въ нихъ не понравилось?

Ламуаньонъ. Не угодно ли взглянуть на два первыя дѣйствія комедіи, читанной у Ниноны де Ланкло? Мѣсяца черезъ два, не только Тартюфы, но Діафуарусы будутъ посмѣшищемъ всего Парижа.

Дюбуа. Діафуарусъ? кто это такой?

Ламуаньонъ. Величайшій невѣжда въ медицинѣ, какого только свѣтъ производилъ, который безъ толку и смыслу душитъ больныхъ своими микстурами, безсовѣстный неучъ, получившій отъ факультета похвальный отзывъ за пилюли новаго рода, изъ хлѣбныхъ корокъ, за тинктуру изъ чистой колодезной воды и за пластырь изъ простой смолы! Да, батюшка, не пройдетъ и года, какъ придется докторамъ продать ихъ покойные экипажи, и если къ больному явится врачъ, такъ врача вытолкають за дверь.

Дюбуа. (*смотритъ на часы*). Мнѣ говорили что два дѣйствія, читанныя Мольеромъ у Ниноны, произвели сильнѣйшій смѣхъ, но на это, г. министръ, не обращайтесь никакого вниманія: на театрѣ необходима сатира.

Ламуаньонъ. Въ этой комедіи есть еще врачъ Пюргонъ и аптекаръ Флѣранъ, т. е. процвѣтающій, потому-что процвѣтаніе врача и аптекаря тѣсно связано, если умирають пациенты. Пюргонъ и Діафуарусъ поклялись погубить другъ друга, и храбро сражаются пилюлями и кашками, избравши поле битвы — больной организмъ бѣднаго Оргонта. Не умѣю сказать, на кого изъ нихъ Дюбуа будетъ больше похожъ, а знаю только, что придется докторамъ раскланяться съ ихъ благодатной практикой: послѣ Мольерова «Мнимаго больного,» парижане не будутъ умѣть отличить врача отъ шарлатана.

Дюбуа. Конечно, г. министръ, и сцена должна непременно имѣть извѣстные предѣлы, за которые не долженъ переходить Мольеръ, человекъ, какъ мнѣ кажется, подверженный страданіямъ печени, однимъ словомъ — ипохондрикъ... Однако... конечно... разумѣется... если положимъ даже... нѣкоторымъ образомъ... это вѣдь одно только мое простое, прямое мнѣніе... мое почтеніе. (*Уходитъ въ раздраженіи*).

Лефевръ (*смотритъ на министра, читающаго просьбу*). Ага! просьба дѣйствуетъ! г. президентъ, нѣтъ ли у Мольера пьесы и противъ адвокатовъ? Меня не такъ скоро удастся вамъ обратить на путь истинный.

Ламуаньонъ. Очень жаль, г. совѣтникъ, если вы думаете, что я предубѣжденъ противъ Мольера и стараюсь о запрещеніи его пьесъ.

ЛЕФЕВРЪ. Гдѣ же задѣлъ Мольеръ адвокатовъ? А если и такъ — я вѣдь нотаріусъ и первый экзекуторъ * верхняго суда.

ЛАМУАНЬОНЪ. Мольеръ не задѣнетъ нотаріусовъ, онъ ужъ задѣлъ ихъ.

ЛЕФЕВРЪ. Гдѣ?

ЛАМУАНЬОНЪ. Въ Тартюфѣ.

ЛЕФЕВРЪ. Въ Тартюфѣ?

ЛАМУАНЬОНЪ. Я читалъ Тартюфа.

ЛЕФЕВРЪ. Знаете ли, что у Мольера украли одинъ экземпляръ?

ЛАМУАНЬОНЪ (*испугавшись*). Тамъ... въ томъ въ собраніи... тѣхъ 270 гражданъ прочли одинъ экземпляръ. Какъ онъ тамъ очутился — не знаю. Вотъ Тартюфъ.

(*Достаетъ изъ кармана книгу въ четверть листа*).

ЛЮОНЪ. Какъ? Это и есть сочиненіе, которое начинается насъ такъ серьезно занимать?..

ЛЕФЕВРЪ (*въ волненіи*). Очень бы любопытно прочесть то мѣсто, гдѣ Мольеръ смѣется надъ адвокатами и нотаріусами.

ЛАМУАНЬОНЪ. А вотъ позвольте. Первые четыре дѣйствія публика потѣшается надъ лицемѣромъ, въ которомъ, конечно, не узнаетъ себя никто изъ чистыхъ смиренныхъ душъ. — Но въ пятомъ актѣ дѣло принимаетъ иной оборотъ. — Тартюфъ, для полученія наслѣдства пронырствами ..

ЛЕФЕВРЪ. Гдѣ написано пронырствами?

ЛАМУАНЬОНЪ. Читайте сами. Тартюфъ, для полученія наслѣдства пронырствами, выхлопоталъ себѣ приписъ къ духовной...

ЛЕФЕВРЪ. Гдѣ написано приписъ къ духовной?

ЛАМУАНЬОНЪ. Выхлопоталъ себѣ приписъ къ духовной, по которой и отдѣлили ему значительную часть Оргонтова имѣнія. Юстиція... слушайте, слушайте... юстиція, за одно съ лицемѣромъ, нашла своего представителя въ лицѣ нѣкотораго г. Дуаяля.

ЛЕФЕВРЪ. Гдѣ, гдѣ написано г. Дуаяля?

ЛАМУАНЬОНЪ. Дуаяль, адвокатъ, нотаріусъ и первый экзекуторъ верхняго суда въ Константинополѣ, или въ Калькуттѣ, гдѣ вамъ угодно, — ге, ге, ге, да вѣдь кому же придетъ въ голову, что это у насъ?

* Можно также вмѣсто слова: *Экзекуторъ* (*Huissier*) употреблять слово: *Приставъ*; потому-что «въ Тартюфѣ» Мольера *Loyal Sergent*, т. е. судейскій приставъ.

ЛЕФЕВРЪ. Покажите мнѣ, что говорить этотъ Луаяль.
ЛАМУАНЬОНЪ. Дѣйствіе 5, явленіе 4. Прочтите только эти уми-
лительныя слова, которыя Мольеръ заставляетъ говорить представителя
нотариусовъ, разберите только слова г. Луаяля о самомъ себѣ: онъ ро-
домъ изъ Нормандіи!

ЛЕФЕВРЪ. Какъ? и я изъ Нормандіи.

ЛАМУАНЬОНЪ. Я васъ не трогаю. Я обращаюсь къ вамъ, г. ми-
нистръ. Г. Луаяль излагаетъ всю свою систему крючкотворства, благо-
даря которой сословіе нотариусовъ, какъ вамъ извѣстно, пользуется въ
парижской публикѣ всеобщимъ довѣріемъ... Вы думаете, публика ста-
нетъ плакать, когда несчастный обманутый Оргонтъ говорить — вотъ
прочтите сами, — что далъ бы сто лундоровъ за то, чтобъ плуту Луа-
ялю, за его подъяческія штуки, можно было дать оплеуху, — да такую,
чтобъ у него до самой смерти звенѣло въ ушахъ.

ЛЕФЕВРЪ. Неужели тамъ есть такой стихъ?.. Это Мольеру не-
простительно! Никакъ я не воображалъ, чтобъ онъ сталъ писать та-
кія предосудительныя вещи про нотариусовъ и экзекуторовъ. — Безъ
всякаго сомнѣнія, г. министръ, для сцены должны существовать из-
вѣстные предѣлы; ихъ обязанъ уважать и Мольеръ, которому, вѣ-
роятно, досадно, что ему иногда случается проигрывать тяжбы...

ЛЮОНЪ. Такъ вы желаете запрещенія Тартюфа?

ЛЕФЕВРЪ. О, нѣтъ... вовсе нѣтъ... но, однако... если съ дру-
гой стороны... положимъ даже... мое глубочайшее почтеніе! (*ухо-
дить разсерженный*).

ЛЮОНЪ. Вы, Ламуаньонъ, можетъ-быть, во многомъ правы, да
и я не изъ числа тѣхъ, которые одобряютъ своеволие въ изящной
словесности... Но вы знаете, сколько шуму надѣлаетъ Мольеръ
при запрещеніи его пьесы: знаете, что король такъ занятъ дѣлами
государственными, что ему некогда читать, но что онъ, однакожь,
очень любитъ сценическое искусство, любитъ Мольера — и его жгу-
чія, смѣлыя произведенія.

ЛАМУАНЬОНЪ. Да и королю пьеса эта не покажется чрезъ-
чуръ льстивою...

ЛЮОНЪ. Льстивою? какъ такъ?..

ЛАМУАНЬОНЪ. Въ концѣ ея говорится и про него.

ЛЮОНЪ. Какъ! про короля?

ЛАМУАНЬОНЪ. Да, одно изъ дѣствующихъ лицъ осмѣливается
говорить въ честь Людовика XIV — торжественно похвальное слово.

ЛЮОНЪ. Странно! вѣроятно Мольеръ увлекся здѣсь личнымъ

своимъ чувствомъ... Однакожь, я полагаю, что тутъ рѣчь идетъ только о справедливости короля?

Ламуаньонъ. Нѣтъ, г. министръ, тутъ выражается радость, что Людовикъ XIV простую, прямую добродѣтель предпочитаетъ ханжеству.

Лионнь. Гмъ, гмъ? здѣсь нѣтъ никакого такту!

Ламуаньонъ. Вамъ извѣстно, что король до сей-минуты не рѣшилъ еще, какъ смотрѣть на борьбу противъ янсенистовъ, на миссіонеровъ въ провинціяхъ, на орденскія братства, и вдругъ какой-нибудь актеръ смѣетъ указывать, предъ цѣлою Франціей, какихъ началъ онъ долженъ держаться!

Лионнь. Королю, конечно, не понравилось бы, еслибъ осмѣлились провозглашать такія начала...

Ламуаньонъ. И при томъ устами полиціи!..

Лионнь. Какъ, пол..?

Ламуаньонъ. Такъ точно, похвальное слово королю говорить никто иной, какъ добрякъ, простой полицейскій комиссаръ.

Лионнь (*смотря на книгу*). Поли... Прошу покорно, ужъ и на полицію!.. Нѣтъ, Ламуаньонъ, скажите прямо вашимъ почтеннымъ гражданамъ, что блага человѣчества я не упушу изъ виду. Книгу эту можете возвратить Мольеру, замѣтивъ ему, что для общей пользы государства я вынужденъ — запретить Тартюфа (*уходитъ*).

Ламуаньонъ (*торжествуя*). Га! Всѣ они Тартюфы! Всѣ до одинаго! Всѣ! въ какомъ бы костюмѣ ни ходили, у себя ли дома, или въ обществѣ, кому бы ни поклонялись, — мамонтъ, красавицамъ, или своему эгоизму — все-таки — всѣ они Тартюфы! Всѣ! всѣ! Теперь только одинъ вопросъ: какъ Мольеръ узналъ о тебѣ, Дюп-лесси? Но... мертвые не утрашаютъ меня — побѣда моя!

(*Уходитъ*).

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Комната во дворцѣ Людовика XIV.

I.

ДЕЛАРИВЪ, потомъ ЛАКЕЙ и ЛІОННЬ.

Деларивъ (*одинъ у окна*). Минута уходитъ за минутой, а желаннаго отвѣта — нѣтъ какъ нѣтъ. Арианда и не подозрѣваетъ, какъ нетерпѣливо его ждетъ ея высокій покровитель.

Лакей. Г. министръ полиціи (*уходитъ*).

Ліоннь (*входя*). Здравствуйте, камергеръ! Долго же вы были въ Версали!

Деларивъ. За то вернулся въ самую пору, когда можно отъ души похохотать.

Ліоннь. Похохотать? надъ чѣмъ?

Деларивъ. Ха, ха, ха! Ліоннь, да вы первый комикъ въ Парижѣ...

Ліоннь. Комикъ? Съ какой стороны? Надъ чѣмъ вы смѣетесь?

Деларивъ. Мочи нѣтъ! ха, ха, ха! Вы найдете короля въ такомъ расположеніи духа... ха, ха, ха!

Ліоннь. Странно! и король... ха, ха, ха!

Деларивъ. Да вы-то чему смѣетесь?

Ліоннь. А вы чему?..

Деларивъ. Пойдемте, Ліоннь! Король встрѣтитъ васъ съ распростертыми объятіями: вы доставили ему пріятнѣйшее утро... ха, ха, ха!

Ліоннь. Какое-нибудь полицейское дѣло насмѣшило его?

Деларивъ (*уводитъ его, смѣясь*).

II.

МАДЕЛЕНА одна, въ одеждѣ королевскаго пажа.

Вотъ и я! Театральная моя жизнь начинается ролями переодѣванья. Тартюфа запретили и теперь приходится намъ на улицѣ играть

комедію! Арманда велѣла отдать это писъмецо господину, который ни молодъ, ни старъ, ни хорошъ, ни дурецъ, и называется камергеромъ Деларивомъ...

III.

ДЕЛАРИВЪ и МАДЕЛЕНА.

Деларивъ. Незнакомый мнѣ пажъ.

Маделена. Милостивый государь, что вы ни молоды, ни стары, ни хороши, ни дурны — это я сама вижу, но васъ ли зовутъ камергеръ Деларивъ?

Деларивъ. Тебя, плутишку, вѣрно опредѣлили ко двору въ то время, какъ мы были въ Версали?..

Маделена. Мнѣ очень жаль, что это сдѣлали, не спрося у васъ. Вотъ писъмо, надо отдать его въ собствѣнные руки королю.

Деларивъ. Отъ кого?

Маделена. Король самъ узнаетъ руку...

Деларивъ. Развѣ вы не знаете, что вамъ, какъ пажу, нельзя принимать писемъ отъ тѣхъ, кто не объявляетъ своего имени? Давно ли вы носите это платье?

Маделена. Ужъ съ часъ будетъ.

Деларивъ. И васъ не представили дежурному камергеру? Какой грубый бархатъ, какіе нечистые галуны; но, я слышу, его величество идетъ... подите прочь..

Маделена. Писъмо отъ дамы! Если королю угодно будетъ послать со мною отвѣтъ, — я буду ждать въ боковой галлерей.

Деларивъ (толкаетъ Маделену всторону). Какая грубая одежда! Подумаешь, что интендантъ занимаетъ пажескія платья изъ Мольерова театральнаго гардероба!..

Маделена (уходя). Или, что театральнй гардеробъ покупаетъ у интенданта отслужившія платья... Знаете вы исторію про болтливыя ножницы? Однажды были ножницы...

Деларивъ. Убирайся съ твоими ножницами! Король идетъ!

(Маделена уходитъ въ комнату направо).

IV.

ЛЮДОВИКЪ XIV, ЛЮННЬ и ДЕЛАРИВЪ.

Людовикъ. Ха, ха, ха! Люннь! да это презабавная исторія!

Лионнь. Ваше величество изволите...

Людовикъ. Я очень сердить! едва на три какіе-нибудь дни уѣдешь изъ Парижа и возвращаешься въ него точно какъ въ хаосъ.

Лионнь. Я думалъ дѣйствовать въ видахъ порядка, когда запретилъ представленіе пьесы, которая болѣе пасквиль, чѣмъ произведеніе искусства.

Людовикъ. Ха, ха, ха! И онъ судить о произведеніяхъ искусства! Это, просто, комедія!

Лионнь. Государь, я не знатокъ въ этихъ вещахъ, не могу судить, написано ли сочиненіе по правиламъ Аристотеля, но знаю, что въ Тартюфѣ много намековъ на разные безпорядки.

Людовикъ. Скажите однако, развѣ преступленіе смѣяться надъ тѣмъ, что безпорядочно! Вотъ было бы худо, Лионнь, еслибъ преступники надъ вами смѣялись! Тѣ, которые боятся пьесы—кажутся дѣтьми, или узнають въ ней себя.

Лионнь. Государь, еслибъ вы соблаговолили прочитатъ...

Людовикъ. Пожалуйста, Лионнь, избавьте! Мнѣ для этого нужно три свободные часа, а у хорошаго короля ихъ нѣтъ. (*Встопону, Делариву*). А что Арманда? имѣете ли вы извѣстіе?

Деларивъ. Она ѣдетъ, съ труппою, въ Лионъ; Мольеръ приглашенъ туда въ гости на каникулы.

Людовикъ. Я уничтожу эти каникулы и отпуска! Лионъ долженъ имѣть свой театръ. Деларивъ! я надѣюсь, вы исполнили мое порученіе.

Деларивъ. Подарки, которые ваше величество изволили послать ей, — она получила.

Людовикъ. Любезнѣйшій, это ничего не доказываетъ! Актрисы не застѣнчивы: онѣ иногда не слушаютъ своихъ вздыхателей, а подарки ихъ всегда принимаютъ.

Деларивъ. Кажется, письмо это отъ Арманды — оно отъ дамы.

Людовикъ. Письмо (*развертываетъ*) отъ Арманды! «Государь, я пишу къ вамъ въ величайшей горести. Запрещеніе Тартюфа... (*читаетъ дальше про себя*). Какъ можетъ монархъ.. возвышенныя правила... роль Эльмиры... позвольте мнѣ сегодня, не смотря на театральныя законы... изустно въ ложѣ... вашего величества (*громко*)... Великодушное покровительство художествъ и наукъ... запрещеніе Тартюфа — вѣчная благодарность вѣрнопопданнѣйшей Арманды» (*съ комическимъ негодованіемъ*). Лионнь, не понимаю, какъ можно запрещать пьесу, гдѣ есть такіа превосходныя роли! предполагать

во мнѣ такъ мало терпимости къ шуткѣ, сатирѣ... Понимаю, какое отношеніе можетъ имѣть это изображеніе лицемѣровъ къ *смиренію*? Стоить ли заставлять меня рѣшать дѣла, которыя должны бы молча ийти своимъ естественнымъ путемъ?

Лионнь. Если вашему величеству угодно, такъ я немедленно сдѣлаю распоряженіе о дозволеніи представлять Тартюфа (*кланяется и хочетъ уйти*).

Лакей (*входитъ*).

Людовикъ. Еще кому-нибудь надо дать аудіенцію?

Лакей. Президентъ Ламуаньонъ.

Людовикъ. Ламуаньонъ? что этому нужно.

Лионнь (*всторону*). Теперь я могу подождать...

V.

ЛАМУАНЬОНЪ (*входитъ*) и прежніе.

Людовикъ. Какъ, вы не въ церкви, президентъ? Въ это время вы обыкновенно бываете на молитвѣ...

Ламуаньонъ. Стремленіе видѣть ваше величество по возвращеніи изъ Версаля въ благополучномъ здравіи и юношеской красотѣ...

Людовикъ. Не было ли новостей въ Парламентѣ въ мое отсутствіе?

Ламуаньонъ. Дѣла во Франціи покоятся на такомъ прочномъ основаніи, что мало бываетъ новостей и переменъ.

Людовикъ. Вообразите, Ламуаньонъ! Не смотря на это, мои совѣтники запрещаютъ невинную комедію, которая должна была играть, на моемъ театрѣ, для удовольствія парижанъ.

Ламуаньонъ. Ваше величество изволите говорить...

Людовикъ. О Тартюфѣ Мольера, поэта, котораго я высоко цѣню и уважаю. Можетъ ли хоть одинъ благородный человѣкъ обижаться тѣмъ, что фальшивыхъ монетчиковъ добродѣтели выставляютъ къ позорному столбу?

Ламуаньонъ. Вашему величеству обязанъ я тѣмъ, что при этомъ случаѣ узнаю что-нибудь о Тартюфѣ. Сцена такъ далека отъ того круга, на который устремляю я мои грѣшные взоры...

Лионнь (*всторону*). Лицемеръ!

Людовикъ. Чувствуете ли вы, какъ этотъ предметъ вѣрно достигаетъ цѣли, какъ онъ поучителенъ и какъ простъ?

Ламуаньонъ. Чрезвычайно простъ! въ настоящее время я со-

жалѣю только о бѣдной депутаціи, которая ожидаетъ, въ аванзалѣ, позволенія выразить вашему величеству благодарность всѣхъ вашихъ вѣрноподанныхъ за запрещеніе Тартюфа.

Людовикъ (*удивленный*). Деларивъ!..

Деларивъ (*идетъ къ двери и отпираетъ ее*).

Людовикъ. Депутація, чтобъ благодарить меня за запрещеніе Тартюфа? ха, ха, ха! Сюда ихъ, этихъ комическихъ поздравителей! Право, будь здѣсь Мольеръ, онъ сдѣлалъ бы изъ этого чудную комедію!

VI.

ДЮБУА, ЛЕФЕВРЪ, ШАПЕЛЬ и прежніе.

Людовикъ. Добро пожаловать, господа парижане! что вы, добрый Дюбуа, дѣлаете въ этой депутаціи? Я совсѣмъ здоровъ. Поѣздка мнѣ очень помогла. Дюбуа! вы смотрите такъ торжественно? Не хотите ли и вы благодарить меня за запрещеніе Тартюфа?

Дюбуа. Да, государь, отъ имени парижскихъ врачей.

Людовикъ. Ха, ха, ха! Дюбуа! мнѣ кажется, у васъ замыселъ не противъ Мольера, а вы просто съ нимъ сговорились меня потѣшить.

Дюбуа. Ваше величество, къ чему поведетъ сцена, если она позволитъ себѣ отдавать на смѣхъ толпѣ—всѣхъ и каждого?

Людовикъ. Дюбуа—врачъ и протестуетъ противъ смѣха?.. Вѣдь смѣхъ единственное лекарство, котораго нельзя выписать изъ аптеки!

Дюбуа. Мольеръ хочетъ, мало-по-малу, уронить достоинство каждого искусства, каждого знанія. Теперь работаетъ онъ сатиру на врачей. Когда не станетъ довѣренности къ врачамъ, тогда, ваше величество, люди будутъ умирать, какъ мухи, и таблицы народонаселенія Парижа и провинцій представлять самые печальные результаты для вашей вѣрной арміи.

Людовикъ. Зачѣмъ нѣтъ здѣсь Конде, Тюрення, чтобъ сказать имъ, что Мольеровы комедіи обезлюдятъ Францію? Охъ, охъ, охъ! А вы, Лефевръ, вѣрно скажете, что комедіи Мольера введутъ во Франціи опасную моду—вести меньше процессовъ!

Лефевръ. Государь, я депутатъ огорченной палаты юстиціи. Парижскіе адвокаты много лѣтъ терпѣли отъ горькихъ стрѣлъ Мольера. Какъ ни чувствовали они, что практика ихъ видимо страдала отъ

этихъ выходовъ, но молчали. Въ Тартюфѣ же Мольеръ такъ далеко зашелъ, что грозитъ прибить экзекуторовъ, когда они, именемъ закона, приходятъ брать подъ стражу не платящихъ должниковъ.

Людовикъ. До чего же мы дойдемъ, господа? Развѣ не довольно до-сихъ-поръ надѣдали мнѣ увѣреніями, что Расинъ, Корнель, Мольеръ, Буало и я, мы все вмѣстѣ, возобновляемъ вѣкъ Августа?.. Кто этотъ господинъ?

Деларивъ. Шапель, членъ Академіи.

Людовикъ. Худо для славы академика, когда его не узнаютъ съ перваго взгляда! Вы вѣдь пришли не отъ имени Аристотеля?

Шапель. Государь, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда музы имѣли честь лелѣять возвышенные сны вашего величества...

Людовикъ. Я сплю на очень низкой постели, г. Шапель.

Шапель. Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда музы имѣли честь лелѣять сны...

Людовикъ. Я не сплю днемъ, Шапель, ну, чтожь тогда случилось?

Шапель. Ваше величество учредили Академію.

Людовикъ. Правда, правда: — зачѣмъ вы до-сихъ-поръ Мольера туда не приняли?

Шапель. Государь! актера, шутовскаго поэта, который не соблюдаетъ ни какихъ правилъ! Во имя этихъ правилъ, во имя вѣчныхъ законовъ искусства, смиренно и усердно умоляю ваше величество обратить благосклонный взоръ на упалокъ вкуса и отвратить его вашимъ высокимъ покровительствомъ отъ литературы, въ которой нововводители осмѣливаются подражать болѣе авторамъ испанскимъ, англійскимъ, итальянскимъ, нежели вѣчнымъ образцамъ грековъ и римлянъ. Да, государь, вмѣсто того, чтобъ служить идеалу, Мольеръ беретъ свои сюжеты прямо, осмѣливаясь сказать, съ улицы; — людей, которые намъ всякій часъ встрѣчаются на пути, переносятъ онъ, запыленныхъ и грязныхъ, на сцену и заставляють ихъ говорить языкомъ, который все болѣе и болѣе подходитъ къ мѣщанской прозѣ жизни. О, ваше величество, въ его Тартюфѣ есть даже сцена, гдѣ лицемѣръ съ одной дѣвушки срываетъ платокъ.

Ламуаньонъ. Держитесь настоящаго предмета!

Людовикъ. Платокъ?

Шапель. Да, государь! Тартюфъ подходитъ къ Эльмирѣ не со всѣмъ съ эстетическими намѣреніями...

Людовикъ (всторону). Это роль Арманды!

Шапель. Эльмира отгоняетъ Тартюфа прочь. Онъ же, въ

оправданіе, объясняетъ, что дотронулся до платка, который надѣтъ на Эльмирѣ, только для того, чтобъ поощрить бумажную промышленность...

Ламуаньонъ. Вы слишкомъ вдаетесь въ подробности...

Людовикъ. Оставьте же его, президентъ! сцена, кажется, такъ оригинальна...

Шапель. Не о сценѣ говорю я, государь, не о вымыслѣ, а объ ужасной римѣ, которую авторъ позволилъ себѣ въ этомъ мѣстѣ, противъ всѣхъ правилъ метрики; именно въ одномъ стихѣ девятый слогъ, нѣтъ седьмой, или нѣтъ, девятый, или, нѣтъ, нѣтъ, седьмой, или — Академія подробно разобрала этотъ предметъ въ своемъ разсужденіи, которое я имѣю честь при семъ представить вашему величеству.

Людовикъ (*беретъ поданный ему фолиантъ и кладетъ на столъ*). О! я прочту эту маленькую брошюру, очень скоро прочту! я большой охотникъ читать!.. И такъ, цѣлое войско противъ одной комедіи! Г. президентъ, я обращаюсь къ вамъ; вникните совершенно въ душу вашего государя, сообразите мое настоящее положеніе, изслѣдуйте мои сокровеннѣйшія мысли и потомъ дайте мнѣ на счетъ судьбы Тартюфа совѣтъ, какого я долженъ желать...

Ламуаньонъ. Государь... я... о Тартюфѣ?

Лионнь (*всторону*). Онъ обращается къ Ламуаньону: министерское мое положеніе становится опаснымъ...

Людовикъ. У меня здѣсь еще одно небольшое дѣло (*ищетъ въ прочихъ бумагахъ и говоритъ съ Деларивоизъ*). Пусть Ламуаньонъ говоритъ! я начинаю чувствовать къ нему довѣренность...

Лионнь (*всторону*). Онъ получить мое мѣсто...

Ламуаньонъ (*всторону*). Убью себя; за то буду министромъ!

Лионнь (*поспѣшно*). Государь! теперь я постигаю ваши намѣренія!.. Милостивые государи, вы слышите, что его величество слишкомъ уважаетъ истинные интересы изящныхъ искусствъ...

Ламуаньонъ (*также*). И комедіи, для того, чтобы у любопытства публики...

Лионнь (*поправляетъ*). Удовольствія публики...

Ламуаньонъ. Удовольствія публики отнять представленіе, которое...

Лионнь. Черезъ которое...

Ламуаньонъ. Отъ котораго...

Лионнь. Отчего...

ЛАМУАНЬОНЪ. Черезъ что...

ЛЮДОВИКЪ. О! у меня есть еще совѣтники, которые постигаютъ глубину моего сердца! Вы слышите, господа, я не могу согласиться съ запрещеніемъ министра и совѣтую вамъ и пославшимъ васъ утѣшиться, идти на первое представленіе Тартюфа и вылечить свою мнительность самымъ искреннимъ рукоплесканіемъ, вмѣстѣ съ другими... я не могу запретить Тартюфа, потому-что, замѣтьте себѣ хорошенько, господа, во все время, съ того дня, какъ люди начинали скучать, они отыскивали себѣ опасныя развлеченія. Я хочу, чтобъ мои подданные — развлекаясь, учились быть добрыми и гнушаться пороковъ (*уходитъ нальво*).

ДЕЛАРИВЪ (*слѣдуетъ за нимъ*).

ЛЮБУА (*смотритъ долю на Лефевра и потомъ отрывисто говоритъ*). Мое почтеніе! (*уходитъ*)!

ЛЕФЕВРЪ (*смотритъ съ удивленіемъ на Шапеля*). Мое почтеніе! (*уходитъ*).

ШАПЕЛЬ (*смотритъ съ удивленіемъ на Лионня*). Мое почтеніе, г. министр! (*уходитъ*).

ЛИОННЪ (*смотритъ на Ламуаньона со смѣхомъ*). Господи-ну будущему министру мое почтеніе (*уходитъ*).

ЛАМУАНЬОНЪ (*одинъ, вилъ себя*). Онъ остается министромъ и все пропало! Уничтожень, отданъ въ жертву, на посмѣяніе Парижу и цѣлому свѣту! Тартюфъ — это я! Оргонтъ — Дюплесси, Эльмира — Адель! Мольеръ, кто тебя ввелъ въ царство мертвыхъ? Духъ разума! Дай мнѣ совѣтъ! (*складываетъ руки*). Умоляю тебя, лукавство рысей, мудрость змѣй, изворотливость кошекъ, бросьте мнѣ одну только петлю, хоть самую тонкую, я вцутаю въ нее интригу.

VII.

МАДЕЛЕНА и ЛАМУАНЬОНЪ.

МАДЕЛЕНА (*всторону*). Опять мой Тартюфъ! Онъ право всеѣмъ влюбленъ въ свою роль.

ЛАМУАНЬОНЪ (*бормочетъ, какъ будто молится*). Если бъ мнѣ удалось вдругъ сдѣлать Мольера ненавистнымъ королю!

МАДЕЛЕНА (*всторону*). Онъ играетъ шестую сцену третьяго дѣйствія, признается въ своихъ грѣхахъ и хочетъ друга своего Оргонта тронуть смиреніемъ.

ЛАМУАНЬОНЪ (*какъ прежде*). Сатана, помоги мнѣ!

МАДЕЛЕНА. Bravo, г. Тартюфъ! Превосходно!

ЛАМУАНЬОНЪ. Чтѣ такое?

МАДЕЛЕНА. Точь-въ-точь какъ Мольеръ представлялъ эту сцену на пробѣ.

ЛАМУАНЬОНЪ. Кто вы? Зачѣмъ мѣшаете моему набожному занятію.

МАДЕЛЕНА. Послѣ Мольера, вы самый лучший актеръ въ Парижѣ. (всторону). Боже мой! Я себя выдамъ! Онъ меня узнаетъ.

ЛАМУАНЬОНЪ. А!.. вѣдь это... въ-самомъ-дѣлѣ... это Маделена.

МАДЕЛЕНА. Тихе! Молчите, ради Бога!

ЛАМУАНЬОНЪ. Зачѣмъ вы сюда пожаловали—моя милая?

МАДЕЛЕНА. По дѣлу общаго нашего пріятеля. Вы знаете, что Тартюфъ запрещенъ?

ЛАМУАНЬОНЪ. О, радость! (сложившись). Порадуйтесь! Его величество только-что разрѣшилъ.

МАДЕЛЕНА. Какъ? разрѣшилъ? вы сказали...

ЛАМУАНЬОНЪ. Что запрещеніе уничтожено! Теперь, плутовка, вы можете покорить всѣ парижскія сердца.

МАДЕЛЕНА. Ахъ! я въ состояніи теперь обнять васъ, расцѣловать, ничего, что вы такъ отвратительно-гадки. Вы просили за Тартюфа?

ЛАМУАНЬОНЪ. Экая плутовка! А зачѣмъ вы нарядились въ это платье?

МАДЕЛЕНА. Въ это платье? Послушайте, вѣдь вы другъ Мольера, любите театръ, такъ я вамъ расскажу. Милая моя, сказала мнѣ Арманда, на сценѣ тебѣ еще нѣтъ мѣста, такъ возьми вотъ это платье королевскаго пажла!.. Да чтѣ я дѣлаю? Седмымъ параграфомъ театральнаго устава запрещается открывать закулисныя тайны...

ЛАМУАНЬОНЪ. И написала къ королю... не такъ ли, чтобъ онъ защитилъ Тартюфа,—угадалъ? (обнимаетъ ее) Мой золотой фазанчикъ!

МАДЕЛЕНА. Чтѣ вы! чтѣ вы! съ чего вы взяли? этаго никакъ бы не позволилъ Мольеръ.

ЛАМУАНЬОНЪ. Мольеръ? А тебѣ Мольеръ покровительствуетъ?

МАДЕЛЕНА. Мнѣ? Да чтѣ вы говорите? этаго бы Арманда не позволила.

ЛАМУАНЬОНЪ. Арманда... Мольеръ.. тайная переписка...

МАДЕЛЕНА. Но мнѣ некогда... Мой воспитатель Матье хотѣлъ собрать всѣхъ парижскихъ москательщиковъ и идти съ ними къ королю, просить позволенія играть Тартюфа! Теперь пусть кричатъ: ура! Мнѣ хочется взглянуть на радость Мольера и Арманды и рассказать,

что вы спасли Тартюфа, а когда Мольеръ разъ 25 сыграетъ его, такъ я и объявлю ему, что знаю артиста, да еще старинной школы, который навѣрное когда-нибудь перещеголяетъ Мольера въ его роли; скажу, что знаю челоуѣка, который счастливъ тѣмъ, что ему удивляется, какъ Тартюфу, весь свѣтъ! (*убѣгаетъ*).

ЛАМУАНЬОНЪ (одиоъ). Идеи этой дѣвченки такъ наивны, что глупость ея легко можно счесть за остроуміе. Да кто она? Кто этотъ Матье? Кто мои злодѣи?

VIII.

ДЕЛАРИВЪ и ЛАМУАНЬОНЪ.

ДЕЛАРИВЪ (оглядывается кругомъ). Вы еще здѣсь, г. президентъ? (*идетъ къ двери, за которою, по его мнѣнію, находится Маделена, отпираетъ ее, и не находитъ*). Странно — она ушла.

ЛАМУАНЬОНЪ. Вы вѣрно, баронъ, ищите молодого пажа?

ДЕЛАРИВЪ. Именно! не попался ли онъ вамъ на встрѣчу?

ЛАМУАНЬОНЪ. Это была актриса, Маделена Бежаръ, недавно ангажированная въ королевскую труппу.

ДЕЛАРИВЪ. Что вы! это удивительно.

ЛАМУАНЬОНЪ. Неужели вы этого не замѣтили по формамъ?

ДЕЛАРИВЪ (всторону). Что за зоркіе глаза у этихъ смиренниковъ!

ЛАМУАНЬОНЪ. Маленькій пажъ соскучился. Услышавъ, что Тартюфъ позволенъ, онъ побѣжалъ, говоря: какое счастье для Мольера! (*съ удареніемъ*). Сборъ за Тартюфа пойдетъ директору нашей труппы, для давно-желанной свадьбы его съ Армандою. Не знаю я ни Арманды, ни Мольера, ничего не понимаю въ денежныхъ расчетахъ, говорю я, а пажъ продолжаетъ (*съ удареніемъ*): на другой день послѣ представленія Тартюфа, Мольеръ обвиняется съ актрисою, что играетъ Эльмиру.

ДЕЛАРИВЪ (удивленный). Какъ? Мольеръ съ Армандою?

ЛАМУАНЬОНЪ. Однако мнѣ пора, стану просить у Бога прощенья, что такъ долго занимался мирскими дѣлами (*уходитъ*).

IX.

ЛЮДОВИКЪ XIV и ДЕЛАРИВЪ.

ЛЮДОВИКЪ. Наконецъ я отдыхаю! Хорошо ли объяснили посланному?

ДЕЛАРИВЪ (*еще не опомнившись*). Ваше величество вѣроятно будете не меньше моего изумлены: сію минуту узналъ я, что представленія Тартюфа имѣютъ особенную цѣль.

ЛЮДОВИКЪ. Денежную.

ДЕЛАРИВЪ. Сборъ пойдетъ на приданое, которое Мольеръ хочетъ дать Армандѣ къ ея свадьбѣ.

ЛЮДОВИКЪ. Къ ея свадьбѣ? какъ? съ кѣмъ?

ДЕЛАРИВЪ. Съ самимъ Мольеромъ.

ЛАКЕЙ. Директоръ королевскихъ театровъ проситъ дозволенія имѣть честь представиться вашему величеству.

ЛЮДОВИКЪ (*пораженный*). Мольеръ... Арманда... денежная цѣль?..

ЛАКЕЙ (*отворяетъ*).

X.

МОЛЬЕРЪ (*въ радостномъ волненіи*), и прежніе.

ЛЮДОВИКЪ (*въ негодованіи*). Мольеръ! что я про васъ слышу? Вы намѣрены...

МОЛЬЕРЪ. Благодарить ваше величество за милость, которая дѣлаетъ меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

ЛЮДОВИКЪ (*гнѣвно*). Какъ, Мольеръ, неужели правда, что вы даste Тартюфа съ тайною цѣлью.

МОЛЬЕРЪ. Государь, у меня одна открытая цѣль — изобличить лицемеріе и оправдать добродѣтель.

ЛЮДОВИКЪ. Это однѣ фразы! однѣ обыкновенныя фразы! мнѣ донесли совсѣмъ другое, сказали, что вы такъ чудесно написали Тартюфа потому только, что хотите кого-то осчастливить.

МОЛЬЕРЪ. Дай Богъ, ваше величество, чтобы всѣ мои пьесы имѣли эту же похвальную цѣль. Государь, Тартюфа запретили потому, что будто онъ опасенъ...

ЛЮДОВИКЪ. Я говорю не о томъ.

МОЛЬЕРЪ. Потому-что онъ опасенъ, будто бы, для добродѣтели...

Людовикъ. Я говорю не о добродѣтели.

Мольеръ. Потому-что въ немъ отступлено отъ правилъ Аристотеля...

Людовикъ. Я говорю не объ Аристотелѣ.

Мольеръ. Ваше величество изволили уничтожить запрещеніе — и весь Парижъ въ радостномъ движеніи.

Людовикъ. Советывалъ бы я Парижу оставаться въ покоѣ.

Мольеръ. Муниципалитетъ Парижа намѣренъ представиться, чтобъ изъяснить свою радость...

Людовикъ. Пусть муниципалитетъ пощадитъ мои уши! Мольеръ, я цѣню васъ, но, признаюсь, отъ васъ ужъ никому нѣтъ пощады!

Мольеръ. Ваше величество!..

Людовикъ. Да, да! развѣ не правда, Мольеръ, что вы спѣшите представить Тартюфа потому только, что...

Мольеръ. Что думаю ѣхать въ Ліонъ и передъ отъѣздомъ желалъ бы представить Парижу новую пьесу.

Людовикъ. Не эта одна причина. Планы ваши гораздо глубже. — Вы задумали совѣтъ объ иной перемѣнѣ...

Мольеръ. Неужели и до вашего величества достигли слухи?.. Такъ, Государь, я люблю, люблю самую преданную, достойнѣйшую питомицу музъ, люблю ученицу свою Арманду и совершенно счастливъ тѣмъ, что любимъ ею взаимно.

Людовикъ. Любимы взаимно?.. И на сборъ отъ Тартюфа вы хотите завестись хозяйствомъ? Какая проза! какая проза для поэта!

Мольеръ. Государь, на всѣхъ французскихъ монетахъ мы видимъ изображеніе самаго поэтического короля.

Людовикъ. Мольеръ, Тартюфа вашего защитилъ я отъ врачей, адвокатовъ, академикомъ, кажется, никто не можетъ найти въ немъ ничего предосудительнаго — а теперь слышу...

Мольеръ. Ваше величество, такое внезапное подозрѣніе...

Людовикъ. Вы такъ спѣшите, такъ торопитесь представить Тартюфа, а въ немъ есть мѣста трудныя, чрезвычайно трудныя.

Мольеръ. Повѣрьте, ваше величество, ансамбль идетъ превосходно.

Людовикъ. Право? даже въ сценѣ съ Эльмирой? Согласитесь, однако, если вы будете играть Тартюфа, а Арманда — Эльмиру, у васъ тамъ есть сцена съ платкомъ — это ужъ слишкомъ не деликатно; сцена эта выходитъ изъ границъ дозволеннаго. Я хочу смѣяться въ театрѣ, такъ! но все же не на счетъ приличія.

Мольеръ (*улыбаясь*). Приличія, Государь?

Людовикъ. Да, въ сценѣ съ платкомъ есть что-то ужъ слишкомъ шекотливое. Она, можетъ-быть, и остроумна, она, можетъ-быть... да, однимъ словомъ, я нахожу, что она неприлична.

Мольеръ (*пораженный*). Неприлична, ваше величество?

Людовикъ. Именно! кто можетъ, не краснѣя, смотрѣть на такую сцену? Въдъ театръ — не для того, чтобъ оскорблять вкусъ двусмысленностями. Мольеръ, сами скажите, когда вы подходите къ Армандѣ...

Мольеръ. Къ Эльмирѣ, ваше величество!

Людовикъ. Когда вы ей говорите: я, Мольеръ, я...

Мольеръ. Я, Тартюфъ, ваше величество!..

Людовикъ. Тартюфъ или Мольеръ, Мольеръ или Тартюфъ... все-таки дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ въ 1667 году... все же платокъ-то настоящій, руки настоящія.

Мольеръ. Ваше величество, сцена будетъ сыграна по возможности — скромно.

Людовикъ. Скромно ли, нѣтъ ли... въ подобныхъ вещахъ я руководствуюсь совершенно безошибочнымъ тактомъ (*вдали слышна музыка*). А съ котораго времени вы такъ коротки съ Армандою?

Мольеръ. Уже два года, какъ мы любимъ другъ друга.

Людовикъ. Идите! играйте свадьбу! Какая прозаическая свадьба (*всторону гильно*)! Уже два года!

Мольеръ. Свадьба не можетъ быть, пока въ моихъ рукахъ не будетъ сбора отъ Тартюфа.

Людовикъ. Такъ очень жаль — вамъ придется подождать.

Мольеръ. Неужели, ваше величество?

Людовикъ. Я не говорю, что Тартюфа запрещаю... Но что это за музыка?

Деларивъ. Парижскіе граждане идутъ въ Лувръ принести вашему величеству отъ имени всего города благодарность за дозволеніе Мольеровой пьесы.

Людовикъ. Благодарность! благодарность! терпѣть я этого не могу — что за благодарность! эти демонстраціи только сердятъ меня! Нападенія на государство, Мольеръ, не могутъ меня беспокоить, потому-что государственное зданіе мое стоитъ крѣпко.. Пренебрегаю я нападками на наше правосудіе, потому-что люблю правосудіе; перковъ жаловаться не можетъ, потому-что она не заступается за лицемѣровъ; нисколько не забочусь я объ Аристотелъ — это дѣло Ака-

деміи; но надо наблюдать приличіе, Мольеръ; объявите Парижу, что Тартюфа я не запрещаю; о, нѣтъ, несколько, но...

МОЛЬЕРЪ (*всторону*). Еще что придется услышать!

ЛЮДОВИКЪ. Да, вотъ что! Мольеръ, пришлите мнѣ экземпляръ вашей комедіи. — Объявите Парижу, что Людовикъ XIV рѣшился ни запретить, ни дозволить Тартюфа, но что Людовикъ XIV, отдавая вамъ должную справедливость, рѣшился прочесть Тартюфа. (*Дѣлаетъ Делариву знакъ и уходитъ*).

ДЕЛАРИВЪ. Бѣдный Мольеръ! Король дѣйствуетъ быстро, но читаетъ медленно (*Уходитъ за Королемъ*)!

МОЛЬЕРЪ (*почти въ обморокъ*). Что вооружило противъ меня Короля! (*Снаружи раздаются туши и свистъ. Двери открываются — видны члены депутаціи*).

XI.

МАТЬЕ (*въ полувоевномъ нарядѣ*). МОЛЬЕРЪ, потомъ офицеръ.

МАТЬЕ. Государь, отъ имени парижскаго гражданства (*торжественно выступаетъ и дѣлаетъ поклонъ*)! Ахъ, это вы, Мольеръ! гдѣ же король?

МОЛЬЕРЪ. Читаетъ Тартюфа.

МАТЬЕ. Запретилъ, или позволилъ?

МОЛЬЕРЪ. Это рѣшится черезъ два года!

МАТЬЕ. Черезъ два года! (*подходитъ къ окну*) Какая обида! по-крайней-мѣрѣ сейчасъ же отмѣню торжество... (*въ окно*) Тише, господа, король читаетъ!

МОЛЬЕРЪ. Что вы? въ Бастилію хотите! Идите Матье въ театръ и отъ моего имени скажите, чтобы сегодняшнія афиши были съ черной каймой. — Если публика спроситъ у меня о причинѣ, я явлюсь на сцену и скажу со слезами: современники! парижане! Злоба взяла верхъ! Мой Тартюфъ, который долженъ былъ изобличить лицебѣра — не будетъ данъ. — Знаю я, чья преступная рука съумѣла завѣсить мрачнымъ цокровомъ подозрѣнія самый свѣтлый умъ Франціи, знаю и то...

МАТЬЕ. Что побѣда наша!.. я буду кричать въ райкѣ во все горло.

ОФИЦЕРЪ (*входитъ и ударяетъ Матье по плечу*). Милостивый государь!

МАТЬЕ. Что прикажете!

ОФИЦЕРЪ. Какъ нарушитель порядка, вы должны слѣдовать за мною.

МАТЬЕ. На тѣсную квартиру?

ОФИЦЕРЪ. Въ Бастилю!

МАТЬЕ. За что же?

МОЛЬЕРЪ. По чьему приказанію?

ОФИЦЕРЪ. По приказанію г. президента Ламуаньона.

МОЛЬЕРЪ. Ламуаньона! Да! теперь рѣшено! На твоей тюрьмѣ, Матье, на занавѣсѣ сцены, на страницахъ исторіи, напишу я, для начала битвы, сегодня вечеромъ, слова: парижане, я желалъ представить вамъ Тартюфа, но президентъ Ламуаньонъ (съ лукавымъ выраженіемъ) не хочетъ, чтобъ его представляли.

(*Всѣ уходятъ*).

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната Арманды въ театрѣ. Кружкомъ лежатъ туалетныя и театральныя принадлежности, между-прочимъ, тюрбанъ и турецкій плащъ. Направо и налѣво висятъ на вѣшалкахъ два ряда прекрасныхъ платьевъ, образуя шпалеру, за которою можно спрятаться.

I.

ЛУИЗОНЪ, ЛАМУАНЬОНЪ (*входятъ*).

ЛУИЗОНЪ. Маделена Бежаръ живетъ нынче здѣсь у моей госпожи.

ЛАМУАНЬОНЪ. У Арманды — невѣсты великаго Мольера! квартира эта такъ близка отъ театра.

ЛУИЗОНЪ. Съ вашего позволенія, сударь, даже въ самомъ театрѣ. Корридоръ ведетъ отсюда прямо въ гардеробную актеровъ.

ЛАМУАНЬОНЪ. Агг...! Но вѣдь сама Маделена сегодня вечеромъ не занята!..

Луизонъ. Она все ждетъ своего перваго дебюта въ Тартюфъ. Да вотъ и она! (*уходитъ*).

II.

МАДЕЛЕНА, ЛАМУАНЬОНЪ.

Маделена. (*Входитъ со стороны, съ платьями на рукахъ*). Какъ? Чтò я вижу? Не къ Мольеру ли вы пришли—записаться въ королевскіе актеры?

Ламуаньонъ. Опять тоже странное заблужденіе, прелестное дитя мое.

Маделена. Чтò же васъ привело сюда? Или вы собираете подаяніе въ пользу бѣдныхъ? А мы въ страшномъ затрудненіи; публика ничего видѣть не хочетъ, кромѣ Тартюфа и нейдетъ въ театръ. Еслибъ мнѣ пришлось завтра дебютировать въ другой пьесѣ, такъ пожалуй, рецензентовъ человѣкъ двадцать наберется, но врядъ ли больше пяти человѣкъ со здравымъ смысломъ.

Ламуаньонъ. Мольеръ и Арманда въ театрѣ? я видѣлъ имена ихъ на афишѣ.

Маделена. Они играютъ для двадцати человѣкъ, сегодня не выручатъ и на освѣщеніе. Чтò же вамъ угодно?

Ламуаньонъ. Милая Маделена, меня очень печалитъ ваша участь и судьба вашего друга!

Маделена. Бумаги Матъе опечатаны.

Ламуаньонъ. Жаль, очень жаль!

Маделена. Домъ запертъ.

Ламуаньонъ. Это жестоко!

Маделена. И не найди я великодушной защиты у Арманды...

Ламуаньонъ. Такъ я предложилъ бы вамъ свои услуги, доставилъ бы вамъ лучшій удѣлъ, котораго вы такъ достойны.

Маделена. Покорно васъ благодарю.

Ламуаньонъ. Маделена, отвѣчайте мнѣ на одинъ вопросъ: Бежаръ — это настоящее ваше имя?

Маделена. Чтò это вамъ вздумалось спрашивать? Сколько я помню, такъ меня все звали Маделена Бежаръ; конечно, это была фамилія моей родственницы, которая меня назвала своею дочерью.

Ламуаньонъ. Родители ваши рано умерли... какъ звали вашего отца?

Маделена. Это тайна: я имѣю причины ее скрывать.

ЛАМУАНЬОНЪ (*всторону*). Это она! не зная меня, она выдала меня Мольеру (*громко*). Отецъ твой умеръ насильственною смертію.

МАДЕЛЕНА. Чтò такое?

ЛАМУАНЬОНЪ. Твоя мать скончалась вскорѣ потомъ, а имя твое — Дюплесси?

МАДЕЛЕНА (*бросается къ нему въ слезахъ*). Боже праведный! Вы знаете мое имя, вы знаете моихъ родителей, несчастныхъ моихъ родителей!

ЛАМУАНЬОНЪ. Да, Маделена Дюплесси, я зналъ твоего отца, твою мать.

МАДЕЛЕНА. Ахъ, зачѣмъ же вы мнѣ тотчасъ этого не сказали! Отецъ мой, до своей болѣзни, любилъ актеровъ безъ ума.

ЛАМУАНЬОНЪ (*зньвно*). Оставь въ покоѣ актеровъ! (*ласково*) Ну продолжай, продолжай!

МАДЕЛЕНА. У моего отца было столько друзей! Мы съ сестрою были еще дѣтьми, какъ онъ умеръ; но мнѣ рассказывали, что его всѣ любили и уважали. У него были истинные и ложные друзья, потому что онъ былъ богатъ, очень богатъ; только одинъ изъ его ласкателей былъ страшный негодяй... Онъ втерся къ намъ въ домъ, жилъ у моихъ родителей... опуталъ ихъ своимъ лицемеріемъ и притворствомъ... отнялъ у отца имѣніе и жизнь, и потомъ, когда семейство осталось въ отчаяніи, ушелъ отъ насъ и, говорятъ, живетъ теперь въ Парижѣ знатнымъ бариномъ.

ЛАМУАНЬОНЪ. И все это ты рассказала Мольеру?

МАДЕЛЕНА. Я? Мольеру?

ЛАМУАНЬОНЪ. Ты ему описала свою жизнь, когда онъ принялъ тебя въ труппу артистовъ.

МАДЕЛЕНА. Съ чего вы это взяли?

ЛАМУАНЬОНЪ. Ты рассказала ему исторію своего семейства, которую онъ въ Тартюфѣ хотѣлъ представить, какъ зеркало современныхъ нравовъ.

МАДЕЛЕНА. Изъ моихъ рассказовъ сдѣланъ Тартюфъ? Какой вздоръ. Правда, глядя на Оргонта, я вспоминала о томъ, чтò мнѣ рассказывали про моего бѣднаго отца, а злодѣя, чрезъ котораго родители мои сдѣлались бѣдны и несчастны, я представляла себя точно такимъ, какъ нарисовалъ Мольеръ Тартюфа, но никогда Мольеръ не спрашивалъ меня о моемъ происхожденіи.

ЛАМУАНЬОНЪ. И ты не лжешь?

МАДЕЛЕНА. Чтò вы это?... Какая невѣжливость!

ЛАМУАНЬОНЪ. Прости, Маделена, дочь моего несчастнаго друга, —

я былъ изъ вѣрнѣйшихъ друзей твоего отца! Какъ часто качалъ я тебя на своихъ колыскахъ, какъ часто ласкалъ тебя, когда твоя мать, твоя прекрасная мать...

Маделена. Да какъ это вамъ пришло на умъ, что въ Тартюфѣ описана судьба моихъ родителей! Мать моя была женщина непорочная, ее никакъ нельзя сравнить съ Эльмирой.

Ламуаньонъ. Боже сохрани!.. (*всторону*). Каждый шагъ Эльмиры взять изъ жизни ея матери! (*громко*) Скажи мнѣ, дитя мое, не помнишь ли ты имя злаго врага твоего отца?

Маделена. Какъ же? его звали Жанъ-Батистъ Ламуаньонъ.

Ламуаньонъ. Какъ — ты знаешь?..

Маделена. Только, ради Бога, молчите, не говорите никому! мы должны бояться, чтобъ онъ насъ не открылъ. Родители мои умерли, начавъ съ нимъ процессъ; Ламуаньонъ, однакожь, выиграть его во всѣхъ инстанціяхъ. Тогда нѣкоторые добрые люди пробовали просить этаго святошу за насъ, бѣдныхъ сиротъ, — но напрасно! Въмѣсто того, чтобы позаботиться о нашемъ воспитаніи, онъ позволилъ разлучить насъ и преслѣдовать, отдавъ на волю злой судьбѣ. О сестрѣ своей, я съ-тѣхъ-поръ ничего не знаю, да и сама сидѣла бы теперь въ своей хижинѣ, въ Шалонѣ, еслибъ не понравилась одному богатому парижскому гражданину, доброму Матье; онъ привезъ меня сюда.

Ламуаньонъ. Такъ Матье разсказалъ Мольеру всю эту...

Маделена. Да какъ же онъ разсказалъ, когда самъ знаетъ меня только, какъ Маделену Бежаръ, воспитанницу его родственницы?

Ламуаньонъ (*всторону*). Мольеръ! Мольеръ! съ кѣмъ ты въ союзѣ? (*громко*) Мы здѣсь не одни?..

Маделена. Первая пьеса кончилась. Мольеръ обыкновенно отдыхаетъ въ комнатѣ Арманды.

Ламуаньонъ. Чтò? чтò? Въ этой комнатѣ?

Маделена. Вотъ онъ идетъ по лѣстницѣ... чего же вы боитесь?

Ламуаньонъ. Встрѣтится здѣсь съ Мольеромъ! У меня есть причины именно сегодня избѣгать его... Ради Бога, спрячьте меня...

Маделена. Да куда же я васъ дѣну. Станьте туда, за платье! Это гардеробъ Арманды для Тартюфа.

Ламуаньонъ. Чтò, если насъ подслушали! (*сильно грозно*) Молчать... или (*опомнившись*)... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, вы мой маленькій амурчикъ! (*прячется за платье*).

III.

МОЛЬБЕРЪ. *(Въ костюмъ знатнаго сициліанца).* Пржеііе, потомъ
АРМАНДА.

МОЛЬБЕРЪ *(входитъ медленно, утомленный).* Гдѣ Арманда?

МАДЕЛЕНА. Она пошла переодѣваться для послѣдней пьесы...
Развѣ начался ужъ балетъ? Да вотъ и она!

АРМАНДА *(одѣтая аркадской пастушкой).* А! Мольберъ!
Ну, каково сегодня плетъ?

МОЛЬБЕРЪ *(садится и опирается головою на руку).* На сценѣ
пляшетъ больше ногъ, нежели въ театрѣ сидитъ зрителей. Печальный
вечеръ! Никогда еще не видалъ я такой пустоты...

АРМАНДА. А мнѣ казалось, что народу довольно.

МОЛЬБЕРЪ. Все на даровые билеты. Ни за одинъ не заплачено.
Я знаю свои доходы.

ЛАМУАНЬОНЪ *(всторону).* И у меня даровой билетъ, только
онъ мнѣ дорого обойдется.

МАДЕЛЕНА *(начинаетъ поправлять платье).* Я стою, какъ
на угольяхъ.

МОЛЬБЕРЪ. Убытковъ отъ запрещенной пьесы не перечесть!
Любопытство публики приковано къ одному предмету; прочее хоть
брось!

ЛАМУАНЬОНЪ *(всторону).* Онъ хочетъ заглушить свои чувства.

МОЛЬБЕРЪ *(сидя).* Дѣ! дѣ! Вотъ оно—призваніе драматурга! Какая
смѣсь радости и горя, восторговъ и невыразимаго отчаянія! Всѣмъ
надо угодить—а люди такъ различны! Образованные требуютъ одной
пищи, толпа совсѣмъ другой, а безъ толпы—нѣтъ выгоды, нѣтъ поощре-
нія. Ужъ одна зависть театральныхъ постовъ другъ къ другу сама
по себѣ постыдна! Изъ сотни пьесъ въ годъ, едва дюжину наберешь
годныхъ для представлений! Что жъ тогда дѣлають отвергнутые?..
Мстятъ, пишутъ въ журналахъ! Да, съ исполинскими усиліями должна
новая пьеса пролагать себѣ дорогу, завоевывать актъ за актомъ,
сцену за сценой, да и при самомъ концѣ одинъ врагъ автора можетъ
уничтожить трудную работу цѣлаго вечера..

МАДЕЛЕНА. Мольберъ, ты смотришь съ такой черной стороны...

ЛАМУАНЬОНЪ *(всторону)* Впередъ не пиши Тартюфовъ!

МОЛЬБЕРЪ *(встаетъ).* А развѣ это не правда? Развѣ не было
случаевъ, что пьесы мои осивистывали люди, которымъ я забылъ
поклониться? Развѣ нѣтъ людей, оскорбленныхъ тѣмъ, что я пошу не

такую шляпу, какъ они; которымъ кажется, что носъ у меня не на мѣстѣ? Они ненавидятъ во мнѣ все: походку, платье, мину. Оставьте меня, если вы хотите стяжать названіе просвѣщенныхъ, благородныхъ гражданъ и литературу свою величать классическою; оставьте меня, если у васъ не хватаетъ духу помѣряться равнымъ оружіемъ съ поэтомъ и вступить въ честный бой съ простымъ безпомощнымъ словомъ!

Ламуаньонъ (*всторону*). Пропалъ я, если онъ въ этой ярости откроетъ меня!

Маделена. Примитесь за другую работу и забудьте о запрещеніи Тартюфа.

Мольеръ. Милое дитя мое, не весело перешагнуть чрезъ покойника,—да и вообще...

Ламуаньонъ (*всторону*). Покойника?.. Онъ, пожалуй, убьетъ меня!

Мольеръ (*обращаясь къ платьямъ*). Какіе это костюмы! Ахъ, да, вспомнилъ! Это должно быть траурныя платья для погребенія Тартюфа.

Маделена (*всторону*). Онъ откроетъ его! Боже мой! теперь...

Театральный слуга (*скоро говоритъ въ дверь*). Сей часъ его величество вошли въ ложу (*уходитъ*).

Всѣ. Король?!

Мольеръ. Въ пустой театр? Ничего! Пусть увидятъ, что дѣлаютъ лицедѣи съ его театромъ! Или Арманда — нѣтъ, нѣтъ, не хочу объ этомъ и думать... Ахъ! быть принуждену смѣяться, когда досада грызетъ сердце! Шутить сквозь слезы—это тоже такія представленія, за которыя, при входѣ, не платятъ денегъ, такія тайны театральнаго искусства, которыхъ не излѣдовалъ ни одинъ критикъ! (*хочетъ уйти. Стучатъ въ дверь*). Чтò это? кажется, стучать?

Арманда (*умоляющимъ голосомъ*). Мольеръ!

Ламуаньонъ (*всторону*). Боже! общество-то увеличивается.

(*Опять стучатъ*).

Арманда (*всторону*). Какое-то предчувствіе!.. Маделена, посмотри, кто тамъ?

Маделена. Мнѣ что-то страшно...

(*Стукъ опять*).

Мольеръ. Арманда! кто этотъ таинственный посѣтитель?

Арманда (*всторону*). Чтò, если—(*громко и рѣшительно*).

Мольеръ! я желала бы, чтобъ это былъ одинъ изъ моихъ прежнихъ обожателей.

Мольеръ. Арманда!

Арманда. Отъ чего же не такъ? Лионнъ или Лезевръ!

Мольеръ. А! или король!

Ламуаньонъ (*всторону*). Боже мой!...

Арманда. Да, въ наказаніе за твою ревность я желала бы, чтобъ это былъ король! я спрятала бы тебя здѣсь за платьями.

Ламуаньонъ (*всторону*). Я залѣзу въ какую-нибудь юбку.

Мольеръ. Арманда!... стало-быть вы все еще...

Арманда. Маделена, отвори дверь и оставь насъ! Мольеръ, твоя ревность безконечна;—должна же я тебя наконецъ вылечить!

(*толкаетъ Мольера за платья нальво*).

Мольеръ (*медленно подвигаясь*). Теперь мнѣ все ясно!

Арманда. Маделена, отвори дверь и оставь насъ.

Маделена (*идетъ медленно, оглядывается и отпираетъ дверь*). Вотъ путаница! Она чѣмъ-нибудь ужаснымъ кончится!

IV.

ЛЮДОВИКЪ XIV, прежніе.

Людовикъ (*входитъ закутанный*).

Маделена (*пугается и, поклонясь, уходитъ*).

Арманда (*всторону*). Король! я такъ и думала.

Ламуаньонъ (*всторону*). Онъ и есть!

Мольеръ (*всторону*). Такъ вотъ что!... А, змѣя!

Людовикъ (*въ глубинѣ сцены*). Чтѣжь вы тутъ дѣлаете? Хочешь въ первый разъ съ прїѣзду показать себя на сценѣ, ищешь Мольера, скучаешь отъ пустоты въ театрѣ... да тутъ тебѣ не рады... по неволѣ придешь къ намъ, Арманда, какъ бы ни противно было это госпожѣ Мольеръ.

Арманда (*кокетливо, мало обращая на него вниманія, и занимаясь своимъ гардеробомъ, всторону*). Вотъ трудная задача! (*громко*) Ваше величество, вы, какъ великій полководецъ, долго, кажется, сохраняете память мѣстности.

Людовикъ. Вы напоминаете мнѣ о проигранныхъ сраженіяхъ, госпожа Мольеръ?

Арманда. Ваше величество, какъ всегда, опережаете свой вѣкъ! Еще рано вести рѣчь о госпожѣ Мольеръ.

Людовикъ. Я сажусь, милая Арманда, на тотъ самый стулъ, гдѣ мнѣ пришлось ужъ такъ много наслушаться вашихъ проповѣдей. Это настоящее сѣдалище скорбящихъ.

Мольеръ (всторону). Именно — сѣдалище скорбящихъ!

Людовикъ. Арманда, вѣрно вы меня не ожидали сюда послѣ моего послѣдняго пораженія?

Арманда (отворачивается отъ него, жеманно). А я сію минуту думала, что ваше величество изволите читать Тартюфа.

Мольеръ (всторону). Да онъ въ него и не заглядывалъ!

Людовикъ. Да, я прочелъ уже заглавіе, названіе дѣйствующихъ лицъ и первую сцену! Кажется, это самая лучшая комедія вашего мужа.

Мольеръ (всторону). Неужели ужъ одну сцену прочелъ!

Арманда. Мольеръ прочиталъ бы вашему величеству всю пьесу въ два часа.

Людовикъ. Ей-Богу, я не могу слышать чтенія велухъ, у меня волненіе въ крови. Нѣтъ, нѣтъ, право я думаю, что когда-нибудь мы увидимъ еще Тартюфа на сценѣ.

Мольеръ и Ламуаньонъ (всторону). Развѣ по кончинѣ міра.

Людовикъ. Вы здѣсь однѣ?

Арманда. Нѣтъ, ваше величество, вокругъ меня вотъ платья, которыя жалуются и вздыхаютъ—эти пять чудесныхъ костюмовъ надѣялись завтра блистать въ Тартюфѣ.

Людовикъ. Жаль, право жаль! Вы должны быть удивительно хороши въ этой пьесѣ.

Арманда (холодно). Ваше величество не обратите большого вниманія на то, поправлюсь я, или нѣтъ.

Людовикъ. Какъ—такъ?

Арманда. Я вижу, слабый интересъ, который я имѣла счастье возбудить въ глазахъ вашего величества, давно исчезъ...

Людовикъ. Чувство дружбы и любви?

Арманда. Ахъ! неужели вы имѣли ко мнѣ когда-нибудь чувство, которое могло бы назваться этимъ именемъ!

Ламуаньонъ и Мольеръ (всторону). Какое кекетство!

Людовикъ. Арманда, вы обращались со мною всегда такъ холодно, что наконецъ это должно было оскорбить меня. Два года тому назадъ, когда Мольеръ въ тиши образовалъ вашъ талантъ, вы вступили на сцену. Игра ваша восхитила меня; я сталъ искать личнаго знакомства. Ваша любезность оковала мое сердце. Порою казалось,

что любовь моя васъ интересуеъ, порою встрѣчали вы мои пламенные стремленія самую рѣзкою холодностью — потомъ вдругъ опять, какъ будто, блеснула мнѣ надежда, — а теперь, — вы дѣлаетесь г-жею Мольеръ....

Арманда. Кто это вамъ сказалъ?

Людовикъ. Развѣ вы еще не рѣшились, Арманда? сердце ваше развѣ не...

Арманда. Мольеръ взялъ меня къ себѣ, какъ бѣдную сироту, воспиталь, любить меня, но онъ ревнивъ до такой степени...

Ламуаньонъ и Мольеръ (*всторону*). Да это, кажется, очень естественно.

Людовикъ. Какъ все тревожно здѣсь въ театральномъ домѣ! Мольеръ васъ ревнуетъ? Да къ кому же? Можетъ-быть, ко всѣмъ, однако едва ли ко мнѣ?

Арманда (*кокетливо*). Вашему величеству угодно оскорблять меня?

Людовикъ. Оскорблять? Арманда, сегодня въ васъ что-то есть, что меня болѣе чѣмъ когда-либо обнадеживаетъ.

Мольеръ (*всторону*). Она меня сума сведетъ.

Ламуаньонъ (*всторону*). Мнѣ бы только спастись — здѣсь есть чему поучиться.

Людовикъ. Я васъ спрашиваю, я спрашиваю васъ торжественно, Арманда: вы твердо рѣшились быть женой Мольера?

Арманда. Онъ нѣкоторымъ образомъ мой опекунъ... желаетъ этого... преслѣдуетъ меня, а въ жизни я совершенно одинока.

Людовикъ. О, Арманда! сохраните себя для тѣхъ, кто васъ любитъ! Примите сердце, отъ котораго тысячу разъ отказывались!... Вы молчите?

Мольеръ и Ламуаньонъ (*всторону*). Она молчитъ!...

Людовикъ. Зачѣмъ вы медлите, Арманда! о, говорите!... Можетъ ли быть защита сильнѣе королевской?... Вы не рѣшаетесь?

Мольеръ и Ламуаньонъ (*всторону*). Она не рѣшается.

Арманда. Ваше величество!... Эта внезапность... удивленіе... эта перемена обстоятельствъ.

Людовикъ. Я даю вамъ время — подумайте о томъ, чего я желаю... Я слышу шумъ... Развѣ мы не безопасны здѣсь?

Арманда. Начинается второе дѣйствіе балета, Мольеръ можетъ всякую минуту позвать меня.

Людовикъ. Я иду; но завтра дайте мнѣ знать, могу ли я говорить съ вами послѣ спектакля.

Арманда. Я завтра замучена пробами.. Мольеръ меня рѣшительно закидать ролями.

Людовикъ. Скажитесь больною.

Арманда. Онъ называетъ это театральною болѣзнию. Позвольте! Вотъ что я придумала: я вамъ дамъ знать во время игры...

Людовикъ. Во время игры?

Арманда. Публика часто не воображаетъ, что артистъ вмѣстѣ съ своей ролью, въ то же время играетъ другую еще съ кѣмъ-нибудь въ театрѣ.

Людовикъ. Безподобно!

Арманда. Завтра, послѣ спектакля, я приму ваше величество здѣсь, когда буду увѣрена, что Мольеръ не придетъ сюда. Мольеръ не приходитъ сюда, если я съ нимъ поссорюсь, поспорю. Мнѣ бы надо съ нимъ завтра сыграть сцену.

Людовикъ. Превосходно!

Арманда. Не задолго до представленія я начну съ нимъ споръ о костюмѣ и если хитрость удастся, тогда мнѣ можно будетъ...

Людовикъ. Вашимъ костюмомъ дать мнѣ знать?

Арманда. Костюмомъ?

Людовикъ. Въ случаѣ моего счастья, вы наденете голубой платокъ. Вы думаете — нельзя?

Арманда. Это не годится; къ завтрашней моей роли платокъ никакъ нейдетъ.

Людовикъ. Ну, такъ другой какой-нибудь знакъ.

Арманда. А платокъ былъ бы очень кстати, это чрезвычайно удобно.

Людовикъ. Да неужели нѣтъ пьесы, гдѣ бы можно было употребить платокъ?...

Ламуаньонъ (*вытягивается въ отчаяннѣи и предчувствіи*). Платокъ?

Арманда. Есть еще пьеса, гдѣ нуженъ голубой платокъ, это: школа женщинъ, да ее завтра играть нельзя — одинъ актеръ боленъ. Идуть... Боже!

Людовикъ (*толкнетъ ногою*). Да скажите же мнѣ: какую еще пьесу можно завтра играть, гдѣ нуженъ голубой платокъ?

Арманда. Ваше величество... Тартюфъ!

Людовикъ. Тартюфъ?

Арманда. Это единственная пьеса, гдѣ мнѣ можно употребить платокъ... ужъ звонили, нѣтъ ни минуты времени. Видите, государь, этого не можетъ быть...

Людовикъ. Чего не можетъ быть! Тартюфа не можетъ быть? хмъ, хмъ! Тартюфа не можетъ быть? Тартюфъ вѣдь готовъ — вѣдь эту пьесу хоть сію-минуту можно представить?

Арманда. Но подумайте... Тартюфъ!...

Людовикъ. Тартюфъ, конечно... конечно .. Тартюфъ... вчерашняя проклятая рѣчь Мольера къ публикѣ! Ламуаньонъ... смиренникъ... но турчанки... аркадскія пастушки не надѣваютъ платковъ... для платка надо бы играть Тартюфа...

Ламуаньонъ (*смотритъ въ оцѣпененіи всторону*). Что такое?

Мольеръ (*слѣдитъ за игрой Арманды съ восхищеніемъ*).

Арманда. Подумайте, ваше величество, какъ можно дать Тартюфа!

Людовикъ. Конечно, конечно, какъ вспомню, точно есть трудность! Ба! Да развѣ пострадаетъ оттого Франція, что будетъ играть Тартюфъ!..

Арманда. Врачи...

Людовикъ. Ну что же, врачи...

Арманда. Адвокаты...

Людовикъ. Что жъ, адвокаты...

Арманда. Неприличныя сцены съ платкомъ.

Людовикъ. Съ платкомъ? съ платкомъ! Я и забылъ совѣтъ! Это лучшая сцена во всей пьесѣ. Тутъ вамъ представляется самый удобный случай сказать мнѣ все, безъ малѣйшаго принужденія. Если платокъ будетъ желтый — такъ я не приду вечеромъ! Если голубой, значитъ хитрость удалась, значитъ у васъ была съ Мольеромъ сцена, значитъ онъ оставитъ васъ вечеромъ въ покоѣ, и я — счастливѣйшій изъ смертныхъ! Теперь я оставляю васъ! Прелесть ангель, обожаемая Арманда. (*Уходитъ. Арманда нѣжно провожаетъ его до двери. Лишь только онъ вышелъ, она хлопаетъ радостно въ ладоши*).

Мольеръ (*выходитъ, покраснѣвъ отъ радости и стыда*).

Арманда! возможно ли? ты спасла Тартюфа.

Арманда. Что скажешь теперь, ревнивецъ!...

Мольеръ. Ахъ, я не помню себя отъ восторга! Арманда! Небесное, чудное созданіе! пойдемъ скорѣй къ нашимъ собратіямъ — объявить имъ радостную вѣсть: Тартюфъ спасенъ! спасенъ любовью! (*оба уходятъ*).

(*Ламуаньонъ выпутывается изъ платьевъ и глядитъ въ оцѣпененіи кругомъ. Долгая пауза*).

ЛАМУАНЬОНЪ (*виль себя*). О небо!... Дѣло вѣрнѣйшаго расчета, общій трудъ ученыхъ, привилегированныхъ сословіи цѣлой Франціи — уничтожено, разрушено платкомъ, кокетствомъ комедіантки!

МАДЕЛЕНА (*быстро отворяетъ*). Вѣсть вы гдѣ! порядкомъ я за васъ потрусилъ. Въ театрѣ все въ радости и въ движеніи: Тартюфа позволили! (*За сценой угрожающій ропотъ*). Слышите ли этотъ шумъ?

ЛАМУАНЬОНЪ. Что это значить?

МАДЕЛЕНА. Сторожа видѣли того, кто, недѣлю тому назадъ, укралъ суфлерскую книгу Тартюфа, — говорятъ онъ здѣсь, — они его вездѣ ищутъ.

ЛАМУАНЬОНЪ. Еще этого не доставало

МАДЕЛЕНА. Боже! у меня какое-то предчувствіе, теперь понимаю я, отчего вы могли Тартюфа знать наизусть... несчастный!...

ЛАМУАНЬОНЪ (*трепещетъ*). Удивленіе къ Мольтеру... почитаніе генія... изученіе источниковъ.

МАДЕЛЕНА. Успокойтесь! я спасу васъ, потому-что вы были другомъ моихъ родителей (*скидываетъ съ него парикъ*). Этотъ парикъ можетъ завтра Мольтеръ надѣть въ Тартюфа! Вотъ плащъ! Вотъ тюрбанъ! (*Она надѣваетъ ихъ на Ламуаньона*). Подумають, что вы актеръ. Я проведу васъ подъ видомъ мусульманина чрезъ опасность.

ЛАМУАНЬОНЪ (*одѣтый туркомъ*). Ахъ! какъ мы далеко зашли! Правовѣрные должны рядиться мусульманами!

(*Оба уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ переднюю передъ королевской ложей. Спереди комната, въ родъ корридора, освѣщена люстрой. — Зеркало, кресло. Среди задней стѣны задернутый занавѣсъ. Если отдернуть его, то видны въ перспективѣ рампа королевской ложи и театръ. Вначалѣ занавѣсъ задернутъ.

I.

МОЛЬЕРЪ.

(*Входитъ одѣтый уже къ спектаклю Тартюфомъ. Онъ разительна похожъ на Ламуаньона и смотритъ въ зеркало*).

Маска хороша! я не желалъ избѣжать сходства съ президентомъ. Я ли это? Да, это я! Гдѣ Маделена откопала такой парикъ! Онъ какъ будто нарочно сдѣланъ для Тартюфа... Итакъ пришла минута, которую я такъ пламенно ждалъ, минута—не мщенія, нѣтъ, но воздаянія, отплаты. Съ трехъ часовъ ужъ публика тѣснится на улицахъ. У кассы полиція съ трудомъ удерживаетъ порядокъ. Мнѣ грустно, какъ воину предъ сраженіемъ.—Что, если Арманда, въ-самомъ-дѣлѣ, надѣнетъ голубой платокъ — нѣтъ, — нѣтъ, — она поможетъ мнѣ одержать побѣду въ войнѣ, которую я началъ для нея. Она—дочь Дюлесси! Ей обязанъ я этимъ сюжетомъ. Тамъ ложа принцевъ, здѣсь ложа короля. — Еще нѣсколько минутъ и любимцы соберутся въ этой залѣ (*приподнимаетъ занавѣсъ*). Оттуда смотритъ сегодня король на Эльмиру Дюлесси, трепещетъ — какъ я; — я еще хочу немного успокоиться и собраться съ духомъ. Да гдѣ же мнѣ меньше всего могутъ помѣшать, какъ не здѣсь! Не одинъ ужъ принцъ бралъ на себя роль актера; пусть же одинъ разъ актеръ попокоится хоть на креслѣ короля!

(Входитъ во внутренность ложи, занавѣсъ за нимъ опускается).

II.

ДЮБУА, ЛЕФЕВРЪ. Потомъ ШАПЕЛЬ. Наконецъ ЛЮННЬ и ДЕЛАРИВЪ.

ДЮБУА. Надо сбѣгать въ корридоръ... перевести духъ...

ЛЕФЕВРЪ. Театръ полнехонекъ до самого верху.

ДЮБУА. У кассы должно быть пропасть народу перетискано и переранено.

ЛЕФЕВРЪ. Доказательство, что врачамъ вовсе нечего жаловаться на Тартюфа.

ДЮБУА. При сатирѣ на адвокатовъ—я съ васъ глазъ не спущу.

ЛЕФЕВРЪ. Король хотѣлъ принять въ своей ложѣ всѣ денутации, которыя были противъ Тартюфа.—Наше несчастіе, по-крайней-мѣрѣ, приноситъ намъ большую честь! Ага! посмотрите: нашъ достойный другъ Шпель!

ДЮБУА. Онъ погруженъ, кажется, въ глубокія размышленія.

ШАПЕЛЬ (*входитъ, глубокомысленно считая по пальцамъ*).

ЛЕФЕВРЪ. Что ты — сборъ считаешь, почтенный другъ?

ДЮБУА. Или зрителей? я насчиталъ больше двухъ тысячъ чело-
вѣкъ.

ШАПЕЛЬ. Я рассчитываю: если все такъ продолжится, такъ
во сколько лѣтъ вкусъ во Франціи совершенно погибнетъ....

ДЮБУА. До-тѣхъ-поръ, покуда академики будутъ писать стихи,
можно, по-крайней-мѣрѣ, надѣяться, что не всегда театръ будетъ
такъ полонъ, какъ сегодня.

ЛЕФЕВРЪ (*иронически*). И вообразите себѣ, Дюбуа, сюжетъ
принадлежитъ Шапелю! ему первому пришла мысль вывести на сцену
ханжу.

ШАПЕЛЬ. Совершенная правда: это была моя оригинальная мысль.
(*Входятъ Лионнь и Деларивъ*).

ДЕЛАРИВЪ. Король скоро будетъ.

ЛИОННЬ. Онъ только-что подписалъ освобожденіе зачинщиковъ
безпорядка, они вѣдь заплатились Бастиліею — за страстную любовь
къ пьесѣ, отъ позволенія которой я до-сихъ-поръ еще не опомнился.

ШАПЕЛЬ. Къ счастью, лавочникъ Матье, по приказанію прези-
дента Ламуаньона, не попалъ въ это число. Онъ одинъ изъ самыхъ
опаснѣйшихъ клакѣровъ!

ЛЕФЕВРЪ. Ламуаньонъ? Такъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ,
со времени рѣчи Мольера къ публикѣ, относитъ Тартюфа къ одному
себѣ. Въ бумагахъ Матье нашлись доказательства, что Маделена
собственно называется — Дюплесси!

ЛИОННЬ И ДЮБУА. Дюплесси?

ЛЕФЕВРЪ. По имени того несчастнаго семейства, о которомъ съ
такою страстью говорилъ Мольеръ; также въ старыхъ актахъ открылъ
я, къ удивленію, что дѣти Дюплесси двѣнадцать или четырнадцать
лѣтъ вели упорный процессъ противъ Ламуаньона.

Всѣ. Ламуаньона?

ДЕЛАРИВЪ (*подходя къ занавѣсу*). Какъ безпокойна публика!
какой шумъ! подумашь, что...

III.

МОЛЬЕРЪ входитъ. Прежніе.

Всѣ. Президентъ!

ЛИОННЬ. Онъ и есть! Я удивляюсь, что вижу васъ въ театрѣ.

ДЕЛАРИВЪ. Королевскіе актеры никогда еще не имѣли чести
представлять... видѣть г. президента Ламуаньона.

ЛЕФЕВРЪ (*всторону*). Безъ сомнѣнія... онъ и есть Тартюфъ.

МОЛЬЕРЪ (*въ замѣшательствѣ*). Развѣ я представляю президента?...

ДЮБУА (*всторону*). Онъ принимаетъ намеки пьесы на себя... кажется онъ ужъ помѣшался...

ШАПЕЛЬ. Г. президентъ, будьте увѣрены, что я все сдѣлаю, чтобъ эту Мольерову сатиру разгромить въ пухъ во всѣхъ газетахъ, вы увидите, что во Франціи есть еще перья...

МОЛЬЕРЪ. Гусинья!...

ШАПЕЛЬ. Гусинья?

ЛІОННЪ (*всторону*). Въ-самомъ-дѣлѣ онъ, должно-быть, ужъ не въ своемъ умѣ. (*Громко*). Г. президентъ, развѣ участь семейства Дюплесси вамъ такъ близка къ сердцу!

ЛЕФЕВРЪ. Вѣдь, безъ сомнѣнія, вы знаете, что сегодняшняя молодая дебютантка, Маделена, одна изъ несчастныхъ дочерей Дюплесси?

МОЛЬЕРЪ (*випъ себя*). Неужели!...

ЛЕФЕВРЪ. Изъ буматъ Матье, которыя вы велѣли запечатать, видно, что вы въ домѣ родителей этой дѣвushки...

МОЛЬЕРЪ. Родителей?.. Маделена... сестра Арманды? Боже! я слышу звонокъ суфлера... первый знакъ... вѣсть о Маделенѣ... А! въ третьемъ дѣйствіи, милостивые государи, мы снова увидимся...

(*Уходитъ*).

ВСЪ (*смѣясь*). Мольеръ!

ШАПЕЛЬ. Мольеръ въ роли Тартюфа!

ЛІОННЪ. Удивительно! Живой президентъ!

ЛЕФЕВРЪ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, Ламуаньонъ—Тартюфъ, Ламуаньонъ (*всторону*)... ложный другъ Дюплесси.

ДЕЛАРИВЪ. Это будетъ величайшая изъ всѣхъ Мольеровыхъ ролей! Взгляните только на этотъ безконечно-полный театр! Подойдите сюда! на одну минуту только! (*поднимаетъ занавѣсъ*).

ВСЪ (*входятъ мало-по-малу осторожно въ ложу, но нейдутъ къ периламъ, однакожъ занавѣсъ за ними опускается*).

IV.

ЛАМУАНЬОНЪ (*входитъ осторожно*), потомъ прежніе.

ЛАМУАНЬОНЪ. Итакъ рѣшено, и сегодняшній вечеръ, безъ особаго чуда, не отодвинется назадъ. Весь Парижъ взволнованъ.

Все хотятъ видѣть смиренника на сценѣ. Слова сатиры замѣнены и въ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ намеки очень ясны, разразится страшный восторгъ! Друзья мои писали ужъ въ Римъ: запрещеніе комедіи скоро придетъ, но къ сегодняшнему вечеру... опоздаетъ... и все это... я бы выдалъ королю интригу, не открой я ее въ такомъ опасномъ мѣстѣ.—Онъ долженъ здѣсь проходить... если бъ у меня достало духу; здѣсь одно безопасное мѣсто въ театрѣ...

(Презніе выходятъ изъ-за занавѣсы).

Лионнь. А! Мольеръ! Развѣ еще рано?..

Деларивъ. Видь такого полного театра, Мольеръ, обворожительень...

Дюбуа. Эта толпа, кипящая ожиданіемъ...

Лефевръ. Вы, кажется, очень встревожены тѣмъ, что Маделена Бежаръ собственно Маделена Дюплесси...

Ламуаньонъ *(всторону)*. Боже! они принимаютъ меня за Мольера!

Шапель. Конечно, г. Мольеръ, вы не выдумывали этого сюжета. Я слышалъ, что вы намъ подарили, въ вашемъ Тартюфѣ, истинную исторію...

Ламуаньонъ. За кого вы меня принимаете?

Деларивъ. За величайшаго комическаго поэта Франціи, за вѣрнѣйшаго живописца нравовъ своего времени, за образецъ для позднѣйшихъ столѣтій.

Лионнь. Дѣ, Мольеръ, если бъ вы пощадили полицію...

Дюбуа. Если бъ вы пощадили врачей...

Лефевръ. Если бъ вы, Мольеръ, пощадили нотаріусовъ...

Шапель. Мольеръ, если бъ вы пощадили академикомъ...

Ламуаньонъ. Милостивые государи! я — президентъ Ламуаньонъ!

Лионнь. Но такъ разительпо похожи...

Деларивъ. Неподражаемо скопированъ!

Дюбуа. Васъ встрѣтитъ громъ рукоплесканій!

Лефевръ. Страхъ, замѣшательство злодѣя такъ вѣрно выражены у васъ на лицѣ; думаешь, что вы стоите возлѣ маленькой крестьянки и разговариваете о Лиможской бумажной промышленности...

Ламуаньонъ. Вы хотите меня съума свести?

Дюбуа. Это изступленіе ярости вамъ будетъ очень къ лицу, когда ваши безсовѣтные дѣла въ домѣ Дюплесси выйдутъ наружу,

когда духъ обманутой Адели, голоса безпомощныхъ дѣтей, принужденныхъ вами искать себѣ пропитанія на сценѣ...

(За сценой начинается увертюра).

ДЕЛАРИВЪ. Начинается увертюра...

Всѣ *(всторону)*. Король!

V.

ЛЮДОВИКЪ и прежніе *(всѣ глубоко кланяются)*.

Людовикъ *(ходитъ, скрестивши на груди руки, въ большомъ волненіи взадъ и впередъ)*. Добрый вечеръ, господа!.. ахъ! Ламуаньонъ.. здравствуйте Ламуаньонъ!.. какъ вы попали сюда? Сколько люди припомнить могутъ, — васъ никогда не видали въ театрѣ...

Лионнъ. Государь, это Мольтеръ — въ роли Тартюфа...

Ламуаньонъ *(всторону)*. Я погибаю...

Дюбуа. Мы всѣ начинаемъ слѣдовать возвышенному примѣру вашего величества, — помирились съ Тартюфомъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ Мольтеръ выбралъ такую разительно-схожую характерную маску.

Ламуаньонъ. Государь!

Людовикъ. Это правда. Какимъ бы образомъ президентъ попалъ въ грѣховный театръ? обманъ удивителенъ! *(всторону)*. Это Мольтеръ; — у меня ятъ духу смотрѣть ему въ глаза *(громко)*. Господа, войдемте въ ложу!

Шапель. Государь, какая честь!

Людовикъ. Всѣ, всѣ бывшіе враги Тартюфа! Мольтеръ, идите теперь къ своему дѣлу! Вы, кажется, разстроены? не было ли у васъ какой-нибудь маленькой неприятели за кулисами? Пойдемте, господа! ваши враги, Мольтеръ, принуждены будутъ, смотря на меня, по моему примѣру, аплодировать. *(Онъ идетъ впередъ и лишь только подходитъ къ рампѣ, раздается громъ рукоплесканій. Увертюра превращается въ шумъ и потомъ умолкаетъ)*.

Дюбуа. А! аплодируютъ за то, что пьеса позволена *(идетъ всльдъ)*.

Шапель. Пойдемте всѣ вмѣстѣ, чтобъ намъ всѣмъ вмѣстѣ аплодировали! *(Прочіе идутъ впередъ. Занавѣсъ остается открытымъ)*.

ЛАМУАНЬОНЪ (*одинъ впереди, смѣется смѣхомъ отчаянія*). Ха, ха, ха, ха! Они принимаютъ меня за Мольера! И Дюплесси между ними и запоры съ моихъ сокровищницъ спадаютъ и обвиняютъ меня!.. Сцена началась... я ужъ слышу убійственные стихи... теперь выйдетъ Эльмира... Какъ король наклоняется чрезъ рампу... начинается сцена съ платкомъ (*извъя аплодируютъ*). Хлопайте! Вы ужъ попробовали моей крови... жажда растетъ... дальше, дальше!.. Увидимъ, чьи зубы лучше. Еще секунда и Эльмира выйдетъ (*аплодируютъ еще сильнѣе*). Га! это она! Король наклоняется... платокъ...

Людovicъ (*вдругъ встаетъ и идетъ медленно впередъ. Прочіе пропускаютъ его и группируются въ почтительномъ отдаленіи*).

ЛАМУАНЬОНЪ (*прижимается совсѣмъ къ сторонѣ*). Платокъ... желтый!..

(*Большая пауза*).

Лионнъ (*всторону*). Что-нибудь оскорбило Короля!

Дюбуа (*всторону*). Можетъ-быть намекъ...

Шапель (*всторону*). Или дурной стихъ...

ЛАМУАНЬОНЪ (*про себя*). Платокъ былъ желтый!

Деларивъ. Ваше величество, не изволите ли чего приказать?

Лионнъ. Языкъ пьесы не кажется ли вашему величеству слишкомъ свободнымъ?

Шапель. До-сихъ-поръ, я насчиталъ уже шесть фальшивыхъ рѣмъ.

Лионнъ. Вашему величеству не угодно ли прекратить...

Лефевръ Приказать...

Людovicъ (*садится и опирается головой на руку*). Ужасно! ужасно, если она меня обманула!

ЛАМУАНЬОНЪ (*злобно всторону*). Ха, ха! костюмъ неудаченъ... желтый платокъ... (*въ театръ аплодируютъ*).

Лионнъ. Прикажете, ваше величество? я скажу, чтобъ сію-минуту опустили занавѣсъ.

Шапель. Дѣ! Людovicъ XIV—все-таки Людovicъ XIV!

Людovicъ. Шапель! это гениальнѣйшая мысль, которую вы когда-либо произносили? Чтò это? Мольеръ? Вы еще здѣсь?

Ламуаньонъ. *(Собирается съ духомъ, говоритъ рѣшительно)*. Государь, позвольте мнѣ осмѣлиться сообщить вамъ...

Людовикъ. О чемъ?

Ламуаньонъ. Объ одной гардеробной принадлежности, о платкѣ Эльмиры.

Людовикъ. Какъ? вы знаете?.. Господа *(показываетъ на ложу)* идите дальше! оставьте насъ однихъ!

(Все кланяются и идутъ въ глубину ложи).

Ламуаньонъ. Государь, разрешите меня отъ этого жестокаго недоразумѣнія! Я—президентъ Ламуаньонъ?

Людовикъ. Въ-самомъ-дѣлѣ! Дѣ, ей Богу, вы—Ламуаньонъ... Что вы знаете про Эльмиру?

Ламуаньонъ. Благородное чувство Людовика обмануто кокетствомъ женщины... Чтобъ только сдѣлать возможнымъ представленіе Тартюфа, изобрѣли хитрость.

Людовикъ. Какъ? Для того-то и требовала Арманда...

Ламуаньонъ. Знака голубымъ платкомъ!

Людовикъ. Ужасно! невыносимо! Да откуда жъ вы все это знаете?

Ламуаньонъ. Я познакомился случайно съ той молодой дебютанткой, что сегодня въ первый разъ...

(За сценой аплодируютъ).

Людовикъ. Чему тамъ опять аплодируютъ?

Дюбуа *(отвѣчаетъ изъ ложи)*. Выходу молоденькой Бежаръ—Дюплесси.

Ламуаньонъ. Молодой дѣвушки, которая поручена Шапелемъ моему покровительству.

Людовикъ. Шапелемъ? Вы протезируете молодой дебютанткѣ? Она-то и выдала хитрость Арманды?..

Ламуаньонъ *(всторону)*. Она теперь играетъ... Бояться мнѣ нечего! *(громко)*. Ваше величество.

Людовикъ. Ужасно!.. Я думаю—это она говоритъ—или другая? У малютки, кажется, прекрасный голосъ.

Ламуаньонъ. Вашему величеству угодно, чтобы представлѣніе было прекращено?

Людовикъ. Обмануть! предантъ!.. Странно, что мнѣ не представили эту маленькую Маделену (*аплодируютъ*). Она, кажется, нравится?

Ламуаньонъ. Пьесу, вѣдь, не будутъ играть далѣе?

Людовикъ (*всторону*). Безсовѣстно, безсовѣстно! (*громко*). Деларивъ, что, есть у малютки талантъ?

Деларивъ. Превосходный! увлекательный!

Ламуаньонъ. Государь, пьеса, вѣдь, кончится?

Людовикъ. Послѣ этого дѣйствія! естественно! однакожъ, мнѣ жаль Маделену Бежаръ; — отчего это у ней двойное имя—Дюплесси?..

Ламуаньонъ. Опустить занавѣсъ?

Людовикъ. Нѣтъ еще!

Ламуаньонъ. Не правда ли, завтра напишутъ въ журналахъ: пьеса была играна до конца перваго акта, но его величество оставили свою ложу послѣ первой сцены?

Людовикъ. Безъ сомнѣнія! Это самый лучшій предлогъ!

(*За сценой аплодируютъ*).

Ламуаньонъ. О дьявольскія руки!

Людовикъ. Деларивъ, нравится она?

Деларивъ. Сцена? Всѣмъ, всѣмъ, государь.

Людовикъ. Хорошо она костюмирована?

Деларивъ. Кто? сцена?

Людовикъ. Нѣтъ! новая дебютантка.

Деларивъ. На ней голубой платокъ.

Людовикъ (*встаетъ*). Голубой платокъ? Вотъ какъ! Эта Маделена должна быть прелестна; она кажется такая миленькая, наивная.

Ламуаньонъ. Государь, прикажите карету?

Людовикъ. Президентъ! я всегда охотно наблюдаю за развитіемъ молодыхъ талантовъ (*аплодируютъ*). Она должна превосходно играть. Жестоко было бы, еслибъ я захотѣлъ оскорбить ее и уѣхать теперь! Президентъ, покажѣть не нужно статьи въ журналахъ!

Ламуаньонъ (*внѣ себя*). Но государь!....

Людовикъ. Деларивъ! (*Деларивъ приходитъ изъ ложи*). Я вотъ что думаю: прѣехали мы сюда, чѣмъ еще заняться—не знаемъ; не лучше ли досмотрѣть пьесу до конца? А?

Деларивъ. Взоры всѣхъ, полныя ожиданія, обращены къ ложѣ вашего величества.

Людовикъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, не для пьесы, не для злой Арманды, не для Мольера, а только, чтобъ не огорчить дебютантку — плти? Какъ вы думаете!..

Деларивъ. Какая нѣжность! Какое одушевленіе! Маделена, кажется, затмитъ Арманду въ своей роли.

Людовикъ. Ахъ, вѣдь я желаю счастья всему свѣту, хотя бы въ ущербъ себѣ! Маделена — должно-быть замѣчательный талантъ! Я готовъ покровительствовать художествамъ... Господа, пойдемте! Я хочу досмотрѣть пьесу до конца! (*Уходитъ въ ложу. Всѣ слѣдуютъ за нимъ; занавѣсъ опускается*).

V.

ЛАМУАНЬОНЪ, послѣ **МОЛЬЕРЪ**, потомъ **АРМАНДА**, **МАДЕЛЕНА** и **МАТЬЕ**, наконецъ **ЛЮДОВИКЪ** и прежніе.

Ламуаньонъ (*одинъ*). Все пропало! Все погибло! Я осужденъ, по неволѣ, жить въ потомствѣ и быть посмѣшищемъ позднѣйшихъ поколѣній!.. Бѣжать ли мнѣ?.. остаться ли? смотрѣть ли на самага себя?..

Мольеръ. (*Быстро входитъ въ костюмъ Тартюфа*).

Ламуаньонъ (*видитъ себя въ Мольеръ*). Га! кто ты человекъ? чего ты отъ меня хочешь?.. прочь, привидѣніе! оставь меня!..

Мольеръ. Узнаешь ли ты меня? чувствуешь ли, кто я? совесть твоя — вотъ кто я? я хотѣлъ показать свѣту тебя и тѣнь твоей несчастной жертвы! Смотри: тамъ внизу стоитъ Дюплессен, подъ именемъ Оргонта, Эльмира, жена его, которую ты склонилъ къ постыднѣйшей невѣрности; женскіе голоса, долетающіе до твоего уха, — голоса дѣтей Адели, которыя брошены тобой во мракъ жизни и должны встрѣтиться сестрами и узнать другъ друга, тогда-какъ злодѣянія твои выставлены будутъ на Божіей свѣтъ! Смот-

ри, такъ, какъ я здѣсь стою, — твоя тѣнь, твой образъ, — такъ я выступлю теперь передъ толпу и восторгъ встрѣтитъ — не Мольера, не Тартюфа, но — президента Ламуаньона!

МАТЬЕ. *(Ведетъ подѣ руки Маделену и Арманду. Арманда несетъ въ рукѣ блокурый парикъ и какое-то платье, которое послѣ нужно Мольеру).*

МАТЬЕ. Слава Богу, Мольеръ! я пришелъ еще во время! это стоило мнѣ 3000 ливровъ поручительства!

МАДЕЛЕНА. Такъ мы вамъ обязаны запрещеніемъ, краденными суффлерскими книгами, Бастиліей, уроками мимики?.. Гадкій человекъ! Если бѣ вы не подарили мнѣ сестры *(обнимаетъ Арманду)*...

МОЛЬЕРЪ. Вотъ обѣ наследницы богатства, похищенного тобою у жертвы твоего лицемерія и коварства! Общаешь ли ты возвратить Маделенѣ 30,000 ливровъ?

ЛАМУАНЬОНЪ. 30,000?.. какая мнѣ теперь будетъ отъ этого польза?..

МОЛЬЕРЪ. Потомъ, общаешь ли ты мнѣ — долю Арманды, отъ которой она отказывается, потому-что я, благодаря музамъ, могу прочитать ее; общаешь ли ты назначить эти 30 т. ливровъ для того, чтобъ увѣковѣчить во Франціи талантъ — изобличать пороки, — употребить ихъ на учрежденіе театральной академіи?..

ЛАМУАНЬОНЪ. Какое посярленіе!

МОЛЬЕРЪ. Въ такомъ случаѣ смотри, что я сдѣлаю: изъ благодарности къ тебѣ за идею, которую ты, невольно, далъ мнѣ для пьесы, я не хочу, чтобъ сказали: смотрите, вотъ президентъ Ламуаньонъ! Пусть Мольеръ докажетъ, что его сердце благороднѣе твоего! Вотъ платокъ, котораго ты не носишь; вотъ голова, не похожая на твою! *(Быстро надѣваетъ блокурый парикъ и повязываетъ около пояса кушакомъ голубой платокъ).*

ЛАМУАНЬОНЪ. Какъ?.. Что?... меня не узнаютъ?..

МОЛЬЕРЪ. Дѣла твои узнаютъ! но особу твою хочу я пощадить *(Слышитъ извнѣ громкій аплодисментъ)*. Слышишь ли, какъ ужъ они тебя ждуть? поклянись исполнить мое требованіе — и я выйду такъ, какъ теперь здѣсь стою!

ЛАМУАНЬОНЪ. Клянусь свѣтомъ истины...

МОЛЬЕРЪ, АРМАНДА и МАДЕЛЕНА.

Браво, Тартюфъ!

Людовикъ. (который уже прежде смотрѣлъ чрезъ отдернутый занавѣсъ, выходитъ съ прочими). Нѣтъ, Нѣтъ! не кланитесь такъ, Ламуаньонъ! Кланитесь врагомъ лжи! Что я долженъ былъ слышать? Мольеръ, вы оказали великодушіе такому чело-вѣку, который никогда его не заслуживалъ!

Ламуаньонъ (всторону). Ахъ! Это послѣдній день мо-ей жизни!

Людовикъ. Я все слышалъ, что здѣсь было сказано и чего не понялъ — объясняютъ эти господа! Ламуаньонъ! такъ *это* смиреники, желающіе управлять всеми своимъ моральнымъ вліяніемъ? Вы, подлинникъ Тартюфа, никогда не ищите быть при-ближеннымъ государя, который удаляетъ лицемѣровъ навсегда отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ! Дальнѣйшая ваша служба мнѣ не нужна.

Ламуаньонъ. Государь, умиосердитесь.

Людовикъ. Никогда! сію-же минуту сложите ваше досто-инство. (къ прочимъ)... Такъ двѣ сестры (подходитъ къ Ма-деленѣ и внимательно ее разсматриваетъ). Прекрасная Ма-делена! Желаю вамъ быть такою же великою артисткою, какъ Арманда, только артисткою — на сценѣ а не... (съ упрекаю-щимъ видомъ, обращаясь къ Армандѣ) за кулисами!

Арманда (умоляющимъ голосомъ). Государь!..

Людовикъ. Хорошо! хорошо! я беру Маделену подъ свое покровительство. А вы, Мольеръ... Господа, я поставляю себѣ въ удовольствіе именно теперь, изъ главной ложи, показать Фран-ціи, что я, въ лицѣ Мольера, уважаю искусство изобличенія его враговъ, свободу благородныхъ мыслей и совѣсти. За мной (ухо-дитъ направо отъ зрителей).

Шапель. Въ большую главную ложу! (Поспѣшно уходитъ).

(Лионнъ, Дюбуа, Лефевръ и Деларивъ идутъ за королемъ).

Матье. Ахъ, г. бывший президентъ! Я теперь пойду въ раекъ и отпущу вамъ Бастилію — хлопаньемъ во всехъ тѣхъ мѣ-стахъ, гдѣ намѣкается на васъ!

Мольеръ. Помните условія!.. или завтра, при первомъ по-

втореніи Тартюфа, представлю я волка въ его настоящей шкурѣ.
Друзья мои, сестры мои, къ рампамъ!

Матъе. А я въ раекъ! (*Всѣ четверо уходятъ влѣсть въ одну сторону*).

Ламуаньонъ (*одинъ*). Идите, идите себѣ! На сценѣ я нѣсколько выигралъ, а для жизни все прошло! Да постоитъ, подождетъ еще! Намъ можно прогнать, какъ волковъ, а мы опять вотремся лицами! Мстите, мстите! Я тоже отомщу! Завтра же ѣду въ Римъ и, для вашей общей гибели, вступаю въ Орденъ Іезуитовъ. (*Уходитъ*).

Занавѣсъ опускается.

2027-7080

ПАНТЕОНЪ

выходить съ марта мѣсяца, ежемѣсячно, въ первыхъ числахъ. Онъ состоитъ изъ **12** книжекъ, въ **25** печатныхъ листовъ каждая, съ **12** нумерами «**РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ.**» Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фотолитографическіе портреты:* русскихъ знаменитыхъ лицъ, писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

15 р. съ пересылкою или доставкою на домъ **16** р. **50** к.

**ПОДПИСКА НА 1856 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
исключительно**

Въ *С. Петербургъ:* въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, въ Большой Морской, въ домѣ Коссиковой.

Въ *Москву:* въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому справедливому его требованію. За подписку же, принятую гдѣ бы то ни было въ *другихъ мѣстахъ*, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Всѣ лица подписывающіяся на Пантеонъ текущаго года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ**, КОГДА-БЫ ОНИ НИ ПОДПИСАЛИСЬ.

Цѣна за полное изданіе Пантеона за 1852, 1853, 1854 и 1855 годы:— съ пересылкою 20 р. сер. за каждый годъ. Для новыхъ подписчиковъ, желающихъ укомплектовать все изданіе, цѣна за каждый годъ остается 16 р. 50 коп. А кто пожелаетъ взять всѣ годы вмѣстѣ 50 р. с. за всѣ, а за пересылку прилагается 10 р. с.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю Федору Алексѣевичу Коню, адресуя письма на его имя: «въ *С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домъ Лыткина.*»